

С.П. Брюн

**РОМЕИ И ФРАНКИ
В АНТИОХИИ, СИРИИ И КИЛИКИИ
XI - XIII вв.**

ТОМ II

С.П. Брюн

РОМЕИ И ФРАНКИ
В АНТИОХИИ, СИРИИ И КИЛИКИИ
XI—XIII вв.

*К истории соприкосновения латинских
и византийских христиан на рубежах востока*

ТОМ II

Москва

МАСКА

2015

УДК 882

ББК 84 (2Рос-Рус) 6

Б89

Б89 С.П. Брюн

Ромеи и франки в Антиохии, Сирии и Киликии XI-XIII вв. К истории соприкосновения латинских и византийских христиан на рубежах Востока / С.П. Брюн. М.: ООО «ИПЦ „Маска“», 2015 — 638 с.

ISBN 978-5-905379-75-8

ISBN 978-5-905379-77-2

Монография посвящена Сирии и Киликии эпохи крестовых походов (XI-XIII вв.) — как уникальному и малоизученному центру соприкосновения латинского Запада и византийского Востока. Впервые предпринята попытка объединить, в рамках единого исследования, историю церковных, военных, дипломатических, экономических и культурных контактов латинян и православных христиан (ромеев, мелькитов, грузин, армян-халкидонитов), связанных с Антиохией, Эдессой, киликийскими и северо-сирийскими государствами «Заморской земли» (княжеством Антиохийским, графством Эдесским, графством Триполи, королевством Киликийской Армении). Данная книга представляет собой достаточно разностороннее исследование, включающее подробную историю ромейских и франко-нормандских военных кампаний в Сирии и Киликии, описания городов, церквей и монастырей Леванта, обзор и анализ различных форм соприкосновения латинских и византийских христиан в сфере церковной, политической и культурной жизни средневековой Сирии и восточного Средиземноморья. Автор опирается на широкий круг источников — от средневековых хроник, посланий и хартий, до многочисленных монографий и публикаций западных и отечественных исследователей XIX-XXI вв.

Книга предназначена для широкого круга читателей, интересующихся историей Византии, Латинского Востока, крестовых походов, межхристианских отношений, церковной историей.

УДК 882

ББК 84 (2Рос-Рус) 6

Б89

ISBN 978-5-905379-77-2

© С.П. Брюн, 2015

ТОМ II

*Соприкосновение латинян
и христиан-ромеев
в Сирии и Киликии XII-XIII вв.*

Церковь, история, секулярная культура

Глава I

Единство и разделение кафолических христиан востока. Церковь франкской Сирии

I. Великая схизма и восточные Патриархаты

*Проблемы восприятия «великой схизмы 1054 г.».
Рим, Константинополь, восточные Патриархаты*

Невозможно приступать к рассмотрению взаимоотношений латинской Церкви с клиром и паствой восточных православных Патриархатов в Леванте XI-XIII вв. не обратившись вначале к проблеме «великой схизмы 1054 г.». К сожалению, приходится вновь и вновь напоминать, что т. н. «схизма 1054 г.» отнюдь не осознавалась современниками как некий решающий разрыв в весьма турбулентных отношениях Римской и Константинопольской Церквей.

Разрыв в евхаристическом общении между папой римским и вселенским патриархом фактически существовал с 1009—1014 гг. Последним римским понтификом, фигурировавшим в константинопольских диптихах и поминавшимся за литургией Вселенским Патриархом, был Папа Иоанн XVIII (1004—1009 гг.). Имя его преемника — Папы Сергия IV (1009—1012 гг.) не было внесено в константинопольские диптихи по неясным причинам¹. Преемник Сергия IV — Папа Бенедикт VIII впервые ввел *filioque* в богослужение римских церквей (во время коронации священно-римского императора Генриха II Святого, в 1014 г.), что может трактоваться как официальный повод для последовавшего разрыва

¹ На этот счет существуют некоторые разночтения. См. ниже, С. 100—105.

в евхаристическом общении между Римом и Константинополем; однако и это не значит, что именно это событие осознавалось бы современниками как повод к решающему разрыву. Константинопольский синод 1089 г., проходивший под председательством Вселенского Патриарха Николая III Грамматика, отметит, что имена римских понтификов не включались в диптихи «по небрежению», без какого-либо четкого основания или соборного постановления. Что касается «великой схизмы 1054 г.», то взаимные анафемы кардинала Гумберта и Вселенского Патриарха Михаила I Керулария представляли собой скорее скандальный провал переговоров о восстановлении полноценного церковного общения Рима и Константинополя, нежели событие, после которого чада Единой Церкви на следующий же день проснулись разделенными на «православных» и «католиков»². Подобное утверждение было бы неприемлемо даже к епархиям Константинопольской Церкви XI в.³

Тем более отказ от взаимного поминовения Папы Римского и Вселенского Патриарха нельзя воспринимать как событие, которое автоматически привело к разрыву евхаристического общения латинских христиан со всей Православной Церковью, в особенности — с восточными Патриархатами Александрии, Антиохии, Иерусалима, Мцхеты. Предстоятели этих церквей, сохраняя единство и теснейшие связи с Константинополем, определенно продолжали поддерживать и некую форму общения с латинскими христианами и Римом. О том, что восточные Патриархи продолжали поддерживать общение с Римской Церковью, прямо свидетельствует послание Вселенского Патриарха Михаила Керулария Патриарху Петру III Антиохийскому. «До наших ушей дошел слух о том, что

² Рансимен С. Восточная схизма... гл. 2—3, С. 34—63; Hamilton B. The Latin Church in the Crusader States... с.1, Р. 1—5. Следует также указать на вышедшую в 2007 г. работу Ж.-К. Шейне: Cheynet J.-C. Le schisme de 1054: un non-événement? // Faire l'événement au Moyen Âge. — Aix-en-Provence, 2007. — Р. 299—312.

³ В этом отношении крайне показательно положение Киевской митрополии Вселенского Патриархата. Митрополит Иоанн II Киевский мог осуждать латинян за использование азимов и прочие уклонения от «ортодоксии», но при этом его паства готова была с великой радостью праздновать «перенесение мощей Св. Николая», вывезенных теми же латинянами из пределов Константинопольской Церкви в пределы Церкви Римской, более того — в сердце итало-нормандских владений. Об установлении празднования перенесения мощей Св. Николая и восприятия этого события на Руси XI-XII вв. см. работы отца Джерардо Чоффари. См. Cioffari G.S. Nicola nella critica storica. — Bari, 1987; Cioffari G. La Traslazione di S. Nicola. Nelle fonti Latine dell'XI secolo E nelle fonti Russe // Материалы с международной научной конференции «Святитель Николай в византийской, славянской и русской литературе и иконографии. — М.: 2013.

Ты поминаешь папу, и то же делают Александрийский и Иерусалимский (Патриархи)»⁴. При этом Вселенский Патриарх сетует на то, что подобное «невежество» несовместимо «с несравненным благочестием» Антиохийского Патриарха. Однако вряд ли эти увещевания Керулария имели какие-либо последствия для восточных патриархов. Православные Сирии, Палестины, Египта и Иверии явно не спешили присоединиться к схизме.

Рим и Иерусалим

Иерусалимские Патриархи продолжали принимать многочисленные потоки западных паломников и, очевидно, распространяли свою архипастырскую власть на латинские госпитали и капеллы в Палестине. В латинских источниках православные Патриархи Святого града, занимавшие кафедру до учреждения в 1099 г. латинского Патриархата, фигурируют исключительно как полноправные архипастыри Иерусалимской Церкви. В 1083 г., в разгар первого нормандского вторжения на Балканы, император Алексей I Комнин направил во главе посольства к Роберу Гвискару и его сыну Боэмунду именно Иерусалимского Патриарха Евфимия. Рансимен в своей монографии, посвященной разделению Церквей, обращает особое внимание на этот факт, отмечая, что Патриарх Иерусалимский сохранял «особые отношения с Западом» и что василевс верно рассчитал, что итало-нормандцы «отнесутся с уважением к его сану»⁵. Сохранилась подпись самого Патриарха Евфимия на послесловии к типикону монастыря Успения Божьей Матери Петрицони (ныне более известного как Бачковский монастырь)⁶, в которой иерусалимский первосвятитель упоминает о том, что находился некоторое время в Фессалониках по приказу василевса, «с целью заключения мира с разбойником Франком», то есть Боэмундом⁷.

⁴ Michaelis Cerularii. Epistolae // PG. Vol.120. — с.787—788. Александрийским Патриархом в этот период, если отталкиваться от современных диптихов Александрийской Церкви, был Леонтий, занимавший престол в 1052—1059 гг.; Иерусалимским Патриархом был, вероятно, Иоанникий, упоминания о котором относятся к 1020—1082 гг.

⁵ Рансимен С. Восточная схизма... — С. 58.

⁶ Прославленная, первоначально — грузинская обитель в византийской Фракии, основанная одним из армяно-ивирских полководцев Алексея I Комнина — Григорием Пакурианом.

⁷ Безобразов П. Материалы для истории Византийской империи // Журнал Министерства народного просвещения. — 1887. — №254. — С. 76—77. См. также: Yewdale R.B. Bohemond I, Prince of Antioch... с.2, Р. 21.

Преемник Патриарха Евфимия — Патриарх Симеон II открыто лавировал между свойственным Константинополю осуждением *filioque* и азимов, и сохранением общения с чадом Римской Церкви. Симеон II мог, с одной стороны, составлять трактат, осуждающий практику использования азимов⁸, но при этом отказывался принимать сколь-либо жестких мер против латинских пилигримов, которым продолжал оказывать пастырское гостеприимство и окормлять у Гроба Господня, невзирая на возраставшее негодование и давление со стороны Константинополя⁹. В годы Первого крестового похода Патриарх Симеон II установил тесные связи с франками и папским легатом Адемаром Монтейльским, о чем подробно будет сказано ниже. Альберт Аахенский именует Симеона II «Патриархом и служителем Святого и Почитаемого Гроба Господня» (*Patriarcha uero et sacerdos uenerabilis Sepulchri dominici*) и «христианнейшим патриархом» (*Christianissimus patriarcha*)¹⁰. Подобные слова латинского хрониста были бы неприменимы к Иерусалимскому Патриарху, если бы на Западе к нему относились бы как к «греческому схизматику».

⁸ Трактат Симеона II, осуждающий совершение евхаристии на опресноках, см. Leib B. Deux inédits byzantins sur les azymes au début du xii siècle // *Orientalia Christiana*, vol. IX. — Roma, 1924. — P. 85—107. См. также: Рансимен С. Великая схизма... гл. 3, С. 61—63.

⁹ Посланию Вселенского Патриарха Николая III Грамматика, обращенного к Патриарху Симеону II Иерусалимскому, в котором константинопольский первоиерарх жестко осуждает латинян и призывает своего иерусалимского собрата принять более жесткие меры против неподобающих обрядов латинских пилигримов, посвящено исследование В. Грумеля. См. Grumel V. Jérusalem entre Rome et Byzance. Une lettre inconnue du patriarche de Constantinople Nicolas III à son collègue de Jérusalem (vers 1089) // *Échos d'Orient*, Tome 38. — 1939. — №193—194. — P. 104—117. При этом Грумель приходит к выводу, что Патриарх Симеон II явно не стремился принимать жестких мер против притекавших в Палестину латинских христиан, довольствуясь единством веры и идя на компромисс в вопросах обряда. См. *Ibid.* — P. 116. В итоге Симеон II все же составил трактат, осуждающий практику использования азимов, и то лишь в рамках пастырского наставления и полемики с амальфитанским клириком Лаиком, выступившим с осуждением византийской традиции совершения евхаристии на квасном хлебе. Трактат Симеона II, осуждающий совершение евхаристии на опресноках, см. Leib B. Deux inédits byzantins sur les azymes au début du xii siècle // *Orientalia Christiana*, vol. IX. — Roma, 1924. — P. 85—107. См. также: Рансимен С. Великая схизма... гл. 3, С. 61—63.

¹⁰ Alberti Aquensis. *Op.cit.* — Lib I, c.3, P. 4—5; Lib. VI, c.39, P. 452—453.

Рим и Александрия

Православные Патриархи Александрии и мелькиты Египта продолжали поддерживать молитвенное и вероятно даже евхаристическое общение с латинянами вплоть до XIII в. Абу-ль-Макарим, составляя свой труд о церквях и монастырях Египта, приводит подробные описания нескольких церквей, которые мелькиты разделяли с латинскими общинами, в частности — с итальянскими факториями. Александрийская церковь Св. Николая была разделена между местной мелькитской общиной и факторией Пизанской торговой республики. Еще одна церковь, в районе Купа, на востоке Александрии, мелькиты делили с генуэзской факторией¹¹. Конечно же, разделение храмового пространства далеко не всегда свидетельствовало о единстве вероисповедания. К примеру, в Египте были и храмы, разделенные между коптскими, мелькитскими и армянскими общинами. Однако Абу-ль-Макарим особо отмечает и места общей молитвы и сослужения мелькитов и латинян, к примеру — у передвижного престола Пресвятой Богородицы в Каире¹². Другим местом сослужения «румов и франков» в Египте была церковь Св. Николая, бывшая каирской резиденцией Александрийского Патриарха¹³.

В 80—90-х гг. XII в. Патриарх Марк III Александрийский испрашивал знаменитого константинопольского канониста Феодора Вальсамона о возможности причастия пленных франков, томившихся в Египте. И неизвестно, придерживался ли он, а также его архиереи и клир решительного запрета, высказанного Вальсамоном¹⁴. Даже в XIII в., не только после «Великой схизмы» (1054 г.), но и после разорения Константинополя крестоносцами (1204 г.), преемник Марка на Александрийском патриаршем престоле — Патриарх Николай I поддерживал весьма дружественную переписку с римским Папой Иннокентием III и даже направлял своего апокрисиария (представителя), патриаршего диакона Германа, на Четвертый Латеранский собор (1215 г.). В своих посланиях

¹¹ Youssef Y.N. Melkites in Egypt According to Abu al-Makarim... P. 269.

¹² Youssef Y.N. Melkites in Egypt According to Abu al-Makarim... P. 258.

¹³ Youssef Y.N. Melkites in Egypt According to Abu al-Makarim... P. 255.

¹⁴ О переписке Патриарха Марка III Александрийского и Феодора IV Вальсамона, бывшего возведенного в Константинополе на Антиохийский патриарший престол, будет подробно сказано ниже. См. ниже: С. 100—105.

Папа Иннокентий III именует Патриарха и Папу Николая I Александрийского «мой брат во Господне», что явно исключает наличие схизмы между двумя Церквями, т. к. к схизматикам подобное обращение было бы неприемлемо¹⁵. Так, можно прийти к выводу, что «Папы и Патриархи Великого Града Александрии»¹⁶ дольше других восточных Патриархов избегали прямой конфронтации с Римом, а римские понтифики, сходным образом, воздерживались от каких-либо враждебных действий в отношении православной Александрийской Церкви.

Рим и Антиохия

Позиция Антиохийской Церкви в отношении общения с Римом была наилучшим образом выявлена в послании Патриарха Петра III к Вселенскому Патриарху Михаилу I Керуларию, составленном как раз после «схизмы 1054 г.». Осуждая введение *filioque* в Символ веры и практику служения на опресноках, Петр III тем не менее не считал это поводом для схизмы и, более того, отметал многие обвинения, выдвинутые Керуларием против Римской Церкви¹⁷. Антиохийский Патриарх удивительно четко разделяет проблему единства вероисповедания и единства обряда. «Ибо что нам до того, что их архиереи бреют бороды и, совершая богослужения, надевают перстни в знак своего обручения [с Церковью]?»¹⁸. На вопрос о внесении

¹⁵ Innocentius III Pontifex Romanus. Epistolae // PL. Vol.216. — с.406. Библиографическое описание переписки Патриарха Николая I Александрийского с Папой Иннокентием III также можно найти в Potthast A. Regesta Pontificum Romanorum inde ab anno 1198 ad annum 1304. — Berlin, 1874. — Vol. I, P. 128, 376, 472—476.

¹⁶ «πάπας καὶ πατριάρχην μεγαλοπόλεως Ἀλεξανδρείας», именно таков был официальный, краткий вариант титула православных Патриархов Александрии. Подобный титул чаще всего встречается на уцелевших средневековых буллах Александрийских патриархов. См., к примеру, буллу Патриарха и Папы Иоанна VIII Кодоната (1062—1100 гг.). См. Schlumberger G. Sigillographie de l'empire byzantin... P. 320.

¹⁷ Как справедливо отмечает Рансимен: «В отношении же жалоб своего собрата на латинские служебные обычаи он показывает, что некоторые из запрещений Керулария неверны, некоторые преувеличены и почти все они — ничтожны». См. Рансимен С. Великая схизма... гл. 3, С. 56.

¹⁸ Petrus III Patriarcha Antiochenus. Epistolae ad Michaellem Cerularium // PG. Vol.120. — Paris, 1864. — с.799; Will C., ed. Acta et scripta quae de controversiis ecclesiae Graecae et Latinae saeculo undecimo composita extant. — Leipzig, 1861. — P. 193.

в константинопольские диптихи имен римских понтификов, Патриарх Петр III указывает Керуларию на сравнительно недавний прецедент поминаения в Константинополе Папы Римского Иоанна XVIII, опровергая при этом заявление Вселенского Патриарха о том, что епископы Рима не поминались в столице империи на протяжении многих веков. Петр III пишет, что когда один из его предшественников — Патриарх Иоанн III Антиохийский посещал Константинополь, он лично слышал, как Вселенский Патриарх Сергей II поминал Папу Иоанна XVIII в числе других патриархов¹⁹.

Что касается контактов Антиохийских Патриархов с Римом, то здесь следует сказать, что не только предшественники Петра III поминали за евхаристией римских понтификов, но и сам Патриарх Петр III дважды направлял окружное послание Папе Льву IX, что явно свидетельствует о сохранении евхаристического общения между двумя престолом Св. Петра²⁰. О том, что Патриарх Петр III Антиохийский, как и другие восточные патриархи, поминает за евхаристией папу римского и включает его имя в «священные диптихи», прямо пишет сам Михаил Керуларий²¹. Здесь Вселенский Патриарх с негодованием восклицает, что подобное «невежество» несовместимо «с несравненным благочестием» Антиохийского Патриарха. При этом, уведомляя Михаила Керулария об ответном послании Папы Льва IX, Петр III не страшится именовать почившего понтифика, легаты которого отлучили Вселенского Патриарха, «блаженной памяти Папой»²².

Патриарх Петр III постоянно напоминает Вселенскому Патриарху, что латинские христиане братья, при этом — малообразованные братья, варварские нравы которых заслуживают снисхождения,

¹⁹ Свидетельство Патриарха Петра III тем более веско, если принять во внимание, что он, до восшествия на престол Антиохии, был хартофилаксом константинопольской Софии и имел доступ к архивам Великой Церкви.

²⁰ Указания на греческие и латинские варианты послания Петра III Антиохийского — Папе Льву IX, приведены в Le Quien. Op.cit. — Tomus II, P. 754. Текст ответного послания Папы Льва IX, направленного «возлюбленному» и «святейшему брату», «собрату-епископу» Петру III Антиохийскому, см. Will C., ed. Acta et scripta quae de controversiis ecclesiae Graecae et Latinae... — P. 168—171.

²¹ Michaelis Cerularii. Epistolae... — c.787—788; Will C., ed. Acta et scripta quae de controversiis ecclesiae Graecae et Latinae... — P. 178.

²² Petrus III Patriarcha Antiochenus. Epistolae ad Michaellem Cerularium... — c.814; Will C., ed. Acta et scripta quae de controversiis ecclesiae Graecae et Latinae... — P. 204.

понимания, икономии, а не бичевания или отторжения: «... не стоит требовать от этих варваров того же, что должно ожидать от нашего просвещенного народа». Агрессия Михаила Керулария в отношении латинских христиан вызывает недоумение и смущение у Антиохийского Патриарха: «В смущении, не могу уразуметь, как твое досточтимое послание могло содержать нечто подобное. Поверь мне, я не знаю даже как истолковать это (...) тем более если Ты уже отправил подобное послание другим блаженнейшим патриархам»²³. Эти строки, в сочетании с жалобой Керулария на поминовение римского понтифика в Антиохии, Александрии и Иерусалиме, также свидетельствуют о том, что восточные патриархи XI в. не были вовлечены в схизму, разделившую Рим и Константинополь. Однако наиболее сильные, пророческие строки Патриарха Петра III, обращенные к Керуларию, содержались в двадцать первой главе послания: «Молю Тебя, взываю к Тебе, припадая в духе любви к Твоим священным стопам, умоляю Твое Божественное Блаженство уступить и смириться со сложившимся положением. Ибо страшусь того, что Ты, пытаясь уврачевать вышеуказанные различия, только лишь приведешь к схизме, что гораздо страшнее; пытаясь возвести их, Ты приведешь к великому бедствию. Я бы не смел бы требовать большего, чем исправления Символа (...) Подумай же, что неминуемо произойдет, ежели великий и первый по чести Апостольский престол отделится от наших Святых Церквей — зло распространится повсюду и весь мир будет опечален, царства всего мира будут потрясены, везде утвердится горе, повсюду прольются слезы»²⁴.

Антиохийский Патриарх обменивался посланиями и с другими иерархами Западной Церкви, в частности — с венецианским Патриархом Градо и Аквилеи Домиником II²⁵. Этот обмен посланиями также заслуживает внимания, поскольку Петр III с одной стороны порицает Доминика II за использование патриаршего титула и настоятельно рекомендует отказаться от совершения евхаристии на

²³ Petrus III Patriarcha Antiochenus. Epistolae ad Michaellem Cerularium... — с.798; Will C., ed. Acta et scripta quae de controversiis ecclesiae Graecae et Latinae... — P. 190.

²⁴ Petrus III Patriarcha Antiochenus. Epistolae ad Michaellem Cerularium... — с.811; Will C., ed. Acta et scripta quae de controversiis ecclesiae Graecae et Latinae... — P. 202.

²⁵ Текст послания Патриарха Доменика II и ответного послания Патриарха Петра III, см. Will C., ed. Acta et scripta quae de controversiis ecclesiae Graecae et Latinae... — №16, P. 205—208; №17, 208—228.

азимах, но при этом находит венецианского прелата и его исповедание «вполне православным»²⁶. Стоит особо отметить, что в лице Патриарха Петра III мы встречаем одного из наиболее ярких защитников теории пентархии, как проявления полноты Церкви Христовой. В этом отношении, Патриарх Петр III будет столь же ревностно защищать права «Апостольского престола Антиохии» от посягательств Константинополя, которому фактически был подчинен патриархат²⁷. Даже само его послание Доменику II направлено на то, чтобы наглядно доказать венецианскому епископу невозможность существования шестого Патриарха. Более того, там можно найти и критику периодически употребляемого римскими понтификами титула «*episcopus episcoporum*» и идеи реформированного папства. «Внемли же тому, что скажу я Тебе. Человеческим телом правит одна глава. В теле же много частей, но все они управляется пятью чувствами. Эти чувства: зрение, обоняние, слух, вкус и осязание. Также и Тело Христово, его паства, Церковь, состоит из разных членов и управляется пятью чувствами, которые именуются великими престолами, и правит всем одна глава — Христос. Как не может быть чувства, превосходящего пять чувств, так не может быть Патриарха выше пяти патриархов. Так, этими пятью престолами, которые суть чувства в теле Христовом, все части, то есть все страны, народы и местные епископства, управляемы и ведомы по Божьему пути. Как в единой главе, Христе Истинном Господе Нашем, они так же собраны вместе и управляемы единой Православной верой»²⁸. Этим же, во многом, продиктовано категорическое нежелание Патриарха Петра III прерывать общение с Римом; только в единстве пять патриархатов являют собой полноту Церкви, только все пять чувств служат полноте Тела Христова.

Патриарх Петр III отнюдь не был одинок в своем стремлении к сохранению общения с Римом. Паства и клир Антиохийского Патриархата продолжали поддерживать разного рода контакты с латинскими христианами. Латинские пилигримы, шедшие в Святую землю, проходили через Антиохию, посещая многочисленные ее церкви

²⁶ Will C., ed. *Acta et scripta quae de controversiis ecclesiae Graecae et Latinae...* -P. 209.

²⁷ В первой части книги мы уже писали о столкновении Патриархов Петра III и Михаила Керулария, связанного с правами Антиохийского престола, ссылаясь при этом на текст Никона Черногорца. Подробнее, см. выше. — Часть I, С. 100—105.

²⁸ Will C., ed. *Acta et scripta quae de controversiis ecclesiae Graecae et Latinae...* -P. 211.

и северо-сирийские монастыри. Петр III Антиохийский, в своем послании к Михаилу Керуларию, упоминает о том, что франкские пилигримы посещают его собор и с благоволением, наряду с восточными христианами, воздают должное почитание хранившимся там иконам и святыням²⁹. Ордрик Виталий оставляет подробное описание восточного паломничества французских, германских и венгерских пилигримов, посетивших Антиохию, Латакию, лавру Св. Симеона Дивногольца, а также пределы Кипрской Церкви, прежде чем решиться идти в Святую землю или вернуться на Запад. В частности, он упоминает о том, как нормандского аббата Теодориха³⁰ и его монахов «с почестями принимал архимандрит монастыря Св. Симеона»³¹. В первой части книги мы уже указывали на то, что в Антиохии располагался целый квартал, отданный амальфитанцам, в котором располагался и госпиталь, предназначенный для латинских пилигримов³². Имели место, хоть и не столь многочисленные паломничества и обращения антиохийских клириков и иерархов на Запад, в пределы Римской Церкви. Еще в 1021 г. митрополит Сергей Дамасский посещал Рим, где был с почестями принят Папой Римским Бенедиктом VIII («виновником» включения *filioque* в римское богослужение). Прибытие в Рим митрополита Дамасского описано очевидцем, латинским автором и богословом Петром Дамиани. Более того, митрополит Сергей обменивался посланиями и с другим римским понтификом — Бенедиктом IX (около 1033 г.)³³.

Итак, основываясь на вышеуказанных прецедентах, можно с уверенностью констатировать, что у нас нет каких-либо веских оснований полагать, что восточные Патриархи прервали бы общение с Римом ранее XII в. И, говоря о греко-латинском церковном соприкосновении в период Первого крестового похода, и тем более — о контактах крестоносцев с католическими христианами Антиохии и Иерусалима, отнюдь не следует исходить из утверждения, что к этому времени вот уже более сорока лет

²⁹ Petrus III Patriarcha Antiochenus. Epistolae ad Michaellem Cerularium... — с.811; Will C., ed. Acta et scripta quae de controversiis ecclesiae Graecae et Latinae... — P. 202.

³⁰ Основатель и первый аббат родной обители Ордрика — монастыря Св. Эвруля.

³¹ Orderic Vitalis. Op.cit. — Vol. I, lib. III, с.4, P. 419—420.

³² Подробнее см. Часть I, С. 100—105.

³³ Подробнее, см. Kennedy H. The Melkite Church from the Islamic Conquest to the Crusades... — P. 330—331; Le Quien M. Oriens Christianus... — Tomus II, с.838.

как существовало осознанное разделение Церквей на «православную» и «католическую». Подобная предпосылка, быть может и уместная по отношению к Константинопольской Церкви, не находит каких-либо документальных подтверждений в отношении трех восточных патриархатов.

II. Церковное общение «греков» и «латинян» в годы Первого крестового похода

Как уже было сказано во второй части книги, отношение Папы Урбана II к византийским христианам было откровенно дружественным, пронизанным пафосом единства католических христиан Востока и Запада³⁴. Эта позиция находит свое отражение в версии Клермонской проповеди, записанной епископом Бодри Дейльским. По словам епископа Бодри, Папа Урбан II так охарактеризовал восточных христиан перед принимавшими крест чадами Римской Церкви: «Ваши кровные братья, ваши товарищи, ваши сослужители (ибо вы чада Единого Христа и Единой Церкви), либо поработены в домах, унаследованных от отцов, либо вовсе изгнаны»³⁵. В этих словах нет ни намека на «схизму» или на некую неполноценность византийских христиан. Еще более веским доказательством признания Урбаном II «католичности» византийских христиан служат действия его легата — епископа Адемара Монтейльского, которому понтифик доверил архипастырское попечение о «вооруженных паломниках».

Патриарх Симеон II Иерусалимский

В октябре 1097 г., когда войска Первого крестового похода вступили на земли Леванта, Адемар установил контакт с Патриархом Симеоном II Иерусалимским, находившимся в то время на византийском Кипре. Уже 18 октября, когда армия крестоносцев едва встала перед стенами Антиохии, епископом Адемаром и Патриархом Симеоном II было составлено совместное послание, обращенное ко «всем

³⁴ Подробнее, см. Часть I, гл. 2, С. 100—105.

³⁵ Baldrici, episcopi Dolensis. Historia Jerosolimitana // RHC Occ. IV. — Paris, 1879. — Lib. I, c.4, P. 12—13.

верным северных стран»³⁶. Патриарх и легат, совместно с епископами, клиром, князьями и баронами крестоносного войска оповещали западных христиан о ходе и нуждах крестового похода, о взятии Никеи и осаде Антиохии. Далее следовало обращение Патриарха Симеона II, который призывал христиан Запада покинуть свои дома и принять участие в походе, ссылаясь на мистическое видение Господа, который открыл ему, что «все принявшие участие в этом походе будут стоять увенчанными перед Ним в великий день Страшного Суда»³⁷. Имя Симеона II возглавляло список составивших послание; в тексте он фигурирует как «патриарх Иерусалимский» (*patriarcha Hierosolymitani*) и «святейший патриарх» (*patriarcha sanctissimus*).

В январе 1098 г., в разгар осады Антиохии, на Запад было отправлено еще одно послание, от имени Патриарха Симеона II Иерусалимского и «всех греческих и латинских епископов», адресованное «Западной Церкви»³⁸. Выступая от лица клира и крестоносного воинства, а также греческого и латинского епископата, Патриарх Симеон II (или вернее — тот, кто составлял послание от имени патриарха), обратился к чадам Западной Церкви, призывая их прибыть на Восток и принять участие в крестовом походе. Весь текст послания пронизан этой мольбой о помощи, что вполне понятно, если учесть, что оно было составлено в самый тяжелый период антиохийской осады. Так, мы вновь видим, что имя Симеона II вновь возглавило список подписавшихся, или, вернее, — составившие послание по-прежнему предпочитали говорить от имени Патриарха Симеона II. Также стоит обратить внимание на то, что в послании «греческие и латинские» епископы говорят от одного лица, т. е. от лица Единой Церкви. Это также можно рассматривать как документальное свидетельство сохранявшегося общения между церквями Рима и Иерусалима. Среди прочего, в тексте содержались следующие строки: «Если же те, которые принесли клятву, не исполнят ее и не придут, я, Апостольский Патриарх, и все епископы, и весь чин православных, отлучаем их и отторгаем от причастия Святой Церкви»³⁹. Тот факт, что восточный Патриарх отлучал от Церкви западных христиан, находившихся в юрисдикции Римской Церкви, может служить наиболее ярким доказательством первоначального признания

³⁶ Hagenmeyer H., ed. *Die Kreuzzugsbriefe aus den Jahren 1088—1100...* №6, P. 141—142.

³⁷ Ibid. — P. 142.

³⁸ Hagenmeyer H., ed. *Die Kreuzzugsbriefe aus den Jahren 1088—1100...* №9, P. 146—149.

³⁹ Hagenmeyer H., ed. *Die Kreuzzugsbriefe aus den Jahren 1088—1100...* №9, P. 148.

восточной иерархии первыми крестоносцами, их пастырем — Адемаром Монтейльским и, следовательно, Папой Урбаном II. Как впоследствии писал Бернард Гамильтон, послания Симеона II «наглядно доказывают, что Адемар признавал Симеона законным главой Иерусалимской Церкви, находившимся в полном общении с западной церковью; схизматик не мог угрожать западным христианам отлучением от Церкви. Папский легат (Адемар. — С. Б.) мог придерживаться этой позиции только с предварительного согласия Папы»⁴⁰.

Участие Патриарха Симеона II в Первом крестовом походе не ограничилось лишь призывами к христианам Запада. Патриарх на свои средства закупал провиант, который направлял армии крестоносцев (по крайней мере — вождям крестоносного войска), как во время осады Антиохии, так и во время последующей осады Иерусалима. Эта помощь, поступавшая от иерусалимского Патриарха, очевидно, произвела сильное впечатление на участников Первого крестового похода, и впоследствии была отмечена в «Иерусалимской истории» Альберта Аахенского. По словам Альберта, Симеон II был «пожилым мужем, верным рабом Христовым, который в начале осады Иерусалима посылал с острова (Кипра. — С. Б.) множество даров, в знак любви к герцогу Готфриду и другим вождям. Иногда это были древесные плоды, именуемые гранатами, иногда — драгоценные плоды ливанского кедра, иногда — жирные окорока, а в некоторых случаях — прославленные вина, словом, все те добрые и дорогие дары, которые он мог выкупить на свои средства, надеясь еще возглавить богослужения у Гроба Господа Нашего Иисуса Христа, сына Божьего, и рассчитывая на покровительство этих князей, в тот день, когда его Церковь будет восстановлена»⁴¹.

Патриарх Иоанн V Оксит

Еще более показательным и, бесспорно, более драматичным было отношение Адемара Монтейльского и первых крестоносцев к православному Патриарху Антиохии — Иоанну V Окситу⁴².

⁴⁰ Hamilton B. The Latin Church in the Crusader States... c.1, P. 7.

⁴¹ Alberti Aquensis. Op.cit. — Lib. VI, c.39, P. 452—453.

⁴² Здесь следует сказать, что относительно «нумераций» Антиохийских Патриархов сименем «Иоанн» существует изрядное количество путаниц и разночтений.

Впервые крестоносцы увидели Патриарха Иоанна Оксита на стенах Антиохии, когда сельджуки избивали его и свешивали со стен, «для наибольшего мучения христиан»⁴³. Фактически, перед крестоносцами воочию разворачивался сюжет, о котором они с детства слышали в своих родных церквях, в дни поминовения святителей Игнатия, Стефана Римского, Ириней Лионского, Сернина Тулузского; на глазах у «вооруженных паломников», христианского епископа терзали «язычники». Это сходство бесспорно делало Патриарха Иоанна почитаемой фигурой в глазах западных воинов и паломников.

Когда Антиохия была взята, крестоносцы, во главе с Адемаром Монтейльским, вызволили Иоанна из заточения и восстановили его на патриаршей кафедре. Описание этого также можно найти у Альберта Аахенского: «Христиане восстановили его на кафедре, со всем положенным почтением, преклонением и благоговением они представили ему власть как князю Антиохийской Церкви» (*principem Antioecene ecclesie*)⁴⁴. Восстановление Патриарха Иоанна Оксита на патриаршем престоле Антиохии может считаться наиболее ярким выражением той идеи братства латинских и византийских христиан, которой были пронизаны проповеди Папы Урбана II и действия его легата. Очевидно, что ни Урбан II, ни Адемар не собирались проводить черту между латинским и византийским епископатом или ограничивать права той части духовенства, которая не придерживалась латинского богослужебного обряда. Как впоследствии писал Альберт Аахенский, крестоносцы «восстановили католических священников, как греческих, так и латинских, дабы они совершали божественные

Патриарх Иоанн Оксит, вззошедший на кафедру Св. Петра около 1089/1091 гг., после Патриарха Никифора Мавра, фигурирует в различных источниках (в том числе и в вариантах антиохийских патриарших диптихов) и как «Иоанн IV», и как «Иоанн V» и как «Иоанн VII». Отдельную работу, посвященную проблеме «нумерации» антиохийских патриархов XI–XII вв. с именем Иоанн посвятил В. Грумель. Согласно его исследованию, Оксит должен упоминаться как «Иоанн V», поскольку Иоанном III был преемник Агапия, занимавший кафедру в 996–1021 гг., а Иоанном IV — преемник Петра III, также известный как Иоанн Дионисий и занимавший патриарший престол около 1056–1057 гг. Подробнее см. Grumel V. *Les patriarches grecs d'Antioche du nom de Jean* (XIe et XIIe siècles) // *Échos d'Orient*, Tome 36. — 1933. — №171. — P. 279–299.

⁴³ Alberti Aquensis. *Op.cit.* — Lib. V, c.1, P. 338.

⁴⁴ Alberti Aquensis. *Op.cit.* — Lib. V, c.1, P. 338.

таинства»⁴⁵. То есть, с точки зрения Альберта (писавшего, между прочим, уже во второй четверти XII в.), и греческие, и латинские клирики, служившие с крестоносцами в Антиохии, были «католическими священниками» (*cultores catholicos*). Так, идея единства латинских и византийских христиан, отображенная в Клермонской проповеди Урбана II, нашла свое действенное выражение на первом этапе пребывания крестоносцев в Леванте, когда восточные христиане совместно с «вооруженными паломниками» подчас безжалостно вырезали тюрок и арабов в Киликии и Сирии, и когда греческие и латинские клирики, во главе с Патриархом Иоанном Окситом и епископом Адемаром, совершали совместные богослужения, молясь о спасении Антиохии и ее христианского населения от наступавшей армии эмира Кербози.

*Смерть Адемара Монтейльского
и последующее отчуждение франков и ромеев*

Конечно же, сразу же после победы, одержанной крестоносцами над армией Кербози у стен Антиохии (28 июня 1098 г.), наступает совершенно иной период в отношениях франков и восточных христиан. Существенным фактором в этой перемене стала смерть папского легата; епископ Адемар Монтейльский умер 1 августа 1098 г. в Антиохии, разделив судьбу многих вооруженных паломников, сраженных эпидемией чумы. Со смертью епископа вожди крестоносного войска, истомленные походом, взирающие на отказавшегося идти в Сирию ромейского василевса как на предателя, обратились к Папе Урбану II со своим знаменитым посланием, составленным 11 сентября 1098 г. В этом послании, о котором мы уже подробно писали в первой части книги, вожди Первого крестового похода, в пылу бушевавших в их стане антивизантийских настроений, называют «еретиками» тех, кого Урбан II *ex cathedra* именовал «чадами Единого Христа и Единой Церкви»⁴⁶. Этот период взаимного отчуждения фактически предвещал эпоху основания франкских государств в Заморской земле, и соответственно — учреждение латинских патриархатов в Иерусалиме и Антиохии. Вполне естественно,

⁴⁵ Alberti Aquensis. Op.cit. — Lib. V, c.1, P. 338.

⁴⁶ Подробнее, см. выше: Часть I, гл. 2, С. 100—105.

что, приступив к формированию сеньорий и феодальных государств на просторах Леванта, франки не могли возложить папские и сопряженные с ними светские обязанности на греческий или мелькитский епископат, с которым у них не было ни языковых, ни культурных, ни кровных связей⁴⁷.

III. Латинский Патриархат Антиохии

Вникая в церковную историю крестовых походов, нельзя не заметить, что процесс становления латинского Патриархата Антиохии, в юрисдикцию которого входили северо-сирийские государства крестоносцев, коренным образом отличалось от аналогичного становления латинской Церкви в Палестине, в пределах королевства Иерусалимского. Если в Иерусалиме крестоносцы вначале избрали латинского Патриарха (причем избрали его через две недели после взятия Святого града)⁴⁸, затем передали основные места церковного служения латинскому клиру и уже параллельно учреждали латинские епископские кафедры⁴⁹, то в Антиохии становление латинской Церкви проходило в совершенно ином порядке.

Хиротония первых латинских прелатов для Антиохийской Церкви (1098—1099 гг.). Учреждение латинских епархий в Альбаре, Тарсе, Мамистре, Эдессе, Арте

В занятой франками Антиохии патриаршую кафедру на протяжении последующих двух лет (1098—1100 гг.) по-прежнему занимал православный Патриарх Иоанн Оксит, восстановленный крестоносцами

⁴⁷ Здесь, опять же, следует отослать читателя к работам Дж. Федальто и Б. Гамильтона, которые, на сегодняшний день, являются основополагающими исследованиями становления латинской Церкви в государствах крестоносцев. См. Fedalto G. La Chiesa Latina in Oriente, Vol.1—3. — Verona, 1973—1976; Hamilton B. The Latin Church in the Crusader States. The Secular Church — London, 1980.

⁴⁸ Первым латинским Патриархом Иерусалима стал Арнульф де Шоке, избранный клиром Первого крестового похода в августе 1099 г. Иерусалим, как известно, был взят крестоносцами 15 июля 1099 года.

⁴⁹ Подробнее о становлении латинского Иерусалимского Патриархата см. Hamilton B. The Latin Church in the Crusader States... — с.3, P. 52—85.

и папским легатом. Первая латинская кафедра в Сирии была учреждена осенью 1098 г. в покоренной провансальцами Альбаре, по инициативе графа Раймонда Сен-Жилльского и при благословении Патриарха Иоанна Оксита. В этом преимущественно арабо-мусульманском городе Сирии не было действовавшей католической епископской кафедры, и граф Сен-Жилльский решил возвести в сан «епископа Альбары» своего капеллана — Петра Нарбоннского. Однако прежде чем поставить его на кафедру Альбары (кстати говоря, кафедра эта была воздвигнута в соборной мечети города, обращенной в церковь) граф Раймонд отослал своего нареченного епископом капеллана в Антиохию, чтобы Патриарх Иоанн благословил избрание Петра и совершил его хиротонию. Согласно «Деяниям...» Гвиберта Ножанского, провансальские крестоносцы «избрали мужа, подобающего возраста, прославленного своей ученостью, и препроводили его в Антиохию, для рукоположения»⁵⁰. Сходное описание приводит и Анонимный автор «Деяний франков»: «Избрав добродетельного и честного человека, они отправили его в Антиохию, чтобы там он был рукоположен»⁵¹. Таким образом, первый латинский епископ Сирии, да и всей Заморской земли, был возведен в сан православным Патриархом Антиохии.

Спустя полтора года (зимой 1099—1100 гг.) еще четыре латинских прелата были возведены на кафедры Антиохийской Церкви, однако их хиротония и инвеститура проходила уже без какого-либо участия со стороны Патриарха Иоанна. Латинские архиепископы Эдессы, Тарса, Мамистры и епископ Арты были хиротонисаны латинским Патриархом Иерусалима Даимбертом Пизанским, по просьбе князя Боэмунда I Антиохийского и графа Бодуэна I Эдесского, во время торжественной церемонии в Храме Гроба Господня. По словам Рауля Канского, на Рождество 1099 г. «Четыре (...) епископа были возведены в сан, а именно — Рожер Тарский, Варфоломей Мамистрийский, Бернард Артский, и Бенедикт Эдесский; все они пришли с Боэмундом и Бодуэном после того, как были возведены в иерейский сан. Когда рождественские торжества подошли к концу, Боэмунд вернулся, в сопровождении трех отцов (епископов), доставив каждого епископа в его град. Бодуэн, совместно с архиепископом Бенедиктом, вернулся

⁵⁰ Guiberti Abbatis. Op.cit. — Lib. VI, c. 14, P. 210.

⁵¹ Anonymi Gesta Francorum. — c.31, P. 393. Вполне вероятно, что Гвиберт повторяет как раз описание, приведенное участвовавшим в Первом крестовом походе Анонимом.

в свое графство Эдесское»⁵². Так, мы видим что хиротония новых латинских прелатов была напрямую связана со становлением и укреплением двух первых государств франкской Сирии — княжества Антиохийского и графства Эдесского. При этом франкские государи Антиохии и Эдессы явно уже предпочли обратиться к папскому легату и латинскому Патриарху Иерусалима, нежели к поставленному предшествующим папским легатом (Адемаром) православному Патриарху Антиохии.

Схизма 1100 г. Изгнание Патриарха Иоанна V Оксита и поставление первого латинского Патриарха — Бернарда Валенского — на кафедру Антиохии

В 1100 г., с началом первой норманно-византийской войны в Сирии, Патриарх Иоанн Оксит принужден был покинуть Антиохию. На антиохийскую кафедру был возведен первый в истории латинский Патриарх — Бернард Валенский, бывший некогда капелланом Адемара Монтейльского и ставший, с Рождества 1099 г., епископом Арты⁵³. К октябрю 1100 г. Иоанн Оксит был в Константинополе, где на соборе, в присутствии Вселенского Патриарха Николая III Грамматика, он отрекся от патриаршего престола.

Текст его отречения, датированный 9 октября 1100 г., не оставляет сомнений в том, что Иоанн покинул свой первопрестольный град не по доброй воле, что его смещение было насильственным. По словам самого Оксита, «Я покинул монастырь и был, по воле Божьей, поставлен во главе Церкви Антиохии Великой, в те годы, когда она была обуреваема бесчисленными бедствиями. Но я возложил свою надежду на Того, кто сказал тем, кто был послан с проповедью: «Вот,

⁵² Radulfo Cadomensi. Op.cit. — с.140, Р. 704.

⁵³ О том, что Бернард Валенский был капелланом у папского легата — Адемара Монтейльского, говорят Гильом Тирский и Ордерик Виталий. См. Guillaume de Tug. Op.cit. — Lib. VI, с.23, Р. 275; Orderic Vitalis. Op.cit. — Pars. III, Lib. X, с.21, Р. 309. Причем стоит отметить, что прозвище Бернарда — Валенский, происходит от его родного города Валенс — в Нарбонне, а отнюдь не от испанской Валенсии. К сожалению, в некоторых работах Бернарда именуют «Валенсийским» и едва ли не считают испанцем. Между тем, Бернард, как уроженец юга Франции, вошел в состав провансальской армии Первого крестового похода и в этом качестве, после 1095 г., поступил на службу в качестве капеллана к Адемару.

я посылаю Вас как овец среди волков» и предупредил их, что им суждено страдать и терпеть испытания в мире, и призвал их к вере, ибо Он уже победил мир. Поэтому я не отрекся от надежд. Во время моего пребывания в Антиохии я был осажден бесчисленным множеством опасностей и атакован бесчисленными бурями и водоворотами поистине невыносимых событий, которые чуть было не поглотили меня и под бременем которых я едва не погиб. Как я могу еще перечислить все те бедствия, если не сказать — кораблекрушения, которые мне суждено было пережить?»⁵⁴. Завершая текст послания, Иоанн прямо говорит: «Я отрекаюсь от архиерейского престола Антиохии, и не только от престола — от самой чести архиерейского служения, так, чтобы до конца моих дней я не мог быть возведен ни в патриархи, ни в епископы, ни даже в иереи, вне зависимости от того, будет ли Антиохия находиться в своем нынешнем положении, или она, по милости Божьей, будет исторгнута из рук тех, в чьей власти она ныне пребывает»⁵⁵.

Так, мы видим, что только в октябре 1100 г. Иоанн обратился к синоду и василевсу с просьбой принять его отречение и избрать нового патриарха, выражая при этом надежду на то, что рано или поздно Антиохия будет освобождена от нормандцев. Он ни слова не говорит о Бернарде Валенском, которого, очевидно, он не воспринимает ни как временного преемника, ни тем более — как законного патриарха Антиохийского. Очевидно, что церковная политика осевших в Антиохии франко-нормандцев возбудила волну сильнейшего негодования среди светских и церковных кругов Константинополя. Даже сам Иоанн Оксит, в своем последнем обращении к синоду, просил своих собратьев умерить критику латинян и обратиться к собственным грехам: «Я не могу не заметить, что сейчас мы склонны осуждать всех и каждого; с особым же усердием мы порицаем грехи итальянцев, обсуждая их проступки на все возможные лады и во всех возможных местах. Но, при этом, мы не обращаем ни малейшего внимания на собственные грехи»⁵⁶. Завершив все формальности, связанные с отречением от престола, Иоанн V удалился в константинопольский

⁵⁴ Gautier P. Jean V l'Oxite, patriarche d'Antioche. Notice biographique // *Revue des etudes byzantines*. — 1964. — №22. — P. 136—137.

⁵⁵ Gautier P. Jean V l'Oxite, patriarche d'Antioche... — P. 138—139.

⁵⁶ Gautier P. Jean V l'Oxite, patriarche d'Antioche... — P. 142—143.

Одигийский монастырь, с X в. служивший подворьем Антиохийских патриархов. Однако из-за разгоревшегося конфликта с братией, которую отрешившийся Патриарх обличал за упадок нравов и именовал «логовом воров», Иоанн должен был ночью бежать из константинопольской обители⁵⁷. В итоге, он, с согласия василевса, удалился на Принцевы острова, в монастырь Оксию, по которому и получил свое прозвище⁵⁸.

Изгнание Иоанна Оксита и возведение на патриарший престол Бернарда Валенского положило начало формальной схизме

⁵⁷ Gautier P. Jean V l'Oxite, patriarche d'Antioche... — P. 149—151, 155.

⁵⁸ Патриарх Иоанн Оксит хорошо известен и как значимый автор-полемист второй половины XI-начала XII вв. Он был одним из наиболее деятельных критиков харистикариата (т. е. передачи монастырей и монастырской собственности в аренду светским лицам, которые брали на себя опеку над обителью), практики, поощряемой императором Алексеем I Комниным и Вселенским Патриархом Николаем III Грамматиком. Обличению харистикариата Иоанн V Оксит посвятил свое наиболее известное сочинение: «De monasteriis laicis non tradensis». См. Ioannis Antiochenus. De monasteriis laicis non tradensis // PG. Vol.132. — Paris, 1864. — с.1117—1149. См. также: Gautier P. Réquisitoire du patriarche Jean d'Antioche contre le charisticariat // Revue des études byzantines. — 1975. — №33. — P. 77—132. Суммируя положения, выдвинутые Антиохийским Патриархом, Л.А. Герд отмечает, что, согласно Иоанну, «харистикариат вреден для монастырей с материальной точки зрения («даритель» присваивает себе имущество обители, монастырь разоряется, монахи становятся рабами «благодетеля»), и с духовной (в монастыре распоряжаются светские лица, они назначают своих людей на высшие должности, изменяют порядок в обители)». См. Герд Л.А. «Тактикон» Никона Черногорца как источник по истории харистикариата в Византии // Византийский временник. — 1994. — №55. — С. 112.

Готье обращает внимание на его многолетнюю полемику и прямую критику императора Алексея, приводя в качестве примера еще один, крайне примечательный текст Оксита — «Диспут Святейшего Патриарха Иоанна с василевсом киром Алексеем Комниным», составленный вскоре после окончания похода василевса против печенегов (1091 г.). См. Gautier P. Diatribes de Jean l'Oxite contre Alexis Ier Comnène // Revue des études byzantines. — 1970. — №28. — P. 5—55. Текст послания, см. Ibid. — P. 18—54. За склонность к полемике и обличению нравов и проступков современников, П. Готье именует Иоанна Оксита «монахом-скандалистом». См. Gautier P. Réquisitoire du patriarche Jean d'Antioche contre le charisticariat... — P. 79. Патриарху Иоанну V Окситу приписывается «Трактат об азимах», составленный, вероятно, уже в начале XII в., во время его пребывания на Принцевых островах и, вполне естественно, посвященный обличению латинской практике служения на опресноках. Подробнее, см. Grumel V. Les patriarches grecs d'Antioche du nom de Jean (XIe et XIIe siècles)... — P. 296—298. Текст трактата Иоанна V Оксита, равно так же, как и текст аналогичного трактата, составленного Патриархом Симеоном II Иерусалимским, см. Leib B., ed. Deux inédits byzantins sur les azymes au début du XIIe siècle... — P. 244—263.

и учреждению двух параллельных иерархий католических, халкидонских патриархов Антиохийских. Православные преемники Иоанна V Оксита, начиная с его непосредственного преемника с Иоанна VI⁵⁹, избирались из числа столичного клира и проводили все свое патриаршество при дворе ромейского василевса, в Константинополе. В то же время, Бернард Валенский и его латинские преемники продолжали восходить на патриаршую кафедру в самой Антиохии и распространять свою каноническую власть на всех католических (латинских и православных) христиан в пределах франкской Сирии. Вне всякого сомнения, инициатива в создании латинского Патриархата Антиохии и решающая роль при избрании Бернарда Валенского принадлежали основателю Антиохийского княжества — Боэмунду. Об этом прямо пишет в своей «Церковной истории» Ордерик Виталий: «по приказу герцога⁶⁰, народ и клир избрал Бернарда и возвел своего нового епископа на кафедру Св. Апостола Петра»⁶¹. То, что Бернард Валенский был обязан своим патриаршим престолом Боэмунду, подтверждает и Рауль Канский⁶². Смена Патриархов в Антиохии была продиктована исключительно политическими, а отнюдь не религиозными мотивами. Иоанн V Оксит беспокоил Боэмунда, прежде всего, как *византийский* иерарх, а не как человек, препятствовавший установлению латинской Церкви и тем более — не как схизматик, т. к. ни тем, ни другим он не был.

Стоит особо отметить, что изгнание Иоанна Оксита и возведение на патриаршую кафедру Бернарда Валенского (положившее начало формальной схизме между Римом и православной Церковью

⁵⁹ Патриарх Иоанн VI Антиохийский впервые упоминается как участник Константинопольского Синода 1117 г., однако вполне вероятно, что он был избран раньше, вскоре после отречения Иоанна Оксита или в период подписания Девольского мира (т. е. между 1100 и 1108 гг.). См. Grumel V. Les patriarches grecs d'Antioche du nom de Jean (XIe et XIIe siècles)... — P. 298.

⁶⁰ Ордерик иногда именует Боэмунда не князем, а герцогом Антиохии, очевидно отталкиваясь от прежнего византийского титула дуки.

⁶¹ Orderic Vitalis. Op.cit. — Pars. III, Lib. X, c.21, P. 309.

⁶² Описывая сбор средств для выкупа плененного тюрками Антиохийского князя, Рауль Канский отмечает, что «Патриарх Бернард, недавно возведенный на кафедру, совершал великие труды, желая отплатить Боэмунду». См. Radulfo Cadomensis. Op.cit. — с.147, P. 709. Эти слова Рауля подтверждают, что Боэмунд I, очевидно, играл ведущую роль в избрании первого латинского Патриарха Антиохии.

Антиохии) отнюдь не воспринималась франками ни как проявление схизмы, ни как борьба с «еретиками». К примеру, в «Иерусалимской истории» Альберта Аахенского (составленной спустя, как минимум, четверть века после изгнания Оксита из Антиохии) Патриарх Иоанн предстает как «муж христианской веры» (*uirum Christianissimum*) и как полноправный «князь Антиохийской церкви» (*princeps Antiochene ecclesie*)⁶³. При этом Альберт ничего не говорит об изгнании Оксита, а также ни разу не именует ни Иоанна, ни Бернарда Валенского по имени, что позволяет ему избежать «сложных» моментов в истории Антиохийской Церкви. Наиболее подробные латинские описания «исхода» Иоанна из Антиохии и избрания первого латинского Патриарха, можно найти у Ордерика Виталия и Гильома Тирского.

Согласно «Церковной истории» Ордерика: «Во времена турок, Патриархом Антиохии был некий грек. Нормандские завоеватели обнаружили, что этот человек крайне упорный и несговорчивый. Став господами Антиохии, нормандцы определили, чтобы клир и население прибегали к латинскому богослужебному обряду, но греки, державшиеся собственного древнего обряда, посчитали это шаг необоснованным. Когда Бозмунд был взят в плен (после битвы у Мелитены. — С. Б.), по Антиохии разнесся слух, что епископ (Иоанн. — С. Б.) намерен предать город императору. Однако, когда Иоанн прослышал об этих слухах и обвинениях, он был в высшей степени разгневан. Я не знаю, был ли его гнев вызван его чистой совестью или опасениями, вызванными обвинениями в столь гнусной сделке. Так или иначе, он покинул свою кафедру и удалился в пустынную местность, преисполненный решимости никогда более не возвращаться к народу, обряды которого он презирал»⁶⁴. Стоит обратить внимание на то, что Ордерик Виталий, отмечая как богослужебные, так и политические проблемы, связанные с пребыванием Иоанна Оксита на патриаршей кафедре в перешедшей к нормандцам Антиохии, все же воздерживается от каких-либо прямых обвинений и тем более не употребляет в отношении православного патриарха слово «*schismaticus*». Более того, если в отношении Оксита Ордерик сохраняет относительно нейтральный, хоть и не особо дружественный тон, то его описания

⁶³ Alberti Aquensis. Op.cit. — Lib. V, c.1, P. 338.

⁶⁴ Orderic Vitalis. Op.cit. — Pars. III, Lib. X, c.21, P. 308.

первого латинского Патриарха Антиохии — Бернарда Валенского носят откровенно отрицательный характер. Отдавая должное образованности Бернарда и именуя его «ученым мужем», англо-нормандский автор «Церковной истории», тем не менее, отмечает, что новый патриарх «был крайне не любим своей паствой, когда та узнала его нрав. Он был одновременно алчным и невероятно строгим, отражая нрав готов, от которых пошел его род. Он стоял во главе Церкви Божьей на протяжении многих лет, удерживая кафедру до полного своего одряхления»⁶⁵. Читая эти строки «Церковной истории», становится очевидным, что Ордерик отнюдь не воспринимает историю патриархов Иоанна и Бернарда как проявление борьбы с отпавшими от католической веры «греками»; для него это скорее история одного дипломата, где родным автору нормандцам совершенно не везло с епископами, один из которых не одобрял их богослужебного обряда, а другой — подавлял своей строгостью и алчностью.

Гильом Тирский в своей хронике так повествует об истории патриаршества Оксита: «Там был патриарх по имени Иоанн, подлинный исповедник Христов (*verus Christi confessor*), перенесший бесчисленные мучения от рук неверных. После нашего прихода в Антиохию он был с величайшим почетом восстановлен на своей кафедре. Между тем, мы также поставили епископов в окрестных городах, где издревле находились епископские кафедры. Но от избрания латинского патриарха мы на протяжении долгого времени воздерживались, дабы не было на одной кафедре двух патриархов, что, как известно, строжайше запрещено священными канонами святых отцов. Тем не менее, не прошло и двух лет, как Патриарх, увидев, что грек не может в должной мере быть пастырем у латинян, покинул город и отбыл в Константинополь. После его ухода, народ и клир Антиохии избрал на его место Бернарда, епископа Арты, уроженца города Валенс, который прибыл на Восток во время похода, будучи капелланом епископа Пюи. Избрав Бернарда, они возвели его в сан Патриарха и поставили во главе своей Церкви»⁶⁶. Так, мы видим, что отнюдь не воспринимали антиохийские события 1100 г. как начало новой греко-латинской схизмы, при этом двое (Ордерик и Гильом) настаивали на версии о добровольном отречении Иоанна. Так, мы видим, что три великих латинских

⁶⁵ Orderic Vitalis. Op.cit. — Pars. III, Lib. X, c.21, P. 309.

⁶⁶ Guillaume de Tyr. Op.cit. — Lib. VI, c.23, P. 275.

хрониста XII в., каждый из которых принадлежал к клиру латинской Церкви (Альберт Аахенский, Ордерик Виталий, Гильом Тирский), решительно отказывались придавать этой, инициированной нормандцами смене патриархов, пафос борьбы за чистоту католической веры; они либо просто умалчивают о существовании Оксита, либо пишут о нем с подчеркнутым уважением, ничуть не принижая «грека» Иоанна в сравнении с «латинянином» Бернардом.

Конечно же, нельзя отрицать, что вступление на антиохийскую кафедру Св. Петра латинского иерарха было предметом особой гордости для франков. Сам Патриарх Бернард Валенский периодически предпочитал подчеркнуто именоваться «первым латинским Патриархом Антиохии» (*primus Antiochiae patriarcha latinus*)⁶⁷. Но, опять же, в этом следует усматривать не создание некоей новой, «римско-католической» церковной организации, а скорее желание подчеркнуть, что отныне правопреемником прежних католических Патриархов Антиохии, ведущих преемство от князя Апостолов, становится латинянин, один из тех, кто освободил Сирию и Палестину от сарацин. В этом отношении следует обратить особое внимание на то, что этнический, лингвистический и культурный фактор играл не меньшую роль и в годы второго византийского правления, когда восходивших на Антиохийскую кафедру патриархов-сирийцев сменили патриархи-греки, клирики Великой Церкви Константинополя.

*Латинский Патриархат Антиохии. Епархии,
организация, идея преемства*

С избранием Бернарда Валенского на патриарший престол окончательно оформляется становление латинского Патриархата Антиохии, юрисдикция которого распространялась на всех католических (латинских и православных христиан) княжества Антиохийского, графства Эдесского и графства Триполи⁶⁸. После завоеваний Танкреда

⁶⁷ Röhrich R., ed. *Regesta Regni Hierosolymitani. Additamentum* (1904). — №34, P. 2.

⁶⁸ Наиболее подробное исследование, посвященное становлению латинского Антиохийского Патриархата, бесспорно принадлежит Бернарду Гамильтону. См. Hamilton B. *The Latin Church in the Crusader States...* с.2, P. 18—51. Также следует обратиться к вышеуказанной монографии Дж. Федальто и диссертации К. Каэна.

(1105—1112 гг.) Патриарх Бернард получил возможность учредить новые епархии и поставить латинских прелатов в Апамее, Латакии, Валании, Джабале. С формированием основанного провансальскими крестоносцами графства Триполи на его землях были учреждены три епархии — епископии Триполи, Тортосы и Гибелета (Библа). Также была создана и латинская епископия Рафании, на востоке Триполийского графства, однако ее существование оказалось крайне недолговечным. Новые латинские епархии были образованы и на севере — в Мараше и Кайсуне. Наконец, второй латинский Патриарх — Рауль I Домфрон учредил две новые кафедры в пределах графства Эдесского — архиепископию Иераполя и епископскую кафедру Кира (Куриса).

Идея преемства от православной Антиохийской Церкви в полной мере проявилась в организации епархий латинского Патриархата. Латинские епископы и архиепископы занимали кафедры только в тех городах, где, согласно византийским диптихам и вариантам «Нотиции...» Патриарха Анастасия I, прежде располагались православные епархии и митрополии⁶⁹. Исключение, конечно же, представляла первая латинская кафедра на Востоке — епископия Альбары. Альбара, как уже было сказано выше, была преимущественно мусульманским городом, где не было действовавшей православной кафедры. Однако спустя пять лет после завоевания Танкредом Апаimei (в 1111 г.), епископия Альбары была упразднена, а вместо нее создана архиепископия Апаimei, что как раз соответствовало византийской епархиальной организации. Апаimea была четвертой по чести митрополичьей кафедрой Антиохийского престола. Земли расформированного диоцеза вошли в состав латинской архиепископии Апаimei, первым архиепископом которой стал бывший епископ Альбары — Петр Нарбоннский⁷⁰. После падения города в 1149 г., антиохийские франки и их Патриархи упорно сохраняли и поддерживали титулярную латинскую архиепархию Апаimei, в чем вновь можно усмотреть крайне серьезное и трепетное отношение латинян к иерархии и организации прежнего Антиохийского Патриархата. Архиепископы Апаimei,

⁶⁹ Подробнее об организации православного Антиохийского Патриархата см. выше: Часть I, гл. 1, С. 100—105.

⁷⁰ Об истории становления латинской архиепископии Апаimei, см. Richard J. Note sur l'archidiocèse d'Apamée et les conquêtes de Raymond de Saint-Gilles en Syrie du Nord // Syria. Tome 25. — 1946. — №1. — P. 103—108.

фактические ставшие викариями латинских Патриархов, сохраняли преемство вплоть до разорения Антиохии мамлюками⁷¹.

Крайне показательной в этом отношении является организация латинских епархий на территории графства Эдесского. Второй по величине и значению город эдесских франков — Турбессель, бывший в 1118—1150 гг. западной столицей графства, так никогда и не получил «своего» латинского епископа, т. к. в византийские времена там не было архиерейской кафедры. В то же самое время, Патриарх Рауль I Домфрон, следуя византийской «Нотиции...», учредил латинскую архиепископскую кафедру Иераполя (Мамбиджа); кафедра этого города числилась как пятая по чести митрополия Антиохийского престола. Но поскольку франки так никогда и не смогли покорить Мамбидж, латинский архиепископ Иераполя пребывал в городке Дулук, неподалеку от Турбесселя⁷². Архиепископу Иераполя и было поручено окормление франкских церквей Турбесселя⁷³. Жан Ришар выдвинул предположение, что архиепископу Иераполя, в качестве суффраганов, были переданы епархии Кайсуна и Мараша⁷⁴. Также латинская архиепископская кафедра была учреждена в Кире (Курисе), где ранее располагалась автокефальная митрополия Антиохийской Церкви, пустовавшая на протяжении многих лет⁷⁵.

⁷¹ До нас дошли упоминания об архиепископе Жеральде (1174 г.) и его анонимном преемнике (1198 г.), относящиеся к периоду правления князя Боэмунда III Антиохийского; архиепископах Одо (1214—1216 гг.) и Ансельме (1219—1232 гг.), занимавших титулярную кафедру Апамеи в правление князя Боэмунда IV Одноглазого, и архиепископе Петре (1238—1244 гг.), пребывавшем в Антиохии в годы правления Боэмунда V. Последний латинский архиепископ Апамеи, имя которого не сохранилось, в последний раз упоминается за пять лет до падения Антиохии (1263 г.).

⁷² Hamilton B. The Latin Church in the Crusader States... c.2, P. 29.

⁷³ Среди архивов аббатства Нотр-Дам де Иосафат сохранилась хартия единственного известного латинского архиепископа Иераполя — Франко, в которой тот дарит обители замок на территории своей епархии. Сохранилась также печать архиепископа Франко, на аверсе которой изображен архиепископ, в полном облачении и митре, держащий крест; на реверсе башни города и легенда «град Иераполь». См. Kohler C., ed. Chartes de l'Abbaye de Notre-Dame de la Vallée de Josaphat... — №19, P. 129.

⁷⁴ Richard J. The Political and Ecclesiastical Organization of the Crusader States // Setton K.M., ed. A History of the Crusades. Vol. V. — University of Wisconsin, 1990. — P. 242—243. См. также: Hamilton B. The Growth of the Latin Church at Antioch... P. 175.

⁷⁵ Латинский архиепископ Кира — Жерап (Gerardus Coriciensis) впервые упоминается в хронике Гильома Тирского, который отмечает его присутствие на Антиохийском соборе 1140 г.; см. Guillaume de Tyr. Op.cit. — Lib. XV, c.16, P. 683. О православной епархии Кира см. выше: Часть I, гл. 1, С. 100—105.

Стремление вступить в права прежнего, православного Патриархата Антиохии привело первых латинских Патриархов к острому конфликту с их собратьями в Иерусалиме и даже с римскими понтификами. Конфликт разгорелся из-за положения Тира и епархий-суффраганов этой великой митрополии. Тирская кафедра, как мы уже подробно писали выше, была первой по чести среди великих митрополий Антиохийского престола. Однако, поскольку Тир, в 1124 г., был покорен армией Иерусалимского королевства, город и его митрополию было решено передать в подчинение латинского Патриарха Иерусалима. Что касается епархий-суффраганов Тира, то они были разделены между двумя Патриархатами. Епархии Бейрута, Сидона и Акры вошли в состав Иерусалимского королевства и Патриархата; епархии Триполи, Тартуса и Гибелета (Библа), располагавшиеся на территории Триполийского графства, остались в прямом подчинении латинского Антиохийского Патриарха.

И невзирая на то, что и латинские Патриархи Иерусалима, латинские архиепископы Тира, и даже два римских понтифика — Пасхалий II и Гонорий II — требовали передать все тирские епархии-суффраганы в состав Иерусалимского Патриархата, Патриарх Бернард Валенский категорически отказался признавать это решение «полноты Римской Церкви», папских легатов и самого Апостольского престола. Его преемник — Патриарх Рауль I Домфрон даже дерзнул «напомнить» Папе Иннокентию II о том, что и Рим, и Антиохия «кафедры св. Петра, но Антиохия, как старшая, имеет первенство чести»⁷⁶. Несмотря на то, что последующие латинские Патриархи Антиохии уже не смели выказывать подобное отношение к Риму, они все же так никогда и не признали утраты Тира и не передали Иерусалимским первоиерархам епархий графства Триполи⁷⁷. Подобной позиции придерживались даже латинские Патриархи XIII вв., которые, как известно, назначались римскими понтификами в Италии и направлялись на Восток «в сущем сане». То есть здесь мы видим, что идея сохранения

⁷⁶ Guillaume de Tyr. *Op.cit.* — Lib. XV, c.13, P. 692—693.

⁷⁷ Историю конфликта между латинскими Патриархами Антиохии, Патриархами Иерусалима и римскими понтификами из-за Тира и его епархий-суффраганов подробно пишут Б. Гамильтон и Т. Асбридж. См. Hamilton B. *The Latin Church in the Crusader States...* c.2, P. 27—28; Asbridge T. *The Creation of the Principality of Antioch...* c.8, P. 208—211. Также см. работу Дж. Г. Роу: Rowe J.G. *The Papacy and the Ecclesiastical Province of Tyre* // *Bulletin of the John Rylands Library.* — 1960—1961. — №43. — P. 160—190.

правопреемства от прежних, византийских первоиерархов и желание оградить исконные права Антиохийской Церкви от латино-иерусалимских и римских посягательств привели латинских Патриархов Антиохии к столкновениям с другими иерархами Западной Церкви. История конфликта из-за епархий Тира с особой силой напоминает нам о том, что становление латинского Антиохийского Патриархата можно воспринимать как массовое переселение и утверждение на Востоке латинских христиан, но отнюдь не как планомерная, централизованная экспансия и колонизация, инициированная Римской Церковью.

В период своего территориального расцвета своего патриархата латинский Патриарх Антиохии распространял свою каноническую власть на пятерых архиепископов (Тарса, Мамистры, Апамеи, Эдессы, Кира) и семерых епископов (Латакии, Джабалы, Валании, Тортосы, Триполи, Гибелета, Арты, Мараша, Кайсуна). Однако к середине XII в., из-за падения Эдесского графства и восточных территорий княжества Антиохийского, территория Патриархата значительно сократилась. К концу патриаршества третьего латинского Патриарха Антиохии — Амори де Лиможа (ум. в 1193 г.), и на протяжении большей части XIII в., латинский Антиохийский Патриархат составляли, помимо патриаршей епархии, епископские кафедры Валании, Тортосы, Триполи и Гибелета, титулярная архиепископская кафедра Апамеи и восстановленные в Киликии латинские архиепископские кафедры Тарса и Мамистры.

**IV. Кафолические христиане и «еретики» Востока.
Сравнительное отношение франков к халкидонским,
кафолическим христианам Леванта и «еретическим»
Церквям миафизитов и монофелитов**

Основание латинских Патриархатов Антиохии и Иерусалима вполне естественно приводит нас к вопросу о том, как именно франки воспринимали подпавших под их светскую и церковную власть православных христиан (греков, мелькитов, грузин, армян-халкидонитов). Совершенно очевидно, что речь не может идти о латинском восприятии данных событий как борьбы со схизматиками и тем более — с еретиками. Напротив, в учреждении латинских

патриархатов, в возведении латинских прелатов на древние византийские, православные кафедры, в обязательном подчинении православных храмов и монастырей латинской иерархии, проявилось новое и весьма своеобразное понимание заповеди Папы Урбана II: «Вычада Единого Христа и Единой Церкви». Разбирая историю межхристианских связей в государствах крестоносцев, легко заметить, что франки проявляли гораздо большую терпимость к церковной независимости не принадлежавших к католической Церкви «еретиков» миафизитов, подчас прямо покровительствуя сиро-яковитской и армянской иерархии.

Предстоятели Армянской Апостольской и Сиро-яковитской Церквей на франкских землях

Предстоятели Сиро-яковитской и Армянской Церквей могли свободно посещать города и земли франкской Сирии, пользуясь поддержкой и гостеприимством государей Антиохии и Эдессы. Так, в 1103 г. в Эдессу прибыл армянский Католикос Григорий II Мартирофил, которого, по словам Матфея Эдесского, граф Бодуэн II де Бург «принял с большими почестями, как подобает патриарху, и даровал ему обширные деревни и поместья»⁷⁸. В 1149 г. графиня Беатриса — последняя правительница графства Эдесского, преподнесла в дар Католикосу Григорию III Пахлавуну крепость Рум Калаат (известную также как Ромкла, или Хромкла), ставшую на протяжении последующих 144 лет резиденцией католикосов Киликии⁷⁹.

⁷⁸ Mathieu D'Edesse. Op.cit. — с.179, Р. 253.

⁷⁹ Согласно хронике Смбата Спарапета, Григорий III, опасаясь нараставших тюркских вторжений, решил отправиться ко двору грузинского царя Димитрия I, чтобы просить его разрешения вернуть резиденцию армянских католикосов в Ани. Покинув Киликию, Католикос Григорий III остановился в Турбесселе, «где встретился с женой Жослена (Беатрисой. — С. Б.), и она спросила святого отца о причинах его путешествия на Восток. Когда он рассказал ей о причинах, побудивших его отправиться на Восток, она посоветовала ему отказаться от столь дальнего и опасного путешествия, и даровала ему в качестве резиденции неприступную крепость Ромклу. Святейший Патриарх несказанно возрадовался этому дару, и вскоре вернулся к своему брату Нерсесу (Нерсесу Шнорали — будущему Католикосу. — С. Б.) в Дзювк. Там Григорий III рассказал об обещании жены Жослена даровать Ромклу в качестве резиденции для католикос-патриарха армян. Нерсес и другие, получив это известие, возликовали, ибо страх перед

Сиро-яковитские патриархи часто и подолгу находились в пределах княжества Антиохийского и графства Эдесского. Одной из постоянных резиденций сиро-яковитских Патриархов (в особенности — Афанасия VII и Иоанна XII) был монастырь Доваир близ Антиохии. Патриарх Мар Иоанн XII (1130—1137 гг.) пользовался особым покровительством графа Жослена I Эдесского и его сына — Жослена II. Торжественная интронизация Мар Иоанна XII была совершена в латинском (!) кафедральном соборе Турбесселя, в присутствии графа Жослена и баронов Эдесского графства. Описание интронизации Патриарха Иоанна XII оставляет Михаил Сириец: «Все епископы отправились вместе с мафрианом Дионисием в Тель-Башир, по приглашению графа Жослена — их покровителя и защитника. Там, в великом соборе франков, во вторую неделю Великого поста, 7-го себата (февраля), мафриан Дионисий возложил руки на Мар Иоанна, архимандрита Маудинского монастыря, совершив его интронизацию в присутствии графа Жослена и его придворных»⁸⁰. Патриарх Мар Иоанн XII даже перенес свою резиденцию из Амиды в подвластный эдесским франкам Кайсун⁸¹. Сам Михаил Сириец, в годы своего патриаршества (1166—1199 гг.) неоднократно посещал франкские земли, пользуясь гостеприимством королей Иерусалима и князя Антиохийского, а также латинского Патриарха Антиохии — Амори де Лиможа⁸². В бытность свою Патриархом, Михаил дважды совершал паломничества в Иерусалим — в 1168 и в 1180 гг., навещал Патриарха Амори в его замке — Кусаире, а также подолгу гостил в Антиохии. Бар Эбрей упоминает о том, что Патриарх Михаил I Сириец, во время своего пребывания в Антиохии, совершал хиротонии епископов для различных епархий Сиро-яковитской Церкви, что не могло совершаться без ведома и согласия франкского князя и Патриарха⁸³.

натиском неверных был очень велик. Они собрали всех своих сородичей, домоладцев и имущество, и переселились в Ромклу, утвердившись там». См. Bedrosian R., ed. *The Armenian Chronicle of Sempad, or of the «Royal Historian»*... P. 76.

⁸⁰ Michel le Syrien. Op.cit. — Vol. III, Lib. XVI, c. IV, P. 231.

⁸¹ Подробнее о взаимодействии франков и сиро-яковитов, см. также: MacEvitt C. *The Crusades and the Christian World of the East*... P. 106—109.

⁸² Эти посещения Михаила совпали с правлением королей Амори I и Бодуэна IV в Иерусалиме, и с правлением князя Бозмунда III в Антиохии. Из хроники Михаила создается впечатление, что он встречался со всеми этими государями.

⁸³ Bar Hebraeus. *Chronica Ecclesiastica*... Vol. II, P. 545—546; Weltecke D. *On the Syriac Orthodox in the Principality of Antioch during the Crusader Period*... P. 101.

Епископат армян и сиро-яковитов на землях франкской Сирии

Христиане-миафизиты — армяне и сиро-яковиты — пользовались и правом постоянного пребывания своей церковной иерархии в Антиохии, Эдессе, Мараше и прочих городах франкской Сирии. Их епископы играли заметную роль в жизни Латинского Востока, защищая и представляя армянские и сиро-яковитские общины перед франкскими государями. В первой части книги мы уже писали о том, что князя Боэмунда I Антиохийского, во время его похода к Мелитене (1100 г.), сопровождали армянские епископы Антиохии и Мараша — Киприан и Григорий, погибшие в ходе катастрофического сражения с тюрками эмира Гази Гюмюштекина⁸⁴. Матфей Эдесский оставляет достаточное количество упоминаний об армянских архиепископах Эдессы, к примеру — об архиепископе Стефане, ходатайствовавшем перед графом Бодуэном II де Бургом за права армянского населения, когда франкский государь решил изгнать часть армян из пределов города, заподозрив их в измене⁸⁵.

Сиро-яковиты, сходным образом, пользовались правом держать своих митрополитов и епископов в Эдессе, Тарсе, Адане, Мараше, Кафартабе, Триполи, на Джихане (то есть епископа, окормлявшего сиро-яковитские общины между рекой Джихан и Мамистрой, и северными отрогами Аманоса)⁸⁶. Наиболее ярким из этой череды сиро-яковитских иерархов стал митрополит Василий, занимавший эдесскую кафедру в годы падения христианского господства в регионе. Митрополит Василий принимал деятельное участие в обороне Эдессы (1144 г.), в неудавшейся попытке графа Жослена II отвоевать город и в последовавшем катастрофическом исходе христианского населения из Эдессы в Самосату⁸⁷. Во всех этих событиях также принимал участие и армянский архиепископ Эдессы Иоанн, захваченный тюрками на пути в Самосату и умерший в сельджукском плену. Не позднее

⁸⁴ Mathieu D'Edesse. Op.cit. — с.167, Р. 231. См. выше: Часть I, гл. 3, С. 100—105.

⁸⁵ Mathieu D'Edesse. Op.cit. — с.199, Р. 268.

⁸⁶ Weltecke D. On the Syriac Orthodox in the Principality of Antioch during the Crusader Period... Р. 105—106.

⁸⁷ Michel le Syrien. Op.cit. — Vol. III, Lib. XVI, с.2, Р. 262; с. 5, Р. 271. Подробнее, см. выше: Часть III, гл. 2, С. 100—105.

1190 г. латинский Патриарх Амори де Лимож предоставил своему другу — Патриарху Михаилу I Великому (Михаилу Сирийцу) право по- ставить своего викария в Антиохию. Первым таким викарием стал племянник Михаила — архиепископ Афанасий, бывший до этого сиро-яковитским епископом Иерусалима⁸⁸.

Сиро-яковитские и армянские церкви Эдессы, Иерусалима, Антиохии

В наибольшей степени присутствие миафизитов (как сирийцев, так и армян) ощущалось в Эдессе. Столица первого франкского государства на Востоке была населена преимущественно чадами Сиро-яковитской и Армянской Апостольской Церкви; халкидонские, кафолические христиане — латиняне, мелькиты, армяне-халкидониты — были в меньшинстве. Сиро-яковитам принадлежал целый ряд церквей и монастырей Эдессы. К северу от цитадели города находился так называемый «монастырь Авгаря», бывший не просто обителью, но также резиденцией и кафедральным собором сиро-яковитского митрополита Эдессы⁸⁹. Другим сиро-яковитским монастырем в Эдессе была обитель Пресвятой Богородицы, где также периодически останавливался и жил местный митрополит⁹⁰. Среди множества сиро-яковитских церквей Эдессы можно назвать церковь Сорока Мучеников, церковь Исповедников, церковь Св. Георгия, церковь Св. Иакова Рассеченного, церковь Свв. Сергия и Симеона Столпника, церковь Св. Кириака, церковь Св. Феодора Стратилата близ цитадели. За Харранскими Вратами находился еще один монастырь сиро-яковитов — обитель Св. Космы, воздвигнутая вокруг чудотворного источника, в которой некогда был брошен Св. Мандилион (Спас Нерукотворный). К 1140 г. монастырь находился в полностью разрушенном состоянии, но оставался местом массового паломничества и торжественных богослужений сиро-яковитов⁹¹. Армянская община начала свое утверждение в Эдессе namного

⁸⁸ Michel le Syrien. Op.cit. — Vol. III, Lib. XXI, c.8, P. 411—412; Hamilton B. Aimery of Limoges, Latin Patriarch of Antioch (c.1142-c.1196), and the Unity of the Churches... P. 11.

⁸⁹ Segal J.B. Edessa: The Blessed City... P. 249—250, 252.

⁹⁰ Segal J.B. Edessa: The Blessed City... P. 190.

⁹¹ Segal J.B. Edessa: The Blessed City... P. 296.

позже сирийских христиан, однако и ей принадлежал целый ряд городских храмов, в том числе церковь Св. Сергия, располагавшаяся за пределами крепостных стен, еще одна церковь, освященная в честь Св. Георгия, а также соборная церковь Св. Ефрема, бывшая кафедральным собором армянского архиепископа⁹². В Иерусалиме, сходным образом, располагались армянский собор Св. Апостола Иакова и сиро-яковитский монастырь Св. Марии Магдалины, а также несколько меньших церквей и часовен, принадлежавших миафизитам, в том числе — коптам, нубийцам и эфиопам, прибывавшим в Святой град.

Если же говорить об Антиохии, то следует сразу сказать, что характерным отличием франкского правления от византийского было не только подчинение православных — латинской иерархии, но и несравненно большая толерантность франкских властителей к миафизитам, в особенности — к сиро-яковитам. Князь Рожер Антиохийский оградил Сиро-яковитскую Церковь от посягательств латинского патриарха, жестко отчитав Бернарда Валенского за содержание под стражей и бичевание сирийского Патриарха Афанасия VI бар Хаморо (1118 г.). Согласно хронике Михаила Сирийца, князь Рожер, получив жалобу со стороны Афанасия VI бар Хаморо, обратился к Патриарху Бернарду Валенскому со следующим увещанием: «Не смей судить сирийских христиан, ибо у Тебя нет для этого ни власти, ни авторитета»⁹³. Слова этого нормандского князя в значительной степени определили независимость Сиро-яковитской Церкви в пределах княжества Антиохийского.

Более того, со времен князя Боэмунда III Антиохийского, франкские государи периодически позволяли сиро-яковитским Патриархам совершать торжественный чин интронизации в кафедральном соборе Антиохии. Подобного права сирийским миафизитам не предоставляли ни в эпоху арабского господства, ни тем более — в период второго византийского правления. Автор «Анонимной сирийской хроники 1234 г.» подробно повествует о том, что франки позволили Михаилу Сирийцу совершить торжественную интронизацию в кафедральном соборе Св. Петра и воссесть на кафедре первоверховного Апостола — чести, которой сирийские патриархи-миафизиты не

⁹² Segal J.B. Edessa: The Blessed City... P. 249—250.

⁹³ Michel le Syrien. Op.cit. — Lib. XV, c. XII, P. 210.

удостаивались со времен Севира Антиохийского (518 г.)⁹⁴. Гамильтон справедливо считает инициатором этой торжественной интронизации князя Боэмунда III Антиохийского, т. к. ни латинский Патриарх (при всей его расположенности к Михаилу), ни тем более православный Патриарх Афанасий I Манасси не могли благословить совершения подобного действия в кафедральном соборе халкидонских христиан⁹⁵. В следующем столетии право на подобный чин интронизации на хранимой латинянами кафедре князя Апостолов получил сирояковитский Патриарх Иоанн XIII (1252—1263 гг.), и, возможно, его предшественник, Патриарх Игнатий III Давид (1222—1252 гг.). Так или иначе, к середине XIII в. сирояковитские патриархи взирали на интронизацию в латинском соборе Св. Петра как на устоявшуюся традицию и свое право⁹⁶.

Важным событием для взаимоотношений латинян и сирояковитов в Антиохии стало чудесное исцеление знатного франкского отрока, произошедшее в 1152 г. у мощей сирояковитского святого Бар Саумы. Подробно эта история приведена в хронике Михаила Сирийца, согласно описаниям которого некий знатный франкский отрок, играя в своем саду, упал с дерева и, получив тяжелейшую травму, был парализован и впал в подобие комы. Его сраженной горем матерью явился святой Бар Саума, который велел ей основать в Антиохии церковь, названную его именем. Родители ребенка отправили гонцов в монастырь Бар Саумы и спустя некоторое время к ним прибыли монахи указанной обители, во главе с митрополитом Василием Эдесским. Как только сирояковитские клирики пропели славословие святому Бар Сауме, раненный мальчик восстал с ложа, живой и невредимый. Весть об этом немедленно разлетелась по всей Антиохии и к дому, где произошло чудо, стали стекаться толпы франков, сирояковитов и армян. Вскоре в дом прибыла и княгиня Констанция Антиохийская, которая пала ниц у того места, где было чудесное явление

⁹⁴ Bar Hebraeus. *Chronica Ecclesiastica*... Vol. II, P. 545—546; Anonymi Auctoris *Chronicon ad Annum Christi 1234 pertinens, Historia Ecclesiastica* // CSCO, *Scriptores Syri*. — Paris 1926. — P. 230; Hamilton B. *The Latin Church in the Crusader States*... c.8, P. 196—197; Weltecke D. *On the Syriac Orthodox in the Principality of Antioch during the Crusader Period*... P. 101.

⁹⁵ Hamilton B. *The Latin Church in the Crusader States*... c.8, P. 196.

⁹⁶ Bar Hebraeus. *Chronica Ecclesiastica*... c.711; Weltecke D. *On the Syriac Orthodox in the Principality of Antioch during the Crusader Period*... P. 102—103.

святого Бар Саумы, оросив его слезами. Пылинки с этого места княгиня, знать и толпа, собирали, почитая как священные реликвии⁹⁷.

Родители исцеленного ребенка — Генрих и Изабелла, с согласия княгини Констанции, отдали свой сад для строительства сиро-яковитской церкви. Спустя четыре года, в декабре 1156 г. церковь Бар Саумы была освящена. Как повествует присутствовавший при этом событии Михаил Сириец, церковь Бар Саумы была освящена «в дни правления Рено, князя Антиохии и Бодуэна, короля Иерусалимского, в дни их патриарха Амори и нашего патриарха — Мар Афанасия. При освящении присутствовали правитель Киликии Торос (т. е. Торос II Рубенид. — С. Б.), княгиня (Констанция. — С. Б.), Генрих и его супруга — дама Изабелла (...), и прочие знатные латиняне, и народ армянский, и сирийский, и множество наших священников, диаконов и монахов, а также священство франков и армян. Греки же, супостаты, скорбели в своей зависти»⁹⁸. Д. Вельтеке и А. Жотицкий уделяют этой истории особое внимание, как яркому проявлению консолидации антиохийских франков и восточных миафизитов (килийских армян и сиро-яковитов), накануне грядущего византийского завоевания Киликии и утверждения императорского сюзеренитета над княжеством Антиохийским⁹⁹. К 1170 г. сиро-яковиты смогли возвести еще одну церковь в Антиохии, освященную в честь Св. Георгия¹⁰⁰, а в годы патриаршества Игнатия III Давида (1222—1252 гг.) сирийские миафизиты получили право выкупить обширный сад в черте городских стен и возвести там величественную резиденцию для своего Патриарха. Причем сиро-яковиты не жалели сил и средств на строитель-

⁹⁷ Michel le Syrien. Op.cit. — Vol. III, Lib. XVIII, c.13, P. 300—303. Рассмотрение этой истории применительно к отношениям антиохийских франков и сирийских христиан приведено в докладе А. Жотицкого, см. Jotischky A. Franks and Natives in the Crusader States: the State of the Question // Paper given at Third Symposium of The Norman Edge: Identity and State Formation on the Frontiers of Europe, 2009.

⁹⁸ Michel le Syrien. Op.cit. — Vol. III, Lib. XVIII, c.13, P. 303—304.

⁹⁹ Weltecke D. On the Syriac Orthodox in the Principality of Antioch during the Crusader Period... P. 115; Jotischky A. Franks and Natives in the Crusader States: the State of the Question... P. 6—7.

¹⁰⁰ Михаил Сириец, описывая последствия землетрясения 1171 г., упоминает о том, что, в отличие от греческих и латинских церквей, три сиро-яковитские церкви Антиохии избежали разрушения. При этом Михаил называет эти храмы: существовавшая с византийских времен церковь Пресвятой Богородицы Сирийцев, церковь Бар Саумы и церковь Св. Георгия. См. Michel le Syrien. Op.cit. — Vol. III, Lib. XIX, c.6, P. 339.

ство. В итоге, сиро-яковитская патриархия представляла собой роскошный архитектурный ансамбль, выделявшийся среди окрестных садов и кварталов за счет двух необычайно высоких куполов. Описание увенчанной куполами сиро-яковитской патриархии приведено Бар Эбреем¹⁰¹.

«Чада единого Христа и единой Церкви...». Мотивы латинской нетерпимости к параллельной иерархии православных

Чем же объясняется это неравенство в сравнительном положении подпавших под франкское правление православных и миафизитов? Несомненно его истоки следует искать именно в идее единства кафолических христиан Востока и Запада, которой латиняне, ромеи и ближневосточные мелькиты держались на протяжении многих веков и которую столь ревностно проповедовал Урбан II. Сиро-яковитам и армянам позволено было принимать своих епископов и даже — патриархов, т. к. они с V в. находились вне лона кафолической, халкидонской Церкви. Нуждавшиеся в поддержке восточных христиан франки готовы были отказаться от идеи их насильственного подчинения и применить в отношении к этим этноконфессиональным группам толерантную, несколько адаптированную арабскую систему милета. Между тем, подвластные франкам православные христиане (греки, мелькиты, армяне-халкидониты, грузины), как принадлежавшие к кафолической Церкви (к которой себя относили и латиняне), обязаны были, в знак незыблемого единства кафолических, ортодоксальных (православных) христиан, повиноваться единственно-приемлемой для франкских государей латинской иерархии, «дабы не было на одной кафедре двух патриархов, что, как известно, строжайше запрещено священными канонами святых отцов»¹⁰². Идея учреждения обособленного, правящего епископата для греков или мелькитов показалась бы франкам столь же кощунственной, как поставление двух епископов в Реймсе, Тулузе, Милане или Риме.

¹⁰¹ Bar Hebraeus. *Chronica Ecclesiastica*... c.545; Weltecke D. *On the Syriac Orthodox in the Principality of Antioch during the Crusader Period*... P. 101–102.

¹⁰² Guillaume de Tyr. *Op.cit.* — Lib. VI, c.23, P. 275.

Нельзя не отметить, что большинство авторов крайне неосторожно использует утверждение о том, что крестоносцы замещали греческих и мелькитских архиереев латинскими прелатами. Если речь идет о том, что пустовавшая византийская кафедра переходила к латинской иерархии — то это, бесспорно, так. Но считать, что крестоносцы в начале XII в. подвергали изгнанию православных архиереев и ставили на их место латинских прелатов — в известной степени бесосновательно. История с изгнанием Иоанна V Оксита — это *единственный* документально подтвержденный прецедент насильственного замещения действовавшего православного иерарха — латинянином, что с полным обоснованием подчеркивает, в своей недавно вышедшей монографии, Кристофер МакЭвитт¹⁰³. Бесспорно, подобные прецеденты впоследствии имели место в XIII в. на землях Латинской Романии; достаточно вспомнить Вселенского Патриарха Иоанна X Каматира или несчастного митрополита Афинского Михаила, брата Никиты Хониата. Но это не дает полного основания утверждать, что идентичные процессы имели место и столетием ранее, в покоренных франками городах Сирии, Киликии и Палестины, где огромное число епископских кафедр пустовало, т. к. греческие и мелькитские архиереи покидали свою паству в годы сельджукского завоевания. Более того, невозможно говорить и о полном латинском запрете на православный епископат в пределах франкских владений. Напротив, сохранилось достаточно упоминаний о пребывании на франкских землях мелькитских архиереев, которые пользовались статусом номинальных викариев латинских прелатов¹⁰⁴.

Итак, в глазах крестоносцев и первых франкских властителей Леванта «церковь греков» была «церковью латинян». Невзирая на различие во внешнем облике, языке, культуре, несмотря на невозможность положиться или в полной мере довериться «грекам» или «сирианам», они обязаны были оставаться в лоне единой Церкви. Однако первенство в Церкви на Востоке принадлежало освободившим Святую землю христианам Запада. На кафедрах в городах Востока должны были восходить латинские епископы, родные по языку, обряду и культуре франкским государям, рыцарству и переселенцам. Восточные богослужебные традиции при этом

¹⁰³ MacEvitt C. The Crusades and the Christian World of the East... P. 112.

¹⁰⁴ О пребывании мелькитских иерархов на землях франкской Сирии будет подробно сказано ниже. — С. 100—105. Также см. Часть IV, гл. 4, С. 100—105.

не отрицались; напротив, латиняне бережно следили за сохранением храмов и монастырей в ведении православных общин. Но все же они считались равноправными традициям Римской Церкви¹⁰⁵. Это, вполне естественно, открывало путь к переустройству и латинизации значительной части ближневосточных церквей. Старые византийские кафедральные соборы Сирии, Киликии и Палестины отныне переходили в введение латинского клира и епископата, оставаясь при этом почитаемыми местами молитвы и паломничества для всех католических, халкидонских (латинских и византийских) христиан Заморской земли.

V. Кафедральные соборы, церкви и монастыри латинского Патриархата Антиохии

Антиохия. Собор Св. Апостола Петра

Центром Латинского Патриархата стал кафедральный собор Св. Апостола Петра — та самая «церковь Кассиана», о которой мы уже неоднократно упоминали в предшествующих главах. Последние 168 лет своего существования эта соборная церковь, бывшая одной из наиболее древних и почитаемых в христианском мире, оставалась в ведении латинского Патриарха Антиохии и его клира. В данном случае, приведем по крайней мере краткий очерк истории и архитектуры кафедрального собора католических христиан Антиохии эпохи второго византийского и франкского правления. Как уже было сказано выше, кафедральная церковь Кассиана была одной из двух древнейших базилик в Антиохии, а ее основание приписывали самому Апостолу Петру. Как пишет в своей хронике мелькитский епископ Агапий Иерапольский X в., «когда ангел вызволил его (Петра. — С. Б.) из темницы, он отправился в Антиохию, где заложил основы церкви, которая названа в честь Кассиана, и воздвиг там алтарь»¹⁰⁶.

¹⁰⁵ Равноценность восточных богослужебных традиций с богослужением Латинского Запада была признана Римско-католической Церковью лишь в 1964 г. на Втором Ватиканском соборе. Речь, конечно же, идет о декрете Второго Ватиканского собора «*Orientalium Ecclesiarum*», который был принят Папой Павлом VI в ноябре 1964 г. См. Документы II Ватиканского Собора. — М: Паoline, 1998. — С. 134.

¹⁰⁶ Vasiliev A., ed. & trans. *Histoire universelle, écrite par Agapius (Mahboub) de Menbidj...* — P. 484—485.

Своим названием церковь Кассиана обязана преданию, бытовавшему среди сирийских христиан о том, как Апостол Петр, в период своего пребывания во главе антиохийской общины, воскресил из мертвых сына местного «царя» — Кассиана, что вызвало массовые обращения в Антиохию. Подробное описание этого сказания приводит, среди средневековых авторов, коптский диакон Абу-ль-Макарим, согласно которому: «Одним из чудес, совершенных апостолами, стало воскресение из мертвых Кассиана, царского сына, после того как он умер и оставался в гробу три месяца. Петр сделал так, чтобы тот живым вышел из гроба, взял его за руку, и они вместе, разговаривая, пришли в царский дворец. Когда царица, мать Кассиана, и царедворцы, и знать, и весь народ увидали это чудо, свершенное Петром, они приняли крещение и уверовали в Господа Нашего Иисуса Христа. Крестились они у источника, который забил по приказу Петра (...) Они же построили на месте том великую церковь, и воздвигли там алтари, и совершали на них богослужение, и приносили там Господу предношение хлеба и вина»¹⁰⁷. Конечно же, само это предание вызывает множество вопросов. Хорошо известно, что никакого царя Кассиана в этот период в Антиохии не было и быть не могло, так как город, с 64 г. до н. э. находился под властью Рима и его наместников. К тому же, ни один селевкидский монарх, правивший до 64 г. до н. э., и ни один римский наместник I в. с таким именем не известен. Вероятно, исцеление или воскресение Апостолом Петром некоего знатного юноши с именем Кассиан было позднее преобразовано в сказание о воскресении некоего «царского сына». Так или иначе, вполне очевидно, что христиане Антиохии с достаточно раннего времени связывали возведение этой церкви именно с Апостолом Петром, что она действительно была одной из двух древнейших церквей города (наряду с «Апостольской базиликой»), и то, что церковь носила имя воскрешенного Апостолом знатного юноши, а не некоего «святого Кассьяна» (как эта соборная церковь иногда фигурирует в некоторых русскоязычных исследованиях и текстах)¹⁰⁸. Абу-ль-Макарим приводит

¹⁰⁷ Hacken C.E. ten. The description of Antioch in Abu al-Makarim's History of the Churches and Monasteries of Egypt... с. XXV, Р. 213—214. Сходную историю передает, в числе других средневековых восточных авторов, багдадский врач Юханна ибн Бутлан. Подробнее см. Le Strange G. Op.cit. — Р. 371.

¹⁰⁸ О церкви Кассиана пишет, к примеру, такие ранневизантийские авторы, как Иоанн Малала (VI в.). См. выше: Глава I, С. 100—105.

точную датировку основания церкви, исходя, очевидно, из местных сведений и преданий антиохийских христиан. Он говорит о том, что церковь Кассиана была построена «в первый год правления Клавдия, царя римлян», то есть в 41 г.¹⁰⁹. Со времен Первого крестового похода церковь Кассиана была известна преимущественно как «Собор Св. Апостола Петра». Именно так она фигурирует в латинских текстах. Однако есть некоторые основания полагать, что новое название — собор Св. Петра, появилось уже в эпоху второго византийского правления. Уже протоспафарий Ибрагим ибн Юханна в «Житии св. Христофора...» пишет о кафедральном соборе и как о «церкви Кассиана», и как о «доме святого Мар Петра»¹¹⁰. Матфей Эдесский, описывая византийские репрессии против сиро-яковитов, пишет о кафедральном соборе халкидонских христиан именно как о «соборе Св. Петра»¹¹¹.

Уже в ранневизантийский период (V-VI вв.) церковь Кассиана была одним из наиболее почитаемых храмов Антиохии. Когда, в правление императора Льва I Макеллы (в 459 г.), в Антиохию было принесено тело почившего Св. Симеона Столпника, то оно вначале было возложено в церкви Кассиана, где покоилось около месяца, и лишь после этого торжественно перенесено для почитания в Великую церковь Константина¹¹². В VI в. император Юстиниан I даровал церкви Кассиана свое царское облачение, которое было торжественно вывешено в храме¹¹³. С момента запустения и разрушения Великой церкви Константина, на рубеже VI-VII вв., за церковью Кассиана окончательно закрепилось первенство чести и положение кафедрального собора католических христиан Антиохии.

¹⁰⁹ Hacken C.E. ten. The description of Antioch in Abu al-Makarim's History of the Churches and Monasteries of Egypt... c. XXIX, P. 215.

¹¹⁰ Zayat H. Vie du patriarche melkite d'Antioche Christophore... — P. 358; Ибрагим ибн Юханна. Житие Антиохийского Патриарха Христофора... — С. 57.

¹¹¹ Mathieu D'Edesse. Op.cit. — с.77, P. 97—98. Опять же, Матфей писал уже в первой половине XII в., однако описывает события XI в. и, будучи восточным, а не латинским автором, определенно употребляет наименование «собора Св. Петра».

¹¹² Подробнее, см. Downey G. A History of Antioch in Syria... — P. 481. Впоследствии, в эпоху второго византийского или франкского правления, неподалеку от кафедрального собора Антиохии была возведена и особая капелла, посвященная Св. Симеону Столпнику, см. Cahen C. La Syrie du Nord... P. 131.

¹¹³ Об этом даре Юстиниана церкви Кассиана пишет Иоанн Малала. См. выше: Глава I, С. 100—105.

В период второго византийского правления соборная церковь Кассиана была перестроена и украшена на средства ромейских василевсов, дабы кафедральный собор Антиохийских патриархов хотя бы в некоторой степени уподобился Великой церкви Константинополя — Агия Софии. Обновление убранства собора было инициировано императором Иоанном I Цимисхием, в годы патриаршества Феодора II Антиохийского. О переустройстве патриаршей церкви Кассиана по образцу константинопольской Софии пишет в своей хронике Яхья Антиохийский¹¹⁴. Вполне можно предположить, что для работ по украшению собора должны были привлечь константинопольских мастеров. Их участие в обновлении и украшении антиохийских церквей, и, в первую очередь, патриаршей церкви было бы вполне закономерным, особенно если обратить во внимание на сам процесс византинизации Антиохии и ее Патриархата, инициированный ромейскими василевсами и сопровождавшейся притоком в Сирию императорских сановников и клира Св. Софии. Наличие мозаичного убранства в церкви Кассиана несомненно, т. к. согласно описаниям Юханны ибн Бутлана, не только патриаршая церковь, но и все церкви города были «украшены золотом и серебром, и цветным стеклом», то есть смальтой¹¹⁵. Однако, поскольку собор был полностью разрушен в 1268 г., остается только гадать, могло ли его внутреннее убранство и его мозаики относиться к числу великих памятников позднего Македонского периода, таких как мозаики монастырей Осиос Лукас и Неа Мони, фессалоникийской церкви Панагия тон Халкеон или Св. Софии Киевской, или же оно восходило к числу исчезнувших памятников рубежа X-XI вв.

Тем не менее, есть и достаточное количество сведений об архитектуре и убранстве церкви Кассиана, которые можно почерпнуть из паломнических описаний XI-XIII вв. Наиболее подробное из дошедших до нас описаний собора составил багдадский врач-мелькит Юханна ибн Бутлан, посещавший Антиохию в 1051 г. и позднее принявший монашеский постриг в близлежащей Лавре Св. Симеона на Дивной горе. По словам Ибн Бутлана, «Посреди города стоит церковь

¹¹⁴ Розен В.Р. Указ. соч. — С. 34. Вопрос об обновлении не только устава и богослужения, но и убранства патриаршей церкви в Антиохии был уже подробно затронут выше. См. Глава I, С. 100—105.

¹¹⁵ Le Strange G. Op.cit. — P. 371.

Кассиана (...) Она состоит из часовни, длиной в 100 шагов и шириной в 80, а над ней уже стоит церковь, воздвигнутая на колоннах»¹¹⁶. То есть кафедральный собор состоял из двух храмов — нижнего, очевидно, и включавшего раннехристианскую церковь, и верхнего величественного храма — построенного на колоннах и перекрытиях над древней постройкой. Абу-ль-Макарим описывает собор Св. Петра как «висящую церковь»¹¹⁷. Это позволяет предположить, что кафедральный собор Антиохии прямо напоминал хорошо знакомую коптскому диакону и сохранившуюся поныне каирскую церковь Пресвятой Богородицы Аль-Муаллака. Этот прославленный каирский храм, бывший резиденцией коптского Патриарха, также известен как «Висящая церковь», поскольку он воздвигнут над старыми римскими укреплениями Вавилона Египетского. Только в отличие от каирской церкви, антиохийская церковь Кассиана была построена не поверх старой римской крепости, а над древним христианским храмом, восходящем к первому веку. Еще одной вероятной архитектурной параллелью антиохийской церкви Кассиана (как она предстает в описаниях Юханны ибн Бутлана и Абу-ль-Макарима) можно считать константинопольскую церковь Мирилейон, воздвигнутую по приказу императора Романа I Лакапина (920—944 гг.), над высоким цокольным помещением усыпальницы, фактически равным по высоте самому храму¹¹⁸.

Одной из достопримечательностей соборной церкви Антиохии была клепсидра (водяные часы), стоявшая перед церковными воротами и работавшая за счет одного из ручьев, стекавших со склонов горы Сильп и подведенного к стенам собора. Если, опять же, обратиться к описанию багдадского врача-мелькита: «Перед одними из врат церкви стоит клепсидра (*фунджан*), отображающая часы. Она работает день и ночь, в круге ее двенадцать часов и она одно из чудес света»¹¹⁹.

¹¹⁶ Le Strange G. Op.cit. — P. 371.

¹¹⁷ Hacken C.E. ten. The description of Antioch in Abu al-Makarim's History of the Churches and Monasteries of Egypt... c. IV, P. 198.

¹¹⁸ Высокий цоколь церкви Мирилейон был необходим, дабы возвести здание храма на один уровень с близлежащим дворцом императора Романа I Лакапина, который ромейские зодчие возвели на гигантской ротунде V в. Подробнее об архитектуре Мирилейона (ныне — мечети Бодрум), см. Иванов С.А. В поисках Константинополя. — изд. Вокруг Света: М., 2011. — С. 272—279.

¹¹⁹ Le Strange G. Op.cit. — P. 371.

Ибн Бутлан приводит и подробное описание внутреннего убранства церкви Кассиана¹²⁰. Среди сокровищ церкви багдадский врач особо выделяет темплон, инкрустированный перламутром; киворий над святым престолом с мраморными колоннами и серебряным куполом; великий серебряный «венеч» (поликанделеон или ранний хорос), висевший перед алтарем; три серебряных позолоченных и украшенных драгоценными камнями запрестольных креста; подвесное серебряное блюдо для лампад, то есть, вероятно, большой лампадофор, висевший в алтарной части, близ святого престола¹²¹. Конечно же, невозможно даже предположить, что именно из этого убранства могло уцелеть после тюркского завоевания города и, в особенности, после разорения, учиненного Яги-Сианом в 1097—1098 гг.¹²². Однако при франках собор Св. Петра смог, в известной степени, восстановить свой достаток и убранство.

Вильбранд Ольденбургский, посещавший собор Св. Петра в 1211 г., пишет о нем как о «великолепно украшенной церкви» (*ecclesia summa ornata*)¹²³. Над вратами, ведущими в кафедральный собор и патриархию, золотом была выложена надпись: «Удадитесь отсюда, езиды, ибо здесь стоит престол закона и истины; сему престолу покорна треть земли»¹²⁴. Обращением к «покорности трети земли» латинские Патриархи, очевидно, пытались подчеркнуть свое преемство от православных Патриархов Антиохии, которым действительно были покорны общины кафолических христиан от Дамаска и Босры на юге до Эрзерума и прочих земель Закавказья на севере, и от Киликии и сирополиванского побережья на западе до среднеазиатских городов Великого шелкового пути на востоке. Среди великих святынь собора Вильбранд Ольденбургский называет кафедру Св. Апостола Петра, тот самый «престол закона и истины» о котором гласила надпись над входом в патриархию, а также цепи и клеть, в которой, по преданию,

¹²⁰ Описание приведено в связи с попаданием молнии и пожаром, поразившим кафедральный собор Антиохии в 1051 г. Подробнее см. выше: Глава I, С. 100—105.

¹²¹ Le Strange G. Op.cit. — P. 372—373.

¹²² Подробнее об осквернении собора тюрками и превращении его в конюшни в годы осады Антиохии крестоносцами (1097—1098 гг.) см. Глава II, С. 100—105.

¹²³ Wilbrandus de Oldenburg. Op.cit. — P. 172.

¹²⁴ Wilbrandus de Oldenburg. Op.cit. — P. 172. «Sit procul hinc Iezii, thronus hic sit iuris et aequi; Tercia pars mundi iure tenetur ei».

держали под стражей князя Апостолов. Кафедра Св. Петра описана мелькитскими авторами XI в. (Ибрагимом ибн Юханной и Яхьей Антиохийским), как трон из пальмового дерева, обитый и изящно украшенный серебром¹²⁵. Этот архиерейский трон, на который восходили православные, а позднее — латинские Патриархи, был важнейшей реликвией собора и служил словно бы явственным символом преемства Антиохийских архипастырей от князя Апостолов.

Протоспафарий Ибрагим ибн Юханна приводит перечень святынь, хранившихся в ризнице собора, в числе которых были «жезл и кафедра (...) первоверховного апостола, мощи и облачения некоторых отцов-патриархов, в том числе Игнатия, мощи Мар Иоанн Крестителя, досточтимое копие Господне, жезл Иоанна Златоуста, пояс Мар Симеона Халейского Столпника и другие святыни»¹²⁶. Сохранился и перечень сокровищ ризницы собора Св. Петра эпохи франкского правления, составленный осенью 1209 г., в год прибытия в Антиохию нового латинского Патриарха — Петра II Иврейского. Среди сокровищ патриаршей ризницы упоминаются большие крест и потир — оба золотые, украшенные жемчугом и драгоценными камнями; серебряные кадила и сосуды для мира; богослужебные книги (Евангелие, Апостол, миссал), в драгоценных серебряных окладах¹²⁷; вышитый алтарный параман (антипендиум); вышитые серебряной нитью покрывала для дарохранительниц; три епископские митры, украшенные золотым шитьем; наверхие архиерейского жезла из золота и слоновой кости; икона из чистого серебра; гребни из слоновой кости; золотые кольца, увенчанные топазами; патриаршие печати для скрепления хартий; многочисленные богослужебные облачения (далматики, столы, манипулы, казулы, каппа магна, литургические перчатки, мантии, туники), многие из которых были украшены драгоценной вышивкой или окрашены в пурпур¹²⁸. Капитул патриарше-

¹²⁵ Zayat H. Vie du patriarche melkite d'Antioche Christophore... — P. 350; Ибрагим ибн Юханна. Житие Антиохийского Патриарха Христофора... — С. 50; Медников Н.А. Указ. соч. — С. 345.

¹²⁶ Zayat H. Vie du patriarche melkite d'Antioche Christophore... — P. 358—360; Ибрагим ибн Юханна. Житие Антиохийского Патриарха Христофора... — С. 57.

¹²⁷ По крайней мере, серебряный оклад упоминается в связи с книгой Посланий Апостолов.

¹²⁸ Документ, в котором приведен данный перечень, фактически представлял собой акт передачи сокровищ патриаршей ризницы (ранее взятых под защиту

го собора Св. Петра состоял из двенадцати каноников и нескольких диаконов, а также декана, архидиакона, казначея, канцлера, кантора, и магистра школы¹²⁹.

Собор Св. Петра имел огромное значение для христианского мира и, в особенности, для католических христиан княжества Антиохийского. Именно там совершалась инвеститура и интронизация франко-нормандских князей и латинских Патриархов. Со смертью латинского Патриарха, его паллиум торжественно возлагали на алтарь собора Св. Петра. При избрании и интронизации¹³⁰ новый Патриарх поднимался к алтарю, возлагал на плечи паллиум предшественника и, приняв архиерейский жезл (возможно — тот самый жезл Петра, о котором писал Ибрагим ибн Юханны), восходил на кафедру князя Апостолов¹³¹. Торжественный чин княжеской инвеституры, насколько его возможно реконструировать, составляли помазание нового государя, совершаемое Патриархом у алтаря; облачение князя в подобие порфиры; вручение новому князю знамени; принятие оммажа собравшихся в соборе баронов; возведение нового государя на княжеский трон, который, очевидно, подобно кафедре Апостола Петра находился в соборе¹³².

госпитальерами Антиохии), новому Патриарху — Петру II. Латинский текст см. Paoli S., ed. *Codice diplomatico...* — №93, P. 97—98; Delaville le Roulx J., ed. *Cartulaire général de l'Ordre des Hospitaliers...* №1336, P. 112. Французский перевод перечня приведен Клодом Каэном, см. Cahen C. *La Syrie du Nord...* P. 317 (№31).

¹²⁹ В XIII в., при Патриархе Петре II Иврейском (1209—1217), число каноников патриаршего собора Св. Петра было увеличено до 20, но затем, в годы патриаршества Ренье Антиохийского (1219—1225), сокращено до 16, по требованию Папы Гонория III. Подробнее см. Hamilton B. *The Latin Church in the Crusader States...* с.11, P. 283; Cahen C. *La Syrie du Nord...* P. 317.

¹³⁰ В XIII в., со времен Патриарха Петра II Иврейского (1209—1217 гг.), речь шла уже не об избрании, а об интронизации прибывавших в Антиохию Патриархов, избираемых римскими понтификами.

¹³¹ Описание избрания и интронизации второго латинского Патриарха Антиохии — Рауля I Домфрона (1135—1140 гг.) можно найти в хронике Гильома Тирского. См. Guillaume de Tyr. *Op.cit.* — Lib. XIV, с.10, P. 619—620.

¹³² К числу немногих описаний инвеституры Антиохийского князя относятся тексты Фульхерия Шартрского, присутствовавшего при инвеституре князя Бозмунда II в 1126 г., и описания церемонии инвеституры князя Раймонда-Рубена (1216 г.), приведенные в послании короля Левона I Рубенида — Папе Иннокентию III и хронике Смбага Спаранета. См. Fulcheri Carnotensis. *Op.cit.* — Lib. III, с.61, P. 821—822; Röhrich

Не только восшествие на кафедру и престол, но и погребение франкских князей и патриархов Антиохии проходило под сводами собора Св. Петра. Латинские Патриархи в этом отношении следовали многовековой традиции, установленной еще православными Патриархами Антиохии, которых хоронили в соборе, по меньшей мере, с VIII в. Достаточно вспомнить торжественное перенесение и погребение в соборе тела св. Христофора Антиохийского, совершенное на заре XI в. одним из его преемников — Патриархом Николаем II Студитом. По описаниям Ибрагима ибн Юханны, тело св. Христофора было возложено в мраморный саркофаг и перенесено «в дом святого Мар Петра»¹³³. Практически все латинские Патриархи Антиохии XII–XIII вв. были погребены в кафедральном соборе князя Апостолов¹³⁴. Среди других известных прелатов латинской Церкви, похороненных в антиохийском соборе, был и прославленный папский легат и архипастырь Первого крестового похода — Адемар Монтейльский, скончавшийся в Антиохии в августе 1098 г., спустя менее чем два месяца после взятия города франками¹³⁵. Первым из князей Антиохии, похороненных в соборе Св. Петра, был Танкред, скончавшийся зимой 1112 г.¹³⁶ Погребение великого нормандского завоевателя в «базилике Св. Петра» достаточно подробно описывают Матфей Эдесский

R., ed. *Regesta Regni Hierosolymitani...* №817, P. 218–219; Bedrosian R., ed. *The Armenian Chronicle of Sempad...* P. 102.

¹³³ Zayat H. *Vie du patriarche melkite d'Antioche Christophore...* — P. 358–360; Ибрагим ибн Юханны. *Житие Антиохийского Патриарха Христофора...* — С. 56–57.

¹³⁴ Среди погребенных в соборе Св. Петра латинских Патриархов можно определенно назвать Бернарда Валенского (1135 г.), Амори де Лиможа (1193 г.), Рауля II (1196 г.), Петра II Иврейского (1217 г.). Исключение составили Патриарх Рауль I Домфрон, умерший в 1142 г. в Риме, Патриарх Ренье, также вероятно умерший в Вечном городе (1225 г.), Патриарх Альбер дель Реззато (скончавшийся в 1245 г. во время своего пребывания на Лионском соборе), и Патриарх Опицо дель Фиеччи, находившийся в Италии в год, когда Антиохия и ее кафедральный собор были разрушены мамлюками. Возможно также, что подобного торжественного погребения в соборе Св. Петра не удостоился Патриарх Петр I Ангулемский, умерший в заточении у князя Боэмунда IV Антиохийского в 1208 г., хотя точно утверждать этого невозможно.

¹³⁵ Описание погребения епископа Адемара в базилике Св. Петра оставляет Альберт Аахенский. См. Alberti Aquensis. *Op.cit.* — Lib. V, c.4, P. 342.

¹³⁶ Напомним, что основатель Антиохийского княжества — Боэмунд I скончался в своих южно-итальянских владениях и был похоронен в мавзолее при соборе Сан-Сабино в Каносе. См. выше; Часть II, С. 100–105.

и Альберт Аахенский¹³⁷. Гильом Тирский оставляет описание того, как в 1149 г. в собор Св. Петра было принесено обезглавленное тело князя Раймонда де Пуатье, павшего в битве при Инабе¹³⁸. «Его доставили в Антиохию и, со всеми почестями, торжественно захоронили в месте погребения его предшественников, в притворе церкви князя Апостолов»¹³⁹. Эти слова Гильома дают основание предполагать, что княжеская усыпальница находилась именно в притворе собора Св. Петра. Очевидно, в церкви находились и некие символические надгробия князей Рожера (1119 г.) и Боэмунда II (1130 г.), которые также пали в сражениях с тюрьками и были обезглавлены на поле боя. Об этом свидетельствуют слова Тирского архиепископа, который пишет о притворе собора Св. Петра как о месте захоронения *предшественников* князя Раймонда (следовательно — не только Танкреда).

С начала XIII в., в силу изменившихся исторических обстоятельств, традиция погребения князей в кафедральном соборе Антиохии была прервана. Первым Антиохийским князем, сознательно отступившим от традиции погребения в соборе Св. Петра, был Боэмунд III. Еще в 1193 г., за восемнадцать лет до своей кончины, князь Боэмунд III, присоединившись к ордену госпитальеров на правах «собрата» (*confrater*), завещал похоронить себя в антиохийском госпитале Св. Иоанна. Как сказано в княжеской хартии 1193 г.: «приказываю чтобы, когда скончаюсь, похоронили меня не в антиохийской церкви Св. Петра, но в доме Госпиталя, в который должно быть принесено не только мое тело, но и все мои доспехи и оружие, которое я завешаю им»¹⁴⁰. Завет Боэмунда III был исполнен после его смерти, в 1201 г. Его преемники — Боэмунд IV Одноглазый (1233 г.) и Боэмунд V (1252 г.) проводили большую часть своего правления в своей южной столице — Триполи, кафедральный собор которого и стал их усыпальницей. Князь Раймонд-Рубен был убит и похоронен в Тарсе (1222 г.). Князь Боэмунд VI Красивый (1275 г.) и Боэмунд VII (1287 г.) также были похоронены в Триполи, тем более что к моменту кончины этих князей Антиохия уже была разрушена. Стоит также отметить, что княгини Антиохии — Алиса (ум. после 1151 г.) и Констанция (ум. после 1163 г.) —

¹³⁷ Mathieu D'Edesse. Op.cit. — с.210, Р. 282; Alberti Aquensis. Op.cit. — Lib. XII, с.8, Р. 836.

¹³⁸ Подробнее о гибели князя Раймонда см. выше: Часть III, С. 100—105.

¹³⁹ Guillaume de Tyr. Op.cit. — Lib. XVII, с.9, Р. 773.

¹⁴⁰ Röhrich R., ed. Regesta Regni Hierosolymitani ... — №714, Р. 191.

а также некоторые другие отпрыски Антиохийского княжеского дома предпочитали, чтобы их тела перевозили в Палестину и предавали земле в Иосафатской обители, у Гробницы Пресвятой Богородицы, близ места погребения королей Иерусалима¹⁴¹.

Однако в 1190 г. в соборе Св. Петра был похоронен один из великих западных монархов XII в. — император Священной Римской империи Фридрих I Барбаросса. Тело священно-римского императора, утонувшего в киликийской реке Салеф, было принесено в Антиохию германскими крестоносцами и, в присутствии Антиохийского князя и Патриарха, торжественно захоронено в базилике князя Апостолов. Как повествует Продолжатель Гильома Тирского, тело императора Фридриха «было перенесено в Антиохию и с почестями похоронено в церкви Св. Петра, справа от хоров, близ гробницы (...) епископа Ле Пюи. Слева же располагалось место, где было обретено Копие, которым Лонгин пронзил Господа Нашего Иисуса Христа на Голгофе»¹⁴². Причем стоит обратить особое внимание на то, что Фридрих I Барбаросса был похоронен не в притворе, где располагалась княжеская усыпальница, а в хорах базилики — на несравненно более почетном месте. Саркофаг Фридриха I Барбароссы, воздвигнутый в хорах, близ алтаря, Вильбранд Ольденбургский называет в числе главных достопримечательностей кафедрального собора Антиохии, наряду с кафедрой и цепями Апостола Петра¹⁴³.

Если же говорить об устройстве и жизни соборной церкви Антиохии в годы франкского правления, то следует отметить, что латинские патриархи переняли у своих византийских предшественников и опеку над патриаршим странноприимным домом, учрежденном при кафедральном соборе Св. Петра. Дом этот известен со времен второго византийского правления (969—1084 гг.). Он привлек особое внимание Юханны Ибн Бутлана и был подробно описан багдадским мелькитом-врачом: «В городе

¹⁴¹ К примеру, сохранилась хартия князя Бозмунда III, фиксирующая пожертвования монастырю Нотр-Дам де Иосафат, в которой Антиохийский князь отмечает, что в обители покоятся его «мать Констанция, брат Рено и сестра Филиппа». См. Röhrich R., ed. *Regesta Regni Hierosolymitani. Additamentum* (1904). — №605, P. 38.

¹⁴² *L'Estoire de Eracles... Lib. XV, c.1, P. 139—140.*

¹⁴³ *Wilbrandus de Oldenborg. Op.cit. — P. 172.* Здесь, вероятно, следует уточнить, что в антиохийском соборе Св. Петра была захоронена только плоть Барбароссы. Его кости были доставлены и захоронены в латинском кафедральном соборе Тира, а сердце сохранилось в киликийском Тарсе.

находится лечебница, где патриарх лично ухаживает за больными; каждый год он совершает омовение прокаженных, своими руками очищая их волосы»¹⁴⁴. Не известно, принимали ли латинские патриархи участие в церемонии омовения прокаженных, но «госпиталь Св. Петра» (*hospitale Sancti Petri*) продолжал функционировать при кафедральном соборе Антиохии в эпоху франкского правления, находясь под патронажем латинских Патриархов¹⁴⁵. В собственности или аренде госпиталя Св. Петра находились земли, мельницы и вилланы¹⁴⁶. Сам госпиталь находился в ведении магистра, отвечавшего перед Патриархом¹⁴⁷.

Собор Св. Петра также был и одним из интеллектуальных центров византийской и франкской Антиохии. Еще в годы второго византийского правления Юханна ибн Бутлан отмечал, что в галереях и дворах, окружавших патриаршую церковь, заседали и проводили занятия «учителя грамматики и логики»¹⁴⁸. В период франкского правления латинские Патриархи учредили при соборе Св. Петра полноценную кафедральную соборную школу западного образца. Это, естественно, подразумевало наличие при кафедральном соборе скриптория и библиотеки. Известно, что скрипторий располагался при патриаршем соборе Антиохии и в годы второго византийского правления. К числу книг, переписанных и иллюминированных в скриптории при патриаршем соборе Антиохии в XI в., относится Псалтирь из Парижской национальной библиотеки (Gr.164), что отмечено в ее колофоне¹⁴⁹. Руководство латинской патриаршей кафедраль-

¹⁴⁴ Le Strange G. *Op.cit.* — P. 371.

¹⁴⁵ Госпиталь периодически упоминается в латинских источниках, к примеру, в хартии Патриарха Амори де Лиможа, датированной 19 января 1184 г. Röhrich R., ed. *Regesta Regni Hierosolymitani ...* — №636, P. 168; Delaville le Roulx J., ed. *Cartulaire général de l'Ordre des Hospitaliers...* №665, P. 446; Cahen C. *La Syrie du Nord...* c.6, P. 317.

¹⁴⁶ К примеру, в 1184 г. госпиталь Св. Петра держал в аренде три мельнице на Оронте, принадлежавшие командорству госпитальеров в Антиохии. См. вышеуказанную хартию, а также Hamilton B. *The Latin Church in the Crusader States...* c.6, P. 156.

¹⁴⁷ К примеру, вышеприведенной хартии от 1184 г. упоминается «монах Петр, магистр госпиталя Св. Петра». См. Röhrich R., ed. *Regesta Regni Hierosolymitani ...* — №636, P. 168; Delaville le Roulx J., ed. *Cartulaire général de l'Ordre des Hospitaliers...* №665, P. 446.

¹⁴⁸ Le Strange G. *Op.cit.* — P. 371.

¹⁴⁹ Подробнее, см. Mercati G. *Origine antiochena di due codici greci del secolo XI // Analecta Bollandiana.* — 1950. — №68. — P. 210—223; Saminsky A. *Georgian and Greek Illuminated Manuscripts from Antioch...* P. 23.

ной школой было доверено особому магистру — магистру схол/школ (*Magister Scholarum Antiochenus*), одному из старших латинских клириков Антиохии¹⁵⁰. Наиболее деятельным покровителем (если даже не основателем) школы был Патриарх Амори де Лимож. Именно к периоду его патриаршества (точнее — к 80-м гг. XII в.) относятся первые упоминания о магистрах схол/школ Антиохии. Хорошо известно, что Амори де Лимож заказывал книги для патриаршей библиотеки из Константинополя, в числе которых были правила Первого Никейского собора, комментарии св. Иоанна Златоуста к Посланиям Апостола Павла, история византийских императоров¹⁵¹. Более того, Амори обращался к жившему в Константинополе пизанскому ученому и богослову Гуго Этериану, призывая его прибыть в Антиохию и, в обмен на щедрое вознаграждение, войти в состав патриаршего капитула и принять руководство кафедральной школой¹⁵².

Кафедральный собор Св. Петра служил и центром собрания народа во время празднеств и бедствий, выпадавших на долю средневековой Антиохии. Еще в середине X в., то есть в эпоху мусульманского правления, арабский географ Аль-Масуди отмечал массовые новогодние празднества антиохийских христиан, протекавшие у патриаршего собора и сопровождавшиеся возжиганием огней и совершением евхаристии¹⁵³. В период бедствий, в особенности во время великих сирийских землетрясений, народ Антиохии также стекался к собору Св. Петра, ища помощи и молясь о заступничестве князя Апостолов. Канцлер Готье, бывший очевидцем подобного события во время великого землетрясения 1114 г., оставляет описание того, как «латиняне,

¹⁵⁰ Röhrich R., ed. *Regesta Regni Hierosolymitani ...* — №636, P. 168; Paoli S., ed. *Codice diplomatico...* — №93, P. 97—98; Delaville le Roulx J., ed. *Cartulaire général de l'Ordre des Hospitaliers...* №1336, P. 112. Также см. Riley-Smith J. *The Feudal Nobility in the Kingdom of Jerusalem. 1174—1277.* — London, 1973. — P. 130, 284. Райли-Смит приводит достаточно подробное указание на документы папских регистров, где упоминаются «магистры схол Антиохии».

¹⁵¹ Подробнее, см. Hamilton B. *Aimery of Limoges, Latin Patriarch of Antioch (c.1142-c.1196), and the Unity of the Churches // East and West in the Crusades States. Context - Contacts - Confrontations. Vol. II.* — Leuven, 1999. — P. 11.

¹⁵² Hamilton B. *The Growth of the Latin Church at Antioch...* — P. 182. См. также: Hiestand R. *Un centre intellectuel en Syrie du Nord? Notes sur la personnalité d'Aimery d'Antioche, Albert de Tarse, et Rorgo Frotellus // Moyen Âge.* — 1994. — Vol.5, №8. — P. 7—36.

¹⁵³ Описание Аль-Масуди уже было приведено в первой главе, см. Глава I, С. 100—105.

греки, сириане и армяне, странники и пилигримы (...) устремились в церковь Св. Апостола Петра, ища защиты и обращаясь к его вечному покровительству»¹⁵⁴.

Особым элементом жизни средневековой Антиохии были торжественные шествия знати и населения, завершавшиеся праздничным богослужением в соборе Св. Петра. По улицам, украшенным цветами и драгоценными тканями, в сопровождении музыкантов, народа и клира в Антиохию въезжали как ее собственные франкские князья, так и другие христианские монархи — византийские императоры Иоанн II (1138 г.) и Мануил I Комнин (1158 г.)¹⁵⁵; часто посещавшие город короли Иерусалимские¹⁵⁶; принимавшие крест и прибывавшие на Восток короли Франции — Людовик VII Молодой (1148 г.) и его сын — Филипп II Август (1191 г.)¹⁵⁷; короли Киликийской Армении — Левон I Великолепный (1216 г.) и Хетум I (1263 г.). В хронике Смбата Спарапета описана подобная процессия короля Киликийской Армении — Хетума I. Кульминацией этих процессий была молитва христианских правителей у «благословенного храма и Апостольской кафедры Св. Петра»¹⁵⁸. Князья Антиохии, вступая в свой город после возвращения из походов, и тем более — после одержанных побед, возлагали к алтарю Св. Петра свое знамя, которое хранилось в соборе подобному тому, как орифламма французских королей хранилась в аббатстве Сен-Дени. Канцлер Готье оставил стихотворное описание подобной процессии князя Рожера Антиохийского, совершенной после победы над тюрками в битве у источников Тель-Данита в 1115 г. и завершившейся преподнесением княжеского знамени как дара Апостолу Петру:

¹⁵⁴ Galterii Cancellarii. Op.cit. — I Bell., art.1, P. 83.

¹⁵⁵ Описания их торжественных въездов в Антиохию приведены выше, см. Глава III, С. 100—105.

¹⁵⁶ Антиохию неоднократно посещали короли Бодуэн I, Бодуэн II де Бург, Фульк Анжуйский, его сыновья — короли Бодуэн III и Амори I, а также Ги де Лузиньян (после своего освобождения из плена) и некоронованный правитель Иерусалимского королевства — Гуго Шампанский.

¹⁵⁷ Третий из великих крестоносных королей Франции — Людовик IX Святой, невзирая на продолжительное пребывание в пределах Заморской земли, так и не доехал до Антиохии, оставаясь в пределах Иерусалимского королевства.

¹⁵⁸ Bedrosian R., ed. The Armenian Chronicle of Sempad... P. 83. Это относится к описанию въезда императора Мануила I Комнина. Сходные описания Смбат оставляет и в связи с въездом в Антиохию киликийских королей Левона I и Хетума I, см. Ibid. — P. 103, 115.

«Князь вносит к алтарю/Стяг триумфатора/И предлагает он его как дар особый/Как княжеский подарок, в память о свершенном»¹⁵⁹. Хранившееся в соборе знамя вручалось князю и во время церемонии его инвеституры¹⁶⁰. В помещениях собора Св. Петра проходили и советы Высокой палаты (Haute court) Антиохии, в состав которой входили, помимо князя, княгини и Патриарха, великие сановники, бароны и прелаты княжества. Само помещение в соборе, где проходили заседания Высокой палаты, патриаршего совета или собираемых в Антиохии синодов, было известно как «дворец Святого Петра» или «курия Блаженного Петра» (palatio Sancti Petri // curia Beati Petri)¹⁶¹.

Антиохия. Монастырь Св. Апостола Павла

В Антиохии, которая, подобно Риму, была неразрывно связана с двумя первоверховными апостолами, находилась и обитель, посвященная св. Апостолу Павлу. Монастырь был основан на месте, которое прямо связывали с пребыванием и проповедью св. Апостола Павла в Антиохии, о чем свидетельствуют паломнические описания XII–XIII вв. Абу-ль-Макарим говорит о том, что монастырь находился над темницей, где были заключены св. Павел и св. Иоанн¹⁶². Виль-

¹⁵⁹ Galterii Cancellarii. Op.cit. — I Bell., c.7, P. 96.

¹⁶⁰ Подробнее, см. выше: С. 100—105. Также см. Часть IV, гл. 2, С. 100—105.

¹⁶¹ Готье Канцлер описывает заседания в «курии Блаженного Петра» совета антиохийских и иерусалимских баронов, проходившего под председательством короля Бодуэна II де Бурга и Патриарха Бернарда Валенского после гибели князя Рожера на Кровавом Поле (1119 г.). См. Galterii Cancellarii. Op.cit. — II Bell., art.10, P. 117; Asbridge T., Edgington S., ed. & trans. Walter the Chancellor's *The Antiochene Wars*. A Translation and Commentary... P. 24, 144. Можно предположить, что там же, в «курии Св. Петра», проходили и такие знаковые для истории франкской Сирии советы, как синод 1140 г., низложивший Патриарха Рауля I Домфрона; совет Высокой палаты, отвергнувший притязания императора Иоанна II Комнина на Антиохию (1142 г.); совет антиохийских, иерусалимских и эдесских франков, одобривших передачу уцелевших территорий графства Эдесского императору Мануилу. См. выше: С. 100—105. «Палаты Св. Петра» или «дворец Св. Петра» фигурирует и в хартии Танкреда, фиксирующей договор с генуэзцами (1101 г.); в завершении хартии стоит запись «клятвенно заверено князем Рожером в палате (дворце) Св. Петра (princeps Rogerius sacramentum fecit in palatio S. Petri). Röhrich R., ed. Regesta Regni Hierosolymitani ... — №35, P. 5.

¹⁶² Hacken C.E. ten. The description of Antioch in Abu al-Makarim's History of the Churches and Monasteries of Egypt... c. XI, P. 200.

бренд Ольденбургский приводит иное предание, согласно которому монастырь стоял над гротом, где Апостол Павел искал отдохновения и писал свои послания¹⁶³. Монастырь, принадлежавший православной братии, был известен со времен арабского правления. Арабы и сирийские христиане также именовали его Дейр аль Барагит — «Монастырь Блох»¹⁶⁴.

Обитель Св. Павла находилась на западных склонах горы Стаурин. Она вплотную прилегала к крепостным стенам Антиохии и восточным вратам города, известным как «Врата Всадников» или Персидские врата¹⁶⁵. Восточные ворота Антиохии также именовали вратами Св. Павла, что прямо отражало их связь с монастырем. Кафоликон и некоторые другие монастырские постройки фактически были встроены в высокогорный участок крепостных стен, спускавшихся со склонов Стаурина. Абу-ль-Макарим упоминает о том, что «церковь, посвященная Апостолу Павлу», располагалась «в городской стене над Персидскими вратами»¹⁶⁶. При этом, коптский диакон приводит и бытовавшее среди антиохийских христиан предание, о том, что «город не будет завоеван, покуда церковь процветает, покуда там возносятся молитвы и совершается святая литургия»¹⁶⁷.

В годы второго византийского правления обитель Св. Павла, вероятно, оставалась в числе действующих монастырей Антиохии, куда прибывали и где подвизались греческие и сирийские монахи. К сожалению, о ней практически нет упоминаний. Известно лишь, что в годы Первого крестового похода в антиохийской греческой обители Св. Павла принял монашеский постриг знатный франкский крестоносец — Петр Жордан де Шатильон. Этот франкский рыцарь, тяжело заболев во время стояния крестоносцев в Антиохии, чудесным

¹⁶³ Wilbrandus de Oldenborg. Op.cit. — P. 172.

¹⁶⁴ Именно так ее именует арабский географ Аль-Масуди. См. Le Strange G. Op.cit. — P. 368. Об этой обители мы уже упоминали в первой части книги. См. Часть I, гл. 1, С. 100—105.

¹⁶⁵ Подобное расположение монастыря также приводит Аль-Масуди. См. Le Strange G. Op.cit. — P. 368.

¹⁶⁶ Hacken C.E. ten. The description of Antioch in Abu al-Makarim's History of the Churches and Monasteries of Egypt... c. XI, P. 200.

¹⁶⁷ Hacken C.E. ten. The description of Antioch in Abu al-Makarim's History of the Churches and Monasteries of Egypt... c. XI, P. 200.

образом исцелился после явления ему св. Апостола Павла. Взамен рыцарь обещал первоверховному апостолу принять постриг и всецело посвятить себя Господу. Как только он исцелился, Петр-Жордан принял монашеский постриг с именем апостола в антиохийской обители Св. Павла. Однако вскоре «монах Павел» забыл о своих клятвах и под прежним именем Петра-Жордана отправился, вместе с другими крестоносцами, к Иерусалиму. Дожив до окончания похода, он вернулся на Запад, где неожиданно почувствовал приближение старой болезни. Тогда он вновь принял монашеские обеты и удалился в латинский монастырь Св. Павла в Корнери, где и закончил свои дни¹⁶⁸. Так, история Петра-Жордана де Шатильона дает основание полагать, что монастырь Св. Павла оставался действующей ромейской обителью к моменту завоевания города крестоносцами.

В правление Танкреда этот православный монастырь Антиохии был передан латинской братии ордена Св. Бенедикта. Первое документальное упоминание об антиохийских «бенедиктинцах Св. Павла» относится к 1108 г.¹⁶⁹. Бенедиктинцы «франкского монастыря Св. Павла в граде Антиохии» получили широкую известность на христианском Востоке¹⁷⁰. Аббаты и монахи монастыря Св. Павла поддерживали тесные связи с другими латинскими монастырями Заморской земли, в особенности с бенедиктинскими обителями Пресвятой Девы Марии Иосафатской и Сан-Сальваторе. С галилейской обителью Сан-Сальваторе на горе Фавор у антиохийского монастыря Св. Павла были общие истоки, т. к. оба были основаны при прямом участии и патронаже Танкреда. Наличие общего ктитора, вероятно, сказалось и на последующих отношениях галилейской и антиохийской обители бенедиктинцев. Когда в 1183 г. Салах-ад-Дин взял Алеппо и вышел

¹⁶⁸ Сохранилась хартия, где излагается история Петра Жордана де Шатильона и его перехода в обитель Св. Павла в Корнери. См. Bourassé J.-J., ed. Cartulaire de Cormery. — Tours, 1861. — №51, P. 104. Особое внимание на эту историю обращает Дж. Райли-Смит, отмечая, что это фактически единственное свидетельство о продолжавшемся присутствии православных монахов в монастыре Св. Апостола Павла, со времен Аль-Масуди. См. Riley-Smith J. Pilgrims and Crusaders in Western Latin Sources // Byzantines and Crusaders in Non-Greek Sources. 1025—1204. — Oxford, 2007. — P. 10—11.

¹⁶⁹ Müller J., ed. Documenti sulle relazioni delle città toscane coll'Oriente e coi Turchi fino all'anno 1531. — Florence, 1879. — №1, P. 3; Hamilton B. The Growth of the Latin Church at Antioch... — P. 178.

¹⁷⁰ Наименование монастыря, приведенное св. Нерсесом Лампронским. См. Weitenberg J.J.S. The Armenian Monasteries in the Black Mountain... P. 90.

к границам княжества Антиохийского, аббат монастыря Св. Павла Фалько обратился к аббату монастыря Сан-Сальваторе Иоанну и заключил с ним договор о предоставлении убежища антиохийским монахам в фаворской обители, в случае если следующим шагом султана станет завоевание Антиохии¹⁷¹.

Аналогичное соглашение было достигнуто в 1197 г. между аббатами монастырей Св. Павла и Нотр Дам де Иосафат¹⁷². Сохранился текст хартии, фиксирующей заключение ассоциации или «братства» двух монастырей, с дозволения «правителя, сира Бозмунда III, прославленного князя Антиохии, и благороднейшего графа Генриха», правителя Иерусалимского королевства. К этому времени братия Нотр Дам де Иосафата сама лишилась своей исконной обители в Иерусалиме, и пребывала в Акре, где владела церковью и монастырскими помещениями. Также ей принадлежали и обширные владения на Западе. Согласно договору, заключенному между двумя монастырями, аббат Св. Павла имел право останавливаться и сослужить с братией Иосафата; входить в коллегию избирателей Иосафатского аббата; предлагать для избрания собственную кандидатуру или кандидатуру своих монахов, в случае, если исконная братия будет уничтожена сарацинами. Монахи Иосафата, в свою очередь, также обещали антиохийским бенедиктинцам Св. Павла убежище, если «Антиохия, боже сохрани, подпадет под власть турок»¹⁷³. Монастырь достаточно часто упоминается и в папских регистрах, в особенности в XIII в.¹⁷⁴.

¹⁷¹ Подробнее, см.: Paoli S., ed. *Codice diplomatico...* №74, P. 74; Delaville le Roulx J., ed. *Cartulaire général de l'Ordre des Hospitaliers...* II, №22, P. 910; Röhrich R., ed. *Regesta Regni Hierosolymitani ...* №634, P. 168.

¹⁷² Заключение этого нового соглашения относится ко временам Бернарда — нового аббата монастыря Св. Павла.

¹⁷³ Delaborde H.F., ed. *Chartes du Terre Sainte provenant l'abbaye de N.-D. de Josaphat...* №44, P. 92—94; Röhrich R., ed. *Regesta Regni Hierosolymitani ...* №738, P. 197; Jotischky A. *The Perfection of Solitude. Hermits and Monks in the Crusader States...* — P. 52—53.

¹⁷⁴ К примеру, в 1197 г. Папа Иннокентий III обратился с посланием к Раймонду, старшему сыну князя Бозмунда III, с призывом не вмешиваться в дела монастыря Св. Павла, в особенности — в избрание аббатов. См. Röhrich R., ed. *Regesta Regni Hierosolymitani. Additamentum* (1904)... №738, P. 48. Ссылки на послания римских pontификов XIII в., касающихся обители Св. Павла, приведены Казном. См. Cahen C. *La Syrie du Nord...* P. 323.

В годы франкского правления монастырь держал обширные земельные владения¹⁷⁵, а его аббаты и монахи играли заметную роль в жизни Антиохии. К примеру, в 1131 г., во время восстания княгини Алисы Антиохийской, братия, во главе с монахом Петром Латинянином, открыла примыкавшие к обители ворота Св. Павла перед армией короля Бодуэна II де Бурга, впустив его войска без боя¹⁷⁶. Сохранилось несколько булл латинских аббатов монастыря Св. Павла, на реверсе которых изображен св. Апостол, а на аверсе — ростовые или поясные изображения настоятелей-прелатов, облаченных в казулы и митры и держащих пастырский жезл¹⁷⁷. Более того, на двух сохранившихся буллах аббатов монастыря Св. Павла, относящихся к XIII в., изображен готический храм — и это дает основание предполагать, что на рубеже XII-XIII вв. франки перестроили соборный храм обители, поставив там раннеготическую церковь¹⁷⁸.

Вильбранд Ольденбургский описывает монастырь Св. Павла в числе главных святынь и храмов Антиохии. В описаниях знатного германского пилигрима монастырь предстает как богатая, воздвигнутая на высокой горе обитель, пользовавшаяся особым почитанием паломников и жителей города. Особое внимание Вильбранда привлекла крипта кафоликона, украшенная золотой мозаикой, и грот, бывший предполагаемым местом пребывания и служения св. Апостола Павла.

¹⁷⁵ В 1140 г. братия монастыря Св. Павла вступила в земельный спор с капитулом Храма Гроба Господня, из-за прав на владение одним из садов в Антиохии. Тяжба была разрешена лишь при участии князя Раймонда Антиохийского, причем решение было принято в пользу каноников Гроба Господня. См. De Roziere E., ed. *Cartulaire de l'Eglise du Saint-Sepulchre de Jerusalem...* — №89, P. 176—177. Сохранилась хартия аббата Петра, касающаяся принадлежавших монастырю Св. Павла касалей близ Латакии. См. Röhricht R., ed. *Regesta Regni Hierosolymitani. Additamentum* (1904)... №429, P. 27. В числе прочего, монастырю Св. Павла принадлежала земля с источником близ замка Ваграс — важнейшего опорного пункта на северных подступах к Антиохии. Это владение было конфисковано, а затем возвращено обители Св. Павла королем Левоном I Рубенидом. См. Röhricht R., ed. *Regesta Regni Hierosolymitani...* №817, P. 219.

¹⁷⁶ Если быть точным, ворота Св. Павла были открыты перед войсками графа Жослена I Эдесского, командовавшего частью объединенных франкских войск. Подробнее см. Guillaume de Tug. *Op.cit.* — Lib. XIII, c.27, P. 599—601. Также см. выше: Часть III, гл. 1, С. 100—105.

¹⁷⁷ Аббатов Петра (1168 г.), Рожера (конец XII в.), Бернарда (1197 г.). См. De Bataillon C. *Bulles de l'Orient latin. // Syria. Tome 27.* — 1950. — №3—4. — P. 292—294, pl. XIV.

¹⁷⁸ На это особое внимание обращает К. Каэн, см. Cahen C. *La Syrie du Nord...* P. 131 (№17).

Перед воротами монастыря располагались гробницы латинских nobilium, в числе которых были и захоронения сопровождавших Фридриха I Барбароссу германских крестоносцев Третьего крестового похода, в том числе — Бурхарда V, бургграфа Магдебургского и Ожерия II, графа Вольденбургского. Среди этих гробниц Вильбранд обнаружил и могилу своего дяди — графа Вильбранда Гальремунтского¹⁷⁹.

Особой гордостью бенедиктинцев Св. Павла была библиотека и скрипторий монастыря, куда прибывали не только латинские, но и восточные монахи, клирики, богословы. Во второй половине XII в. в монастыре Св. Павла останавливался и работал великий армянский автор и богослов — св. Нерсес Лампронский. Именно там, в скриптории монастыря Св. Апостола Павла, св. Нерсес составил свой перевод «Правил св. Бенедикта». Как писал, в колофоне рукописи, будущий святой архиепископ Тарса, «В то же время я перевел Regula и Statutum, составленные Бенедиктом для монахов, работая во франкском монастыре Св. Павла в граде Антиохии, при помощи одного из их монахов, бывшего одних лет со мной, имя которому — Гильом»¹⁸⁰. Спустя несколько лет св. Нерсес вновь находился в обители, где «среди книг прославленного монастыря Св. Павла» нашел комментарий к Апокалипсису, написанный на «ломбардском наречии»¹⁸¹. Эти истории св. Нерсеса, приведенные в колофонах его рукописей, заслуживают особого внимания, в свете того, как охотно бенедиктинцы Св. Павла готовы были принимать представителей восточно-христианских общин, при этом обладая необходимыми навыками для общения и перевода текстов; достаточно обратить внимание на монаха Гильома, содействовавшего Нерсесу в переводе «Правил св. Бенедикта». Также описания Нерсеса прямо указывают на то, что многие книги монастырской библиотеки, в частности комментарии к Апокалипсису на «ломбардском наречии», ввозились в Антиохию с Запада, в частности — из Италии. После падения Антиохии и уничтожения самого монастыря (в мае 1268 г.), уцелевшие «бенедиктинцы Св. Павла» бежали в пределы Кипрского королевства, где им, при содействии Апостольского престола, была передана другая известная православная обитель — основанный Св. Равноапостольный Еленой и храня-

¹⁷⁹ Wilbrandus de Oldenborg. Op.cit. — P. 172—173.

¹⁸⁰ Weitenberg J.J.S. The Armenian Monasteries in the Black Mountain... P. 90.

¹⁸¹ Weitenberg J.J.S. The Armenian Monasteries in the Black Mountain... P. 91.

щий Частицу Креста Господня и Крест Благоразумного Разбойника монастырь Ставровуни¹⁸².

Антиохия. Монастырь Св. Георгия и женские обители Антиохии

Еще одна православная церковь Антиохии, ставшая центром латинской обители, была построенная в годы второго византийского правления базилика Св. Георгия «у врат, носивших имя этого же святого, близ источника», в южной части города¹⁸³. Величественная церковь, воздвигнутая византийскими зодчими в XI в. и освященная в честь святого великомученика Георгия, оставалась, к началу франко-нормандского правления, одной из самых богатых церквей Антиохии. В 1102 г. Танкред передал базилику Св. Георгия и принадлежавшие ей владения бежавшему в Антиохию латинскому Патриарху Иерусалима — Даимберту Пизанскому. Приводя на страницах своей хроники историю о бегстве в Даимберта в Антиохию, Гильом Тирский отмечает, что переданная Иерусалимскому Патриарху базилика Св. Георгия принадлежали «обширные поместья и многие ренты»¹⁸⁴. Не позднее 1140 г. базилика Св. Георгия уже стала соборным храмом нового латинского монастыря Антиохии, где подвизались регулярные каноники-августинцы¹⁸⁵. В Антиохии сформировалось и несколько женских латинских монашеских общин, наиболее известным из которых был монастырь Пресвятой Девы Марии Железной, располагавшийся за чертой городских стен, неподалеку от Железного

¹⁸² Известно, что уже в 1291 г. Папа Римский Николай IV направил архидиакону Фамагусты указание избрать нового аббата для бенедиктинцев из антиохийского монастыря Св. Павла, обосновавшихся в Ставровуни. См. Langlois V., ed. *Les Registres de Nicholas IV.* — Paris, 1891. — №5765, Р. 779. Кстати говоря, преемникам антиохийских монахов и здесь пришлось пострадать от мамлюков, т. к. монастырь Ставровуни был разорен в 1426 г. во время нападения на Кипр армии и флота султана Барсбоя.

¹⁸³ Meyer G. *L'apport des voyageurs occidentaux...* — Р. 245.

¹⁸⁴ Guillaume de Tyr. *Op.cit.* — Lib. X, c.25, Р. 439.

¹⁸⁵ Анжерий — аббат Св. Георгия (Angerius abbas de S. Geeorgio) фигурирует в качестве свидетеля на одной из хартий, датированной декабрем 1140 г. Röhrich R., ed. *Regesta Regni Hierosolymitani...* №199, Р. 49; De Roziere E., ed. *Cartulaire de l'Eglise du Saint-Sepulchre...* №90, Р. 180. Подробнее о церкви и монастыре Св. Георгия также см. Cahen C. *La Syrie du Nord...* Р. 324—325.

Моста¹⁸⁶. Позднее в Антиохии образовалась еще одна латинская женская обитель, известная как монастырь Св. Лазаря¹⁸⁷.

Церкви Антиохии, перешедшие к латинянам

Помимо собора Св. Петра, монастыря Св. Павла и базилики Св. Георгия к латинским капитулам и монашеским братствам перешли многие другие церкви Антиохии. Латинскому клиру была передана почитаемая антиохийская церковь Св. Луки, стоявшая неподалеку от монастыря Св. Павла, у подножия горы Стаурин, и построенная, по преданию, на месте дома св. Евангелиста¹⁸⁸. В церкви, согласно Абу-ль-Макариму, хранилась мраморная рака, стоявшая на четырех колоннах, в которой покоились мощи Св. Луки. Правда, сам коптский диакон сразу же допускает оговорку насчет того, что мощи св. Евангелиста были перенесены в Константинополь; но из его слов следует, что рака (а также, возможно, и малая часть мощей) были оставлены для почитания в Антиохии¹⁸⁹. Вокруг церкви Св. Луки располагалось латинское кладбище¹⁹⁰. К латинянам перешла и другая великая церковь Антиохии — церковь Св. Варвары. Впервые упоминаемая в годы арабского правления¹⁹¹, церковь была основана на предполагаемом месте мученичества Св. Варвары, в южной части города¹⁹². Иеромонах Михаил, автор «Арабского жития св. Иоанна Дамаскина» и насельник лавры Св. Симеона Дивногольца оставляет описание православ-

¹⁸⁶ Cahen C. La Syrie du Nord.. P. 324, 519, 523.

¹⁸⁷ Сохранилась хартия архидиакона Антиохии — Варфоломея, который, на правах патриаршего викария, разбирал земельный спор между приором монастыря Нотр-Дам-де-Иосафат и «аббатисой монахинь Св. Лазаря в Антиохии» Евфимией. Хартия датирована 1264 г. см. Röhrich R., ed. Regesta Regni Hierosolymitani ... — №1333, P. 349.

¹⁸⁸ Wilbrandus de Oldenburg. Op.cit. — P. 173.

¹⁸⁹ Hacken C.E. ten. The description of Antioch in Abu al-Makarim's History of the Churches and Monasteries of Egypt... c. XII, P. 204.

¹⁹⁰ Rey E.G. Étude sur les monuments de l'architecture militaire des croisés en Syrie et dans l'île de Chypre. — Paris, 1871. — P. 203, pl. XVIII; Meyer G. L'apport des voyageurs occidentaux... — P. 240, 245.

¹⁹¹ Аль-Масуди называет церковь Св. Варвары в числе главных христианских храмов Антиохии. См. Le Strange G. Op.cit. — P. 368. Также см. выше: Часть I, гл. 1, С. 100—105.

¹⁹² На особую связь с прославленной святой и на звание ее родины или «места ее мученичества» претендовали Гелиополь (Баальбек), Антиохия, Никомидия, Рим и Тоскана.

ного (греческого и мелькитского) почитания св. Варвары и празднеств, устраиваемых в день ее поминаения, 4-го декабря. «В этот день, жители Антиохии праздновали память св. Варвары с великой радостью и ликованием; надевая самые роскошные одеяния, восседая верхом на дромадерах и мулах, они ехали в церковь Св. Варвары. Участвовали все — знать и Патриарх, церковный народ, наместник и его советники»¹⁹³. Латиняне, в свою очередь, также почитали церковь и ее святую покровительницу, отмечая, что св. Варвара «заботится о городе»¹⁹⁴. Сходным образом латиняне утвердились и в церкви Св. Иоанна Златоуста, построенной в годы второго византийского правления на предполагаемом месте дома этого великого уроженца Антиохии, на склонах горы Сильп, чуть ниже цитадели¹⁹⁵. К латинскому клиру также перешла церковь Св. Марии Магдалины; примыкавшая к ней капелла Св. Маргариты (Марины) Антиохийской — откуда, по преданию, святую мученицу, победившую дракона, вывели на казнь; позднеантичная синагога, ставшая в годы христианского правления церковью Маккавеев¹⁹⁶.

Палестинские капитулы, монашеские ордена и итальянские фактории в Антиохии и других городах франкской Сирии

Церкви, капеллы, дома и сады в Антиохии получили и многочисленные представители палестинских аббатств и орденов; братья монастыря Св. Марии Латинской, бенедиктинцы аббатства Нотр-Дам де Иосафат и фаворского монастыря Сан-Сальваторе¹⁹⁷, каноники Храма

¹⁹³ Portillo R.D. The Arabic Life of St. John of Damascus... — P. 172.

¹⁹⁴ Wilbrandus de Oldenburg. Op.cit. — P. 173.

¹⁹⁵ Wilbrandus de Oldenburg. Op.cit. — P. 173. Подробнее о церкви Св. Иоанна Златоуста, см. выше: Часть I, гл. 3, С. 100—105.

¹⁹⁶ Wilbrandus de Oldenburg. Op.cit. — P. 173; Cahen C. La Syrie du Nord... P. 131. Подробнее о церкви Маккавеев, см. выше: Часть I, гл. 2, С. 100—105.

¹⁹⁷ Будучи одним из основателей и покровителем обители Сан-Сальваторе, Танкред передал фаворскому монастырю бенедиктинцев владения в Антиохии. См. Röhrich R., ed. Regesta Regni Hierosolymitani ... — №53, P. 11. Преемники Танкреда на Антиохийском престоле также поддерживали фаворскую обитель. В 1181 г. князь Бозмунд III Антиохийский даровал бенедиктинскому аббатству на горе Фавор ежегодное право на получение 1,000 угрей из княжеских рыболовств. См. Burgdorf J. The Military Orders in the Crusader Principality of Antioch... — P. 228.

Гроба Господня¹⁹⁸. Палестинскому аббатству Св. Марии Латинской принадлежали две церкви в Антиохии — церковь, также носившая название «Св. Марии Латинской», и переданная латинским монахам церковь Св. Иоанна. Помимо этого, аббатству были дарованы сады и касали близ Антиохии¹⁹⁹. Аббатство Нотр-Дам де Иосафат владело подворьем в Антиохии и обширными землями по всему княжеству; касали, принадлежавшие аббатству, были разбросаны от Киликийской равнины до Джабалы²⁰⁰. В отличие от других латинских монастырей Святой Земли, каноники Гроба Господня, в своем утверждении в Антиохии, исходили как раз из идеи преемства и положения дел эпохи прежних православных Патриархатов; они в первую очередь претендовали на те дома, земли и часовни, которые ранее принадлежали православному Патриарху Иерусалимскому и греческому клиру Святого Гроба²⁰¹. В хартиях, фиксирующих привилегии и собственность иерусалимского капитула в Антиохии, латинские каноники Гроба Господня постоянно апеллировали к положению «церкви Святейшего Гроба Господня во времена греков» (*ecclesia Sanctissimi Sepulcri in tempore Graecorum*)²⁰².

¹⁹⁸ Cahen C. *La Syrie du Nord*. P. 325.

¹⁹⁹ Röhrich R., ed. *Regesta Regni Hierosolymitani ...* — №331, P. 85; Cahen C. *La Syrie du Nord*. P. 325.

²⁰⁰ Достаточно обратить внимание на хартию князя Рожера, фиксирующую и подтверждающую пожертвования обители, поступавшие как от самого князя, так и от его баронов. См. Delaborde H.F., ed. *Chartes du Terre Sainte provenant l'abbaye de N.-D. de Josaphat*... №4, P. 26—27.

²⁰¹ Иерусалимский Патриарх получил земли, прочую недвижимость и ренты в Антиохии, очевидно, в годы второго византийского правления, когда ромейские василевсы вкладывали значительные средства в поддержание материального достатка восточных Патриархатов. Известно, что император Василий II Болгаробойца передал Иерусалимскому Патриарху доходы от епархии Селевкии Пиерии (гавани Св. Симеона). Подробнее, см. Le Quien. *Op.cit.* — Tomus II, c.780.

²⁰² Слова из хартии, фиксирующей привилегии и имущественное положение Храма Гроба Господня в Антиохии, составленной и засвидетельствованной Патриархом Бернардом Валенским, архиепископами Мамистры и Тарса, епископами Арты и Вифлеема, а также пятью антиохийскими баронами, виконтом и дукой города. См. De Roziere E., ed. *Cartulaire de l'Eglise du Saint-Sepulchre*... №86, P. 166—167. Аналогичная апелляция имела место и в 1140 г., во время тяжбы каноников Гроба Господня с монастырем Св. Павла, см. De Roziere E., ed. *Cartulaire de l'Eglise du Saint-Sepulchre de Jerusalem*... — №89, P. 176—177. Документальные свидетельства о присутствии и собственности капитула Храма Гроба Господня в Антиохии, см. De Roziere E., ed. *Cartulaire de l'Eglise du*

Сходная экспансия проходила и со стороны военно-монашеских орденов. В Антиохии находился Тампли, резиденция и церковь тамплиеров; орден держал обширные земельные владения на территории Антиохийского княжества, в особенности — на севере²⁰³. Как отмечает И. Бургторф, «командор земли Антиохийской» занимал среди капитулярных балли, то есть членов высшей иерархии ордена Храма, положение равное сенешалю, командору Иерусалима и командору Триполи²⁰⁴. Стоит также обратить внимание на то, что в XIII в. в Антиохии регулярно находились достаточно многочисленные контингенты тамплиеров, принимавшие активное участие как в обороне города, так и в наступательных кампаниях, походах и рейдах франкских князей²⁰⁵. Госпитальеры начали свое утверждение на антиохийских землях еще до преобразования в военно-монашеский орден. На заре XII в. иерусалимский госпиталь Св. Иоанна Милостивого получал земли и касали «в горах близ Антиохии» от князя Боэмунда I²⁰⁶. К концу столетия к госпита-

Saint-Sepulchre... №85, P. 165—166; №86, P. 166—167; №89, P. 176—177 и далее; Röhricht R., ed. *Regesta Regni Hierosolymitani ...* — №149, P. 37; №157, P. 39; №182, P. 45; №194, 195, P. 48; №199, P. 49; №235, P. 248—249. Там же см. ссылки на последующие хартии из сборника *Де Розьера*.

²⁰³ Тамплиеры достаточно рано, в период регентства короля Фулька Анжуйского или в правление князя Раймонда, утвердились на северных рубежах княжества, в горах Аманоса, где, в числе прочих фьефов, они получили замки Баграс и Дарпсак. Также у ордена были владения на юге княжества, в сеньории Валаньи и Маркаба (невзирая на то, что с 1186 г. замок Маркаба и большая часть сеньории были переданы госпитальерам). Хартию князя Рено де Шатильона и его вассала Рено II де Мазуара, фиксирующую передачу тамплиерам земельных владений на территории сеньории Валаньи и Маркаба, см. Paoli S., ed. *Codice diplomatico...* №163, P. 206. Подробнее о владениях ордена тамплиеров в княжестве Антиохийском см. Burgdorf J. *The Military Orders in the Crusader Principality of Antioch...* — P. 221—223; Smith J. *The Templars and the Teutonic Knights in Cilician Armenia...* — P. 94—95. Также см. выше: Часть III, гл. 1, С. 100—105.

²⁰⁴ Burgdorf J. *The Military Orders in the Crusader Principality of Antioch...* — P. 224.

²⁰⁵ Среди антиохийских кампаний тамплиеров стоит в первую очередь назвать их роль в войне за Антиохийское наследство (1201—1219 гг.), в том числе — активное участие в обороне города в 1203 г. и в наступлении князя Боэмунда IV на Баграс в 1214 г. К числу других кампаний тамплиеров в северной Сирии относились поход князя Раймонда-Рубена к Джабале (1216—1217 гг.), крупномасштабный рейд против тюркских кочевников у Антиохийского озера и битву у крепости Дарпсак в правление Боэмунда V (1237 г.), поход на Латакию в составе войск князя Боэмунда VI Красивого (1261 г.). Подробнее, в особенности о войне за Антиохийское наследство, см. ниже. — Часть V, гл. 1, С. 100—105; гл. 3, С. 100—105.

²⁰⁶ Röhricht R., ed. *Regesta Regni Hierosolymitani...* — №86, P. 20.

льерам перешли не просто многочисленные и разнородные владения в антиохийских землях, но даже одна из великих сеньорий княжества Антиохийского — сеньория Маркаба и Валаньи. Положение иоаннитов в княжестве было настолько значимым, что князь Боэмунд III Антиохийский, еще до своего присоединения к ордену на правах собрата, обязался не заключать перемирий без согласия госпитальеров (1168 г.)²⁰⁷. Антиохийский госпиталь Св. Иоанна находился вблизи Юстиниановой церкви Пресвятой Богородицы²⁰⁸. Также в собственности у ордена находились бани, сады, дома, водяные мельницы, и церковь Св. Феодора²⁰⁹. В окрестностях Антиохии, ордену госпитальеров перешли латинское аббатство Монт Парле, монастырь Св. Георгия (в селении Рас Хазир) и женская обитель Пресвятой Девы Марии Железной близ Железного Моста²¹⁰. В Антиохии также находился госпиталь или подворье ордена Св. Лазаря, опекавшего прокаженных²¹¹ и дома-представительства других военно-монашеских орденов — Тевтонского ордена и испанских орденов Сантьяго и Калатравы²¹².

Латинские аббатства и ордена, совершавшие свое служение на Святой земле, получали церкви и земельные владения и в других городах Антиохийского княжества и графства Триполи. В Латакии находились две церкви аббатства Св. Марии Латинской — Св. Марии и Св. Николая; также аббатство владело половиной античного театра и садом²¹³. В городе находился и госпиталь Св. Иоанна, центр

²⁰⁷ Подробнее см. Burgdorf J. The Military Orders in the Crusader Principality of Antioch... — P. 229—237.

²⁰⁸ Röhrich R., ed. Regesta Regni Hierosolymitani. Additamentum (1904). — №34, P. 2.

²⁰⁹ Госпитальеры получили городские сады, примыкавшие к церкви Св. Иоанна Златоуста, к патриархии и капелле Св. Симеона. Церковь Св. Феодора перешла к госпитальерам в правление князя Боэмунда III, в 1191 г. Полный перечень имущества ордена госпитальеров в Антиохии и Антиохийском княжестве приведен Казном. См. Cahen C. La Syrie du Nord... P. 522—526.

²¹⁰ Обитель Пресвятой Девы Марии Железной оставалась обособленным женским монастырем под патронажем ордена госпитальеров. См. Cahen C. La Syrie du Nord... P. 523.

²¹¹ Cahen C. La Syrie du Nord... P. 325.

²¹² Тевтонцы утвердились в Антиохии лишь на рубеже XII-XIII вв.; представители ордена Сантьяго прибыли в Антиохию в 1186 г.; братья-рыцари ордена Калатравы предпринимали шаги для своего утверждения в Антиохии в 1240-х гг.

²¹³ Röhrich R., ed. Regesta Regni Hierosolymitani ... — №331, P. 86; Cahen C. La Syrie du Nord.. P. 325.

коммандории госпитальеров в Латакии, а также принадлежавшие ордену бани, сады, дома и несколько касалей на прилегающих землях²¹⁴. В Гибелете, древнем Библе, генуэзские сеньоры города даровали аббатству Св. Марии Латинской церковь и один из городских садов²¹⁵. В окрестностях Триполи, на горе Монт Пелерен, латинские клирики и монахи подвизались еще в период осады города провансальскими крестоносцами. Провансальские правители «земли Камеллы» и графства Триполи не отставали от франко-нормандских князей Антиохии, в своем стремлении пожертвовать церкви и земли для кормления латинским обителям Святой земли. После франкского завоевания Триполи в 1109 г., целый ряд латинских церквей возник как в черте города, так и на Монт Пелерен. Помимо кафедрального собора и секулярных церквей латинского епископа Триполи, в городе находился латинский женский монастырь Св. Марии Магдалины²¹⁶; церковь Св. Георгия на Монт Пелерен, дарованная каноникам Гроба Господня еще графом Раймондом Сен-Жильским, в 1104 г.²¹⁷; церковь аббатства Св. Марии Латинской с принадлежащими монастырю прилегающими землями и садом²¹⁸; церковь Пресвятой Девы Марии на Монт Пелерен, принадлежавшая каноникам вифлеемской базилики Рождества Христова²¹⁹; владения фаворского

²¹⁴ Подробнее см. Cahen C. *La Syrie du Nord*... P. 523—524.

²¹⁵ Röhrich R., ed. *Regesta Regni Hierosolymitani* ... — №331, P. 85.

²¹⁶ Вероятно, триполийская обитель была связана с одноименным женским цистерцианским монастырем Св. Марии Магдалины, располагавшимся в Акре. См. Röhrich R., ed. *Regesta Regni Hierosolymitani. Additamentum* (1904). — №973, P. 62.

²¹⁷ Незадолго до смерти, граф Раймонд Сен-Жильский даровал капитулу Храма Гроба Господня мелькитскую церковь Св. Георгия, располагавшуюся близ его замка на Монт Пелерен. Это дарение было подтверждено его преемником — графом Гильомом-Жорданом. См. De Roziere E., ed. *Cartulaire de l'Eglise du Saint-Sepulchre*... №91, P. 180—183. Впоследствии, в 1140 г., граф Раймонд II Триполийский предоставил каноникам Гроба Господня, в виде особой привилегии, право беспошлинного пользования гаванью и ввоза товаров в порт Триполи. См. Röhrich R., ed. *Regesta Regni Hierosolymitani* ... — №193, P. 47.

²¹⁸ Röhrich R., ed. *Regesta Regni Hierosolymitani* ... — №331, P. 85.

²¹⁹ Перечень владений базилики Рождества Христова приведен в послании Папы Григория IX, обращенного к латинскому архиепископу Вифлеема — Ренье. См. Röhrich R., ed. *Regesta Regni Hierosolymitani* ... — №983, P. 258—259.

монастыря Сан-Сальваторе²²⁰. В городе находился Тампль, включавший, помимо резиденции братии и командора провинции²²¹, церковь тамплиеров²²². Не меньшим положением в столице Триполийского графства пользовались и извечные соперники тамплиеров — госпитальеры. Госпиталь Св. Иоанна — ставший резиденцией коммандории ордена, был основан в Триполи вскоре после франкского завоевания²²³. В 1115 г. латинский епископ Триполи — Понтий даровал госпитальерам церковь Св. Иоанна Крестителя, расположенную на Монт Пелерен²²⁴. В конце XII в. госпитальерам были переданы одни из укрепленных городских врат, а также улица в Триполи, ведущая от этих врат к морю²²⁵. Фьефы Тортосы (Тартуса) и Валании, исторически сохранявшие значительные анклавные православных христиан-мелькитов²²⁶, в принципе были переданы во владение военно-монашеским орденам Храма и Госпиталя²²⁷.

Существовала и еще одна категория латинян, которая прибывала на Восток и претендовала, в том числе, и на часть сирийских церквей

²²⁰ Фаворской обители Сан-Сальваторе покровительствовали и предоставляли земли как граф Раймонд II Триполийский, так и его мать — графиня Сесилия (бывшая вдовой ктитора монастыря — Танкреда). См. Röhrich R., ed. *Regesta Regni Hierosolymitani ...* — №191, P. 47.

²²¹ Триполи был центром одной из трех (позднее — пяти) провинций Храма в Заморской земле, наряду с Иерусалимом, Антиохией, Арменией (Киликийской Арменией) и Кипром. См. Демуриж А. Рыцари Христа. — СПб.: Евразия, 2008. — С. 178.

²²² В церкви тамплиеров был, согласно преданиям XIII в., похоронен прославленный трубадур, князь Блаи — Жоффруа Рюдель, см. Жизнеописания трубадуров... — С. 18.

²²³ Первый командор ордена госпитальеров в Триполи — Трэмон, упоминается в 1192 г., однако первое упоминание о госпитале Св. Иоанна в столице Триполийского графства относится к 1115 г. Подробнее см. Delaville le Roulx J. *Les Hospitaliers en Terre Sainte et a Chypre (1100—1310)*. — Paris, 1904. — P. 433.

²²⁴ Röhrich R., ed. *Regesta Regni Hierosolymitani ...* — №78, P. 18 (текст хартии епископа Понса); Paoli S., ed. *Codice diplomatico...* — P. 270—271 (текст буллы Папы Каллиста II, подтверждающей в 1119 г. дарения иерусалимскому госпиталю Св. Иоанна). В 1217 г. в принадлежавшей госпитальерам церкви Св. Иоанна Крестителя был с почестями похоронен умерший в Триполи король Гуго I Кипрский. См. Röhrich R., ed. *Regesta Regni Hierosolymitani ...* — №903, P. 242.

²²⁵ Эти дарения ордену Св. Иоанна были сделаны Боэмундом IV 8 августа 1196 г. См. Röhrich R., ed. *Regesta Regni Hierosolymitani ...* — №731, P. 195.

²²⁶ Подробнее см. выше: Часть I, гл. 1, С. 100—105.

²²⁷ Тортоса была передана тамплиерам в 1152 г., Валания и Маркаб перешли к госпитальерам после 1186 г.

для окормления своих общин. Речь, конечно же, идет о факториях итальянских торговых республик — Генуи, Пизы, Венеции. Франкские государи Заморской земли, кровно нуждавшиеся в торговой и военной поддержке итальянских торговых республик, предоставляли им восточные церкви в числе прочего недвижимого имущества, призванного служить компенсацией за предоставленные услуги. Первый прецедент передачи византийской церкви как княжеского «дара» итальянской фактории имел место спустя всего полтора месяца после взятия Антиохии крестоносцами. 14 июля 1098 г. Бозмунд, яростно отстаивавший свои права на Антиохию и нашедший мощного союзника в лице прибывшей к берегам Сирии генуэзской эскадры, издал хартию, в которой передавал генуэзцам недвижимость в городе, в том числе тридцать домов, колодец и церковь Св. Иоанна, расположенную на «прямой улице, ведущей к базилике Св. Петра»²²⁸. Эту церковь не следует отождествлять с церковью Св. Иоанна Златоуста, которая, как уже было сказано, располагалась выше, на склонах горы Сильп, неподалеку от цитадели. Очевидно, что в Антиохии была еще одна церковь Св. Иоанна, стоявшая на главной «прямой улице» неподалеку от кафедрального собора Св. Петра, относящаяся, скорее всего, к числу построек второго византийского правления и освященная, вероятно, в честь св. Иоанна Крестителя. Хорошо известная история о перенесении костей Предтечи из Антиохии в Геную в годы Первого крестового похода дает веские основания полагать, что переданная генуэзцам церковь была освящена в честь Св. Иоанна Крестителя и, вероятно, хранила часть его мощей²²⁹. В годы франкского владычества церковь Св. Иоанна оставалась приходом генуэзской коммуны; клир церкви Св. Иоанна назначался из Генуи, однако, в епархиальном отношении был подчинен канонической власти латинского Патриарха Антиохии²³⁰.

Спустя десять лет, в 1108 г. Танкред почти в точности повторил поступок своего предшественника, даровав пизанцам, при помощи которых он

²²⁸ Röhricht R., ed. *Regesta Regni Hierosolymitani...* №12, P. 2; Hagenmeyer H., ed. *Die Kreuzzugsbriefe aus den Jahren 1088—1100...* №13, P. 155.

²²⁹ Cafari de Caschifelone. *Op.cit.* — P. 102 (№). См. также: Epstein S.A. *Genoa and the Genoese (958—1528)*. — University of North Carolina, 1996. — P. 29. Здесь уместно напомнить, что в X-XI вв. значительная часть мощей св. Иоанна Крестителя хранилась в кафедральном соборе Антиохии, о чем пишет протоспафарий Ибрагим ибн Юханна. См. выше: С. 100—105.

²³⁰ Hamilton B. *The Latin Church in the Crusader States...* с.4, P. 102.

отвоевал Латакию, один из городских кварталов, портовый склад и старую византийскую церковь Св. Николая, восходящую к VI в.²³¹. Как отмечает Гамильтон, церковь Св. Николая оставалась единственным храмом, принадлежавшим пизанским факториям на территории княжества Антиохийского и графства Триполи²³². В последующие годы пизанцам приходилось перестраивать дарованную им церковь, т. к. она явно страдала от поражавших Сирию землетрясений. Сохранившись по сей день, церковь Св. Николая ныне представляет собой достаточно простую раннеготическую церковь XIII в., с характерным сводчатым залом и двумя нефами²³³. Церковь остается действующим православным храмом — одной из двух древнейших церквей в Латакии²³⁴. В период своего первого правления в Антиохии (1101—1103 гг.), Танкред даровал земельные владения на прибрежных, сирийских землях генуэзскому кафедральному собору Св. Лаврентия, который как раз в эти годы перестраивался на средства, поступавшие с Востока²³⁵. Присоединив, в годы своего второго правления, Киликию (в 1108—1109 гг.), Танкред также предоставил генуэзской фактории квартал в Мамистре и, очевидно, возможность обосноваться в других городах киликийской равнины²³⁶; однако неясно, совпадали ли те церкви, которыми генуэзцы владели в Тарсе и Мамистре в XIII в., с теми, которые они получили от Танкреда в начале XII в.²³⁷.

²³¹ Röhricht R., ed. *Regesta Regni Hierosolymitani...* №53, P. 11; Muratori L., ed. *Antiquitates Italicae*. Vol. II. — Milan, 1739. — P. 905—906; Carli M.T., ed. *Carte dell'Archivio Capitolare di Pisa*. Vol. III. — Pisa, 1977. — №37—38, P. 80—83. Вероятно, греки и мелькиты Латакии как жители крупнейшего сирийского порта сохраняли особое почитание св. Николая как покровителя моряков. Об этом свидетельствует как освящение одной из городских церквей в честь св. Николая, так и то, что один из византийских архиереев Латакии — митрополит Феодор (нач. XI в.) поместил на своей печати именно образ Мирликийского святого. См. Laurent V. *Le Corpus des sceaux de l'empire byzantin Tome V (vol.2)*. — №1550—1551.

²³² Hamilton B. *The Latin Church in the Crusader States...* с.4, P. 103.

²³³ Главный предел Св. Николая и, с южной стороны, небольшая капелла, ныне освященная в честь Св. Моисея Эфиоплянина.

²³⁴ Betts R.B. *The Southern Portals of Byzantium...* P. 88.

²³⁵ Puncuh D., ed. *Liber Privilegiorum ecclesiae ianuensis*. — Genova, 1962. — №25, P. 42; Asbridge T. *The Creation of the Principality of Antioch...* P. 135.

²³⁶ Подробнее, см. выше: Часть II, гл. 3, С. 100—105.

²³⁷ Все же, период пребывания латинян и их клира в Киликии дважды прерывался завоеваниями Комнинов, так что вполне возможно, что церкви генуэзских факторий в Тарсе и Мамистре были предоставлены уже королем Левонам I Рубенидом.

**Перестройка старых византийских церквей в романские
и раннеготические соборы**

Вполне естественно, что приток франкских переселенцев и латинского клира в Антиохию и другие города Востока привел к тому, что латиняне должны были в известной степени «потеснить» восточных христиан. В первую очередь, это касалось православных, принадлежавших к «единой Церкви» с франками и потому принужденных уступить кафедральные соборы и многие церкви богослужебным порядкам и священству своих латинских «братьев». В покоренных франко-нормандцами городах — Тарсе, Мамистре, Апамее, Валании, Латакии, Тортосе (Тартусе) — византийские соборные церкви переходили к латинским прелатам. В Латакии к латинскому епископу и его капитулу перешел старый византийский кафедральный собор — «великая церковь», выстоявшая во время великого сирийского землетрясения 1158 г. и спасшая собравшихся под ее сводами жителей; возможно она была тождественна построенной Юстинианом I Великим церкви Св. Иоанна²³⁸. Столь масштабное перераспределение церквей и передача стольких храмов франкам, конечно же, не могло способствовать укреплению взаимопонимания между «греками» и «латинянами» в Антиохии и других городах Востока; однако, справедливости ради, следует отметить, что вероятно многие из занятых латинянами церквей находились в опустевшем или полуразрушенном состоянии.

Тарс. Собор Св. Апостола Павла

Одной из первых соборных церквей, возведенных франкскими зодчими в Заморской земле, стала церковь Св. Апостола Павла в Тарсе. Р.А. Браун в своей монографии о нормандской экспансии XI-XII вв. подчеркивает значение церкви Св. Павла в Тарсе одновременно и как первого крупного храма, возведенного крестоносцами в Леванте, и как характерно *нормандского* собора, призванного отразить величие нормандского «господства, веры, концепцию их чести и чествования

²³⁸ Michel le Syrien. Op.cit. — Vol. III, Lib. XVIII, c.5, P. 316. О церкви Св. Иоанна, построенной императором Юстинианом I Великим, см. выше: Часть I, гл. 1, С. 100—105.

Всевышнего»²³⁹. При этом Браун отмечает сходство собора Св. Павла с некоторыми нормандскими базиликами Южной Италии. В годы, когда Тарс входил в состав Антиохийского княжества, церковь Св. Павла служила кафедральным собором для латинского архиепископа и всех кафолических (т. е. греческих и латинских) христиан западной Киликии. В 1102 г. там даже был похоронен Гуго Вермандуа — младший брат короля Франции Филиппа I, входивший в число предводителей двух (Первого и «арьергардного») крестовых походов. Гильом Тирский оставляет описание того, как умерший во время похода 1101—1102 гг. граф Гуго удостоился «роскошного погребения (...) в церкви Апостола язычников, в городе, где он был рожден»²⁴⁰. Впоследствии, в период византийского, а затем — армянского господства на землях равнинной Киликии, соборная церковь Св. Павла неоднократно переходила из рук в руки, от латинских архиепископов к православным митрополитам, поскольку обе иерархии претендовали на одни те же церкви и земли. Несмотря на годы запустения и существенную перестройку, постигшую церковь в 1862 г., она сохранилась и до наших дней, не утратив окончательно своего первоначального, романского облика²⁴¹.

Тартус. Собор Пресвятой Девы Марии (Нотр-Дам де Антартус)

В Тартусе, городе, который, в противовес Тарсу, дольше всего оставался под властью сирийских франков²⁴², на месте раннехристианской церкви Пресвятой Богородицы, был возведен собор Пресвятой Девы Марии (Нотр-Дам де Антартус) — один из архитектурных шедевров Латинского Востока. Раннехристианская церковь, вокруг которой и был возведен франкский собор, была хорошо известна среди

²³⁹ Brown R.A. The Normans. — Woodbridge, 1995. — с.6, P. 161.

²⁴⁰ Guillaume de Tyr. Op.cit. — Lib. X, с.13, P. 418.

²⁴¹ Церковь Св. Павла была занесена в реестр объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО 25 февраля 2000 г., за номером 1409.

²⁴² Если Тарс оставался под властью франков, в общей сложности, не более тридцати лет (1098—1100/1101—1104/1108—1130/1177—1183 гг.), то Тартус, завоеванный графом Раймондом Сен-Жильским весной 1102 г., пал лишь в 1291 г., пережив все прочие франкские владения в Сирии и Ливане.

христиан и мусульман Леванта и пользовалась славой «первого дома, возведенного во имя Мариам в Сирии»²⁴³. В своей книге о крестовом походе короля Людовика IX, Жан де Жуанвиль вспоминает о том, как совершил «паломничество к Тортосской Богоматери, куда стекалось множество паломников, так как это был первый алтарь на земле, воздвигнутый в честь Матери Божьей. И много чудес творила там Богоматерь...»²⁴⁴. Вильбранд Ольденбургский приводит более полное предание, связанное с церковью Пресвятой Девы Марии в Тартусе: «эту церковь блаженные Петр и Павел, когда шли они в Антиохию, по ангельскому велению, собственноручно собрали из неотесанного камня и освятили (...). Это первая церковь, построенная и освященная в честь Владычицы Нашей и Приснодевы Марии. Ныне там стоит кафедра епископа. И туда, для почитания Владычицы Нашей Богородицы и Приснодевы Марии стекаются даже сарацины»²⁴⁵. Жак де Витри также отмечал, что соборная церковь Богоматери в Тартусе была «местом паломничества как для христиан, так и для сарацин». Сам епископ Жак крестил в этой церкви двух мусульман²⁴⁶. На протяжении веков эта церковь привлекала тысячи паломников со всего Востока, так что вполне естественно, что именно это место франки выбрали для строительства своего монументального (хоть и сравнительно небольшого) кафедрального собора. В XIII в. собор Пресвятой Девы Марии в Тартусе оказался тесно связанным с историей князей Антиохии-Триполи. В 1213 г. в соборе, во время литургии, был убит старший сын князя Боэмунда IV — Раймонд, незадолго до этого получивший

²⁴³ Это, в частности, отмечает арабский географ Аль-Димашки. См. Le Strange G. Op.cit. — P. 395.

²⁴⁴ Jean sire de Joinville. Op.cit. — P. 400; Жан де Жуанвиль. Указ. соч. — С. 141.

²⁴⁵ Wilbrandus de Oldenburg. Op.cit. — P. 169—170. Это же предание приводит, в одном из своих посланий, Жак де Витри, а также французский Продолжатель Гильома Тирского. См. Huygens R.B. C., ed. Serta Medievalia Textus varii seaculorum x-xiii in unum collecti // Corpus Christianorum. Continuatio Mediaevalis, №171. — Turnhout. — P. 568; Barber M., Bate K., ed. & trans. Letters from the East. Crusaders, Pilgrims and Settlers in the 12th-13th Centuries. — Ashgate, 2010. — №57, P. 106; Continuation de Guillaume de Tyr, de 1229 a 1261, dite du Manuscrit de Rothelin // RHC Occ. II. — Paris, 1859. — c.11, P. 514; Shirley J., ed. & trans. Crusader Syria in the Thirteenth Century. The Rothelin Continuation of the History of William of Tyre with part of the *Eracles* or *Acre* text. — Aldershot, 1999. — c.11, P. 28.

²⁴⁶ Huygens R.B. C., ed. Serta Medievalia Textus... — P. 568; Barber M., Bate K., ed. & trans. Letters from the East... — №57, P. 106.

от отца пост бальи Антиохии. Молодой наследник Антиохийского княжеского дома пал от руки проникших в собор ассасинов. Спустя девять лет, в 1222 г. в соборе Пресвятой Девы Марии было совершено венчание другого сына князя Боэмунда IV — Боэмунда V, с вдовствующей королевой Кипра — Алисой.

Строительство собора Пресвятой Девы Марии в Тартусе продолжалось почти столетие; начавшись во второй четверти XII в., оно завершилось лишь к середине XIII в. Благодаря этому, архитектура этого сирийского собора отражает планомерный переход от романского к раннеготическому стилю, который в этот период переживала Западная Европа. Как отмечает Д. Прингл, «капители нефа наглядно демонстрируют прогрессивное развитие архитектурного стиля; восточные капители колонн выполнены в романском стиле, западные — в стиле ранней готики»²⁴⁷. Ярослав Фолда точнее характеризует собор Нотр-Дам де Антартус как романскую постройку, украшенную готической скульптурой, обращая особое внимание на сходство латинского собора в Тартусе с романскими церквями Оверни и Бургундии.²⁴⁸ После разорения, учиненного в Тартусе армией Салах-ад-Дина (в 1188 г.), собор Нотр-Дам де Антартус был укреплен франками и превращен в подобие второй городской цитадели²⁴⁹. Укрепленные ворота и прекрасно сохранившиеся башни-ризницы по сей день свидетельствуют о прошлом этого великого собора-замка сирийских франков²⁵⁰. Т. С.Р. Боус, в одной из своих работ по искусству и архитектуре Латинского Востока, справедливо называет собор Нотр-Дам

²⁴⁷ Pringle D. *Architecture of the Latin East* // J. Riley-Smith, ed. *The Oxford Illustrated History of the Crusades*. — Oxford, 2007. — P. 166.

²⁴⁸ Folda J. *Crusader Art in the Holy Land. From the Third Crusade to the Fall of Acre, 1187–1291...* — P. 9. Также см. *Ibid.* — P. 81–82, 179, 181–182, 197, 278.

²⁴⁹ Тартус всегда был уязвимым городом. В 1152 г. город, хоть и на краткое время, был захвачен армией Нур-ад-Дина, войска которого были выбиты армией короля Бодуэна III Иерусалимского, ордена тамплиеров и триполйских франков. В 1188 г., во время осады Тартуса армией Салах-ад-Дина, в руках христиан осталась лишь цитадель, а нижний город и все его церкви были разорены (об этом будет сказано ниже). Вероятно, это последнее разорение и вынудило латинского епископа Тортосы, князей Антиохии-Триполи и владевших городом тамплиеров, начать перестройку и укрепление кафедрального собора.

²⁵⁰ Подробное исследование архитектуры собора Нотр-Дам де Антартус, см. Pillet M. *Notre-Dame de Tortose* // *Syria*. — 1929. — №10 — P. 40–51. См. также; Pringle D. *Architecture of the Latin East...* — P. 166 и указанную работу Я. Фолды.

де Антаргус «одной из красивейших церквей крестоносцев»²⁵¹. Арабский географ Аль-Димашки, видевший собор Нотр-Дам де Антаргус спустя девять лет после мамлюкского завоевания (т. е. в 1300 г.), описывает его как «великолепно построенную церковь, принадлежавшую христианам»²⁵². Почитание Девы Марии — как матери Пророка Исы, в особенности почитание, характерное для сирийских мусульман, вероятно и остановила мамлюкского султана Аль-Ашрафа от разрушения церкви.

Триполи. Собор Пресвятой Девы Марии де Туре

Не меньший интерес представляет собор Пресвятой Девы Марии де Туре (то есть — Богоматери Башенной), воздвигнутый франками в предместьях Триполи, на Монт Пелерен. На месте этой соборной церкви латиняны мамлюки, на рубеже XIII-XIV вв., поставили знаменитую мечеть Аттар. Как пишет Т. С.Р. Боус, «северные врата, капители врат комнаты омовения, западные врата и башня минарета — вот все, что остается от собора Св. Марии Башенной; при этом, резьба спрятана или размазана за счет толстого слоя зеленой и красной краски». Согласно описаниям Боуса, западные врата церкви-мечети украшены романским растительным орнаментом, в то время как северные врата, с их стрельчатой аркой и раннеготическими капителями, представляют собой более позднюю постройку, относящуюся к рубежу XII-XIII вв. Выступающая вперед великая башня-колокольня своим положением походит на колокольню Храма Гроба Господня, однако, с архитектурной точки зрения, «скорее напоминает итальянские, нежели французские башни»²⁵³. Сохранившиеся фрагменты собора ясно свидетельствуют о том, что собор Пресвятой Девы Марии де Туре, так же как и собор Нотр-Дам де Антаргус, представлял собой одно из ярчайших сочетаний романского и раннеготического стиля, сочетания, характерного для церквей Латинского Востока. Возможно, что и этот собор франки воздвигли на месте обветшалой (или полностью разрушенной) ранневизантийской или мелькитской церкви, однако утверждать этого невозможно. Так или иначе, церковь Пресвятой

²⁵¹ Boase T.S.R. Ecclesiastical Art in the Crusader States in Palestine and Syria... — P. 108.

²⁵² Le Strange G. Op.cit. — P. 395.

Девы Марии де Туре относилась к числу великих храмовых построек латинских христиан на исторических территориях Антиохийского Патриархата.

Гибелет. Собор Св. Иоанна Крестителя и монастырь Свв. Сергия и Вакха

Южнее, в финикийском Библе, который арабы называли «Джебейлом», а франки — «Гибелетом», генуэзские правители города возвели кафедральный собор, освященный в честь Св. Иоанна. Строительство началось в 1115 г., однако в 1170 г. собор был практически полностью разрушен землетрясением. Франки, очевидно, отказались от восстановления церкви в прежних масштабах: в итоге, латинские христиане Гибелета довольствовались небольшой, но достаточно изящной раннеготической церковью²⁵³. В 1233 г. латинский епископ Гибелета — Вассал, основал в горах, близ города, монастырь Свв. Сергия и Вакха, переданный цистерцианской братии, восстановив тем самым пришедшую в запустение, полуразрушенную византийскую обитель²⁵⁴. В начале XIII в. франки Библа также перестроили древнюю византийскую церковь Пресвятой Богородицы, восходящую к IV в., превратив ее в достаточно мощный, укрепленный контрфорсами раннеготический храм.

Тир. Собор Пресвятой Девы Марии

Рассматривая историю соборных церквей сиро-ливанского побережья, нельзя не вспомнить и о тирском кафедральном соборе

²⁵³ Характерной чертой церкви Св. Иоанна является ее открытый баптистерий, примыкающий к северной части храма и покрытый, словно сенью, куполом, возвышающимся на четырех стрельчатых арках. Подробнее, см. Boase T.S.R. Ecclesiastical Art in the Crusader States in Palestine and Syria... — P. 109; Pringle D. Architecture of the Latin East... — P. 164—165.

²⁵⁴ Для поддержания братии монастырю были дарованы два касалья, дом в Гибелете, сад, а также виноградники и оливковые деревья. Подробнее о цистерцианском монастыре Свв. Сергия и Вакха, см. Petit M.E. Chartes de l'abbaye cistercienne de Saint-Serge de Giblet en Syrie // Mémoires de la Société Nationale des Antiquaires de France. V, Vol.8 — Paris, 1887. — P. 20—30. Текст хартий епископа Вассала, фиксирующих основание монастыря, см. Ibid. — P. 24—26.

Пресвятой Девы Марии — ранневизантийской базилике, превращенной франками в один из наиболее величественных латинских храмов Заморской земли²⁵⁵. По словам Т. С.Р. Боуса, тирский собор эпохи франкского правления представлял собой «перестроенную соборную церковь, некогда освященную Евсевием Кесарийским и бывшую местом погребения Оригена; церковь эта сохранилась, когда крестоносцы заняли город»²⁵⁶. После франкского завоевания Богородичная церковь была передана каноникам Гроба Господня, и лишь в 1127 г. там был поставлен первый латинский архиепископ — Гильом I, выходец из нормандской Англии, перебравшийся на Восток и ставший приором Храма Гроба Господня²⁵⁷. Перестроенный франками собор представлял собой трехнефную, трехпрестольную базилику, с выступающим трансептом; ныне от этого храма остаются лишь несколько колонн и следы фундамента²⁵⁸. Вероятно, капитальная перестройка собора началась после разрушительного землетрясения 1170 г. Боус даже выдвигает предположение, что часть средств на восстановление и украшение собора были предоставлены архиепископу Гильому II Тирскому императором Мануилом I Комниным, во время пребывания великого латинского хрониста в Константинополе²⁵⁹. Так или иначе, но перестроенный франками тирский собор Пресвятой Девы Марии был одним из крупнейших храмов Латинского Востока²⁶⁰.

²⁵⁵ Как уже было сказано выше, Тир, после франкского завоевания, перешел в состав Иерусалимского королевства и Латинского Иерусалимского Патриархата. Но поскольку этот город исторически был кафедрой одной из великих митрополий Антиохийской Церкви, мы будем периодически говорить и о Тире, и о Бейруте, и о Сидоне (также бывших антиохийскими епархиями, перешедшими к франкам Иерусалима).

²⁵⁶ Boase T.S.R. Ecclesiastical Art in the Crusader States in Palestine and Syria... — P. 106.

²⁵⁷ Если быть точным, первым латинским архиепископом Тира был некий Одо, возведенный в сан еще в 1122 г., но умерший до взятия города франками. Так что фактическим первым латинским архипастырем Тира был Гильом I. Кстати говоря, его категорически не следует путать с прославленным хронистом Гильом Тирским, занимавшим кафедру гораздо позже — в 1175—1186 гг.; в перечне латинских архиепископов хронист Гильом часто фигурирует как «Гильом II». Hamilton B. The Latin Church in the Crusaders States... c. 3, P. 66; c.4, P. 88.

²⁵⁸ Подробнее об архитектуре тирского собора Пресвятой Девы Марии см. Pringle D. The Crusader Cathedral at Tyre // Levant. — 2001. — №33. — P. 165—188.

²⁵⁹ Boase T.S.R. Ecclesiastical Art in the Crusader States in Palestine and Syria... — P. 106.

²⁶⁰ Folda J. Crusader Art in the Holy Land. From the Third Crusade to the Fall of Acre, 1187—1291... — P. 29; Boase T.S.R. Ecclesiastical Art in the Crusader States in Palestine and Syria... — P. 106.

С момента завоевания Иерусалима султаном Салах-ад-Дином, в 1187 г., коронации иерусалимских монархов совершались именно в кафедральном соборе Тира. С конца XII в., в тирском соборе Пресвятой Девы Марии были совершены помазание и коронация Амори II де Лузиньяна (1198), Жана I де Бриенна (1210), королей Гуго III и Генриха II де Лузиньянов (1268 г. и 1285 г. соответственно)²⁶¹. Там же располагались гробницы целого ряда христианских правителей и церковных иерархов. Помимо могилы Оригена, в соборе находились надгробия православных митрополитов и латинских архиепископов Тира, в том числе и великого хрониста и историка Заморской земли — Гильома Тирского. В годы Третьего крестового похода в тирском соборе Пресвятой Девы Марии были торжественно захоронены кости императора Фридриха I Барбароссы, чья плоть, как мы уже писали выше, покоилась в Антиохии. Так, гробницы этого государя Священной Римской империи находились, одновременно, в трех великих соборах Заморской земли — базилике Св. Петра в Антиохии, соборе Пресвятой Девы Марии в Тире и соборе Св. Павла в Тарсе. Там же были похоронены сеньоры Тира династии де Монфор — младшие сородичи знаменитого вождя Альбигойских крестовых походов, Симона де Монфора, принявшие власть над городом в 1246 г. Среди погребенных в соборе сиров де Монфор был убитый ассасинами прославленный крестоносец Филипп де Монфор (1270), а также его сыновья и преемники, братья Жан и Онфри, умершие в 1283 г. и 1284 г. соответственно²⁶². История соборной церкви Тира — освященной в правление Константина I равноапостольного «отцом церковной истории» Евсевием Кесарийским, остававшейся на протяжении многих веков местом пребывания и служения одного из старших православных иерархов Леванта и в итоге превращенной в латинский кафедральный собор и место коронации франкских монархов — служит одним из ярчайших примеров латинской рецепции святынь и храмовых построек православного Востока²⁶³.

²⁶¹ Подробнее о коронации иерусалимских монархов в Тире см. Riley-Smith J. *The Feudal Nobility in the Kingdom of Jerusalem. 1174—1277...* P. 141; Ришар Ж. *Латино-Иерусалимское королевство...* passim.

²⁶² Pringle D. *The Crusader Cathedral at Tyre // Levant.* — 2001. — №33. — P. 184—185; Folda J. *Crusader Art in the Holy Land. From the Third Crusade to the Fall of Acre, 1187—1291...* — P. 649.

²⁶³ Подробнее о православных митрополитах Тира, см. выше: Часть I, гл. 1, С. 100—105.

Эдесса. Собор Св. Иоанна Крестителя и другие латинские церкви

Подчас франки оставляли старые католические соборные церкви греческим и мелькитским общинам, а сами же перестраивали мечети или, реже, церкви миафизитов, превращая их в кафедральные соборы латинского епископата. В Эдессе франки обратили в кафедральный собор заброшенную, полуразрушенную церковь Св. Иоанна Крестителя²⁶⁴. Автор Анонимной Сирийской хроники 1234 г. оставляет подробное описание восстановленной франками церкви, ставшей величественным кафедральным собором латинского архиепископа Эдессы. «Франки восстановили ее (церковь Св. Иоанна. — С. Б.) со всем великолепием, перестроив кровлю и покрыв ее новыми черепицами. В церкви той было до ста больших окон; для каждого франки изготовили оловянные решетки, дабы в церковь проникал свет, но не залетали птицы. Многие епископы и отцы давних времен были погребены там. Посреди церкви, за архиерейским тронем (кафедрой) были погребены епископы франков. Епископ (папиос), который был убит при взятии Эдессы, также был погребен там. Над его гробницей была поставлена плита порфирного мрамора, из которой было высечено изображение самого епископа; при этом все покрытие могилы состояло из единого камня. Тела святых Аддая Апостола и царя Авгаря хранились в той же церкви, в серебряной раке, покрытой золотом»²⁶⁵. Франкам в Эдессе принадлежал укрепленный монастырь Свв. Фаддея, Иоанна и Георгия. Дж. Сигал, в своей монографии, посвященной Эдессе, обращает внимание на латинскую рукопись, вышедшую под редакцией Рёрихта, в которой приведено описание обнесенного стенами «великого монастыря, освященного в честь Апостола Фаддея, Иоанна Крестителя и мученика Георгия (...) возвышавшегося над городом»²⁶⁶. Помимо собора Св. Иоанна и прилежавшего к нему монастыря, к франкам перешли две эдесские церкви — Св. Стефана и Св. Фомы, остальные же храмы и монастыри города остались в ведении

²⁶⁴ Неясно, принадлежала ли она, до своего запустения и последующего восстановления франками, мелькитской или сиро-яковитской общине.

²⁶⁵ Tritton A.S., Gibb. H. The First and Second Crusades from an Anonymous Syriac Chronicle... — P. 290; Segal J.B. Edessa: The Blessed City... P. 249.

²⁶⁶ Segal J.B. Edessa: The Blessed City... P. 249.

сиро-яковитских, армянских и мелькитских общин. Дворец архиепископа Эдессы располагался в соборной мечети города, о чем также упоминает сирийский Аноним²⁶⁷.

Обращение мечетей: Иерусалим, Альбара

История с обращением главной мечети Эдессы в дворец латинского архиепископа подводят нас к необходимости хотя бы вкратце сказать об устремлении крестоносцев к освящению и обращению в церкви мусульманских культовых сооружений. Из всех великих мечетей Леванта, обращенных крестоносцами в церкви, самыми известными, бесспорно, являются мечети Куббат ас-Сакры, Храмовой горы Иерусалима; мечеть «Купол скалы» нареченная франками «Храмом Соломона», и мечеть Аль-Акса, ставшая Храмом Господним (*Templum domini*)²⁶⁸. Однако, в рамках данной работы, нас в большей степени интересуют прецеденты, имевшие место на землях Антиохийского Патриархата. Еще в 1098 г. провансальские крестоносцы графа Раймонда Сен-Жильского превратили городскую мечеть Альбары в христианскую церковь, призванную отныне служить соборным храмом латинского епископа²⁶⁹.

Триполи. Кафедральный собор Пресвятой Девы Марии (Джами Умари)

С завоеванием Триполи, в 1109 г., франки обратили в церковь великую мечеть эмиров Бену Уммар (Джами аль Умари)²⁷⁰. В описани-

²⁶⁷ Tritton A.S., Gibb. H. *The First and Second Crusades from an Anonymous Syrian Chronicle...* — P. 290—291; Segal J.B. *Edessa: The Blessed City...* P. 250.

²⁶⁸ Подробнее см. Хилленбранд К. Крестовые походы. Взгляд с Востока: мусульманская перспектива... С. 280—285.

²⁶⁹ *Anonymi Gesta Francorum.* — с.31, P. 393.

²⁷⁰ Эта церковь была единственным из великих построек в черте городских стен старого Триполи, не снесенных мамлюками в 1289 г. Мусульмане вновь обратили ее в мечеть и этим ограничились. В этой мечети останавливался один из арабских географов XIV в., отмечавший, что мечеть «это все, что осталось от древнего города», и что все прочие жители переселились к новому Триполи, основанному султаном Калавуном. См. Le Strange G. *Op.cit.* — P. 351.

ях персидского путешественника XI в. Насира Хосрова эта мечеть предстает как великолепное сооружение, «двор которой покрывает великий купол, а посреди двора стоит мраморный бассейн и бронзовый фонтан»²⁷¹. Великая мечеть покоренного арабского города была перестроена франками и освящена в честь Пресвятой Богородицы. Ярослав Фолда, в своей фундаментальной истории искусства Латинского Востока 1187—1291 гг. обращает внимание на «Поэму о падении Триполи», оставленную в XVI в. сиро-яковитским епископом Никосии — Гавриилом бар Килайем²⁷². Этот текст содержит редчайшее описание латинского кафедрального собора Пресвятой Девы Марии в Триполи, описание, очевидно заимствованное из более раннего, не дошедшего до нас источника: «Народ стекался на праздник — женщины, дети, старики и юноши // Священник воскуривал благовония, ладан и алое // Подобные лунам, шли диаконы, облаченные в тонкие одежды, белые как луны // Они читали пророчества и Евангелие, обращаясь к каждому в подобающее время // Народ же стоял и слушал, дивясь и воспевая гимны // И епископский трон стоял там, во всем великолепии, украшенный скульптурами и всевозможными росписями // Глаз человеческий не видал ничего краше строения купола, увенчанного печатью Соломона // И все фигуры, стоявшие там, были из золота и серебра, и драгоценных камней, жемчуга, гиацинта и перламутра // И были там прекрасные колонны из цельного мрамора, лобзаемые высокими свечами (...) // Двери же были из сандала, выложенного золотом и стоящего тридцать тысяч жалований»²⁷³.

Строительство новых церквей в Антиохии

Сирийские франки не ограничивались лишь перестройкой старых восточных церквей или мечетей. Помимо основания и строительства латинских монастырей на землях Леванта, о чем будет сказано несколько ниже, франкские переселенцы вели и активное

²⁷¹ Le Strange G. Op.cit. — P. 349.

²⁷² Folda J. Crusader Art in the Holy Land. From the Third Crusade to the Fall of Acre, 1187—1291... — P. 9, 563; Gabriel Bar Kalâi. Poème sur la chute de Tripoli // Archives de L'Orient Latin. Tome II. — Paris, 1884.

²⁷³ Gabriel Bar Kalâi. Op.cit. — P. 466.

строительство новых церквей в городах. В той же Антиохии франки возвели несколько новых храмов и капелл. В эпоху правления династии Отвиллей (1098—1130 гг.) там была построена церковь Св. Леонарда — любимого святого князя Боэмунда I, заступничеству которого основатель Антиохийского княжества приписывал свое освобождение из тюркского плена²⁷⁴. Князь Раймонд Антиохийский, будучи уроженцем Пуатье, возвел дворцовую княжескую капеллу, освященную в честь св. Илария Пиктавийского — первого епископа и покровителя этой области Франции. Один из Продолжателей Гильома Тирского пишет о дворцовой церкви Антиохийских князей как о «капелле, которую князь Раймонд построил в честь св. Илария из Пуатье»²⁷⁵. Со времен Первого крестового похода в Антиохии стояла и церковь Св. Апостола Андрея, основанная или восстановленная графом Раймондом Сен-Жилльским и провансальскими крестоносцами. Среди других построенных франками церквей Антиохии можно назвать церковь Св. Апостола Фомы, а также церкви, освященные в честь воинов мучеников — Св. Мины и Св. Феодора²⁷⁶.

VI. Латинские иерархи и восточная Церковь

Создание латинских Патриархатов Антиохии и Иерусалима, призванных сохранить единство всех «католических христиан», открывало достаточно острую проблему для греко-латинского соприкосновения в Леванте: проблему сосуществования в лоне единой Церкви, когда у латинских и византийских христиан не было ни общего языка, ни общей культуры богослужения. Отношения осложнялись из-за экспансии латинских христиан, их притязаний на иерархическое господство и право владения многими церквями Востока. Ранний период сосуществования франков и восточных христиан в Леванте был, в известной степени, омрачен и воинственным триумфализмом некоторых представителей латинского клира. В Иерусалиме первые латинские

²⁷⁴ О Боэмунде и его почитании св. Леонарда см. выше: Часть II, гл. 2, С. 100—105; Cahen C. *La Syrie du Nord...* P. 131. Среди документальных свидетельств об антиохийской церкви Св. Леонарда см. Röhrich R., ed. *Regesta Regni Hierosolymitani...* — №195, P. 48.

²⁷⁵ *L'Estoire de Eracles...* — P. 208.

²⁷⁶ Cahen C. *La Syrie du Nord...* P. 131.

патриархи — Арнульф де Шоке и Даимберт Пизанский — стяжали себе дурную славу среди местных христиан; Арнульф — изгнанием православного клира из Храма Гроба Господня и своим приказом пытать греческих монахов, не желавших раскрыть место нахождения Древа Животворящего Креста²⁷⁷, Даимберт — своим участием в военных кампаниях против византийских христиан на острое Кефалонии и в сирийской Латакии (1099 г.)²⁷⁸. Первый латинский Патриарх Антиохии Бернард Валенский также успел продемонстрировать свое «почтение» к восточному клиру, велел, в 1118 г., взять под стражу сиро-яковитского Патриарха Афанасия VII бар Хаморо и даже пригрозив ему бичеванием, ошибочно посчитав его виновным в симонии²⁷⁹. К тому же, именно в годы патриаршества Бернарда проходила передача многих старых византийских церквей латинскому клиру, что не могло вызвать теплых чувств у греческого и мелькитского населения. Однако следует сразу отметить, что этот воинственный угар завоевателя, свойственный некоторым латинским прелатам, достаточно быстро сошел на нет.

Бесспорно, ошутимую проблему составляли и частые войны сирийских франков с Ромейской державой, потрясавшие восточное Средиземноморье в первой половине XII в. Антиохийские князья инициировали затяжные кровопролитные бои в Латакии, разорение Кипра, проповедь крестового похода против Византии на Западе²⁸⁰. Однако войны франкских государей Антиохии против византийских христиан встречают прямое осуждение со стороны принадлежавших к клиру Римской Церкви латинских авторов XII в. Об этом мы уже

²⁷⁷ Raimundi Aguilers. Op.cit. — с.21, Р. 302.

²⁷⁸ Анна Комнина. Указ. соч. — Книга X, гл. 10, С. 312; Alberti Aquensis. Op.cit. — Lib. IX, с.16, Р. 656.

²⁷⁹ В 1118 г. Патриарх Бернард Валенский выступил в качестве арбитра и верховного судьи во время схизмы между Патриархом Афанасием VII и сиро-яковитским митрополитом Эдессы. Когда Бернард, через переводчика, осведомился у Афанасия VII, за что именно он отлучил от церкви митрополита Эдессы, Афанасий ответил, что архиепископ «виновен сверх меры», однако переводчик, не разобрав его слов, сказал: «Он должен мне золото». Решив, что перед ним случай вопиющей симонии, Патриарх Бернард воскликнул «воистину, перед Вами преемник Симона волхва, а не Петра!», приказал взять под стражу Патриарха Афанасия VII, и даже думал подвергнуть его бичеванию, дабы таким образом научить его христианскому смирению. История эта подробнейшим образом описана в хронике Михаила Сирийца; см. Michel le Syrien. Op.cit. — Vol. III, Lib. XV, с.12, Р. 207—209.

²⁸⁰ Подробнее см. Часть II, гл. 2—3, С. 100—105.

достаточно подробно писали во второй части книги. Для Альберта Аахенского, попытка князя Бозмунда I создать из греков образ врага, равного сарацинам, это достойный осуждения «жалкий обман» (*misere decerpit*) и «убийство христиан»; греки, в глазах аахенского каноника, остаются «католиками»²⁸¹. С точки зрения Ордерика Виталия, благословленный Папой Пасхалием II «крестовый поход» князя Бозмунда против Византии — это несправедливое предприятие, пронизанное гордыней, направленное против братьев христиан и их «священной империи»; поражение латинского воинства, это дело рук самого Господа, услышавшего молитвы христиан Романии²⁸². Для Гильома Тирского, разорение Кипра войсками князя Рено де Шатильона, это «преступление» (*flagitium*), «злодеяние» (*maleficium*) и «отвратительное вторжение» (*abominandae invasionis*)²⁸³. Столь значимых и столь различных латинских авторов XII в., один из которых принадлежал к братии англо-нормандского монастыря Св. Эвруля, другой — к капитулу собора Пресвятой Девы Марии в Аахене, а третий был уроженцем Заморской земли и латинским архиепископом Тира.

Толерантность франкских государей

Стоит особо отметить, что, невзирая на постоянные войны с Византией, франкские государи Сирии не только не распространяли

²⁸¹ Alberti Aquensis. Op.cit. — Lib. VI, c.57, P. 480—482.

²⁸² Подробнее см. выше: Часть II, гл. 2, С. 100—105.

²⁸³ Guillaume de Tyr. Op.cit. — Lib. XVIII, c.10, P. 834. Здесь, конечно же, следует сделать оговорку насчет позиции Гильома. Тирский архиепископ готов был признать латинскую агрессию против восточных христиан имеющей «справедливый повод» (*juxta causam*), если она была вызвана защитой чести, то есть носила характер отмщения. Это проявляется, в первую очередь, в его оценке действий графов Триполи — Раймонда II, мстившего сирийским христианам за выдачу и казнь отца, и Раймонда III, разорившего Кипр в знак отмщения ромейскому василевсу за поруганную честь сестры. Гильом не скрывает жестоких деяний триполитских франков, но при этом и не обличает их, как Антиохийского князя Рено. Подробнее см. выше: Часть II, гл. 3, С. 100—105. Хотя возможно, что Гильом сознательно воздерживается от критики графов Триполи, поскольку сам принадлежал к партии графа Раймонда III Триполитского, в период регентства которого он и был возведен на Тирскую кафедру и получил пост канцлера Иерусалимского королевства. Подробнее, см. Edbury P.W., Rowe J.G. William of Tyre. *Historian of the Latin East...* P. 18—19.

карательные меры против собственных православных подданных²⁸⁴, напротив, они во многом выступали именно как гаранты безопасности и покровители восточных христиан, ограждая их в том числе и от посягательств особо фанатичных представителей латинского клира. В Палестине, король Бодуэн I Иерусалимский, вопреки патриаршему указу, позволил греческому клиру совершать богослужения у Гроба Господня (в том числе — в Великую Субботу, при схождение Благодатного Огня). Он переселил в Иерусалим семьи мелькитов из-за Иордана, и покровительствовал греческим и грузинским монастырям Святой земли, в том числе — прославленной лавре Св. Саввы Освященного²⁸⁵. Преемники Бодуэна I на королевском престоле Иерусалима придерживались столь же толерантного, если не сказать — щедрого отношения к мелькитам, грекам и грузинам Палестины.

Положение в северо-сирийских государствах крестоносцев — княжестве Антиохийском и сирийских графствах Эдессы и Триполи — было несколько иным. История межхристианских контактов на этих землях омрачена несколькими случаями массового избиения восточных христиан — латинянами, о чем мы уже подробно говорили в первой части книги. Однако, за исключением отдельных прецедентов латинской агрессии, франкские государи Антиохии, Триполи и Эдессы (так же как и их иерусалимские собратья) проявляли сходную терпимость и оказывали столь же щедрое покровительство своим восточно-христианским подданным, подчас — в ущерб интересам латинского клира. К примеру, князь Рожер Антиохийский оградил Сиро-яковитскую Церковь от посягательств латинского Патриарха, жестко отчитав Бернарда Валенского за арест сирийского Патриарха Афанасия VII бар Хаморо. Согласно хронике Михаила Сирийца, князь Рожер, получив жалобу со стороны Афанасия VII, обратился к Патриарху Бернарду

²⁸⁴ За исключением, конечно же, графа Раймонда II Триполийского, снарядившего в 1137 г. карательную экспедицию против «сириан» Аль-Куры, в отмщение за своего отца.

²⁸⁵ Дружелюбное отношение «князя Балдвина» к православным паломникам и клиру сособой яркостью отражено в «Хождении» игумена Даниила; см. Даниил, игумен. Хождение в Святую землю игумена Даниила // Лихачев Д.С. Библиотека литературы Древней Руси. Том 4. — М.: Наука, 1997. О переселении мелькитов из-за Иордана в Иерусалим мы уже говорили выше, см. Часть I, гл. 1, С. 100—105. См. также: Guillaume de Tug. Op.cit. — Lib. XI, с.27, P. 502. Подробнее об отношении короля Бодуэна I Иерусалимского к православным Палестины (грекам, мелькитам, грузинам) см. Runciman S. The History of the Crusades. Vol II. — Book I, с.5, P. 86; Hamilton B. The Latin Church in the Crusader States... с.5, P. 170; MacEvitt C. The Crusades and the Christian World of the East... P. 120—121.

со следующим увещанием: «Не смей судить сирийских христиан, ибо у Тебя нет для этого ни власти, ни авторитета»²⁸⁶. Слова этого нормандского князя в значительной степени определили независимость Сиро-яковитской Церкви в пределах княжества Антиохийского.

Еще более значимый прецедент связан с первым нормандским князем Антиохии — Бозмундом. Этот человек в большей степени известен как великий нормандский завоеватель, неутомимый противник ромейского василевса, крестоносец, чьи амбициозные планы привели к новой череде войн между латинскими и византийскими христианами в Леванте и на Балканах. Но о Бозмунде фактически никогда не вспоминают как о гаранте неприкосновенности и щедром покровителе восточно-христианских монастырей Сирии, в особенности — Черной горы. Как мы уже писали выше «Черной горой» издревле называли склоны гор Аманоса, которые со времен христианизации Римской империи населяли монахи и отшельники, основывавшие свои обители на всем протяжении этой гряды, от средиземноморского побережья до Мараша и дальних, северо-западных предместий Алеппо. К X веку это был один из крупнейших центров восточно-христианского монашества, сравнимый с Палестиной, окрестностями Константинополя или со Святой горой Афон. Причем, на Черной горе подвизались как католические, халкидонские христиане (греки, мелькиты, грузины, армяне-халкидониты), так и христиане-миафизиты (сиро-яковиты и армяне). В 1097 г. этот регион был освобожден крестоносцами и вскоре подпал под власть Антиохийского князя.

По словам Ордерика Виталия, Бозмунд «с величайшим почтением относился к грекам, армянам и сирийцам, которые, приняв монашеское послушание, подвизались в своих монастырях, неукоснительно следуя собственным уставам. Он подтвердил их права на все владения, которыми они были наделены с древнейших времен. Помимо этих обителей, там также находились монастыри, которые были разорены жестокими турками, изгнавшими подвизавшихся там иноков. Доблестный государь передал эти обители латинским монахам и клирикам, даровав им обширные земли и предоставив им щедрые запасы провианта, чтобы они могли иметь все, необходимое для служения Господу и для совершения божественных служб по уставу латинской Церкви»²⁸⁷.

²⁸⁶ Michel le Syrien. Op.cit. — Lib. XV, c. XII, P. 210.

²⁸⁷ Orderic Vitalis. Op.cit — Pars III, Lib. X, c.11, P. 256.

То есть, в то время как латинские монахи вынуждены были восстанавливать разрушенные монастыри, греческие, сирийские, армянские и грузинские инок, ограничившись лишь номинальным подчинением латинскому патриарху, продолжали не только удерживать свои древние, благоустроенные обители, но и пользоваться доходами с земель, которыми они были наделены еще в годы византийского правления. Так, монастыри северной Сирии были ограждены от угрозы латинизации приказом первого нормандского князя Антиохии.

Освобождение восточных христиан от выплаты десятины

Рассматривая историю взаимоотношений франков с «греками, сирийцами и армяне», необходимо отметить, что в пределах Заморской земли восточные христиане — как «кафолические» (греки и мелькиты), так и миафизиты — были освобождены от выплаты десятины. Освобождение от десятины армян и сиро-яковитов вполне объяснимо, т. к. они считались паствой параллельных, отделенных от кафолической Церквей. Между тем, кафолические, халкидонские христиане Востока были освобождены от выплаты десятины, так как это не соответствовало традициям восточной Церкви и могло вызвать ожесточенное сопротивление населения. Десятину в государствах Заморской земли выплачивали только латинские христиане; от восточной православной паствы Латинских Патриархатов требовалось лишь признание канонической власти латинской иерархии. Вполне возможно, что восточные приходы и монастыри могли предоставлять некие выплаты или жертвы латинским Патриархам и прелатам, но если такие «дарения» и имели место (а прямых подтверждений тому нет), они были явно несопоставимы с регулярной выплатой десятой части дохода, которой облагались «освободившие Святую землю» франки²⁸⁸. Причем дольше всего эта практика сохранялась именно на территории Латинского Антиохийского Патриархата, где она продолжалась и в XIII в.²⁸⁹

²⁸⁸ Эта привилегия «греков» отмечена и, соответственно, отменена Папой Иннокентием III на Четвертом Латеранском соборе (1215 г.). Текст послания Папы Иннокентия IV, апеллирующего к определению Четвертого Латеранского собора и настаивавшего на введении десятины для греков (1244 г.), приведен в Mas Latrie M.L. Histoire de l'île de Chypre sous le règne des princes de la maison de Lusignan. — Paris, 1885. — P. 643—644. Также см. Hamilton B. The Latin Church in the Crusader States... c.12, P. 317.

²⁸⁹ Подробнее см. ниже: Часть IV, гл. 3, С. 100—105.

То есть в то время как латинские монахи должны были осваивать и заново возводить разрушенные монастыри, восточные братии удерживали свои великие обители; в то время как латиняне — нобили, бюргеры, мелкие землевладельцы — должны были выплачивать десятину Церкви, греки и мелькиты довольствовались лишь номинальной покорностью латинской иерархии и выплатой исключительно светских податей. Эти фундаментальные положения, во многом определившие дальнейшее развитие греко-латинского церковного соприкосновения в Заморской земле, заслуживают пристального внимания особенно в свете повторяющихся в научной, научно-популярной и церковной литературе утверждений о притеснениях православных христиан Сирии и Палестины латинскими крестоносцами.

Латинские пастыри «греков и сириан»

Если же вернуться к теме церковной иерархии латинян на землях Леванта, то, конечно же, нельзя не отметить парадоксального положения, в котором оказались латинские прелаты, занимавшие кафедры в городах Заморской земли; часть их «католической» паствы придерживалась латинского богослужебного обряда, часть — византийской или западно-сирийской традиции, не разделяя ни языка, ни внешней культуры богослужения своих архипастырей. Хорошо известны стенания епископа Акры — Жака де Витри по поводу невозможности исправить обычаи входивших в его епархию «сириан», не считавшихся ни с увещаниями, ни с отлучениями латинского клира. «При богослужении сириане в полной мере соблюдают обычаи и порядки греков, повинуюсь им во всех духовных делах, как своим старейшинам; относительно же латинских прелатов, в епархии которых они живут, сириане говорят, что покоряются им не сердцем, но только устами, из-за страха перед баронами. Они имеют обособленных греческих епископов и ни во что не ставили бы латинские отлучения, если бы наш народ не избегал всякого общения с ними относительно торговых договоров и прочих, столь же необходимых, дел. Сириане говорят между собой, что все латиняне сами отлучены и потому никого не могут связать своими приговорами»²⁹⁰.

²⁹⁰ Jacques de Vitry. Op.cit. — с.75, Р. 139.

Жерар Назаретский — епископ Латакии

На землях Антиохийского патриархата, различие в отношении латинских иерархов к их «византийской» пастве наилучшим образом проявилось на примере Патриарха Амори де Лиможа (1140—1193 гг.) и его современника, епископа Латакии Жерара Назаретского. Жерар Назаретский принадлежал к числу латинских иерархов, известных своим благочестием и аскетизмом. На протяжении многих лет он подвизался в латинских монастырях Черной горы и галилейского Назарета, а около 1140 г. был возведен на кафедру Латакии, которую занимал более двадцати лет²⁹¹. Этот латинский пастырь города, населенного преимущественно греками и сирианами, вошел в историю как автор двух текстов — книги «Беседы мужей, живущих на Святой земле» (*De conversatione virorum Dei in Terra Sancta morantium*) и трактата «Против греков, о единой Магдалине» (*De una Magdalena contra Graecos*). Оба текста — не просто значимые литературные памятники Латинского Востока, но и яркие свидетельства открытого пренебрежения к традициям восточного монашества и богословия²⁹². Книгу «Бесед» Жерар посвящает жизнеописанию различных аскетов, подвизавшихся в монастырях или отдаленных скитах Сирии и Па-

²⁹¹ Жерар Назаретский возшел на епископскую кафедру Латакии не позднее 1140 г., т. к. Гильом Тирский отмечает его присутствие на соборе в Антиохии, во время низложения Патриарха Рауля I Домфрона. См. Guillaume de Tyr. *Op.cit.* — Lib. XV, c.16, P. 683. Последнее документальное свидетельство о Жераре Назаретском — хартия иерусалимского короля Бодуэна III, в которой латинский епископ Латакии выступает в качестве одного из свидетелей; она датирована 31 июля 1161 г. См. Röhrich R., ed. *Regesta Regni Hierosolymitani...* — №366, P. 96.

²⁹² Жерар Назаретский — как знаковый латинский писатель-полемист XII в. — был в буквальном смысле слова «раскрыт» и выведен из забвения Бенджамином Кедаром. См. Kedar B.Z. Gerard of Nazareth, a neglected twelfth-century writer in the Latin East; a contribution to the intellectual and monastic history of the crusader states // *Dumbarton Oaks Papers*. — 1983. — №37. — P. 55—77. Также личности и текстам Жерара Назаретского посвящены две замечательные работы Андрея Жотицкого. См. Jotischky A. *The Perfection of Solitude. Hermits and Monks in the Crusader States*. — Pennsylvania State University, 1995. — c.1 'Gerard of Nazareth and Western Hermits of the Crusader States', P. 17—46; Jotischky A. *The Frankish encounter with the Greek Orthodox in the Crusader States. The case of Gerard of Nazareth and Mary Magdalene* // M. Gervers & J.M. Powel, ed. *Tolerance and Intolerance. Social conflict in the age of the Crusades*. — Syracuse, 2001. — P. 100—116.

лестины. Однако из нескольких десятков «восточных» подвижников Жерар фактически не удостоивает упоминанием ни одного грека или сирийца; книга его посвящена исключительно латинским анахоретам. Андрей Жотицкий в своей монографии о монашестве на Латинском Востоке приводит полный перечень монахов и отшельников, которых Жерар описывает в своих «Беседах...». Из 23 анахоретов все носят западные имена, или же в тексте фигурируют упоминания об их западном происхождении. Восточными монахами, предположительно, могут быть лишь двое отшельников — Порфирий и Николай, — о происхождении которых Жерар не сообщает ничего подробного²⁹³.

Целью трактата «О единой Магдалине» было опровержение восточно-христианского отношения к евангельскому образу Марии Магдалины. На Востоке считалось, что Мария Магдалина — женщина, из которой Христос изгнал семь бесов, Мария — сестра Марфы и Лазаря, и блудница, пришедшая омыть ноги Христу — разные лица; на Западе сложилось мнение — что все эти женщины одно лицо, и именно Магдалина. Казалось бы, что эта тема не имеет прямого или, по крайней мере, доминирующего значения для греко-латинских богословских споров — это, все же, не вопрос о роли римского понтифика, о *filioque* или об азимах; но на примере «Магдалины» Жерар коснулся крайне чувствительного аспекта — традиции восточного толкования Писания. Фактически Жерар, даже не пытаясь проникнуть в тонкости восточной экзегетики и патристики, встает на однозначную позицию «*contra Graecos*» и утверждает «единственно-правильную» точку зрения современного ему западного толкования, которому должны поклониться греки и прочие христиане Востока.

Стоит отметить, что в 1150-х гг. ревностный латинский архипастырь столкнулся с открытым вызовом, брошенным ему одним из восточных пресвитеров Латакии, по имени Сала. Как отмечает А. Жотицкий, Сала, в своем ответе на тексты Жерара, открыто задавал вопрос: «если латинский епископ не может правильно толковать Писание, то по какому праву он распространяет свою каноническую власть на православных, которые толкуют Писание в духе Истины и при помощи Святых Отцов?»²⁹⁴. По-

²⁹³ Jotischky A. The Perfection of Solitude. Hermits and Monks in the Crusader States... — c.1, P. 25—26.

²⁹⁴ Jotischky A. The Frankish encounter with the Greek Orthodox in the Crusader States. The case of Gerard of Nazareth and Mary Magdalene... P. 113. При этом, Б. Кедар выдвинул версию о том, что Сала был не православным священником, но тамплиером, что вполне обоснованно, в вышеуказанном сочинении, опровергает Жотицкий.

добная постановка вопроса вновь отсылает нас к тому барьеру, который разделял византийскую паству и их латинских пастырей, тому барьеру, о котором писал Жак де Витри. Богословская полемика о Магдалине усугублялась еще и тем, что пресвитер Сала освятил несколько кладбищ для греков и сириан Латакии, не испросив разрешения и благословения латинского епископа, что было грубейшим нарушением установленных правил и посягательством на архиерейскую прерогативу. Однако нельзя не отметить, что столкнувшись со столь дерзким вызовом одного из своих греческих пресвитеров, Жерар не ввел против своей паствы каких-либо репрессивных мер. Ни о каком «мученичестве» или «исповедничестве» Салы нет ни малейшего упоминания, ни намек. Латинский прелат прибегнул лишь к одному средству — к продолжению богословской полемики, составив новый трактат «Против Салы пресвитера» (*Contra Salam prebyterum*)²⁹⁵. Текст этого сочинения не дошел до нас, однако трактат и обстоятельства его написания известны благодаря нескольким упоминаниям в Магдебургских центуриях (XVI в.)²⁹⁶. История бурной полемики епископа Жерара и пресвитера Салы служит прекрасной иллюстрацией греко-латинских церковных взаимоотношений в пределах Заморской земли XII в.; с одной стороны, налицо взаимное отчуждение, бескомпромиссное убеждение в абсолютной чистоте лишь *собственной* традиции, но при этом проступает явный отказ от насильственного подчинения инакомыслящего, от каких-либо гонений против «схизматиков», более того — отказ от использования даже самого этого слова.

Амори де Лимож — Патриарх Антиохии

Совершенно иной тип латинского иерарха мы встречаем в лице Патриарха Амори де Лиможа²⁹⁷. Амори был уроженцем аквитанского

²⁹⁵ Jotischky A. The Perfection of Solitude. Hermits and Monks in the Crusader States... — c.1, P. 18.

²⁹⁶ Jotischky A. The Frankish encounter with the Greek Orthodox in the Crusader States. The case of Gerard of Nazareth and Mary Magdalene... P. 109—111.

²⁹⁷ Личности Амори де Лиможа посвящены две работы Бернарда Гамильтона. См. Hamilton B. Aimery of Limoges, Patriarch of Antioch: ecumenist, scholar and patron of hermits // Elder E.R., ed. The Joy of Learning and the Love of God. Essays in Honor of Jean Leclercq. — Kalamazoo, 1995; Hamilton B. Aimery of Limoges, Latin Patriarch of Antioch (c.1142-c.1196), and the Unity of the Churches // East and West in the Crusades States. Context - Contacts — Confrontations. Vol. II. — Leuven, 1999.

города Лимож и принадлежал к тому поколению аквитанцев и пуатьевинцев, которые перебирались в пределы княжества Антиохийского после воцарения там Раймонда де Пуатье²⁹⁸. Амори прибыл в Сирию по приглашению своего дяди, соратника князя Раймонда и шателена Антиохии Петра Армоина. Не позднее 1140 г. молодой аквитанский клирик занял пост декана Антиохийской Церкви²⁹⁹. В сравнении с Жераром Назаретским, Патриарх Амори де Лимож придерживался принципиально иного отношения к восточно-христианскому миру. Прежде всего, он известен как иерарх, добившийся настоящего прорыва в латинских отношениях с отделенными сирийскими Церквями — с маронитами и сиро-яковитами. Хорошо известна дружба Патриарха Амори с великим хронистом и патриархом Сиро-яковитской Церкви — Михаилом I Великим (Михаилом Сирийцем), которого Амори принимал в Антиохии и Кусаире и с которым собирався отправиться на Третий Латеранский собор³⁰⁰.

Амори де Лимож вошел в историю как архитектор унии Рима с Маронитской Церковью. В 1181 г. Патриарх Амори отбыл в пределы графства Триполлийского, где встретился с Патриархом Петром III и несколькими епископами Маронитской Церкви³⁰¹. К величайшему сожалению, не сохранилось ни одного источника, в котором можно было бы получить точные сведения о ходе переговоров между двумя Патриархами. Очевидно лишь то, что со времен Патриарха Амори и его современника архиепископа Гильома Тирского — первого автора, упоминающего о заключении унии — и до сего дня Маронитская Церковь сохраняет полное общение с Римом³⁰². Роль Патриарха

²⁹⁸ Подробнее, см. Часть III, гл. 1, С. 100—105.

²⁹⁹ Guillaume de Tyr. Op.cit. — Lib. XV, c.18, P. 688.

³⁰⁰ Michel le Syrien. Op.cit. — Lib. XIX, c.3, P. 332; Lib. XX, c.7, P. 377—378.

³⁰¹ Среди маронитских иерархов, прибывших на встречу с Патриархом Амори в 1181 г., были епископы Триполи, Батруна и Библа (Гибелета). Подробнее см. Hamilton B. Aimery of Limoges, Latin Patriarch of Antioch (c.1142-c.1196), and the Unity of the Churches... — P. 7—8.

³⁰² Конечно же, далеко не все марониты единогласно приняли идею воссоединения с Римом; сопротивление унии сохранялось среди епархий, лежавших в высокогорьях Ливана и в глубине континента. Сторонниками же унии являлись, преимущественно, епископы, клир и паства приморских епархий, находившихся в более тесном соприкосновении с франками. Подробнее см. Salibi K.M. The Maronite Church in the Middle Ages and its union with Rome // Oriens Christianus. — 1958. — №42. — P. 92—104.

Амори в установлении единства маронитов с Римской Церковью отмечают, в своих текстах, архиепископ Гильом Тирский³⁰³ и епископ Жак де Витри³⁰⁴. Ясно также, что уния строилась не на принципе подчинения маронитов местным латинским епископам или Патриарху Антиохии, но на сохранении обособленной маронитской иерархии (в том числе Патриарха), отвечавших напрямую перед епископом Рима. В этом отношении уния, заключенная Патриархом Амори де Лиможем, была первой в своем роде и образцом для последующих римских поисков к достижению единства с восточными Церквями.

Гораздо реже вспоминают об отношении Патриарха Амори к «кафолической», византийской части восточно-христианского мира. Единственный действительно обостренный период неприятия «греков» со стороны латинского Патриарха был связан с пребыванием в Антиохии православного Патриарха Афанасия I Манасси (1165—1170 гг.), поставленного в городе по настоянию императора Мануила I Комнина³⁰⁵. Михаил Сириец отмечал, что когда в 1168 г. Патриарх Амори с почестями принимал его в Антиохии и Кусаире, он это делал не только из доброго отношения к сирийскому Патриарху, но и из страстного желания «унизить греков», то есть Патриарха Афанасия I Манасси и поддерживавших его ромеев, антиохийских греков и мелькитов³⁰⁶. Однако за исключением этого пятилетнего периода, который подошел к концу с гибелью Афанасия, Патриарх Амори не выказал более сколь-либо враждебного отношения к Византии или к собственной «византийской» (греческой, мелькитской, грузинской) пастве.

Более того, этот латинский Патриарх регулярно находился в той или иной степени взаимодействия с Ромейской державой и византийским миром. Так, византийский историк Иоанн Киннам прямо связывал вошедшее в легенду изощренное избиение Патриарха Амори князем

³⁰³ Guillaume de Tyr. Op.cit. — Lib. XXII, c.8, c.1076.

³⁰⁴ Jacques de Vitry. Op.cit. — c.78, P. 152—153.

³⁰⁵ Подробнее см. выше: Часть III, гл. 3, С. 100—105.

³⁰⁶ Michel le Syrien. Op.cit. — Vol. III, Lib. XIX, c.3, P. 332. См. также еще одну работу В. Гамильтона, посвященную взаимоотношениям «трех Патриархов Антиохии», то есть Амори де Лиможа, Афанасия I Манасси и Михаила Сирийца; Hamilton B. Three Patriarchs at Antioch, 1165—1170 // Ballard M., Kedar B.Z., Riley-Smith J., ed. Gesta Dei per Francos. — Aldershot, 2001.

Рено де Шатильоном (1155 г.) с патриаршим отказом предоставить князю средства для его похода против византийского Кипра. «Ренальд, испытывая (...) крайнюю бедность, задумал напасть на Кипр и, призвав к себе этого архиерея (т. е. от Амори де Лиможа. — С. Б.), требовал от него наедине, чтобы он дал ему денег, ибо знал, что он богат. Когда же архиерей не послушался, Ренальд снял с него одежды и сперва побоями сделал ему на теле много ран, а потом (это было летом), намазав раны медом, выставил его на солнечный жар. Тогда осы, пчелы, мухи и другие жадные до крови насекомые, покрыв все обнаженное его тело, сосали из него кровь. Наконец, изнемогший от этого, архиерей вынес свое богатство и отдал его Ренальду»³⁰⁷. Киннам упоминает и о том, что Патриарх Амори писал к василевсу Мануилу, прося его защиты и предлагая выдать князя Рено ромеям, о чем мы уже писали выше³⁰⁸.

Патриарх Амори был самым непосредственным образом вовлечен и в процесс заключения династических союзов между императорским домом Комнинов и франкскими государями Антиохии и Иерусалима. Именно Амори совершил венчания короля Бодуэна III Иерусалимского и князя Боэмунда III Антиохийского с племянницами василевса³⁰⁹. Более того, когда после смерти императора Мануила I Комнина, в 1180 г., князь Боэмунд III отослал свою супругу Феодору и, не испрашивая развода, заключил свой третий брак с Сибиллой де Бурзей, на защиту прав законной, «византийской» княгини Антиохийский встал именно Патриарх Амори, что привело к открытой войне между князем и Патриархом, о которой мы уже подробно писали выше.

³⁰⁷ Иоанн Киннам. Указ. соч. — Книга IV, гл. 18, С. 200. Гильом Тирский оставляет практически идентичное описание мучений Амори, однако не связывает эту историю с отказом Патриарха предоставить князю Рено исключительно для его похода против византийского Кипра. См. Guillaume de Tyr. Op.cit. — Lib. XVIII, c.1, P. 816—817. Тем не менее, описания Киннама и Гильома очень близки друг другу, оба лишены каких-либо фантастических деталей, и оба, в известной степени, дополняют друг друга: Иоанн говорит о покаянном шествии,строенном князем Рено в знак его смирения перед Патриархом, Гильом упоминает о том, что Рено, движимый уговорами посланцев короля Бодуэна III Иерусалимского, вернул Амори похищенные у него сокровища, после чего израненный Патриарх покинул пределы княжества и удалился в Иерусалим. Так или иначе, вполне вероятно, что сам Амори, в своей переписке с василевсом, мог намеренно связать свои истязания с отказом предоставить Рено средства для атаки на восточные провинции империи.

³⁰⁸ Подробнее см. выше: Часть III, гл. 2, С. 100—105.

³⁰⁹ Подробнее см. выше: Часть III, гл. 3, С. 100—105.

Конечно же, Патриарх Амори (как и Жерар Назаретский, и Жак де Витри), сознавал необходимость указывать на богослужebные и богословские «отступления» греков, однако избрал для этого принципиально иную тактику, нежели Жерар. Он обратился к жившему в Константинополе пизанскому ученому Гуго Этериану, который посвятил и направил Патриарху свое самое известное сочинение, трактат «О ереси греков, по которой они отпали от латинян; или об исхождении Святого Духа от Отца и от Сына»³¹⁰. Гуго выстроил свой трактат на многочисленных примерах из восточных авторов, анализируя «неправильное» греческое отношение к исхождению Святого Духа лишь от Отца и пытаясь оправдать *filioque* с точки зрения восточного богословия, (что методологически представляет полный контраст с подходом епископа Жерара Назаретского). Т. е. осознавая потребность полемики с «греками», Патриарх Амори не стал слепо настаивать на безоговорочной покорности западной традиции (как это делал Жерар), но привлек для полемики одного из самых блестящих латинских знатоков восточного богословия своего времени. В лице Патриарха Амори мы встречаем прелата, проявляющего искренний интерес к изучению восточного богословия, византийскому государству и церкви. Выше мы уже упоминали о том, что Патриарх Амори заказывал в Константинополе списки творений св. Иоанна Златоуста и византийские хроники³¹¹.

Стоит также отметить, что патриарх Амори на протяжении своего 53-летнего патриаршества придерживался *status quo* и не прибегал ни к конфискации, ни к насильственной латинизации греческих и мелькитских церквей, хотя в годы его пребывания на кафедре латинский Патриархат Антиохии потерял большую часть своей канонической территории, что привело к стремительному сокращению латинских приходов, пребend и, соответственно — доходов латинского клира³¹². Безусловно, Патриарх Амори распространял свою ка-

³¹⁰ Hugo Eterianus. De haeresibus Graecorum in Latinos devolvunt, sive quod Spiritus Sanctus ex utroque Patre et Filio procedit // PL. Vol.202. — Paris, 1855.

³¹¹ Подробнее о «любомудрии» Амори де Лиможа, а также других латинских прелатов Антиохийской Церкви, в частности — Альбера, архиепископа Тарса, см. Hiestand R. Un centre intellectuel en Syrie du Nord? Notes sur la personnalité d'Aimery d'Antioche, Albert de Tarse, et Rorgo Frotellus // Moyen Âge. — 1994. — Vol.5, №8. — P. 7—36.

³¹² В период патриаршества Амори де Лиможа (1140—1193 гг.) пало графство Эдесское (1144—1150), а Антиохийское княжество лишилось большей части своих земель,

ноническую власть как на латинские, так и на византийские церкви и монастыри Антиохии; но, все же, здесь следует вновь напомнить о том, что восточные христиане не платили десятину. Тем не менее, Патриарх Амори не попытался обеспечить лишенных пребенд латинских клириков за счет конфискаций новых греческих и мелькитских церквей, и не пытался принудить свою восточную паству к выплате десятины, для восполнения доходов латинской Церкви. Это, бесспорно, говорит о толерантности сирийских франков и их аквитанского Патриарха.

потеряв все подвластные ему города на восточном берегу Оронта (1149, 1164 г.), а также всю центральную часть княжества — с городами Латакией и Джабалой (1188). Графство Триполи смогло сохранить большую часть своих земель, однако и оно лишилось таких городов, как Рафания и Гибелет (последний был отвоеван франками вскоре после смерти Патриарха Амори). В результате этих потерь были ликвидированы латинские архиепископии Эдессы, Иераполя, Кира, а также епископии Арты, Мараша, Кайсуна, Рафании, Латакии, Джабалы и Гибелета; архиепископия Апамеи, как уже было сказано выше, была преобразована в титулярную кафедру, существовавшую за счет бенефиций, выделенных из патриаршего диоцеза. Подробнее см. Hamilton B. *The Latin Church in the Crusader States*. — с.2, P. 38—51.

Глава II

Православные Сирии, Киликии и Святой земли в эпоху франкского правления

I. В лоне Единой Церкви. Прецеденты единения и общего служения «греков» и «латинян» франков в пределах Заморской земли

*«Единство франков и сириан». Малоизученные прецеденты консолидации
франков и мелькитов в Сирии. Восприятие мусульман*

Обратимся и к «восточной перспективе» церковного соприкосновения «греков» и «латинян». Конечно же, нельзя не отметить, что среди восточного клира присутствовало ощущение превосходства над порядками и учением латинской Церкви. Это отношение к латинским христианам отмечает Жак де Витри, когда сетует на то, что «греки» и «сириане» Леванта практически не считаются с латинским отлучением и взирают на латинян как на отлученных³¹³. Еще ярче о восточной идее превосходства над латинянами свидетельствует история лаодикейского пресвитера Салы, вступившего в открытую полемику с латинским епископом Латакии — Жераром Назаретским³¹⁴. Однако подобные ощущения превосходства не могут быть сведены и, тем более, отождествлены с идеей «схизмы» или полного отпадения латинян от Церкви. Даже такой поборник христианского единства, как Патриарх Петр III Антиохийский, не признавал порядки латинских христиан «верными», однако продолжал считать их братьями во Христе³¹⁵. Более того, если обратиться к истории греко-латинских

³¹³ См. выше: С. 100—105.

³¹⁴ См. выше: С. 100—105.

³¹⁵ См. выше: С. 100—105.

церковных контактов XII в., то следует сразу же разграничить отношения константинопольских, балканских и малоазийских ромеев, чье ожесточенное неприятие латинян хорошо известно, и положение православных (греческих, мелькитских, грузинских) общин Леванта. Не следует полагать, чтобы православные Сирии, Палестины и Египта бежали бы от латинян, бичевали бы их за ересь, перекрещивали бы крещенных по римскому обряду или омывали и переосвящали алтари, на которых латинские клирики совершали бы литургию, как это делали их собратья в пределах Ромейской державы, к примеру — в годы Второго крестового похода³¹⁶.

Греки и мелькиты Сирии отнюдь не отрицали идею некоей формы единства с латинянами, по крайней мере когда они нуждались в защите франков перед лицом миафизитов или мусульман. Бар Эбрей приводит историю о том, как мелькиты Эдессы пытались склонить франков и латинского архиепископа к репрессиям против сиро-яковитов. Согласно его «Хронографии», в 1134 г. Эдесса страдала от нашествия саранчи. Однако городские поля и сады были спасены благодаря сиро-яковитам, которые перенесли в город десницу святого Бар Саумы. Как только десница святого была принесена в город, полчища саранчи поднялись в небо и улетели, не причинив урожаю какого-либо вреда. Великое чудо, явленное благодаря сиро-яковитам, вызвало зависть со стороны мелькитской общины. «Греки, сжигаемые завистью, призвали папиоса, митрополита франков, раскрыть раку, дабы воочию увидеть правую десницу святого. Когда же монахи воспротивились этому, греки разразились смехом и сказали: «у них нет ничего в той раке». Тогда монахи, принужденные, открыли раку в церкви франков. В то же мгновение разразился гром, и темные тучи покрыли небо, и тяжелый град обрушился на землю, наполнив базары. И народ начал взывать «Кирие элейсон!» и «Помилуй нас, избранник Божий!».

³¹⁶ Об этом с горечью писал капеллан короля Людовика VII Молодого — Одон Дейльский, по словам которого: «если наши (т. е. латинские) священники совершали литургию на их алтарях, то греки немедленно делали очистительные церемонии и омовения, так как они считали свои алтари оскверненными (...) всякий раз, когда кто-нибудь вступает в брак с кем-нибудь из наших, то до свадьбы они снова крестят тех, которые были уже крещены по римскому обряду». См. Odon of Deuil. De Profectione Ludovici VII in Orientem... — Lib. III. Русский перевод приведен по: Стасюлевич М.М., пер. и сост. История Средних веков: Крестовые походы (1096—1291 гг.). — М.: изд. АСТ, 2001. — С. 281—282.

Тогда греки бежали и спрятались. Тогда же град прекратился»³¹⁷. Этот эпизод в известной степени перекликается с историями о начале мелькитских гонений против сиро-яковитов, проходивших в Антиохии в 993 г., 1051 г. или 1078 гг. при поддержке православных Патриархов³¹⁸. Но в данном случае, мелькиты апеллировали не к православному иерарху, а к латинскому архиепископу Эдессы, как к своему архипастырю, призывая его обратиться против «еретической» Сирийской Церкви и ее святого. Правда, здесь следует отметить, что латиняне охотно покровительствовали сиро-яковитам, желая ослабить влияние византийского василевса и поставить на место «греков»³¹⁹.

Когда, в начале XII в., после успешных кампаний Танкреда, эмир Рывдан Алеппский фактически перешел на положение союзника и данника Антиохийского княжества, франко-нормандцы «заставили его повесить колокол на одну из башен (...) и водрузить крест на минарет Большой мечети в цитадели»³²⁰. Однако по настоянию мусульманского духовенства, эмир Рывдан велел перенести крест из цитадели в православный кафедральный собор Св. Елены³²¹. Это перенесение воздвигнутого антиохийскими франками креста в мелькитский кафедральный собор Алеппо также выявляет идею некоей общности между латинскими и мелькитскими христианами в Сирии XII-XIII вв., в том числе единства «франков» и «румов» в восприятии мусульман. В 1124 г. в Антиохии обрел убежище православный епископ Алеппо, бежавший к франкам во время гонений на христиан, бушевавших в пределах Алеппского эмирата. Гонения на христиан начались после разрушительного рейда, совершенного графом Жосленом I Эдесским по предместьям Алеппо. Как повествует автор Анонимной Сирийской хроники, Жослен I «собрал дань с города (...) разрушил мечети, располагавшиеся на холме, где он стоял (одна именовалась Дакка, другая была построена правителем Рывданом); он также срубил сады и деревья,

³¹⁷ Bar Hebraeus. Chronography... — P. 292—293.

³¹⁸ Подробнее см. выше: Часть I, гл. 3, С. 100—105.

³¹⁹ Об этом мы уже писали выше, см. С. 100—105; также см. С. 100—105.

³²⁰ Хилленбранд К. Крестовые походы. Взгляд с Востока... С. 405.

³²¹ Sauvaget J. Les Perles choisies d'Ibn ach-Chihna. Matériaux pour service à l'histoire de la ville d'Alep. — Beyrouth, 1933. — P. 48, 76—77; Хилленбранд К. Крестовые походы. Взгляд с Востока... С. 405.

после чего удалился»³²². С удалением войск графа Эдесского, алеппский кади — Абу-ль-Хассан обратился к христианам Алеппо с призывом восстановить на собственные средства разрушенные мечети. Однако мелькитский и сиро-яковитский епископы Алеппо, так же как и их казначеи, ответили отказом, не желая создавать прецедент, после которого восточно-христианские общины должны были бы восстанавливать разоряемые франками мечети. Тогда кади направил против сирийских христиан Алеппо всю ярость пострадавшего от франков мусульманского населения, обратившись против городских церквей. «В пятницу по приказу кади тысячи мусульман, с плотниками и топорами, бросились к церквям; к церкви Св. Иакова (сиро-яковитскому собору. — С. Б.), где они сокрушили кафедру и алтарных ангелов, вымарали иконы, пробили брешь в южной стене алтаря и помолились там, превратив церковь в мечеть. То же самое они повторили в греческой церкви Пресвятой Богородицы и в церкви несториан. Они разграбили церкви и кельи епископов»³²³. Четыре из шести алеппских церквей были обращены в мечети, в том числе и православный кафедральный собор V в. — собор Св. Елены, превращенный в медресе Аль-Халавия (ныне — одну из старейших и наиболее почитаемых мечетей Алеппо). Еще одна мелькитская церковь Алеппо (возможно — та самая церковь Богоматери, о которой пишет Анонимный сирийский хронист), была тогда же обращена в мечеть, ныне известную как Аль-Мукаддамия. Епископы города, вместе с частью своего клира, принуждены были бежать из Алеппо. По словам сирийского хрониста, «Мелькит бежал в Антиохию, православный (т. е. в данном случае — миафизит) — в Калаат Джабар»³²⁴. То, что сиро-яковитский епископ предпочел укрыться на землях мусульманского правителя (в Калаат Джабаре), а мелькитский архиерей — у франков, в Антиохии, заслуживает особого внимания. Вряд ли мелькитский епископ бежал бы к франкам, если бы они воспринимались сирийскими православными как жестокие притеснители и, к тому же, еретики, власти

³²² Tritton A.S., Gibb. H. The First and Second Crusades from an Anonymous Syriac Chronicle... — P. 94.

³²³ Tritton A.S., Gibb. H. The First and Second Crusades from an Anonymous Syriac Chronicle... — P. 94.

³²⁴ Tritton A.S., Gibb. H. The First and Second Crusades from an Anonymous Syriac Chronicle... — P. 94.

которых предпочтительно мусульманское правление. Напротив, совершенно очевидно, что епископ Алеппский отлично понимал, что покуда он не бросает вызов латинской иерархии, ему гарантирована и защита, и достойный прием, в особенности со стороны восточных монастырей и греко-мелькитских сановников княжества Антиохийского.

Идея общности латинян и мелькитов, очевидно сохранявшаяся в пределах Антиохийского Патриархата в первой половине XII в., проявилась и во время падения Эдессы, зимой 1144 г. Достаточное количество авторов, следуя примеру сирийских и армянских хронистов, пишет о том, что взявший Эдессу эмир Зенги даровал неприкосновенность восточным церквям, обратившись исключительно против церквей латинян. Однако, как мы уже писали в предшествующих главах, это категорически неверно. Неприкосновенность была дана лишь церквям миафизитов, то есть армянам и сиро-яковитам. Разорению же подверглись церкви «кафолических», халкидонских христиан, то есть латинские и мелькитские храмы. Среди мелькитских церквей, уничтоженных сарацинами при первом взятии города, следует сразу же назвать великую базилику Св. Софии, церковь Архангела Михаила, церковь Св. Феодора//Св. Креста³²⁵. Это, бесспорно, также является достаточно значимым проявлением идеи принадлежности «греков» и «латинян» к единой Церкви, в том числе и в восприятии миафизитов и мусульман. Эмир Зенги, очевидно, осознавал, что мелькиты Эдессы были покорны латинской иерархии; к тому же, он не мог не помнить о совместных франко-ромейских походах против мусульман (1138 г.) и не стал давать «румам» Эдессы той пощады, которой удостоились армяне и сиро-яковиты.

Ранние прецеденты сослужения

Совершенно отдельной является тема сослужения «греков» и «латинян» в церквях Заморской земли. Общее участие латинских и византийских христиан в богослужениях и торжественных процессиях оставляют Анонимный автор «Деяний франков», Альберт Аахенский, Фульхерий Шартрский. Согласно книге Альберта Аахенского,

³²⁵ Подробнее см. выше: Часть III, гл. 2, С. 100—105.

после взятия Антиохии франки «восстановили католических священников (...) как греков, так и латинян, дабы они совершали божественные таинства (...). Они приказали, чтобы казулы, далматики, каппы и все прочие облачения были изготовлены из чистейших пурпурных тканей и драгоценного шелка, и украшений, которые оставались еще в Антиохии, чтобы эти священники могли совершать богослужение в храме Блаженного Петра»³²⁶. Анонимный автор «Деяний франков» описывает сходную процессию и общее моление «греков и латинян, клира и верных Божиих», имевшие место после взятия Иерусалима и накануне битвы у Аскалона (июль-август 1099 г.)³²⁷. Фульхерий Шартрский оставляет описания целого ряда подобных precedентов, имевших место в Палестине. При франкском завоевании Вифлеема (в 1099 г.) богослужение в базилике Рождества Христова совершали «сириане», которым Танкред и его крестоносцы даровали «поцелуй мира»³²⁸. В следующем году (1100 г.), при первом въезде короля Бодуэна I в Иерусалим, его встречало все население города «как клирики, так и миряне, в том числе греки и сириане; все они несли и свечи. Они препроводили его к Церкви Гроба Господня с великой радостью и почестями, славословя Господа звенящими голосами»³²⁹. Также Фульхерий описывает, как в 1123 г. христиане Иерусалима «латиняне, греки и сириане, неуклонно молились о братьях своих», то есть о франкской армии, выступившей в поход против превосходящих сил Фатимидского халифата, в канун битвы при Ибне³³⁰.

***Алтари «греков» и «сириан» в кафедральных соборах
латинских Патриархатов***

С окончательным становлением латинских Патриархатов наметилось и определенное разграничение между «кафолическими» церквями латинского и византийского (или антиохийского) обряда. Однако

³²⁶ Alberti Aquensis. Op.cit. — Lib. V, c.1, P. 338.

³²⁷ Anonymi Gesta Francorum. Op.cit. — P. 489.

³²⁸ Fulcheri Carnotensis. Op.cit. — Lib. I, c.25, P. 280.

³²⁹ Fulcheri Carnotensis. Op.cit. — Lib. II, c. III, 13, P. 368.

³³⁰ Fulcheri Carnotensis. Op.cit. — Lib. III, c. XVIII, 2, P. 663.

не следует полагать, чтобы греческая и мелькитская паства и клир были изгнаны из латинизированных соборов и монастырей³³¹. Можно, конечно же, вполне справедливо утверждать, что латинский клир существенно «потеснил» византийских христиан; но о тотальном изгнании восточных обрядов из перешедших к латинским прелатам церковей говорить отнюдь не приходится. Напротив, «греки и сириане» были единственными христианами Востока, которым позволено было регулярно служить в латинских соборах. Христиане-миафизиты могли совершать паломничества и молиться в латинских церквях, однако им запрещено было совершать там литургию³³²; это право оставалось лишь за халкидонскими христианами Востока, принадлежавшим к кафолической Церкви. В иерусалимском Храме Гроба Господня, так же как и в соборном храме монастыря Пресвятой Девы Марии Иосафатской, были воздвигнуты специальные алтари и пределы для греческого и мелькитского клира³³³. В Храме Гроба Господня у греческого и мелькитского клира была обособленная капелла Св. Креста (где хранилась часть Животворящего Древа), а также несколько пределов и престолов, в том числе и величественный алтарь, воздвигнутый в центре собора, близ хоров и патриаршей кафедры.

Описание этих пределов и капелл, отведенных для «греков и сириан», можно найти в книге германского паломника Теодориха, посещавшего Святую Землю около 1172 г. Согласно его описаниям: «в левой части церкви, к северу, находится капелла, освященная в честь

³³¹ Единственную серьезную попытку отстранить греков от служения в Храме Гроба Господня предпринял Патриарх Даимберт Пизанский, однако подобные попытки были полностью нейтрализованы королем Бодуэном I Иерусалимским, вернувшим греков в Храм Гроба Господня. Подробнее см. выше: С. 100—105.

³³² В этом отношении описанные выше прецеденты служения сиро-яковитских Патриархов в антиохийской базилике Св. Петра или в латинском соборе Турбесселя — события исключительные. Тем более что там речь шла о торжественном чине интронизации, но не совершения литургии. Подробнее см. выше: С. 100—105. Исключение также составляет обособленная капелла Пресвятой Девы Марии, располагавшаяся в Храме Гроба Господня и остававшаяся в ведении клира Армянской Апостольской Церкви.

³³³ Подробнее см. Hamilton B. *The Latin Church in the Crusader States...* с.5, P. 170—171. Наличие у мелькитов особого придела в соборном храме монастыря Пресвятой Девы Марии Иосафатской отмечает, в частности, германский пилигрим Теодорих. См. Stewart A., ed. & trans. *Theodorich's description of the Holy Places, circa 1172 A. D. // Palestine Pilgrim Texts Society. Vol.5. — London, 1891. — P. 38.*

Святого Креста, в которой хранится большая часть самого почитаемого Древа, возложенная в раку из золота и серебра. Капелла эта находится в руках сириан»³³⁴. Касаясь мелькитских престолов в Храме Гроба Господня, в том числе и великого алтаря близ хоров, Теодорих пишет следующее: «Перед воротами хоров стоит алтарь, немалых размеров, который, однако, используется только сирианами во время их служб. Когда ежедневные службы латинян подходят к концу, сириане приходят и поют свои гимны либо на том самом месте, у хоров, либо в одной из апсид церкви; поистине, у них несколько небольших алтарей в той церкви, которые выстроены и посвящены для их особого служения»³³⁵. В описаниях Теодориха четко проступает идея определенного разграничения между латинским и восточным обрядом. Богослужение совершалось на различных алтарях и в разное время. Однако, как отмечает Гамильтон, «православные не были запрятаны в некоей боковой капелле; напротив, у них был большой алтарь в почетной части церкви, на котором православная литургия служилась ежедневно»³³⁶. При этом были и прецеденты сослужения на одних и тех же алтарях. Прецеденты подобного «общего пользования» алтарей были достаточно тщательно рассмотрены К. МакЭвиттом в его монографии «Крестовые походы и восточно-христианский мир». Обращаясь, опять же, к истории латинского Иерусалимского Патриархата, МакЭвитт приводит примеры служения мелькитов и латинян в церкви Св. Георгия близ Тивериады, в церкви Св. Илии в Аль-Тайбе (близ Иерусалима) и в церкви Св. Георгия в Лидде³³⁷.

В пределах Антиохийского Патриархата аналогичным примером подобного разделения приходского храма между латинской и сирийской общиной можно считать пещерную церковь Св. Марины (близ Каламуна, к югу от Триполи), служившую местом паломничества как для латинян, так и для восточных христиан. Церковь эта украшена фресками византийских мастеров, но при этом сохранила и латинские надписи, что также свидетельствует об общем для латинян и мелькитов почитании этого места. В самой же Антиохии

³³⁴ Stewart A., ed. & trans. Theodorich's description of the Holy Places... — P. 15—16.

³³⁵ Stewart A., ed. & trans. Theodorich's description of the Holy Places... — P. 13—14.

³³⁶ Hamilton B. The Latin Church in the Crusader States... c.5, P. 171.

³³⁷ Подробнее, см. MacEvitt C. The Crusades and the Christian World of the East... c.4, P. 126—131.

сокончательным переходом собора Св. Апостола Петра, монастыря Св. Павла и некоторых других городских церквей к латинянам сосуществование греко-мелькитского и латинского клира принимало несколько иные формы. Общее участие восточного и западного клира в богослужебных процессиях можно было наблюдать лишь во время великих празднеств, к примеру — во время вступления в город христианских государей или же во время церковных торжеств. В остальном же присутствовало определенное разграничение между кафолическими церквями латинского и восточного (византийского или антиохийского) обряда, в равной степени подвластных латинскому Патриарху. Однако и здесь следует сразу же отметить, что греки и сирiane латинского Патриархата Антиохии отнюдь не были отодвинуты на «второй план» или принуждены ютиться лишь в малых церквях, лежавших на окраине.

II. Церкви и монастыри «греков» в городах Латинского Востока

Антиохия. Юстинианова церковь Пресвятой Богородицы

В Антиохии в ведении греческого и мелькитского клира оставалась одна из самых красивых и почитаемых церквей города — возведенная Юстинианом I Великим круглая церковь Пресвятой Богородицы. Церковь эта находилась в северной части Антиохии, в квартале Епифании, на склонах горы Стаурин, неподалеку от описанного выше монастыря Св. Павла³³⁸. В предшествующих главах мы уже неоднократно упоминали об этом богородичном храме, «красоту и великолепие» которого, по словам Прокопия Кесарийского, «невозможно передать словами»³³⁹. Если учесть, что антиохийская церковь Пресвятой Богородицы принадлежала к числу «Юстиниановых» базилик, можно предположить, что в ее архитектуре и убранстве было нечто родственное сохранившимся поныне базиликам — равеннской

³³⁸ Писавший со слов пилигримов Альберт Аахенский отмечает близость церкви Пресвятой Богородицы к обители Св. Павла. См. Alberti Aquensis. Op.cit. — Lib. V, c.1, P. 338.

³³⁹ Прокопий Кесарийский. Война с готами. О Постройках. — Книга II, гл. 10, 24, С. 104. В первой части книги мы уже подробно писали о возведении и ранней истории антиохийской церкви Пресвятой Богородицы. См. выше: Часть I, гл. 1, С. 100—105.

Сан-Витале или константинопольской церкви Свв. Сергия и Вакха (Малой Софии), с тем лишь отличием, что антиохийская богородичная церковь была не восьмиугольной, а совершенно круглой в плане. При этом, нельзя не отметить, что традиция возведения церквей, имевших в основе круг или круг, вписанный в квадрат, как раз характерна для сирийских храмов V-VI вв.; достаточно вспомнить относящиеся к VI столетию базилику-мартириум Св. Сергия в Ресафе или кафедральный собор Босры.

В описаниях арабского историка Аль-Масуди церковь Пресвятой Богородицы предстает как «круглая церковь, одно из чудес света, благодаря своей красоте и вышине. Абд аль-Малик унес из этой церкви ряд мраморных и алебастровых колонн, огромного размера, дабы разместить их в мечети Дамаска»³⁴⁰. Невзирая на реквизицию части ее колонн, церковь считалась одним из сокровищ Дар аль-Ислама. На нее не посягали арабские правители; более того, ее пощадили даже турки-сельджуки. В то время как при сельджукском завоевании Антиохии (1084 г.) соборная церковь Кассиана/св. Апостола Петра была разграблена румским султаном Сулейманом I и затем превращена в мечеть, церковь Пресвятой Богородицы оставалась нетронутой вплоть до взятия города крестоносцами. На нее не посягнул даже эмир Яги-Сиан, осквернивший другие церкви Антиохии в период осады города франками (1097—1098 г.). Согласно описаниям Альберта Аахенского, церковь Пресвятой Богородицы «оставалась целой и нетронутой (...) турками; после того, как они овладели городом, турки оставили эту церковь как дар тем христианам, которые там жили, предоставив им право служить там»³⁴¹. Так, к моменту установления франкского господства, Юстинианова церковь Богоматери была единственным храмом Антиохии, представшем перед крестоносцами в своем прежнем, византийском блеске.

В церкви хранилась чудотворная икона Богородицы, которая, по преданию, была написана св. Евангелистом Лукой. История этого образа известна, прежде всего, благодаря описаниям коптского диакона Абу-ль-Макарима и германского пилигрима, будущего прелата Вильбранда Ольденбургского. По словам Абу-ль-Макарима, в церкви «Владычицы Нашей Пречестной Девы (...) хранится икона с ее

³⁴⁰ Le Strange G. Op.cit. — P. 368.

³⁴¹ Alberti Aquensis. Op.cit. — Lib. V, c.1, P. 338.

образом, подобная писанному учеником (Христовым. — С. Б.) Лукой Евангелистом, который он написал собственноручно еще при ее жизни. На изображении сем отсутствовал образ Христа, которого она держала на руках. Но когда Пречистая Дева увидела написанный образ, она не одобрила его, и сказала: «Это образ без силы». Тогда он написал образ Господа Нашего Иисуса Христа в ее руках. Увидев это, она промолвила: «Теперь же ясно мне, что есть здесь сила»³⁴². С этой иконой, согласно описаниям Вильбранда Ольденбургского, жители Антиохии совершали торжественные процессии вокруг города и окрестных полей, моля Господа о ниспослании дождя и обильного урожая³⁴³.

В эпоху франкского правления сохранилась традиция совершения торжественных процессий из собора Св. Петра к церкви Пресвятой Богородицы. По воскресным дням и великим праздникам народ и клир выходили из базилики Св. Петра и, с песнопениями и чтением псалмов, устремлялся на северо-восток, поднимаясь все выше по склонам горы Стаурин, дабы вознести молитвы в Юстиниановой церкви и прикоснуться к хранившимся там святыням и, прежде всего, чудотворной иконе Богородицы³⁴⁴. Латинские христиане благоговейно посещали этот храм, и там периодически молились франко-нормандские государи Антиохии. Канцлер Готье, описывая подготовку князя Рожера Антиохийского к выступлению в поход против сарацин³⁴⁵, упоминает о том, как князь «вознес молитвы в церквях блаженных заступников — Пресвятой Девы Марии, Петра и Павла, Георгия и многих других»³⁴⁶. То, что канцлер Готье называет церковь Пресвятой Богородицы наряду с кафедральным собором Св. Апостола Петра, монастырями Св. Павла и Св. Георгия, бесспорно свидетельствует о том, что Юстинианов богородичный храм входил в число наиболее почитаемых церквей Антиохии. Но, невзирая на это латинское почитание, церковь оставалась в руках греческого и сирийского

³⁴² Hacken C.E. ten. The description of Antioch in Abu al-Makarim's History of the Churches and Monasteries of Egypt... c. XXX, P. 215.

³⁴³ Wilbrandus de Oldenburg. Op.cit. — P. 173.

³⁴⁴ Альберт Аахенский оставляет описание подобных процессий, отмечая, что они совершались как по великим праздникам, так и по воскресным дням. См. Alberti Aquensis. Op.cit. — Lib. V, c.1, P. 338.

³⁴⁵ Точнее — против сельджукского войска эмира Бурсука. События относятся к 1115 г.

³⁴⁶ Galterii Cancellarii. Op.cit. — I Bell., c.2, P. 86.

(мелькитского) клира, номинально покорного латинскому Патриарху Антиохии.

Письменные свидетельства эпохи крестовых походов постоянно подчеркивают связь между церковью Пресвятой Богородицы и «греками» Антиохии. Греческое присутствие в церкви Пресвятой Богородицы отмечал Вильбранд Ольденбургский, по словам которого, антиохийские греки относились «с великим трепетом и почтением» как к самой церкви, так и к хранившейся там иконе³⁴⁷. Михаил Сириец пишет о церкви Пресвятой Богородицы как о «великой церкви греков»³⁴⁸. В хартии князя Раймонда де Пуатье, разрешающей земельный спор между бенедиктинцами монастыря Св. Павла и капитулом Храма Гроба Господня (1140 г.), в качестве свидетелей выступают греческие клирики (*canonici Graecos*), а также прихожане-мелькиты из церкви Пресвятой Богородицы³⁴⁹. В 1171 г., во время великого землетрясения, потрясшего Сирию, в церкви Пресвятой Богородицы обрушился купол и своды³⁵⁰. Причем возможно, что именно эта церковь и стала местом последнего служения и гибели Афанасия I Манасси — единственного православного Патриарха, допущенного франками в Антиохию в XII в.³⁵¹. Однако в последующие годы, при участии Патриарха Амори, церковь Пресвятой Богородицы была восстановлена; причем, она вновь перешла к грекам³⁵². Ко времени, когда, в 1211 г. ee

³⁴⁷ Wilbrandus de Oldenburg. *Op.cit.* — P. 172.

³⁴⁸ Michel le Syrien. *Op.cit.* — Vol. III, Lib. XIX, c.7, P. 339.

³⁴⁹ «Григорий, кантор церкви Св. Марии, Фома — субкантор, Михаил, сын Мелькима, и Авраам, сын Сукара»; (*Gregorius, ecclesie Sancti Marie cantor; Thomas, subcantor; Michael, filius Molkem; Abraham, filius Sucar*). См. De Roziere E., ed. *Cartulaire de l'Eglise du Saint-Sepulchre...* — №89, P. 176—177. «Cantor» — латинская аналогия старшего певчего византийского храма, именуемого «псалтис» (греч. ψάλτης). В славянских церквях эта должность примерно соответствовала (но не являлась четкой аналогией) «чтеца».

³⁵⁰ Об обрушении церкви Пресвятой Богородицы упоминают в своих хрониках как Михаил Сириец, так и Смбат Спарамет. Michel le Syrien. *Op.cit.* — Vol. III, Lib. XIX, c.7, P. 339; Bedrosian R., ed. *The Armenian Chronicle of Sempad, or of the «Royal Historian»...* P. 85.

³⁵¹ Во всяком случае, согласно описаниям Михаила Сирийца, во время землетрясения 1171 г. обрушилась как алтарная часть собора Св. Петра, так и своды церкви Пресвятой Богородицы (причем последняя обрушилась едва ли не полностью). И уточнения насчет того, под сводами какой именно церкви был погребен несчастный Патриарх, отсутствуют. Подробнее см. выше: Часть III, гл. 3, С. 100—105.

³⁵² Михаил Сириец упоминает о том, что когда Патриарх Амори вернулся в Антиохию, «церкви города были восстановлены». См. Michel le Syrien. *Op.cit.* — Vol. III, Lib. XIX, c.7, P. 339.

посещал Вильбранд Ольденбургский, церковь снова представляла собой один из наиболее роскошных и почитаемых храмов Антиохии и находилась в руках благоговейно почитавших и оберегавших ее святыни «греков»³⁵³. В XIII в. в церкви даже проходили заседания верховного суда, проводимого членами Антиохийской коммуны³⁵⁴.

Стоит вновь подчеркнуть, что на протяжении почти двух веков франкского правления, вплоть до разрушения Антиохии, греки и мелькиты сохраняли исключительное право на великую церковь, которая во многом была равноценна базилике Св. Апостола Петра. В IX в. церковь Пресвятой Богородицы даже на время оттеснила «церковь Кассиана», став одним из двух кафедральных соборов Антиохии³⁵⁵. И это имеет особое значение как в свете положения «греков и сириан» в составе латинского Патриархата, так и применительно к истории православной Церкви в Антиохии XIII в., когда в городе на протяжении значительных периодов времени будут сосуществовать латинский и православный Патриархи, занимая, соответственно, базилику Св. Петра и юстинианову церковь Пресвятой Богородицы.

Антиохия. Монастырь Св. Арсения

В собственности мелькитской братии остался и монастырь Св. Арсения, известный также как монастырь Аршайя. Обитель эта упоминается мелькитскими авторами XI в. как место первого погребения тела св. Христофора, Патриарха Антиохийского. Как повествует Яхья Антиохийский, «Спустя восемь дней после убиения патриарха его тело оказалось на острове, что на реке. И вышли несколько христиан, взяли его тайно и похоронили его в монастыре, известном под названием монастыря Арсения, за городом»³⁵⁶. Это позволяет опреде-

³⁵³ Wilbrandus de Oldenborg. Op.cit. — P. 172—173.

³⁵⁴ Подробнее см. ниже: Часть IV, гл. III, С. 100—105.

³⁵⁵ Во время схизмы в Антиохийской Церкви, в IX в., юстинианова церковь Богоматери бросила вызов «церкви Кассиана», став кафедральным собором Антиохийского Патриарха Николая I, одного из двух претендентов на патриарший престол. Подробнее см. выше: Часть I, гл. 1, С. 100—105.

³⁵⁶ Медников Н.А. Указ. соч. — С. 346. Упоминание о монастыре Св. Арсения и погребении там св. Христофора приведено также Ибрахимом ибн Юханной. См. Zayat H.

лить, что монастырь находился на северо-западе Антиохии, на острове, пришедшем в упадок и, со времен Юстиниана, остававшимся за пределами городских стен. О том, что в эпоху франкского правления монастырь Св. Арсения оставался действующей мелькитской обителью, свидетельствует ряд документальных источников. К примеру, в библиотеке монастыря Св. Екатерины на Синае хранится арабская Псалтирь XIII в., переписанная монахом обители Св. Арсения — Макарием³⁵⁷. Это также позволяет предположить, что «обитель Аршайа» была преимущественно сиро- и арабоязычной, мелькитской обителью. Монастырь Св. Арсения существовал вплоть до уничтожения Антиохии мамлюками. Одно из последних свидетельств о монастыре относится к 1264 г., когда «монастырь Аршайа» (*monasterii de Arsaia*) упоминается в хартии архидиакона Антиохии и патриаршего викария Варфоломея³⁵⁸.

Антиохия. Башня Св. Дометиана и церковь Св. Параскевы.

Еще одна обитель антиохийских греков и мелькитов располагалась в черте городских укреплений; это был монастырский комплекс, сосредоточенный вокруг одной из городских башен — башни Св. Дометиана и близлежащей церкви Св. Параскевы. Обитель эта известна прежде всего благодаря колофонам рукописей, связанных с монастырем. Жозеф Симон Ассемани, составляя каталог сирийских рукописей Ватиканской библиотеки, упоминает о греческом монастыре Св. Дометиана близ церкви Св. Параскевы, как месте написания одного из хранимых в библиотеке манускриптов, датированного 1162 г.³⁵⁹ Еще одно упоминание о монастыре Св. Дометиана относится

Vie du patriarche melkite d'Antioche Christophore... — P. 358; Ибрагим ибн Юханна. *Житие Антиохийского Патриарха Христофора...* — С. 56.

³⁵⁷ Речь идет о рукописи Sin. Arab.63. Подробнее см. указанный выше перевод и комментарии С.А. Моисеевой к «Житию Христофора»: Ибрагим ибн Юханна. *Житие Антиохийского Патриарха Христофора...* — С. 56 (№7). Также об обители Св. Арсения, см. Joseph (Nasrallah). *Histoire du mouvement littéraire dans l'église melchite du Ve au XXe siècle. Vol.3, Tome 1 (969—1250)*... P. 308—309.

³⁵⁸ Röhrich R., ed. *Regesta Regni Hierosolymitani ...* — №1333, P. 349.

³⁵⁹ Цит. по Rey E.G. *Les Colonies franques de Syrie aux XIIe et XIIIe siècles.* — Paris, 1883. — P. 328. См. также: Cahen C. *La Syrie du Nord*... P. 334.

к XIII в. В колофоне Апостола-апракос, также хранимого в Ватикане, есть запись о том, что рукопись, составленная в северо-сирийском монастыре Св. Пантелеймона (в XI в.), была в 1262 г. приобретена «Гавриилом Странником, монахом и затворником Башни Св. Дометиана, близ церкви Св. Параскевы в Граде Божьем (Теополе), Антиохии»³⁶⁰. Монастырь Св. Дометиана оставался действующей обителью антиохийских греков вплоть до падения Антиохии.

Передача церкви мелькитам. Богородичные церкви Антиохии и Аскалона

В истории франкской Антиохии был и прецедент, когда церковь, принадлежавшая латинскому капитулу, была выкуплена мелькитской общиной. Речь идет об антиохийской церкви Аль-Шбуба (араб. «церковь Девы»). Церковь эта принадлежала капитулу латинского монастыря Пресвятой Девы Марии Иосафатской (у которого, как мы уже писали, были обширные земельные владения в Антиохии); она пребывала в разрушенном состоянии, очевидно — после одного из сирийских землетрясений. В начале XIII в. Арно — приор Иосафатской обители, поручил латинскому диакону антиохийского собора Св. Петра — Иоанну, восстановить церковь Аль-Шбуба. Иоанн не смог изыскать для этого необходимых средств и обратился к мелькитскому священнику, который фигурирует в тексте как «Кир Иерей ибн Айракли», предлагая ему взяться за реставрацию церкви. Ибн Айракли согласился принять храм только при условии, что церковь передадут его общине, в обмен на ежегодную выплату. После продолжительных переговоров новый приор монастыря Пресвятой Девы Марии Иосафатской — Адам дозволил иерею Ибн Айракли принять церковь на его условиях; Аль-Шбуба перешла к мелькитской общине, за что Ибн Абракили обязался два года подряд выплачивать Иосафатской обители по 2 ½ динара³⁶¹. Выкуп церкви Аль-Шбуба мелькитами на-

³⁶⁰ Затем эта книга Апостола была перенесена в «собор Антиохии», то есть в библиотеку при кафедральном соборе Св. Петра. Подробнее см. еще не вышедшую в печати работу монаха Или Халифе: Elias (Khalifeh). *Orthodox Manuscripts Copied in Antioch // Antioch*. — 2013. — Р. 3, 6. Работа доступна как интернет-ресурс, см.: <http://www.antiochcentre.net/pdf/orthodox-manuscripts-copied-in-antioch.pdf>

³⁶¹ Истории соглашения о передаче церкви Аль-Шбуба посвящена статья Клода Казана «Документ, касающийся взаимоотношений латинян и мелькитов в Антиохии

глядным образом свидетельствует о сравнительной прочности и благополучии византийских христиан Антиохии. Иначе как объяснить, что у одной из мелькитских общин города были средства для восстановления церкви, которыми не располагали ее латинские владельцы, а также то, что мелькитский священник Кир Иерей ибн Айракли мог позволить себе торговаться и выдвигать свои условия во время переговоров с приором одной из величайших латинских обителей Заморской земли?

Кристофер МакЭвитт рассматривает аналогичный прецедент, имевший место во второй половине XII в., в пределах Иерусалимского королевства, когда граф Яффы и Аскалона — Амори (будущий король Иерусалимский) передал центральную церковь города мелькитской общине³⁶². Соборная церковь Аскалона была в X в. разрушена и превращена в мечеть — вероятно, в ту самую Зеленую мечеть, которую франки, после завоевания города в 1153 г., вновь обратили в христианский храм. Зеленая мечеть, обращенная в церковь Пресвятой Богородицы, была первоначально передана каноникам Гроба Господня; однако они передали ее сиру Аскалона, королевскому брату — Амори. Амори же, возможно даже восстановив церковь на собственные средства, передал церковь Богородицы мелькитской общине. При этом МакЭвитт отмечает, что это было сделано прежде всего для того, чтобы побудить палестинских мелькитов к переселению в Аскалон³⁶³.

эпохи крестовых походов»; Cahen C. Un document concernant les Melkites et les Latins d'Antioche au temps des Croisades // *Revue des études byzantines*. — 1971. — №29. — P. 285—292. Арабский текст соглашения между мелькитской общиной иерея «ибн Айракли» и монастырем Пресвятой Девы Марии Иосафатской приведен в Cusa S., ed. *I Diplomi greci ed arabi di Sicilia*. — Palermo, 1882. — P. 645—648. Французский перевод: Cahen C. Un document concernant les Melkites et les Latins d'Antioche... — P. 286—288. Также достаточно подробную работу Н. Джамиль и Дж. Джонса: Jamil N., Johns J. *An Original Arabic Document from Crusader Antioch (1213 AD) // Texts, Documents and Artefacts: Islamic Studies in Honour of D.S. Richards*. — Leiden, 2003. — P. 157—190. Имя этого священника вызывает постоянные разночтения. Куса именует его «Карман ибн Абракили», Каэн — «Кир Мари». Джонс, в последнем исследовании, выдвигает наиболее правдоподобную гипотезу, согласно которой имя священника — «Кир Иерей ибн Айракли», следует понимать как «господин иерей, сын Ираклия». Ibid. — P. 180—181.

³⁶² Правда, МакЭвитт не проводит параллели с историей антиохийской церкви Аль-Шбуба, хотя в данном случае определенная историческая параллель была бы более чем уместна.

³⁶³ MacEvitt C. *The Crusades and the Christian World of the East...* c.4, P. 124.

*Латакия. Православные церкви. Госпиталь Св. Димитрия и подворья
Синайской обители. Монастырь Дейр ар-Фарус*

Вернемся же к теме греческих и мелькитских церквей в подвластных франкам городах Антиохийского Патриархата. В Латакии восточно-христианское население должно было уступить кафедральный собор латинскому епископу, а церковь Св. Николая — пизанской фактории. Однако можно с достаточной степенью уверенности предполагать, что в собственности «греков и сириан» остался целый ряд других церквей Латакии, в том числе церковь Успения Пресвятой Богородицы (воздвигнутая в IX в. на месте раннехристианской базилики V в.), церковь Св. Петра и церковь Св. Илии, располагавшаяся в верхней части города, близ лаодикийского Тампля³⁶⁴. Во всяком случае, ни один латинский капитул или клирик не упоминается в связи с этими церквями, даже когда они периодически фигурируют в хартиях Антиохийских князей³⁶⁵. В Латакии располагалось и обширное подворье синайского монастыря Св. Екатерины. Центром подворья был православный госпиталь Св. Димитрия. Также монастырю Св. Екатерины принадлежали три касалья, располагавшиеся в окрестностях Латакии. В Антиохии подворью синайского архиепископа принадлежал дом и хлебопекарня³⁶⁶.

В предместьях Латакии находился православный монастырь Дейр аль-Фарус. Этот монастырь не упоминается в сохранившихся латинских источниках, однако о нем пишут видевшие его на

³⁶⁴ Точная локализация церкви Св. Илии дана в хартии князя Рено де Шатильона Пизанской фактории (1154 г.). См. Röhricht R., ed. *Regesta Regni Hierosolymitani...* — №292, P. 74. О церкви Св. Петра, см. *Ibid.* — №388, P. 102. Также см. Cahen C. *La Syrie du Nord...* P. 165. Церковь Успения Пресвятой Богородицы, сохранившаяся поныне и остающаяся в собственности православной общины, в принципе, не упоминается в латинских источниках; это позволяет предположить, что этот небольшой византийский храм оставался в собственности мелькитов Латакии, не привлекая особого внимания латинян.

³⁶⁵ Церкви эти упоминаются исключительно как ориентиры, отмечающие примерные рубежи земельных владений итальянских факторий. Однако нигде нет указаний на то, чтобы церкви были включены в состав этих владений.

³⁶⁶ Описание имущества монастыря Св. Екатерины в Леванте было предоставлено синайским Архиепископом Симеоном IV Синайским и Фаранским — Папе Гонорию III и отражено в послании понтифика в 1216 г. См. Röhricht R., ed. *Regesta Regni Hierosolymitani...* — №897, P. 240—241.

рубеже XIII-XIV вв. мамлюкские авторы — Абу-ль-Феда и географ аль-Димашки. Следовательно, эта почитаемая обитель смогла благополучно пережить и первый период франкского правления, и завоевание Салах-ад-Дином, и повторный переход к франкам, и, что наиболее удивительно, эпоху мамлюкских завоеваний. Согласно описаниям Аль-Димашки «Дейр аль-Фарус — один из самых красивых монастырей. Один раз в году все христиане приходят сюда, дабы посетить его»³⁶⁷. Абу-ль-Феда, очевидно посещавший обитель вскоре после мамлюкского завоевания, отмечал то, что монастырь Дейр аль-Фарус «хорошо построен» и «населен монахами»³⁶⁸. Наконец, еще один автор мамлюкского периода — Ибн Батута, видевший обитель около XIV в., обращает особое внимание на величие и благоденствие этой обители. «За пределами городских стен находится монастырь Дейр аль-Фарус. Это величайший из монастырей Сирии и Египта, и его населяют монахи. Его посещают христиане, приходящие со всех концов земли. Мусульманам, посещающим это место, христиане оказывают гостеприимство»³⁶⁹. Само по себе сохранение монастыря мамлюками является, во многом, прецедентом исключительным. Но, конечно же, ни о каком благоденствии монастыря Дейр аль-Фарус при мамлюках не могло бы быть и речи, если бы обитель не сохранилась в годы первого (1108—1188) и второго (1260—1287) франкского правления.

Эдесса. Базилика Св. Софии и другие мелькитские церкви

В Эдессе греки и мелькиты сохранили за собой великую базилику Св. Софии³⁷⁰. Этот исторический кафедральный собор халкидонских христиан Эдессы оставался главной церковью мелькитов, в то время как латинский архиепископ и его капитул разместился в соборе Св. Иоанна Крестителя, возведенном франками на месте полуразрушен-

³⁶⁷ Le Strange G. Op.cit. — P. 491.

³⁶⁸ Le Strange G. Op.cit. — P. 491.

³⁶⁹ Le Strange G. Op.cit. — P. 492. Конечно же, положение «величайшего из монастырей Сирии и Египта» помилованная мамлюками обитель Дейр аль-Фарус смогла получить лишь с уничтожением других великих монастырей Сирии, о чем будет сказано в последней главе.

³⁷⁰ Cahen C. La Syrie du Nord... P. 112.

ного храма³⁷¹. При этом у местной эдесской мелькитской общины, очевидно, были средства для поддержания и периодического восстановления эдесской Софии, к примеру, когда во время землетрясения 1106 г. обрушилась западная стена базилики. Помимо «эдесской Софии» мелькитам, заставшим эпоху франкского правления, принадлежали и многие другие церкви Эдессы, в том числе церковь Архангела Михаила; церковь Св. Креста, известная также как церковь Св. Феодора — место погребения честной главы этого святого; две церкви Пресвятой Богородицы — одна напротив церкви Св. Креста, другая к северу от армянской церкви Св. Стефана³⁷².

Церкви «греков и сириан» в Триполи и других городах сиро-ливанского побережья

В Триполи также располагались церкви «греков и сириан». Во всяком случае, избрание и интронизация последнего православного Патриарха Антиохии эпохи франкского правления — Кирилла III проходили именно в Триполи, менее чем за два года до взятия и разрушения города мамлюками (т. е. июле в 1287 г.). Вряд ли антиохийские архиереи стали бы собираться в городе, где не было бы достаточно ощутимого присутствия мелькитов, а также православных церквей, достойных проведения собора и интронизации Патриарха³⁷³. Более того, предшественник Кирилла III — Патриарх Арсений, до своего избрания на патриарший престол, был епископом Триполи, что также явно свидетельствует о том, что греки и сириане города должны были обладать должной численностью и, соответственно, церквями, в том числе и соборной церковью для своего архиерея³⁷⁴. В близлежащем Батруне сохранились две православные церкви — собор Св. Георгия и церковь Успения — которые были восстановлены лишь в XIX в.,

³⁷¹ Подробнее см. выше: С. 100—105.

³⁷² Перечень мелькитских церквей Эдессы эпохи второго византийского и франкского правления приведен по Segal J.B. *Edessa: The Blessed City*... P. 189—190.

³⁷³ Подробнее об избрании и интронизации Патриарха Кирилла III в Триполи, с указанием источников, будет сказано ниже. См. Часть IV, гл. 3, С. 100—105.

³⁷⁴ Joseph (Nasrallah). *Couvents de la Syrie du Nord portant le nom de Siméon*... P. 148.

однако были возведены как раз в эпоху крестовых походов³⁷⁵. В Тартусе также можно найти две малые приходские церкви — Св. Илии и Св. Елисея, возводящие свое основание к эпохе арабского или франкского правления³⁷⁶. В Тире, Сидоне и Бейруте — городах Иерусалимского королевства, но при этом епархиях православного Антиохийского Патриархата — также располагались церкви «сириан и греков». В то время как кафедральный богородичный собор Тира перешел к латинскому архиепископу, греческие и мелькитские общины сохранили несколько церквей, в том числе и соборный храм, также освященный в честь Пресвятой Богородицы. Тирская «греческая церковь Пресвятой Девы Марии» периодически упоминается в латинских источниках, к примеру — в хартии Марсилия Георгия, венецианского бальи в Леванте (1243 г.)³⁷⁷. В Сидоне древняя мелькитская церковь Св. Николая (сохранившаяся поныне) располагалась близ приморской цитадели франков³⁷⁸.

Так, уступив франкам некоторые кафедральные соборы и церкви, греки и мелькиты отнюдь не были изгнаны на периферию³⁷⁹. Напротив, во владении «греков и сириан» находилось достаточное число городских церквей, в числе которых были такие древние и почитаемые, как антиохийская церковь Пресвятой Богородицы или эдесская София. Латинские архипастыри и франкские государи довольствовались в достаточной мере номинальной покорностью греческого и сирийского клира, не делая попыток латинизировать богослужение. У католических христиан Востока было полное и строго соблюдаемое право на внутреннюю автономию и сохранение существенных от-

³⁷⁵ Наиболее подробным источником по архитектуре церквей Антиохийского Патриархата является разрабатываемый ныне интернет-портал, созданный Баламандским университетом, см. [Интернет-ресурс] <http://home.balamand.edu.lb/ARPOA.asp?id=12732>

³⁷⁶ Из-за весьма ощутимых перестроек и поновлений от первоначального внешнего вида этих церквей мало что осталось.

³⁷⁷ Röhricht R., ed. *Regesta Regni Hierosolymitani...* — №1114, P. 295—296.

³⁷⁸ Betts R.B. *The Southern Portals of Byzantium...* — P. 80—81.

³⁷⁹ Тем более что многие церкви располагались буквально «на виду» у латинских баронов и прелатов; церковь Св. Николая в Сидоне стояла близ приморской цитадели, лаодикейская церковь Св. Илии — близ Тампля, антиохийская церковь Пресвятой Богородицы — близ Госпиталя Св. Иоанна, эдесская церковь Архангела Михаила — неподалеку от франкской цитадели.

личий от своих католических собратьев (и архиепископов) Запада. В отведенных «грекам и сирианам» храмах литургия совершалась по византийскому или антиохийскому обряду, без введения *filioque* или служения на азимах. Обращения латинских епископов к «ошибкам» или «отступлениям» греков скорее носило характер свободной богословской полемики и увещаний, нежели прямого принуждения; подобное положение в полной мере отражает полемика между епископом Жераром Назаретским и мелькитским клириком его же епархии — пресвитером Салой. Более того, условия жизни греческих и мелькитских общин позволяли им содержать и восстанавливать пришедшие в упадок храмы, которые они либо выкупали, либо получали в дар от латинских правителей, о чем наглядно свидетельствуют истории антиохийской церкви Аль-Шубба или богородичной церкви Аскалона. Не менее важной, применительно к греко-латинскому церковному соприкосновению в Леванте, является история православных монастырей, располагавшихся за пределами городских стен, но на подвластных франкам землях.

III. Православные обители Антиохии и Иерусалима под властью франкских государей Заморской земли

Православные монастыри Палестины

Когда речь заходит о православных монастырях в пределах Заморской земли, чаще всего, опять же, обращаются к истории Иерусалимского королевства и его Патриархата. Конечно же, нельзя не упомянуть о том покровительстве, которое иерусалимские государи, в особенности королева Мелисанда и ее младший сын — король Амори, оказывали палестинской Лавре Св. Саввы Освященного; монастырь держал обширные земельные владения, которые получал от государей Иерусалимского королевства³⁸⁰. К тому же, игумен и братия Лав-

³⁸⁰ Архивы лавры Св. Саввы Освященного были уничтожены, однако сохранилась хартия игумена монастыря — Мелетия, продавшего в 1163 г. каноникам Гроба Господня три гастины, ранее дарованные обители королевой Мелисандой, общая стоимость которых составила 480 безантов. Это дает представление, по крайней мере, о некоторых «дарениях» обители, произведенных иерусалимскими монархами в XII в. См. De Roziere E., ed. *Cartulaire de l'Eglise du Saint-Sepulchre...* — №140, P. 256.

ры Св. Саввы играли совершенно особую роль при Схождении Благодатного Огня; у Лавры была особая лампада, которая возлагалась на св. Гроб, рядом с общей «греческой»; игумен и братия Лавры, выходя из стен своего иерусалимского подворья, сопровождали короля и латинский клир при торжественной процессии ко Гробу, и, если верить описаниям русского игумена Даниила, король даже совершал церемониальный поклон перед игуменом³⁸¹.

Если обратиться к паломническому описанию ромея Иоанна Фоки (некогда служившего в войсках императора Мануила I Комнина и позднее принявшего монашеский постриг в монастыре Св. Иоанна Богослова на острое Патмос), то можно составить достаточно ясное представление о православных монастырях, благоденствовавших на землях Иерусалимского королевства к 1185 г. В Иудейской пустыне, помимо Лавры Св. Саввы Освященного, располагались обители Св. Феодосия и Св. Евфимия; в окрестностях Иерусалима и Вифлеема — обители Св. Харитона и Св. Илии; в самом Иерусалиме — грузинская обитель Святого Креста, помимо прочих греческих и мелькитских церквей, алтарей и пределов; у берегов Иордана — монастыри Св. Иоанна Крестителя и Св. Иоанна Златоуста, а также обитель Пресвятой Богородицы Каламония; в Галилее — новый греческий монастырь Преображения, возникший на горе Фавор, неподалеку от занятой бенедиктинцами обители Сан-Сальваторе³⁸². Бернард Гамильтон, сопоставляя описания паломничеств русского игумена Даниила (1107—1108 гг.) и Иоанна Фоки (1185 гг.) приводит перечень православных монастырей, которые были основаны или восстановлены уже в период франкского правления. Среди них монастырь Св. Евфимия (близ Лавры Св. Саввы), вифлеемский монастырь Св. Илии, новая фаворская обитель греков³⁸³. Можно напомнить и о том, что на землях одного из перебравшихся в Палестину северо-сирийских баронов — графа Жослена III Эдесского, ставшего сенешалем Иерусалимского королевства,

³⁸¹ Даниил, игумен. Хожение в Святую землю игумена Даниила // Лихачев Д.С. Библиотека литературы Древней Руси. Том 4. — М.: Наука, 1997.

³⁸² Ioannes Phocas. Compendiaria descriptio castrorum et urbium ab urbe Antiochia usque Hierosolymam // RHC Grec. I. — Paris, 1875. — P. 527—558; Stewart A., ed. & trans. The Pilgrimage of John Phocas. // Palestine Pilgrim Texts Society. — London, 1889. — P. 1—36.

³⁸³ Hamilton B. The Latin Church in the Crusader States... c.7, P. 167.

процветал основанный в период франкского правления мелькитский монастырь Дейр аль-Асад (расположенный к востоку от Акры)³⁸⁴.

Невзирая на всю значимость Иерусалимского королевства и Святой земли, в рамках данного исследования попытаемся в большей степени привлечь внимание читателя к историческому опыту Антиохийской Церкви и северо-сирийских государств крестоносцев. Во-первых, к этому опыту реже обращаются и он, во многом, остается *Terra Incognita*. Во-вторых, потому что здесь мы сталкиваемся с благоденствием православных обителей в тех франкских государствах, которые, на протяжении XII в. вели жесточайшие войны с Ромейской державой. Выше мы уже приводили слова Ордерика Виталия о том покровительстве, которое воевавший с Византией основатель княжества Антиохийского оказывал «греческим, сирийским и армянским» монастырям северной Сирии — свидетельство, которое постоянно предается забвению при рассмотрении отношений латинян и восточных христиан в эпоху крестовых походов³⁸⁵.

³⁸⁴ MacEvitt C. *The Crusades and the Christian World of the East...* c.4, P. 124.

³⁸⁵ См. выше: С. 100—105. О том, что православные монастыри Черной горы отнюдь не испытывали посягательств со стороны франков и даже позволяли себе регламентировать сроки пребывания там латинских пилигримов, свидетельствуют строки из «Тактикона» Никона Черногорца, касающиеся франкских путников. Согласно «Тактикону», гостей следовало принимать в течение трех дней, предоставлять им кров и пищу, и, по истечении этого срока, отпустить гостя с благословением. В случае, если путник был болен, то его следовало оставить в монастыре и заботиться о нем до тех пор, пока он не выздоровеет. «Если же он (т. е. гость или путник. — С. Б.) франк, принимайте его в течение одного дня и, преподав ему благословение, отпустите. Но если он болен — принимайте его до тех пор, пока он не обретет здоровье. Тем не менее, вполне допустимо предоставлять франкам приют и в течение трех дней, и если это необходимо для спасения их души и тела, то пусть будет так». См. Allison R. *Typikon of Nikon of the Black Mountain for the Monastery and Hospice of the Mother of God tou Roidiou...* P. 432.

Это стремление Никона ограничить время пребывания франков в пределах восточной православной обители в известной степени контрастирует с более открытым и гостеприимным отношением к франкам, которое проявляли, скажем, Патриархи Антиохии, Иерусалима и Александрии XI в. — открыто принимавшие западных пилигримов, позволявшие им молиться в церквях и соборах и основывать в своих епархиях госпитали; игумен Лавры Св. Симеона, принимавший англо-нормандских паломников, благодаря чему его гостеприимство было описано Ордериком Виталием; братии православных монастырей Черной горы, снабжавшие продовольствием голодавших участников Первого крестового похода. Здесь стоит учитывать, что Никон, как уроженец Константинополя, был, в известной степени, подвержен намного более критическому отношению к франкам, которое бытовало в византийской столице в XI в. Если же Никон Черногорец действительно пережил франкское завоевание Антиохии (1098 г.) и основание латинского Патриархата (1100 г.), то эти строки могут быть продиктованы и негодованием Никона

Черная гора — исчезнувший центр восточного монашества

Важнейшим монашеским центром северной Сирии оставалась Черная гора³⁸⁶, пользовавшаяся искренним почитанием всех христиан, в том числе и латинян. О латинском почитании Черной горы, свидетельствует, к примеру, приговор убийцам архиепископа Томаса Беккета, вынесенный Папой Александром III. Согласно приговору римского понтифика, убийцы архиепископа Кентерберийского — рыцари Рено фиц Урс, Ричард ле Бре, Гуго де Морвиль и Гильом де Траси — должны были совершить паломничество в Иерусалим, а затем, до конца дней, оставаться в качестве отшельников на Черной горе³⁸⁷. Помимо многочисленных латинских отшельников (чьи аскетические подвиги прекрасно описаны тем же Жераром Назаретским)³⁸⁸, на Черной горе возникли и полноценные латинские монастыри. Однако, следуя завету князя Боэмунда I, латиняне ни в коей мере не посягали на православные монастыри и принуждены были восстанавливать разрушенные и опустевшие обители. Среди латинских монастырей, располагавшихся в окрестностях Антиохии и на Черной горе, можно назвать монастырь Св. Георгия в Джубине³⁸⁹, расположенный там

по поводу изгнания Патриарха Иоанна V Оксита, которого он лично знал и с которым поддерживал достаточно тесные взаимоотношения. Это, безусловно, делало бы тему присутствия франков довольно болезненной и животрепещущей для Никона. Вероятно, что именно поэтому Никон рекомендовал, по возможности, принимать франков в течение одного дня, вместо трех — положенных для других путников. Однако помимо этой рекомендации, в «Тактиконе» нет никаких намеков на отказ от общения с франками. Сам же Никон подчеркивает необходимость заботиться о больных франках, говоря о возможности их пребывания в монастыре наравне со всеми прочими паломниками, «если это необходимо для спасения их души и тела», сводя на нет свое предыдущее замечание.

³⁸⁶ Об этом монашеском центре Востока мы уже неоднократно писали выше, см. Часть I, гл. 1, С. 100–105; гл. 2, С. 100–105; Часть II, гл. 1, С. 100–105; гл. 2, С. 100–105; Часть IV, гл. 3, С. 100–105.

³⁸⁷ Об этом, в частности, повествует в своей хронике епископ Ромуальд II Салернский. См. Romualdo Guarna. Cronica di Romualdo II Arcivesco Salernitano // Cronisti e Scrittori Sincroni della Dominazione Normanna nel Regno di Puglia e Sicilia. — Napoli, 1845. — Р. 35–36. См. также: Ciggaar K. Visitors from North-Western Europe to Byzantium. Vernacular Sources: Problems and Perspectives // Byzantines and Crusaders in Non-Greek Sources. 1025–1204. — Oxford, 2007. — Р. 131.

³⁸⁸ См. выше: С. 100–105.

³⁸⁹ Каэн называет обитель Св. Георгия Джубине одним из трех великих латинских монастырей в северной Сирии, наряду с антиохийским бенедиктинским монастырем

же монастырь Пресвятой Девы Марии, в XIII в. преобразованный латинским Патриархом Антиохии Петром II Иврейским в цистерцианскую обитель³⁹⁰, монастырь Св. Сергия³⁹¹, монастырь Св. Георгия в селении Рас-Хазир, вышеупомянутая женская обитель Пресвятой Девы Марии Железной (Нотр-Дам ле Фер) в окрестностях Антиохии, близ переправ Железного Моста³⁹².

Согласно описаниям Жака де Витри, Черная гора, после первого столетия франкского господства (то есть в первой четверти XIII в.),

Св. Павла и лаврой Св. Симеона на Дивной горе. См. Cahen C. *La Syrie du Nord*... P. 324. Упоминания о монастыре Св. Георгия в Джубине можно найти в нескольких источниках, к примеру, в хартии князя Боэмунда III (1186 г.). См. Röhrich R., ed. *Regesta Regni Hierosolymitani. Additamentum* (1904). — №649, P. 43.

³⁹⁰ Патриарх Петр II — с ранних лет принадлежавший к ордену цистерцианцев и, до призвания на патриарший престол Антиохии подвизавшийся в цистерцианской обители Ла Ферт, искренне стремился основать на Востоке, близ своего кафедрального града монастырь для «белых монахов», последователей Св. Бернарда. На протяжении первых пяти лет своего патриаршества (1209—1214 гг.) он терпеливо обращался к различным монашеским общинам Черной горы, выпрашивая, не пожелает ли кто присоединиться к цистерцианскому ордену. Наконец, весной 1214 г. одна из латинских обителей — монастырь Пресвятой Девы Марии в Джубине пожелала принять «первоначальный» устав св. Бенедикта и, под личным руководством Патриарха Петра II была преобразована в монастырь цистерцианского ордена. Текст послания Патриарха Петра II Иврейского, обращенного к Пале Григорию IX, в котором антиохийский первоиерарх повествует об основании цистерцианской обители, см. Auvray L., ed. *Les Registres de Grégoire IX*. — Paris, 1896. — Tome II, №3468, p.545. Английский перевод фрагмента послания, также как и историю обители, см. Hamilton B. *The Latin Church in the Crusader States*... c.9, P. 223. Казн отождествляет цистерцианскую обитель Пресвятой Девы Марии с монастырем Св. Георгия в Джубине. См. Cahen C. *La Syrie du Nord*... P. 669. То есть, согласно его описаниям, цистерцианским монастырем, реформированным Патриархом Петром II Иврейским, была обитель Св. Георгия. Однако Ж. Ришар, А. Жотицкий и Б. Гамильтон пишут о созданной цистерцианской обители как о монастыре Пресвятой Девы Марии, отделяя ее от монастыря Св. Георгия в Джубине. См. Richard J. *The Crusades. 1071—1291*. — Cambridge, 1999. — P. 396; Jotischky A. *The Perfection of Solitude. Hermits and Monks in the Crusader States*... P. 59.

³⁹¹ Латинский монастырь Св. Сергия упоминает, в своем описании кикийских и сирийских монастырей, лишь Л. Алишан, к сожалению не предоставляя при этом точной ссылки на первоисточник. См. Alisan L. *Sissuan ou l'Arméno-Cilicie. Description géographique et historique avec carte et illustrations*. — Venice, 1899. — P. 410. См. также: Thierry M. *Répertoire des monastères arméniens*... — №276; Weitenberg J.J.S. *The Armenian Monasteries in the Black Mountain*... 82. При этом Л. Алишан также называет монастырь Св. Сергия цистерцианской обителью.

³⁹² Последние две монашеские общины подвизались на землях, принадлежавших ордену госпитальеров. Подробнее см. выше: С. 100—105.

представляла собой местность, «на которой можно было встретить отшельников всех родов и всех народов. Там находилось множество монастырей, где подвизались как греческие, так и латинские монахи»³⁹³. Говоря об «отшельниках всех родов и всех народов», Жак де Витри, конечно же, имеет в виду и сиро-яковитов, и армян. В эпоху франкского правления они сохраняли свои великие обители на Черной горе, а также церкви в самой Антиохии. Среди армянских обителей Черной горы наиболее известными были монастыри Иесуанк Ванк (резиденция армянского архиепископа Антиохии) и Св. Георгия³⁹⁴; среди сиро-яковитских обителей — монастырь Доваир в долине Дафни, часто служившей пристанищем для сиро-яковитского Патриарха³⁹⁵. Если же говорить о византийском, православном монашестве в северной Сирии и на Черной горе, то оно также было представлено монахами из числа «всех народов». Помимо греков и сиро- и арабоязычных мелькитов, там также подвизались грузинские и армяно-халкидонитские монахи.

Лавра Св. Симеона на Дивной горе

Среди православных монастырей северной Сирии особым положением и почитанием пользовалась Лавра Св. Симеона на Дивной горе. «Дивная гора», или, как ее именовали на арабский манер, «гора Аль-Луккам», представляла собой высокую гору, располагавшуюся к юго-западу от Антиохии, ближе к морскому берегу и портовому городу Селевкии, у устья Оронта. Впоследствии, близость Лавры привела к переименованию Селевкии в «гавань Св. Симеона», как она и была

³⁹³ Jacques de Vitry. Op.cit. — с.32, P. 65.

³⁹⁴ Подробнее см. Weitenberg J.J.S. The Armenian Monasteries in the Black Mountain... P. 79—92; Thierry M. Répertoire des monastères arméniens... — №280. Абу-ль-Макарим, посещавший Антиохию в эпоху франкского правления, также описывает армянский монастырь, который он именует «Турб аль-Митрака», где, согласно его описаниям, подвизалось около 900 монахов и где находилось захоронение Тороса II Рубенида. Учитывая, что Торос II был захоронен в киликийском монастыре Драцарк близ Сиса, вероятно речь шла о захоронении некоей части его тела, к примеру — руки или сердца. См. Hacken C.E. ten. The description of Antioch in Abu al-Makarim's History of the Churches and Monasteries of Egypt... с. XVI, P. 205.

³⁹⁵ Игуменом монастыря Доваир был, к примеру, сиро-яковитский Патриарх Мар Иоанн XII (естественно, до своего избрания на патриарший престол). См. Michel le Syrien. Op.cit. — Vol. III, Lib. XVI, с.4, P. 231.

известна в период франкского правления³⁹⁶. Иоанн Фока восхваляет красоту Дивной горы, возвышавшейся «между городом (Антиохией) и морем». Согласно его описаниям, «Река Оронт бежит, извиваясь всеми возможными изгибами, у подножия этой горы, прежде чем излить свои воды в море»³⁹⁷.

Лавра была основана св. Симеоном Дивногорцем (521—597 гг.) — «младшим Симеоном Столпником», которого не следует путать с жившим на столетие раньше св. Симеоном Старшим или Алеппским, над столпом которого уже после его кончины был воздвигнут Калаат Самаан. Как писал о подвигах уроженца Антиохии, св. Симеона Дивногорца Евагрий Схоластик, «Симеон далеко превосшел всех своих современников в добродетели, выдержав суровое послушание и с ранних лет, едва сбросив молочные зубы, подвизавшись на столпе (...) На этом столпе, а затем еще на одном — возвышавшемся на горе, он провел 68 лет, тем самым стяжав величайшие дары благодати, в том числе возможность изгонять бесов, исцелять все болезни и недуги и предвидеть будущие события, словно бы они уже сбылись»³⁹⁸. Место подвигов св. Симеона привлекало многочисленных отшельников и аскетов. Еще при жизни и под непосредственным руководством св. Симеона на «Дивной горе», у его столпа был основан полноценный монастырь, впоследствии ставший общежитийным и получивший наименование Лавры Св. Симеона. Как повествует Иоанн Фока, посещавший обитель в XII в., св. Симеон Дивногорец «руками каменщиков обустроил вершину этой дивной горы, основав там монастырь, высеченный из цельного камня; посреди него он велел высечь природный столп, на котором и совершал свое стояние (...) Там же он построил прекрасную церковь, устремлявшуюся к Востоку и посвященную Господу, в которой он собирал своих учеников. Так, он оставался снаружи на столпе, а его ученики также стояли всю ночь, но внутри церкви, служа Господу и достигая святости»³⁹⁹.

³⁹⁶ Современное турецкое наименование горы и гавани Св. Симеона — Самандаг (Samandağ).

³⁹⁷ Ioannes Phocas. Op.cit. — P. 529; Stewart A., ed. & trans. The Pilgrimage of John Phocas... — P. 7.

³⁹⁸ Evagrius Scholasticus. Op.cit. — Lib. VI, c.23, P. 312.

³⁹⁹ Ioannes Phocas. Op.cit. — P. 529; Stewart A., ed. & trans. The Pilgrimage of John Phocas... — P. 8.

О Лавре Св. Симеона Дивногогорца нам уже не раз приходилось упоминать в предшествующих главах. С ромейским завоеванием Антиохии в X в. Лавра достигла небывалого расцвета; она пользовалась негласным первенством чести среди других монастырей Сирии, получала щедрые дары, а в ее стенах совместно подвизались греческие, сирийские⁴⁰⁰, грузинские⁴⁰¹ и армяно-халкидонитские монахи⁴⁰². Среди иноков Лавры второй половины XI в. были такие известные деятели христианского Востока, как константинопольский грек Никон Черногорец, грузинский философ и писатель св. Арсений Икалтойский и принявший в конце жизни монашеский постриг багдадский врач Юханна ибн Бутлан⁴⁰³.

Архитектурный ансамбль Лавры Св. Симеона состоял из трех церквей, баптистерия, а также трапезной, келий и прочих монастырских построек, обнесенных крепостной стеной. Архидиакон Павел

⁴⁰⁰ Среди сирийских мелькитов, подвизавшихся в монастыре Св. Симеона в эпоху второго византийского правления можно назвать Юханну ибн Бутлана (втор. пол. XI в.), иеромонаха Михаила — автора «Арабского жития св. Иоанна Дамаскина», а также игуменов Лавры — ученика св. Христофора Антиохийского — анба Харитона Младшего, и анба Антония, автора арабского перевода комментариев св. Иоанна Златоуста к Евангелию от Матфея.

Кстати говоря, в русском переводе «Жития...» С.А. Моисеева отклоняется от текста рукописи Заята и следует манускрипту Sin. Arab.405 и переводу Жозефу Насраллы. В тексте же Заята анба Харитон Младший назван архимандритом Лавры Св. Саввы, а св. Симеон Дивногорец (VI в.) — учеником (!) св. Христофора Антиохийского (ум. 966 г.). См. Ибрагим ибн Юханна. Житие Антиохийского Патриарха Христофора... — С. 60 (№5); Joseph (Nasrallah). Histoire du mouvement littéraire dans l'église melchite du Ve au XVe siècle. Vol.3, Tome 1 (969—1250)... P. 303; Portillo R.D. The Arabic Life of St. John of Damascus... P. 167.

⁴⁰¹ Среди наиболее известных грузинских иноков Лавры Св. Симеона Дивногогорца XI в. был св. Арсений Икалтойский. В.З. Джобадзе, в ходе археологических раскопок в Лавре, обнаружил достаточное количество грузинских надписей, относящихся к эпохе второго византийского правления. См. Djobadze W. Medieval Inscriptions in the Vicinity of Antioch on-the-Orontes // Oriens christianus. — 1965. — №49. — P. 117, 125—127. А.Л. Саминский также отмечает, что «многие из братьи главного греческого монастыря, Лавры Св. Симеона Младшего на Дивной горе, были грузинами». См. Saminsky A. Georgian and Greek Illuminated Manuscripts from Antioch... P. 19.

⁴⁰² О пребывании монахов из числа армян-халкидонитов в Лавре Св. Симеона Дивногогорца прямо пишет Никон Черногорец. См. Марр Н.Я. Аркауи, монгольское название христиан в связи с вопросом об армянах-халкидонитах... С. 33.

⁴⁰³ Примечательно, что эти три человека — один из наиболее известных византийских авторов XI в., выдающийся грузинский философ и один из величайших врачей Востока — подвизались в Лавре в одно и то же время, на что, к сожалению, практически никогда не обращают внимания.

Алеппский, сын Патриарха Макария III Заима, описывая их совместное с отцом паломничество в опустевшую обитель, отмечал, что постройки обители «большей частью каменные» и что «место это сильно укреплено от природы», имея в виду расположение Лавры на вершине горы, устремлявшиеся к морю воды реки Оронт, бушевавшие у ее подножия, а также защищавшие монастырь каменные стены⁴⁰⁴. Главные врата Лавры, обращенные, согласно архидиакону Павлу, к морскому заливу, открывали колонные пропилеи. Входя в обитель, паломники, миновав монастырский двор, попадали в крытый атриум, из которого открывался путь в величественную восьмиугольную ротонду, возведенную над столпом Св. Симеона Дивногорца. К этой же ротонде вели дополнительные, северные и южные монастырские врата. С восточной стороны с ротондой соприкасался кафоликон монастыря, возведенный еще при жизни святого Симеона и освященный в честь Св. Троицы. С севера и юга к собору Св. Троицы примыкали другие две церкви. Все три монастырских храма представляли собой сравнительно небольшие трехнефные базилики, украшенные мозаичными полами. Кафоликон выделялся за счет больших размеров, мраморных колонн и роскошного мозаичного убранства, украшавшего алтарную апсиду⁴⁰⁵. Отдельной составляющей храмового декора Лавры была резьба по камню — резные каменные капители, украшенные растительным орнаментом и вплетенными фигурами различных животных, птиц и людей. Часть богато украшенных резьбой капителей видна на руинах Лавры и поныне. Мекериан во время своих раскопок также нашел в Лавре мраморные рельефные изображения Христа и Рождества Христова. С юго-запада к ротонде Св. Симеона примыкала еще одна часовня, соприкасавшаяся также с атриумом и пропилеями и украшенная мозаичным полом. Помимо этого, в монастырский комплекс входили кельи, трапезная, книгохранилище, крытый баптистерий. Основная часть монастырских построек относилась к VI в.⁴⁰⁶. Лавра сохраняла скрипторий и уни-

⁴⁰⁴ Павел Алеппский. Путешествие Антиохийского Патриарха Макария... Книга I, гл. 1, С. 14—15.

⁴⁰⁵ Следы мозаичного убранства стен кафоликона видел еще Ж. Мекериан, проводивший раскопки и археологические исследования в Лавре в 1930-х гг.

⁴⁰⁶ Подробнее об архитектуре Лавры Св. Симеона см. Mécérian J. Monastère de Saint-Siméon-Stylite-le-Jeune, exposé des fouilles // Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. — 1948. — Vol.92 (№3). — P. 323—328; Djobadze W. Archeological

кальную библиотеку, приобретавшую особое значение и ценность в связи с поступлением греческих, сирийских, арабских, грузинских и армянских рукописей, доставляемых многонациональной братией и паломниками.

В XI в. Лавра Св. Симеона Дивногорца была одной из самых богатых обителей на востоке империи. Согласно описаниям Юханны ибн Бутлана земельные владения обители «своими размерами равны половине града халифов — Багдада. Доходы с земли составляют несколько кинтар золота и серебра, и, как они говорят, ежегодный доход составляет 400,000 динар»⁴⁰⁷. После сельджукского завоевания Антиохии в декабре 1084 г. Лавра Св. Симеона Дивногорца была разорена тюркской конницей; храмы были разграблены, а монахи — частью перебиты, частью принуждены бежать⁴⁰⁸. С прибытием же на Восток армии Первого крестового похода и утверждением франкского господства в Антиохии, начинается период восстановления Лавры; оказавшись в составе Антиохийского княжества, монастырь пережил последний период своего расцвета.

История восстановления и монашеской жизни Лавры в эпоху франкского правления заслуживает особого внимания. Если в большинстве случаев разоренные тюрками и восстановленные франками сирийские обители непременно переходили к латинским капитулам и монашеским общинам, то в случае с Лаврой Св. Симеона Дивногорца мы встречаем прецедент совершенно иного рода. Монастырь был, вне всякого сомнения, восстановлен при деятельном участии франков. Франки явно участвовали в восстановлении укреплений Лавры Св. Симеона. Западные ворота монастыря, а также часть каменной кладки внешних стен выдает работу латинских мастеров и указывает на то, что франки продолжали совершенствовать укрепления этого

investigations in the region West of Antioch-on-the-Orontes... P. 59, 97, 172, 204—207; Joseph (Nasrallah). Couvents de la Syrie du Nord portant le nom de Siméon... P. 149—150. Павел Алеппский насчитал семь церквей в обители, однако Ж. Насралла указывает на то, что архидиакон Павел ошибочно принял за церкви руины других монастырских построек, в частности — пропилеи, ротонду и крытый атриум. Ibid. — P. 150. Неоценимое значение в изучении Лавры имеют работы Ж. Мекериана и В. Джобадзе, проводивших археологические раскопки к Лавре в 1930-х гг. и 1960-х гг. соответственно.

⁴⁰⁷ Le Strange G. Op.cit. — P. 434.

⁴⁰⁸ К примеру, Никон Черногорец бежал из разоренной Лавры в монастырь Пресвятой Богородицы Гранатового Плода (Панагия ту Роду).

восточного монастыря, в том числе и в XIII в.⁴⁰⁹. К тому же, Дивная гора располагалась на землях княжеского домена, на стратегически важном пути между Антиохией и гаванью Св. Симеона; поэтому ни восстановление, ни укрепление Лавры не могло проходить без ведома, дозволения и участия франко-нормандских князей Антиохии. Однако восстановленная при деятельном участии франков Лавра Св. Симеона Дивногольца вместила как небольшую бенедиктинскую общину, так и прежнюю, православную братию. Размеры Лавры, в особенности наличие в рамках монастырского комплекса трех смежных базилик делало возможным подобное сосуществование. Восстановление монастыря и возвращение туда православной братии можно отнести к раннему этапу франко-нормандского правления в Сирии. Жозеф Насралла обращает особое внимание на то, что в 37 главе своего «Тактикона» Никон Черногорец начинает критиковать некоторые аспекты богослужения и богословия латинян и одновременно — упоминает о восстановлении монастыря, что позволяет, хоть и косвенно, связать восстановление Лавры Св. Симеона с утверждением франков в Антиохии и северной Сирии⁴¹⁰. К тому же, уже в 40 главе «Тактикона» Никон обращается к игумену Лавры Св. Симеона Дивногольца — архимандриту Петру, что говорит о том, что братия смогла вернуться в Лавру и избрать нового настоятеля.

То, что франки сохранили в стенах Лавры некую форму латинского присутствия, не вызывает сомнений. К примеру, в 1140 г. «в монастыре Св. Симеона, близ моря, на Дивной горе»⁴¹¹ был заключен низложенный латинский Патриарх Антиохии Рауль I Домфрон. Вряд ли князь Раймонд де Пуатье доверил бы охрану своего главного политического противника греческим или мелькитским монахам; ответственность за охрану Патриарха была, вне всякого сомнения, возложена на бенедиктинцев и франкскую стражу. Однако прибытие в стены монастыря небольшой бенедиктинской братии не привело к латинизации Лавры; напротив, монастырь Св. Симеона Дивногольца оставался преимущественно восточной, православной обителью, с доминирующим присутствием там православных монахов. Михаил Сириец писал о Лавре Св. Симеона Дивногольца исключительно

⁴⁰⁹ Nicolle D. Crusader Castles in the Holy Land. — Oxford, 2008. — P. 43.

⁴¹⁰ Joseph (Nasrallah). Couvents de la Syrie du Nord portant le nom de Siméon... P. 139.

⁴¹¹ Guillaume de Tyr. Op.cit. — Lib. XV, c.17, P. 686.

как о «греческом монастыре»⁴¹². Так, на протяжении XII–XIII вв., когда христианский мир был поражен расколом между латинской и византийской Церковью, в сердце Антиохийского княжества, в Лавре Св. Симеона на Дивной горе, в стенах единой обители мирно сосуществовали православная и латинская братии⁴¹³.

Примечательно, что при франках православная братия Лавры Св. Симеона Дивногорца смогла сохранить и многонациональность, присущую ей в эпоху византийского правления. В Лавре вновь объединились греки, сирийские мелькиты, грузины, армяне-халкидониты — только на этот раз, уже в соседстве с латинскими монахами. Участник и историк Пятого крестового похода — Оливье Падерборнский, посетил Лавру Св. Симеона в 1222 г. и оставил описание общего пребывания там греков и грузин. По его словам: «Грузины и греки одинаково совершают богослужение, но у грузин есть собственная письменность; книги их хранятся на горе Св. Симеона Столпника, где у них есть своя церковь». Оливье, при помощи переводчика, просмотрел эти книги, в числе которых увидел Евангелия и Послания Апостола Павла, отмечая при этом общие для Рима и Востока традиции распределения и составления текста⁴¹⁴. Слова Оливье об обособленной церкви грузин в монастыре Св. Симеона Дивногорца дают основание полагать, что грузинским монахам была отдана одна из трех базилик Лавры, (в то время как вторая базилика и пределы трехнефного кафоликаона была разделены между греческими, мелькитскими и латинскими монахами). Следовательно, одна из трех монастырских базилик, очевидно, тождественна грузинской церкви Святого Престола, располагавшейся в Лавре на Дивной горе⁴¹⁵.

Сохранился и целый ряд свидетельств более чем осязаемого мелькитского присутствия в Лавре. В одной из монастырских церквей Ж. Мекериан нашел надгробие, принадлежавшее почившему в январе

⁴¹² Michel le Syrien. Op.cit. — Vol. III, Lib. XVIII, c.10, P. 325.

⁴¹³ Эту уникальную особенность положения Лавры Св. Симеона отмечали такие исследователи, как сэр С. Рансимен и К. Каэн. См. Cahen C. La Syrie du Nord... — P. 324, 334; Runciman S. The History of the Crusades. Vol II. — Book IV, c.1, P. 312.

⁴¹⁴ Oliver. Descriptio Terre sancte // Die schriften des Kölner domscholasters, späteren bischofs von Paderborn und kardinal-bischofs. — Tübingen, 1894. — P. 265.

⁴¹⁵ Подробнее о грузинской церкви в Лавре Св. Симеона см. Peeters P. L'église géorgienne du Clibanion au Mont Admirable // Analecta Bollandiana. — 1928. — №46. — P. 241—286.

1193 г. монаху Макарию ибн Саифи⁴¹⁶. В библиотеке Ватикана хранятся арабские рукописи, переписанные мелькитскими монахами Лавры Св. Симеона в годы франкского правления. Среди наиболее известных — арабский комментарий к Евангелию от Иоанна, переписанный в Лавре Св. Симеона Дивногорца в 1251 г.⁴¹⁷ К числу монахов Лавры Св. Симеона принадлежал, до своего возведения на Триполитскую кафедру, Арсений, будущий православный Патриарх Антиохийский⁴¹⁸. В XIII в., с утверждением параллельной — латинской и православной патриаршей власти на землях Антиохийского княжества, Лавра Св. Симеона Дивногорца часто служила и в качестве резиденции для православного Патриарха и его свиты. Согласно Патриарху Макарию III Заиму, православные Патриархи порой пребывали в одном из кварталов Антиохии, «а порой — в антиохийской обители Св. Симеона Чудотворца»⁴¹⁹.

В годы правления антиохийских франков Лавра Св. Симеона удерживала значительные земельные владения и ренты⁴²⁰. Если отталкиваться от свидетельства Ордерика Виталия о том, что князь Боэмунд I Антиохийский подтвердил права восточных монастырей «на все владения, которыми они были наделены с древнейших времен»⁴²¹, то можно предположить, что как латинские, так и православные монахи Лавры Симеона Дивногорца смогли вновь получить доступ к монастырским землям, которые, пользуясь словами Юханны ибн Бутлана, были равны половине Багдада. Автор Анонимной Сирийской хроники, описывая разорение Лавры Св. Симеона войсками эмира Нур-ад-Дина в 1164 г., приводит перечень разоренных сокровищ монастыря, в числе которых были изготов-

⁴¹⁶ Mécérian J. Les inscriptions du Mont Admirable // *Mélanges de l'Université Saint Joseph*. Tome 38. — Imprimerie catholique, 1962. — P. 321—324; Joseph (Nasrallah). *Couvents de la Syrie du Nord portant le nom de Siméon...* P. 144.

⁴¹⁷ Joseph (Nasrallah). *Couvents de la Syrie du Nord portant le nom de Siméon...* P. 148.

⁴¹⁸ Georgius Pachymeres. *Op.cit.* — Vol. II, Lib. I, c.19, P. 56.

⁴¹⁹ Joseph (Nasrallah). *Couvents de la Syrie du Nord...* — P. 141.

⁴²⁰ К примеру, в хартии князя Боэмунда III Антиохийского, датированной 8 января 1174 г., упоминается мельница, находившаяся в общем владении монахов Лавры Св. Симеона и виконта Антиохии — Петра де Мельфия. См. Rey E.G. *Recherches géographiques et historiques sur la domination des Latins en Orient: accompagnées de textes inédits ou peu connus du XIIe au XIVe siècle.* — Paris, 1877. — P. 22.

⁴²¹ Orderic Vitalis. *Op.cit.* — Pars III, Lib. X, c.11, P. 256. См. выше: С. 100—105.

ленные из золота и серебра, роскошно украшенные чаши, кресты, оклады⁴²². Причем сразу следует отметить, что франкское правление было связано не с одним, а как минимум с четырьмя случаями восстановления Лавры после ее разорения сарацинами. Сельджуки обрушились на Лавру в 1084 г.; Нур-ад-Дин — в 1149 г. и 1164 г.; в 1188 г. на сокровища и земли Лавры посягнули и войска Салах-ад-Дина. И каждый раз монахи получали возможность возвращаться в обитель, восстанавливать, за счет сохранявшихся за ними владений и доходов, расхищенное и уничтоженное убранство и восполнять потери в составе братии — обращаясь к прибывавшим в Антиохию и на Черную гору православным инокам и послушникам. Богатство и благоденствие Лавры Св. Симеона дали основание князю Бозмунду IV Антиохийскому обложить обитель и монастырские земли дополнительные налогами, что привело к острому конфликту между братией и франкским государем. В итоге, конфликт привел к вмешательству Папы Римского Гонория IX, запретившего князю Бозмунду IV посягать на собственность и братию Лавры⁴²³. Находясь под властью и защитой антиохийских франков, Лавра Св. Симеона просуществовала вплоть до мамлюкского разорения 1266 г. или даже до окончательного уничтожения Антиохии в 1268 г. Одно из последних свидетельств о монашеской жизни в Лавре — надгробие православного монаха Никифора, скончавшегося в апреле 1266 г.⁴²⁴. Помимо Лавры Св. Симеона, на «Дивной горе» находилось по крайней мере еще три православных монастыря — Св. Иоанна, Калипос⁴²⁵ и Пресвятой Богородицы Джараджима — продолжавших свое существование под франкским правлением.

⁴²² Anonymi Auctoris Chronicon ad Annum Christi 1234 pertinens... — с.1475.

⁴²³ Presutti P. Regesta Honorii papae III. — Roma, 1888—1895. — №3495; Cahen C. La Syrie du Nord... P. 324, 634; Hamilton B. The Latin Church in the Crusaders States... с.9, P. 225. Обращение к Гонорию IX, естественно, шло через бенедиктинских монахов Лавры, а за исполнением своего решения о неприкосновенности монастырской собственности понтифик поручил проследить латинскому Патриарху Альберу дель Реззато и приорату ордена тамплиеров в Антиохии. Декрет Папы Гонория IX относится к декабрю 1224 г.

⁴²⁴ Mécérian J. Les inscriptions du Mont Admirable... — P. 321—324

⁴²⁵ О грузинском монастыре Калипос будет сказано ниже, см. С. 100—105.

*Дивная гора. Монастыри Св. Иоанна и Пресвятой Богородицы
Джараджима. Монастырь Св. Варлаама на горе Кассий*

Монастырь Св. Иоанна находился на северо-восточном отроге Дивной горы. Монастырь был основан одновременно с Лаврой Св. Симеона Дивногорца. Кафоликон, стены и основные постройки монастыря, согласно датировке В. Джобадзе, были возведены на рубеже V-VI вв. Обитель сохранилась в годы второго византийского и франкского правления; существуют археологические свидетельства, относящиеся к XI-XII вв. Вордерстрассе указывает на то, что одно из последних свидетельств о монашеской жизни в обители Св. Иоанна на Дивной горе (греческая надпись) относится к 1222 г.⁴²⁶. Другой монастырь Дивной горы — монастырь Пресвятой Богородицы Джараджима был основан в эпоху второго византийского правления учеником св. Христофора Антиохийского — Аввой Иеремией⁴²⁷. Обитель эта находилась на северных подступах к горе аль-Луккам и получила наименование по региону, в VII-X вв. заселенному арабо-христианским племенем мардаитов. Вероятно, монастырь Богоматери Джараджима продолжил свое существование при франках⁴²⁸.

К югу от Дивной горы, на южном берегу Оронта, возвышалась гора Кассий, на которой располагался еще один православный монастырь — обитель Св. Варлаама. Основная часть построек этой обители — обнесенные прямоугольной в плане крепостной стеной кельи, трапезная, баня, трехнефная и трехпрестольная базилика, служившая кафоликоном монастыря — относились к X-XI вв. Отмечая поздние пристройки и работу по укреплению монастырских стен, относящихся к эпохе франкского правления, Вахтанг Джобадзе⁴²⁹ все же

⁴²⁶ Djobadze W. Archeological investigations in the region West of Antioch-on-the-Orontes... — P. 59, 97, 204—207; Vorderstrasse T. Archaeology of the Antiochene Region in the Crusader Period... P. 328.

⁴²⁷ Zayat H. Vie du patriarche melkite d'Antioche Christophore... — P. 364; Ибрагим ибн Юханна. Житие Антиохийского Патриарха Христофора... — С. 61. Об основании этого монастыря мы уже писали выше. См. Часть I, гл. 3, С. 100—105.

⁴²⁸ Joseph (Nasrallah). Histoire du mouvement littéraire dans l'église melchite du Ve au XXe siècle. Vol.3, Tome 1 (969—1250)... P. 304—305.

⁴²⁹ Джобадзе принадлежат основные археологические раскопки монастыря в 1960-х гг.; он определил, что эта обитель была освящена в честь Св. Варлаама.

считает, что основным периодом существования монастыря была эпоха второго византийского правления. Однако Т. Вордерстрассе, опираясь на то, что большая часть найденных в обители предметов и остатков обливной керамики датированы XII-XIII вв., указывает, что основным периодом существования (если не сказать расцветом) монашеской жизни в обители Св. Варлаама была эпоха правления франкских князей Антиохии⁴³⁰.

*Монастыри над гаванью Россы. Лавра Св. Илии Пророка и обитель
Пресвятой Богородицы*

Обратимся теперь к, собственно, самой Черной горе, к горам Аманоса, выходящим к побережью Средиземного моря. На северных склонах Аманоса, там, где они соприкасались со средиземноморским побережьем, к северо-западу от Антиохии и к югу от залива Александретты, у гавани Россы располагались по крайней мере две действующие православные обители — монастырь Пресвятой Богородицы и Лавра Св. Пророка Илии⁴³¹. Монастырь Св. Илии был первоначально известен как монастырь Св. Пантелеймона, однако впоследствии сменил своего святого покровителя. Неизвестно, было ли это связано со строительством нового кафоликона, освященного в честь Св. Илии, или с каким-либо другим событием, связавшим братию с особым почитанием Пророка Огненного Вознесения. В сохранившихся рукописях XI в. обитель упоминается либо как «монастырь Св. Пантелеймона», либо как «монастырь Св. Пантелеймона, также известный как монастырь Св. Илии»; в XII-XIII вв. — исключительно как «Лавра...» или «монастырь Св. Пророка Илии». Обитель была возведена на высокой горе, именуемой «Кабанья голова».

Монастырь Св. Илии получил широкую известность благодаря своему скрипторию, где в эпоху второго византийского и франкского правления шла активная работа по составлению

⁴³⁰ Djobadze W. Archeological investigations in the region West of Antioch-on-the-Orontes... — P. 5—6, 25—26, 50, 52—53; Vorderstrasse T. Archaeology of the Antiochene Region in the Crusader Period... P. 326—328.

⁴³¹ В этой же области находились монастыри Св. Георгия и Пресвятой Девы Марии в Джубине, а также принадлежавшее госпитальерам латинское аббатство Св. Георгия в Рас Хазире.

и копированию сирийских и арабских рукописей⁴³². Среди рукописей, переписанных в Лавре Св. Илии во времена франкского правления, монах Илия Халифе, в своем исследовании, посвященном сохранившимся мелькитским манускриптам Черной горы, приводит Октоих, переписанный в 1191 г. Михаилом, сыном Абу-ль-Фараджа, «игуменом Лавры Св. Илии на Черной горе» (ныне хранящийся в немецком Госларе), и Апостол-апракос, переписанный монахом Михаилом и прибывшим с берегов Тигра иеромонахом Гавриилом и завершенный ими 9 июля 1232 г. (хранится в библиотеке монастыря Св. Екатерины на Синае)⁴³³. Очевидно, Лавра Св. Пророка Илии была исключительно мелькитской обителью, с явным преобладанием сиро- и арабоязычных монахов. К тому же, эта фактически забытая сирийская Лавра была важнейшим центром сирийской письменности и богослужбной культуры эпохи крестовых походов.

На высоких склонах над гаванью Россы располагался монастырь Пресвятой Богородицы. Уникальное свидетельство об этой обители предоставляет колофон «Антологии к Празднику Пророка Илии», составленной вышеупомянутым иеромонахом Гавриилом в 1242 г. и ныне пребывающей в собрании монастыря Св. Екатерины на Синае. Согласно колофону, рукопись «Антологии...» была составлена «в монастыре Пресвятой Богородицы, именуемом также «Епископией», что на Черной горе, над гаванью Россы, в дни отца нашего Симеона, Патриарха Антиохийского»⁴³⁴. Эти слова иеромонаха Гавриила позволяют, во-первых, определить месторасположение обители, а во-вторых, заслуживают особого внимания в связи с наименованием монастыря «Епископией». Отталкиваясь от слов иеромонаха Гавриила, можно с известной долей основания предположить, что в XIII в. этот монастырь был подворьем или резиденцией для какого-нибудь православного епископа, служившего в качестве патриаршего викария и отвечавшего за пастырское окормление монастырей Черной горы.

⁴³² Charon C. (Korolevskii C.). Histoire des patriarchats melkites (Alexandrie, Antioche, Jérusalem). Vol. III... P. 31—32; Cahen C. La Syrie du Nord... P. 141, 334.

⁴³³ Elias (Khalifeh). Orthodox Manuscripts Copied in Antioch... — P. 4.

⁴³⁴ Elias (Khalifeh). Orthodox Manuscripts Copied in Antioch... — P. 4.

**Монастырь Св. Григория Богослова в Бетиасе и монастырь
Животворящего Древа на Черной горе**

На юго-восточных отрогах Черной горы, к северу от Антиохии, находилось поселение Бетиас, где располагалась еще одна обитель мелькитов — монастырь Св. Григория Богослова. Монастырь Св. Григория Богослова в селении Бетиас упоминает протоспафарий Ибрагим ибн Юхана в «Житии Христофора...»; в обители подвизался и пребывал в затворе один из учеников Патриарха Христофора — Анба Ефрем (или Авраам)⁴³⁵. Эта православная обитель пережила период тюркских разорений и, в эпоху франкского правления, оставалась одним из известных и действующих монастырей Черной горы. Весьма ценное свидетельство о монастыре Св. Григория Богослова в Бетиасе предоставляет Нерсес Лампронский, посещавший обитель около 1178—1179 гг. В поисках комментария св. Андрея Кесарийского к Апокалипсису Нерсес отправился «к Святой горе, которая располагается к северу от Антиохии, в один из греческих монастырей, именуемый Петиас (Бетиас. — С. Б.)», где, при помощи одного из монахов обители — Василия, нашел требуемую книгу, ранее принадлежавшую Патриарху Афанасию I Манасси⁴³⁶. Следовательно, в разгар правления князя Боэмунда III и патриаршества Амори де Лиможа обитель Св. Григория Богослова — Бетиас была действующей обителью, известной в том числе благодаря своей библиотеке, где даже хранились книги из патриаршего книгохранилища. Описание Нерсеса также дает основание полагать, что братию монастыря Бетиас или, по крайней мере, большую ее часть составляли греческие монахи. Во всяком случае, именно в этой обители св. Нерсес Лампронский смог найти знатоков греческих рукописей. Наличие же в монастырской библиотеке комментария к Апокалипсису из собрания Афанасия I Манасси позволяет предположить, что книга была либо передана в Бетиас самим Патриархом, либо была испрошена греческими монахами у Патриарха Амори уже после гибели Афанасия в 1170 г.⁴³⁷

⁴³⁵ Zayat H. Vie du patriarche melkite d'Antioche Christophore... — P. 364; Ибрагим ибн Юханны. Житие Антиохийского Патриарха Христофора... — С. 60.

⁴³⁶ Weitenberg J.J.S. The Armenian Monasteries in the Black Mountain... P. 91.

⁴³⁷ О монастыре Св. Григория Богослова в Бетиасе см. Alisan L. Sissuan ou l'Arméno-Cilicie... — P. 557; Cahen C. La Syrie du Nord... P. 334.

Еще одной православной обителью Черной горы, чье существование было связано исключительно со временем второго византийского и франкского правления, был монастырь Животворящего Древа. Вахтанг Джобадзе определил, что кафоликон монастыря (трехнефная и трехпрестольная церковь, увенчанная небольшим куполом) был сооружен в XI в., и что уцелевшие фрагменты монастырских построек выдают работу как сирийских, так и грузинских мастеров. При этом Джобадзе полагает, что обитель, действовавшая в эпоху франкского правления, пришла в запустение после одного из великих сирийских землетрясений XII в. (возможно — именно после землетрясения 1170 г.)⁴³⁸.

Монастыри долины Дафни: обители Пресвятой Богородицы Дафнуна, Св. Георгия

Еще одним центром сосредоточения православных монастырей в северной Сирии была богатая источниками и садами долина Дафни — непосредственно прилежавшая к Антиохии и с селевкидских времен служившая местом отдохновения для жителей города. Видевший долину во второй половине XII в. Иоанн Фока благосклонно отзывался о красоте «знаменитого пригорода Дафни, украшенного рощами, где произрастали разного рода деревья»⁴³⁹. В период второго византийского и франкского правления в долине Дафни находилось несколько православных обителей, в том числе монастырь Пресвятой Богородицы Дафнуна, монастырь Св. Георгия, грузинский монастырь Касталия. Монастырь Пресвятой Богородицы Дафнуна упоминается Ибрагимом ибн Юханной, поскольку его игуменом был один из многочисленных учеников Христофора Антиохийского — Анба Григорий Старший⁴⁴⁰. Обитель была основана на месте чудесного явления Пресвятой Богородицы, по преданию сразившей змия, обитавшего

⁴³⁸ Djobadze W. Archeological investigations in the region West of Antioch-on-the-Orontes... P. 126, 144—146; Vorderstrasse T. Archaeology of the Antiochene Region in the Crusader Period... P. 329—330.

⁴³⁹ Ioannes Phocas. Op.cit. — P. 528; Stewart A., ed. & trans. The Pilgrimage of John Phocas... — P. 7.

⁴⁴⁰ Zayat H. Vie du patriarche melkite d'Antioche Christophore... — P. 366; Ибрагим ибн Юханна. Житие Антиохийского Патриарха Христофора... — С. 61.

у источников Дафни. Сохранилось несколько литургических рукописей XI в., переписанных в стенах обители или, по крайней мере, упоминающих монастырь Пресвятой Богородицы Дафнуна⁴⁴¹. Вполне вероятно, что в эпоху франкского правления продолжил свое существование и принадлежавший мелькитам «Святая обитель Мар Георгия, Великомученика, известная как Бет Майя (обитель Источников) в Дафни»⁴⁴². Если отталкиваться от сохранившихся письменных свидетельств, можно предположить, что монастырь Св. Великомученика Георгия в долине Дафни, подобно Лавре Св. Илии, вероятно оставался центром классической сирийской письменности мелькитов⁴⁴³. В то же самое время, нельзя не напомнить и о том, что некогда величайший из монастырей северной Сирии и Черной горы — монастырь Св. Симеона Старшего (Калаат Самаан) с рубежа X-XI вв. пребывал в разрушенном и заброшенном состоянии, так и не оправившись после трех последовательных разорений в 983, 989 и 1017 гг.⁴⁴⁴.

IV. Грузинские монахи и паломники в пределах Заморской земли

Совершенно особую роль в истории православного монашества на Латинском Востоке принадлежала грузинским монастырям. На протяжении X-XIII вв. грузинские паломники и монахи прибывали на Святую землю, оседая в пределах Иерусалимской Церкви или на территории своей Матери-Церкви — Антиохийского Патриархата⁴⁴⁵.

⁴⁴¹ Joseph (Nasrallah). Histoire du mouvement littéraire dans l'église melchite du Ve au XXe siècle. Vol.3, Tome 1 (969—1250)... P. 304—308; Joseph (Nasrallah). Deux auteurs melchites inconnus du Xe siècle // Oriens Christianus. — 1979. — Vol.63. — P. 82—83.

⁴⁴² Подобным образом обитель упоминается в колофоне Триоди, датированной 1056 г. и хранящейся в Британской библиотеке. См. Elias (Khalifeh). Orthodox Manuscripts Copied in Antioch... — P. 3.

⁴⁴³ Подробнее см. Brock S. Syriac Manuscripts Copied on the Black Mountain, near Antioch // Lingua Restituta Orientalis. — Wiesbaden, 1990. — P. 60—62, 66—67; Vorderstrasse T. Archaeology of the Antiochene Region in the Crusader Period... P. 322—324.

⁴⁴⁴ Подробнее см. выше: Часть I, гл. 3, С. 100—105.

⁴⁴⁵ К тому же, они подвизались и на территории европейских провинций Ромейской державы; достаточно вспомнить афонский Иверон, монастырь Романа близ Константинополя, монастырь Св. Георгия в самой византийской столице (где подвизались грузинские иноки), или же армяно-ивирский монастырь Петрициони (Бачковский монастырь).

Грузины в Иерусалиме

В самом Иерусалиме, в ведении грузинской братии находился почитаемый монастырь Святого Креста, возрожденный на средства грузинского царя Баграта IV (1027—1072 гг.). Монастырь этот явно перестраивался и расширялся в эпоху франкского правления, оставаясь при этом в руках грузинской братии⁴⁴⁶. Согласно описаниям германского паломника Теодориха, обитель Святого Креста была «сильно укреплена стенами и башнями» и «окружена домами, трапезными, палатами и различными зданиями (...) возвышающимися благодаря своей каменной постройке»⁴⁴⁷. То, что в эпоху первого Иерусалимского королевства монастырь Святого Креста оставался грузинской обителью подтверждают православные паломники — игумен Даниил, посещавший обитель в правление Бодуэна I (1107—1109 гг.), и Иоанн Фока, видевший монастырь в правление мальчика-короля Бодуэна V (1185 г.)⁴⁴⁸. Паломничество грузинской знати, простого люда и клира на Святую землю продолжалось на протяжении всей эпохи франкского владычества. Жак де Витри посвящает отдельную главу своего описания Заморской земли именно грузинам⁴⁴⁹. При этом грузины, очевидно, открыто признавали господствующую в Леванте латинскую церковную иерархию. Около 1120 г. жена царя Давида IV Строителя прибыла в Иерусалим, приняла там монашеский постриг, подарила франкам частицу Животворящего Креста Господня и, с благословения латинского Патриарха Иерусалима — Гибеллина Арльского, основала в Святом граде небольшую обитель для грузинских монахинь. Эти события подробно описаны кантором Храма Гроба Господня Анселлем в его послании

⁴⁴⁶ Кафоликон обители был возведен еще в 1038 г., однако перестраивался в эпоху первого Иерусалимского королевства. В эпоху Айюбидского правления, в первой половине XIII в., царица Тамар направила в Палестину, для реформирования и благоустройства обители Святого Креста, прославленного придворного и поэта — Шота Руставели, ктиторийский портрет которого сохранился в кафоликоне.

⁴⁴⁷ При этом, Теодорих ошибочно полагает, что монахи обители были сирийцами. См. Stewart A., ed. & trans. Theodorich's description of the Holy Places... P. 56—57.

⁴⁴⁸ Ioannes Phocas. Op.cit. — P. 552; Stewart A., ed. & trans. The Pilgrimage of John Phocas... — P. 30. В английском переводе «иверийцы» ошибочно переведены как «испанцы».

⁴⁴⁹ Jacques de Vitry. Op.cit. — с.80, P. 156—157.

епископу и архидиакону Парижа⁴⁵⁰. Пользуясь словами самого Анселла, царица основала «конгрегацию грузинских монахинь под пастырской властью Патриарха Гибеллина. Вскоре после этого она сама присоединилась к этой конгрегации, побуждаемая ее последователями и Патриархом»⁴⁵¹. Примечательно, что права грузинских паломников и монахов на пребывание в Иерусалиме признали даже мамлюкские султаны. Даже когда около 1268—1269 гг. султан Бейбарс дозволил своему духовному наставнику — шейху Хадиру аль-Михрани конфисковать монастырь Святого Креста и превратить его в мечеть, один из последующих султанов — Аль-Насир Мухаммед в 1305 г. принужден был вернуть обитель грузинским монахам, при активном посредничестве и дипломатическом давлении ромейского василевса Андроника II Палеолога и грузинского царя Давида VIII⁴⁵².

Грузинские монастыри Антиохийского Патриархата. Кастанский монастырь, обители Цхарота и Твали, монастырь Пресвятой Богородицы Калинос на Дивной горе, обители Св. Романа и Древа Креста

Не менее значимым было присутствие грузин в пределах Антиохийского княжества. Выше мы уже неоднократно упоминали о грузинских иноках, подвизавшихся в монастырях северной Сирии. В Лавре Св. Симеона Дивногольца, как уже было сказано, грузинской части братии была отдана одна из трех монастырских базилик — церковь Святого Престола; там же хранилось и обширное, стяжавшее славу собрание

⁴⁵⁰ Епископу Жерберу и архидиакону Стефану.

⁴⁵¹ Ansell Cantoris Sancti Sepulcri. Epistola ad Ecclesiam Parisiensis // PL 162. — с. 729—730; Barber M., Bate K., ed. & trans. Letters from the East... — P. 40. Вероятно, что речь идет о первой жене царя Давида IV Строителя, матери его сына и будущего царя Димитрия I, которая, согласно Матфею Эдесскому, была армянкой. К.Л. Туманов в своем исследовании именует ее «Русудан». См. Mathieu D'Edesse. Op.cit. — с. 249, P. 319; Toumanoff C. Manuel de Généalogie et de Chronologie pour l'histoire de la Caucasic chrétienne (Arménie, Géorgie, Albanie). — Rome, 1976. — P. 123.

⁴⁵² Подробнее см. Pahlitzch J. Georgians and Greeks in Jerusalem (1099—1310) // East and West in the Crusader States III. — Leuven, 2003. — P. 35—51; Pahlitzch J. Mediators Between East and West: Christians under mamluk Rule // Mamluk studies review. — 2005. — Vol. 9 (2). — P. 32—36.

грузинских рукописей⁴⁵³. Монастырь Животворящего Древа, где совместно подвизались сирийские и грузинские инок, был возведен при непосредственном участии грузинских мастеров⁴⁵⁴. Монастырь Св. Варлаама на горе Кассий, в XI–XII вв. оставался преимущественно грузинской обителью⁴⁵⁵. Помимо этого, существовали и полностью обособленные грузинские обители, большая часть которых была основана в XI в., в период византийского правления, и продолжила свое существование при франках. Несколько грузинских монастырей находились в виду самой Антиохии, в долине Дафни, в их числе — монастырь Кастанлия (Кастанский монастырь Пресвятой Богородицы), обители Твали и Цхарота.

Монастырь Пресвятой Богородицы, именуемый также Кастана, располагался близ источника Кастанлия, орошавшего долину Дафни и снабжавшего водой Антиохию. Красочное описание этого источника оставил Иоанн Фока, видевший его во время своего паломничества в 1185 г.: «Источник Кастанлии возникает между двух холмов и, извиваясь у подножия ближайшего к морю холма, изливает невероятное обилие вод. Здесь мы видели великий портик, покрывающий источник, вода которого обильно вырывается из земли»⁴⁵⁶. Очевидно, что грузинские монахи воздвигли монастырь близ этого, излюбленного антиохийцами, источника. «Кастана» фактически представляет собой искаженное название «Кастанлия». В 1091 г. игуменом Кастанского монастыря Пресвятой Богородицы стал знаменитый грузинский святой, философ, переводчик и богослов — Ефрем Мцире, автор «Сведений об обращении грузин» и целого ряда грузинских переводов Василия Великого, Григория Богослова, Псевдо-Дионисия Ареопагита и Ефрема Сирина. Находясь на посту игумена Кастанской обители, св. Ефрем пережил Первый крестовый поход и установление франкского владычества. Учитывая, что св. Ефрем преставился лишь в 1101 г., можно с уверенностью утверждать, что он и его обитель благополучно пережили основание латинского Патриархата, первое правление князя Боэмунда I (1098—1100 гг.) и последующее регентство Патриарха Бернарда и Бодуэ-

⁴⁵³ См. выше: С. 100—105.

⁴⁵⁴ См. выше: С. 100—105.

⁴⁵⁵ Djobadze W. Georgians in Antioch on-the-Orontes and the monastery of St. Barlaam // Die Christianisierung des Kaukasus. The christianization of Caucasus (Armenia, Georgia, Albania) — Wien, 2002. — P. 37—53.

⁴⁵⁶ Ioannes Phocas. Op.cit. — P. 528; Stewart A., ed. & trans. The Pilgrimage of John Phocas... — P. 7.

на II де Бурга (1100—1101 гг.)⁴⁵⁷. Неподалеку от Кастанского монастыря Пресвятой Богородицы и источника Касталии располагались и другие две грузинские обители в Дафни — Цхарота и Твали. Джобадзе, в своем исследовании, обращает внимание на колофон одной грузинской рукописи, в которой переписчик отмечает близость обители Цхарота к источникам Касталия⁴⁵⁸. Что касается монастыря Твали, то он получил известность благодаря тому, что там, в 1041 г., закончил свои дни почитаемый грузинский аскет и автор — св. Иларион Твалели.

На Дивной горе, близ Лавры Св. Симеона и других православных монастырей, находилась грузинская обитель Пресвятой Богородицы Калипос. Обитель славилась своим скрипторием, в котором, среди прочих рукописей, было создано знаменитое Алавердское Четвероевангелие, составленное в 1054 г. монахами Георгием, Иоанном и Симеоном⁴⁵⁹. На рубеже XI-XII вв. в монастыре подвизался другой знаменитый философ и переводчик, ученик св. Ефрема Мцире — преподобный Арсений Икалтойский. В еще одной долине между Черной горой и Оронтом, именуемой «долиной камышей», можно было найти по крайней мере две грузинские обители — Древа Креста Господня и Св. Романа Сладкопевца. В этих монастырях также шла работа по составлению и иллюстрации грузинских рукописей⁴⁶⁰.

Связи Грузии и франкской Сирии

Грузинские монархи — в особенности св. Давид IV Строитель (1089—1125 гг.) и царица Тамара (1184—1213 гг.) — направляли щедрые

⁴⁵⁷ Djobadze W. Materials for the study of Georgian monasteries in the Western environs of Antioch on the Orontes... P. 101—103.

⁴⁵⁸ Djobadze W. Materials for the study of Georgian monasteries in the Western environs of Antioch on the Orontes... P. 41, 102.

⁴⁵⁹ Подробнее о монастыре Калипос и его скриптории см. Saminsky A. Georgian and Greek Illuminated Manuscripts from Antioch... P. 19—21, 26, 36—47, 55—56, 64—65. Помимо Алавердского Четвероевангелия, А.Л. Саминский обращается к грузинскому Евангелию из Кутаисского Исторического Музея, также переписанному в скриптории монастыря Пресвятой Богородицы Калипос в 1060 г.

⁴⁶⁰ Подробнее, см. Djobadze W. Materials for the study of Georgian monasteries in the Western environs of Antioch on the Orontes... P. 47—49; Saminsky A. Georgian and Greek Illuminated Manuscripts from Antioch... P. 26, 61—62.

пожертвования монастырям Черной горы⁴⁶¹. Покровительство царей Багратидов, оказываемое православным монастырям северной Сирии, в сочетании с постоянным притоком грузинских паломников и монахов, способствовало общению между Грузинским царством и княжеством Антиохийским. В особенности это проявилось в первой четверти XII в., в эпоху правления царя Давида IV Строителя. Этот грузинский царь, явно проявляя интерес к Антиохии и ее княжеству, способствовал притоку на земли своего царства как ученых грузинских иноков Черной горы, так и антиохийских франков. Так, в начале XII в. св. Арсений Икалтойский, откликнувшись на приглашение царя Давида IV, покинул монастырь Калипос и отбыл в Грузию⁴⁶², где стал царским духовником, основателем академий при монастырях Гелати (Рождества Пресвятой Богородицы) и Спаса Нерукотворного (в Икалто), ктитором Шио-Мгвимской обители.

Что касается наемников-франков, отправлявшихся ко двору грузинского царя через пределы Антиохийского княжества, то их присутствие в составе войск Давида IV отмечают как Матфей Эдесский, так и канцлер Готье. Примечательно, что канцлер Готье посвящает последнюю главу «Антиохийских войн» великой победе царя Давида IV Строителя при Дидгори (1121 г.), поскольку именно эта битва положила конец могуществу эмира Ильгази, за два года до этого истребившего армию князя Рожера Антиохийского на Кровавом Поле (1119 г.)⁴⁶³. Согласно описаниям Готье «царь расставил две сотни франкских воинов, которые находились при нем, в передней шеренге, дабы они выдержали первый удар»⁴⁶⁴. Матфей Эдесский подтверждает слова Антиохийского канцлера, упоминая в составе армии царя Давида IV при Дидгори «сотню франков»⁴⁶⁵. При этом, Готье отмечает, что решающий удар в сражении был нанесен именно франкскими рыцарями Давида IV. По его словам, «силой Господа они (тюрки. — С. Б.) были ос-

⁴⁶¹ Brosset M.-F. Histoire de la Géorgie depuis l'Antiquité jusqu'au XIXe siècle. — St. Petersburg, 1849. — P. 374, 455.

⁴⁶² Хотя также возможно, что св. Арсений, на момент призвания царем Давидом IV, находился не в антиохийском монастыре Пресвятой Богородицы Калипос, а в монастыре Св. Георгия в Константинополе. Вопрос об этом остается открытым.

⁴⁶³ Подробнее см. выше: Часть I, гл. 3, С. 100—105.

⁴⁶⁴ Galterii Cancellarii. Op.cit. — II Bell., c.16, P. 130—131.

⁴⁶⁵ Mathieu D'Edesse. Op.cit. — c.232, P. 304.

леплены во время первого нападения и пали от рук франков, бежали и рассеялись»⁴⁶⁶. Так, описания великой победы царя Давида IV при Дидгори выявляет как участие франкских рыцарей, так и повышенное внимание к христианскому царству Иверии со стороны населения франкской Антиохии и Эдессы. Период благоденствия грузинского монашества на землях Антиохии, расцвет которого приходится на XI в., продолжался и в эпоху франкского правления; он стремительно сходит на нет лишь с уничтожением княжества Антиохийского мамлюками на исходе XIII в.

Присутствие армян-халкидонитов в Сирии и Киликии эпохи крестовых походов. Монастырь Пресвятой Богородицы Гранатового Плода

Упоминания о грузинском монашестве неминуемо приводят нас и к теме присутствия еще одной группы халкидонских христиан Закавказья в пределах княжества Антиохийского. Речь, конечно же, идет об армянах-халкидонитах. Среди православных монастырей Черной горы, особо выделялся монастырь Пресвятой Богородицы Гранатового Плода (Панагия ту Родиу), основанный и заселенный исключительно армянами-халкидонитами. Об этом монастыре в достаточной мере регулярно вспоминают благодаря тому, что, начиная с 1084 г., там подвизался Никон Черногорец, бежавший в армяно-халкидонитскую обитель после разорения Лавры Св. Симеона Дивногольца⁴⁶⁷. Период существования обители Панагия ту Родиу можно отнести ко второй половине XI в. и, по крайней мере, к первой половине XII в. Помимо обособленной Богородичной обители Гранатового Плода, монахи из числа армян-халкидонитов также подвизались и в других православных монастырях северной Сирии и Черной горы XI-XIII вв., вливаясь в греческие, мелькитские и грузинские братии⁴⁶⁸. О том, что

⁴⁶⁶ Galterii Cancellarii. Op.cit. — II Bell., c.16, P. 131.

⁴⁶⁷ Joseph (Nasrallah). Un auteur antiochien du XIe siècle: Nikon de la Montagne Noire (vers 1025 — début du XIIe siècle) // Proche-Orient Chrétien. — 1969. — №19. — P. 150—162; Allison R. Regulations of Nikon of the Black Mountain // Byzantine Monastic Foundation Documents. — Dumbarton Oaks, 2000. — P. 425; Aerts W.J. Nikon of the Black Mountain... P. 126, 136.

⁴⁶⁸ Герд Л.А. Армяне и грузины в антиохийских монастырях XI в. (по «Тактикону» Никона Черногорца) // Русь и южные славяне. Сборник статей к 100-летию со дня рождения В.А. Мошина. — СПб.: 1998. — С. 198—203. Также, см. выше: С. 100—105.

армянские монахи-халкидониты были приняты в монастыри северной Сирии и подвизались, с дозволения Антиохийских Патриархов, в том числе и в Лавре Св. Симеона Дивногольца, пишет Никон Черногорец в своем послании Патриарху Иоанну Окситу⁴⁶⁹. То, что подобное, весьма заметное присутствие грузин и армян-халкидонитов в монастырях северной Сирии сохранялось на протяжении всего периода франкского правления, находит прямое подтверждение в латинских источниках. Так, Папа Григорий IX обращает отдельное послание к «греческим, армянским и грузинским аббатам и клирикам града Антиохии и ее епархии», датированное 26 июня 1238 г.⁴⁷⁰.

V. Православные обители графства Триполи

Монастыри горы Хаматура

Еще один центр православного монашества лежал в самом сердце Триполийского графства, на отрогах Ливанского хребта и в приморских долинах между Триполи и Батруном (франкским «Ботроном»). В четырех часах пешего пути от Триполи, над лежащем в узкой долине мелькитским поселением Кусба, возвышается гора Хаматура служившая прибежищем для нескольких православных монастырей, церквей и отшельнических скитов. Главной обителью Хаматуры был монастырь Пресвятой Богородицы. Предание возводит основание монастыря к V в., однако сохранившиеся археологические и письменные свидетельства позволяют проследить его существование лишь с X в. Монастырь был выстроен на крутом горном склоне, куда вела одна узкая тропа. Кафоликон обители, воздвигнутый в X в., представлял собой небольшой храм, фактически встроенный в естественную пещеру, открывавшуюся на склоне горы. В.И. Григорович-Барский, посетивший обитель во время своего паломничества, так описал ее соборную церковь: «храм Пресвятой Богородицы (...) создан в пещере каменной, и камень пещеры едва не всю покрывает церковь;

⁴⁶⁹ Марр Н.Я. Аркаун, монгольское название христиан в связи с вопросом об армянах-халкидонитах... С. 33.

⁴⁷⁰ Auvray L., ed. Les Registres de Grégoire IX. Vol. II. — N°4467, c.1098.

у нее три стены рукотворных, четвертая же естественная и Богом сотворенная от пещеры»⁴⁷¹. Неподалеку от Богородичной обители, на вершине горы Хаматура, находился еще один православный монастырь, освященный в честь Св. Великомученика Георгия. Обе обители описаны в «Житии...» св. Иакова Хаматурского — мелькитского иеромонаха, принявшего мученическую смерть от рук мамлюков на исходе XIII в. Согласно «Житию...» св. Иаков вначале подвизался в монастыре Пресвятой Богородицы, однако после того, как мамлюки разорили обитель, он получил убежище в соседнем монастыре Св. Георгия, где служил вплоть до нового мамлюкского разорения, во время которого он был взят в плен и доставлен в Триполи⁴⁷². Так, в эпоху правления триполийских франков, на горе Хаматура можно было найти по крайней мере два действующих православных монастыря, мелькитские братии которых вели относительно благополучное существование вплоть до мамлюкского завоевания 1289 г.

***Монастыри на сиро-ливанском побережье. Обители Св. Иакова
Рассеченного и Св. Иоанна Предтечи***

На одной из приморских скал, в непосредственных предместьях Триполи, над мелькитским селением Дидда, располагался монастырь Св. Иакова Рассеченного. Монастырь был основан мелькитскими монахами в начале XIII в., то есть как раз в период правления князя Антиохии-Триполи — Боэмунда IV Одноглазого. Избрание патронального святого монастыря — св. Иакова Персиянина позволяет, хоть и гипотетически, связать основание обители с монахами и мелькитскими переселенцами, пришедшими из внутренних областей Сирии, в частности — из города Кара, где располагался прославленный монастырь, освященный в честь этого же святого⁴⁷³. Кафоликон монастыря Св. Иакова в деревне Дидда представляет собой в достаточной мере просторный храм с тремя пределами, включающий часовню, освященную в честь Архангела Михаила. Из-за

⁴⁷¹ Григорович-Барский В.И. Указ. соч. — Часть II, С. 62. См. также: Betts R.B. *The Southern Portals of Byzantium...* P. 177.

⁴⁷² Текст «Жития Св. Иакова Хаматурского» доступен на официальном сайте монастыря Пресвятой Богородицы Хаматура, см. [Интернет-ресурс]: <http://www.hamatoura.com/>

⁴⁷³ Подробнее о мелькитском монастыре Св. Иакова Персиянина в городе Кара см. выше: Часть I, гл. 1, С. 100—105.

неоднократных разорений монастырь Св. Иакова подвергался достаточно ощутимой перестройке и реставрации, и вполне естественно, что от исконного убранства фактически ничего не осталось. Однако некоторые элементы архитектуры, в частности северная стена и своды, выдают постройку, типичную для церквей Латинского Востока. После падения графства Триполи монастырь Св. Иакова пришел в запустение, хотя кафоликон, очевидно, оставался действующим приходским храмом для местного мелькитского населения. Впоследствии он был возрожден как полноценный монастырь Антиохийского Патриархата⁴⁷⁴.

На землях одной из крупнейших сеньорий графства Триполи — сеньории Ботрона (Батруна), неподалеку от самого города, располагалось мелькитское поселение Дума, где стоял древний православный монастырь, освященный в честь Св. Иоанна Предтечи. Монастырь был основан в V в., на месте римского храма. Небольшой соборный храм монастыря, с его двумя пределами, сохранил некоторые архитектурные элементы, относящиеся к эпохе крестовых походов, в частности кресты на архитравах над церковными воротами и арочные своды, характерные для церквей Латинского Востока. Мелькиты Думы также сохраняли два древних, хоть и небольших приходских храма — Св. Артемия и Святого Света. Также, вероятно, что в эпоху франкского правления сохранялась еще и церковь Св. Сергия, ныне пребывающая в полностью разрушенном состоянии (сохранился лишь нижний ярус стен, позволяющий увидеть прежние очертания базилики).

Монастыри Аль-Куры. Богородичные обители Бкефтина и Кафтуну

Область Аль-Кура сохраняла несколько мелькитских монастырей. В поселении Бкефтин продолжал свое существование основанный еще в эпоху арабского правления монастырь Пресвятой

⁴⁷⁴ Меры по возрождению монастыря Св. Иакова Персиянина принимали в начале XVII в. Патриархи Иоаким IV и Игнатий III. Однако на рубеже XIX-XX в. монастырь вновь пришел в упадок из-за непомерных поборов и прямых нападений турецких войск. Обитель возродилась лишь в 1956 г., но уже как женский монастырь; восстановление монастыря было доверено Патриархом Александром III Таханом небольшой общине сестер-монахинь, во главе с игуменьей Ириной. Возрождение монастыря в начале XVII в. отмечено В.И. Григоровичем-Барским, посещавшим обитель в 1722—1744 гг. См. Григорович-Барский В.И. Указ. соч. — Часть II, С. 55—56. Подробнее, о монастыре Св. Иакова Расчеченного в поселении Дидда, см. Betts R.B. The Southern Portals of Byzantium... P. 81, 177.

Богородицы (ныне — монастырь Пресвятой Богородицы и Св. Георгия). Обитель эта была построена над погребальными пещерами, восходящими едва ли не к финикийскому периоду. Кафоликон монастыря представляет собой относительно небольшой храм с двумя приделами. Церковь по сей день сохраняет отдельные элементы, относящиеся к эпохе ранневизантийского, арабского и франкского правления. В их числе византийский крест, высеченный на архитраве над дверным проемом, фрагменты византийских колонн, а также капитель римской колонны, ныне обращенная в купель. Более того, церковь сохранила в своих приделах два византийских алтаря, на которых по сей день совершается Божественная литургия. В период франкского правления кафоликон монастыря был украшен фресковой росписью, от которой остались лишь небольшие раскрытые фрагменты, в частности — образ Богоматери Панахранты. Это, опять же, является важным признаком сохранения и определенного благоденствия как самого монастыря, так и примыкавшего к нему мелькитского поселения⁴⁷⁵.

К северо-востоку от Батруна и к югу от Амьюна находится горное мелькитское поселение Кафтун, где находятся монастырь Успения Пресвятой Богородицы и церковь Свв. Сергия и Вакха. Монастырь Успения был воздвигнут в V-VI вв. на склоне горы, близ реки Эльджауз. Основная часть построек обители, в том числе и небольших размеров однопрестольный кафоликон, относящийся к IX в., возвели на небольшой террасе, высеченной из алой известняковой скалы. Неподалеку от горного Успенского монастыря, на берегу реки Эльджауз, стоит трехнефная базилика VI в., освященная в честь Свв. Сергия и Вакха, ныне являющаяся церковью действующей православной обители⁴⁷⁶. Описание храмов Кафтун оставил В.И. Григорович-Барский, посещавший их в первой трети XVIII в. К этому времени монастырь Успения был «пуст и разорен и иноков обитающих в себе» не имел; только один священник из ближайшего поселения приходил сюда, чтобы совершать литургию в дни великих праздников. Храм

⁴⁷⁵ Подробнее см. вышеуказанный портал Баламандского университета. Также см. Betts R.B. *The Southern Portals of Byzantium...* P. 177.

⁴⁷⁶ Монастырь Успения Пресвятой Богородицы, так же как и церковь Свв. Сергия и Вакха, ныне являются действующими храмами Антиохийского Патриархата. См. Betts R.B. *The Southern Portals of Byzantium...* P. 177.

Пресвятой Богородицы (то есть кафоликон Успенского монастыря), по словам малороссийского путешественника, «при пещере горной создан (...) есть мал, но лепотен», и сохранил иконостас и церковные врата. Все прочие части монастырского комплекса пребывали в запустении. Что касается храма Свв. Сергия и Вакха, стоящего «при воде холодной и здоровой, при потоце великом», то он, по словам Григоровича, «велик и лепь строением», «зданием пространен и ветхостью многолетен, еще от времени святых отец в царство Греческое создан». Григорович-Барский видел украшавшие его мраморные колонны (не сохранившиеся поныне) и фресковую роспись, частью уже закопченную из-за арабских кочевников, использовавших храм для стоянки и разжигавших там костры⁴⁷⁷.

Между тем, под властью триполийских франков мелькиты Кафтуну явно переживали период благоденствия. На заре XIII в. церковь Свв. Сергия и Вакха была украшена великолепной фресковой росписью, о которой нам еще не раз предстоит вспомнить⁴⁷⁸. Призвание в Кафтун артели столичных византийских художников явно свидетельствует об экономическом и культурном процветании этого мелькитского поселения. Периодически выдвигаются предположения насчет того, что в эпоху франкского правления монастырь Успения Богоматери и церковь Свв. Сергия и Вакха перешли к маронитам и лишь в XIV в. были возвращены православным, — но подобное утверждение кажется крайне сомнительным. Можно предположить, что две сирийские Церкви претендовали на обитель Пресвятой Богородицы и что марониты, действительно, кратковременно занимали монастырь. Однако в отношении церкви Свв. Сергия и Вакха даже данное предположение кажется неприменимым; в эпоху существования графства Триполи храм, совершенно очевидно, оставался в руках мелькитской общины. Именно в период франкского правления, в начале XIII в., церкви были расписаны византийскими мастерами, прибывшими из европейских провинций Ромейской державы. Можно, конечно же, предположить, что они могли бы работать и для заказчиков-маронитов, однако это опровергает «подчеркнуто византийская» программа росписи, соответствующая традиции и богословским

⁴⁷⁷ Григорович-Барский В.И. Указ. соч. — Часть II, С. 61.

⁴⁷⁸ Подробнее см. ниже: С. 100—105. Также см. Часть IV, гл. 2, С. 100—105; гл. 3, С. 100—105.

и эстетическим потребностям православного храма⁴⁷⁹. Не менее значимым свидетельством православного присутствия в церкви служат и надписи, частью — арабские, частью — греческие, частью — сирийские, исполненные халкидонским шрифтом⁴⁸⁰.

Монастырь Св. Георгия аль-Хумайра

На северо-восточных рубежах графства Триполи, к северу от знаменитого замка Крак де Шевалье, на землях, с 1144 г. подвластных госпитальерам, располагался знаменитый православный монастырь Св. Георгия аль-Хумайра, окруженный несколькими мелькитскими поселениями⁴⁸¹. Основание монастыря, как уже было сказано выше, местное предание приписывает императору Юстиниану I Великому⁴⁸². Монастырь этот получил широкую известность на Ближнем Востоке как место, привлекавшее многотысячные толпы паломников — как христиан, так и мусульман (в особенности — алавитов) — стекавшихся для почитания Св. Георгия «Аль-Ходра»⁴⁸³. Как повествует посещавший обитель в 1728 г. В.И. Григорович-Барский, «не только

⁴⁷⁹ Ter Haar Romeny B., Atto N., Van Ginkel J.J., Immerzeel M., Snelders B. The Formation of a Communal Identity among West Syrian Christians: Results and Conclusions of the Leiden Project // *Religious Origins of Nations?*. — Leiden, 2010. — P. 32.

⁴⁸⁰ Elias (Khalifeh). A Project on the Antiochian Chalcedonian Orthodox Manuscripts: Syriac, Arabic, CPA and Greek // *Parole de l'Orient: revue semestrielle des études syriaques et arabes chrétiennes recherches orientales: revue d'études et de recherches sur les églises de langue syriaque*. — 2006. -Vol.31. — P. 1. Проблема общих притязаний мелькитов и маронитов на церкви Кафтуна посвящена отдельная работа Р. Муавада. См. Mouawad R. *Les Mystérieux Monastères de Kaftun au Liban à l'Époque Médiévale (XIIe-XIIIe siècles): Maronite et/puis Melkite?* // *Tempora*. — 2001. — №12—13.

⁴⁸¹ Монастырь Св. Георгия аль-Хумайра стоит на полпути между Хомсом и приморским Тартусом. В.И. Григорович-Барский отмечает, что расстояние от Триполи до монастыря Св. Георгия составляет полтора дня пути. См. Григорович-Барский В.И. Указ. соч. — Часть II, С. 105. К северу от монастыря Св. Георгия находится мелькитская деревня ан-Насира, к северо-западу — деревня Мармарита, к югу — аль-Хаваш. Все эти мелькитские деревни, расположенные в «долине христиан» (Вади аль-Насара), существуют и поныне. См. Betts R.B. *The Southern Portals of Byzantium...* — P. 82—83.

⁴⁸² Подробнее см. выше: Часть I, гл. 1, С. 100—105.

⁴⁸³ То, что в эпоху османского правления монастырь Св. Георгия существовал во многом благодаря почитанию и пожертвованиям алавитов (или «ансариев»), отмечал в своем исследовании К.М. Базили. См. Базили К.М. Указ. соч. — С. 437, 445.

христиане, но более магометане от турок, арабов, туркменов, от французов же и англичан, и армян, и сириан, и от всех народов приходят туда на поклонение и исцеление получают в различных немощах от св. великомученика Христова Георгия»⁴⁸⁴. Справляемое у стен монастыря празднование памяти Св. Георгия (6 мая) и Крестовоздвижения (14 сентября) — славились как одни из наиболее шумных и многолюдных празднеств в Сирии.

Первоначально монастырь Св. Георгия представлял собой ранне-византийскую пещерную обитель, однако в последующие века был перестроен и превращен в четырехъярусный монастырский комплекс, обнесенный мощными крепостными стенами. Значительная часть монастырских построек восходит как раз к эпохе франкского господства. Старый кафоликон (ныне — нижний монастырский храм), так же как и весь второй ярус монастыря, был воздвигнут в XII–XIII вв. Возведенный при франках кафоликон представляет собой однефную базилику, поддержанную тремя сводами. На полу в восточной части нефа, близ алтаря, сохранились значительные фрагменты прежнего мозаичного убранства⁴⁸⁵. При столь оживленном строительстве, протекавшем в эпоху франкского правления, до нас не дошло каких-либо упоминаний о том, чтобы монастырь Св. Георгия страдал бы от посягательств латинского клира⁴⁸⁶. Обитель в принципе не упоминается в латинских источниках, хотя то, что франки должны были установить некую форму общения с братией не вызывает

⁴⁸⁴ Григорович-Барский В.И. Указ. соч. — Часть II, С. 104. Кстати говоря, Григорович-Барский ошибочно полагает, что монастырь был основан (а не перестроен или восстановлен) Патриархом Афанасием II Даббасом в начале XVIII в.

⁴⁸⁵ Подробнее об архитектуре монастыря Св. Георгия аль-Хумайра см. Slim S., ed. *Monasteries of Antiochian Orthodox Patriarchate*. — University of Balamand Publications, 2007. Цитата приведена по английскому переводу книги, см. интернет-ресурс: *The Greek Orthodox Patriarchate of Antioch and all the East* [Официальный сайт]. URL: <http://antiochpatriarchate.org/en/page/146/>

⁴⁸⁶ Д. Николл, в своей книге, посвященной ордену госпитальеров, пишет о том, что когда Крак де Шевалье «и окрестные земли были завоеваны мамлюками, султан Бейбарс вернул монастырь местным, православным христианам». См. Nicolle D. *The Knights of Jerusalem. The Crusading Order of Hospitallers 1100–1565*. — Oxford, 2008. — Р. 57. Однако Николл не дает ссылок на источники, не уточняет, что имеется в виду под «возвращением» обители православным — то, что там до этого были латиняне, или то, что Бейбарс, вопреки своему обыкновению, отозвал свои войска, не стал разорять обитель и вернуть ее местным христианам?

сомнений — обитель и окружавшие ее мелькитские селения все же находились в прямой зависимости от Крака де Шевалье⁴⁸⁷. Оживленная строительная деятельность, проходившая в обители в XII-XIII вв., отсутствие упоминаний о посягательствах или злоупотреблениях латинян, а также тот факт, что монастырь не был разграблен мамлюками при падении Крака (1271 г.) — неопровержимо свидетельствуют о том, что в эпоху франкского правления монастырь Св. Георгия аль-Хумайра принадлежал мелькитской братии, и находился в неприкосновенности и даже определенном благоденствии.

VI. Паломничества франков к православным монастырям на землях сарацин

Франки не только с подчеркнутым уважением относились к обителям «греков» и «сириан» на своих землях, но и совершали паломничества в некоторые православные монастыри, лежавшие в пределах, подвластных сарацинам.

Монастырь Св. Екатерины на Синае

Хорошо известно то искреннее почитание, которое франки Заморской земли выказывали монастырю Св. Екатерины на Синае. Франки периодически совершали дальние и опасные путешествия к Синайским святыням. К примеру, в 1160-х гг. Синайский монастырь посетил сеньор Трансиордании и будущий магистр ордена тамплиеров — Филипп де Милли, получивший в дар от игумена обители десницу Св. Екатерины на Синае⁴⁸⁸. Франки воспринимали

⁴⁸⁷ К подобному выводу приходит и С. Слим. в своей работе, посвященной монастырям Антиохийского Патриархата, когда утверждает, что «между монастырем и Краком де Шевалье должны были быть установлены определенного рода контакты». См. Slim S., ed. *Monasteries of Antiochian Orthodox Patriarchate*. — University of Balamand Publications, 2007. Цитата приведена по английскому переводу книги, см. интернет-ресурс: *The Greek Orthodox Patriarchate of Antioch and all the East* [Официальный сайт]. URL: <http://antiochpatriarchate.org/en/page/146/>

⁴⁸⁸ Hamilton B. *The Latin Church in the Crusader States...* с.7, Р. 169. Игуменом и Архиепископом Синайским, передавшим десницу Св. Екатерины Филиппу де Милли, был,

православного Архиепископа Синайского и Раифского в числе полноправных епископов собственного, Латинского Иерусалимского Патриархата⁴⁸⁹. Монастырь Св. Екатерины держал обширные земельные владения и подворья в пределах Латинского Востока; в королевстве Иерусалимском — дома и земли в Яффе и Акре, мельницы, виноградники и оливковые рощи в сеньории Трансиордании (близ замка Монреаль), госпиталь Св. Моисея в Иерусалиме; в княжестве Антиохийском — дома и хлебопекарню в Антиохии, касали близ Латакии, а также лаодикийский госпиталь Св. Димитрия (об этом мы уже писали выше). Даже когда, после Четвертого крестового похода, венецианские завоеватели Крита конфисковали островные владения монастыря Св. Екатерины, Архиепископу Симеону IV Синайскому достаточно было направить жалобу Папе Гонорию III, чтобы тот строжайше запретил представителям Светлейшей республики Св. Марка посягать на собственность православной обители (1216 г.)⁴⁹⁰. В самом монастыре Св. Екатерины на Синае в XII–XIII вв. была возведена обособленная церковь для нужд латинских паломников, известная как «франкская капелла Св. Екатерины»⁴⁹¹. Латинские художники были допущены и в иконописную мастерскую Синайского монастыря, где работали бок о бок с греками. К числу произведений, созданных латинскими мастерами на Синае, относятся иконы Богородицы с Младенцем и Распятия (первой половины XIII в.), Воскресения — Сошествия во Ад (второй половины XIII в.), а также, вероятно, эпистилий с изображением Двенадесятих Праздников (1260 г.) созданный либо венецианцем, либо вос-

если отталкиваться от синайских диптихов, либо Иоанн XV (упоминаемый в 1164 г.), либо Петр III (занимавший кафедру ок. 1166—1176 гг.).

⁴⁸⁹ Жак де Витри упоминает в числе епископов Латинского Иерусалимского Патриархата «греческого епископа Синая» (фигурировавшего в числе суффраганов архиепископа Петры). См. Jacques de Vitry. *Op.cit.* — с.56, P. 95; Hamilton B. *The Latin Church in the Crusader States...* с.7, P. 182.

⁴⁹⁰ Текст послания Папы Гонория III, с перечислением собственности монастыря Св. Екатерины, см. Röhrich R., ed. *Regesta Regni Hierosolymitani...* — №897, P. 240—241. В послании Папы Гонория III также перечисляются владения монастыря Св. Екатерины на Синайском полуострове и в Египте, а также в Александрии и Дамаске. Так, в Александрии монастырю Св. Екатерины принадлежала церковь Св. Архангела Михаила, а в Дамаске — церковь Св. Георгия.

⁴⁹¹ Folda J. *Crusader Art in the Holy Land. From the Third Crusade to the Fall of Acre, 1187—1291...* — P. 318, 323.

точным художником близким венецианскому кругу мастеров Латинского Востока⁴⁹².

Сайданая

Пользуясь периодами длительных перемирий с сарацинами, латинские христиане совершали паломничества и к святыням Сайданай, в особенности — к чудотворной иконе, хранимой греческими и сирийскими монахами (и монахинями) в обители Пресвятой Богородицы⁴⁹³. Согласно тексту одного из Продолжателей Гильома Тирского: «Близ города Дамаска стоит гора, на которой воздвигнута церковь Владычицы Нашей, Пресвятой Марии Горной, как ее именуют. В этой церкви служат двенадцать монахинь и восемь монахов. Место это именуются Сарденай; некоторые же называют его местом Богоматери Сарденайской. В этой хранится деревянная скрижаль, длиной в локоть и шириной в половину локтя. На этой скрижали вырезан образ Владычицы Нашей, Богоматери. Масло, благоухающее слаще бальзама, истекает из этой иконы, и многие болящие помазывают себя этим миром и получают от него исцеление. При этом, сколько бы мира ни брали, его количество не иссякает. Все сарацины в округе приходили в эту церковь в день Пресвятой Девы в середине августа и в сентябре и молились там, поклонялись и возносили жертвы»⁴⁹⁴. Сходное описание оставляет и Людольф Сухемский, посещавший обитель уже в следующем, XIV столетии: «На (...) скалистой горе, именуемой Сейр или Сарденай, возведен красивый монастырь в честь Пресвятой Девы Марии; воздвигнут он на скале, в неприступном месте, огражден с каждой стороны невероятно крепкими стенами, словно замок, и населен греческими монахами и монахи-

⁴⁹² Все вышеперечисленные ныне хранятся в пинакотеке монастыря Св. Екатерины на Синае. Подробнее см. Попова О.С. Пути византийского искусства. — М.: Гамма-пресс, 2013. — С. 348—352; Folda J. Crusader Art in the Holy Land. From the Third Crusade to the Fall of Acre, 1187—1291... — P. 318—324.

⁴⁹³ Подробнее об обители Пресвятой Богородицы и прочих православных монастырях Сайданай см. выше: Часть I, гл. 1, С. 100—105.

⁴⁹⁴ Continuation de Guillaume de Tyr, de 1229 a 1261, dite du Manuscrit de Rothelin... c.11, P. 513—514; Shirley J., ed. & trans. Crusader Syria in the Thirteenth Century. The Rothelin Continuation of the History of William of Tyre... c.11, P. 28.

нями. В самом монастыре, на месте, где Авраам собирался принести в жертву Исаака, стоит прекрасная церковь, в которой, за алтарем, под полукруглой аркой в стене (апсиде. — С. Б.) — поясной образ Богоматери, кормящей Младенца, написанный на деревянной доске и закрытый железной решеткой. Но изображение настолько почернело от времени и поцелуев, что едва ли можно различить саму фигуру; ныне виднеется лишь немного алого цвета одежд. Тем не менее, через этот образ Господь свершил множеством благословений, чудес и деяний милосердия»⁴⁹⁵.

Истории о чудотворной, источавшей целебное миро Сайданайской иконе Богоматери вошли в число наиболее распространенных и популярных латинских сказаний о святых христианского Востока⁴⁹⁶. Готье де Кюэнси включает историю о мироточивой иконе Сайданаи в свой сборник «Чудес Божией Матери»⁴⁹⁷. Альбери де Труа-Фонтен, в конце своей хроники, сходным образом пишет о Сайданайской обители и ее чудотворной иконе, отмечая при этом, что монастыри Сайданаи и Св. Екатерины на Синае «чудесным образом сами себя защищали», непрерывно находясь под властью сарацин⁴⁹⁸. Германский пилигрим — магистр Титмар, во время своего паломничества в 1217 г., посетил Дамаск, дивясь «множеству христианских церквей» этого города, а также монастырь Сайданаи. Он оставил подробнейшее описание Сайданайской обители и ее чудотворной иконы, в том числе истечение целебного мира из груди Богоматери⁴⁹⁹. Ярослав

⁴⁹⁵ Ludolph von Suchem. Description of the Holy Land and of the Way Thither // PPTS. — London, 1895. — P. 132.

⁴⁹⁶ Монастырю Сайданаи и чудотворной иконе Богоматери в латинских текстах и сказаниях XIII–XIV вв. посвящен ряд работ, среди которых: Kedar B.Z. Convergences of Oriental Orthodox Christian, Muslim and Frankish Worshipers: The Case of Saidnaya // De Sion exhibit lex et verbum domini de Hierusalem: Essays on Medieval Law, Liturgy and Literature in Honour of Amnon Linder. — Brepols, 2001. — P. 59–69; Baraz D. The incarnated icon of Saidnaya goes West. A re-examination of the motif in the light of new manuscript evidence // Le Muséon. — 1995. — №108. — P. 181–191; Bacci M. A Sacred Space for a Holy Icon: The Shrine of Our Lady of Saydnaya // Иеротопия. Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси. Сборник под редакцией А.М. Лидова. М., «Прогресс-традиция», 2006. — P. 373–387.

⁴⁹⁷ Gautier de Coincy. Les Miracles de Nostre Dame. — Geneva, 1970. — P. 378–411.

⁴⁹⁸ Alberic de Trois-Fontaines. Op.cit. — P. 936.

⁴⁹⁹ Thietmar. Magister Thietmari Peregrinatio. — Hamburg, 1857. — P. 13–18.

Фолда отмечает, что описание обители Сайданаи и ее иконы — это самое пространное описание во всей книге Титмара, уступающие, по количеству текста, лишь описанию монастыря Св. Екатерины на Синае⁵⁰⁰. Магистр Титмар приводит истории и о том, как через миро, источенное Сайданайской иконой, Господь подавал облегчение страданий и освобождение плененным сарацинами крестоносцам⁵⁰¹.

Подобные сказания, бесспорно, привлекали к обители все новые и новые группы латинских паломников. Особым масштабом отличалось паломничество нескольких тысяч латинских христиан, посетивших Сайданаю во главе с епископом Бенедиктом Марсельским после заключения мирного договора между крестоносцами короля Тибо Наваррского и султана Аль-Адиля II (1240 г.)⁵⁰². Особые отношения с Сайданайской обителью установили тамплиеры. Братья-рыцари ордена тамплиеров регулярно совершали паломничества в Сайданаю, откуда вывозили миро, источенное чудотворной иконой Богородицы. По словам Матфея Парижского, «это миро, во времена перемирия с неверными, братья Храма вывозят в свои дома, где раздают паломникам, приходящим на молитву»⁵⁰³. История Сайданайской обители служит важнейшим примером латинского почитания православных обителей Востока и определенной открытости православных общин Леванта к диалогу и общению с латинянами.

VII. Православные иерархи на землях франкской Сирии

Невзирая на постоянные контакты, латинские и византийские христиане вели, во многом, раздельное существование, столь свойственное этноконфессиональным общинам Ближнего Востока. Внутренняя автономия создавала условия и для все большего взаимного отчуждения, тем более в связи с нараставшим церковным противостоянием Константинополя и Рима. И очевидно, что латинские

⁵⁰⁰ Folda J. *Crusader Art in the Holy Land. From the Third Crusade to the Fall of Acre, 1187—1291...* — P. 122.

⁵⁰¹ Thietmar. *Op.cit.* — P. 17—18.

⁵⁰² Folda J. *Crusader Art in the Holy Land. From the Third Crusade to the Fall of Acre, 1187—1291...* — P. 176, 603 (№316).

⁵⁰³ Matthaeei Parisiensis. *Chronica Majora.* — London, 1874. — P. 487.

иерархи отлично осознавали эти центробежные устремления, что вынуждало их часто прибегать к введению викарных епископов для греческих и мелькитских общин, избранных из числа православного клира.

*Мелькитские иерархи Иерусалимского королевства. Митрополиты
Иоанн Тирский и Савва Кесарийский*

В Иерусалиме с первых дней существования королевства и латинского патриархата, франки позволяли греческим и мелькитским архиереям окормлять православную паству — естественно, не как полноправным, независимым иерархам, но как викариям правящих латинских прелатов. Утверждение латинского Иерусалимского Патриархата отнюдь не привело к исходу мелькитского епископата. Напротив, число упоминаний о пребывании мелькитских архиереев в Палестине явно возрастает с установлением франкского правления, в особенности в сравнении с эпохой тюркского и фатимидского господства. Как справедливо указывает К. МакЭвитт, «после крестоносных завоеваний, в Палестине появилось большее число мелькитских епископов, чем в предшествующие полвека»⁵⁰⁴.

Бернард Гамильтон, в своих исследованиях по истории Церкви в пределах Латинского Востока, обращает особое внимание на историю двух православных архиереев первой четверти XII в., последовательно перемещавшихся из пределов Иерусалимского королевства в Константинополь и выдвигавших притязания на патриарший престол Иерусалима. Речь идет о митрополите Иоанне Тирском и об архиепископе Савве Кесарийском. В начале XII в. митрополит Иоанн Тирский — первый по чести православный архиерей Антиохийского престола — принужден был покинуть свою кафедру, вероятно спасаясь от все учащавшихся вспышек антихристианской агрессии, имевших место в подвластных фатимидам приморских городах Леванта. Иоанн перебрался в столицу Иерусалимского королевства, где принял архипастырскую опеку над греческими, мелькитскими и грузинскими общинами Святого града. Разумеется, что подобное архиерейское служение на франкских

⁵⁰⁴ MacEvitt C. The Crusades and the Christian World of the East... c.4, P. 112.

землях митрополит Иоанн мог нести только с ведома и разрешения короля Бодуэна I Иерусалимского и Патриарха Эремара, и исключительно на правах викария латинского Патриарха. Этот опыт пастырского служения среди православных Иерусалима и Вифлеема, очевидно, привел митрополита Иоанна к решению покинуть пределы франкского королевства и, не примиряясь более с ролью викария латинского Патриарха, заявить о собственных правах на патриарший престол Иерусалима. Около 1107 г. митрополит Иоанн отбыл в Константинополь, где выдвинул перед императором Алексеем I Комниным и Вселенским Патриархом Николаем III Грамматиком собственные притязания на Иерусалимский престол. Права Иоанна были признаны, и бывший тирский митрополит до конца своих дней оставался в Константинополе, пользуясь правами и доходами титулярного православного Патриарха Иерусалимского; в диптихах он чаще всего фигурирует как «Иоанн VIII»⁵⁰⁵. Спустя десять лет на подобный же шаг пошел мелькитский архиепископ Кесарии — Савва, сходным образом опекавший православные церкви и монастыри Иерусалима на правах викария латинского Патриарха Арнульфа де Шоке. В 1117 г. он прибыл в Константинополь, где заявил о своих правах и был утвержден василевсом Алексеем I и Вселенским Патриархом Иоанном IX Агапитом в сане Патриарха Иерусалимского⁵⁰⁶; также Патриарху Савве Иерусалимскому были предоставлены и доходы, необходимые для поддержания его положения и достоинства. Так, бывший мелькитский архиепископ Кесарийский, так же как и его предшественник Иоанн VII, предпочел титулярное Иерусалимское патриаршество с местом пребывания в Константинополе служению патриаршего викария на землях франков⁵⁰⁷. Тем не менее, мелькитские архие-

⁵⁰⁵ Hamilton B. The Latin Church in the Crusader States... c.7, P. 179—180; Grumel V. Les registres des actes du Patriarcat de Constantinople. Les actes des patriarches III. Les registres de 1043 à 1206... №986.

⁵⁰⁶ Это позволяет утверждать, что к 1117 г. Патриарх Иоанн VII Иерусалимский уже скончался.

⁵⁰⁷ Hamilton B. The Latin Church in the Crusader States... c.7, P. 180; Grumel V. Les registres des actes du Patriarcat de Constantinople. Les actes des patriarches III. Les registres de 1043 à 1206... №1004. На историю этих двух архиепеев — Иоанна Тирского и Саввы Кесарийского, вслед за Б. Гамильтоном, обращает внимание и К. МакЭвитт. См. MacEvitt C. The Crusades and the Christian World of the East... c.4, P. 112.

реи продолжали совершать свое служение в пределах королевства Иерусалимского, окормляя общины «греков и сириан».

Мелетий — архиепископ Газы и Элевтерополя

Наиболее примечательным среди этих мелькитских викариев и суффраганов латинского Иерусалимского Патриархата кажется архиепископ Мелетий Газский. В начале 1160-х гг., на заре правления короля Амори I Иерусалимского, Мелетий был игуменом палестинской Лавры Св. Саввы Освященного, обители, которая традиционно пользовалась особым покровительством королей Иерусалима⁵⁰⁸. В качестве игумена Лавры Св. Саввы, Мелетий упоминается в 1163 г., в хартии Храма Гроба Господня, капитулу которого он продал три гастины вместе с вилланами⁵⁰⁹. Спустя менее чем десять лет Мелетий был возведен в сан архиепископа Газы и Элевтерополя. В хартии, датированной 1174 г., Мелетий предстает уже как «архиепископ греков и сириан в Газе и Элефтерополе» и собрат (*confrater*) ордена госпитальеров. Очевидно, что, став архиепископом Газы, Мелетий сохранил связи с лаврой Св. Саввы, т. к. в тексте хартии магистр ордена госпитальеров — Жобер передавал Мелетию и братии лавры монастырь Св. Георгия в Бетгибелине⁵¹⁰. В лице архиепископа Мелетия мы видим не только викария латинского Иерусалимского Патриархата, опекавшего «греков и сириан», но мелькитского архиерея, ставшего «собратом» (*confrater*) франкского военно-монашеского ордена⁵¹¹.

⁵⁰⁸ См. выше: С. 100—105.

⁵⁰⁹ De Roziere E., ed. *Cartulaire de l'Eglise du Saint-Sepulchre...* — №140, Р. 256. Об этой сделке мы уже упоминали выше, см. С. 100—105. Также текст данной хартии приведен в Bresc-Bautier G., ed. *La Cartulaire de chapitre du Saint-Sepulchre de Jerusalem.* — Paris, 1984. — Р. 259—260.

⁵¹⁰ Текст хартии орден госпитальеров, в которой магистр Жобер передает архиепископу Мелетию монастырь Св. Георгия в Бетгибелине, см. Delaville le Roulx J., ed. *Cartulaire général de l'Ordre des Hospitaliers...* — Vol. I., №443, Р. 305—306.

⁵¹¹ Краткая биография Мелетия Газского (с ссылкой на хартии, в которых он упоминается в качестве участника или свидетеля), изложена в монографии Андрея Жотицкого. См. Jotischky A. *The Perfection of Solitude. Hermits and Monks in the Crusader States...* — Р. 85. Также ее приводит и МакЭвитт, см. MacEvitt C. *The Crusades and the Christian World of the East...* c.4, Р. 112—114.

**Епископы-сириане в «антиохийских» епархиях
Иерусалимского королевства**

Мелькитские архиереи, пребывавшие на землях Иерусалимского королевства, упоминаются не только в Газе, но и в Кесарии, Тивериаде, Лидде, а также в двух епархиях православного Антиохийского Патриархата, подвластных иерусалимским франкам, а именно — в Тире и Сидоне⁵¹². Очевидно, что мелькитские митрополиты Тира смогли установить относительно гармоничную форму сосуществования с франками; признавая номинальное главенство латинского архиепископа, они получили право на постоянное в своем кафедральном граде, где возглавляли церкви «греков и сириан» и владели собственным кафедральным собором — Греческой церковью Пресвятой Богоматери. Сохранилось несколько упоминаний о православных митрополитах Тира, относящихся к XII-XIII вв. Помимо вышеупомянутого митрополита Иоанна, ставшего около 1107 г. православным Патриархом Иерусалима, также сохранились свидетельства о митрополите Данииле, занимавшем кафедру около 1175 г. и пребывавшем некоторое время в Константинополе, и о митрополите Кирилле, избранном около 1287 г. на Антиохийский патриарший престол⁵¹³. В Сидоне же, в конце XII в., мелькитским епископом был Павел Антиохийский (Булус ар-Рахиб), о котором нам предстоит еще говорить в связи с рассмотрением интеллектуальной жизни и культуры франкской Сирии⁵¹⁴. Архиепископ Синайский, как уже было сказано выше, также воспринимался франками как епископ латинского Иерусалимского Патриархата — и при этом, как правящий архипастырь, а не викарий.

**Викарии для «греков и сириан» на территории
латинского Антиохийского Патриархата**

В пределах собственно латинского Антиохийского Патриархата положение мелькитского епископата до XIII в. было совершенно

⁵¹² О мелькитских епископах Тивериады и Лидды, см. монографию МакЭвитта: MacEvitt C. The Crusades and the Christian World of the East... с.4, Р. 112, 211.

⁵¹³ О митрополите Данииле Тирском, см. Laurent V. Le Corpus des sceaux de l'empire byzantin Tome V (vol.2). — №1532; Zacos G. Byzantine Lead Seals II. — №441. Также см. выше: Часть I, гл. 1, С. 100—105. О митрополите Кирилле см. ниже: Часть IV, гл. 3, С. 100—105.

⁵¹⁴ См. ниже: С. 100—105.

иным. Если на землях Иерусалимского королевства установление франкского правления было сопряжено с восстановлением многих мелькитских архиереев (пусть и на правах викариев), то в северо-сирийских государствах крестоносцев, и в особенности в княжестве Антиохийском, не наблюдалось ничего подобного. Архиереи, покинувшие северо-сирийские и киликийские епархии в период сельджукских завоеваний, не смогли вернуться в подвластные франкам города, т. к. их кафедры были заняты латинскими прелатами. Если кто-либо из византийских архиереев и застал утверждение крестоносцев, то он принужден был покинуть пределы Антиохийского княжества вместе с Патриархом Иоанном V Окситом. Противоборство между Антиохией и Ромейской державой приводило к тому, что антиохийские франки взирали на греческих архиереев как на агентов влияния Византии. Следовательно, до начала XIII в. невозможно говорить о сколь-либо значимом присутствии греческого или мелькитского епископата на землях латинского Патриархата Антиохии. Исключение здесь составляет лишь кратковременное пребывание в Антиохии Патриархов Иоанна V Оксита (1098—1100 гг.) и Афанасия I Манасси (1165—1170 гг.).

Если же говорить о викарных архиереях из числа «греков и сириан» в составе латинского Антиохийского Патриархата, то их присутствие можно четко проследить лишь в Тартусе. Сохранилась хартия, датированная 1267 г., в которой латинский епископ Тортосы Гильом III назначал мелькитских викарных епископов, которые должны были окормлять приходы «греков и других народов» в его епархии. При этом, епископ Гильом обращался к братьям ордена госпитальеров с просьбой проследить за тем, чтобы каждый греческий и мелькитский «архиепископ, епископ, аббат и клирик», пребывающей на землях Тортосской епархии, признавал каноническую власть латинского епископа⁵¹⁵. Возможно также, что со второй половины XII в. подобные викарии для греков и мелькитов появились в Латакии⁵¹⁶. Доподлинно известно, что пра-

⁵¹⁵ Латинский текст хартии, см. Delaville le Roulx J., ed. *Cartulaire...* — Vol. III., №3282. Цит. по: Hamilton B. *The Latin Church in the Crusader States...* — с.13, P. 359—360.

⁵¹⁶ Авторы Магдебургских центурий пишут о том, что пресвитер Сала одержал верх в своем многолетнем противостоянии с епископом Жераром Назаретским, добившись введения в Латакию православного архиерея. Это может, с одной стороны, толковаться как утверждение в Латакии византийского иерарха вместо латинского прелата, связанное с установлением византийского сюзеренитета над Антиохией. К

вославные епископы пребывали в XIII в. в Триполи, однако, поскольку это столетие уже было эпохой сосуществования двух патриарших иерархий в пределах княжества Антиохии-Триполи, невозможно говорить о том, в какой зависимости эти мелькитские архиереи находились от местной латинской иерархии. Забегая вперед, укажем, что расположенность иерусалимских франков к поставлению «византийских» викариев и сдержанность в этом вопросе франков Антиохии, наблюдаемая в XII в., не оставила и следа в последующем столетии. В XIII в. именно Антиохии и Триполи суждено было стать тем регионом Заморской земли, где латиняне вольнее всего смотрели на утверждение не просто викарной, но полноправной параллельной иерархии «греков».

VIII. Просвещение и богословие

Практически полное отсутствие викарных архиереев для «греков и сириан» в пределах латинского Антиохийского Патриархата в XII в. не стало преградой для экономического и культурного процветания греческих, мелькитских, грузинских и армяно-халкидонитских общин. Как отмечает Каэн, православные монастыри латинского Антиохийского Патриархата, в особенности обители Черной горы, оставались «важными центрами интеллектуальной жизни христиан, находившихся под властью франков»⁵¹⁷. Благодаря решению Боэмунда I Антиохийского оградить восточно-христианские обители от латинизации, свой век в монастырях северной Сирии смогли благополучно дожить такие столпы монашеского просвещения, как св. Ефрем Мцире и Никон Черногорец⁵¹⁸. Их последователи и ученики смогли про-

подобной трактовке склоняется А. Жотицкий. См. Jotischky A. The Frankish encounter with the Greek Orthodox in the Crusader States. The case of Gerard of Nazareth and Mary Magdalene... P. 110—111. Или же, на наш взгляд, речь может идти о том, что зависимые от императора Мануила князь Рено и Патриарх Амори пошли на введение в Латакии особого архиерея для «греков и сириан», номинально покорного латинскому Патриарху и существенно ограничившего права латинского епископа города, то есть Жерара.

⁵¹⁷ Cahen C. La Syrie du Nord... P. 570. Этот тезис, впервые озвученный Каэном, также принимает и приводит С. Эджингтон. См. Edgington S.B. Antioch: Medieval City of Culture // East and West in the Medieval Eastern Mediterranean. Antioch from the Byzantine Reconquest until the End of the Crusader Principality. — Leuven, 2006. — P. 255.

⁵¹⁸ Касательно Никона Черногорца существуют некоторые разночтения, т. к. не все исследователи согласны с тем, что он застал и пережил Первый крестовый поход. К

должить свое служение в древних обителях, находившихся под властью и защитой франкских князей.

Скриптории и библиотеки православных монастырей Антиохийского княжества

В библиотеках и скрипториях монастырей Антиохийского княжества — Лавры Св. Симеона Дивногольца, черногорских монастырей Св. Пророка Илии и Пресвятой Богородицы над Гаванью Россы, Св. Григория Богослова в Бетиасе, Богоматери Джараджима, в антиохийских обителях Св. Арсения и Св. Дометияна (не говоря уже о латинской обители Св. Павла) — продолжалась активная работа по изучению, составлению, копированию и переводу литургических, богословских и исторических текстов⁵¹⁹. Библиотеки монастырей северной Сирии продол-

примеру В. Дж. Аертс, в своей работе «Никон Черногорец — свидетель Первого крестового похода?» крайне сдержан в своих выводах, несмотря на достаточные весомые текстологические свидетельства и упоминания о франках в сочинениях Никона. См. Aerts W.J. *Nikon of the Black Mountain, Witness to the First Crusade...* P. 125—139. В то же самое время Роберт Аллисон, в своем переводе и комментарии к Типикону Никона Черногорца, опубликованном в составе одного из сборников Дамбартон Оукс, относит и кончину Никона, и даже написание «Тактикона», к первому десятилетию XII в. См. Allison R. *Typikon of Nikon of the Black Mountain for the Monastery and Hospice of the Mother of God tou Roidiou...* P. 425. Жозеф Насралла утверждает, что Никон, вне всякого сомнения, пережил Первый крестовый поход и установление франкского господства, о чем свидетельствуют упоминания о франках, об их «войне, которая уже ведется и победитель которой, возможно, уже известен», а также о восстановлении Лавры Св. Симеона Дивногольца. См. Joseph (Nasrallah). *Un auteur antiochien du XIe siècle: Nicon de la Montagne Noire...* P. 151—152. Цит. см.: Grumel V. *Nicon de la Montagne Noire et Jean IV (V) l'Oxite: remarques chronologiques // Revue des études byzantines.* — 1963. — №21. — P. 271. Упоминание о правилах принятия в монастырях франков, приведенное в «Тактиконе», также может свидетельствовать в пользу того, что Никон пережил прибытие Первого крестового похода и основание княжества Антиохийского. Хотя здесь можно привести и контраргумент: слова Никона могут относиться и к латинским паломникам, итальянским купцам и франко-нормандским наемным контингентам, наводнившим северную Сирию во второй половине XI в., о чем см. выше: Часть I, гл. 3, С. 100—105.

⁵¹⁹ Еще раз напомним, что в X-XI вв. Антиохия и окружавшие ее монастыри служили важнейшими переводческими центрами на христианском Востоке. С одной стороны, в период второго византийского правления был осуществлен колоссальный пласт переводов греческих и сирийских литургических и богословских текстов на арабский, осуществленный антиохийским диаконом Абдаллахом ибн аль-Фадлом, игуменом Лавры Св. Симеона — Аввой Антонию и их последователями. С не меньшим усердием

жали пополняться рукописями и книгами. Достаточно взглянуть на те небольшие фрагменты информации, которые повествуют об уничтоженной мамлюками библиотеке Лавры Св. Симеона Дивногольца. Мелькитские (арабские и сирийские рукописи), некогда переписанные в Лавре Св. Симеона, ныне хранятся в библиотеках Синая и Ватикана. Греческие книги также неизменно должны были доставляться в Лавру, как для перевода на восточные наречия, так и для нужд ученых-монахов, в том числе греков, таких как Никон Черногорец. Наконец, нельзя забывать и о том, что в Лавре хранилось и уникальное собрание грузинских книг, о котором с изумлением и искренним интересом писал Оливье Падерборнский⁵²⁰. Православные монастыри Черной горы продолжали обмен книгами с другими восточно-христианскими епархиальными центрами и монастырями. В монастыре Св. Григория Богослова в Бетиасе, как уже было сказано выше, хранилась по крайней мере одна редкая книга из собрания Патриарха Афанасия I Манасси, а именно — комментарий к Апокалипсису св. Андрея Кесарийского, оригинал или список которого впоследствии был передан армянскому богослову — св. Нерсесу Лампронскому⁵²¹. Евангелие-апракос, составленное в 1030 г. скриптории Лавры Св. Илии (монастыре Св. Пантелеймона), в первой трети XII в. было отправлено мелькитскому епископу города Кара. Это Евангелие, ныне в собрании Британской библиотеки, хранит подписи двух епископов Кары — Афанасия (датируется около 1136 г.) и его преемника Михаила⁵²².

Антиохийские монастыри славились ученостью своих насельников. К примеру, в 1217 г., на теологический спор, устроенный при дворе эмира Алеппского Аз-Захира, был приглашен ученый монах Лавры Св. Симеона — Георгий («Джирджи ар-Рахиб ас-Самани»)⁵²³. Именно

антиохийские клирики и монахи трудились на поприще перевода византийских текстов на сирийский. Параллельно на землях Антиохии расцвела и «эллинофильская» школа грузинских иноков, представленная св. Ефремом Мцире, св. Иоанном Твалийским, св. Арсением Икалтойским и их учениками, которые вели не менее значимую работу по переводу греческих и сирийских текстов на грузинский. Очевидно, что эта традиция переписи и перевода сохранялась в сирийских монастырях и при франках.

⁵²⁰ Подробнее, см. выше. — С. 100—105.

⁵²¹ Weitenberg J.J.S. The Armenian Monasteries in the Black Mountain... P. 91.

⁵²² Elias (Khalifeh). Orthodox Manuscripts Copied in Antioch... — P. 2.

⁵²³ Joseph (Nasrallah). Couvents de la Syrie du Nord... — P. 144—146.

в пределах Антиохийского Патриархата в XII–XIII вв. были созданы арабские переводы «Тактикона» и «Пандектов» Никона Черногорца⁵²⁴. В XIII в. монахом Лавры Св. Симеона Дивногогорца — Симеоном была составлена «История Антиохии Великой», известная лишь благодаря одному сохранившемуся и неопубликованному списку рукописи⁵²⁵. К числу оригинальных творений или, по крайней мере, оригинальных компиляций, созданных антиохийскими учеными-монахами в эпоху франкского правления, вероятно относится и сирийский текст «Антологии к празднику Пророка Мар Илии», составленный в монастыре Пресвятой Богородицы у гавани Россы известным переписчиком, уроженцем Мартирополя — иеромонахом Гавриилом⁵²⁶. Рассуждая о любви антиохийских монахов к книгам, нельзя не вспомнить и о приведенном Жозефом Насраллой упоминании о хранящейся в Ватикане арабской рукописи Апостола-апракос (Vat. Arab. 22), в колофоне которой указано, что она была переписана в феврале 1292 г. в Египте плененным и проданным в рабство мелькитским иноком — «Иосифом, сыном Стефана, сыном Мины, монахом горы Антиохийской, пленником в граде Каире»⁵²⁷. Вероятно, этот обращенный в рабство ученый-монах смог занять место писца при достаточно богатом и милостивом владельце, позволявшем ему продолжать работу с книгами и рукописями и для собственных нужд.

Павел Антиохийский (Булус ар-Рахиб)

Пожалуй, величайшим мелькитским автором и полемистом эпохи франкского правления был Павел Антиохийский, также

⁵²⁴ Allison R. Typikon of Nikon of the Black Mountain for the Monastery and Hospice of the Mother of God tou Roidiou... P. 378. Причем Аллисон отмечает, что «Пандекты» могли быть переведены на арабский еще при жизни самого Никона, т. е. на рубеже XI–XII вв. или в самом начале XII столетия.

⁵²⁵ Joseph (Nasrallah). Couvents de la Syrie du Nord... — P. 146.

⁵²⁶ Исконная рукопись, датированная 1242 г., ныне хранится в монастыре Св. Екатерины на Синае. Подробнее, см. Elias (Khalifeh). Orthodox Manuscripts Copied in Antioch... — P. 4–5; Lewis A.S. Catalogue of the Syriac MSS. in the Convent of S. Catharine on Mount Sinai. — Cambridge, 2012. — P. 62, №111.

⁵²⁷ Joseph (Nasrallah). Couvents de la Syrie du Nord portant le nom de Siméon... P. 148.

известный как Булус ар-Рахиб (араб. «Павел Монах»)⁵²⁸. Наиболее известное творение Павла — «Письмо к другу-мусульманину, пребывающему в Сайде»⁵²⁹ — является одним из немногих мелькитских (и в принципе — восточно-христианских) текстов, с которым активно и страстно полемизировали мусульманские авторы, такие как Ибн Таймия и аль-Карафи⁵³⁰. Павел был выходцем из Антиохии, где, вероятно, и получил образование; второе прозвище Павла «ар-Рахиб», т. е. «монах», говорит о том, что он провел часть своей жизни в одном из монастырей Сирии⁵³¹. Павел Хури, посвятивший подробное исследование личности Булус-ар-Рахиба, склонен считать, что этим монастырем была лавра Св. Симеона на Дивной горе⁵³². В определенный период своей жизни Павел покинул северную Сирию и прибыл в южный Ливан, на земли иерусалимского королевства, где был возведен в сан епископа «греков и сириан» Сидона. Поскольку Сидон, в 1110—1187 гг. и вновь с 1197 г. входил в состав франкских земель и там находилась епископская кафедра латинского Иерусалимского Патриархата, Павел Антиохийский мог занимать лишь пост викарного епископа, окормлявшего греческие и мелькитские приходы. Точные даты жизни Павла неизвестны⁵³³,

⁵²⁸ В 2013 г. в свет вышли переводы творений Павла Антиохийского, составленные протоиереем Олегом Давыденковым, позволяющие русскоязычным читателям в полной мере приобщиться к творениям этого выдающегося мелькитского богослова XII в. См. Булус ар-Рахиб. Богословские и философские трактаты // Арабы-христиане в истории и литературе Ближнего Востока. — М.: ПСТГУ, 2013. — С. 70—149. См. также сопроводительную статью: Давыденков О., прот. Булус ар-Рахиб и его творения // Арабы-христиане в истории и литературе Ближнего Востока. — М.: ПСТГУ, 2013. — С. 62—69.

⁵²⁹ Buffat L., ed. Lettre de Paul, évêque de Saida, moine d'Antioche, a un musulman de ses amis demeurant a Saida // Revue l'Orient chrétien, Tome 7. — Paris, 1903. Русский перевод, см. Булус ар-Рахиб. Богословские и философские трактаты... С. 102—117.

⁵³⁰ Fadel M., ed. Answering those, who altered the Religion of Jesus Christ. — Al-Mansura, 2009.

⁵³¹ Troupeau G. La littérature arabe chrétienne du Xe au XIIe siècle... P. 8.

⁵³² Khoury P. Paul d'Antioche, évêque melkite de Sidon, XII s. — Beyrouth, 1964. — P. 17.

⁵³³ Подавляющее большинство исследователей относят время жизни Павла Антиохийского либо к XII в., либо ко второй половине XII — первой половине XIII вв. Troupeau G. La littérature arabe chrétienne du Xe au XIIe siècle... P. 8; Khoury P. Paul d'Antioche, évêque melkite de Sidon, XII s. — P. 16—18; Buffat L., ed. Lettre de Paul, évêque de Saida... P. 388; Joseph (Nasrallah). Histoire du mouvement littéraire dans l'église melchite... Vol. III, P. 259—260.

и мы не можем сказать, в какой именно период он был епископом для «греков и сириан» в Сидоне и, соответственно, с каким именно латинским епископом он находился в «сослужении»⁵³⁴. Можно, конечно, предположить, что Павел Антиохийский занимал кафедру Сидона в десятилетний период Айюбидского правления, т. е. в 1187—1197 гг., однако это кажется маловероятным, т. к. известно, что Салах-ад-Дин отнюдь не торопился восстанавливать византийскую иерархию на покоренных землях. Если в 1192 г. Салах-ад-Дин не пожелал, невзирая даже на ходатайство ромейского василевса Исаака II Ангела, восстанавливать православную иерархию в Иерусалиме, то вряд ли он собирался делать подобный «подарок» христианскому населению Сидона, лежавшего на самой границе франкских владений.

Тем более, что личность Павла совсем не соответствует образу православного архиерея, великодушно восстановленного Салах-ад-Дином, когда тот изгнал «латинян». В своих текстах Павел выказывает уж слишком хорошее знание латинских обычаев и откровенно дружественное отношение к франкам. К примеру, в «Послании к другу-мусульманину...» он подробно рассказывает о путешествии по франкским землям, по «стране Амальфи» и даже о посещении Рима⁵³⁵. Л. Бюффа, составивший перевод «Послания к другу-мусульманину», отмечал, что Павел Антиохийский лишен какого-либо агрессивного или полемического начала в отношении к франкам, и что этот мелькитский епископ Сидона производит впечатление человека, «подробно изучавшего философию и схоластическое богословие», что «его очерки о Троице и Воплощении отличаются великолепной точностью, а его путешествие в Рим говорит о его приверженности кафедре Св. Петра как объединяющему центру

⁵³⁴ В XII в. латинскую кафедру Сидона занимали епископы Бернард (1131—1153), Амори (1153—1170) и Одо (1175—1190); в XIII в. — епископы Рауль де Меренкур (1210—1214), Жоффруа Ардель (1236—1247), Жан де Сен-Максен (1266—1267). Сеньория Сидона, до продажи тамплиерам в 1260 г., принадлежала роду Гранье. Сеньорами Сидона, в период, который можно примерно считать временем жизни Павла Антиохийского, были Жерар Гранье (1123—1171), Рено Гранье (1171—1187//1197—1202) и Балиан I Гранье (1202—1239). Кстати говоря, Рено Гранье был широко известен как знаток арабского языка и ценитель восточной литературы, что отмечает его современник — Баха ад-Дин. См. Баха ад-Дин. Указ. соч. — гл. 49, С. 150.

⁵³⁵ Buffat L., ed. *Lettre de Paul, évêque de Saida...* P. 391.

кафолической Церкви»⁵³⁶. Так, Павел Антиохийский — мелькитский автор, которого Жозеф Насралла считает фигурой, отчасти сопоставимой с Иоанном Дамаскином и Феодором Абу-Куррой⁵³⁷, был человеком, неразрывно связанным с франкской Сирией; он получил образование в Антиохии, подвизался в северо-сирийских монастырях, благоденствовавших под защитой Антиохийского князя и латинского Патриарха, и, в итоге, взошел на кафедру Сидона, подвластную иерусалимским франкам.

*Православные Патриархи Антиохии и Константинополя
из числа монахов Черной горы*

Монастыри Антиохийского княжества предоставили православному Востоку и ряд выдающихся церковных иерархов. До своего возведения на архиерейские кафедры иноками северо-сирийских монастырей были, по меньшей мере, три православных Патриарха Антиохии и даже два Вселенских Патриарха XII–XIII вв. Патриарх Симеон II Абу Саиб, возведенный на кафедру около 1206 г., вне всякого сомнения, принадлежал к числу местного антиохийского клира, так как был хорошо известен поставившим его на патриаршество членам Антиохийской коммуны и князю Бозмунду IV. Вероятно, что то же можно сказать и о преемниках Симеона II — Патриархах Давиде и Евфимии II, также поставляемых греками и мелькитами Антиохии, с одобрения франкского князя⁵³⁸. Патриарх Арсений (1283—1286 гг.), до своего призвания на Триполийскую епископскую кафедру и последующего возведения на Антиохийский патриарший престол, был монахом Лавры Св. Симеона Дивногорца (о чем мы уже упоминали

⁵³⁶ Buffat L., ed. *Lettre de Paul, évêque de Saida...* P. 389, 391. Павел Хури также выдвинул предположение, что аль-Рахиб мог совершить свое путешествие на Запад для участия в Третьем Латеранском соборе (1179 г.), однако это остается лишь гипотезой, тем более что имя Павла отсутствует в перечне участников этого собора. См. Khoury P. *Paul d'Antioche, évêque melkite de Sidon, XII s...* — P. 16.

⁵³⁷ Joseph (Nasrallah). *Histoire du mouvement littéraire dans l'église melchite...* Vol. III, P. 260.

⁵³⁸ Подробнее о Патриархе Симеоне II Абу Саибе см. ниже: Часть III, гл. 3, С. 100—105. О Патриархах Давиде, см. *Ibid.* — С. 100—105; о Патриархе Евфимии см. *Ibid.* — С. 100—105.

выше)⁵³⁹. В 1250-х гг. «в одном из восточных монастырей Черной горы» подвизался и Феодосий Виллардуэн, ставший впоследствии игуменом константинопольского монастыря Пантократора, а позднее — Антиохийским Патриархом⁵⁴⁰.

Ромейские василевсы, при поставлении Вселенских Патриархов, дважды обращались к кандидатам из числа греческих монахов Антиохии и Черной горы. Первый подобный прецедент имел место в 1179 г., когда император Мануил I Комнин возвел на Вселенский патриарший престол одного из греческих выходцев из Антиохии — Феодосия Ворандиота, занимавшего кафедру Нового Рима на протяжении последующих четырех лет (вплоть до 1183 г.)⁵⁴¹. В XIII в., в разгар Арсенитского раскола, император Михаил VIII Палеолог возвел в сан Вселенского Патриарха греческого монаха Германа, ранее подвизавшегося на Черной горе. По словам Георгия Пахимера, Патриарх Герман III «некогда жил на востоке, на Черной горе, и в тамошней обители долго совершал великие подвиги»⁵⁴². Здесь нельзя не отметить своеобразного парадокса — если в X-XII вв. ромейские василевсы настаивали на том, чтобы на Антиохийский престол восходили клирики из «сынов великой Константинопольской церкви», то в XII-XIII вв. императоры, пусть и дважды, но все же обращались к кандидатам из числа антиохийских монахов для возведения на патриарший престол Константинополя. Это вновь свидетельствует о том, что монастыри северной Сирии и Черной горы действительно воспринимались как один из важнейших монашеских центров православного мира.

⁵³⁹ Georgius Pachymeres. Op.cit. — Vol. II, Lib. I, c.19, P. 56.

⁵⁴⁰ Georgius Pachymeres. Op.cit. — Vol. II, Lib. V, c.24, P. 402. Подробнее о Феодосии Виллардуэне см. ниже: Часть III, гл. 3, С. 100—105.

⁵⁴¹ О том, что Патриарх Феодосий был выходцем из Антиохии, упоминает его современник — митрополит Евстафий Солунский. См. Eustathios of Thessalonice. The Capture of Thessaloniki // Australian Association of Byzantine Studies. — Canberra, 1988. — P. 18—19.

⁵⁴² Georgius Pachymeres. Op.cit. — Vol. I, Lib. IV, c.12, P. 280. Между прочим, в бытность свою монахом Черной горы, Патриарх Герман III подвизался в одной обители с будущим Патриархом Антиохийским — Феодосием V Виллардуэном, на что также указывает Пахимер. См. Ibid. — P. 402. Остается лишь предполагать, была ли эта обитель тождественна Лавре Св. Симеона Дивногорца, монастырю Св. Григория Богослова в Бетиасе, или другой обители, сохранившей значимое присутствие именно греческих монахов.

IX. Храмовое зодчество и живопись православного Востока в эпоху франкского правления

Фресковая живопись

На подвластных франкам землях православные общины столь же активно поддерживали и традиции иконописания, фресковой живописи, книжной миниатюры. Православные храмы и монастыри Антиохийского Патриархата, а также церкви латинян, маронитов и миафизитов, украшались как местными, сирийскими мастерами, так и приезжавшими с Кипра или даже из Константинополя греческими художниками. М. Имерциль в одном из своих исследований наглядно показал, что среди известных и сохранившихся поныне сирийских фресковых ансамблей, созданных для мелькитских, маронитских, сиро-яковитских и латинских церквей в XII-XIII вв., подавляющее большинство располагается в черте исторических границ графства Триполи⁵⁴³. Конечно же, греческие и мелькитские артели отправлялись и к востоку от Ливанского хребта, вглубь Сирии, для работы в подвластных мусульманам православных анклавов. Они работали в Каре, украшая фресками монастырь Св. Иакова Персиянина и церковь Свв. Сергия и Вакха, в Маалюле — в обители Мар Саркис, в Сайданае (фрагменты фресковой росписи эпохи крестовых походов можно найти в монастыре Богородицы, в церкви Св. Иоанна, в церкви Св. Илии), а также в Хомсе (в церкви Мар Элиан сохранился фрагмент росписи с образом Пророка Моисея, относящийся к XIII в.)⁵⁴⁴.

В остальном же, работы греческих и сирийских художников XII-XIII вв. сосредоточены исключительно на франкских землях. Имерциль насчитал почти три десятка фресковых ансамблей лишь в пределах графства Триполи и на землях смежных с ним фьефов (иерусалимской сеньории Бейрута и антиохийской сеньории Маркаба). Фрагменты фресковых росписей XII-XIII вв. сохранились в монастыре Пресвятой Богородицы в Бкефтине («Богоматерь Панахранта»), в монастыре Пресвятой Богородицы на горе Хаматура (также образ «Панахранты» в кафоликоне), в мелькитской церкви Св. Фоки в Амьюне (в значительной мере утраченные следы росписи на колоннах и в

⁵⁴³ Immerzeel M. Divine Cavalry: Mounted Saints in Middle Eastern Christian Art... P. 266—267.

⁵⁴⁴ Подробнее об этих мелькитских церквях, см. выше: Часть I, гл. 1, С. 100—105.

алтарной апсиде), в церкви Успения Богоматери в Нефине (едва сохранившиеся фрагменты росписи, в частности — образ Пресвятой Богородицы), новый слой фресок украсил и пещерную церковь Св. Марины в Каламуне, бывшую общим местом служения для латинских и восточных христиан⁵⁴⁵.

Именно в эпоху франкского правления на землях графства Триполи был создан один из лучших византийских фресковых ансамблей Леванта. Речь идет о фресках церкви Свв. Сергия и Вакха в Кафтуне, раскрытых лишь в 2003—2007 гг. Среди сохранившихся фрагментов росписи центральное место занимает Деисус, в конхе алтарной апсиды, а также сцены Причастия Апостолов и Благовещения, отдельных святых. Стиль исполнения фресок — с его мягкой и ясной экспрессией, явно выдает работу византийских мастеров середины — второй половины XIII в. Н. Хелу, которой и принадлежат основные исследования данного фрескового ансамбля, указывает на сходство написанного для церкви Свв. Сергия и Вакха сцены «Причастия апостолов» с росписью церкви Вознесения сербского монастыря Милешево (а также с церковью Св. Николая в Студенице). В то же время Хелу отмечает, что в росписи церкви, очевидно, участвовали две группы художников — греческая, состоявшая из приезжих византийских мастеров и написавшая сцену «Причастия...», и смешанная греко-сирийская, написавшая Деисус (последний образ явно выдает руку отлично знавшего византийское искусство сирийского мастера)⁵⁴⁶. Тексты на стенах написаны по-сирийски, по-гречески и по-арабски. Среди них сохранилась лишь частью раскрытая надпись, упоминающая некоего «Патриарха Антиохийского и всего Востока», при котором, очевидно, и был создан данный фресковый ансамбль. Все это ясно указывает на

⁵⁴⁵ Я. Фолда указывает на то, что сирийский мастер, работавший над этими фресками, вне всякого сомнения, был знаком с манерой работы и образцами византийских художников, работавших на Кипре. См. Folda J. *Crusader Art in the Holy Land. From the Third Crusade to the Fall of Acre...* — Р. 335. Подробнее о фресках пещерной церкви Св. Марины в Каламуне см. Brosse C.-L. *Les peintures de la grotte de Marina près de Tripoli // Syria.* — 1926. — №7. — Р. 30—45.

⁵⁴⁶ Хелу Н. Фрески Кафтун (Ливан). Соединение византийской и восточной традиций // *Образ Византии. Сборник статей в честь О.С. Поповой.* — М.: Северный Паломник, 2008. — С. 589—600. См. также: Helou N., Immerzeel M. *Kaftoun 2004. The Wall Paintings // Polish Archaeology in the Mediterranean.* — 2004. — 16. — Р. 453—458; Хелу Н. Сербо-византийская школа живописи в Ливане в XII-XIII вв. // *Ниш и Византия XII.* — Ниш, 2014. — С. 324—334.

то, что церковь Свв. Сергия и Вакха оставалась в руках мелькитской общины.

То, что мелькиты Кафтуна могли позволить себе заказ фрескового ансамбля подобного уровня, имеет огромное значение применительно к соприкосновению латинских и византийских христиан в эпоху крестовых походов. Во-первых, это еще одно подтверждение того, что под франкским правлением восточные христиане Леванта (в том числе греки и мелькиты) переживали период достаточно ясно выраженного экономического и культурного процветания. Во-вторых, это ясное свидетельство того, что после латинского завоевания Константинополя (1204 г.) византийские мастера отбывали не только на земли православной Сербии, но и в пределы франкских государств Заморской земли, в частности — на земли Триполийского графства, для работы среди православных, латинских и маронитских общин. Наконец, фресковый ансамбль церкви Свв. Сергия и Вакха является прямым свидетельством не только обращения латинских и мелькитских христиан Леванта к византийским мастерам, но и подлинного расцвета местной живописной традиции, которая расцвела в пределах графства Триполи в XIII в. О работах мастеров этой школы еще будет сказано ниже.

Если же говорить о работе собственно византийских мастеров, то еще один фресковый ансамбль, созданный прибывшими на земли графства Триполи греческими художниками, сохранился в церкви Св. Саввы в ливанском поселении Эдда. Эдда была одним из малых фьефов триполийских франков. Владелец этого поселения находился в вассальной зависимости сеньоров Гибелета (Библа) и, соответственно, был арьер-вассалом графа Триполи⁵⁴⁷. Церковь Св. Саввы, возведенная на рубеже XII-XIII вв., вероятно, относилась к числу приходских храмов, находившихся в общем пользовании латинских и сирийских христиан (маронитов и мелькитов). Об этом свидетельствует то, что церковь была воздвигнута франкскими зодчими и расписана византийскими художниками. С конца XIII в., т. е. со времени исхода латинян и существенного ослабления мелькитов, церковь Св. Саввы окончательно и полностью перешла к маронитам. Если же говорить о фресковом ансамбле, то он был создан за несколько десятилетий до росписи церкви

⁵⁴⁷ Известны имена двух сеньоров Эдды — Жана (1243 г.) и Раймонда (1258 г.).

Свв. Сергия и Вакха в Кафтуне; его еще можно отнести к позднекомнининовскому искусству, т. е. к рубежу XII-XIII вв., что свидетельствует о том, что византийские артели отбывали в пределы графства Триполи и до разорения Константинополя крестоносцами. Вполне вероятно, что для росписи церкви Св. Саввы к трипольским франкам прибыла артель с Кипра, учитывая близость данного ансамбля к фрескам церкви Панагия ту Арака из Лагудеры. Н. Хелу также отмечает художественную связь росписи церкви Св. Саввы с фресками Студеницы, а также и с более ранними фресковыми ансамблями, созданными для некоторых балканских, кипрских и новгородских церквей в эпоху Комнинов⁵⁴⁸. Среди сохранившихся фрагментов росписи церкви Св. Саввы в Эдде — образ Распятия, Успения, а также отдельные изображения Апостолов и святителей⁵⁴⁹.

Работы сирийских художников для франков Заморской земли. Капеллы Крака и Маркаба, дворец Ибелинов в Бейруте, росписи Кадмейского замка в Фивах

Что касается собственно сирийских мастеров, то нельзя не отметить, что их яркая и экспрессивная манера письма также привлекала франкских заказчиков. Франки доверяли сирийским художникам роспись некоторых своих церквей и капелл. Пожалуй, наиболее значимыми примерами подобного франкского увлечения сирийским искусством являются фрески капелл Маркаба и Крака де Шевалье — великих твердынь ордена госпитальеров. Капелла Маркаба по сей день сохраняет часть своего фрескового ансамбля, в частности — украшающий своды образ Сошествия Св. Духа на Апостолов. В замке Крак де Шевалье находились две церкви — большая капелла, расположенная внутри крепости, предназначавшаяся для братии ордена, и малая капелла, расположенная с внешней стороны укреплений, очевидно, для зависимых от госпитальеров сирийских сервов. В

⁵⁴⁸ Хелу Н. Сербо-византийская школа живописи в Ливане в XII-XIII вв... С. 326—328. См. также: Helou N. L'église de Saint Saba à Eddé Batroun // Parole de l'Orient. — 2003. — №28. — P. 397—434; Mouawad R.J. Les fresques médiévales de Mar Saba, à Eddé, restaurées par des spécialistes russes // L'Orient le Jour. — 2013. — November 28.

⁵⁴⁹ Реставрация фресок проходила в 2013 г. под руководством В.Д. Сарабянова.

основной, внутренней капелле сохранился образ Сретения, написанный на северной стене⁵⁵⁰. Внешняя малая капелла сохранила фрагменты изображений Богоматери Одигитрии и избранных святых. Эти фрески могут быть отнесены к последней трети XII — началу XIII вв. Причем Фолда выдвигает предположение, что фрески Маркаба и, в особенности, Крака могут в равной степени принадлежать как сирийским мастерам, так и латинянам, получившим выучку среди сирийских художников⁵⁵¹.

Жан I Ибелин, возводя свой знаменитый дворец в Бейруте, доверил его украшение и роспись греческим, сирийским и арабским мастерам. Прекрасное описание росписи дворца Ибелинов оставил Вильбранд Ольденбургский, посещавший его вскоре после завершения строительства. По его словам: «Потолок зала был окрашен в цвет неба, причем с таким мастерством, что казалось, будто над ним пролетают облака, дует ветер, сияет Зефир, а солнце проходит свой путь по временам года, месяцам, дням, часам, мгновеньям, под знаками зодиака. Сириане, сарацины и греки славятся своим искусством и неустанно соревнуются друг с другом, создавая подобные, поистине чудесные работы»⁵⁵². Слова Вильбранда отчетливо передают то впечатление, которое работы греческих, сирийских и арабских мастеров производила на латинских пилигримов и заморских франков. Дэвид Николл, в своей краткой работе «Замки крестоносцев на Кипре, в Греции и на побережье Эгейского моря. 1191—1571», выдвинул предположение, что большой зал Кадмейского замка, в Фивах, украшенный фресками «Завоевания Сирии», сходным образом был расписан сирийскими мастерами, привезенными в Латинскую Романию супругой сеньора Фив — Марией Антиохийской, дочерью князя Бозмунда VI Красивого⁵⁵³.

⁵⁵⁰ Ныне этот образ хранится в Музее Тартуса, и располагается в соборе Пресвятой Девы Марии.

⁵⁵¹ Folda J. Crusader Art in the Holy Land. From the Third Crusade to the Fall of Acre... — P. 32—34, 97—99.

⁵⁵² Wilbrandus de Oldenborg. Op.cit. — P. 167.

⁵⁵³ Nicolle D. Crusader Castles in Cyprus, Greece and the Aegean. 1191—1571. — Cambridge, 2007. — P. 36. Бозмунд VI Красивый выдал свою дочь Марию за сеньора Фиванского — Николая II де Сент-Омера, одного из наиболее могущественных баронов Афинского герцогства и балы Ахейского княжества.

Иконопись

Сохранилось и несколько икон, созданных сиро-ливанскими иконописцами на землях княжества Антиохии-Триполи в XIII в. Среди наиболее известных иконописных памятников франкской Сирии следует, в первую очередь, назвать двустороннюю икону Богоматери Одигитрии/свв. Сергия и Вакха, ныне хранимую в пинакотеке монастыря Св. Екатерины на Синае, и близкую ей по стилистике, меньшую по размерам икону Св. Сергия, с ктиторским портретом припадающей дамы (хранящуюся там же). Обе иконы были исполнены примерно в одно время, в восточном Средиземноморье. На протяжении последних лет, атрибуция этих икон вызвала достаточно ожесточенные споры. К. Вейльцман считал их работой иконописцев Апулии, однако подобную точку зрения отвергает большинство современных исследователей⁵⁵⁴. Я. Фолда, отталкиваясь от венецианско-византийской стилистики этих икон, считает, что они были созданы в одной из иконописных мастерских Акры или же в монастыре Св. Екатерины на Синае⁵⁵⁵. Д. Мурики, напротив, указывает на то, что эти иконы являются произведениями сирийских мастеров, хорошо знавших византийские традиции и получивших выучку на Кипре⁵⁵⁶. В связи с недавним раскрытием фресок церкви свв. Сергия и Вакха в Кафтуне появились достаточные обоснования причислить художника, написавшего вышеупомянутую икону, к числу сирийских мастеров-мелькитов, работавших в пределах графства Триполи. Н. Хелу и М. Имерциль, сопоставляя синайскую двустороннюю икону с фресками Кафтуна, Кары и Хаматуры, доказывает, что местом их создания была не Акра или Синай, но Триполи, центр обособленной и недооцененной «сиро-ливанской» иконописной школы. Эта школа, рожденная благодаря столкновению сирийской и византийской традиций, лишь сейчас, с началом XXI в., удостоивается полноценного рассмотрения⁵⁵⁷. Подобное утверждение, кстати говоря, в полной мере согласуется с предположением Д. Мурики о том, что

⁵⁵⁴ Weitzmann K. *Studies in the Arts of Sinai. Essays.* — Princeton, 1982. — P. 435.

⁵⁵⁵ Folda J. *Crusader Art in the Holy Land. From the Third Crusade to the Fall of Acre...* — P. 338—342; Folda J. *Art in the Latin East...* P. 122—125.

⁵⁵⁶ Mouriki D. *Thirteenth-century Icon-painting in Cyprus.* — Athens, 1986. — P. 69—71.

⁵⁵⁷ Хелу Н. Фрески Кафтуна (Ливан). Соединение византийской и восточной традиций... С. 597—599.

вышеуказанные иконы были написаны сирийскими мастерами, обучавшимися на Кипре.

К числу работ сиро-ливанских (триполийских) иконописцев относятся и другие дошедшие до нас памятники. В вышеупомянутой церкви Свв. Сергия и Вакха в Кафтуне хранится великолепная двусторонняя икона Богоматери Одигитрии и Богоявления (XIII в.). Два образа на этой двусторонней иконе, очевидно, принадлежат разным мастерам и сохраняют достаточно ощутимые различия; икона Богоматери Одигитрии свойственна большая статичность, сдержанность, церемониальность, в иконе же Богоявления мастер прибегает к большей экспрессии, выявленной и в яркой палитре, и в динамизме поз⁵⁵⁸. Тем не менее, двусторонняя икона Кафтуна четко выдает принадлежность к той же эпохе, что и описанные выше синайские иконы. Причем образ Богоявления является одним из редких примеров «трехязычных» икон, сочетающих греческие, сирийские и арабские тексты. На данной иконе, помимо св. Иоанна Предтечи изображены еще два Пророка — св. Илия и царь Давид. Все три держат хартии. Текст хартии Предтечи исполнен по-гречески, Пророка Илии — по-сирийски, царя Давида — по-арабски. Подобное распределение текста между различными наречиями красочно свидетельствует как о многонациональном характере Антиохийского Патриархата, так и о сохранявшемся там преобладании трех богослужебных языков — греческого, сирийского и стремительно набиравшем популярность арабского. Сочетание греческого и сирийского, или греческого и арабского текста встречается и в изрядном числе фресковых ансамблей, в том числе в росписях самой церкви Свв. Сергия и Вакха в Кафтуне и в кафоликоне монастыря Св. Иакова Персиянина в Каре (также выполненных хорошо знавшими кипрские фрески сиро-ливанскими мастерами XIII в.). Еще одним ярким памятником иконописи, созданном в пределах графства Триполи, является икона Св. Марины, ныне хранящаяся в коллекции Менил в США (штат Техас). Правда этот образ принадлежит кисти мастера, явно избежавшего какого-либо видимого «византийско-кипрского» влияния и всецело принадлежавшего к местной, сирийской художественной традиции⁵⁵⁹.

⁵⁵⁸ Helou N. L'icône bilatérale de Kaftoun au Liban: une oeuvre d'art syro-byzantin à l'époque des Croisés // Chronos. Revue d'histoire de l'Université de Balamand. — 2003. — №7. — P. 101—131.

⁵⁵⁹ Подробнее, см. Folda J. Crusader Art in the Holy Land. From the Third Crusade to the Fall of Acre... — P. 334—335; Folda J. Art in the Latin East... P. 126—127.

Книжная миниатюра

Конечно же, легко отметить, что все вышеперечисленные произведения создавались художниками, работавшими в основном в пределах графства Триполи и на прилегающих к нему франкских и мусульманских землях, а также явно посещавших Кипр и Синай. В связи с этим невозможно не задаться вопросом о самой Антиохии — о том, что известно о ее памятниках и художественных традициях. Однако здесь вновь приходится с горечью сетовать на фактически тотальное разорение и уничтожение города и близлежащих монастырей мамлюками; на сегодняшний день не известно ни одного памятника станковой живописи и ни одного фрескового ансамбля, который можно было бы неоспоримо (или даже — с известной долей вероятности) приписать антиохийским мастерам. Остается вполне резонный вопрос о книжной миниатюре, о тех книгах, которые могли быть вывезенными из антиохийских скрипториев и уцелеть в других библиотеках Средиземноморья.

Если в поисках антиохийской книжной миниатюры XI в. можно обратиться к Евангелию-апракос из Кутлумуша или Алавердскому Евангелию⁵⁶⁰, то наиболее значимым произведением антиохийских миниатюристов эпохи франкского правления можно (хоть и гипотетически) считать Библию, ныне хранимую в муниципальной библиотеке Сан-Даниели дель Фриули. Ни точное время, ни место ее создания доподлинно неизвестно, однако Я. Фолда, как ведущий специалист по искусству Латинского Востока, считает, что Библия была создана в Антиохии, вероятно — в скриптории кафедрального собора Св. Петра, в 80-х гг. XII в. По словам Фолды, миниатюры и буквицы Библии представляют собой настоящие шедевры «выполненные в особом, экспрессивном стиле; они сочетают византийские, армянские и даже сирийские черты и коренным образом отличаются от всего, что создавалось на Западе или в Иерусалимском королевстве»⁵⁶¹. Если Библия из Сан-Даниели дель Фриули действительно может связана с антиохийскими скрипториями, это прямо свидетельствует

⁵⁶⁰ См. выше: Часть I, гл. 3, С. 100—105.

⁵⁶¹ Folda J. Art in the Latin East. 1098—1291 // The Oxford Illustrated History of the Crusades. — Oxford, 2007. — P. 150.

о том, что и в эпоху франкского правления Антиохия оставалась уникальным художественным центром, сопоставимым с Иерусалимом и, как отмечает Фолда, на протяжении долгого периода превосходившим мастерские Акры⁵⁶².

Еще одним уникальным памятником Антиохийской миниатюры эпохи франкского правления является MS Pal. Lat.1963. Рукопись «Истории Заморской земли» Продолжателя Гильома была украшена циклом миниатюр, исполненных мастером, прекрасно знакомым как с топографией Антиохии, так и с традициями арабской Багдадской школы миниатюры. Как показывает Фолда, рукопись бесспорно является произведением одного из антиохийских скрипториев, в распоряжении которого находились великолепные примеры багдадской миниатюры. Все это наводит на мысль о том, что некоторые рукописи из великих библиотек Багдада могли быть предоставлены, в числе даров, князю Бозмунду VI Красивому его сюзереном — ханом Хулагу (около 1260 г.). Антиохийский князь, в свою очередь, передал их для работы в скриптории своей северной столицы, один из художников которой и украсил рукопись Продолжателя циклом миниатюр, написанных «на багдадский манер». Следовательно, рукопись должна была быть создана между 1260 и 1268 гг., что делает ее последним из известных и уцелевших произведений, созданных антиохийскими мастерами⁵⁶³.

Храмовое строительство

Эпоха франкского правления в Леванте была сопряжена не только с интенсификацией художественной жизни, но и с оживленным храмовым строительством сирийских христиан. Если говорить о мелких церквях, построенных при крестоносцах, то нельзя в первую очередь не вспомнить о церкви Св. Фоки (Мар Фока) в Амьоне — одном из крупнейших поселений Аль-Куры, входившем в состав домена графа Триполи. Церковь Св. Фоки была воздвигнута в XII в. на руинах древней обители, восходящей к VII в. Располагалась она неподалеку от

⁵⁶² Folda J. Crusader Art in the Holy Land. From the Third Crusade to the Fall of Acre... — P. 94—95, 216, 582 (№377).

⁵⁶³ Folda J. Crusader Art in the Holy Land. From the Third Crusade to the Fall of Acre... — P. 348—350.

франкского замка. Церковь представляет собой небольшую, квадратную в плане базилику с стройным нефом, разделенным прямоугольными колоннами. В XIII в. она была украшена фресковой росписью, значительные участки которой сохраняются и поныне⁵⁶⁴. В этот же период, то есть в середине-второй половины XII в. в Амьёне была построена и латинская церковь Св. Георгия, ныне также являющаяся приходским храмом православной антиохийской общины. Вполне вероятно, что возведение этих церквей могло быть работой одних и тех же зодчих и каменщиков, работавших под руководством франкских мастеров. В церкви Св. Георгия по сей день хранится вырезанный романскими мастерами каменный трон, предназначенный, судя по его расположению, не для прелата, но скорее, для светского правителя, т. е. для триполитского графа или высших представителей франкского нобилитета. В XII в. в Амьёне была построена и еще одна малая мелькитская церковь, возведенная при помощи франкских зодчих над гротом Св. Дометиана.

В Батрумине — мелькитском поселении, лежавшем на полпути между Амьёном и Триполи, к периоду франкского владычества относится церковь Успения Богородицы, по сей день сохраняющая средневековый клуатр. К числу построек эпохи крестовых походов можно, очевидно, отнести церковь Св. Иоанна Крестителя в мелькитском селении Бехмеззин (между Батрумином и Амьёном) и церковь Успения Богородицы в приморском Нефине (Энфе), к югу от Триполи. В Батруне в эпоху франкского владычества была построена церковь Св. Георгия, по сей день остающаяся православным приходским храмом в этом преимущественно маронитском городе⁵⁶⁵. В Сафите, близ Тартуса, на землях, подвластных ордену тамплиеров, находилась церковь Св. Илии, также возведенная в эпоху крестовых походов. Она представляла собой однефную базилику, служившую приходским храмом для местного греческого и мелькитского населения. После своего разрушения мамлюками она так и не поднялась из руин; ныне сохранился лишь фундамент и часть алтарной апсиды. На востоке Триполитского графства, в мелькитском поселении Безбина, расположенном на западных склонах Ливанского хребта, близ Арки, в XII в. была построена церковь Свв. Петра и Павла, со времен мамлюкского или раннего

⁵⁶⁴ Hamilton B. The Latin Church in the Crusader States... P. 110. Также см. материалы проекта ARPOA при Баламандском университете.

⁵⁶⁵ Подробнее см. выше: Часть IV, гл. 1, С. 100—105. См. Betts R.B. The Southern Portals of Byzantium... — P. 81.

османского правления пребывающая в разрушенном состоянии, но по-прежнему служащая местом для периодического паломничества и молебнов местных христиан⁵⁶⁶.

Помимо строительства приходских храмов, можно четко говорить и об активном строительстве, имевшем место в православных монастырях княжества Антиохийского и графства Триполи. Так, в годы франкского правления монастырь Св. Георгия аль-Хумайра перестраивается из небольшой пещерной обители в предтечу того обширного монастырского комплекса, коим является по сей день. Именно в этот период в обители был возведен второй ярус помещений и стен, а также построена базилика, ставшая на долгие годы кафоликоном. Вновь обратим внимание и на основание в виду столицы Триполийского графства православного монастыря Св. Иакова Персиянина в селении Дидда. В пределах Антиохийского княжества православные греки и сирийцы имели возможность вести дорогостоящие работы по восстановлению монастырей и храмов, пострадавших либо от набегов сарацин, либо от сирийских землетрясений. Так, Лавра Св. Симеона Дивногольца с момента утверждения франко-нормандцев в Антиохии пережила по крайней мере четыре полномасштабных восстановления. Сходным образом в последней трети XII в. греки и мелькиты Антиохии смогли восстановить Юстинианову церковь Пресвятой Богородицы, чей купол и своды обвалились во время великого землетрясения 1170 г.

Х. Богослужение

Константинополь и православные Церкви Востока. Патриарх Феодор IV Вальсамон как инициатор радикальной византинизации богослужения восточных Патриархатов

Помимо защиты древних церквей и монастырей, оживленного храмового зодчества, фресковой живописи и иконописи, работы скрипториев и книгохранилищ, следует назвать и еще одно крайне

⁵⁶⁶ Для получения более подробной информации, в том числе и доступа к архитектурным планам и фотографиям данных церквей, вновь отошлем читателя к проекту ARPOA Баламандского университета, т. к. на сегодняшний день это единственный подробный, систематический и общедоступный источник по архитектурному наследию Антиохийского Патриархата.

положительное проявление эпохи франкского господства для византийских христиан Леванта, а именно — сохранение древних восточных богослужебных обрядов. В первой части книги мы уже подробно говорили о проблеме богослужебной «византинизации» восточных православных Патриархатов (Антиохии, Александрии, Иерусалима, Мцхеты), которую старательно с конца X в. проводили константинопольские иерархи при поддержке или же по прямой инициативе ромейских василевсов и грузинских царей⁵⁶⁷.

Установление франкского господства и утверждение латинской иерархии в Леванте во многом усилило зависимость восточных православных Патриархов от Константинополя. Отныне и Антиохийские, и Иерусалимские патриархи находились на положении архиереев, всецело зависимых от василевса и Вселенского Патриарха; они не только избирались из числа «чад Великой Константинопольской Церкви», но и все свое патриаршество проводили в Константинополе. Эти первоиерархи не имели тесной связи с клиром, паствой и традициями доверенных им Поместных Церквей, хотя очевидно, что именно их продолжала поминать, как законных Предстоятелей, большая часть архиереев восточных епархий (Александрийский Патриарх и Синайский архиепископ, митрополиты городов внутренней Сирии и Месопотамии, восточные католикосы)⁵⁶⁸. И все же невозможно не задаться вопросом — когда речь идет о положении восточных Патриархатов эпохи крестовых походов, на чем в большей степени следует акцентировать внимание? На положении первоиерархов, пребывавших в Константинополе и избираемых из числа столичного клира, или же на положении паствы, монастырей, священства и епископата, оставшегося на землях Востока под властью латинян и мусульман? Кто в большей степени может считаться представителем данной Поместной Церкви — константинопольские клирики, получавшие от императора и Вселенского

⁵⁶⁷ См. выше: Часть I, гл. 3, С. 100—105.

⁵⁶⁸ В монастыре Св. Екатерины на Синае сохранился диптих, датированный ок. 1166 г., в котором поминаются Патриарх Никифор II Иерусалимский, Вселенский Патриарх Лука Хрисоверг, Патриарх Софроний Александрийский, Патриарх Антиохийский Афанасий I Манасси и Архиепископ Петр Синайский. Это достаточное четкое свидетельство того, что имена избираемых и пребывавших в Константинополе Патриархов Антиохии и Иерусалима были известны на Востоке и что эти Патриархи поминались за богослужением. Подробнее см. Hammond C.E., ed. *Liturgies Eastern and Western*. — Oxford, 1896. — Vol. I, App. H, P. 501.

Патриарха восточные патриаршие престолы, или монахи лавры Св. Симеона и обителей Черной горы, греки и мелькиты самой Антиохии, сиро-ливанские архиереи (такие как Павел Антиохийский)? Это вопрос, который бесспорно затрагивает коренные аспекты конфессиональной идентичности, экклесиологии, восприятия церковной истории.

Опять же, не подвергая в какой-либо мере легитимность преемства пребывавших в Константинополе восточных Патриархов, уместно говорить об определенном различии опыта, интересов, мировосприятия этих «константинопольских» предстоятелей и их сиро-палестинских Церквей. И эти различия достаточно ощутимо сказались на последующих этапах византинизации богослужения восточных Патриархатов и отказа от традиций, уникальных для епархий Антиохии, Александрии и Иерусалима. С особой силой это проявилось, когда Антиохийским Патриархом стал один из старших константинопольских клириков, библиотекарь «Великой Церкви» — Феодор Вальсамон. О Вальсамоне чаще всего вспоминают как об одном из величайших комментаторов и знатоков канонического права; наряду с Зонарой и Аристином он входит в «великую троицу» византийских канонистов XII в. Однако существует и другая сторона деятельности Вальсамона, которая имеет не меньшее значение для истории Церкви; речь идет о его роли в вытеснении восточных богослужебных обрядов из ложа халкидонской Православной Церкви. В своих комментариях к положениям канонического права, Феодор Вальсамон регулярно обращается к «проблеме» богослужебных порядков Востока и их несоответствия традициям Константинополя. Позиция, проводимая Вальсамоном, четко изложена в его ответах на обращения Патриарха Марка III Александрийского.

Марк III — став главой Патриархата, включавшего церкви византийского и александрийского обряда и объединявшего греков, арабоязычных мелькитов, небольшие группы коптов и латинян, — очевидно желал привести больший порядок в жизнь доверенной ему Церкви и потому обратился к Феодору Вальсамону, как авторитетнейшему знатоку канонического права, направив ему обращение из 66 вопросов⁵⁶⁹. Вальсамон тогда еще не занимал Антиохийского пре-

⁵⁶⁹ Достаточно регулярно выдвигаются предположения, что Марк III (занимавший Александрийскую кафедру в 1180—1209 гг.), скорее всего, был греческим иерархом, направленным в Египет и возведенным на патриарший престол при имперском патронаже.

стола и был библиотекарем Великой Церкви. В своем ответе Папе и Патриарху Александрии Феодор Вальсамон выражается ясно и однозначно — ни Александрийская литургия Св. Марка, ни древнейшая литургия Св. Иакова (бывшая неотъемлемой и основополагающей частью богослужбной жизни Патриархатов Иерусалима, Александрии, Антиохии), не должны более совершаться, поскольку не упоминаются в 85 правиле Апостольского и 59 правиле Лаодикийского соборов, а также и потому, что «кафолическая Церковь Святейшего Вселенского Константинопольского престола не признает их. Следовательно, мы считаем их неприемлемыми. Ежели так случается, что их совершают, приказываем, чтобы отныне это полностью прекратилось (...) Ибо все Церкви Божьи должны следовать обрядам Нового Рима — Константинополя, и совершать литургию следуя правилам великих учителей и светил, св. Иоанна Златоуста и св. Василия»⁵⁷⁰.

Позднее, уже в годы своего патриаршества, Вальсамон вновь обращается к восточным литургиям, отмечая крайнюю нежелательность совершения этих, не принятых в Константинополе богослужений, всецело предпочитая им порядки Великой Церкви. В своем комментарии к 32 правилу Трулльского собора он приводит историю о том, как во время визита Патриарха Марка III Александрийского в Константинополь тот предложил Вселенскому и Антиохийскому Патриархам (Георгию II Ксифилину и Феодору IV Вальсамону) совместно совершить литургию Св. Иакова. Однако, в связи с протестами Вселенского Патриарха и Вальсамона, а также в силу прямого запрета императора Исаака II Ангела, Марк III принужден был отказаться от совершения восточной литургии, очевидно — не только при торжественном сослужении Патриархов в Софии, но и в будущем. Приводя буквально текст Вальсамона: «Заметь из настоящего правила, что первый святой Иаков, брат Божий, как бывший первым архиереем иерусалимской церкви, предал божественное священнодействие, которое неизвестно у нас, а у иерусалимлян и палестинских христиан совершается в великие праздники. А александрийцы говорят, что есть священнослужение и святого Марка, которое у них в большом употреблении. А я на соборе и даже пред святым императором говорил об этом, когда александрийский патриарх прибыл в царствующий град;

⁵⁷⁰ Theodore Balsamon. Responsa as Interrogationes Marci // PG. Vol.138. — Paris, 1865. — с. 954—955.

ибо, надмеаясь служить вместе с нами и Вселенским Патриархом в Великой Церкви, он хотел было служить по чину литургии Иакова, но был удержан им и обещал служить, как и мы»⁵⁷¹. Следует обратить особое внимание на то, что в текстах Вальсамона прослеживается не столько желание «оттеснить» Антиохийский обряд, как это делалось в X-XI вв., сколько устремление к искоренению восточных обрядов в Патриархатах Антиохии, Иерусалима и Александрии ради неукоснительного следования традициям Константинопольской Церкви. Эту роль Феодора IV Вальсамона — как радикального реформатора богослужений восточных Патриархатов, отмечают такие авторы, как Дж. М. Нил и М. Муса. Среди всего прочего, Дж. М. Нил обращает внимание на запреты Вальсамона прибегать к таким поместным традициям, как помазание почивших архиереев, принятое в Александрийской Церкви⁵⁷². М. Муса в своих исследованиях по истории сирийского христианства связывает наиболее решительную кампанию по вытеснению литургии Св. Иакова из употребления среди халкидонских христиан именно с запретами Патриарха Феодора IV Вальсамона⁵⁷³.

Фигура Патриарха Феодора IV Вальсамона открывает совершенно иной взгляд на историю Антиохийской Церкви; послания Феодора и его выступления против древних литургий и поместных традиций служит явственным напоминанием, что восточные Патриархаты XII в. столкнулись не только с притязаниями латинских иерархов, но и с не менее деструктивными посягательствами иерархов константинопольских, о чем практически не вспоминают. При этом латинские иерархи фактически довольствовались внешней покорностью «греков» и «сириан», предоставляя им полную свободу и внутреннюю автономию, когда дело касалось богослужений и традиций; константинопольские же иерархи, такие как Вальсамон, подчас не имея какой-либо живой связи с клиром и паствой своих восточных единоверцев, тем не менее посягнули на целый пласт богослужебных и культурных традиций

⁵⁷¹ Theodore Balsamon. *Canones Synodi in Trullo* // PG. Vol.137. — Paris, 1865. — с. 621—622.

⁵⁷² Neale J.M. *A History of the Holy Eastern Church. The Patriarchate of Alexandria...* P. 274—275.

⁵⁷³ Moosa M. *Origins of Middle Eastern Christian Minorities* // *Bibliophilos*. — 1982. — Vol. I (№2). — P. 90—91; Moosa M. *History of Saint James Liturgy* // *Anaphora: The Divine Liturgy of Saint James the First Bishop of Jerusalem According to the Rite of the Syrian Orthodox Church of Antioch*. — New Jersey, 1967. — P. 88.

мелькитов Антиохии, Александрии и Иерусалима, ратуя за коренное переустройство церковной жизни восточных Патриархатов по образцу Великой Константинопольской Церкви.

*Сохранение литургии Св. Иакова и Антиохийского обряда в лоне
Православной Церкви на Латинском Востоке*

Парадоксально, но именно франкские государства Заморской земли и, соответственно, латинские Патриархаты Антиохии и Иерусалима, были своеобразным оплотом, где мелькиты могли сохранять западно-сирийский, Антиохийский обряд и право на совершение древней литургии Св. Иакова. В Иерусалиме по западно-сирийскому обряду продолжали служить многочисленные общины мелькитов-сириан. Достаточно вспомнить приведенные выше описания капеллы Св. Креста и обособленного алтаря, воздвигнутого близ хоров кафоликона в Храме Гроба Господня; и капелла, и алтарь предназначались для богослужений «сириан»⁵⁷⁴. Помимо этого, в Иерусалиме, близ врат Св. Стефана, находился монастырь Св. Харитона — бывший обособленной обителью сирийских монахов-халкидонитов⁵⁷⁵. В пределах Антиохийского Патриархата сложнее говорить о конкретных церквях и общинах, где преобладало бы старое сирийское богослужение, тем более что процесс активной литургической византизации начался там еще в конце X в. Однако очевидно, что значительная часть храмов и монастырей этого Патриархата оставались центрами сирийской письменности и богослужения. Одним из подобных центров являлась Лавра Пророка Илии на Черной горе, которую Шарон (Королевский) и Каэн склонны были считать одним из потенциальных центров сохранения западно-сирийского обряда⁵⁷⁶. При этом даже те церкви, которые в большей степени подвергались византизации и в X-XI вв. приняли литургии Св. Василия Великого и Св.

⁵⁷⁴ См. выше: С. 100—105.

⁵⁷⁵ Stewart A., ed. & trans. *Description of the Holy Land by John of Würzburg*. // *Palestine Pilgrim Texts Society*. — London, 1890. — P. 48; Hamilton B. *The Latin Church in the Crusader States...* c.7, P. 163.

⁵⁷⁶ Charon C. (Korolevskii C.). *Histoire des patriarchats melkites (Alexandrie, Antioche, Jérusalem)*. Vol. III... P. 31—32; Cahen C. *La Syrie du Nord...* P. 334.

Иоанна Златоуста, часто предпочитали переводить богослужение на сирийский, арабский или другие восточные наречия, на что мы уже указывали в первой части книги⁵⁷⁷. И вполне очевидно, что антиохийские церкви и монастыри (в том числе те, которые принимали византийские литургии) сохранили и литургию Св. Иакова и, невзирая на продолжавшуюся византинизацию богослужений, продолжали совершать ее так же, как это делали иноки палестинских обителей и монастыря Св. Екатерины на Синае. Конечно же, нельзя не отметить, что, невзирая на все усилия византийских иерархов (таких как Вальсамон), литургия Св. Иакова так никогда и не была полностью вытеснена из лона халкидонской Православной Церкви; однако из основной литургии восточных Патриархатов она превратилась в редкое, исключительное, праздничное богослужение, совершаемое в церквях Иерусалима, материковой Греции, на Ионических островах (в особенности — на Закинфе)⁵⁷⁸. История утраты восточных литургий и традиций, перенесенное халкидонской Церковью под давлением Константинополя, конечно же, является крайне сложной темой, заслуживающей особого внимания и выходящей далеко за рамки данной работы. Однако, в этой связи, нельзя не отметить, эпоха франкского господства, как и предшествующие века арабского правления, при всех противоречиях и сложностях, обеспечивали халкидонским христианам Леванта ту необходимую дистанцию от Константинополя, которая позволяла им дольше сохранять свои поместные традиции и богослужебные обряды.

XI. Значимость франкского правления для православных Леванта. Последствия мусульманских завоеваний (XII в.)

Роль франков в сохранении православных церквей и монастырей в Сирии

В попытках осмыслить значение эпохи франкского господства для православных христиан Сирии стоит также учитывать, что безопасность восточно-христианских храмов и монастырей подчас напрямую зависела от сохранности рубежей государств крестоносцев. Более

⁵⁷⁷ См. выше: Часть I, гл. 3, С. 100—105.

⁵⁷⁸ Moosa M. History of Saint James Liturgy... — P. 88.

того, для многих обитателей последний период благоденствия был связан именно с франкским правлением. Достаточно привести лишь несколько примеров. Летом 1119 г., после гибели князя Рожера и его армии в битве на Кровавом Поле, турки эмира Ильгази обрушились на земли Антиохийского княжества, в том числе и на восточно-христианские монастыри. Как повествует Михаил Сириец, турки «вырезали множество монахов на Черной горе» и «оставались в земли Антиохийской, творя всевозможные жестокости, покуда Бодуэн (де Бург. — С. Б.), король Иерусалимский, не узнал об этом и не пришел»⁵⁷⁹. В Эдессе великая базилика Св. Софии, так же как и приходские мелькитские церкви Св. Архангела Михаила и Св. Феодора, навсегда исчезли с лица земли после завоевания города эмиром Зенги в 1144 г. и повторного взятия города Нур-ад-Дином в 1146 г.⁵⁸⁰. В 1149 г., после того как князь Раймонд де Пуатье и его рыцари пали в битве при Инабе, эмир Нур-ад-Дин, во время своего разорительного и победоносного марша к Антиохии и средиземноморскому побережью, вполне естественно атаковал и восточно-христианские обитатели; он разорил Лавру Св. Симеона Дивногорца, а его войска, очевидно, также разграбили и многочисленные церкви и монастыри, лежавшие в окрестностях Антиохии, в т. ч. и в долине Дафни⁵⁸¹.

Спустя пятнадцать лет, одержав великую победу у Харима и пленив князя Боэмунда III Антиохийского и прочих христианских правителей Сирии, Нур-ад-Дин вновь атаковал успевшую восстановиться Лавру Св. Симеона⁵⁸². Согласно хронике Михаила Сирийца: «Нур-ад-Дин взял Харим и греческий монастырь Симеона. Он полонил монахов и всех местных жителей»⁵⁸³. В 1187 г. вторгшиеся на земли Сирии тюркские кочевники разграбили ряд монастырей Черной горы. Согласно французскому хронисту Роберу Оксеррскому, турки напали «на Черную гору, землю многочисленных и процветавших монастырей, которые были разграблены и уничтожены пламенем»⁵⁸⁴. Пленные монахи и похи-

⁵⁷⁹ Michel le Syrien. Op.cit. — Vol. III, Lib. XV, c.12, P. 204—205.

⁵⁸⁰ Подробнее, см. выше: Часть III, гл. 2, С. 100—105; Часть IV, гл. 1, С. 100—105.

⁵⁸¹ О разорении Лавры Св. Симеона Дивногорца эмиром Нур-ад-Дином отдельно упоминает Гильом Тирский. См. Guillaume de Tyr. Op.cit. — Lib. XVII, c.10, P. 774.

⁵⁸² О битве при Хариме, см. выше: Часть III, гл. 3, С. 100—105.

⁵⁸³ Michel le Syrien. Op.cit. — Vol. III, Lib. XVIII, c.10, P. 325.

⁵⁸⁴ Roberti Canonici. Chronicon // MGH SS 26. — Hanover, 1872. — P. 251.

щенные сокровища были спасены, когда князь Боэмунд III Антиохийский перекрыл тюркам обратный путь через Аманос и уничтожил их армию в битве на перевалах. Широкомасштабное разорение церквей имело место и в период завоеваний Салах-ад-Дина. В Тартусе, во время разорения, учиненного армией султана летом 1188 г., были разграблены все церкви города — как мелькитские, так и латинские — в том числе и не заверченный еще собор Пресвятой Девы Марии⁵⁸⁵. Лежавшая севернее Валакия была тогда же полностью сожжена армией султана — со всеми домами, церквями и постройками. Нападение было предпринято и на Лавру Св. Симеона⁵⁸⁶. Окончательно Лавра Св. Симеона Дивного разорена во время второй или третьей мамлюкской осады Антиохии (1266 или 1268 г.); после этих последних кампаний султана Бейбарса эта великая православная обитель Сирии так никогда и не поднялась из руин⁵⁸⁷. С падением княжества Антиохийского мамлюки фактически уничтожили все значимые монастыри северной Сирии и Черной горы, о чем нам предстоит еще говорить в последней главе. Сходным образом, после завоевания графства Триполийского мамлюкские войска султанов Бейбарса, Калауна и их преемников дотла разорили целый ряд ливанских монастырей, в том числе мелькитские обители Хаматуры (монастыри Пресвятой Богородицы и Св. Георгия). Выявляя эту связь между франкским господством и сохранностью восточных монастырей, нельзя не вспомнить меткое выражение Д. Меткалфа о том, что слова, высеченные на фоллисах второго Антиохийского князя — *Боже, помоги рабу Твоему Танкреду*⁵⁸⁸ «отражают чувство, которое в равной степени могли испытывать и латиняне, и православные, даже если князь был нормандским завоевателем, а патриархат (...) находился под прочным латинским господством»⁵⁸⁹.

⁵⁸⁵ Баха-ад-Дин. Указ. соч. — гл. 40, С. 122—123.

⁵⁸⁶ Подробнее о войне Салах-ад-Дина против княжества Антиохийского и графства Триполи (1187—1188 гг.) см. ниже: Часть IV, гл. 3, С. 100—105.

⁵⁸⁷ Подробнее о последнем разорении и упадке лавры Св. Симеона на Дивной горе см. L'Estoire Eracles... — P. 446; Cahen C. La Syrie du Nord... — P. 712; Djobadze W. Archeological investigations in the region West of Antioch-on-the-Orontes... — P. 114—115.

⁵⁸⁸ Сохранилась и аналогичные надписи на фоллисах преемника Танкреда: «Боже, помоги рабу Твоему Рожеру».

⁵⁸⁹ Metcalf D. Islamic, Byzantine, and Latin influences in the Iconography of Crusader Coins and Seals. // East and West in the Crusades States. Context - Contacts - Confrontations. Vol. II. — Leuven, 1999. — P. 170.

***Мелькиты и франки после падения Иерусалима (1187 г.): «сириане»
и крестоносцы в Палестине; латинские христиане и православные
Патриархи Александрии***

Изрядное число ромеев и мелькитов Леванта видело во франкском господстве отнюдь не «иго», но, подчас, форму правления, предпочтительную власти мусульман; об этом прямо свидетельствуют события, относящиеся к эпохе падения первого Иерусалимского королевства и периоду Третьего крестового похода. В то время как многие мелькиты Палестины и Трансиордании приняли господство Салах-ад-Дина, другие их собратья уходили на земли, еще подвластные франкам. Когда Палестина практически полностью перешла под власть Салах-ад-Дина, многие мелькитские клирики и иерархи (в том числе епископ Лидды и игумен вифлеемского монастыря Св. Илии) покидали мусульманские земли чтобы искать защиты у крестоносцев и просить покровительства такого «чуждого» государя, как Ричард I Львиное Сердце. Из «Паломничества и деяний короля Ричарда» (*Itinerarium Peregrinorum et Gesta Regis Ricardi*), мы знаем о том, что летом 1192 г. короля Ричарда посетил «сирийский епископ кафедры Св. Георгия (Лиды. — С. Б.), плативший дань Саладину как за себя, так и за свою паству (...). Его сопровождало большое число мужчин и женщин, принадлежавших к его народу; они передали королю частицу Истинного Креста»⁵⁹⁰. Еще одну частицу Креста, который так жаждали заполучить крестоносцы, доставил Ричарду игумен православного монастыря Св. Илии, которого автор «Паломничества...» называет «благочестивым мужем, длиннородым, с головой белой как снег; лицо которого сияло святостью»⁵⁹¹. Стоит еще раз отметить, что эти мелькитские клирики — и епископ Лидды, и игумен монастыря Св. Илии — были не беженцами, а пастырями, чьи церкви и монастыри по-прежнему находились на землях, подвластных Салах-ад-Дину.

Подобное отношение мелькитов к франкам представляет резкий контраст с утверждениями некоторых позднейших историков о том, что с мусульманским завоеванием положение православных «значительно улучшилось; Саладин немедленно восстановил их иерархию

⁵⁹⁰ *Itinerarium Peregrinorum et Gesta Regis Ricardi*. — London, 1864. — Lib. V, c.53, P. 376.

⁵⁹¹ *Itinerarium Peregrinorum et Gesta Regis Ricardi*. — Lib. V, c.54, P. 377.

и вернул их священников и иерархов во все святые места»⁵⁹². Как мы видим, подобные версии достаточно далеки от действительности. Безусловно, значительная часть мелькитов осталась и продолжала вести в относительно мирное существование под властью султана. К их числу относился, например, придворный врач короля Бодуэна IV — Абу Сулейман Дауд⁵⁹³. Мелькиты и грекоязычные румы Дамаска участвовали в публичных празднованиях побед Салах-ад-Дина. Но, в то же время, исход епископа Лидды и части его паствы в стан к Ричарду I Львиное Сердце, или история разорения церквей Тартуса и Валании войсками Салах-ад-Дина представляют совершенно иную сторону отношений султана и восточных христиан Леванта. Можно с уверенностью констатировать, что Салах-ад-Дин действительно позволил православному сирийскому клиру остаться и служить у Гроба Господня. Когда в 1192 г., во время перемирия, установленного на исходе Третьего крестового похода, в Иерусалим прибыл епископ Солсбери — Гуго, то он увидел служащих у святых мест «сириан». Но это вряд ли может трактоваться как «немедленное возвращение» святынь православным. Правильнее было бы говорить о том, что в то время, как латиняне были изгнаны Салах-ад-Дином, мелькиты смогли остаться на прежних местах служения, которые занимали еще в период франкского правления.

При этом — это явно не равноценно полноправному восстановлению православного Патриархата; Салах-ад-Дин терпимо относился к местным, арабоязычным мелькитам (сирианам), но был далек еще от идеи приглашения на Святую землю византийского, грекоязычного духовенства. Об этом прямо пишет Баха-ад-Дин, когда отмечает, что султан дал отрицательный ответ на переданную византийским послом просьбу императора Исаака II Ангела о том, «чтобы храм Воскресения и все другие церкви в Святом Городе были переданы его священникам»⁵⁹⁴. Также не существуют каких-либо свидетельств того, чтобы Иерусалимский Патриарх Марк II Катафлор (занимавший кафедру в 1191—1195 гг.) когда-либо покидал Константинополь.

⁵⁹² Дворкин А.Л. Очерки по истории Вселенской Православной Церкви. — Нижний Новгород: изд. Братства Св. Александра Невского, 2005. — С. 657.

⁵⁹³ О мелькитских врачах XII-XIII в., в том числе об Абу Сулеймане Дауде, см. ниже: Часть IV, гл. 2, С. 100—105.

⁵⁹⁴ Баха-ад-Дин. Указ. соч. — гл. 147, С. 340.

Уверенно говорить о восстановлении на Святой земле православного Иерусалимского Патриархата можно лишь после 1195 г., т. е. в правление сыновей Салах-ад-Дина, когда в Палестину все же перебрался преемник Марка II — Патриарх Евфимий II, скончавшийся около 1222 г. на Синае⁵⁹⁵. Итак, невозможно утверждать, что восстановление православного Патриархата было бы деянием (и, к тому же, «незамедлительным» деянием) самого Салах-ад-Дина. Более того, невозможно отрицать или игнорировать приведенные выше факты миграции и исхода части мелькитов на земли франков, т. к. это не менее важная составляющая в истории Иерусалимской Церкви и греко-латинского церковного соприкосновения в Леванте.

Кстати говоря, вышеупомянутая переписка Феодора IV Вальсамона с Марком III Александрийским открывает и довольно интересные расхождения в вопросах возможности евхаристического общения с латинянами. Как мы уже говорили, у нас нет свидетельств того, чтобы Александрийская Церковь позволила бы вовлечь себя в Римско-Константинопольскую схизму⁵⁹⁶. В Александрии и Каире оставались церкви, находившиеся в совместном пользовании мелькитов и латинян (точнее — итальянских факторий). Более того, после падения первого Иерусалимского королевства и прочих побед Салах-ад-Дина Египет наполнился плененными и обращенными в рабство франками. Вполне естественно, что перед египетскими мелькитами и александрийским клиром вставал вопрос о причастии и пастырском окормлении страдавших и умиравших на их земле франках. Ответ Феодора гласил: «На протяжении многих лет Западная Церковь была отделена от общения с четырьмя Патриархатами и, таким образом, отошла от святого православия (...). Таким образом, ни один латинянин не должен подходить к святому причастию прежде, чем он примет клятвенное обязательство отречься от доктрин и обычаев, которые отделяют его от нас, и пока не обязуется подчиниться канонам церкви, вступив в единство с православными»⁵⁹⁷.

Опять же, следует обратить внимание на то, что этот ответ Вальсамона неоднократно цитируют как доказательство того, что к закату XII в. все Православные Церкви, в том числе и восточные

⁵⁹⁵ Подробнее см. Hamilton B. The Latin Church in the Crusaders States... c.12, P. 310—312.

⁵⁹⁶ См. выше: С. 100—105.

⁵⁹⁷ Theodore Balsamon. Responsa as Interrogationes Marci... — с. 967.

Патриархаты, прервали бы евхаристическое общение с латинянами. Однако вопрос Патриарха Марка III, обращенный в Константинополь, к Вальсамону, очевидно, отражает весьма осязаемое стремление клира Александрийской Церкви к окормлению латинян, с которыми египетские мелькиты молились в одних церквях на протяжении веков. Если бы ответ на вопрос о возможности причастия латинян был бы очевидным и отрицательным для «отчужденных» или «отошедших от общения с Римом» чад Александрийской Церкви, он не был бы задан, тем более — на столь высоком уровне. При этом, отнюдь неизвестно, последовал ли Марк III совету Вальсамона. Во всяком случае, его преемник — Патриарх Николай I Александрийский поддерживал контакты с латинянами и направлял своего апокрисиария на Четвертый Латеранский собор.

В попытках определить положение франкской Сирии в сфере греко-латинского церковного соприкосновения XI-XIII вв. следует не столько повторять привычные тезисы о тяготах «латинизации», сколько обратить внимание на то, что мы действительно имеем дело с уникальной «контактной зоной», где франко-нормандский князь становился гарантом безопасности и патроном восточно-христианских монастырей, латинский патриарх — встречал ромейских василевсов и вступался за права византийских царевен, мелькитский викарий вступал в число собратьев латинского военно-монашеского ордена, а в стенах восстановленной франками обители бок о бок подвизались бенедиктинцы и православные монахи. История церковных контактов «греков» и «латинян» в Леванте получила уникальное продолжение в XIII в. В этом веке сирийские франки неожиданно стали проявлять к греко-мелькитской Церкви, в том числе и к их иерархии, гораздо большую толерантность, нежели их собратья в пределах Латинской Романии или даже соседнего, Иерусалимского королевства; однако об этом будет подробно сказано в третьей главе этого раздела.

Глава III

Франкская Сирия — земля на стыке латинского запада и византийского востока.

Секулярный аспект культурного соприкосновения франков и ромеев

I. Византийская архитектура на землях франкской Сирии

Соприкосновение латинян и ромеев на землях франкской Сирии и Киликии не ограничивалось лишь сферой церковной жизни. Византийское влияние ощущалось в архитектуре, нумизматике, в составе населения, наконец — в общественной (в том числе — экономической) жизни княжества Антиохийского и, хоть и в меньшей степени, сирийских графств Эдессы и Триполи. В первую очередь, обратимся к византийскому архитектурному наследию на землях франкской Сирии. Как на заре XX в. писал Томас Эдвард Лоуренс: «В княжествах Антиохии и Эдессы крестоносцы обрели великолепные крепости, которые они оставили практически неизменными, так же как они оставили покоренным народам византийские своды законов и приняли к себе на службу греческих сановников»⁵⁹⁸. Данная характеристика Лоуренса, несмотря на свою вековую давность, вполне правомерна, по крайней мере — в отношении княжества Антиохийского.

Антиохия — общее описание

С точки зрения зодчества Антиохия оставалась преимущественно византийским городом. Архитектурные доминанты города — крепостные стены, цитадель, акведук, княжеский дворец, собор Св.

⁵⁹⁸ Lawrence T.E. Crusader Castles. — Oxford, 1988. — P. 129.

Апостола Петра, юстинианова церковь Пресвятой Богородицы, церковь Свв. Космы и Дамиана, базилика Св. Георгия, большая часть прочих церквей города, а также городские бани — были возведены в период первого или второго византийского правления⁵⁹⁹. О церковном зодчестве уже было в достаточной мере подробно сказано в предшествующей главе, так что в данном разделе обратимся к светским постройкам Антиохии и городов франкской Сирии. Прекрасные описания Антиохии эпохи второго византийского и франкского правления оставили такие авторы XI–XIII вв., как Юханна ибн Бутлан, аль-Идриси, Абу-ль-Макарим, Иоанн Фока, Вильбранд Ольденбургский.

Юханна ибн Бутлан, впервые посетивший Антиохию в 1051 г., так описывает этот великий христианский город Сирии: «Антиохия — поистине огромный город. Она обнесена стеной и дополнительным рядом внешних укреплений. У стен — 360 башен (...) План города напоминает полукруг, диаметр которого тянется вдоль хребта (Сильпа); городская стена поднимается прямо по склонам горы, вплоть до самой ее вершины, а затем спускается, замыкая полукруг. На вершине горы, внутри крепостных стен, располагается крепость, которая, если смотреть со стороны города, кажется крошечной, из-за высоты склона. Эта гора отбрасывает тень на город, закрывая его от солнца; лучи солнца достигают города лишь со второго часа дня»⁶⁰⁰. На склонах гор Сильп и Стаурин были высечены обширные террасы, на которых располагались бани, сады и дворцы знати. Юханна ибн Бутлан в своем описании насчитывает пять подобных террас: «В верхней части города находятся пять террас; на пятой же террасе располагаются бани и сады, и откуда открывается прекрасный вид»⁶⁰¹. Северная часть города, за исключением оживленного квартала Епифании, включавшего монастырь Св. Павла, Юстинианову церковь Пресвятой Богородицы и Госпиталь, была менее обитаемой. В основном же, население было сосредоточено в южной части города, а также вдоль главной улицы-колоннады.

⁵⁹⁹ Акведук, городские стены и башни, бани, церковь Пресвятой Богородицы, нижняя часть церкви Кассиана, церковь Свв. Космы и Дамиана — постройки эпохи римского или первого византийского правления. Цитадель, располагавшаяся неподалеку от нее церковь Св. Иоанна Златоуста, будущий дворец князя Антиохии, а также верхняя часть собора Св. Петра//церкви Кассиана относились к числу построек второго византийского периода.

⁶⁰⁰ Le Strange G. Op.cit. — P. 370—371.

⁶⁰¹ Le Strange G. Op.cit. — P. 371.

Арабский географ Аль-Идриси, описывая Антиохию нормандскому королю Рожеру II Сицилийскому, прекрасно суммировал достоинства и характерные черты города, в том числе обилие вод, силу укреплений и наличие внутри городских стен многочисленных садов и сельскохозяйственных угодий. По его словам: «За исключением Дамаска нет такого города, который был бы равен ей, как по внешнему положению, так и по внутреннему устройству. Там обилие вод, текущих через базары и вдоль дорог, в замки и через улицы. Там стена, окружающая как сам город, так и его сады; ее длина достигает двенадцати миль. Стена эта удивительна и неприступна. Она возведена из камня и замыкает в своем кольце как город, так и гору, которая нависает над ним. Внутри городских стен расположены мельницы, оранжереи и сады, с овощами и прочими нужными посадками. Там пребывает бесчисленное количество всякого добра и многочисленные благословения»⁶⁰². Иоанн Фока, посетивший Антиохию во время своего паломничества в Святую землю (около 1185 г.), старается указать читателю на прежнее величие города и на его нынешнее, несколько угасшее состояние. По его словам: «некогда Град Божий Антиохия, возвышавшийся на берегах Оронта, радовался своим обширным театрам, великолепным колоннадам, массивным храмам, многочисленным обитателям и безграничному богатству, превосходя практически все города Востока. Однако время и руки варваров угасили его процветание, хотя город и сейчас может похвастаться своими башнями и сильными укреплениями, и очаровательным журчанием своих разделенных вод, ибо река нежно расширяется близ города и окружает его, извиваясь около башен и охватывая их своими влажными объятиями»⁶⁰³. Также Иоанн Фока с восхищением пишет об обилии вод, орошавших Антиохию и ее окрестности, в том числе и о долине Дафни. Согласно его описаниям, Антиохию «завидно снабжает водами как ручьи, проистекающие от источника Касталия (...), так и многие каналы, проведенные через весь город и омывают его, благодаря масштабной работе и щедрому сердцу основателя города, который провел ручей от его истоков, через

⁶⁰² Le Strange G. Op.cit. — P. 375.

⁶⁰³ Ioannes Phocas. Op.cit. — P. 528; Stewart A., ed. & trans. The Pilgrimage of John Phocas... — P. 6.

горы, к самому городу путем воздвигнутого акведука»⁶⁰⁴. Акведук, согласно Иоанну Фоке, шел от покрытого величественным портиком источника Касталии, в долине Дафни, к стенам Антиохии. Согласно описаниям Фоки, воды источника Касталия «разделяются на два ручья. Один из них поднимается по высоким каналам, превращаясь в воздушную реку, и изливается с высоты над городом, с западной его стороны»⁶⁰⁵. С высокогорья, из ущелья между горами Сильп и Стаурин, в Антиохию также поступали воды горного ручья Пармений, сдерживаемого дамбой, возведенной по приказу Юстиниана I и служившей одновременно фундаментом для участка городских стен; рядом с этой дамбой располагались потаенные и труднодоступные «Железные врата»⁶⁰⁶.

Антиохия. Крепостные стены и цитадель

Стены Антиохии — окружавшие город и вздымавшиеся на почти пятисотметровую высоту гор Сильп и Стаурин, также представляли собой работу византийских зодчих VI в., чью работу позднее дополняли их ромейские собратья XI в., арабы в VIII-X вв., а также франкские каменщики XII-XIII вв. На протяжении многих веков даже руины стен Антиохии продолжали поражать путешественников своими масштабами и величием. Еще Павел Алеппский, видевший уцелевшие участки крепостных стен Антиохии в середине XVII в., восхищался их высотой и мощью. Восхваляя стены Коломенского кремля, архидиакон Павел сопоставляет их с крепостными стенами Антиохии, отмечая, в частности, сходство арочных ниш, укреплявших стены с внутренней стороны. Причем, согласно Павлу, в древности в Антиохии в эти ниши

⁶⁰⁴ Ioannes Phocas. Op.cit. — P. 528; Stewart A., ed. & trans. The Pilgrimage of John Phocas... — P. 6—7.

⁶⁰⁵ Второй ручей, истекающий от источника Касталии, заполнял болотистой влагой долину Дафни и сливался с Оронтом. См. Ioannes Phocas. Op.cit. — P. 528; Stewart A., ed. & trans. The Pilgrimage of John Phocas... — P. 7. В эпоху второго византийского и франкского правления близ источников Касталии грузинские монахи основали обитель Пресвятой Богородицы Кастана. См. выше: Часть IV, гл. 1, С. 100—105.

⁶⁰⁶ О возведении этой дамбы подробно пишет Прокопий Кесарийский, слова которого мы приводили в первой главе. См. Часть I, гл. 1, С. 100—105.

вставлялись стекла⁶⁰⁷. На гравюрах и литографиях XIX в. хорошо виден ныне разрушенный участок стен и несколько башен, спускавшихся с юго-западных склонов Сильпа, на которых различимы чередующиеся светлые и темные (кирпичные) полосы каменный кладки — декоративный элемент, принятый в византийской фортификационной архитектуре. Лучшим и наиболее известным примером подобной кладки являются стены Феодосия в Константинополе.

Стены города были укреплены многочисленными башнями, воздвигнутыми по всему периметру. Согласно ибн Бутлану, число башен Антиохии достигало 360, а латинский автор Гвиберт Ножанский возводит их число до 450⁶⁰⁸. Большая часть башен были двухъярусными и прямоугольными, хотя среди них встречаются и башни полукруглой формы⁶⁰⁹. Башни были оснащены бойницами, малыми дверями, помещениями для стражи и цистернами для воды, что делало каждую из них по сути дела неприступной и обособленной крепостью. Однако само число башен и масштабы укреплений требовали крайне многочисленного гарнизона, что делало оборону Антиохии крайне проблематичной. Юханна ибн Бутлан говорит о том, что для несения гарнизонной службы в Антиохии требовалось никак не меньше 4,000 воинов⁶¹⁰. Подчас оборонявшимся приходилось полагаться на саму высоту стен, нежели на наличие достаточного количества воинов для их обороны. Латинские Патриархи Антиохии, возглавлявшие оборону города в 1119, 1149 и 1164 гг., вынуждены были доверять часть башен вооруженным клирикам, монахам и ополченцам. Отсутствие достаточных сил для обороны столь масштабных укреплений губительно сказалось и во время последней, мамлюкской осады Антиохии, в мае 1268 г.

⁶⁰⁷ «Изнутри окружной стены есть арки, подобные тем, которые находятся изнутри стены Антиохии со стороны ворот Аль-Жинам (Садовых), и о которых нам говорили, что в древности в них вставляли зеркала для блеска». См. Павел Алеппский. Указ. соч. — Книга VI, гл. 1, С.. Зарисовку не сохранившегося поныне участка стен у Ворот Св. Павла, имевшего подобные ниши, см. Rey E.G. *Étude sur les monuments de l'architecture militaire des croisés...* P. 192 (№50).

⁶⁰⁸ Le Strange G. *Op.cit.* — P. 370; Guiberti Abbatis. *Op.cit.* — Lib. VI, c.16, P. 211—212.

⁶⁰⁹ Схемы и описание башен см. Rey E.G. *Étude sur les monuments de l'architecture militaire des croisés...* P. 187—192.

⁶¹⁰ Le Strange G. *Op.cit.* — P. 370

Венцом укреплений Антиохии служила цитадель, воздвигнутая ромеями после завоевания города в 969 г. Положение цитадели, возведенной на почти полукилометровой высоте над городом, делало ее поистине неприступной крепостью, недоступной для осаждавших⁶¹¹. С момента своего строительства, инициированного при императорах Никифоре II и Иоанне I Цимисхии, цитадель не раз служила убежищем для различных исторических деятелей и партий, боровшихся за господство над Антиохией. Первый подобный прецедент относится к ноябрю 989 г., когда в цитадели, пытаясь удержать под своей властью Антиохию, укрепился Лев Фока, брат претендента на императорский престол Варды Фоки. Как сказано в хронике Яхьи Антиохийского, Лев «укрепился в башне на высшем месте стены со стороны горы и укрепил ее, и было при нем множество армян и мусульман. И вызвал он ополчение мусульман и просил их помочь ему»⁶¹². Однако после четырехдневного сражения с ополчением Антиохии и прибывшими в город императорскими войсками Лев Фока был принужден к сдаче⁶¹³. Спустя почти столетие, в 1078 г. в цитадели Антиохии сходным образом искали убежища армянские войска дуки Васака Пахлавуни, убитого восставшим населением города. Воины Васака смогли продержаться в цитадели вплоть до входа в город армии призванного ими Филарета Варажнуни⁶¹⁴. В декабре 1084 г., при сельджукском завоевании Антиохии, цитадель стала оплотом для оборонявшихся жителей города, откуда они даже совершили конную контратаку против войск румского султана Сулеймана⁶¹⁵.

При завоевании Антиохии крестоносцами цитадель вновь оказалась вне досягаемости завоевателями, став убежищем для нескольких тысяч мусульман, капитулировавших лишь после поражения

⁶¹¹ План цитадели см. Lawrence T.E. *Crusader Castles...* — P. 38 (Fig.18). План крепостных стен Антиохии, с цитаделью, см. Rey E.G. *Étude sur les monuments de l'architecture militaire des croisés...* Pl. XVII.

⁶¹² Розен В.Р. Указ. соч. — С. 26.

⁶¹³ Пользуясь цитатой из хроники Яхьи: «и сражались с ним четыре дня и заставили его сойти (с башни) на пятый день, обещав пощадить его». См. Розен В.Р. Указ. соч. — С. 26.

⁶¹⁴ Подробнее см. выше: Часть I, гл. 3, С. 100—105.

⁶¹⁵ Об этом повествует очевидец этих событий, иеромонах Лавры Св. Симеона Дивного — Михаил. Подробнее, см. выше: Часть I, гл. 3, С. 100—105.

армии эмира Кербози (28 июня 1098 г.)⁶¹⁶. Алиса Антиохийская и ее ближайшие сторонники искали там спасения в 1131 г., когда население впустило в город армию короля Бодуэна II де Бурга⁶¹⁷. Князь Рено де Шатильон, сходным образом, укрепился в цитадели, когда пленил Патриарха Амори де Лиможа (в 1154 г.). Избиения и пытки Амори проходили именно в стенах этой крепости — все подступы к которой контролировались княжескими воинами, что делало ее недоступной для сторонников Патриарха⁶¹⁸. Нур-ад-Дин отмечал неприступность Антиохийской цитадели в 1164 г., что послужило одним из основных мотивов его отказа от осады города после битвы у Харима⁶¹⁹. Цитадель играла важнейшую роль и в эпоху многолетней междоусобной войны за Антиохийское наследство, бушевавшей в первой четверти XIII в. Так, в 1219 г. госпитальеры на протяжении нескольких месяцев держали оборону цитадели от имени молодого князя Раймонда-Рубена, будучи осажденными там войсками его соперника — князя Бозмунда IV Одноглазого⁶²⁰. Даже в мае 1268 г., когда армия мамлюкского султана Бейбарса заняла Антиохию, цитадель продолжала держаться на протяжении еще нескольких дней. В итоге, более тысячи беженцев, державшие там оборону и вынужденные с высоты наблюдать за истреблением населения и уничтожением родного города, сдались на милость Бейбарса, частью получив от него право свободного прохода в пределы Киликийской Армении⁶²¹. Легко заметить, что каждый раз цитадель была принуждаема к сдаче, ни разу не пав под прямым вооруженным натиском противника. Стены и башни Антиохии сильно страдали во время великих сирийских землетрясений 1114 г. и 1170 г.; к примеру, во время землетрясения 1170 г. обрушился целый участок западных стен, выходивших к реке Оронт. Следовательно, в XII-XIII вв. трудиться над восстановлением и перестройкой старых

⁶¹⁶ Подробнее см. выше: Часть II, гл. 1, С. 100—105.

⁶¹⁷ Guillaume de Tyr. Op.cit. — Lib. XIII, c.27, P. 600—601. Подробнее см. выше: Часть III, гл. 2, С. 100—105.

⁶¹⁸ Guillaume de Tyr. Op.cit. — Lib. XVIII, c.1, P. 816—817.

⁶¹⁹ Ibn al-Athir. Histoire des Atabecs de Mosul... P. 224.

⁶²⁰ L'Estoire de Eracles... P. 318; Delaville le Roulx J. Les Hospitaliers en Terre Sainte et a Chypre (1100—1310)... P. 148; Cahen C. La Syrie du Nord... P. 631. Подробнее о войне за Антиохийское наследство (1201—1219 гг.) см. ниже: Часть IV, гл. 3, С. 100—105.

⁶²¹ Подробнее о падении Антиохии, см. Часть IV, гл. 4, С. 100—105.

византийских укреплений приходилось уже франкским зодчим. Так, руины цитадели, в особенности своды ее нижних залов и основания окружавших ее полукруглых башен, выдают работу латинских мастеров, использовавших приемы, известные лишь со второй половины XII в.⁶²².

Антиохия. Княжеский дворец

Княжеский дворец (ранее служивший резиденцией сельджукского эмира города — Яги-Сиана), также был возведен в период византийского правления и изначально предназначался для ромейского дукса Антиохии. Будучи византийской постройкой, дворец князя представлял собой не укрепленный донжон или цитадель, а ряд соединенных друг с другом зданий, отгороженных стенами и садами от окружавшего городского пространства. Абу-ль-Макарим оставил восторженное описание княжеского (или, как его именует коптский диакон, «царского») дворца, окруженного мраморными галереями и античными статуями. «Дворец царя стоит посреди города, окруженный колоннами алого и белого мрамора, и мрамора с прожилками, и чудотворными идолами. У дворца семь высоких врат, выкованных из железа и покрытых красным золотом; и над каждым вратом стоит идол (...) Во дворце стоят дома мудрецов (...) и дома для диванов, и судей, и правителей»⁶²³. То есть дворец правителя Антиохии, наподобие константинопольскому Большому дворцу, представлял собой не некую крепость, но разветвленный комплекс построек, включавших княжеские палаты; различные службы; дома и помещения для работы княжеских сановников и придворных ученых; палату для заседаний дивана (секрета); помещения для судебных заседаний и рассмотрения текущих финансовых и юридических вопросов, находившихся в ведении княжеских чиновников; особую «палату мудрости», увенчанную высоким куполом; придворную княжескую капеллу Св. Иллария, и т.д. О том, что дворец действительно был скорее разветвленным восточным поместьем, а не замкнутым укрепленным

⁶²² Nicolle D. *Crusader Castles in the Holy Land*. — Oxford, 2008. — P. 14, 112, 122—123, 146.

⁶²³ Hacken C.E. ten. *The description of Antioch in Abu al-Makarim's History of the Churches and Monasteries of Egypt...* c. XVII, P. 208.

пространством, свидетельствует и тот факт, что во время внутренних тревожений князя Антиохийские никогда не задерживались в княжеском дворце, а искали убежища в цитадели.

Антиохия. Центральная улица-колоннада (Cardo maximus)

С севера на юг, от ворот Св. Павла до ворот Св. Георгия, Антиохию пересекала центральная улица — обрамленная двойной колоннадой и украшенная многочисленными портиками. Наличие подобной улицы-колоннады, шедшей с севера на юг и именуемой *Cardo maximus* — было одним из основополагающих атрибутов римской городской архитектуры. Крупнейшая из известных подобных колоннад сохранилась в соседствующей с Антиохией Апамее. Мозаичное изображение *Cardo maximus* Иерусалима можно увидеть на мозаичной Мадабской карте (VI в.)⁶²⁴. Константинополь, в свою очередь, также славился своей главной улицей-колоннадой, именуемой Меса (т. е. «Срединная») — шедшей от Золотых врат, через форумы Феодосия и Константина, к дворцовой площади Августеон⁶²⁵. Подобные улицы были сердцем позднеантичных и византийских городов; в нишах колоннад и под покровом портиков располагались торговые лавки местных ремесленников; там же заседали юристы и учителя, выставляли свои товары заезжие купцы; туда же стекались паломники и путешественники. В некоторых местах над *Cardo* натягивали ткань, защищая улицу от палящего восточного солнца. Абу-ль-Макарим отмечает, что среди семи больших рынков Антиохии часть были крытыми, часть же располагались под открытым небом⁶²⁶. Разумеется, ко временам франкского правления антиохийская улица Кардо не могла сохраниться в первозданном виде; ее правильная планировка и выверенное единообразие колонн и портиков неминуемо должно было претерпеть существенные изменения под воздействием

⁶²⁴ Иерусалимская улица *Cardo* проходила от ворот Св. Стефана на севере, до Сионских врат на юге.

⁶²⁵ В этом смысле, константинопольская Меса представляла собой не Кардо, но скорее Декуманус — главную улицу, шедшую с востока на запад. Подробнее о константинопольской Месе см. Иванов С.А. В поисках Константинополя... С. 250—253.

⁶²⁶ Hacken C.E. ten. The description of Antioch in Abu al-Makarim's History of the Churches and Monasteries of Egypt... с. XVII, P. 208.

землетрясений, разорений и, в особенности, нестройной средневековой застройки, облепившей уцелевшие участки колонн и портиков. Но все же антиохийская улица-колоннада сохранила и свои очертания, и часть своего бывшего великолепия, и свое основное предназначение. На старую улицу *Cardo* выходил собор Св. Апостола Петра, княжеский дворец, часть городских бань, а также монастырь Св. Павла на севере и, вероятно, базилика Св. Георгия на юге; к ней же прилегал существовавший с византийских времен квартал амальфитанцев и основанная в 1098 г. генуэзская фактория (с кварталом из 30 домов и церковью Св. Иоанна)⁶²⁷. Все это делало ее средоточием торговой, светской и религиозной жизни города⁶²⁸.

Антиохия. Античные статуи

В Антиохии по-прежнему можно было увидеть и отдельные античные памятники, с которыми население средневекового города связывало множество преданий и суеверий. Прекрасное описание римских статуй и колонн Антиохии и связанных с ними преданий приводит Абу-ль-Макарим. Так, он упоминает о великой колонне, высотой в 21 локоть, по всей поверхности которой шло изображение змеи. К этой колонне, согласно городскому преданию, следовало приходить для исцеления от змеиного яда. Над каждым из семи врат княжеского дворца также была поставлена античная статуя («идол»); эти статуи, по словам Абу-ль-Макарима, останавливали конское ржание и, тем самым, сохраняли покой пребывавших во дворце. Среди перечисленных коптским диаконом памятников, наиболее удивительной кажется конная статуя, созданная из «магнетического камня», воздвигнутая на высокой колонне и стоявшая на площади в окружении других колонн алого мрамора (т. е. на форуме, хотя

⁶²⁷ Об антиохийской «прямой улице, ведущей к базилике Св. Петра» как о важнейшем ориентире города подчеркнуто упоминает князь Бозмунд I в одной из первых своих хартий, предоставляя квартал для генуэзской фактории. См. Röhrich R., ed. *Regesta Regni Hierosolymitani...* №12, P. 2; Hagenmeyer H., ed. *Die Kreuzzugsbriefe aus den Jahren 1088—1100...* №13, P. 155.

⁶²⁸ Подробнее см.: Eger A. *Mapping Medieval Antioch...* P. 96, 109, 111, 117, 122, 130; Meyer G. *L'apport des voyageurs occidentaux (1268—1918) au Lexicon Topographicum Antiochenum...* P. 245; Lassus J. *Les Portiques d'Antioche // Antioch on-the-Orontes*, V. — Princeton, 1972.

Абу-ль-Макарим именует эту площадь «театром»). Это описание, естественно, вызывает параллель с константинопольской площадью перед Св. Софией, где была поставлена конная статуя императора Юстиниана I Великого. Вполне возможно, что и описанная коптским диаконом антиохийская статуя была современницей и аналогом статуи из Константинополя, и была призвана увековечить память о Юстиниане, как великом восстановителе Антиохии⁶²⁹.

Антиохия. Бани

Особым памятником поздне римского и византийского присутствия были великолепные термы и бани Антиохии, восточное новшество, которое по достоинству смогли оценить осевшие в городе франки. Юханна ибн Бутлан, будучи великим врачом и, к тому же, уроженцем Багдада, искушенным в восточной роскоши, с восхищением писал о банях Антиохии: «В городе находятся горячие бани, равные которым вы не найдете в каком-либо другом городе, из-за их роскоши и превосходства; ибо они топят за счет миртового дерева, а вода протекает там обильными потоками, без каких-либо преград»⁶³⁰. Центральные бани города были восстановлены на средства второго нормандского князя Антиохийского и получили название «баней Танкреда»⁶³¹. Еще одни термы перешли в личную собственность князю Рено де Шатильону, который, очевидно, владел ими и после лишения княжеского престола. В 1186 г. «бани, которыми владел князь Рено Антиохийский» (*balnea, quae dominus Rainaldus Antiochiae habebat*), были переданы князем Боэмундом III ордену госпитальеров⁶³². Орден Св. Иоанна владел несколькими банями в Антиохии; первые были переданы госпитальерам еще отцом Боэмунда III — князем Раймондом Антиохийским. Банями в Антиохии

⁶²⁹ Hacken C.E. ten. The description of Antioch in Abu al-Makarim's History of the Churches and Monasteries of Egypt... c. XVII, P. 208; c. XX, P. 210.

⁶³⁰ Le Strange G. Op.cit. — P. 371.

⁶³¹ «Бани Танкреда» (*balnea Tancredi*) упоминаются в различных латинских текстах, в частности — в хартии короля Фулька Анжуйского (датированной сентябрем 1134) и в хартии князя Раймонда Антиохийского от 19 апреля 1140 г.; см. Röhrich R., ed. *Regesta Regni Hierosolymitani*... — №149, P. 37, №195, P. 48.

⁶³² Röhrich R., ed. *Regesta Regni Hierosolymitani*... — №647, P. 172.

владела одна из наиболее знатных сеньориальных династий княжества — род де Мазуар⁶³³.

Латакия

Не менее заметные черты византийского присутствия, нашедшие свое выражение в сочетании позднеантичной и средневековой архитектуры, сохранила и Латакия. Рауль Канский, посещавший город в первые годы нормандского владычества, дает следующее описание Латакии: «Посмотрев на руины, можно увидеть, что этот город некогда был благородным; там были церкви, многочисленное население, богатство, башни, дворцы, театры и все прочее, что делает город великим. Помимо Антиохии, не было другого такого города, в пределах которого находилось бы столько признаков былого величия. Многочисленные ряды колонн, акведуки, которые бежали над пресеченной местностью, башни, возносящиеся к небесам, статуи, располагавшиеся в подобающих им местах и все изготовленные из драгоценных материалов (...) По всему периметру город был либо обнесен стеной, либо окружен руинами»⁶³⁴. Аль-Димашки сравнивает Латакию с Александрией и отмечает, что «ее здания очень древние»⁶³⁵. Иоанн Фока описал Латакию как «великий и многолюдный город, хотя время также угасило его прежнее величие»⁶³⁶. Согласно Якуту аль-Хамави, писавшему около 1225 г., Латакия — «древний греческий город, с множеством древних зданий. Город владеет хорошими землями и отлично-построенной гаванью. Две крепости возведены на высоком холме, который прилегает к городу и возвышается над пригородом»⁶³⁷. Сходное описание оставляет Баха-ад-Дин, бывший очевидцем взятия Латакии армией Салах-ад-Дина. По его словам, «Латакия — красивый

⁶³³ Ciggaar K. The Adaptation of Oriental Life by Rulers in and around Antioch. Examples and Exempla // East and West in the Medieval Eastern Mediterranean. Antioch from the Byzantine Reconquest until the End of the Crusader Principality. — Leuven, 2006. — P. 265.

⁶³⁴ Radulfo Cadomensi. Op.cit. — с.144, P. 706.

⁶³⁵ Le Strange G. Op.cit. — P. 491.

⁶³⁶ Ioannes Phocas. Op.cit. — P. 529; Stewart A., ed. & trans. The Pilgrimage of John Phocas... — P. 8.

⁶³⁷ Le Strange G. Op.cit. — P. 490.

город, радующий взгляд; в нем есть знаменитая гавань и два замка, расположенные рядом друг с другом на холме, возвышающемся над городом». Далее он отмечает, что Латакия «торговый город, в котором находилось много сокровищ и товаров»⁶³⁸.

В черте Латакии по сей день можно увидеть руины Храма Вакха, а также тетрапортик императора Септимия Севера, некогда благоувавшего город многочисленными постройками. Вероятно, что в средневековый период в Латакии сохранялись еще и руины некогда возведенных Септимием Севером театра и ипподрома. С севера на юг, параллельно гавани, проходила главная улица-колоннада (*Corda maximus*), что роднило Латакию с Антиохией, Апамеей и Иерусалимом. В эпоху римского правления лаодикейскую Корду пересекали еще три улицы-колоннады, однако неясно, что от них еще оставалось ко времени крестовых походов. Стены и две крепости, естественно, относились к числу арабских и поздних византийских построек, позднее укрепленных и перестроенных франками. Гавань Латакии по сей день является главным коммерческим портом Сирии⁶³⁹. К числу следов византийского присутствия в Латакии относились термы, а также многочисленные церкви города, в том числе возведенная Юстинианом церковь Св. Иоанна (вероятно, служившая кафедральным собором для халкидонских христиан).

Эдесса

Византийское архитектурное наследие Эдессы было представлено как некоторыми городскими церквями (в особенности мелькитской базиликой Св. Софии), так и масштабными городскими укреплениями. Цитадель Эдессы, подобно антиохийской цитадели, была возведена (или, скорее, заново укреплена и перестроена) византийскими зодчими после завоевания города войсками Григория Маниака. Строительные работы, очевидно, проходили в 1030-х гг., под непосредственным началом самого Маниака. Об свидетельствуют слова армянского хрониста Григория Пресвитера, когда он пишет

⁶³⁸ Баха ад-Дин. Указ. соч. — гл. 41, С. 124.

⁶³⁹ План средневековой гавани Латакии, см. Rey E.G. *Étude sur les monuments de l'architecture militaire des croisés...* P. 177 (№46).

о цитадели Эдессы как о «крепости Маниака»⁶⁴⁰. Здесь явно можно проследить общее для ромеев устремление к возведению новых цитаделей в покоренных сирийских городах, в частности — в Антиохии, Тартусе, Эдессе. И это устремление было в полной мере оправданным; во время тюркских осад первой половины XI в. ромеи удерживали Эдессу именно благодаря цитадели⁶⁴¹. То, что цитадель Эдессы представляла собой исключительно византийскую крепость, отмечал в свое время и Т.Э. Лоуренс⁶⁴². Что касается крепостных стен, то они представляют собой сочетание римского и арабского зодчества. Как и в Антиохии, стены Эдессы были укреплены огромным количеством башен, число которых могло достигать 145. С четырех сторон света путь в город открывали укрепленные ворота; на севере — Врата Времени, на западе — Арочные Врата, на юго-западе — Врата Вод. Отдельные врата вели в цитадель. Что касается Восточных врат, то через них в Эдессу поступала река Дайсан — один из притоков Евфрата. Согласно латинскому паломническому описанию, в свое время приведенному Рёрихтом (и, позднее, Сигалом), река «поступает в город через малые пещеры, проходит под основаниями великого монастыря и там превращается в ручей, над которым, в золотой раке, великолепно выложенной драгоценными камнями, висели мощи двух Апостолов — Фомы и Варнавы»⁶⁴³.

Византийские крепости — центры франкских сеньорий. Турбессель, Равандель, Харим, Бурзей, Саон, Баграс

Центры многих сеньорий Антиохийского княжества и графства Эдесского первоначально располагались в прежних византийских укреплениях, которые впоследствии перестраивались франками. Заселенные армянами города-крепости Турбессель (Тель-Башир) и Равандель, бывшие первыми владениями Бодуэна I и «колыбелью» Эдесского графства, были возведены и заселены как раз в эпоху второго византийского

⁶⁴⁰ Grégoire le Prêtre. Op.cit. — P. 158

⁶⁴¹ Подробнее см. выше: Часть I, гл. 3, С. 100—105.

⁶⁴² Lawrence T.E. Crusader Castles... — P. 39.

⁶⁴³ Цит. по Segal J.B. Edessa: The Blessed City... P. 250. Подробнее об укреплениях Эдессы см. Ibid. — P. 249—250.

правления в Сирии (X-XI вв.). Замок Харим (Аренк), располагавшийся на восточном берегу Оронта и бывший центром одного из фьефов Антиохийского княжества, невзирая на то, что его неоднократно перестраивали арабы, сохранил, по словам Лоуренса, «поразительное сходство с византийскими постройками»⁶⁴⁴. Выше по течению Оронта, к югу от Антиохии, располагался великий замок Бурзей, укрепления которого, возвышавшиеся над близлежащими долинами, были увенчаны 21 башней. Эта крепость, также бывшая центром одного из антиохийских фьефов, в свое время была основана ромейскими воинами и лишь в следующем столетии (т. е. в XII в.) перестроена франкскими зодчими⁶⁴⁵. В 25 км к востоку от Латакии по сей день располагаются руины Саона (араб. — «Саюн»), замка, который может считаться наиболее масштабным «франко-византийским» фортификационным сооружением на Ближнем Востоке. На исходе правления Танкреда или в начале правления князя Рожера (около 1112—1113 гг.) некогда построенная ромеями сирийская крепость Саон была передана одному из влиятельнейших антиохийских баронов — Роберу Фиц-Фульку Прокаженному. И если сам Робер правил своим фьефом, довольствуясь укреплениями византийской крепости, то его сын — Гильом построил на соседнем холме новый, уже франкский донжон, а следующие сеньоры Саона — братья Рожер и Гарентон возвели вокруг родового замка обширные крепостные стены. В итоге получилось огромное сооружение, охватившее более пяти гектаров и ставшее крупнейшим из сеньориальных замков княжества Антиохийского⁶⁴⁶.

Наконец, к северо-западу от Антиохии возвышалась основанная ромейскими воинами крепость, которой суждено было играть важнейшую роль в истории Антиохийского княжества XII-XIII вв. Речь идет о замке Баграс. Баграс был возведен под личным руководством императора Никифора II Фоки (в 968 г.)⁶⁴⁷. С момента своего

⁶⁴⁴ Lawrence T.E. *Crusader Castles...* — P. 37—38. План крепости, см. Ibid. — P. 38 (Fig.19).

⁶⁴⁵ Mesqui J. *Bourzey, une forteresse anonyme de l'Oronte, dans Faucherre // La fortification au temps des Croisades. Actes du colloque international de Parhenay. — Rennes, 2004. — P. 95—133.*

⁶⁴⁶ Lawrence T.E. *Crusader Castles...* P. 42—48; Rey E.G. *Étude sur les monuments de l'architecture militaire des croisés...* P. 105—113; Nicolle D. *Crusader Castles in the Holy Land...* P. 44, 72—74, 134.

⁶⁴⁷ Основание замка Баграс описано Львом Диаконом и Яхьей Антиохийским. Подробнее см. выше: Часть I, гл. 3, С. 100—105.

возведения замок оставался важнейшим стратегическим рубежом к северу от Антиохии, перекрывая путь через Сирийские врата (перевал Аль-Балан) и находясь в нескольких часах пути от города на Оронте. По словам Вильбранда Ольденбургского, посещавшего замок в 1211 г., Баграс «неусыпно сторожит проходы и дороги той земли (...) От этой крепости и ее окрестностей открывается вид на Антиохию. Город располагается в четырех лигах отсюда (т. е. примерно в 20 км от Баграса)»⁶⁴⁸. Будучи одним из фьефов княжества Антиохийского, Баграс был в 1150-х гг. передан ордену тамплиеров; позднее он переходил к Салах-ад-Дину, королю Киликийской Армении, а затем вновь к ордену Храма. Естественно, что каждая смена владельцев подразумевала новые фортификационные работы и укрепления этого северного «щита Антиохии»⁶⁴⁹.

Византийская архитектура в графстве Триполи

Южнее, в графстве Триполи, византийское влияние на архитектуру ощущалось в гораздо меньшей степени, однако и там сохранились памятники, возведенные ромейскими зодчими. Одним из таких памятников стала цитадель Раймонда Сен-Жильского на Монт Пелерен, близ Триполи, построенная, как мы уже отмечали, византийскими мастерами, присланными императором Алексеем I Комниным⁶⁵⁰. Сам Триполи представлял собой скорее арабо-мусульманский город, перестроенный франками. Однако северная часть графства, включавшая Тартус, Сафиту, Аккар, еще в XI в. входила в состав Ромейской державы и потому сохранила более ощутимое присутствие византийской архитектуры. Крепостные стены Тартуса были коренным образом перестроены на рубеже X-XI вв. в правление императора Василия II Болгаробойцы⁶⁵¹. Ярко-выраженное ромейское архитектурное наследие дало Лоуренсу основание писать о том, что сохранившаяся часть городских укреплений

⁶⁴⁸ Wilbrandus de Oldenborg. Op.cit. — P. 174.

⁶⁴⁹ Lawrence A.W. The Castle of Baghras // The Cilician Kingdom of Armenia. — Edinburgh, 1978. — P. 34—84.

⁶⁵⁰ Об этом повествует Анна Комнина. Подробнее, см. выше: Часть II, гл. 2, С. 100—105.

⁶⁵¹ См. выше: Часть I, гл. 3, С. 100—105. Подробнее об укреплениях Тартуса см. Rey E.G. Étude sur les monuments de l'architecture militaire des croisés... P. 69—83.

Тартуса — работа явно византийская⁶⁵². Другая твердыня сирийских франков — Сафита, позднее перестроенная и переименованная тамплиерами в Шастель-Блан («Белый замок»), также изначально была византийской крепостью, что отмечает в своем исследовании Э. Рей⁶⁵³. Влияние византийской архитектуры проявляется и в построенном провансальцами замке Гибелькар, в ливанском Аккаре.

II. Milites et nobiles

Доступ ромеев в ряды воинов и нобилитета франкской Сирии

Не менее ощутимым было влияние Византии и присутствие византийских христиан (греков, мелькитов, армян-халкидонитов) в общественной и экономической жизни франкской Сирии. Хотя здесь следует сразу же отметить, что византийские христиане были весьма слабо представлены среди нобилитета (*nobiles*) и воинства (*milites*) Заморской земли. Осевшие в Сирии франки охотно принимали под свои знамена армян, маронитов, а также «туркополов» — крещеных мусульман, сирийских христиан и франко-сирийских полукровок — которые составляли большую часть легкой кавалерии в войсках князей Антиохии, королей Иерусалима, графов Эдессы и Триполи. Армяне, к примеру, играли наиболее заметную роль в войсках двух «северных» государств Заморской земли — княжества Антиохийского и графства Эдесского. В 1111 г. на призыв Танкреда, помимо баронов Антиохии и Эдессы, откликнулись армянские князья Тавра, Аманоса и Евфрата: Гох Васил и его брат Пакрад, Ошин Хетумид, а также киликийские братья-князья Торос I и Левон I Рубениды⁶⁵⁴. При осаде Азаза в 1118 г. князь Рожер Антиохийский сходным образом призвал под свои знамена Тороса I Рубенида⁶⁵⁵. В 1119 г.,

⁶⁵² Lawrence T.E. *Crusader Castles...* P. 49.

⁶⁵³ Rey E.G. *Étude sur les monuments de l'architecture militaire des croisés...* P. 85—92.

⁶⁵⁴ Альберт Аахенский именует братьев Рубенидов «Аттенел и Лев». См. Alberti Aquisensis. *Op.cit.* — Lib. XI, c.40, P. 816.

⁶⁵⁵ Это, конечно же, свидетельствуют о союзнических отношениях, нежели вассальной зависимости «властителя гор» Тороса от Антиохийского князя. См. Mathieu D'Edesse. *Op.cit.* — P. 298.

во время битвы на Кровавом Поле, в составе армии князя Рожера находилось, согласно хронике Матфея Эдесского, «600 франкских рыцарей, 500 армянских всадников и 400 пехотинцев; за ними следовало ополчение, численностью до 10,000, набранное из всех народов»⁶⁵⁶. Во время битвы при Азазе (25 июня 1125 г.) у короля Бодуэна II де Бурга, выступившего во главе объединенной армии баронов Иерусалима, Антиохии, Эдессы и Триполи, было «1,300 франкских рыцарей и 500 армянских всадников»⁶⁵⁷. Марониты, в особенности горцы, населявшие склоны Ливанских гор, также сохранили свои воинские традиции; лучники, пешие воины и легкие кавалеристы охотно пополняли войска графов Триполи и королей Иерусалима. Гильом Тирский оставил похвалу воинской доблести маронитов, называя их «прекрасными воинами, верно послужившими нашему народу в великих сражениях, которые они часто вели с врагами»⁶⁵⁸. Участие греков и мелькитов в кампаниях сирийских франков было несоизмеримо меньшим. Подчас создается впечатление, что если «греки и сириане» и вставали под знамена франкских государей, то не столько как профессиональные воины, сколько как стихийное ополчение, «набранное из всех народов»⁶⁵⁹.

Латинские хронисты охотно отмечали боеспособность грузин, а также отдельных ромейских военачальников. К примеру, канцлер Готье посвятил завершающую главу своих «Антиохийских войн» победе грузинского царя Давида IV Строителя в битве при Дидгори⁶⁶⁰. Жак де Витри, в своей «Восточной истории», назвал главу, посвященную грузинам — «О воинской доблести грузин» (*De Georgianis eorumque bellica virtute*)⁶⁶¹. Одним из ромейских военачальников, получивших признание латинян, был Константин Коломан — дука Киликии, воевавший бок о бок с сирийскими франками в битвах у Крака де Шевалье (1163) и Харима (1164).

⁶⁵⁶ Mathieu D'Edesse. Op.cit. — P. 299.

⁶⁵⁷ Mathieu D'Edesse. Op.cit. — P. 316.

⁶⁵⁸ Guillaume de Tyr. Op.cit. — Lib. XXII, c.8, P. 1077.

⁶⁵⁹ Mathieu D'Edesse. Op.cit. — P. 316.

⁶⁶⁰ Galterii Cancellarii. Op.cit. — II Bell., c.16, P. 129—132.

⁶⁶¹ Jacques de Vitry. Op.cit. — c.80, P. 156—157.

Патриарх Амори де Лимож, в своем послании к королю Людовику VII Молодому, отмечал качества и доблесть Коломана, именуя его «прославленным герцогом» (*magñi nomine Dux*)⁶⁶². Но при этом, франки были весьма невысокого мнения о боевых качествах греческого и мелькитского населения Леванта. Яркий пример латинского отношения к боевым качествам сирийских христиан можно найти у Ордерика Виталия. Описывая одну из битв, в ходе которой сельджукам противостояли провансальские рыцари и мелькитское ополчение, Ордерик пишет: «пешие воины и сириане, народ слабый и необученный, поддавшись страху и не слушая приказов своих рыцарей, обратились в бегство»⁶⁶³. Гильом Тирский писал о «сирианах» как о «народе слабом и изнеженном», отмечая их непригодность к тяготам воинской службы⁶⁶⁴. Отношение архиепископа Гильома Тирского к ромейским воинам двойственно. С одной стороны, он отмечает доблесть Иоанна II Комнина, выгодно отличившегося в сравнении с франками при осаде Шейзара (1138 г.), но одновременно Гильом указывает и на слабость «греков», в особенности рассуждая о падении Эдесского графства и перспективе перехода Антиохии под власть василевса⁶⁶⁵.

Один из великих парадоксов греко-латинского соприкосновения в восточном Средиземноморье XII в. заключался в том, что в то время как нормандцы Антиохии считали своих греческих и мелькитских подданных малоспособными к ратной службе, во главе флота и войск нормандской Сицилии стояли греки — «эмиры» Христул (1107—1127 гг.), Филипп Махдийский (1152—1153 гг.) и, конечно же, «эмир эмиров» и «архонт архонтов» Георгий (1127—1152 гг.), антиохийский грек, один из величайших флотоводцев XII в., под командованием которого рыцари и войны короля Рожера II завоевывали земли Северной Африки, разоряли византийские Балканы и совершали рейды по обоим берегам Босфора, достигая Константинополя.

⁶⁶² Aimerici, patriarchae Antiochae. Ad Ludovicum // RHGF, Vol.16. — Poitiers, 1878. — P. 62.

⁶⁶³ Речь идет о битве между аскаром эмира Рыдвана Алеппского и франко-сирийскими войсками Раймонда де Пиле, летом 1098 г. См. Orderic Vitalis. Op.cit. — Pars. III, Lib. IX, c.14, P. 635.

⁶⁶⁴ Guillaume de Tyr. Op.cit. — Lib. XXII, c.15, P. 1091.

⁶⁶⁵ Guillaume de Tyr. Op.cit. — Lib. XV, c.1, P. 656; Lib. XV, c.3, P. 660; Lib. XVI, c.17, P. 789.

**Недоверие франков к «грекам» и «сирианам». Оборона Антиохии
в 1119 г. и 1164 г.**

Что касается княжества Антиохийского и франкской Сирии, то там слабое присутствие греков и сириан в войсках латинских государей объясняется не только утратой воинских традиций. Не меньшую проблему здесь представляло и отсутствие доверия. В Антиохии первоначальное недоверие между франками и восточно-христианским населением было настолько сильным, что оно не спадало даже перед лицом сельджукской агрессии. Это видно на примере двух тюркских осад Антиохии (1119 г. и 1164 г.), когда оборону города, лишённого защиты князя и баронов, возглавляли латинские патриархи. Летом 1119 г., после уничтожения армии князя Рожера Антиохийского в битве на Кровавом поле, когда тюрки хлынули на западный берег Оронта, Патриарх Бернард Валенский, по словам канцлера Готье, «проявил свою мудрость; он созвал всех франков и, окруженный клиром и подкрепленный силой Господа, объявил, что он возьмет на себя оборону города, и что ежели народ (т. е. восточно-христианское население Антиохии. — С. Б.) захочет совершить предательство, он помешает привести эти замыслы в исполнение. Патриарх объявил, что оборона будет доверена ему лично, его клиру и только франкам; он повелел, чтобы представители других народов, где бы они ни находились и откуда бы ни прибыли, за исключением одних только франков, оставались безоружными и не покидали свои дома без светочи или фонаря после захода солнца»⁶⁶⁶.

Спустя почти полвека, в 1164 г., после разгрома армии сирийских франков и пленения их государей в битве у Харима, Патриарх Амори де Лимож оказался в аналогичном положении. Тот факт, что Патриарх Амори де Лимож прибегнул к формированию ополчения из числа греков, сирийцев и армян Антиохии, говорит о том, что отношения франков к восточно-христианскому населению в известной степени «оттаяли» со времен Кровавого поля (1119 г.). По крайней мере, Патриарх Амори, в отличие от своего предшественника Бернарда, доверил антиохийским грекам, мелькитам и армянам оружие, приказав оборонять отдельные участки городских стен. Тем не менее, следы прежнего недоверия продолжали

⁶⁶⁶ Galterii Cancellarii. Op.cit. — II Bell., art.8, P. 115.

задавать тон взаимоотношениям между франками и восточными христианами на территории княжества. Это видно, прежде всего, из текста послания Патриарха Амори к королю Франции Людовику VII Молодому: «Бог свидетель — те силы, которые у нас остались, явно недостаточны для того, чтобы защищать стены днем и ночью; из-за нехватки людей, мы вынуждены были доверить оборону и нашу безопасность тем, кому не можем полностью довериться (курсив мой. — С. Б.). Оставив церковные службы, клирики и пресвитеры вышли охранять ворота. Сами мы лично следим за оборонной стеной, неустанно восстанавливая те участки, которые были разрушены землетрясениями прошлых лет»⁶⁶⁷.

Туркополы и сержанты из числа «сириан»

И все же, невзирая на подобное пренебрежение и недоверие латинян к боевым качествам «греков» и «сириан», отдельные, предрасположенные к воинской службе сирийские христиане, в том числе мелькиты, занимали свое место в рядах сеньориальных и военно-монашеских контингентов на правах профессиональных воинов-сержантов. Тирский Тамплиер, в своих «Деяниях киприотов», подчеркнуто упоминает «сириан — сержантов и лучников», состоявших на службе у военно-монашеских орденов Заморской земли⁶⁶⁸. В 1266 г. переговоры о сдаче галилейского замка Сафед армии султана Бейбарса возглавил, от имени тамплиеров, один из сирийских сержантов ордена Храма — «брат Лев», впоследствии принявший ислам и обвиненный в измене⁶⁶⁹.

Сирийские христиане входили и в число «туркополов», хотя этнический состав этой легкой кавалерии крестоносцев по-прежнему вызывает много вопросов, а само название этих воинов, заимствованное франками из Византии, означает «сыновья турок» (τουρκόπουλοι)⁶⁷⁰.

⁶⁶⁷ Aimerici, patriarchae Antiochae. Op.cit. — P. 62.

⁶⁶⁸ Les gestes des Chiprois... c.347, P. 179.

⁶⁶⁹ Les gestes des Chiprois... c.347, P. 179; Runciman S. A History of the Crusades. Vol. III. — P. 321.

⁶⁷⁰ Подробнее о туркополах, см. Smail R.C. Crusading warfare, 1097—1193. — Cambridge, 1995. — P. 111; Marshall C. Warfare in the Latin East, 1192—1291. — Cambridge, 1996. — P. 58—60. Об этническом составе туркополов, см. Richard J. Les turcoples au service des royaumes de Jérusalem et de Chypre: musulmans convertis ou chrétiens orientaux? // Croisades et Etats latins d'Orient Points de vue et Documents. — Aldershot, 1992.

Очевидно, что этнически туркополы Заморской земли представляли собой смешанное явление; в их рядах можно было встретить как полукровок и крещеных сарацин (что объясняет ревностное ожесточение, с которым туркополов уничтожали мамлюки), так сирийских христиан. Трудно поверить, чтобы исключительно смешанные браки между франками и крещеными тюрками и арабами могли бы предоставить Латинскому Востоку достаточное количество сыновей для комплектования подобного рода контингентов. Начало над туркополами принадлежало отдельным, особо назначаемым военачальникам. В иерархии военно-монашеских орденов Храма и Госпиталья существовал особый административный пост — «туркопольер» (*turcopolier*), в ведении которого находилась легкая восточная кавалерия⁶⁷¹. Туркопольеры, вероятно, существовали и в сеньориальных войсках; к примеру, в битве на Кровавом Поле (1119 г.), туркополы армии князя Рожера Антиохийского находились под началом одного из нормандских баронов княжества — Робера де Сен-Ло⁶⁷².

Ярослав Фолда прямо связывает создание таких памятников искусства Латинского Востока, как двусторонняя икона Свв. Сергия и Вакха (с Богоматерью Одигитрией на обороте) и Св. Сергия с ктисторским портретом скорбящей женщины — с сирийскими туркополами, состоявшими на службе у франкских государей и военно-монашеских орденов Заморской земли. В этом отношении особо примечательна икона Св. Сергия с ктисторским портретом припадающей к ногам воина-мученика дамы. Облачение и воинская экипировка Сергия выявляет крайне характерное сочетание западных и восточных элементов. К числу западных атрибутов, бесспорно, относится высокое рыцарское седло и простое белое знамя с красным крестом, популярное среди крестоносцев и не встречающееся на византийских иконах. При этом подробно прописанный колчан со стрелами и короткая, доходящая лишь до локтя кольчуга составляли основополагающие элементы экипировки легкой восточной кавалерии. Все это, вне всякого сомнения, указывает на то, что Св. Сергей изображен как современный художнику-иконописцу воин-туркопол. Л.А. Хант (а следуя ей и Я. Фолда) выдвигают

⁶⁷¹ Демурже А. Рыцари Христа... С. 175.

⁶⁷² Galterii Cancellarii. Op.cit. — II Bell., art.4, P. 108.

предположение, что на ктиторском портрете изображена состоятельная дама, чье траурное покрывало указывает на то, что она пребывает в скорби и молении о почившем сородиче, возможно — муже или сыне⁶⁷³. Само же избрание Св. Сергия в качестве основного святого покровителя может быть прямо связано с особым почитанием данного воина-мученика у сирийских христиан, в особенности мелькитов Кары, Ябруда, Маалюли и, конечно же, Ресафы (Сергиополя) — места мученической кончины этого святого⁶⁷⁴.

Рост почитания Свв. Сергия и Вакха на Латинском Востоке действительно может быть прямо связан с переселением на франкские земли мелькитов из внутренней Сирии и Месопотамии. О подобном переселении мелькитов с берегов Тигра и Евфрата в пределы Антиохийского княжества прямо свидетельствует история иеромонаха Гавриила, уроженца Мартирополя, подвизавшегося на Черной горе и работавшего над составлением рукописей в скрипториях Лавры Св. Илии и монастыря Пресвятой Богородицы Джараджама (около 1232—1242 гг.)⁶⁷⁵. Здесь также было уместно указать на то, что мелькиты, жившие на берегах Тигра, отличались большей воинственностью и склонностью к кочевой жизни и разбоям, что, в свое время, с негодованием отмечал Юханна ибн Бутлан⁶⁷⁶. Следовательно, они и могли наиболее активно пополнять ряды легкой кавалерии, лучников и пехоты франкских государей и латинских орденов. Так, если отталкиваться от теорий Я. Фолды и Л. Хант, то синайские иконы Свв. Сергия и Вакха (в особенности образ Св. Сергия с дамой-ктитором) можно не просто считать работой восточных иконописцев, работавших в пределах Заморской земли, но и свидетельством присутствия в рядах франкских войск сирийских христиан-туркополов, чьи семьи могли выступать ктиторами подобных образов.

⁶⁷³ Hunt L.-A. A woman's prayer to St. Sergios in Latin Syria: interpreting a thirteenth-century icon at Mount Sinai // *Byzantine and Modern Greek Studies*. — 1991. — Vol.15. — P. 96—145.

⁶⁷⁴ Folda J. *Crusader Art in the Holy Land. From the Third Crusade to the Fall of Acre, 1187—1291...* — P. 340—341.

⁶⁷⁵ Elias (Khalifeh). *Orthodox Manuscripts Copied in Antioch...* — P. 4.

⁶⁷⁶ Le Strange G. *Op.cit.* — P. 522. Слова Юханны ибн Бутлана уже были приведены выше, см. Часть I, гл. 1, С. 100—105.

Православные христиане среди нобилитета Заморской земли. Армяно-халкидонитская и ромейская знать в Сирии и Киликии XI-XIII вв.

Даже если предположить, что достаточное количество «сириан» (будь они уроженцами сиро-ливанского побережья, Галилеи или переселенцами с берегов Тигра и Евфрата) пополняли ряды туркополов и сержантов, это ни в коей мере не делало их сословием, которое франки могли бы воспринимать как военную аристократию или рыцарство. Подобной знати у антиохийских греков и мелькитов с конца XI в. уже не было. Местные грекоязычные ромейские архонты и динаты, в отличие от сирийских и киликийских армян, были либо перебиты в войнах конца XI в., либо принуждены покинуть Сирию и искать убежище в Константинополе или на Кипре⁶⁷⁷. Отсутствие греков и мелькитов среди военной аристократии делало невозможным их браки с франкским нобилитетом, представители которого видели в «греках» и «сирианах» исключительно бюргеров и вилланов. Армяне оказались в принципиально иной ситуации, т. к. воевавшие бок о бок с армянскими князьями франки признавали в них *milites* и *pobiles*, что открывало путь для династических браков. Греки, за исключением членов императорской семьи и отдельных византийских сановников (таких как Константин Коломан или Иоанн Конто-стефан), не воспринимались франками как *pobiles*.

Единственными среди «византийских», православных христиан Леванта, в которых франки готовы были признать благородное сословие, были армяне-халкидониты. Утверждение франков в северной Сирии прямо затронуло положение этой военно-аристократической «прослойки», представители которой на рубеже XI-XII вв. контролировали Мараш, Эдессу и Мелитену. На первом этапе своего пребывания в Сирии (1097—1100 гг.), франки охотно заключали договоры с армяно-халкидонитской знатью, часто скрепляя их родственными узами. Однако именно франкам суждено было навсегда вытеснить армяно-халкидонитских князей из Сирии. Основание первого латинского государства на Ближнем Востоке — графства Эдесского, было напрямую связано с союзом и даже усыновлением Бодуэна Булоньского армяно-халкидонитским князем, куропалатом Торосом. История этого

⁶⁷⁷ О войнах, обескровивших греческое население и византийскую знать Антиохии в XI в., см. Часть I, гл. 3, С. 100—105.

усыновления завершилась трагической гибелью Тороса и переходом Эдессы к франкам, о чем уже в достаточной мере подробно было сказано во второй части книги⁶⁷⁸. Выше мы так же подробно говорили и о том, как в 1104 г. другой армяно-халкидонитский князь — Татул, принужден был сдать Мараш франкам и уйти в Константинополь⁶⁷⁹.

Парадоксально сложилась судьба и третьего армяно-халкидонитского князя, правившего в Сирии в эпоху крестовых походов, а именно — Гавриила, правителя Мелитены. В 1100 г., столкнувшись с возрастающей угрозой со стороны тюрок, Гавриил обратился за помощью к франкским государям Сирии; вначале к Бозмунду I Антиохийскому, а затем к Бодуэну I Эдесскому. После того, как войска Бодуэна I вошли в Мелитену (в августе 1100 г.), Гавриил перешел на положение вассала графа Эдесского. Примерно в это же время он выдал свою дочь Морфию за нового графа Эдессы — Бодуэна II де Бурга. Однако, несмотря на вассальные и родственные связи, а также на крайне щедрую финансовую помощь (если не сказать — «дань»), которую Гавриил выплачивал своим новым покровителям⁶⁸⁰, его правление быстро подошло к концу, когда осенью 1102 г. Мелитена была взята тюрками. Сам Гавриил был отдан на растерзание своим миафизитским подданным⁶⁸¹.

Однако брак, заключенный между его дочерью и Бодуэном II де Бургом, оказался на редкость счастливым и многодетным. Став королем Иерусалима, Бодуэн II не только не расторг брак со своей армянской супругой⁶⁸², но напротив — устроил ей особую торжественную коронацию в Вифлееме, когда она прибыла, наконец, в Святую землю в 1120 г. Дочери Морфии и Бодуэна II взошли на престолы Иерусали-

⁶⁷⁸ См. выше: Часть II, гл. 1, С. 100—105.

⁶⁷⁹ См. выше: Часть II, гл. 2, С. 100—105.

⁶⁸⁰ Гильом Тирский оставляет историю о том, как Гавриил выплатил своему зятю и сюзерену Бодуэну II де Бургу 30,000 безантов за то, чтобы тот не сбивал свою бороду, которую он якобы заложил из-за долгов. См. Guillaume de Tyr. *Op.cit.* — Lib. X, с.24, P. 437 (брак Морфии); Lib. XI, с.11, P. 469—472.

⁶⁸¹ Наилучшее описание правления Гавриила и перехода Мелитены к тюркам можно найти в хронике Михаила Сирийца. См. Michel le Syrien. *Op.cit.* — Vol. III, Lib. XV, с.8, P. 187—191.

⁶⁸² Как это сделал его предшественник — Бодуэн I, принудивший свою армянскую жену принять монашеский постриг в иерусалимском монастыре Св. Анны, а затем отбыть в Константинополь. Подробнее см. Mathieu D'Edesse. *Op.cit.* — P. 431.

ма, Антиохии и Триполи, родив своим мужьям наследных принцев. Старшая дочь — Мелисанда взойшла на иерусалимский престол, также передав королевский венец и своему мужу, Фульку Анжуйскому (1131 г.); их потомки оставались на престоле Иерусалимского королевства вплоть до заката Арденн-Анжуйской династии. Вторая дочь Бодуэна II и Морфии — Алиса была выдана замуж за князя Боэмунда II Антиохийского (1126 г.); потомки Боэмунда II и Алисы правили франкской Сирией вплоть до падения Триполи (1289 г.). Третья дочь — Одьерна, вышла замуж за графа Раймонда II Триполийского (1135 г.), став матерью последнего триполийского графа Тулузской династии — Раймонда III. Так, все последующие короли Иерусалима, князья Антиохийские и графы Триполи являлись прямыми потомками армянина-халкидонита Гавриила.

В то же самое время, те сирийские города, которые держали под своей властью армяне-халкидониты, уже в первом десятилетии XII в. перешли либо к франкам, либо к тюркам. Однако это не означает, что армяно-халкидонитская знать была бы полностью вытеснена из Леванта. В XII-XIV вв. властители и мелкие князья из числа армян-халкидонитов и, частью, ромеев, продолжали держать земли и крепости в Киликии; к исходу XII в. они, на правах баронов, вошли в состав объединенного королевства Киликийской Армении. Ж. Дейдаян указывает на то, что в числе 31 князя Киликийской Армении, присягнувших Левону I Великому при его коронации в 1198 г., семеро принадлежали к числу ромейской или армяно-халкидонитской знати. Речь идет об Азаросе, властителе Маволона; Романе, властителе Амиды; Никифоре, властителе Вергиса и Ветина; Христофоре, властителе Лавзата; братьях Константине и Никифоре, властителях Лакравена; и, конечно же, об Адаме, властителе Баграса⁶⁸³.

Последний заслуживает особого внимания, т. к. в первой четверти XIII в. он был одним из влиятельнейших баронов Киликийской Армении, отпрыском царского рода Арцруни. Будучи сиром Баграса, державшим под своей властью рубежи Аманоса, Адам был непосредственным образом вовлечен в борьбу за Антиохию. К тому же, он держал и обширные земельные владения в Равнинной Киликии,

⁶⁸³ Подробнее см. Dédéyan G. Les listes «féodales» du pseudo-Smbat // Cahiers de civilisation médiévale. — 1989. — Vol.32 (№125). — P. 40—41. Перечень князей приведен в хронике Смбата Спаранета, см. Bedrosian R., ed. The Armenian Chronicle of Sempad... P. 96.

в частности — близ Селевкии. Абу-ль-Фарадж Бар Эбрей говорит об Адаме как о «правителе приморских крепостей», что указывает на то, что основные его владения располагались на побережье Киликии⁶⁸⁴. Левон I Рубенид сделал его сенешалем королевства, а после смерти своего государя, Адам стал регентом (балыи) Киликийской Армении от имени юной королевы Изабеллы; этот пост он занимал вплоть до своего убийства ассасинами в 1221 г. При этом Адам до конца жизни оставался верным чадом халкидонской Православной Церкви. О том, что Адам, сир Баграса, «исповедовал греческую веру», подчеркнуто сказано в Армянской версии хроники Михаила Сирийца⁶⁸⁵. Так, Адама — сира Баграса, сенешаля и регента королевства Киликийской Армении, бесспорно, можно считать наиболее влиятельным армянином-халкидонитом в Леванте XIII в.

Говоря о присутствии византийских христиан — греков, мельки-тов и армян-халкидонитов — в пределах соседствующего с Антиохией королевства Киликийской Армении, нельзя не упомянуть и о том, что под знаменами Левона I Рубенида и его преемников находились контингенты не только армянских и франкских, но и ромейских войск. Посещая Мамистру в 1212 г., Вильбранд Ольденбургский отмечал, что ее цитадель находится в руках «греков». Здесь, вероятно, речь может идти либо о контингенте армян-халкидонитов, либо о воинах, набранных из числа киликийских греков, либо о бежавших в Киликию ромейских воинах, поступивших на службу к королю Левону. Так или иначе, это четкое свидетельство присутствия на службе у киликийских королей достаточного числа византийских христиан — как армян-халкидонитов, так и, собственно, грекоязычных малоазийских ромеев⁶⁸⁶. Ромеи и армяне-халкидониты продолжали сражаться под знаменами королей Армении на протяжении XIII в. К примеру, автор хроники Спарапета воспекает подвиг юного барона Смбата «родом — ромея», прославившегося в сражении с тюрками в рядах войск короля Хетума I в 1263 г.⁶⁸⁷ Князя из числа «греков» будут играть ведущую роль в гражданской войне между Раймонд-Рубе-

⁶⁸⁴ Bar Hebraeus. *Chronography*... — P. 437.

⁶⁸⁵ Boase T.S. R., ed. *The Cilician Kingdom of Armenia*... P. 22—23; Dédéyan G. *Les listes «féodales» du pseudo-Smbat*... P. 31.

⁶⁸⁶ Wilbrandus de Oldenburg. *Op.cit.* — P. 176.

⁶⁸⁷ Bedrosian R., ed. *The Armenian Chronicle of Sempad*... P. 113.

ном и Константином Хетумидом (1221—1222 гг.). В правление Левона II Хетумида ромейская знать Киликии даже предприняла полномасштабное восстание против короля, захватив Аназарв (1272 г.); однако об этих событиях будет подробнее сказано в последующих главах.

Франкская конница под знаменами ромейских василевсов. Влияние франков на воинские традиции Византии

Франкское влияние на воинские традиции и армию Ромейской державы было несравненно более ощутимым, нежели обратное влияние Византии на франков. Уже с XI в. ромейские василевсы все чаще обращались к наемным контингентам франко-нормандской кавалерии, которые, находясь под началом таких военачальников, как Робер Креспин и Руссель де Баёлль, играли видную роль в военной и политической жизни империи⁶⁸⁸. При Комнинах устремление к привлечению и содержанию латинских военачальников и контингентов франкской кавалерии лишь возросло. Алексей I Комнин воевал бок о бок с франками и допускал латинян в число своих ближних соратников⁶⁸⁹. Его внук — Мануил I Комнин пошел еще дальше, переучивая ромейскую тяжелую кавалерию на латинский манер и пытаясь привить западные воинские традиции византийской знати. Будучи страстным любителем и знатоком джостры, император Мануил устраивал конные ристалища на константинопольском ипподроме. Во время своего пребывания в Антиохии он также устроил великолепный турнир, где обученные под руководством василевса ромейские воины и императорские домохозяева сразились с представителями антиохийского и иерусалимского рыцарства. В этом турнире лично участвовали как император Мануил, так и князь Рено де Шатильон. При этом, согласно свидетельству Хониата, император Мануил лично повалил двух всадников⁶⁹⁰. Грузинские цари XII в., следуя примеру ромейских васи-

⁶⁸⁸ Подробнее о наемных контингентах франкской кавалерии в Византии XI в. см. выше: Часть I, гл. 3, С. 100—105.

⁶⁸⁹ Об Алексее I Комнине и франках см.: Часть III, гл. 1, С. 100—105.

⁶⁹⁰ По словам Никиты Хониата, ромеев, в этих состязаниях «одушевляло необыкновенной ревностью желание превзойти латинян в искусстве владеть копьем и то,

левсов, сходным образом стремились привлекать под свои знамена наемные контингенты франкской кавалерии. Выше мы уже упоминали о том, что под началом царя Давида IV Строителя в битве у Дидгори (1124 г.) было более сотни франкских рыцарей и конных сержантов⁶⁹¹. Еще более ощутимым присутствие франкских рыцарей и влияние западных воинских традиций было среди правителей и знати Киликийской Армении, о чем будет сказано ниже⁶⁹².

Византийское устремление к сохранению контингентов франкской конницы не спадало даже в периоды ожесточенного противостояния с латинянами. Исаак II Ангел, одержав великую победу над разорившей Фессалоники итало-нормандской армией при Деметрице (7 ноября 1185 г.), пленил более 4,000 рыцарей и сержантов и тогда же предложил многим из них перейти на императорскую службу⁶⁹³. Впоследствии этот наемный латинский контингент, составленный из некогда плененных итало-нормандцев, проявил себя при осаде Константинополя, которую вел претендовавший на императорский престол Алексей Врана (1187 г.). Центральная часть императорских войск, подавивших восстание Враны, также состояла из латинян и находилась под началом получившего сан кесаря Конрада Монферратского. Даже после разорения Константинополя крестоносцами (1204 г.), в годы напряженной борьбы с латинянами,

что они сражались в глазах василевса — ценителя их действий; а итальянцев (т. е. франков. — С. Б.), воспламеняло их всегдашнее высокомерие и непомерную гордость, а к тому же и мысль — как бы не уступить в войне на копьях первенства римлянам. Сам же император при этом поверг на землю зараз двоих всадников: наскочавши на коне на одного из них, он ударил его копьем с такой силой, что тот ниспроверг вместе с собой и своего соседа». См. Никита Хониат. Указ. соч. — Книга III, гл. 3, С. 120—121. Действительно, в бою на копьях возможно было сбить как непосредственного противника, так и скакавшего с ним рядом всадника — однако для этого необходимо было обладать достаточной силой, мощью и инерцией. Подобный эпизод описывает Усама ибн Мункыз, видевший как один из воинов его дяди разом сбил двух франкских рыцарей во время рейда графа Гильом-Жордана на Шейзар. См. Усама ибн Мункыз. Указ. соч. — С. 102—103.

⁶⁹¹ См. выше: Часть IV, гл. 1, С. 100—105.

⁶⁹² См. ниже: Часть IV, гл. 3, С. 100—105.

⁶⁹³ Описания битвы при Деметрице приведены у Никиты Хониата. Ромейской армией в этом сражении командовал не василевс Исаак II, но один из военачальников империи — Алексей Врана; командовавшие итало-нормандской армией — граф Аччеры Ричард и граф Бодуэн — были взяты в плен. См. Никита Хониат. Указ. соч. — Том II, Книга I, гл. 3, С. 8—14.

ромейские государи — в особенности никейские василевсы династии Ласкарисов — предпринимали значительные усилия для привлечения под свои знамена наемных франкских рыцарей и сержантов. Никейские государи в своих военных кампаниях против Латинской Романии рассчитывали не только на ромейскую пехоту и конницу, но и на наемную франкскую кавалерию, бывшую ударной частью их армии⁶⁹⁴. Со времен Иоанна III Дуки Ватата в военной иерархии державы Ласкарисов одно из первенствующих мест занимал «великий коннетабль» (μέγας κονοστάυλος), под началом которого находилась франкская конница никейских василевсов. При этом сам коннетабль принадлежал к числу ромейской военной аристократии. Первым известным великим коннетаблем был Михаил Палеолог, занимавший этот пост до своего провозглашения императором-соправителем в 1259 г.⁶⁹⁵. Титул «великого коннетабля» сохранялся и в, собственно, Палеологовской Византии вплоть до первой половины XV в.⁶⁹⁶. Это частично доказывает, что в эпоху Комнинов, Ангелов и Ласкарисов византийская аристократия действительно смогла найти точки соприкосновения с франкским рыцарством и выработать манеру поведения, позволявшую держаться в этой среде.

⁶⁹⁴ Во время первого своего крупного сражения с франками — битве при Пиманионе (1204 г.), Феодор I Ласкарис был разбит войсками Латинской империи под началом Петра де Браше, поскольку, как отмечает Ф.И. Успенский, «панцирные всадники Ласкаря на их некрупных частью арабских конях не могли выдержать тяжелого сомкнутого строя рыцарей (...) а легкая пехота в открытом поле не шла в расчет». См. Успенский Ф.И. История Византийской империи. — Том IV, отдел VIII, гл. 4, С. 207. Однако уже в 1210 г., при походе к Антиохии Писидийской, под командованием коронованного и помазанного в Никее василевса находилось до 800 франкских рыцарей и конных сержантов, а в 1211 г., в битве на реке Риндак, основное сражение шло между франкскими вассалами императора Генриха I и франкскими наемниками василевса Феодора I, на что также обращает особое внимание Успенский. См. Ibid. — Том IV, отдел VIII, гл. 4, С. 218.

⁶⁹⁵ Михаил Палеолог занимал пост коннетабля при старом Иоанне III Дуке Ватате, Феодоре II Ласкарисе и в первые месяцы правления Иоанна IV, соправителем которого был провозглашен в 1159 г. Подробнее о титуле «великого коннетабля» или «коноставла», см. Kazhdan A. Konostaulos // Oxford Dictionary of Byzantium. — Oxford, 1991. — P. 1147.

⁶⁹⁶ Последним «великим коннетаблем» Ромейской державы был как раз латинянин — Леонардо II Закко, итальянский сеньор Закинфа, получивший титул коннетабля от императора Мануила II Палеолога ().

Антиохия. Вид на город и гору Сильп. Гравюра XIX в.

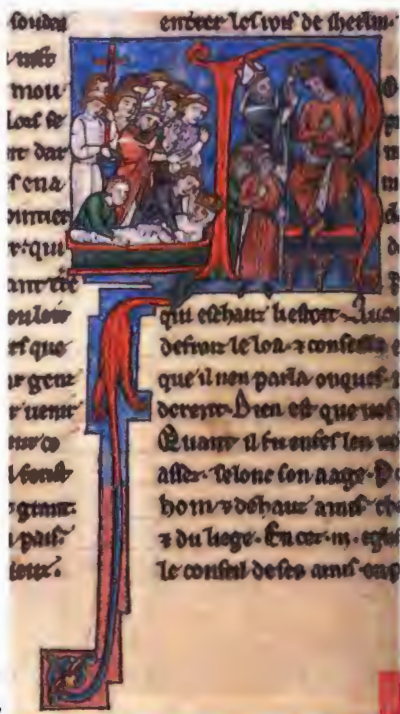
Антиохия. Южные стены. Литография XIX в.

Вступление графа Бодуэна I
в Эдессу.

Миниатюра второй трети
XIII в.

MS Yates Thompson 12
British Library

Погребение Готфрида Бульонского.

Помазание короля
Бодуэна I Иерусалимского.

Миниатюра второй трети XIII в.

MS Yates Thompson 12
British Library

**Отбытие Бозмунда I
Антиохийского на Запад.
Венчание Бозмунда I
с Констанцией Капет в Шартре.**

Миниатюра XIII в.

**Bibliothèque nationale de France
(Fr. 9081)**

**Мавзолей Бозмунда I
Антиохийского.**

**Собор Сан-Сабино, Каноса ди Пулья.
Первая четверть XII в.**

Князь Раймонд Антиохийский
и граф Жослен II Эдесский
умоляют василевса Иоанна II
Комнина покинуть Антиохию.

Миниатюра XIII в.
MS Yates Thompson 12
British Library

Латиняне побивают греков на улицах Антиохии (1138 г.)

Миниатюра XIII в. MS Yates Thompson 12, British Library

*Император Мануил I Комнин и Мария Антиохийская
Византийская миниатюра последней четверти XII в.
Codex Vaticanus graecus 1176, Ватиканская библиотека*

Фоллис Бозмунда I
(Антиохия,
1098-1100/1104)

Фоллис Танкреда
(Антиохия,
1101-1103/1104-1112 гг.)

Фоллис Бозмунда II
(Антиохия, 1126-1130 гг.)

Фоллис Танкреда
(Антиохия, 1104-1112 гг.)

Фоллис Танкреда
(Антиохия, 1104-1112 гг.)

Фоллис Рожера
(Антиохия, 1112-1119 гг.)

Фоллис Рожера
(Антиохия, 1112-1119 гг.)

**Фоллис Бодуэна II
де Бурга**
(Эдесса, 1108-1118 гг.)

Фоллис Рожера
(Антиохия, 1112-1119 гг.)

Денье Бозмунда IV
(Антиохия, 1219-1233 гг.)

Драм Левона I Великого
(Киликийская Армения,
1198-1219 гг.)

Денье Раймонд-Рубена
(Антиохия, 1216-1219 гг.)

Драм Хетума I и Изабеллы
(Киликийская Армения, 1226-1252 гг.)

**Печать
Филарета Варажнуни**

**Печать
Бодуэна I Эдесского**

**Печать Морфии Мелитенской —
королевы Иерусалима**

**Печать
Бозмунда III Антиохийского**

**Печать Рауля I Домфрона —
Патриарха Антиохии**

**Печать Амори де Лиможа —
Патриарха Антиохии**

**Печать Петра — аббата
монастыря Св. Павла в Антиохии**

**Печать Тьерри де Барневилля —
дуки Антиохии**

Маркаб

Кусаир. Патриарший замок.

**Маркаб. Капелла. Фрагменты росписи
«Сошествие Св. Духа на Апостолов»
(пер. пол. XIII в.)**

Эдесса. Цитадель.

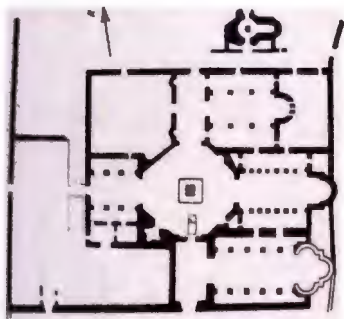
Тарс. Собор Св. Павла.

Тартус. Собор Пресвятой Девы Марии.

Гибелет (Библ). Собор Св. Иоанна.

Лавра Св. Симеона на Дивной горе
Архитектурный план

Лавра Св. Симеона на Дивной горе.

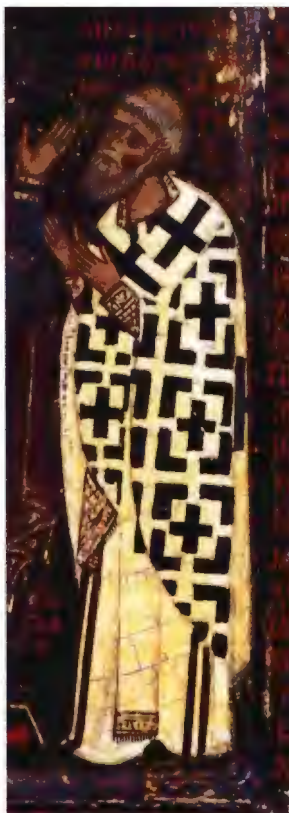
Причастие Апостолов. Фрагмент росписи церкви Свв. Сергия и Вакха в Кафтуне (вторая четверть XIII в.).

Монастырь Св. Иакова Рассеченного. Дидда, близ Триполи.

Баламандский монастырь

Патриарх Евфимий II Иерусалимский. Фрагмент иконы ок. 1222 г. из монастыря Св. Ехатерины на Синае

Церковь Св. Николая. Сидон.

***Богоматерь Млекопитательница. Св. Иоанн Предтеча.
Кафоликон монастыря Св. Иакова Рассеченного. Кара.
Первая треть XIII в.***

***Св. Феодор Стратилат. Кафоликон монастыря Св. Иакова Рассеченного. Кара.
Первая треть XIII в.***

*Богоматерь Одигитрия. Собрание монастыря Св. Екатерины на Синае.
Вторая четверть XIII в.*

*Свв. Мученики Сергей и Вакх. Собрание монастыря Св. Екатерины на Синае.
Вторая четверть XIII в.*

Георгий Антиохийский перед Богоматерью.
Мозаика церкви Санта Мариа дель Аммиральо (Марторана), Палермо.
Середина XII в.

Св. Апостол Петр и Симон Волхв пред императором Нероном.

Палатинская капелла. Палермо.

Середина XII в.

*Предполагаемое изображение
Бозмунда VI Красивого.
Фрагмент эпистилия с образом
Рождества Христова и Покло-
нения Волхвов. Монастырь Св.
Екатерины на Синае. 1260 г.*

*Князь Рено де Шатильон подвергает попытке
Патриарха Амори де Лиможа.
Миниатюра XIII в.*

*Король Левон II Хетумид и королева Керан с сыновьями и дочерьми.
Ближайший к королю Левону II – его старший сын, будущий король Армении Хетум II.
Миниатюра 1272. Мастер Торос Рослин. MS No. 2563.
Библиотека Армянского Патриархата в Иерусалиме.*

III. «Греки и сириане» в социальной и экономической жизни франкской Сирии

Невзирая на то, что византийские христиане Леванта фактически были достаточно слабо представлены среди нобилитета и воинства франкской Сирии, они играли весьма значимую роль в общественной и экономической жизни сирийских государств крестоносцев, в особенности — княжества Антиохийского. В первую очередь стоит поговорить об экономике франкской Сирии, которая во многом зависела от экспорта предметов роскоши, производимых восточно-христианскими (в том числе — греческими и мелькитскими) ремесленниками.

Антиохия

В период франкского правления Антиохия оставалась одним из крупнейших торговых и производственных центров Ближнего Востока. Замечательное описание экономической жизни города оставил, в своей «Краткой истории Антиохии», П. Бушье, по словам которого, в эпоху франкского правления, «шелковое производство продолжало процветать. В городе производились как одноцветные ткани, так и муар, а также парча, иногда — расшитая драгоценными и полудрагоценными камнями. Покрытые узором льняные и шелковые ткани, вышитые серебряной и золотой нитью, регулярно экспортировались на Запад. (...) Производство мыла и стекла, а также крашение тканей и дубление кож предоставляли работу для огромного числа ремесленников. (...) в городе производилась различная утварь; лампы, кубки, чаши, бутылки из эмалированного стекла. Эмалированное стекло (в котором разноцветные узоры покрывали золоченый фон), также являлось одним из наиболее популярных предметов экспорта. Городские ремесленники также производили множество ламп, украшенных надписями, розетками и геральдическими эмблемами»⁶⁹⁷. Благосостояние князей Антиохийских напрямую зависело от экспорта и производства этих предметов роскоши, и соответственно — от создававших их греческих и сирийских ремесленников, которые проживали в их городе.

⁶⁹⁷ Bouchier. A Short History of Antioch... P. 287—288.

Антиохийские ткани особо ценились как на Востоке, так и на латинском Западе. К примеру, Никифор III Вотаниат в бытность свою дукой Антиохии, настолько пристрастился к антиохийским тканям, что продолжал их заказывать и вывозить в Константинополь даже после восшествия на императорский престол⁶⁹⁸. Аль-Идриси, составляя «Книгу Рожера», указывает нормандскому королю на то, что в Антиохии производится особо ценившийся вид муара⁶⁹⁹. Если обратить внимание на перечень крашенных пурпуром или украшенных драгоценной вышивкой тканей и облачений, хранившихся в патриаршей ризнице⁷⁰⁰, то можно предположить, что в эпоху франкского правления один латинский Патриарх и клир его капитула обеспечивали антиохийских мастерских изрядной долей хорошо оплачиваемых заказов. Тем более что к услугам антиохийских мастеров, производивших шелк, пурпур, муар, золотую и серебряную нить, драгоценную вышивку, неминуемо должны были обращаться не только клирики самой Антиохии, но и прочие представители епископата, клира и монастырей латинских Патриархатов, франкский нобилитет Заморской земли, а также церкви Латинского Запада. П. Бушье, просматривая инвентарные списки ризниц английских соборов XIII в., указывает на то, что в лондонском соборе Св. Павла хранились облачения, созданные антиохийскими мастерами, в частности: каппа магна, украшенная золотой вышивкой; пурпурная туника, расшитая изображениями птиц и животных; сходная туника, украшенная изображениями орлов, вышитых золотом и серебром. Упоминания о созданных в Антиохии облачениях Бушье находит и в Кентерберии⁷⁰¹.

Лежавшая близ Антиохии гавань Св. Симеона служила основным центром производства керамики, появившейся как раз в эпоху франкского правления и получившей широкий спрос в Леванте. Фрагменты «керамики Св. Симеона» находят при раскопках в городах, монастырях и селениях от Киликии до Кипра и Палестины. В

⁶⁹⁸ Согласно описаниям Никифора Вриенния Младшего, Исаак Комнин, став дукой Антиохии, следил за отправкой антиохийских тканей в Константинополь, следуя приказу и потока прихоти василевса Никифора III. См. Никифор Вриенний. Указ. соч. — гл. 29, С. 313.

⁶⁹⁹ Le Strange G. Op.cit. — P. 375.

⁷⁰⁰ См. выше: Часть IV, гл. 1, С. 100—105.

⁷⁰¹ Bouchier. A Short History of Antioch... P. 288.

Антиохии также, очевидно, сохранялось как производство керамики и стекла, а также эмали и ювелирных изделий. И в самой Антиохии, и на окрестных землях — в близлежащей долине Дафни и на берегах лежавшего к северу от города Антиохийского озера — располагались обширные пахотные земли, виноградники и сады. Все эти уголья, естественно, обрабатывались «греками, сирийцами и армянами». На Антиохийском озере находились княжеские рыбоводства, в которых разводили, среди прочей рыбы, угрей — чрезвычайно ценившихся франками; этими угрями Антиохийские князья, в качестве особого дара, снабжали различные церкви, монастыри и военно-монашеские ордена.

Именно Антиохия была основным источником богатства княжеских династий Отвиллей и Пуатье, источником, к которому они прибегали как для поддержания личных доходов, так и для содержания свиты, двора, армии и тех баронов, которые со временем лишались своих сеньорий. Рауль Канский оставляет подробное описание того, как после череды военных поражений и полного опустошения казны князем Боэмундом I Танкред смог восстановить военную мощь княжества, обложив налогами богатых восточно-христианских купцов и ремесленников Антиохии. «Прошло 40 дней (с момента отбытия Боэмунда. — С. Б.), когда огромный запас зерна и золота, как дождь, сошел с небес. Один из горожан, услышав о нищете княжеского двора, проникся состраданием и пришел к Танкреду. Потребовав и получив вознаграждение, он сказал: «В городе находятся сотни граждан, кошельки которых могут безболезненно излить тысячи золотых монет. Если попросить, эти люди не откажут. Обратись к ним, государь, а я предоставлю Тебе имена тех, к кому следует обратиться». Танкред последовал этому совету. Имена этих людей были названы и записаны. Когда они были записаны, их призывали. Когда их призывали, их попросили, и причиной просьбы назвали неотвратимую нужду. Обещание воздаяния подкрепило просьбу. Не умолчали они и о приближавшихся врагах, которых невозможно было изгнать без помощи воинов. А воинов невозможно было собрать без золота. Все эти причины соединились в просьбе, ответом на которую стала требуемая сумма золота. Когда Танкред получил столь желанное золото, он наконец-то мог вздохнуть свободно и, в свою очередь, успокоил воинов. Он дал новые силы тем, кто был подавлен, вооружил тех, у кого не было ни доспехов, ни оружия, и нашел замену тем, кто погиб. Покуда у него

было золото, он неустанно наращивал воинскую мощь Антиохии. Город, который до этого лежал ниц, начал подыматься»⁷⁰². В 1114 г., после серии землетрясений, потрясших северную Сирию и Киликию, преемник Танкреда — князь Рожер, вынужден был сходным образом обратиться к населению Антиохии, чтобы получить средства, необходимые для восстановления разрушенных башен и городских стен⁷⁰³. Вероятно, аналогичное обращение имело место и со стороны князя Бозмунда III после большого сирийского землетрясения 1170 г., когда стены Антиохии вновь существенно пострадали. Экономическая зависимость князя и франкского нобилитета от восточно-христианских ремесленников Антиохии в значительной степени возросла после 1188 г., когда Антиохийское княжество лишилось большей части своих земель. С этого момента все большее количество утративших свои земли баронов вынуждено было рассчитывать на денежные фьефы, выделяемые князем из его домена⁷⁰⁴.

Триполи

Не менее значимым центром торговли, сельского хозяйства и производства предметов роскоши был Триполи. С момента завоевания города крестоносцами в 1109 г., Триполи оставался преимущественно христианским городом. Согласно описаниям Бурхарда Сионского, Триполи населяли «греки и латиняне, армяне, марониты, несториане и прочие народы»⁷⁰⁵. Стоит обратить внимание на то, что арабы или сарацины прямо не названы среди населявших Триполи народов, что явно говорит о менее значимом их присутствии. Однако влияние арабского языка и культуры оставалось весьма ощутимым даже после фактического истребления и исхода мусульманского населения в 1109 г., благодаря чему Триполи выделялся даже среди других приморских городов Леванта. Арабский язык, очевидно, распространялся как среди мелькитов и маронитов, так и среди латинских

⁷⁰² Radulfo Cadomensis. Op.cit. — с.154, Р. 714.

⁷⁰³ Galterii Cancellarii. Op.cit. — I Bell., art.1, Р. 85.

⁷⁰⁴ Об этой проблеме, постигшей княжество Антиохийское, будет подробно сказано в следующей главе. См. ниже: Часть IV, гл. 3, С. 100—105.

⁷⁰⁵ Burchardus de Monte Sion. Op.cit. — Р. 28.

христиан города. Жак де Витри, во время своего пребывания и проповеди в Триполи, должен был принимать исповедь при помощи переводчика, «поскольку язык той страны — сарацинский»⁷⁰⁶.

Зажиточные горожане Триполи из числа сирийских христиан (мелькитов, маронитов, сиро-яковитов) стояли во главе цехов, ремесленных и меняльных лавок, занимались торговлей, арендой земель и садов, ростовщичеством; они играли столь же важную роль в жизни франкских государств, как и их собратья в Антиохии. В этом отношении крайне показательна история триполийского «бюргера», сирианина Саиса, который, совместно с франкским ростовщиком Жаном Монетчиком, на протяжении почти тридцати лет (1175—1204 гг.) кредитовал светских и церковных властителей Заморской земли. «Господин Саис» (*dominus Saissus*) выступал даже в качестве свидетеля на хартиях графов Триполи — Раймонда III и Боэмунда IV — а также их вассалов⁷⁰⁷. В числе триполийских рыцарей и сановников он сопровождал молодого князя Боэмунда IV в Антиохию зимой 1203 г.⁷⁰⁸. Одним из последних и, пожалуй,

⁷⁰⁶ Huygens R.B. C., ed. *Serta Mediaevalia Textus...* — P. 568; Barber M., Bate K., ed. & trans. *Letters from the East...* — №57, P. 106.

⁷⁰⁷ Röhrich R., ed. *Regesta Regni Hierosolymitani...* №527, P. 140; №549, P. 146; №602, P. 160; №620, P. 164; №637, P. 168; №642, №645, P. 170; №662, P. 176; №742, P. 198; №754, P. 200; №792, P. 210—211.

Эдбурри обращает особое внимание на то, что в перечне свидетелей на триполийских хартиях первым идет именно сирианин Саис, а не его франкский партнер — Жан Монетчик. Edbury P.W. *The Conquest of Jerusalem and the Third Crusade. Sources in translation...* с.49, P. 54. Röhrich R., ed. *Regesta...* №620, P. 164; №637, P. 168; №645, P. 170; №662, P. 176; №742, P. 198; №754, P. 200;

Со своей стороны, обратим внимание на то, что на одной из ранних хартий (1175 г.) сирийский ростовщик фигурирует как «господин Саис» (*dominus Saïs*). Конечно же, это не графская хартия, а акт, закрепляющий пожертвование, сделанное одним из более скромных представителей франкской знати. См. Röhrich R., ed. *Regesta...* №527, P. 140. Также следует отметить, что Саис в высшей степени инкорпорирован в мир латинского бюргерства и был, возможно, женат на франкской женщине. В хартиях графства Триполи фигурирует и сын Саиса — Рено. Очевидно, сирийский ростовщик предпочел даровать своему сыну латинское имя и, возможно даже, перешел с семьей в лоно латинской Церкви. См. *Ibid.* — №642, P. 170.

⁷⁰⁸ Саис вновь выступает в качестве свидетеля на княжеской хартии, причем идет первым среди бюргеров. В списке подписавшихся он следует за сиром Гибелета (Библа) — Ги II и другими отпрысками рода Эмбриацо, коннетаблем Триполи Жераром де Хамом, несколькими триполийскими и антиохийскими рыцарями, и Пливаном — сиром Ботрона. См. Röhrich R., ed. *Regesta Regni Hierosolymitani...* №792, P. 210—211.

величайшим деянием этого триполийского сирианина стало кредитование короля Ги де Лузиньяна, который обратился к горожанам Триполи в стремлении изыскать 60,000 безантов, необходимых для выкупа Кипра у короля Ричарда I Львиное Сердце. Согласно Лионской рукописи Продолжателя Гильома, король Ги обратился к Саису по совету латинского епископа Триполи — Петра Ангулемского (будущего Патриарха, который в 1189—1192 гг. исполнял обязанности канцлера изгнанного Иерусалимского короля); епископ Петр и выступил в качестве посредника между королем и зажиточными горожанами Триполи⁷⁰⁹.

Аль-Идриси описывает Триполи эпохи франкского правления как «великий город, защищенный каменной стеной, неприступный. Ему принадлежат деревни, и земли, и прекрасные владения; и множество растений, таких как оливы, виноградники, сахарный тростник и фруктовые деревья всех видов, и посевы всех возможных сортов, которых и не сосчитать (...) Море обнимает город с трех сторон, и потому город сей один из великих крепостей Сирии. Туда постоянно и в огромном количестве привозят всякого рода товары и изделия»⁷¹⁰. Помимо описаний садов, виноградников и полей, данных Аль-Идриси, можно обратиться и к более раннему описанию сельскохозяйственных богатств Триполи, приведенному Насиром Хосровом: «Все окрестности города покрыты полями, садами и деревьями. Сахарный тростник произрастает здесь обильно, как и апельсиновые и цитрусовые деревья, и банан, и лимон, и финик»⁷¹¹. Также Насир отмечает,

⁷⁰⁹ Согласно хронике Продолжателя: «Король Ги возрадовался и немедленно обратился к своему канцлеру, человеку по имени Петр Ангулемский, который был епископом Триполи. Он рассказал ему о том, как купил остров Кипр, и, как ему теперь необходимо было найти друзей, ибо он изыскивал возможность занять деньги. Тот спросил: «Сколько времени у тебя на то, чтобы собрать сумму?». Он ответил, что у него два месяца. Тогда епископ ответил, что в течение двух месяцев Господь подаст ему добрый совет. Он немедленно сел на галеру и отплыл в Триполи. Там он занял 60,000 безантов у Саиса, триполийского бюргера, у Жана де ля Монеи (Монетчика) и у других ведущих горожан, и до исхода месяца доставил это богатство королю Ги, который заплатил королю Ричарду».

L'Estoire Eracles... P. 187; Edbury P.W. *The Conquest of Jerusalem and the Third Crusade. Sources in translation...* с.49, P. 113.

⁷¹⁰ Le Strange G. *Op.cit.* — P. 350.

⁷¹¹ Le Strange G. *Op.cit.* — P. 348.

что «в городе есть всякого рода мяса и фрукты и все прочие кушанья, которые я когда-либо видел в стране Персидской, но только здесь они во сто крат лучшего качества»⁷¹². Жак де Витри, посетивший город около 1216 г., оставил следующее описание Триполи: «приближаясь к Триполи, я увидел виноградники, в которых урожай снимают два раза в год, а также источник, орошающий множество садов; в Песнях его буквально именуют источником садов»⁷¹³. По словам Бурхарда Сионского, земли вокруг Триполи «без всякого сомнения, можно было бы называть раем из-за ее бесконечных, чарующих виноградников и садов, где произрастают оливки, фиги и сахарный тростник, подобные которым я не помню, чтобы видел где-либо в этом мире»⁷¹⁴.

Триполи оставался и крупнейшим центром производства шелковых, льняных и вышитых тканей, вполне сопоставимым с Антиохией. По словам Бурхарда, в Триполи «множество товаров создается из шелка (...) там проживают ткачи, производящие шелк, и камлот, и прочие подобные ткани»⁷¹⁵. Согласно описаниям аль-Макризи, после взятия Триполи мамлюками, в городе было обнаружено более 4,000 ткацких станков⁷¹⁶. С экономической точки зрения, Триполи был опасным и значимым соперником Антиохии. Там процветали сельское хозяйство, производство шелка и прочих тканей, многочисленные ремесла и оживленная торговля. Торговая конкуренция имела особое значение; Антиохия, после 1188 г., лишилась двух своих главных портов — Латакии и Джабалы, в то время как Триполи оставался первоклассным портовым городом, гавань которого была открыта для многочисленных купеческих кораблей, готовых принять производимые там или привозные товары. К тому же, с объединением Триполийского графства и княжества Антиохийского при Бозмунде IV Триполи стал основным местом пребывания франкских государей.

⁷¹² Le Strange G. Op.cit. — P. 349.

⁷¹³ Huygens R.B. C., ed. Serta Medievalia Textus... — P. 568; Barber M., Bate K., ed. & trans. Letters from the East... — №57, P. 106.

⁷¹⁴ Burchardus de Monte Sion. Op.cit. — P. 28.

⁷¹⁵ Burchardus de Monte Sion. Op.cit. — P. 28.

⁷¹⁶ Maqrizi. Book of Proceedings to Knowledge of the History of Kings // Arab Historians of the Crusades. — London, 1969. — P. 343.

Философы и ученые из числа сирийских христиан

Города и монастыри франкской Сирии оставались и важными центрами интеллектуальной жизни христианского Востока. О значимости монастырей — с их скрипториями и библиотеками — мы уже в достаточной мере сказали в предшествующей главе. Ежели говорить о городах, то там также сохранялись восточно-христианские школы, где продолжалось изучение философии, медицины и прочих наук. Многие из философов и врачей франкской Сирии, бывшие естественными посредниками между латинским Западом и арабским Востоком, принадлежали к числу византийских христиан. Михаил Сириец приводит историю о мелькитском философе Абд аль-Масихе, уроженце Эдессы, жившем в Антиохии в первой трети XII в. Абд аль-Масих известен прежде всего благодаря тому, что помог сиро-яковитскому Патриарху Афанасию VII бар Хаморо, брошенному под стражу латинским Патриархом Бернардом, добиться свободы и заручиться покровительством и защитой князя Рожера Антиохийского⁷¹⁷. По словам Михаила Сирийца, «В то время как большая часть народа и клира пребывала в состоянии глубочайшего горя, некоторые священники решили пригласить к Патриарху Абд аль-Масиха, философа, сына Абу Радхи, бывшего родом из Эдессы. Он был халкидонитом, но любил нашего Патриарха, и тот прислушивался к его советам»⁷¹⁸. Именно по совету Абд аль-Масиха Патриарх Афанасий VII решил обратиться к князю Рожеру, что позволяет предположить, что эдесский философ-мелькит был вхож ко двору франкских государей и был хорошо ознакомлен с политическим положением, бытовавшими там настроениями и расстановкой сил. В противном случае, он вряд ли решился бы советовать своему другу Афанасию VII идти и жаловаться франкскому князю на латинского Патриарха. История спасения сиро-яковитского Патриарха — не единственное упоминание, дошедшее до нас об Абд аль-Масихе. Д. Вельтеке выдвинула предположение, что наставником и учителем известного латинского ученого и переводчика — Стефана Пизанского, работавшего в Антиохии в первой трети XII в.

⁷¹⁷ Именно в связи с этой историей мелькитский философ и упоминается в хронике Михаила Сирийца.

⁷¹⁸ Michel le Syrien. Op.cit. — Vol. III, Lib. XV, c.13, P. 209—210.

и создавшего там перевод арабской «Книги царей» (медицинского трактата прославленного персидского врача Аль-Маджуси) — мог быть именно философ Абд аль-Масих. В своей гипотезе Вельтеке опирается на упоминание об Абд аль-Масихе в одной из сохранившихся рукописей переводов Стефана Пизанского, ныне хранимой в Дрезденской библиотеке (MS Dresden, Bf.87, f.15v)⁷¹⁹. Наверное, наиболее известным восточно-христианским ученым Антиохии эпохи крестовых походов был Феодор Антиохийский — придворный астролог, врач и переводчик императора Фридриха II Гогенштауфена, учитель будущего Папы Римского Иоанна XXI. Правда, Феодор был не мельки-том, а сиро-яковитом, и, к сожалению, эта ярчайшая личность имеет лишь опосредованное отношение к избранной нами теме. Тем не менее, одним из известных учеников Феодора Антиохийского был Якуб ибн-Саклан аль-Макдиси — мелькитский философ, который провел значительную часть своей жизни на франкских землях и прежде всего — в Антиохии⁷²⁰. К сожалению, все эти упоминания об антиохийских «философах» крайне фрагментарны, т. к. большая часть их библиотек и сочинений была безвозвратно потеряна при мамлюкском завоевании франкской Сирии.

Тем не менее, доподлинно известно, что Антиохийские князья покровительствовали сирийским философам и ученым. В княжеском дворце в Антиохии находилась особая «Палата мудрости», предназначенная для придворных ученых и их учеников. С внешней стороны ее стены были украшены фресковой росписью, на которой были отображены все ремесла и искусства, преподававшиеся в Антиохии. Согласно описаниям Абу-ль-Макарима, жители Антиохии и окрестных земель приводили к этой палате своих детей, дабы те, рассматривая роспись, могли выбрать ремесло, которому желали учиться⁷²¹. Для нужд греческих, сирийских, арабских и латинских ученых, работавших в княжеской «Палате мудрости», были предназначены не только дворцовые помещения, книги и содержание, но и редчайший

⁷¹⁹ Weltecke D. On the Syriac Orthodox in the Principality of Antioch... P. 101 (№28).

⁷²⁰ Ignatius Aphraim I (Barsoum). The scattered pearls: a history of Syriac literature and sciences. — Piscataway, 2003. — P. 453.

⁷²¹ Hacken C.E. ten. The description of Antioch in Abu al-Makarim's History of the Churches and Monasteries of Egypt... с. XVII, P. 208. Вероятно, этот обычай распространялся лишь на обеспеченные и многодетные семьи, которые действительно могли предоставить выбор своим детям, а не заставлять следовать отчеству ремеслу.

для средневекового мира планетарий, описанный Абу-ль-Макаримом как здание, увенчанное куполом «высотой в сто локтей»⁷²²; внутри него изображение небесной сферы, круговорота звезд, созвездий и домов. Там можно увидеть движение солнца и луны»⁷²³. Наличие столь уникального сооружения прямо свидетельствует о том, ученые мужи Антиохии пристально изучали не только богословие, философию, историю, языки и медицину, но и движение небесных светил, постигая еще не разделенные науки астрономии и астрологии.

Сирийские врачи-христиане

Из всех практикуемых на Ближнем Востоке наук, искусств и ремесел, бесспорно, самой жизненно важной была медицина. В эпоху крестовых походов в Леванте по-прежнему процветали восточно-христианские медицинские школы, о которых мы уже писали в первой части книги. Сирийские лекари (мелькиты и сиро-яковиты) по-прежнему были весьма востребованы при дворах как христианских, так и мусульманских государей. К их услугам прибегали даже византийские василевсы, призывавшие к себе некоторых прославленных лекарей с Ближнего Востока. Достаточно вспомнить антиохийского грека Симеона Сета, бывшего придворным врачом при императорах Михаиле VII Дуке и Алексее I Комнине. Можно также напомнить и о египетском епископе-враче Савве ибн Лаите, посещавшем Константинополь в первой четверти XII в. и прославившемся исцелением тяжело больного императора Алексея I. Это путешествие Саввы ибн Лаита описано Абу-ль-Макаримом в его «Истории церквей и монастырей Египта». Согласно описаниям коптского диакона, когда прибывший в Константинополь Савва, будучи врачом, «увидел, что император болен, то исцелил его. Император же возложил великие почести на Савву, которому было позволено разъезжать по Константинополю на коне, в дневное время и с зажженной свечой в руке». Личности этого удивительного и совершенно забытого мелькитского врача эпохи крестовых походов посвящено замечательное исследование Крини

⁷²² То есть высота купола антиохийской «палаты мудрости» достигала 50 метров.

⁷²³ Hacken C.E. ten. The description of Antioch in Abu al-Makarim's History of the Churches and Monasteries of Egypt... c. XVII, P. 208.

Сигтаар. При этом, К. Сигтаар указывает на то, что врач-архиерей Анба Савва ибн Лаит был не кем иным, как мелькитским Патриархом Александрийским Саввой, действительно посетившим Константинополь в 1117 г. и, возможно, облегчившим своим врачебным искусством страдания старого и больного Алексея I Комнина⁷²⁴. Не меньшее доверие к искусству сирийских врачей христиан испытывали и мусульманские правители. К примеру, истории о великом багдадском враче-мельките Юханне ибн Бутлане счел нужным включить в свою «Книгу назиданий» даже Усама ибн Мункыз, который с гордостью упоминает о том, что прославленный лекарь одно время находился на службе у его деда⁷²⁵.

Осевшие в Леванте франки, столкнувшись с новыми болезнями и с совершенно новым врачебным искусством, с большой охотой обращались к восточным врачам. Хорошо известно сетование архиепископа Гильома Тирского на то, что франкская «знать на Востоке, в особенности же — женщины, отвергли наши, латинские способы лечения, и доверились попечению евреев, самаритян, сирийцев и сарацин»⁷²⁶. На подвластных франкам землях располагалось несколько крупнейших центров изучения медицины, в частности — школы Триполи и Керака⁷²⁷. В этих школах, т. е. в едином кругу мастеров и подмастерьев, обучались представители практически всех ближневосточных народов и конфессий, однако преобладание сохранялось за сирийскими христианами — мелькитами и сиро-яковитами⁷²⁸. Стоит обратить особое внимание на то, что франки Заморской земли, невзирая на все опасения и предрассудки, не просто охотно прибегали к услугам восточно-христианских врачей, но подчас обращались именно к тем лекарям «сирианам», которые

⁷²⁴ Ciggaar K.N. An Egyptian doctor at the Comnenian court // *Nea Rhome*. — 2005. — Vol. II, P. 287—301.

⁷²⁵ Усама Ибн Мункыз. Указ. соч. — С. 276—278.

⁷²⁶ Guillaume de Tyr. *Op.cit.* — Lib. XVIII, c.34, P. 879.

⁷²⁷ Последняя, естественно, с 1187 г. уже находилась под властью Айюбидов.

⁷²⁸ Подробнее о школах Триполи и Керака и о мелькитских врачах эпохи крестовых походов см. работу Жозефа Насраллы: Joseph (Nasrallah). *Médecins melchites de l'époque ayyubide // Parole de l'Orient: revue semestrielle des études syriaques et arabes chrétiennes recherches orientales: revue d'études et de recherches sur les églises de langue syriaque*. — 1974. -Vol.5. — P. 189—200.

состояли на службе у соседних мусульманских государей. Тот же Усама ибн Мункыз вспоминал о том, как один из баронов графства Триполи обратился к его дяде — Султану ибн Мункызу, эмиру Шейзара, с просьбой «прислать врача, чтобы вылечить нескольких больных его товарищей»⁷²⁹. Эмир прислал к франкам сирийского «врача-христианина» Сабита. Печальную известность приобрел «сирианин» Балак, придворный врач графа Раймонда III Триполитского, т. к. под его опекой скончался горячо любимый франками король Бодуэн III Иерусалимский⁷³⁰. Однако и это обстоятельство не отвратило франкских государей от тяги к ближневосточной медицине. Брат и преемник Бодуэна III, король Амори I, доверял свое здоровье лекарям из числа «греков и сирийцев»⁷³¹, а для лечения его тяжелобольного сына, Бодуэна IV Прокаженного, был привлечен один из самых знаменитых врачей Леванта — мелькит Абу Сулейман Дауд. Одновременно брат Абу Сулеймана — Абу аль-Хаир обучал прокаженного принца искусству верховой езды⁷³². Примечательно, что эти мелькитские братья смогли сохранить свое благоденствующее положение, будучи принятыми при Айюбидском дворе после покорения первого Иерусалимского королевства Салах-ад-Дином⁷³³. Среди придворных врачей Салах-ад-Дина и его брата — Аль-Адила I было значительное число докторов-мелькитов. Помимо Абу Сулеймана Дауда, на службе у египетского султана состояла семья дамасских лекарей-мелькитов Аль-Насрани, а также один из наиболее одаренных и значимых восточных врачей XII в. — Муаффах ад-Дин ибн аль-Мутран аль-Димашки, уроженец Дамаска и автор нескольких медицинских трактатов. В 70—80-х гг. XII в. Муаффах ад-Дин практиковал в Иерусалиме, однако после падения первого франкского королевства он перешел, в качестве придворного лекаря, к Салах-ад-Дину. Правда, в отличие от Абу Сулеймана ибн

⁷²⁹ Усама Ибн Мункыз. Указ. соч. — С. 209.

⁷³⁰ Guillaume de Tyr. Op.cit. — Lib. XVIII, c.34, P. 879.

⁷³¹ Guillaume de Tyr. Op.cit. — P. 1001.

⁷³² Арабская школа верховой езды построена практически исключительно на работе ног, в то время как западная школа того времени подразумевала активное использование левой руки, которая, у Прокаженного короля, была фактически обездвижена.

⁷³³ Истории Абу Сулеймана Дауда и Абу аль-Хаира посвящена работа К. Каэна: Cahen C. Indigènes et croisés. Quelques mots à propos d'un médecin d'Amaury et de Saladin // Syria. — 1934. — №15.

Дауда или семьи Аль-Насрани, Муаффака ад-Дина пошел в своем общении с султаном так далеко, что даже принял ислам (около 1192 г.)⁷³⁴.

Если мелькитские врачи Дамаска, Иерусалима и Керака смогли приспособиться к новым условиям и сохранить свои школы, практики и достаток при Айюбидском и раннем мамлюкском правлении, то сирийские врачи-христиане Антиохии и Триполи исчезают с уничтожением этих городов мамлюками. Между тем, еще в XIII в. из числа антиохийских лекарей-христиан выходили столь знаковые фигуры, как вышеупомянутый придворный ученый, врач и переводчик Фридриха II Гогенштауфена — Феодор Антиохийский, а во главе Триполиской медицинской школы стоял прославленный врач этого столетия — Василий Алеппский, под началом которого учились и практиковали как родные ему по вере сиро-яковиты, так и врачи-халкидониты, из числа мелькитов и маронитов.

IV. Влияние Византии на государственное устройство княжества Антиохийского и сирийских графств

Влияние Византии было существенным фактором и в развитии государственного устройства франкской Сирии, в особенности — княжества Антиохийского. Регулярно воевавшие с Византией нормандские государи Южной Италии и Антиохии видели в облике гордых восточных императоров некий идеал мирской славы и мощи, и этому идеалу они искренне старались подражать. Создавая свое государство на землях, еще недавно входивших в состав империи, осевшие в Сирии франки ощущали кровную необходимость в рецепции многочисленных элементов византийского государственного устройства и придворной жизни. Административное устройство княжества Антиохийского представляет собой уникальное и яркое сочетание латинской и византийской систем управления. С одной стороны, князья Антиохии ввели посты, традиционные для средневековой Франции, нормандской Англии и Италии, или франкских государств Заморской земли. Так, при Антиохийском князе состояли

⁷³⁴ Подробнее об этом мелькитском враче XII в., см. Joseph (Nasrallah). *Médecins melchites de l'époque ayyubide...* — P. 192—194; Kedar B.Z., Kohlberg E. *A Melkite Physician in Frankish Jerusalem and Ayyubid Damascus: Muwaffaq al-Din Ya'qub b. Siqlab* // *Asian and African Studies*. — 1988. — №22. — P. 113—126.

коннетабль, сенешаль, один или два маршала, камергер, дворецкий, канцлер, виконт⁷³⁵. Однако, среди сановников княжества также появляются и подчеркнуто «византийские» титулы, такие как дука, нотариий, крит, а также несколько адаптированный пост логофета секретов, именуемый на латинский манер «магистром секрета».

Дуки, виконты и криты

Если в пределах Ромейской державы дуки стояли во главе отдельных провинций (Антиохии, Кипра, Халдии, Фессалоник, Дирахия, Фессалоник)⁷³⁶, то на землях франкской Сирии дукам было доверено управление крупнейших городов — Латакии, Джабалы и, конечно же, самой Антиохии. Титул дуки был также введен и при дворе могущественных франкских графов Мараша и Кайсуна; одним из старших сановников, состоявших на службе у графа Бодуэна Марашского, был дука Кайсуна — Васак Пахлавун, отпрыск известного армянского рода⁷³⁷. Здесь, конечно же, следует сразу же ука-

⁷³⁵ Коннетабль был старшим среди сановников, ответственным за сбор и командование войском; в Иерусалимском королевстве, а также во Франции именно коннетабль принимал командование в случае отсутствия государя, а в сражении — вел батай, в два раза превосходивший батай других предводителей. Вероятно, сходными правами он пользовался и в пределах Антиохийского княжества. Во время торжественных церемоний коннетабль исполнял почетную роль государева конюшего. Маршал был правой рукой коннетабля, ответственным за конский состав и наемников в войске государя. Сенешаль (или *darifer*) был одним из двух верховных сановников государства, сопоставимым в правах и чести с коннетаблем; подчас они оба исполняли роль конюших, ведя под уздцы государева коня во время коронаций и торжественных процессий. Именно сенешалю был доверен верховный надзор за финансовыми и юридическими вопросами; он также нес ответственность за поддержание замков, городских стен и прочих укреплений и их гарнизонов. Канцлер, вполне естественно, стоял во главе княжеской канцелярии, следя за составлением, переписью и сохранением хартий, посланий, законоположений, реестров и прочей документации. Он также был хранителем государственной печати. Камергер нес непосредственную ответственность за двор, слуг и собственность государя. Дворецкий же (чей пост можно было сопоставить с обязанностями маршала при коннетабле), следил за виноделием в государевых виноградниках, а также за церемониями при дворе. Подробнее об административном устройстве княжества Антиохийского, см. Cahen C. *La Syrie du Nord...* P. 452—455; Asbridge T. *The Creation of the Principality of Antioch...* P. 182—189.

⁷³⁶ Подробнее о византийском титуле дуки, см. выше: Часть I, гл. 3, С. 100—105.

⁷³⁷ MacEvitt C. *The Crusades and the Christian World of the East.* — P. 94.

зать на принципиальное отличие в обязанностях «византийского» и «франко-антиохийского» дуки — в Византии дука фактически был военным губернатором; в пределах княжества Антиохийского дука, напротив, ведал исключительно гражданским управлением городов⁷³⁸.

В подчинении у дуки находился виконт, а также городские судьи — преторы (praetor) или криты (κρίτης). В пределах Иерусалимского королевства виконтам было доверено гражданское управление крупных городов, таких как Иерусалим или Наблус, в то время как шателен ведал гарнизоном и укреплениями, в особенности — цитаделью. Антиохийские князья, в свою очередь, поручили верховное городское управление дукам, однако ввели и пост виконта, который являлся младшим соратником и подчиненным дуки. Вероятно, между дукой и виконтом существовало четкое разграничение обязанностей, как это было и среди других пар «старших» и «младших» сановников — между коннетаблем и маршалами, или между камергером и дворецким; однако точно установить эти обязанности не представляется возможным. Известно, что оба — и дука, и виконт, руководили сбором городской палаты (палаты бургес) и председательствовали на ее заседаниях. Что касается городских судей (преторов или критов), несших ответственность за судебные разбирательства в определенных частях города, то наличие данного поста можно встретить и в Константинополе и на отвоеванных у империи землях Нормандской Италии, на что также указывает Каэн⁷³⁹.

Если же говорить о роли дуки, виконта и критов в сборе и проведении заседаний Антиохийской палате бургес, то следует сразу отметить, что единственное сохранившееся описание порядка созыва и ведения заседаний палаты горожан Антиохии оставил канцлер Готье, в первой книге своих «Антиохийских войн». Канцлер князя Рожера так описывает сбор палаты бургес, собранный дукой Антиохии — Раулем Акрским: «Дука призвал виконта, виконт — магистрата, магистрат — герольда, герольд — судью (крита). Когда все были собраны, им было доложено о предстоящем деле (т. е. о восстановлении стен и укреплений Антиохии, разрушенных землетрясением

⁷³⁸ На это обстоятельство особое внимание обращает Каэн. См. Cahen C. La Syrie du Nord... P. 458.

⁷³⁹ Cahen C. La Syrie du Nord... P. 455—456.

(1114 г. — С. Б.). Знатные мужи прибыли туда по приказу князя; меньшие были призваны⁷⁴⁰. Все собрались без промедления. Тогда дука воззвал к ним, со всей свойственной ему учтивостью, и обратил их внимание на предстоящее дело и на приказ князя. Оповестив их о предстоящих делах, он сказал, что не пренебрежет и их советом. Когда они выслушали дуку и переданный им приказ князя, они, как один, пришли к единому мнению»⁷⁴¹.

Секрет и его магистр

Осевшие в Антиохии франко-нормандцы приняли византийскую систему централизованного управления финансами, известную у ромеев как «секрет», а у арабов как «диван». Провинциальные чиновники, ведавшие сбором податей, подсчетом государственных доходов и затрат и прочими финансовыми и административными вопросами, не зависели от местных франкских сеньоров и подчинялись непосредственно пребывавшему в Антиохии магистру секрета, который, в свою очередь, отвечал непосредственно перед князем⁷⁴². Рассуждая о системе правления на Латинском Востоке, Рансимен особо отмечал, что сформированная под сильным византийским и арабским влиянием административная система Антиохийского княжества «была более организованной и эффективной, нежели системы управления других франкских государств» Заморской земли и, скорее, напоминала систему управления итало-нормандского королевства Сицилии⁷⁴³.

Византийские чиновники франкской Сирии

Влияние Византии на государственное устройство франкской Сирии можно усмотреть не только в введении адаптированных византийских титулов и административных постов, но и в привлечении к гражданскому (и, в особенности, финансовому) управлению значительного

⁷⁴⁰ *Injuncto mandato domini principis vocantur majores, vocantur et minores*

⁷⁴¹ *Galterii Cancellarii. Op.cit. — I Bell., c. 2, P. 85.*

⁷⁴² *Cahen C. La Syrie du Nord... — P. 465—466*

⁷⁴³ *Runciman S. A History of the Crusades. — Vol. II, Book IV, c.1, P. 307—308.*

числа чиновников из числа греков и сириан. Утвердившись в Антиохии, франко-нормандцы столкнулись с поколением греков и сирийцев, некогда состоявших на византийской службе. Это наличие относительно сохранных административных кадров империи создавало условия для создания наиболее эффективной системы управления⁷⁴⁴. Как пишет Каэн, греки и эллинизированные сирийцы, еще недавно входившие в состав византийской служилой знати, представляли собой элемент, на который франки, при всех противоречиях, неминуемо должны были опираться; антиохийские греки и мелькиты «входили в число крупных землевладельцев (...) и знатных горожан, из числа которых князья выбирали дук, виконтов и камергеров; впоследствии они вошли и в состав коммуны»⁷⁴⁵. Наиболее активным подобное взаимодействие франков со служилыми семьями греков и мелькитов, «искушенных в мудрости ромеев и сарацин», было в городах, еще недавно бывших центрами византийского господства в северной Сирии, то есть в Антиохии, Латакии и, хоть и в меньшей степени, — в Эдессе⁷⁴⁶.

Георгий Антиохийский

Рассматривая историю пребывания греческих и мелькитских чиновников на службе у франко-нормандских государей Антиохии, нельзя вновь не вспомнить о Георгии Антиохийском, прославленном

⁷⁴⁴ Подобное взаимодействие франков с местными ромейскими горожанами, чиновниками и мелкими землевладельцами можно было наблюдать и в других государствах, созданных крестоносцами на еще недавно принадлежавших империи землях. Здесь Антиохийское княжество в известной степени можно сопоставить с Кипрским королевством и государствами Латинской Романии.

⁷⁴⁵ Cahen C. *La Syrie du Nord*... P. 333.

⁷⁴⁶ Невзиряя на преобладание сиро-яковитского и армянского населения, Эдесса сохраняла еще достаточное число мелькитских семей, из числа которых выходили столь видные деятели, как вышеупомянутый философ Абд-аль-Масих. Вероятно, он был далеко не единственным эдесским мелькитом, получившим доступ ко двору франкских государей. Дж. Сигал, рассуждая о присутствии халкидонских христиан в Эдессе эпохи франкского правления, обращает внимание на найденное им мелькитское надгробие, написанное по-сирийски (шрифтом серто) и датированное 1118 г. Надпись на надгробии гласит «Здесь находится могила, где в год 1430 было погребено тело Константина; пусть тот, кто прочтет надпись сию, помолится о помиловании его души». См. Segal J.B. *Edessa: The Blessed City*... P. 238.

флотоводце Нормандской Италии, «эмире эмиров» и первом министре короля Рожера II де Отвилля. Георгий был не просто антиохийским греком, но уроженцем одной из известных служилых семей Антиохии, очевидно занимавшей видное положение на службе у нормандских князей. Сведения об «антиохийском» этапе жизни Георгия приводит арабский хронист Ибн Халдун. В его описаниях, Георгий предстает как «христианин из Леванта, изучивший [в совершенстве] арабский язык и прекрасно владевший делопроизводством, что он уже проявил в Антиохии и других городах Сирии»⁷⁴⁷. Слова Ибн Халдуна о том, что Георгий был обучен «делопроизводству» еще в Антиохии, позволяют предположить, что его семья играла значимую роль в жизни города, очевидно находясь на службе у нормандских князей.

Однако, когда Георгий был еще молодым человеком, его отец — Михаил перевез семью из Антиохии в северную Африку — в Махдию, в пределы государства Зиридов. Михаил и его сын Георгий поступили на службу к эмиру Яхье ибн Таммиму (1108—1131 гг.) и вскоре заняли видное положение при дворе. И это вновь свидетельствует о том, что они были образованными, искушенными в делах управления сановниками⁷⁴⁸. Неизвестны точные причины этого переселения, но скорее можно предположить, что Михаил был человеком предприимчивым и энергичным, искавшим наибольшей выгоды для себя и своей семьи. Вряд ли это переселение было связано с какими-либо нормандскими «притеснениями», т. к. сложно представить, чтобы Георгий — в детстве бежавший от нормандцев Антиохии, всю оставшуюся жизнь верой и правдой служил бы нормандцам Сицилии.

Чиновники княжеского секрета

Наиболее ощутимым присутствие византийских христиан, очевидно, было в финансовом управлении княжества, то есть в секрете. Греки и сириане, очевидно, занимали достаточно прочное положение в секрете и канцелярии княжества, среди нотариев и асикритов. Здесь уместно было бы провести параллель с Кипрским королевством,

⁷⁴⁷ Amari M. Biblioteca arabo-sicula. Vol. II. — Palermo, 1881. — P. 206.

⁷⁴⁸ Об этом сообщает Ибн Идхари в своей книге «Удивительной истории правителей аль-Андалуса и Магриба». См. Ibid. — P. 38.

где государственные финансы также находились в ведении «секрета», созданного по византийскому образцу. На Кипре не просто присутствие, но преобладание греков и сирийцев в королевском секрете сохранялось вплоть до XV в. П. Эдбурри, в своей монографии по истории франкского Кипра, указывает на то, что даже в XV в. «все чиновники секрета, кроме бальи, носят имена, выдающие их греческое или сирийское происхождение», и что «в то время как канцелярия пополнялась выученными на Западе юристами, секрет оставался юдолью киприотов»⁷⁴⁹. Вполне вероятно, что сходное преобладание греческих и сирийских чиновников сохранялось и на протяжении менее чем двухвекового существования Антиохийского княжеского секрета. Начальники или «магистры» секрета также чаще принадлежали к числу восточных христиан; по крайней мере, известные магистры носят имена, характерные скорее для греков и сириан, нежели франков. К примеру «Георгий — магистр секрета» упоминается в правление князя Раймонда де Пуатье (1140 г.); в перечне свидетелей на хартиях он следует после других сановников княжества⁷⁵⁰.

Дуки из числа «греков и сириан»

Своеобразное «первенство чести» среди восточных сановников княжества Антиохийского принадлежит Льву Майополису, занимавшему пост дуки Антиохии в 1133—1154 гг. В правление князя Раймонда де Пуатье, княгини Констанции и князя Рено де Шатильона, а также в периоды регентства короля Фулька Анжуйского (1133—1136 гг.) и Патриарха Амори (1149—1153 г.), то есть в общей сложности на протяжении более чем двадцати лет, этот грек оставался дукой Антиохии, ведая вопросами гражданского управления, надзирая за судебной и торговой жизнью города и председательствуя в палате бургес. Первое сохранившееся упоминание о дуке Лье (Leo, dux Meopoli) появляется в сентябре 1133 г., на хартии короля Фулька Анжуйского, даровавшего, на правах регента, привилегии капитулу Храма Гроба Господня в пределах княжества Антиохийского⁷⁵¹. Причем, в перечне свидетелей, дука Лев следует непосредственно за

⁷⁴⁹ Edbury P.W. The Kingdom of Cyprus and the Crusades. 1191—1374. — Cambridge, 1994. — P. 192.

⁷⁵⁰ De Roziere E., ed. Cartulaire de l'Eglise du Saint-Sepulchre... — №88, P. 172; №89, P. 178.

⁷⁵¹ Röhricht R., ed. Regesta Regni Hierosolymitani... — №149, P. 37.

коннетаблем Рено I де Мазуаром и предшествует трем франкским баронам. Дука Лев (Leo dux) также фигурирует еще на одной хартии времен регентства Фулька, на четырех хартиях князя Раймонда де Пуатье и на двух хартиях князя Рено де Шатильона⁷⁵². На одной из хартий князя Раймонда де Пуатье (от 19 апреля 1140 г.), подпись дуки Льва вновь предшествует подписям многих франкских баронов, в том числе двух маршалов (Герэна Мальмуза и Раймонда) и шателена Антиохии Петра де Армоина. Последнее упоминание о дуке Льве относится к маю 1154 г.; он был в числе засвидетельствовавших хартию князя Рено де Шатильона, фиксирующей привилегии Пизанской торговой республики.

Среди тех немногочисленных дук Латакии, имена которых сохранились на хартиях XII в., как минимум двое были греками или сирийцами. «Георгий — дука» (Georgius dux) упоминается на хартии Алисы Антиохийской, датированной маем 1134 г.⁷⁵³, дука Ассет — на последней хартии Алисы «княгини Латакии», составленной в 1150 г.⁷⁵⁴. Возможно, что это тот же «сирианин, по имени Ассет» (Suriani, qui vocatur Asset), дом которого упоминается в хартии князя Бозмунда III, датированной 1163 г. и посвященной торговым привилегиям амальфитанцев в Латакии⁷⁵⁵. Кстати говоря, это указание на дом Ассета в хартии Бозмунда III косвенно указывает на то, что состоявшие на службе у франков восточно-христианские сановники пользовались значительным материальным достатком и их дома служили ориентирами на улицах городов. Примечательно, что единственным известным дукой Джабалы был не франкский рыцарь и не сирийский сановник, но латинский аббат Гильом де Кур.

Камергеры и виконты Антиохии

Настоящим памятником греко-сирийского присутствия в административной системе франкской Антиохии может служить хартия князя Раймонда де Пуатье, датированная 19 апреля 1140 г.⁷⁵⁶.

⁷⁵² Röhrich R., ed. *Regesta Regni Hierosolymitani...* — №157, P. 39, №195, P. 48, №197, P. 49, №228, P. 57, №253, P. 64, №282, P. 72, №292, P. 74.

⁷⁵³ Röhrich R., ed. *Regesta Regni Hierosolymitani. Additamentum.* (1904) ... — №152, P. 12.

⁷⁵⁴ Röhrich R., ed. *Regesta Regni Hierosolymitani...* — №262, P. 102.

⁷⁵⁵ Röhrich R., ed. *Regesta Regni Hierosolymitani...* — №387.

⁷⁵⁶ Röhrich R., ed. *Regesta Regni Hierosolymitani...* — №195, P. 48.

Помимо Льва Майополиса — дуки Антиохии, там фигурируют Василий — камергер Антиохийского князя (*Basilus camerarius*), Георгий — магистр секрета (*Georgius, magister secretae*) и Феодор — нотариус (*Theodorus notarius*). Так, князь Раймонд, невзирая на то, что он был уроженцем Аквитании, выросшим и воспитанным на Западе, доверил управление своим дворцом и имением греческому или сирийскому камергеру (Василию), ведение финансов (секрета) — греческому магистру (Георгию), а составление и перевод хартий и документов — греческому нотарию (Феодору). В начале правления князя Боэмунда III, пост виконта Антиохии также некоторое время занимал сирийский грек, Василий (*Vassilius vicescomes*)⁷⁵⁷. Еще один грек или сириец — нотариус Георгий (*Georgius notarius*), выступает в качестве свидетеля на одной из последних хартий Рено II де Мазуара, датированной июнем 1183 г.⁷⁵⁸.

Раисы

Говоря о гражданском управлении франкской Сирии, нельзя не упомянуть и заимствованный у арабов пост раиса — представителя местного христианского населения, также ответственного за тяжбы и сбор податей в своем поселении или округе; аналогичным представителем и местным судьей для арабо-мусульманского населения был кади. В пределах Иерусалимского королевства восточно-христианские раисы упоминаются в самом Иерусалиме, а также в Вифлееме, Наблусе, Тире; в Кипрском королевстве пост раиса был утвержден в Никосии и Фамагусте⁷⁵⁹. В северо-сирийских государствах Заморской земли сохранились письменные свидетельства о раисах Антиохии и Триполи, а также Маркаба. Учитывая, что раисы были фактическими главами восточно-христианского населения определенных поселений или городских округов, они, естественно, были греками, мелькитами, маронитами или сиро-яковитами (в зависимости от

⁷⁵⁷ Röhricht R., ed. *Regesta Regni Hierosolymitani...* — №424, P. 110. Каэн идентифицирует виконта Василия как «грека»; см. Cahen C. *La Syrie du Nord...* — p.457.

⁷⁵⁸ Röhricht R., ed. *Regesta Regni Hierosolymitani...* — №630, P. 167.

⁷⁵⁹ Подробнее, см. Riley-Smith J. *The Feudal Nobility in the Kingdom of Jerusalem. 1174—1277...* P. 90—91.

того, какая именно община составляла большинство населения). Раис Маркаба Георгий (Georgio, raiz de Margato) и его тесть — раис Абд аль-Масих (Abdelmessie, raiz) упоминаются в хартии Рено II де Мазуара, сеньора Валаньи и Маркаба⁷⁶⁰. Раисы Симеон, Георгий и Мафа (regulus Simon, regulus Georgius, regulus Mafa) названы в числе свидетелей на хартии графа Раймонда III Триполийского⁷⁶¹.

Рассматривая вопрос о ромейских сановниках в Антиохии, стоит вспомнить и об одной из историй «Книги назиданий» Усамы Ибн Мункыза, когда автор вспоминает о своем друге — антиохийском ромее Феодоре ибн ас-Сафани. По словам Усамы, Феодор был «главарем» или, в более точном переводе, «раисом», пользовавшимся «в Антиохии большим влиянием». Ибн Мункыз послал к нему одного из своих товарищей, с которым Феодор, в качестве почетного гостя, посетил дом одного из знатных франкских рыцарей, жившего в восточном окружении и перенявшего многие восточные обычаи⁷⁶². История эта обычно рассматривается в контексте франко-арабских культурных контактов, однако, на наш взгляд, она наилучшим образом «суммирует» процесс межкультурного диалога во франкской Антиохии; встречу франкского рыцаря и араба-мусульманина, организованную антиохийским ромеем.

Восточные христиане в Антиохийской палате бургес

Упоминание о влиянии восточно-христианских ремесленных мастерских на экономику Антиохии вполне естественно приводит к вопросу о присутствии греческих, сирийских и армянских ремесленников и купцов в Антиохийской палате бургес (Cour des Bourgeois). Можно с полной уверенностью констатировать, что греки и сирийцы входили в состав стихийно сформировавшейся на исходе XII в. Антиохийской коммуны — формирования, которому будет посвящена значительная часть последующей главы. Однако вопрос об их присутствии в палате бургес до сих пор остается открытым. В пределах

⁷⁶⁰ Röhricht R., ed. Regesta Regni Hierosolymitani... — №521, P. 138.

⁷⁶¹ Röhricht R., ed. Regesta Regni Hierosolymitani... — №519, P. 138. Хартия датирована декабрем 1174 г. и фиксирует передачу земель госпитальерам.

⁷⁶² Усама ибн Мункыз. Указ. соч. — С. 217—218.

Иерусалимского королевства в палате бургес (предназначавшейся исключительно для латинских бюргеров) рассматривались лишь уголовные дела, касавшиеся восточных христиан и мусульман; во всех прочих случаях для них существовала отдельная «палата сириан» (Cour des Syriens). В отношении Антиохийской палаты бургес невозможно ни утверждать, ни отрицать присутствие там восточных христиан. Определенную проблему представляет практически полное отсутствие источников. В армянском списке антиохийских «Ассиз горожан» (второй части «Антиохийских ассиз» Смбата Спарапета) ничего не говорится о греках или сирийцах⁷⁶³; но при этом там нет и каких-либо упоминаний и об обособленном собрании для восточных христиан, подобном иерусалимской «палате сириан». Последнее свидетельствует скорее в пользу их присутствия в палате бургес, т. к. невозможно представить, чтобы франкские бюргеры могли избежать взаимодействия (и причем — постоянного, каждодневного взаимодействия) с восточно-христианскими ремесленниками, купцами и вилланами Антиохии; в противном случае в тексте «Ассиз» были бы прописаны формы юридического разбирательства, касавшиеся греков, сирийцев или армян. Канцлер Готье, оставивший единственное подробное описание созыва Антиохийской палаты бургес, также не говорит чего-либо конкретного об ее этническом составе, что может трактоваться как в пользу, так и против гипотезы о присутствии там греков, сирийцев и армян⁷⁶⁴. Парадоксально, но, не зная, действительно входили ли восточные христиане в состав антиохийской палаты горожан, мы можем смело утверждать, что греки могли занимать пост дуки Антиохии, *председательствовавшего* в палате бургес.

Фактически, в годы своего правления в Леванте, франки проявили ту же зависимость от греческих и сирийских сановников, что и мусульманские правители VII-XI вв. Достаточно вспомнить историю об освобождении из плена короля Ги де Лузиньяна в 1188 г. Когда Салах-ад-Дин предложил ему отобрать, в качестве спутников, десять томившихся в плену рыцарей, король Ги избрал лишь девять франкских нобилей; десятым же стал сирийский сановник — писарь короля. Вспоминая об этих событиях, один из старофранцузских Продолжателей Гильома Тирского отмечает, что поступок короля, решившего

⁷⁶³ Sempad, le connetable. Assises D'Antioche. — Venise, 1876. — P. 44—84.

⁷⁶⁴ Galterii Cancellarii. Op.cit. — I Bell., c. 2, P. 85.

«оставить рыцаря и избрать вместо него сирийца, было расценено как великая несправедливость и зло»⁷⁶⁵. Тем не менее, это решение короля Ги вполне четко дает осознать всю важность функции сирийских сановников-христиан, исполнявших роль переводчиков, писцов, секретарей при дворе латинских государей. И, как мы видим, сановникам из числа «греков и сириан» готовы были отдавать должное не только рожденные на Востоке «заморские» франки, но и прибывавшие в Левант французские рыцари, в частности выходцы из Пуатье — князь Раймонд Антиохийский (1136—1149 гг.) и Ги де Лузиньян (1186—1194 гг.).

V. Влияние Византии на образ и форму правления государей франкской Сирии

Вопрос о титулах

Византийское влияние на государственное устройство франкской Сирии сводилось не только к присутствию греческих и сирийских сановников или приятию определенных титулов и элементов финансового и юридического управления; империя оказала значительное влияние и на образ, эстетику и форму правления самих государей, в особенности — князей Антиохийских. Конечно же, следует сразу отметить, что византийское влияние практически не отразилось на титуле государей Антиохии. В то время как завоевавшие Константинополь латиняне даровали избранному фландрскому государю титул «императора/василевса», а бургундские правители Афин на протяжении долгого времени довольствовались лишь греческим титулом «мегаскир» (Μέγας Κύρις), т. е. «великий господин», нормандские правители Антиохии быстро отказались от идеи приятия византийских титулов.

Первым титулом, использованным Бозмундом I в Антиохии, было «господин и защитник» (*dominus et advocatus*), что, в известной степени, соответствует титулу, принятому Готфридом Бульонским в Иерусалиме. Затем, на заре XII в., нормандские правители приняли титул «принцепса» (*princeps*), то есть «князя». Первое сохранившееся

⁷⁶⁵ L'Estoire Eracles... P.; Edbury P.W. The Conquest of Jerusalem and the Third Crusade. Sources in translation... c.49, P. 54.

письменное свидетельство о том, что Боэмунд I именовался «князем Антиохии», относится к 1106 г., однако более чем вероятно, что титул был воспринят на несколько лет раньше. Танкред уже использует титул «князя» на хартии 1101 г., то есть уже в год принятия регентства над Антиохией⁷⁶⁶. Приятие этого титула государями Антиохии, вне всякого сомнения, является прямым отражением южно-итальянского, в частности — лангобардского влияния. Среди лангобардов титул «принцепса», т. е. первого среди герцогов и феодалов, был принят герцогом Беневенто — Арехисом II после франкского завоевания Лангобардского королевства в северной Италии и сдачи последнего короля лангобардов — Дезидерия — Карлу Великому (774 г.)⁷⁶⁷. Роду лангобардских князей Беневенто положил конец Роберт Гвискар, покоривший город и передавший его римскому понтифику. Однако осевшие в Южной Италии нормандцы не оставили без внимания принятый лангобардами титул. Одним из наиболее мощных государственных образований, созданных нормандцами в Южной Италии, стало княжество Капуи, где правили соперники рода Отвиллей — нормандские князья из рода Дренго. Причем именно на это княжество, во время борьбы с Рожером Борсой и Рожером I Сицилийским, опирался Боэмунд I, состоявший в тесном союзе с князем Жорданом I Капуанским⁷⁶⁸. Т. Асбридж полностью связывает приятие княжеского титула с лангобардским влиянием, отмечая, что титул князя принимали западные государи, не претендовавшие на королевский титул, но, тем не менее, обладавшие подчеркнутой независимостью и всей полнотой власти над обширным регионом, включавшим и земли многочисленных вассалов. Следовательно, принимая княжеский титул, нормандские государи Антиохии желали подчеркнуть свою независимость от правителей Иерусалима, византийских василевсов или какого-либо другого сюзерена, за исключением, разве что, Апостольского престола⁷⁶⁹.

⁷⁶⁶ Подробнее см. Hiestand R., ed. *Papsturkunden für kirchen im Heiligen Lande...* — №87, P. 102; Asbridge T. *The Creation of the Principality of Antioch...* с.5, P. 131; Röhrich R., ed. *Regesta Regni Hierosolymitani...* — №35, P. 5. Также см. выше: Часть III, гл. 1, С. 100—105.

⁷⁶⁷ Успенский Ф.И. *История Византийской империи.* — Том II, отд. II, гл. 7, С. 368—369.

⁷⁶⁸ Yewdale R.B. *Bohemond I, Prince of Antioch...* с.3, P. 25—33.

⁷⁶⁹ Asbridge T. *The Creation of the Principality of Antioch...* P. 132. Сходное устремление, возможно, проявил и Танкред, когда, до восшествия на Антиохийский престол, основал сеньорию Галилеи, правители которой, позднее, именовались князьями; хотя

Кстати говоря, на раннем этапе истории княжества можно проследить устремление нормандских государей к сочетанию южно-итальянского титула *princeps* с византийским титулом *dux*. Так, Танкред именуется «дукой и князем Антиохии» (*dux et princeps Antiochenus*) на хартии Пизанской торговой республики (1108 г.)⁷⁷⁰. То, что Ордерик Виталий именует Боэмунда I «герцогом//дуксом» Антиохии, также, вероятно, отражает использование основателем княжества этого титула⁷⁷¹. Однако впоследствии правители Антиохии отказались от этого второго титула, всецело предпочитая именоваться «князьями». Здесь, вероятно, сказалось как неприятие Девольского мира, призванного вернуть Антиохию в состав империи и даровать его правителям титул «дуки», так и тот факт, что в самой административной системе княжества, возможно, установилась путаница между княжеским титулом «*dux*» и состоявшим на службе у государя сановником-дукой, стоявшим во главе гражданского управления города. Отказавшись от долговременного использования византийских титулов, князья Антиохии тем не менее оказались в высшей степени открытыми к рецепции определенных элементов внешней эстетики и принципов правления, свойственных ромейским василевсам. Здесь определенно прослеживается сходство между нормандцами Южной Италии и франко-нормандцами Антиохии.

Образ мирской власти.

Нумизматика и сфрагистика франков Антиохии и Эдессы

Если мы беремся говорить о византийском культурном влиянии на средиземноморские государства нормандцев, то нельзя не отметить определенного «неравенства» в количестве и сохранности памятников Нормандской Италии и Сирии. Если в Италии исследователям доступен прекрасно сохранившийся «пласт» итало-нормандской культуры (в том числе — великолепные, украшенные византийскими

князя Галилеи, в отличие от князей Антиохии, как раз находились в прямой вассальной зависимости от Иерусалимского монарха, пусть и на правах одного из четырех великих сеньоров королевства.

⁷⁷⁰ Röhrich R., ed. *Regesta Regni Hierosolymitani...* — №53, P. 11.

⁷⁷¹ Orderic Vitalis. *Op.cit.* — Vol. III, Lib. VIII, c.20, P. 6.

мастерами соборы в Чефалу, Палермо и Монреале), то в случае с Антиохией мы вынуждены опираться преимущественно на нумизматические и письменные свидетельства, т. к. большая часть архитектурных памятников византийского и нормандского периодов была уничтожена на исходе XIII в. Фоллисы, которые чеканили по приказу династии Отвиллей, являются ярким свидетельством нормандской приверженности византийской иконографии и эстетике. Достаточно взглянуть на монету, которую чеканил пращур Антиохийских князей — герцог Робер Гвискар. Когда этот уроженец северной Франции, потративший всю свою жизнь на завоевание ромейских и арабских владений в Италии, удостоился наконец дарованного Апостольским престолом титула «герцога Апулии и Калабрии», он стал чеканить монеты, на которых велел изобразить себя в виде ромейского василевса — в диадеме, украшенной традиционными для византийских венцов свисающими драгоценностями, с державой и скипетром в руках, т. е. в соответствии со всеми византийскими канонами⁷⁷².

Среди тех монет, которые нормандские государи династии Отвиллей чеканили в Антиохии, наиболее распространенными монетами нормандского периода являются т. н. «фоллисы Св. Петра». Почитание «князя Апостолов», возглавлявшего христианскую общину в Антиохии, процветало на протяжении всей истории города, и нашло особое выражение в годы нормандского владычества. Если говорить о собственно нормандском почитании «князя Апостолов», то следует отметить, что образ Св. Апостола Петра, восседающего на престоле, размещал на своих печатах еще Робер Гвискар, в знак своей незыблемой связи со Святым Апостольским престолом, от которого получил инвеституру и права на господство в Южной Италии⁷⁷³. Следуя этой же традиции, поясное изображение святого Петра разместил на своей

⁷⁷² Подражая византийским василевсам XI в., Гвискар чеканил анонимные фоллисы в монетных дворах Салерно и Амальфи. Помимо образа Гвискара в облачениях ромейского василевса на этих монетах также встречаются поясные изображения Христа или Богоматери. Единственной монетой, где отображалось имя Гвискара, были золотые тари, которые чеканили арабские мастера на Сицилии. Подробнее, см. Engel M. *Recherches sur la Numismatique et la Sigillographie des Normands de Sicile et D'Italie*. — Paris, 1882. — P. 22—23; Grierson P., Travaini L. *Medieval European Coinage*. Vol.14. *South Italy, Sicily, Sardinia*. — Cambridge, 1998. — P. 81—86.

⁷⁷³ Engel M. *Recherches sur la Numismatique et la Sigillographie des Normands de Sicile et D'Italie...* Pl. I, №4, 6. Также на некоторых моливдовулах Робера Гвискара встречается и образ Св. Евангелиста Матфея, столь почитаемого в Салерно.

печати и сын Гвискара, основатель княжества Антиохийского — Боэмунд. Эта печать, во многом, легла в основу первых антиохийских фоллисов эпохи нормандского правления. В Антиохии поясные изображения Апостола Петра, с нимбом, державой и крестом, выполненные в той же манере, что и византийские фоллисы (украшенные изображениями Христа Пантократора или портретами ромейских василевсов) чеканились с момента основания княжества Антиохийского и вплоть до заката династии Отвиллей. На реверсе этих монет, как правило, чеканился византийский крест, между лучами которого располагалась греческая монограмма правившего князя. Так, на редких уцелевших фоллисах Боэмунда I, между лучами креста видны греческие буквы «Β Η Μ Τ», т. е. «Βοημούντος». На фоллисах его сына — Боэмунда II встречается аналогичная надпись, правда этот «младший Боэмунд» (или Ибн-Маймун, как его называли арабские авторы), прибегал к несколько иной форме написания своего имени, используя литеры «ΒΑΙΜΟΝΗ» (Βοϊμόνδος).

Наибольшее разнообразие монет относится к годам правления князей Танкреда (1104—1112) и Рожера (1112—1119). При Танкреде на фоллисах Антиохии изображали Св. Петра, с легендой «ΚΕΒΟΙ ΘΝΤΟΔΥ ΛΟCΟV ΤΑΝΚΡΙ» («Господи, помоги рабу Твоему Танкреду»). Помимо этого, появляются и фоллисы с ростовым изображением св. Петра, благословляющего правой десницей и держащего в левой жезл с крестом. На этих монетах с ростовым образом св. Петра впервые появляются латинские легенды; на реверсе, между четырьмя лучами креста, размещались буквы «DSFT», т. е. «Боже, спаси Танкреда» (Dominum Salvum fac Tancredum). В период правления Танкреда на антиохийской монете продолжали отображать и образ Христа Пантократора, на реверсе которой было выбито имя князя — «ΤΑΝΚΡΗ». Эта серия монет, в достаточной мере близка антиохийским фоллисам, которые чеканили на закате византийского господства и в годы правления Филарета Варажнуни. Кстати говоря, образ Христа Пантократора встречается и на немногочисленных сохранившихся монетах эпохи правления Боэмунда I. Здесь образ Спасителя фактически идентичен монетам Танкреда, однако монограмма и присутствие букв «Β//Ο» указывают на чеканку правления Боэмунда.

Наиболее известным и поистине уникальным произведением чеканки Танкреда является фоллис, на котором Антиохийский князь велел изобразить свой поясной портрет. На аверсе этой монеты

Танкред предстает с принятой на Востоке бородой, в куфье, в ламеллярном или чешуйчатом доспехе, с мечом в руках. На реверсе монеты, между лучами креста, красовалась традиционная византийская монограмма «IC XC NIKA». Создается впечатление, что мастера антиохийского монетного двора сменили нимб и длинные волосы Христа на тюрбан, хитон и евангелие — на тяжелый византийский наряд, а благословляющую руку — на меч, сохранив прежний силуэт и пропорции, благодаря чему Спаситель мира превратился в прославленного нормандского государя. Эти фоллисы позволяют провести определенную параллель с монетами и моливдовулами ромейских василевсов второй половины XI в., а также с той монетой, которую на несколько десятилетий ранее чеканил дед Танкреда — Робер Гвискар⁷⁴. В связи с этим устремлением нормандцев к изображению себя в облачении византийских василевсов уместно было бы усмотреть параллель между описанными выше фоллисами Танкреда и печатью вдовы князя Боэмунду I Антиохийского — Констанции Капет. На сохранившемся моливдовуле дочь короля Франции — Констанция запечатлена в облачениях византийской царицы и в позе Оранта; предстоящие ей по обе стороны сыновья — Жан и Боэмунд II — обозначены греческими легендами. Сама композиция по-своему воспроизводит парадные семейные изображения императорской четы, распространенные в византийском искусстве⁷⁵.

На протяжении менее чем семи лет правления князя Рожера (1112—1119 гг.) Антиохийский монетный двор пережил ряд достаточно ощутимых перемен; новый князь отказывается от чеканки поясных изображений Спасителя, Танкреда и Св. Петра и вводит новые фоллисы, с новыми образами Христа, Богородицы и св. Георгия. Отказавшись от поясных изображений Спасителя, князь Рожер ввел на своих монетах ростовое изображение Христа, с благословляющей десницей, близкое аналогичным фоллисам с ростовым изображением св. Апостола Петра. Реверс этой монеты украшен латинской легендой: «DNE SAL FT RO» (Domine Salvum fac tuum Rogerium), т. е. «Господи, Боже

⁷⁴ Особое влияние здесь, вне всякого сомнения, оказал император Исаак I Комнин (1057—1059 гг.), впервые на протяжении более чем трехвекового перерыва, повелевший изобразить себя в военном облачении и с обнаженным мечом в руках.

⁷⁵ Engel A. Op.cit. — Pl.2, №3. Рефрен к этому моливдовулу уже был приведен выше; см. Часть II, гл. 2, С. 100—105.

наш, спаси раба Твоего Рожера». Другим изображением, введенным на антиохийских фоллисах при князе Рожере, был ростовой образ Богоматери Оранты. На реверсе этой монеты была выбита греческая надпись — «Боже, помоги рабу Твоему Рожеру». Иконография Богоматери Оранты была широко распространена не только в пределах Византии, но и в других землях христианского мира — от Италии до Руси. Однако здесь следует различать использование образа «Оранты» в мозаике, фреске или иконе, с использованием его на монетах или печатях, т. е. знаках власти отдельных государей. Образ Богоматери Оранты можно встретить на изрядном числе итальянских памятников XI–XII вв.⁷⁷⁶, но на монетах латинского мира она фактически не встречается. В Византии, напротив, образ Богоматери Оранты размещали и на монетах, и на моливдовулах. От ромеев подобное использование образа перешло и к государям Латинского Востока, хотя здесь он встречается гораздо реже. Известно, что поясное изображение Богоматери Оранты («Знамение») отобразила на своей печати королева Морфия Иерусалимская, супруга короля Бодуэна II де Бурга (союзника и сородича князя Рожера)⁷⁷⁷. Однако это, скорее, пример как раз византийского использования образа, т. к. Морфия была рожденной в Сирии армянкой-халкидониткой, дочерью византийского правителя Мелитены. Спустя столетие, в XIII в. поясное изображение Оранты появилось на некоторых монетах латинских императоров Константинополя. Так или иначе, нельзя не отметить, что антиохийские фоллисы Рожера — редчайший и ранний пример появления Оранты на монетах латинских государей.

Еще большее значение, в этом отношении, имеет другая серия фоллисов князя Рожера, на которой запечатлен образ «Чуда св. Георгия о змие». На аверсе этих монет изображен восседающий на коне Св. Георгий, обращенный на Восток и поражающий змия; реверс украшен

⁷⁷⁶ Среди наиболее известных примеров «Богоматери Оранты», которые можно было бы встретить в церквях Италии, достаточно вспомнить мозаику Оранты из венецианского собора Сан-Марко (XII в.), а также мраморную икону «Мадонна делье кроchette» из церкви Санта-Мария дель Порто в Равенне (втор. пол. XI в.). Сохранился и мозаичный образ «Богоматери Оранты» из кафедрального собора Равенны (базилики Св. Урса), создание которого как раз совпало с восшествием князя Рожера на Антиохийский престол (т. е. в 1112—1113 гг.).

⁷⁷⁷ Моливдовул королевы Морфии с образом Богоматери Оранты и греческой легендой «Евморфия, верующая во Христа королева» (Εὐμορφία ἐν Χριστῷ πιστὴ ῥήγουσα) был найден в Тире. Подробнее, см. Мутафян К. Последнее королевство Армении... С. 24.

греческой легендой — «ΡΟΤΖΕΡ ΠΡΙΓΚΙΠΟΣ Α» («князь Рожер I»). Здесь стоит напомнить, что к началу XII в. иконография «Чуда о змие» успела распространиться на Востоке, но не была еще известна на Западе⁷⁷⁸. Проникновение этого образа в искусство и литературу латинского мира относится как раз к эпохе крестовых походов. И хотя связь латинской рецепции образа «Чуда святого Георгия о змие» с крестовыми походами постоянно подчеркивается в литературе, современные авторы чаще всего обращаются исключительно к паломническим рассказам и литературным описаниям чудесных явлений святого Георгия во время битв с сарацинами. Достаточно вспомнить слова Петра Тудебоды о том, как в битве у стен Антиохии (28 июня 1098 г.), «во главе небесного воинства стояли Святой Георгий, Блаженный Димитрий и Блаженный Феодор»⁷⁷⁹. Тем не менее, тот факт, что образ «Чуда святого Георгия о змие» уже в первой четверти XII в. был избран для чеканки на монетах одним из двух величайших государей крестоносцев, фактически не удостаивается упоминаний. Между тем, появление образа святого Георгия, побеждающего змия, с легендой «князь Рожер I» на антиохийских фоллисах отнюдь не следует считать явлением случайным или эпизодическим. Выбор иконографии на фоллисах не мог совершаться без князя, т. е. принятие образа «Чуда о змие» может с полным основанием считаться выбором самого князя Рожера. Возможно, что образ воина-святого, торжествующего над змием язычества, был намеренно введен как раз после великой победы князя Рожера над сельджукской армией у источников Тель-Данита (14 сентября 1115 г.)⁷⁸⁰. Родственные «Чуду Св. Георгия о змие» изобраа-

⁷⁷⁸ Древнейшее сохранившееся изображение «Чуда св. Георгия о змие» — фреска из церкви Св. Варвары в Каппадокии, начала XI в. Древнейшее сохранившееся литературное изложение «Чуда...» — грузинский манускрипт XI в., ныне хранимый в библиотеке Иерусалимской Патриархии. Подробнее, см. Walter C. *Origins of the Cult of Saint George* // *Revue des études byzantines*. — 1995. — № 53. — P. 295—326.

⁷⁷⁹ Petri Tudebodi. *Op.cit.* — P. 81.

⁷⁸⁰ Подробнее об антиохийских фоллисах эпохи правления князей династии Отвилей, см. Schlumberger G. *Numismatique de L'Orient Latin*. — Paris, 1878. — P. 43—50, Pl. II; Metcalf D.M. *Coinage of the Crusades and the Latin East in the Ashmolean Museum*, Oxford. — Oxford, 1995. О фоллисах Рожера, см. также: Брюн С.П. Византийские иконы на монетах нормандского правителя сирийской Антиохии. Опыт рецепции византийской иконографии на заре крестовых походов // *Церковь и время*. — 2013. — №3 (64). — С. 157—164. Metcalf D.M. *Coinage of the Crusades and the Latin East in the Ashmolean Museum*, Oxford. — Oxford, 1995.

жения можно усмотреть и на другой серии антиохийских фоллисов, на которых предстает всадник со знаменем, скачущий либо на запад, либо на восток. Возможно, что это была еще одна попытка разместить на монете образ князя, т. к. аналогичные изображения украшали печати князей Антиохии и графов Триполи. На реверсе этих фоллисов, между лучами креста, размещались буквы «A-N-T-O», «ANTIOCHIA»⁷⁸¹.

Если же говорить о нумизматике соседствующего с Антиохией Эдесского графства, то и здесь мы видим сходную приверженность франкских государей к византийской иконографии. На протяжении всего существования Эдесского графства франки продолжали чеканить фоллисы, украшенные поясным изображением Христа; эти монеты варьировались от образцов, действительно близких византийским монетам позднего XI в., до схематичных изображений, скорее напоминавших арабо-византийские подражания (последние приписываются графу Жослену I и его тезке-сыну). Появляется целый ряд фоллисов, на которых помещали изображение графа в доспехах и шлеме, держащего в правой руке крест, а левой опиравшегося на меч. Ранние примеры подобных фоллисов чем-то близки итало-нормандским монетам, на которых размещали аналогичные (хоть и конные, а не пешие) изображения великого графа Сицилии — Рожера I. Что касается другого (возможно — более позднего) извода, где граф стоит анфас, в доспехах, держа в одной руке патриарший крест, а другой опираясь на щит — то здесь налицо преемство иконографии воинов-мучеников (св. Димитрия или св. Феодора), украшавших печати византийской военной аристократии на протяжении предшествующих полутора веков. На реверсе большинства этих монет отображен либо лучеобразный крест, фактически идентичный византийским образцам эпохи Вотаниата и Варажнуни, либо же патриарший (лотарингский) крест. В правление графа Жослена II Эдесского также появляются фоллисы с поясным изображением Св. Апостола Фомы и сирийской легендой на реверсе⁷⁸².

Однако эта приверженность антиохийских и эдесских франков к чеканке византийских монет фактически сошла на нет к середине XII в. Падение графств Эдессы и Мараша, а также массовый приток

⁷⁸¹ Schlumberger G. Numismatique de L'Orient Latin. — Pl. III (№11).

⁷⁸² Schlumberger G. Numismatique de L'Orient Latin. — P. 18—25, Pl. I; Metcalf D.M. Coinage of the Crusades and the Latin East... Pl. VII, №22; Ciggaar K.N. The Adaptation of Oriental Life by Rulers in and around Antioch... P. 275.

французских и германских пилигримов в годы Второго крестового похода склонил франков Заморской земли к решению полностью перейти к чеканке оболов и денье западного образца; чеканка золотой монеты практически исключительно сводилась к производству «сарацинских безантов», т. е. к франкским подражаниям арабским золотым динарам. С восшествием на престол князя Раймонда де Пуатье чеканившиеся доселе византийские фоллисы сменяются серебряными французскими денье, украшенными исключительно латинскими легендами и весьма условными, выполненными в западной манере, портретами князей, изображенными в профиль.

Завершая этот краткий раздел, посвященный нумизматике Антиохии и Эдессы (первой половины XII в.), невозможно не сказать, по крайней мере, двух слов и о сигиллографии этих сирийских государств крестоносцев. Следует сразу же отметить определенное сходство в программе украшения печатей, принадлежавших франкским князьям и латинским Патриархам Антиохии. На реверсе печатей размещались изображения князей или прелатов, причем в этих изображениях явно не следует искать особых признаков византийского влияния. Князья Антиохии изображались верхом, обращенными на Запад, в полном воинском облачении, с щитом и знаменем⁷⁸³. Патриаршая печать была украшена поясным изображением прелата, в богослужебных облачениях, с благословляющей десницей и крестом. На аверсе княжеских и патриарших печатей неизменно размещали образ покровителя Антиохии — св. Петра. При этом, в то время как православные Патриархи Антиохии держались определенной вариативности в изображениях на своих печатях⁷⁸⁴, латинские Патриархи

⁷⁸³ Сохранились печати князей Рено (1153—1160 гг.), Боэмунда III (1163—1201 гг.), Боэмунда IV Одноглазого (1201—1233 гг.), Боэмунда VI Красивого (1252—1275 гг.).

⁷⁸⁴ К примеру, на печати Патриарха Феодора III Ласкариса (1034—ок. 1042 гг.) было вырезано поясное изображение св. Феодора Стратилата; у Патриарха Василия II (ок. 1043—1052 гг.) — образ св. Василия Великого; у Патриарха Феодосия III Хрисоверга (1057—1059 гг.) — ростовое изображение св. Петра, поясное и ростовое изображение св. Пророка Илии в позе «оранта», парные ростовые изображения свв. Петра и Павла, или же парные изображения св. Петра и Пророка Илии; у Патриарха Никифора II Мавра (ок. 1079—1089 гг.) — сложная композиция с Богородицею и предстоящими поясными изображениями свв. Апостолов Петра и Павла; у Патриарха Иоанна V Оксита (ок. 1089—1100 гг.) — Богоматерь Оранта (Знамение); у Патриарха Феодора IV Вальсамона (ок. 1185—ок. 1203 гг.) — Богоматерь Одигитрия; у Патриарха Симеона II Абу Саиба (ок. 1206—1240 гг.) — Богоматерь Одигитрия; у Патриарха Евфимия I (ок. 1261—1275 гг.) — Богоматерь Одигитрия.

сохраняли аверс своих печатей исключительно для поясных изображений «князя Апостолов». На княжеских печатях, напротив, размещали образ двух Апостолов — свв. Петра и Павла. Свв. Апостолов Петра и Павла ранее изображали не только на печатях православных Патриархов, но и на печатях византийских дук Антиохии; очевидно, что эти византийские образцы и послужили основной для создания печатей латинских правителей и церковных иерархов Сирии.

На сохранившихся княжеских моливдовулах мы встречаем поясные изображения апостолов; св. Павла с книгой и св. Петра, держащего жезл с крестом и ключи царства. Примечательное изменение заметно на печати князя Боэмунда VI Красивого; в руках у св. Апостола Павла появляется меч, что прямо свидетельствует о рецепции западной иконографии⁷⁸⁵. Образ стоящих бок о бок Свв. Апостолов Петра и Павла, с греческой легендой «Господи, помоги Балдуину комиту (графу)» (Κύριε βοήθει Βαλδουίνῳ κόμῃτι) разместил на своей печати и основатель графа Эдесского — Бодуэн I⁷⁸⁶. Определенное исключение здесь представляет уже упомянутая выше печать князя Боэмунда I Антиохийского. На сохранившемся моливдовуле Боэмунда мы видим лишь поясное изображение св. Апостола Петра. Реверс же украшает греческая легенда «Господи, спаси раба Твоего Боэмунда»⁷⁸⁷.

Моливдовулы князя Боэмунда I Антиохийского и графа Бодуэна I Эдесского, а также южно-итальянский моливдовул с изображением супруги и детей Боэмунда I (Констанции, Жана и Боэмунда II), дают достаточное основание полагать, что на печатях первых князей Антиохии и графов Эдессы были высечены греческие легенды. Но при этом, на всех прочих сохранившихся антиохийских моливдовулах — как княжеских (с середины XII в.), так и патриарших (восходящих к первому латинскому Патриарху — Бернарду Валенскому), господствуют латинские легенды.

⁷⁸⁵ Folda J. Crusader Art in the Holy Land. From the Third Crusade to the Fall of Acre, 1187–1291... — P. 361, 363.

⁷⁸⁶ Подробнее о печати князя Бодуэна I см. Cheynet J.-C. Sceaux byzantins des Musées d'Antioche et de Tarse... №61, P. 428—429.

⁷⁸⁷ Engel M. Recherches sur la Numismatique et la Sigillographie des Normands de Sicile et D'Italie... Pl. II, №1; Rheinheimer M. Tankred und das Siegel Boemunds. Zum historischen Hintergrund der antiochenischen Folles. // Revue Suisse de Numismatique. — 1991. — Vol.70. — P. 75—93, Tafel I, №1; Asbridge T. The Creation of the Principality of Antioch... P. 131.

Печати латинских прелатов Антиохийского Патриархата следуют патриаршим образцам. На аверсах размещали поясные изображения прелатов, в митрах, богослужебных одеждах, с пастырскими жезлами. Реверс был украшен либо иконографическими, либо архитектурными сюжетами. Так, реверс печати епископа Робера Триполийского (занимал кафедру в 20-е гг. XIII в.) украшало поясное изображение Богоматери Одигитрии⁷⁸⁸. Печати аббатов бенедиктинского монастыря Св. Павла в Антиохии, сходным образом были украшены поясными портретами прелатов на аверсе и поясным изображением второго «первоверховного Апостола» на реверсе; однако, как уже было сказано выше, некоторые моливдовулы аббатов XIII в. сохраняют и образ самой обители, заместивший изображение св. Павла⁷⁸⁹. На реверсе печати архиепископа Фалько Иерапольского были изображены башни «града Иераполя»⁷⁹⁰. Сохранился и оттиск печати архиепископа Петра Апамейского (около 1254 г.). Реверсный оттиск не сохранился, однако на аверсе мы видим аналогичное вышеописанному изображение прелата в митре и палии, с крестом и благословляющей десницей. На реверсе, очевидно, могло располагаться как условное изображение града Апамеи (аналогичное печати архиепископа Иерапольского), или же — образ св. Петра, как покровителя Антиохийской Церкви и патронального святого этого прелата; во всяком случае, на легенде выведены слова «+S. PETRI»⁷⁹¹. При этом стоит указать на то, что все легенды на всех печатях прелатов Антиохийского Патриархата — латинские.

В то же самое время печати светских сановников княжества Антиохийского, были, вероятно, в значительно большей мере подвержены византийскому влиянию. Конечно же, здесь мы вновь сталкиваемся с практически полным отсутствием источников. Однако определенные ответы может дать сохранившийся и опубликованный Ж.-К. Шейне моливдовул Тьерри де Барневилля — дуки Антиохии эпохи правления князя Рожера (1113—1115 гг.)⁷⁹². На печати этого уроженца

⁷⁸⁸ Schlumberger G. Sceaux et bulles de L'Orient Latin au Moyen Age. — Paris, 1879. — P. 27 (№17).

⁷⁸⁹ Подробнее см. выше. — С. 100—105.

⁷⁹⁰ Kohler C., ed. Chartes de l'Abbaye de Notre-Dame de la Vallée de Josaphat... — №19, P. 129.

⁷⁹¹ Delaville Le Roulx J. Les sceaux des archives de l'Ordre de Saint-Jean-de Jérusalem à Malte. — Paris, 1887. — 1 №8, P. 44.

⁷⁹² Cheynet J.-C. Le sceau de Thierry de Barneville, duc d'Antioche // Revue numismatique, 6e série — 1984. — Tome 26. — P. 223—228.

Франции, ставшего дукой Антиохии, мы видим ростовое изображение Богоматери Оранты, аналогичное тому образу, который был размещен на современных ему фоллисах князя Рожера. Реверс же украшен греческой легендой «Дук Антиохии — Тири Парневилл» (т. е. «Тьерри Барневилль»). Вероятно, присутствие именно греческих (а не латинских) легенд на печатах можно объяснить тем, что сановники княжества Антиохийского, в особенности дуки, виконты, магистры секрета — постоянно находились в теснейшем соприкосновении с восточно-христианским населением, или даже сами принадлежали к числу греков и сириан. Однако здесь княжество Антиохийское (и, возможно, соседствующие с ним графство Эдесское) представляло исключение, т. к. печати сановников графства Триполи и королевства Иерусалимского были увенчаны исключительно латинским текстом.

Среди сохранившихся печатей Антиохийских князей особо выделяется хрисовул князя Боэмунда IV Одноглазого — единственная сохранившаяся «золотая булла» франкских правителей Антиохии⁷⁹³. Это устремление Боэмунда IV к жалованью хрисовулов, не встречавшееся ранее среди князей Антиохии, будет подробно рассмотрено в следующей главе. В данном случае достаточно лишь обратить внимание на наличие подобных «золотых булл» восьмого князя Антиохии, т. к. само их употребление прямо свидетельствует о преемстве византийских традиций и определенных притязаний на царское (или же — королевское) достоинство.

Инвеститура, регалии и облачения Антиохийского князя

Устремление утвердившихся в Сирии франкских государей к рецепции определенных элементов византийской придворной культуры и эстетики (стремление, которое угадывается в нумизматике и сигиллографии), находит подтверждение и в нарративных источниках эпохи крестовых походов. Крайне интересно в этом отношении описание придворной жизни Бодуэна I Эдесского, приведенное в книге Гвиберта Ножанского. По словам латинского аббата, Бодуэн «жил в роскоши в своем государстве; куда бы он ни ехал, перед ним, по греческому обычаю, несли золотой щит с изображением

⁷⁹³ Cahen C. La Syrie du Nord... P. 440.

орла. Подобно язычникам, он носил тогу и отпустил бороду, принимал земные поклоны от поклонявшихся ему и ел на коврах, разложенных на земле. Ежели он въезжал в один из своих городов, то два рыцаря играли на трубах перед его колесницей»⁷⁹⁴. Конечно же, у Гвиберта явно своеобразное представление о «греческих обычаях» (колесницы, тоги...), однако он определенно отталкивается от реальных свидетельств, переданных через послания, путешественников или возвращавшихся пилигримов. В частности, из его описаний можно заключить, что Бодуэн I Эдесский, следуя требованиям восточных народов, отпустил бороду⁷⁹⁵; что он стал одеваться на восточный или византийский манер; что он допускал церемониальное поклонение (*proskenesis*) от своих восточно-христианских и мусульманских подданных. Также не исключено, что граф Эдессы перенял от константинопольского двора некое подобие торжественных шествий, совершаемых государем в сопровождении щитносцев и меченосцев (спафариев), и даже то, что он разместил на своем щите имперского (византийского) орла.

Оставаясь латинскими нобилями, со всей присущей этому словословию любовью к джостре, соколиной охоте, латинскому богослужению, зарождавшейся куртуазной культуре, сирийские франки тем не менее раскрывали для себя достоинства определенных элементов жизни греков, сириан и арабов. Их, несомненно, привлекали достоинства восточной медицины, роскошь бань, эффективность систем сбора податей и ведения финансовых дел. Но не менее притягательной для латинских государей Средиземноморья оказалось и священное, византийское отношение к церемониям и авторитету власти. Высмеивая, при случае, слабость греков, государи сирийских франков и итало-нормандцев, тем не менее стремились подражать ромейскому императору, когда дело касалось запечатления и выражения их авторитета и власти. О желании латинских государей предстать перед современниками и потомством в образе и славе византийских василевсов прямо свидетельствуют мозаичные ктиторские портреты сицилийских королей в Палермо

⁷⁹⁴ Guiberti Abbatis. Op.cit. — Lib. VII, c.39, P. 254—255.

⁷⁹⁵ Известно, что бороду носил и его преемник — Бодуэн II де Бург. Знаменитый анекдот о том, как Бодуэн II заложил свою бороду за 30,000 безантов, уже был приведен выше, см. С. 100—105.

и Монреале⁷⁹⁶, описанные выше антиохийские, эдесские и южно-итальянские фоллисы франко-нормандских правителей, монеты-чашечки (трахеи) императоров Латинской Романии и королей Кипра.

С особой силой это устремление к подражанию василевсу и автократу ромеев проявлялось во время инвеституры князя Антиохии. Как уже было сказано выше, описания инвеституры Антиохийского князя сохранились лишь в «Иерусалимской истории» Фүльхерия Шартрского, в одном из посланий короля Левона I Рубенида и в хронике Смбата Спарапета⁷⁹⁷. В своем достаточно кратком описании инвеституры князя Раймонда-Рубена (1216 г.), Смбат Спарапет отдельно упоминает лишь совершение инвеституры Патриархом (миропомазание) и принесение оммажа новому государю баронами княжества⁷⁹⁸. Король Левон I Рубенид, описывая в послании Папе Иннокентию III восшествие на Антиохийский престол своего внучатого племянника Раймонда-Рубена, особо выделяет инвеституру знаменем. Король Киликийской Армении указывает понтифику на то, что вручение знамени молодому князю Раймонду-Рубену было совершено им собственноручно⁷⁹⁹. Инвеститура знаменем, вне всякого сомнения, была заимствована из практики Священной Римской империи. При этом неясно, существовал ли этот элемент в чине Антиохийской княжеской инвеституры до восшествия на престол Раймонд-Рубена? В пределах графства Эдесского подобная традиция действительно существовала издревле; Гильом Тирский упоминает о том, что Бодуэн II де Бург совершил «инвеституру знаменем», передав власть над Эдессой своему преемнику — графу Жослену I де Куртенэ (1118 г.)⁸⁰⁰. Однако неясно, была ли подобная традиция принята как часть чина

⁷⁹⁶ Достаточно указать на мозаичное изображение короля Рожера II Сицилийского, коронуемого Христом из церкви Санта-Мария-дель-Аммиральо, и на аналогичные ктиторские портреты короля Вильгельма II Доброго из собора Монреале.

⁷⁹⁷ См. выше: Часть IV, гл. 1, С. 100—105.

⁷⁹⁸ Bedrosian R., ed. *The Armenian Chronicle of Sempad*... P. 83.

⁷⁹⁹ Röhrich R., ed. *Regesta Regni Hierosolymitani*... №817, P. 218—219.

⁸⁰⁰ Guillaume de Tug. *Op.cit.* — Lib. XII, с. 4, P. 517. Ж. Ришар особо указывает на связь эдесской «инвеституры знаменем», имевшей место в 1118 г., с рецепцией священно-римских имперских институтов, объясняя это тем, что основатели графства Эдесского — Бодуэн I и Бодуэн II де Бург были выходцами из подвластных германскому императору Арденн и Лотарингии. Подробнее см. Ришар Ж. *Латино-Иерусалимское королевство*... С. 36.

инвеституры самих королей Иерусалима и тем более — князей Антиохии? Если же учесть, что в 1198 г. торжественная инвеститура Леонона I Рубенида как «короля Армении» была совершена от имени папы и священно-римского императора Генриха VI, и при этом имело место как миропомазание, так и вручение знамени, то можно скорее предполагать, что «инвеститура знаменем» (будучи бесспорно отражением западных имперских традиций), была сознательно привнесена самим Леоном в церемонию возведения на Антиохийский престол его внучатого племянника — Раймонда-Рубена.

Упомянув «инвеституру знаменем» и совершенное королем Леоном вручение стяга князю Раймонду-Рубену, нельзя отдельно не остановиться на самом знамени князей Антиохийских, ибо цвет этого знамени также, косвенно, указывает на нормандское устремление к рецепции атрибутов власти ромейского василевса. Нельзя не отметить, что те немногие авторы, которые оставили описания знамен или гербов князей Антиохии, единогласно отмечают, что они были алого цвета. К примеру, Альберт Аахенский, описывая взятие Антиохии, пишет о том, что «знамя Боэмунда, бывшее цвета крови, воссияло пурпуром над стенами в вышине гор»⁸⁰¹. Сходное упоминание об алом знамени Боэмунда I оставляет и Фульхерий Шартрский (лично видевший Боэмунда и знамя)⁸⁰². Еще одно свидетельство относится к середине XIII в. и принадлежит прославленному французскому автору и крестоносцу — Жану де Жуанвилю. В «Книге благочестивых речений и добрых деяний нашего святого короля Людовика» де Жуанвиль рассказывает о том, как Людовик IX лично посвятил в рыцари юного князя Боэмунда VI и даже позволил ему ввести на княжеский герб королевский цветок лилии. По словам де Жуанвиля, князь Боэмунд VI «с согласия короля (...) разделил свой герб, который был красным, внося в него герб Франции, ибо король посвятил его в рыцари»⁸⁰³. Наконец, четвертым свидетельством, касающимся алого знамени и герба Антиохийского князя, является одно из двух посланий мамлюкского султана Бейбарса, обращенных к тому же

⁸⁰¹ Alberti Aquensis. Op.cit. — Lib. IV, c.23, P. 282—283.

⁸⁰² Fulcheri Carnotensis. Op.cit. — Lib. I, c.17, P. 234.

⁸⁰³ Jean sire de Joinville. Histoire de Saint Louis. — Paris, 1868. — P. 187. Русский перевод, см. Жан де Жуанвиль. Книга благочестивых речений и добрых деяний нашего святого короля Людовика... — С. 124.

князю Боэмунду VI Красивому, в котором мамлюкский завоеватель восклицает: «наши желтые знамена отразили твои алые знамена»⁸⁰⁴. Итак, четыре столь разных автора — латинский хронист из Аахена, капеллан иерусалимских королей, французский маршал Шампани и мамлюкский султан — единогласно отмечают, что знамена (и гербы) князей Антиохии были алыми. И это дает основание предположить, что если в Иерусалиме, при создании королевского герба, франки отталкивались от норм западной геральдики, открыто попирая незыблемое правило тинктур и налагая золотой крест на серебряное поле, то при формировании герба Антиохийского княжества вновь проявилось итало-нормандское желание подражать Византии, где алый цвет (равно как и пурпур) был неперменным атрибутом василевса, которого буквально окружали алый, золото и пурпур; достаточно напомнить о прославленных императорских алых сапогах, или о покрытой багрянницей роте — по которой шествовал государь, или же о багряных знаменах василевса⁸⁰⁵.

Вернемся же к княжеской инвеституре и обратимся к составленному в XII в. описанию Фульхерия Шартрского. Фульхерий, будучи очевидцем восшествия на престол князя Боэмунда II (1126 г.), ничего не говорит о вручении знамени, однако отдельно описывает, как составную часть чина княжеской инвеституры, церемониальное облачение нового государя в некие роскошные «государственные одеяния». По словам Фульхерия, «Боэмунд, воссев на троне, был возведен в княжеское достоинство и облачен в прекрасные государственные одеяния», после чего принял оммаж своих вассалов⁸⁰⁶. Облачение, как знак инвеституры, как раз прямо указывает на преемство византийских традиций; достаточно вспомнить облачение василевса в порфиру и прославленные пурпурные сапоги или вручение императорским сановникам жалованных одежд, расшитых особыми клавами. Остается вопрос, что именно представляли из себя эти «государственные одежды»? На трахеях ранних кипрских королей и императоров

⁸⁰⁴ Текст послания Бейбарса к Боэмунду VI был, в свое время, переведен и приведен (как подстрочное примечание) Рёрихтом, см. Röhrich R. *Études sur les derniers temps du royaume de Jérusalem* // *Archives de L'Orient Latin*. Tome II. — Paris, 1884. — P. 399.

⁸⁰⁵ Распространение алых бунчуков и знамен среди различных тюркских племен в XI–XIII вв. (в особенности — у хорезмийцев) также, вероятно, следует относить именно к византийскому влиянию.

⁸⁰⁶ Fulcheri Carnotensis. *Op.cit.* — Lib. III, c.61, P. 821–822.

Романии латинские государи предстают в облачениях ромейских василевсов — в далматике, лоросе и диадеме⁸⁰⁷. Подобное же облачение мы видим и на мозаичных изображениях нормандских королей Сицилии из церквей Мартораны и Монреале. Очевидно, что и Антиохийские князья, подобно другим подражавшим Византии латинским государям Средиземноморья, одевались, при торжествах, в роскошные далматики, альбы, скарамангии. Тем более не следует забывать о том, что и Антиохия, и Триполи оставались важнейшими центрами производства и вышивки драгоценных тканей, и франкские государи этих городов могли позволить себе лучшие работы местных мастеров⁸⁰⁸. О лоросе, конечно же, говорить гораздо сложнее, т. к. это была исключительно парадная императорская инсигния; Мария Антиохийская, на знаменитой миниатюре из Ватиканского кодекса, запечатлена в лоросе, но, опять же, не как дочь князя Антиохии, но как супруга ромейского императора. Хотя, если мы видим лорос на изображениях королей Сицилии и Кипра, то вряд ли стоит полностью отвергать возможность того, что и антиохийские князья могли надевать его при инвеституре как часть «великолепных государственных одеяний».

Также вероятно, что князья Антиохии носили венец. Речь, конечно же, идет не об императорской диадеме и не о королевском венце, но скорее о герцогской короне. Под герцогской короной данной эпохи мы подразумеваем венец, который носили некоторые западные герцоги и князья (в частности — герцоги Швабские), а также германские «короли римлян» (до своей императорской коронации в Риме); это полукруглый, окантованный головной убор, во многом схожий как с ранними западными епископскими митрами, так и со шлемами-сервильерами⁸⁰⁹.

⁸⁰⁷ Среди ранних трахен франкского Кипра, см. трахен королей Гуго I и Генриха I де Лузиньянов. См. Schlumberger G. Numismatique de L'Orient Latin... — Pl. VI.

⁸⁰⁸ Редчайшим сохранным образцом работ, исполненных восточными (арабскими и греческими) мастерами Сицилии для латинских государей, является голубая далматика из Палермо (пер. пол. XII в.), ныне хранящаяся в Музее истории искусств Вены. Там же хранится и вывезенная из Палермо альба короля Вильгельма II Доброго, которая не уступает по своему значению «голубой далматике», также являясь памятником поистине исключительной сохранности и исторической значимости.

⁸⁰⁹ В подобных венцах изображены герцог Рудольф Швабский (надгробие в Мерзебургском соборе), «короли римлян» Фридрих I Барбаросса (на его первой,

О том, что князья Антиохийские могли носить подобные венцы, свидетельствует известная рукопись хроники Гильома Тирского из Британской библиотеки; речь идет о манускрипте Yates Thompson 12⁸¹⁰. На одной из миниатюр этой рукописи (f.120), изображена сцена издевательств князя Рено де Шатильона над Патриархом Амори де Лиможем. Князь Антиохийский изображен стоящим в длинной алой далматике, в плаще, подбитом горностаевым мехом, и именно в том герцогском венце, который мы только что описали выше. Если учесть, что миниатюры данной рукописи были созданы между 1232—1261 гг., т. е. еще в период существования княжества Антиохийского, вполне возможно, что создавший их западноевропейский мастер мог отталкиваться от реальных свидетельств и современных ему представлений об образе и регалиях франкского правителя Антиохии. Кстати говоря, образ князя Рено из манускрипта Yates Thompson 12 во многом схож с созданным на столетие ранее мозаичным изображением императора Нерона из Палатинской капеллы нормандских королей Сицилии⁸¹¹. Нерон, восседающий на престоле в окружении сановников, изображен в богато расшитой далматике, из-под которой выпадают складки белоснежной котты, в расшитом плаще (сагионе) и таком же «герцогском венце». Эта мозаика также передает четкое представление об облачениях современных мастеру латинских государей, правивших в восточном Средиземноморье. И здесь, определенно, прослеживается некий синтез между элементами византийского и западноевропейского костюма.

королевской печати) и Вильгельм II Голландский (деревянная статуэтка, пер. пол. XIII в. из Гамбургского Музея искусств и ремесел), а также сын Барбароссы — Фридрих Швабский (см. миниатюру с изображением Барбароссы и его сыновей — Генриха VI и Фридриха VI из «Хроники Гвельфов» Аббатство Вайнгартен). К числу сохранившихся «герцогских венцов» можно, с определенной долей вероятности, отнести шлем XI в. из швейцарского Шамосона и сильно подпорченной позднейшими переделками «венец королевы Констанции» из Палермо (ныне — в Музее истории искусств в Вене).

⁸¹⁰ О миниатюрах этой рукописи нам уже приходилось упоминать выше, См. Часть III, гл. 2, С. 100—105.

⁸¹¹ Мозаика находится в боковом нефе и является частью ансамбля «Жития свв. Петра и Павла»; это более поздняя часть мозаик Палатинской капеллы, создававшихся не при ее строителе — короле Рожере II, а при его внуке — Вильгельме II Добром, т. е. в 60—80-х гг. XII в.

***Соприкосновение латинян с «греками, сирианами и сарацинами»:
костюм и быт Латинского Востока***

Рассуждая о франко-нормандской рецепции восточных (в т. ч. византийских) элементов церемониала, быта и костюма, нельзя не обратиться и к известной теме «отпущения бород» франками Заморской земли⁸¹². Если говорить о ранних нормандских правителях восточного Средиземноморья — Робере Гвискаре, Боэмунде I Антиохийском, Танкреде, — то здесь можно с достаточной степенью уверенности утверждать, что они пошли навстречу византийской традиции и отпустили бороды. И Гвискар, на своих фоллисах, и его племянник — король Рожер II Сицилийский — на мозаике из церкви Санта Мария дель Аммиральо и на миниатюре из палермской рукописи *Liber ad honorem Augusti* Петра Эболийского — предстают бородатыми. В знаменитом описании Боэмунда I Антиохийского, оставленном Анной Комниной, он предстает безбородым «ибо бритва прошла по подбородку Боэмунда лучше любой извести»⁸¹³. Это описание относится ко времени заключения Девольского мира, т. е. к 1108 г. При этом, в другой части «Алексиады», посвященной первому нормандскому вторжению на Балканы (1081—1085 гг.) Анна приводит историю о том, как союзники империи — венецианцы, в ответ на требование Боэмунда пропустить его флот и встретить его торжественным славословием, «стали глумиться над бородой Боэмунда»⁸¹⁴. Следовательно, можно предположить, что Боэмунд, как Гвискар, действительно носили бороды на восточный манер, и что лишь ко времени Балканского крестового похода первый князь Антиохийский сбрил бороду; вероятно, эта перемена облика Боэмунда связана с его турне по землям Италии и Франции в 1104—1107 гг. Танкред явно носил бороду, что отражают изображения на его монетах. Сходное устремление к принятию восточной моды и отпущению бород проявили и графы Эдессы. О том, что основатель графства Эдесского — Бодуэн I отпустил бороду, особое

⁸¹² Этой теме, во многом, посвящена вышедшая несколько лет назад прекрасная работа К. Сиггаар; см. Ciggaar K.N. *The Adaptation of Oriental Life by Rulers in and around Antioch. Examples and Exemplars*. P. 261—281.

⁸¹³ Анна Комнина. Указ. соч. — Книга XIII, гл. 11, С. 363.

⁸¹⁴ Анна Комнина. Указ. соч. — Книга IV, гл. 2, С. 143.

внимание обращает Гвиберт Ножанский, чьи слова мы уже приводили выше. Гильом Тирский и, следуя его текстам, Жак де Витри, приводят знаменитую историю о графе Бодуэне II де Бурге и его бороде, заложенной и выкупленной за 30,000 безантов⁸¹⁵. В одной из своих проповедей Жак де Витри также, с осуждением, приводит историю о том, как граф Жослен I Эдесский, взяв в жены армянскую княжну, поддался восточным требованиям и отпустил бороду⁸¹⁶. Здесь нельзя не отметить, что особая приверженность восточным традициям, в том числе выраженная и в отпущении бороды, имела место именно при дворе правителей княжества Антиохийского и графства Эдесского, государств, возникших на землях, которые менее чем за двадцать лет до этого еще принадлежали Византии. Тот же Бодуэн II де Бург отпустил бороду лишь после заключения брака с армянкой-халкидониткой Морфией, дочерью бывшего византийского наместника Мелитены.

К середине XII в. наметилась перемена отношения франков Заморской земли к ношению бород; вероятно, сказывалась довлеющая латинская традиция. Антиохийские князья, правившие в середине и второй половине XII в. — Раймонд де Пуатье и его сын Боэмунд III — предстают на своих монетах с бритыми лицами. Этот отказ от принятой нормандскими князьями и эдесскими графами традиции ношения бороды, возможно, отражает жажду антиохийцев следовать французской моде и влиянию куртуазной культуры, привнесенной в Сирию князем Раймондом и его окружением, и позднее усилившейся за счет прибытия французских крестоносцев Второго похода. Здесь нельзя не обратить внимания на определенные «парадоксы рецепции», имевшие место в пределах Латинского Востока. Первые крестоносцы, осевшие в Сирии — уроженцы французских земель Бодуэн II де Бург и Жослен I де Куртенэ — оказались открытыми к разумному восприятию определенных элементов восточной жизни; в том числе, они отпустили бороды, дабы угодить своим армянским тестям. В то же самое время, король Киликийской Армении — Филипп Антиохийский (ум. в 1226 г.), сын Боэмунда IV Одноглазого, человек

⁸¹⁵ См. выше: С. 100—105.

⁸¹⁶ Greven J. Die Exempla aus den Sermones feriales et communes des Jakob von Vitry. — Heidelberg, 1914. — Р. 45—46 (проповедь №74). Также см. Ciggaar K.N. The Adaptation of Oriental Life by Rulers in and around Antioch. Examples and Exempla... Р. 275—276.

рожденный на Востоке (притом по материнской линии уже в пятом поколении) — наотрез отказался отпускать бороду, всецело предпочитая следовать западноевропейской моде — к пущему раздражению своих армянских вассалов и восточно-христианского населения Киликии.

При этом значительная часть франкского населения Заморской земли (в т. ч. рожденные от смешанных браков «пуланы»), следовала восточным требованиям и отпускала бороды, что вызывало насмешки западных пилигримов и нарекания строго латинского клира. Достаточно вспомнить презрительное упоминание о «пуланах и их бородах», брошенное одним из французских рыцарей Ги де Лузиньяна в преддверии битвы у Хаттина (1187 г.)⁸¹⁷. Жак де Витри, со свойственной ему нетерпимостью, обрушивается на восточную традицию ношения бород. Он резко осуждает носивших бороды восточных христиан Леванта (сириан, греков, армян), и ревностно предостерегает франков от рецепции подобных «ориентальных» новшеств; исходя из слов епископа Жака, можно заключить, что некоторые франки Заморской земли продолжали отпускать бороды и в XIII в.⁸¹⁸. Неоднозначное отношение к ношению бороды сохранялось среди латинских христиан восточного Средиземноморья на протяжении XIII-XIV вв. Ранние короли Кипра изображались на своих монетах (трахеях) бородатыми, однако со второй половины XIII в., когда появляются королевские портреты на серебряных «гросс денье», монархи острова уже предстают с выбритыми лицами; последняя традиция сохраняется и на протяжении всего последующего столетия⁸¹⁹. В XIV в. венецианцы даже запрещали воинам своих факторий в греческих землях носить бороды, дабы иметь возможность сразу же отличить их от греков⁸²⁰.

Если же говорить об антиохийских франках XIII в., то наряду с описанной выше историей Филиппа де Пуатье существуют и свидетельства диаметрально противоположного отношения к традиции

⁸¹⁷ L'Estoire Eracles... P. 63; Edbury P.W. The Conquest of Jerusalem and the Third Crusade... c.41, P. 45.

⁸¹⁸ Jacques de Vitry. Op.cit. — с.73, P. 133—135 (глава о пуланах); с. 75, P. 137—144 (о сирианах).

⁸¹⁹ Schlumberger G. Numismatique de L'Orient Latin. — Pl. VI. Исключением здесь являюся некоторые гросс денье короля Петра I де Лузиньяна.

⁸²⁰ Miller W. Latins in the Levant. — New York, 1908. — P. 300.

отпущения бород со стороны княжеской семьи. Несколько лет назад Я. Фолда, исследуя хранимый на Синае расписной эпистилий с изображением праздников, выдвинул предположение, что на нем могут быть запечатлены (и, скорее всего, запечатлены) ктиторские портреты князя Боэмунда VI Антиохийского, киликийского короля Хетума I и монгольского военачальника Китбути. Эпистилий был заказан работавшим на иконописцам монастыря Св. Екатерины на Синае в 1260 г. (о чем свидетельствует датировка), однако так и не был закончен и передан заказчику. В одной из центральных его сцен — Рождества Христова и Поклонения волхвов — предстают три крайне необычных «волхва»: припадающий седовласый и седобородый, облаченный в алую мантию старец, стоящий за его спиной красивый молодой человек в итальянской шапке и, как ни парадоксально, облаченный в халат и треух монгол. Сопоставив столь необычные изображения с датировкой заказанного эпистилия, Фолда приходит к выводу, что в образе трех волхвов предстают король Киликийской Армении, князь Антиохии и монгольский военачальник, которому были доверены войска хана в Палестине⁸²¹. Об обстоятельствах их тройственного союза и совместного разорения Дамаска будет сказано в четвертой главе раздела. В данном же случае обратимся к предполагаемому портрету князя Антиохийского⁸²². Невзирая на то, что предполагаемый ктиторский портрет князя Боэмунда VI Красивого фактически представляет собой оплечное изображение, он четко выявляет сочетание западных и восточных атрибутов; «князь-волхв» изображен с бородой (пусть и не столь длинной, как у «волхва-короля» Хетума), и при этом, его голову венчает изящная итальянская шапка-таблетка, яркий элемент раннеготической моды⁸²³.

Разумеется, рецепция определенных восточных атрибутов не сводилась лишь к ношению бород; это касается восприятия элементов

⁸²¹ Folda J. Crusader Art in the Holy Land. From the Third Crusade to the Fall of Acre, 1187–1291... — P. 318–324; Folda J. Crusader Art. The Art of the Crusaders in the Holy Land, 1099–1291... P. 119–121.

⁸²² Подробнее см. Часть IV, гл. 4, С. 100–105.

⁸²³ Нельзя не проследить определенного сходства между оплечным ктиторским портретом Боэмунда VI Красивого и описанной выше миниатюрой с изображением князя Рено де Шатильона из манускрипта Yates Thompson 12. Правда, Рено увенчан не шапкой-таблеткой, а герцогской короной, но при этом и он, и князь Боэмунд VI изображены с короткими, прилегающими к лицу бородами.

арабского костюма, в частности — куфии (тюрбана) или мягкие восточные сапоги. Здесь достаточно напомнить о куфии, в которой изображен Танкред на своих фоллисах, или же о расшитом золотом тюрбане, который Салах-ад-Дин преподнес Гуго Шампанскому и который тот надевал на пиршества. Это же касается и украшенных драгоценной вышивкой византийских одеяний, которые князья, нобилитет и латинские бюргеры Заморской земли надевали в дни торжеств и праздников. Вспомним слова Жака де Витри, посвященные левантийским франкам, «пулланам»: «вскормленные в наслаждениях, мягкие и женоподобные, привыкшие к баням более чем к битвам, преданные всякой нечистоте и роскоши, носили, подобно женщинам, волнующееся одеяние и были украшены, как храмы»⁸²⁴.

Очевидно, что имело место и обратное влияние. Те же греческие и сирийские сановники, состоятельные горожане, а позднее и члены сформировавшихся в Заморской земле коммун и братств, находились в постоянном соприкосновении с франками и вполне могли принять элементы западного костюма. Прямым свидетельством этого могут служить ктиторские портреты на фресках и иконах, создававшихся в пределах Кипрского королевства. Роспись церкви Св. Креста (Тимиу Ставру) в деревне Пелендри, созданная в XIV в., сохраняет ктиторский портрет священника Василия, отпрыска знатного греческого рода, а также и его супруги — Ненгомии⁸²⁵. «Раб Божий Василий, сын благородного архонта Олимита» предстает облаченным в синюю котту (с алыми застёжками на рукавах и левом плече), а также в неизменном западном чепце-кале. На фресках в церкви Св. Креста в Пелендри можно увидеть и еще одну фигуру молящегося, отпустившего бороду на восточный манер и при этом облаченного в каль и котту⁸²⁶. Сходный ктиторский портрет греческого ктитора, облаченного в котту и каль, можно увидеть и на иконе Св. Иоанна Предтечи (XIII в.), ныне хранимую в монастырском Музее Киккоса. Конечно же, здесь мы говорим уже о франкском Кипре, и о росписях, созданных после

⁸²⁴ Jacques de Vitry. Op.cit. — с.73, Р. 134.

⁸²⁵ Сама церковь была построена в XIII в. Кстати говоря, в XIV в. Пелендри входил в состав фьефа Жана I де Лузиньяна, титулярного князя Антиохийского, младшего брата кипрского короля Петра I.

⁸²⁶ Hein E., Jakovljevic A., Kleidt B. Cyprus. Byzantine Churches and Monasteries. Mosaics and Frescoes. — Ratingen, 1998. — Р. 94—95.

падения Антиохии, однако вполне можно предположить, что они отражают процессы, характерные для всего латинского Востока, в том числе и для Сирии.

*Манера правления и права князя Антиохии — как отражение
византийских и восточных традиций*

Стремление имитировать внешний облик и придворную жизнь ромейских василевсов привело франко-нормандских князей Антиохии к рецепции намного более авторитарной модели правления, модели, которую они не могли перенять ни у своих нормандских предков, ни у лангобардов, ни у аквитанцев. В то время как Иерусалимское королевство стало, по словам Жана Ришара, оплотом «феодального парламентаризма»⁸²⁷, в Антиохии утверждалась идея кровного наследования и авторитарной княжеской власти. Заимствованная из комниновской Византии идея наследования престола исключительно по праву крови (которую не знала ни Франция, ни Священная Римская империя, ни королевства Иерусалима и Кипра) стала значимым фактором в отношениях князя и нобилитета. К примеру, ни бароны, ни клир Антиохийского княжества, ни фактически правившие Антиохией князья-регенты (Танкред, Рожер, Бодуэн II де Бург), не оспаривали первенства и прав на княжеский престол юного Бозмунда II, который не появлялся в Сирии с момента своего рождения (около 1108 г.) вплоть до 1126 г. Аналогичным образом, после гибели Бозмунда II в битве при Аназарве (1130 г.), когда Антиохийское княжество, терявшее земли под одновременным натиском киликийских армян и сирийских тюрок, кровно нуждалось в сильном государе, никто из баронов даже не попытался оспаривать прав дочери погибшего князя — Констанции на престол. Защита княжества была поручена бальи — королю Фульку Анжуйскому, а государь мужского пола взошел на княжеский престол лишь в 1136 г., когда шестилетнюю Констанцию выдали замуж за прибывшего в Сирию Раймонда де Пуатье⁸²⁸.

Наследственность стала фактором, влиявшем не только на княжеский дом, но и на великих сановников княжества Антиохийского;

⁸²⁷ Ришар Ж. Латино-Иерусалимское королевство... — С. 911.

⁸²⁸ См. выше: Часть III, гл. 1, С. 100—105.

посты коннетабля, сенешаля и маршала Антиохии часто были зарезервированы для членов одной или нескольких сеньориальных династий. Среди коннетаблей Антиохии мы встречаем трех представителей рода де Монс — Рожера I (1140—1149 г.), Рауля (1186—1194 гг.) и Рожера II (1194—1216 гг.), и двух Манселей — Робера (1207—1219 гг.) и Симона (1262—1268 гг.). Титул маршала регулярно переходил к одному из отпрысков рыцарского рода Тирель; Гильом Тирель был маршалом в 1149—1169 гг., Варфоломей I — в 1186—1191 гг., Фома — в 1200—1211 гг., и еще один Тирель, Варфоломей II — в 1262—1268 гг. Наконец, три из четырех известных по имени сенешаля Антиохии — Эшивард (1149—1169 гг.), Жервэ (1181—1199 гг.) и Ашари (1216—1251 гг.), принадлежали к сирийскому роду де Сармения, что дает основание о наследственном «дапиферате» (т. е. посту сенешаля) в княжестве Антиохийском⁸²⁹.

Постоянное соприкосновение с Ромейской империей (шла ли речь о норманно-византийских войнах или же об эпохе византийского сюзеренитета), принуждало антиохийских франков существенно скорректировать отношение к своему государю. Так, с момента франкского завоевания Леванта князь Антиохии пользовался гораздо большей властью, нежели его иерусалимский собрат, бывший по сути дела лишь *primus inter pares* среди баронов своего королевства. Фактически, Антиохийский князь стал самым авторитарным из франкских государей Заморской земли. Он не нуждался в том, чтобы нобилитет одобрял его решения, его домен превышал самые крупные сеньории княжества, предоставляя князю Антиохийскому ощутимые финансовые, военные и политические преимущества над его баронами; идея кровной, наследственной власти делала положение князя неприкосновенным. В кратковременной Антиохийской междоусобице 1181 г. роль инициатора принадлежала как раз князю, посягнувшему на Церковь; и даже враждебная Бозмунду III патриаршая партия, включавшая мятежных баронов, не подвергала сомнению его права на власть, а лишь требовала прекратить нападения на церкви и отсылки «незаконной» княжеской супруги⁸³⁰. Единственная затяжная междоусобная война в пределах княжества Антиохийского,

⁸²⁹ Cahen C. *La Syrie du Nord*... — Р. 454—456, 463 (перечень коннетаблей, сенешалей и маршалов Антиохии).

⁸³⁰ Подробнее см. выше: Часть III, гл. 3, С. 100—105.

т. н. «война за Антиохийское наследство» (1201—1219 гг.) разразилась лишь тогда, когда на престол стали претендовать два «легитимных» наследника на престол — Боэмунд IV и Раймонд-Рубен⁸³¹. Антиохийские бароны практически никогда не возвышали голос против самых отчаянных выходов своего сюзерена. *Exemplae*: в 1153 г., когда княгиня Констанция, невзирая на открытые возражения Патриарха Амори де Лиможа, короля Бодуэна III и императора Мануила I Комнина, вышла замуж за «рядового» французского рыцаря — Рено де Шатильона, никто из баронов и рыцарей княжества не стал оспаривать прав Рено на княжеский престол⁸³². Антиохийские бароны не восстали против Рено даже тогда, когда тот подверг чудовищной пытке Антиохийского Патриарха Амори де Лиможа (1155 г.), хотя впоследствии не стерпели аналогичного посягательства на Церковь со стороны следующего князя — Боэмунда III.

С объединением княжества Антиохийского и графства Триполи (в 1187—1201 гг.), утвердившиеся в Ливане князья династии де Пуатье постоянно сталкивались с гораздо более вольнолюбивым триполийским нобилитетом⁸³³. В 1205 г. Боэмунд IV, невзирая на тяжелое ранение и потерю глаза (за что впоследствии был прозван «Одноглазым князем»), жестко подавил восстание своих вассалов — Реноара Нефинского и Рауля Тивериадского, конфисковав их владения и изгнав их из пределов княжества Антиохии-Триполи⁸³⁴. Внук «Одноглазого князя» Боэмунд VI Красивый также воевал против мятежных триполийских баронов, но не столь успешно. В 1258 г. столица Триполи была осаждена войсками восставших баронов, во главе которых встал сеньор Гибелета — Бертран Эмбриацо и троюродный брат Боэмунда VI — Жан де Пуатье, сеньор Ботрона. В ходе битвы у стен Триполи князь Боэмунд VI Красивый сошелся в единоборстве с главой

⁸³¹ Подробнее об этой войне будет сказано в следующей главе; см. Часть IV, гл. 3, С. 100—105.

⁸³² Для сравнения достаточно вспомнить о том, с каким сопротивлением иерусалимского нобилитета столкнулась, в аналогичной ситуации, королева Сибилла и Ги де Лузиньян при вступлении на королевский престол Иерусалима (1186 г.).

⁸³³ Об обстоятельствах объединения княжества Антиохийского и графства Триполи под властью единого государя, представлявшего антиохийский княжеский дом (династию де Пуатье), будет сказано в следующей главе, см. Часть IV, гл. 3, С. 100—105.

⁸³⁴ Об истории этой войны см. *L'Estoire de Eracles...* Р. 207—208; Cahen С. — Р. 609. Подробнее о ней будет также сказано ниже, см. Часть IV, гл. 3, С. 100—105.

мятежников — Бертраном Эмбриацо, однако был ранен в плечо и проиграл бой. Государь Антиохии-Триполи и его войска вновь принуждены были укрыться за городскими стенами. Однако когда, несколько дней спустя, сирийские крестьяне преподнесли князю в дар голову вероломно убитого Бертрана Эмбриацо — одного из самых знатных сеньоров франкской Сирии и предводителя восставших баронов, князь Боэмунд VI, по словам Тирского Тамплиера, «испытал необыкновенную радость» (1258 г.)⁸³⁵. Это взаимодействие между князем Боэмундом VI и сирийскими христианами (будь они маронитами или мелькитами), преподнесшими ему голову мятежного Бертрана, прямо воспроизводит традиционную для Византии модель взаимоотношений, когда подданные преподносили василевсу головы убитых мятежников — для церемониальных шествий и публичного поругания в Константинополе.

Последний князь Антиохии-Триполи — Боэмунд VII провел пять из двенадцати лет своего правления в ожесточенной междоусобной войне с сеньорами Эмбриацо и орденом тамплиеров. Пленив предводителей восстания — братьев Ги, Жана и Бодуэна де Эмбриацо в январе 1282 г., двадцатилетний князь Боэмунд VII велел доставить их в замок Нефин (отобранный его прадедом — Боэмундом IV у мятежного Реноара), где, в присутствии баронов, клира и маронитского Патриарха Даниила II велел закопать их по горло и заморить голодом⁸³⁶. Подобная восточная, изощренная жестокость, причем жестокость не встречавшая открытого сопротивления со стороны баронов, также может служить весьма ярким доказательством влияния византийских и арабских традиций (в том числе — традиций восточного деспотизма) на жизнь княжества Антиохии и графства Триполи. Образ властителя, искренне и открыто радующегося преподнесенной ему голове непокорного вассала или спокойно смотрящего за тем, как поднявших против него оружие баронов обрекают на медленную смерть — был бы немыслим в близлежащих королевствах Иерусалима и Кипра. Однако подобные сцены воспринимались бы вполне

⁸³⁵ Les gestes de Chiprois — Livre III, c.295, P. 159. «en ot grant joie & les paia moût bien». Описание восстания баронов, битвы у стен Триполи и единоборства Боэмунда VI с Бертраном де Эмбриацо, см. Ibid. — Livre III, c.291—294, P. 157—159.

⁸³⁶ Les gestes de Chiprois — Livre III, c.413, P. 212—213; Röhrich R., ed. Regesta Regni Hierosolymitani. — №1444, P. 376—377.

органично, если бы речь шла о дворе ромейского императора. Достаточно вспомнить Юстиниана II Ринотмита, публично попиравшего распростертые тела своих противников — Тиберия III и Леонтия — перед их казнью; Анастасия I Дикора, принимавшего головы убитых исаврийских мятежников; или же Юстина II и Софию, радостно попиравших ногами отрубленную голову военачальника Юстина, вероломно убитого вдали от столицы⁸³⁷. Во всех вышеописанных прецедентах, связанных с франкской Сирией, определенно прослеживается воспринятое латинянами византийское (и ближневосточное) понимание власти и возможных вариантов взаимодействия власти с его подданными.

Так, несомненное византийское влияние в архитектуре, искусстве, нумизматике, администрации, в экономической и культурной жизни франкской Сирии, и даже стиле и способах правления франкских государей Антиохии (и Антиохии-Триполи) дает основание считать территорию трех северных государств Заморской земли и в особенности — княжества Антиохийского одним из наиболее значимых центров греко-латинского соприкосновения (даже если абстрагироваться от сфер церковной жизни и сосредоточиться исключительно на светских аспектах). Однако XIII век привнес в жизнь франкской Сирии поистине уникальные проявления этого достаточно разностороннего соприкосновения латинских и византийских христиан; и точных аналогов этим проявлений не было ни в королевствах Сицилии, Иерусалима и Кипра, ни на землях Латинской Романии.

⁸³⁷ Последний прецедент подробно описан Евагрием Схоластиком в его «Церковной истории». См. Евагрий Схоластик. Церковная история. — Книга V, гл. 2, С. 342—343.

Глава IV

Десятилетие бедствий.

Христиане заморской земли после падения византийской гегемонии в Леванте (1182—1192 гг.)

I. Положение христиан Сирии и Киликии: от смерти Мануила до завоеваний Салах-ад-Дина (1180—1187 гг.)

Последствия смерти императора Мануила. Падение императорского господства в Киликии и на Кипре (1182—1183 гг.)

Византийский сюзеренитет над христианскими государствами Ближнего Востока сошел на нет вскоре после смерти императора Мануила I Комнина. Однако стремительное ослабление (1180—1203 гг.) и затем — расчленение прежней Ромейской державы (1204 г.) отнюдь не перечеркнули оживленного соприкосновения между латинскими и византийскими христианами в Леванте; напротив, с момента исчезновения комниновской империи начинается совершенно новый этап отношений между «греками» и «латинянами» на землях княжества Антиохийского, объединенного с ним графства Триполи и лежавшей к северу Киликийской Армении. С момента константинопольской резни латинян и казни императрицы Марии (1182 г.) не могло уже быть и речи о восстановлении союза Ромейской державы с франками Заморской земли, тем более — с князем Боэмундом III Антиохийским, чья сестра пала жертвой репрессий нового василевса — Андроника I Комнина. Последние византийские владения в западной Киликии были либо завоеваны, либо проданы «властителю гор» Рубену III.

Византийский Кипр также отделился от империи, подпав под власть самопровозглашенного «императора» Исаака Комнина. Между тем, на Востоке неуклонно расширялась держава Салах-ад-Дина, объединившего под своим правлением Египет, сирийские эмираты Дамаска, Хамы и Алеппо, а также обширные территории на Аравийском полуострове и на землях Джазиры (т. е. в Междуречье). Было очевидно, что Салах-ад-Дин неминуемо обратится против франков Заморской земли; вопрос был лишь в том, как скоро и под каким предлогом. В то же самое время государи Антиохии и Иерусалима лишились поддержки Ромейской державы, что существенно ослабляло их положение, т. к. при жизни императора Мануила они могли рассчитывать и на дипломатическую, и на экономическую, и на военную поддержку.

Прекрасным примером, подчеркивающим все значение византийского сюзеренитета для франкской Антиохии, служит сопоставление двух кризисных годов в истории княжества, а именно — 1164 г. и 1183 г. В 1164—1165 гг. Антиохийское княжество, невзирая на катастрофическое поражение в битве у Харима, смогло выстоять перед лицом Нур-ад-Дина, опираясь на поддержку комниновской империи. Между тем, когда в 1183 г. Салах-ад-Дин покорил Алеппо, антиохийских франков охватила настоящая паника. Ни о какой поддержке Ромейской империи уже не могло быть и речи; династия Комнинов пала, а идея византийского союза с франкской Сирией была похоронена вместе с бездыханным телом Марии Антиохийской (1182 г.). Князь Боэмунд III должен был в срочном порядке продавать Тарс «властителю гор» Рубену III и отказываться от своих киликийских владений — ради освобождения всех возможных сил и средств для предстоявшей борьбы на Востоке⁸³⁸. Братия антиохийского монастыря Св. Павла уже строила планы о переселении в Галилею, к бенедиктинцам фаворского монастыря Сан-Сальваторе⁸³⁹. Подобные настроения в полной мере подчеркивают тот вакуум, который образовался со смертью Мануила I Комнина и с исчезновением утвержденного им франко-византийского союза.

⁸³⁸ См. выше: Часть III, гл. 3, С. 100—105.

⁸³⁹ См. выше: Часть IV, гл. 1, С. 100—105.

Война Боэмунда III и Рубена III за Киликийскую равнину (1185 г.)

Образовавшийся вакуум власти привел к новой череде войн в Киликии, где бывшие вассалы империи — Антиохийское княжество и государство Рубенидов — вновь сцепились друг с другом за богатые города и плодородные земли юго-восточного побережья Малой Азии. Примечательно, что за год до первого установления византийского сюзеренитета над христианами Леванта (т. е. до великого ближневосточного похода императора Иоанна II Комнина в 1137 г.) князь Раймонд Антиохийский и «властитель гор» Левон I Рубенид как раз были поглощены войной за Равнинную Киликию⁸⁴⁰. Спустя менее чем пять лет после смерти императора Мануила, сын Раймонда — князь Боэмунд III вступил в сходное противостояние с внуками Левона I — братьями Рубеном III и Левоном Рубенидами.

Выкупив в 1183 г. Тарс и окрестные земли у князя Боэмунда III, «властитель гор» Рубен III приступил к расширению и укреплению своих владений в западной Киликии. Это, вполне естественно, привело Рубенидов к столкновению с другим влиятельным армянским родом — князьями династии Хетумидов, которые держали земли к северо-западу от Тарса, опираясь на горную твердыню — Лампрон. Соперничество этих двух династий — Рубенидов и Хетумидов — занимает важную роль в истории Киликийской Армении XI-XIII вв. Незвизирая на то, что обе княжеские династии подолгу находились в вассальной зависимости от Ромейской империи, Рубениды исторически стремились к созданию полноценного независимого государства, воюя с ромеями и заключая союзы с франками Заморской земли; Хетумиды же держались в стороне от контактов с франками и неоднократно воевали против Рубенидов, в том числе в составе императорских армий. Ошин II Хетумид и его сын — Хетум III, воюя на стороне ромейского войска, был взят в плен Торосом II Рубенидом в битве при Мамистре (1152 г.). Казалось бы, заключенный тогда же брак Хетума III с сестрой Тороса II (и, соответственно, теткой Рубена III и Левона) должен был положить конец соперничеству Рубенидов и Хетумидов⁸⁴¹. Однако повторное утверждение Рубенидов в Тарсе

⁸⁴⁰ Подробнее см. выше: Часть III, гл. 2, С. 100—105.

⁸⁴¹ Подробнее см. выше: Часть III, гл. 2, С. 100—105.

вновь столкнуло два армянских княжеских дома; Хетум III явно не собирався подчиняться племяннику своей покойной жены.

Около 1185 г. Рубен III, надеясь покончить с господством Хетумидов в западном Тавре, выступил во главе собранной им армии против Хетума III и осадил Лампрон. Хетум III, в свою очередь, обратился за помощью к князю Боэмунду III Антиохийскому⁸⁴². Это обращение по-своему отражает еще расстановку сил, сложившуюся в период византийского сюзеренитета. Боэмунд III был не просто государем Антиохии и одним из наиболее мощных христианских правителей в Леванте; на протяжении более чем двадцати лет он был членом императорской семьи; он владел землями не только в Сирии, но и в восточной Киликии; к тому же, именно он продал Рубену III полученный от императора Тарс. Эти обстоятельства, несомненно, придавали Антиохийскому князю престиж, необходимый для исполнения роли верховного арбитра в конфликте между двумя армянскими князьями Киликии. Однако Боэмунд III решил по-своему использовать сложившийся в Киликии кризис.

В том же 1185 г. он пригласил Рубена III для переговоров в Антиохию; однако как только «властитель гор» въехал в город, он был вероломно пленен воинами Антиохийского князя и заключен в цитадели. Предложенный князем арбитраж был лишь предлогом для того, чтобы выманить «властителя гор» Рубена III в Антиохию; на самом же деле Боэмунд III намеревался вновь утвердить свое господство над Киликией. За два года, прошедшие с момента продажи Тарса, князь Боэмунд III успел заключить мирный договор с Салах-ад-Дином; считая свои восточные рубежи относительно безопасными, Антиохийский князь желал компенсировать потери в Киликии. Вместо лежавшего на западе Тарса он решил присоединить к своему княжеству восточную часть Киликийской равнины, с городами Аданой и Мамистрой, и, в то же время, добиться признания своего сюзеренитета над всей Киликией — с западной равниной и нагорьем Тавра, с государством Рубенидов и княжеством Хетумидов. Его устремления здесь вполне понятны, особенно если учесть исторические притязания антиохийских франков на киликийские земли. Отец Боэмунда III — Раймонд де Пуатье дважды пытался отвоевать Киликию у армян и ромеев, а его дед — Боэмунд II погиб во время одной из киликийских

⁸⁴² Vahram D'Edesse. *Op.cit.* — P. 509.

кампаний⁸⁴³. Сам Боэмунд III дважды совершал карательные походы в Киликию, выступая совместно с иерусалимскими франками и ромеями против Млеха Рубенида (в 1170-х гг.)⁸⁴⁴.

О том, что основным фактором в решении Боэмунда III вновь начать завоевание Киликийской равнины было заключение мира с Салах-ад-Дином, прямо пишет Михаил Сириец: «князь, властитель Антиохии, заключив мир с Салах-ад-Дином и не думая, что тот будет ему угрожать, составил бесчестный план и пленил Рубена, князя Киликии, заковав его в цепи»⁸⁴⁵. Пленив Рубена III, Антиохийский князь повел свои войска через горы Аманоса — в Киликию. Но здесь Боэмунду III, рассчитывавшему на легкую добычу, суждено было столкнуться с решительным и хорошо организованным сопротивлением; во главе государства Рубенидов встал младший брат Рубена III — Левон, оказавшийся исключительно способным правителем. Города и крепости были под его руководством хорошо подготовлены к вторжению Антиохийского князя. При этом Левон продолжал держать осаду Лампрона, не позволяя Хетуму III вести наступательные действия параллельно с антиохийскими франками⁸⁴⁶. В итоге Боэмунд III вынужден был увести свою армию обратно к перевалам Аманоса, не заняв ни одного значимого поселения. Как повествует Михаил Сириец, князь Боэмунд III «собрал франков и вторгся в Киликию; все лето они провели там, так и не взяв ни одного города; ибо на место Рубена встал его брат Левон, который мудро оберегал их страну. Князь же вернулся с позором»⁸⁴⁷.

Однако тот факт, что Рубен III по-прежнему оставался в заложниках, давал Антиохийскому князю неоспоримое преимущество. Законанного в кандалы «властителя гор» подвергли пыткам и принудили заключить унижительный договор и пойти на колоссальные уступки.

⁸⁴³ О войне князя Раймонда де Пуатье с Левоном I Рубенидом (1136 г.) см.: Часть III, гл. 1, С. 100—105. О попытках князя Раймонда отбить киликийские города у ромеев (1143—1144 гг.) см. Часть II, гл. 3, С. 100—105; Часть III, гл. 2, С. 100—105. О гибели князя Боэмунда II в битве при Аназарве (1130 г.) см. Часть III, гл. 1, С. 100—105.

⁸⁴⁴ О походах антиохийских и иерусалимских франков против Млеха Рубенида см. Часть III, гл. 3, С. 100—105.

⁸⁴⁵ Michel le Syrien. Op.cit. — Vol. III, Lib. XXI, c.4, P. 396.

⁸⁴⁶ Vahram D'Edesse. Op.cit. — P. 509.

⁸⁴⁷ Michel le Syrien. Op.cit. — Vol. III, Lib. XXI, c.4, P. 397.

Вахрам Эдесский говорит о том, что за свободу Рубена III были отданы обширные «земли и сокровища»⁸⁴⁸. Более точные сведения предоставляют хроника Михаила Сирийца и Лионская рукопись Продолжателя Гильома. По словам Михаила Сирийца, «армяне отдали франкам 3,000 динаров, Мопсуестию (Мамистру), Адану и прочие поселения»⁸⁴⁹. Продолжатель Гильома говорит о том, что Рубен III принужден был сдать князю Боэмунду III земли «от реки Джихан до рубежей Баграса», т. е. всю восточную Киликию — от северных склонов Аманоса до Аданы и Мамистры включительно⁸⁵⁰. Смба́т Спа́рапет, очевидно не желая акцентировать внимание на подобной капитуляции Рубена III, говорит лишь об уступке Сервантикара, Телль-Хамдуна и Чкера, выплате 1,000 дахеканов и присылке заложников, в числе которых была и мать «властителя гор»⁸⁵¹. Верный брату Левон не смел отказывать франкским требованиям. Кстати говоря, прибегнув к подобной, столь эффективной, тактике, князь Боэмунд III прямо следовал примеру своего отца; полувеком ранее, в 1136 г., князь Раймонд сходным образом пленил Левона I Рубенида и заставил его сдать города Равнинной Киликии. Когда заложники прибыли в Антиохию, Рубен III получил свободу и лично проследил за сдачей указанных городов и крепостей.

Захватывая столь обширные территории, князь Боэмунд III явно не учел ограниченной численности своих войск и решительного превосходства правителей Киликийской Армении в людских ресурсах. Как только Рубен III обрел свободу и добился освобождения заложников, его брат Левон начал кампанию по возвращению утраченных территорий. Совместными усилиями братья Рубен III и Левон быстро выбили антиохийских франков из занятых ими городов восточной Киликии; малочисленные франкские гарнизоны оказались легкой добычей для войска Рубенидов, в рядах которой находились и армяне, и франки, и ромеи. Разгневанный Боэмунд III собрал все возможные силы и, во главе армии, вновь вторгся на север. Как повествует Михаил Сириец, «После своего освобождения Рубен

⁸⁴⁸ Vahram D'Edesse. Op.cit. — P. 510.

⁸⁴⁹ Michel le Syrien. Op.cit. — Vol. III, Lib. XXI, c.4, P. 397.

⁸⁵⁰ L'Estoire Eracles... — P. 207; Edbury P.W. The Conquest of Jerusalem and the Third Crusade. Sources in translation... c.153, P. 129.

⁸⁵¹ Bedrosian R., ed. The Armenian Chronicle of Sempad... P. 87.

восстал против князя и вновь занял все эти поселения. Тогда князь уничтожил, разорив, все поселения Киликии»⁸⁵². Армия Антиохийского князя учинила страшное опустошение, разоряя равнинные земли и уничтожая небольшие поселения, но братья Рубениды прочно удерживали укрепленные города и горные крепости. После серии рейдов князь Боэмунд III вынужден был ретироваться; у Антиохийского княжества уже не было ресурсов для полноценного завоевания Киликийской Армении.

Вторжение туркменских племен в Сирию и Киликию (1187 г.)

Последующие два года привнесли новые, невиданные по своим масштабам испытания для христиан Заморской земли. Разорение, учиненное князем Боэмундом III в Киликии, и его война с Рубенидами обескровили северные христианские государства Леванта. Это привлекло внимание тюркских кочевников, полчища которых вторглись на земли Киликийской Армении. Как повествует на страницах своей хроники Смбат Спарапет, в 1186 г. «некий туркмен, имя которому — Рустом, собрал бесчисленные туркменские полчища и вошел в землю Киликийскую, угрожая уничтожить само имя христиан. Он прошел вплоть до Сиса и встал лагерем перед городом Равин, покрыв лицо земли неисчислимым множеством своих войск»⁸⁵³. Тюрки осадили Сис, однако были там разбиты Леваном Рубенидом, а их предводитель — Рустом был убит. Согласно Смбату: «Войска Левона преследовали и убивали их вплоть до самого Сервантикара. Говорят, что св. Георгий и св. Торос (Феодор Стратилат. — С. Б.), явившись во плоти, сошли со стен крепости Сиса и поражали туркмен»⁸⁵⁴.

В начале 1187 г. тюрки, преодолев Аманос, перекочевали на земли княжества Антиохийского — продвигаясь на юг и разоряя богатые приморские земли. Тюркские кочевники осмелели настолько, что

⁸⁵² Michel le Syrien. Op.cit. — Vol. III, Lib. XXI, c.4, P. 397.

⁸⁵³ Bedrosian R., ed. The Armenian Chronicle of Sempad... P. 91. Сходное описание оставляет в своей «Рифмованной хронике» Вахрам Эдесский, см. Vahram D'Edesse. Op.cit. — P. 511.

⁸⁵⁴ Bedrosian R., ed. The Armenian Chronicle of Sempad... P. 91. Вахрам Эдесский подтверждает историю о чудесном явлении св. Георгия (умалчивая о св. Феодоре), см. Vahram D'Edesse. Op.cit. — P. 511.

предприняли полноценную осаду Латакии. На помощь осажденному городу выступил князь Боэмунд III, атаковавший тюркский стан и принудивший кочевников спешно снять осаду⁸⁵⁵. Рассеявшись по округе, тюрки начали марш обратно на север, к перевалам Аманоса, обрушившись по пути на поселения и монастыри Черной горы. Тогда князь Боэмунд III стянул все возможные силы к Антиохии и оттуда двинулся к горным перевалам, наперерез к тюркам. Истомленные продолжительным набегом, перегруженные добычей и пленными и, к тому же, оказавшиеся в горной местности, тюркские кочевники были лишены своего главного преимущества — маневренности. Они оказались легкой добычей для армии Антиохийского князя. Согласно хронике Робера Оксеррского, Боэмунд III собрал войска и повел их «к узким проходам, и начал там битву, сразив множество врагов; едва ли горстка смогла бежать, пленники были отбиты, жертвы грабителей освобождены, и достигнута была великая победа»⁸⁵⁶. Победы над тюрками в битвах у Латакии и на перевалах Аманоса стали, пожалуй, единственными великими полководческими свершениями князя Боэмунда III, имевшими значимые последствия для христиан Сирии.

II. Падение первого Иерусалимского королевства (1187 г.)

Битва у Хаттина (1187 г.). Казнь Рено де Шатильона

Тюркское нашествие нанесло существенный удар по Антиохии и Киликии; и гораздо более значимая угроза для христиан исходила от державы Салах-ад-Дина, который вступил в решающий этап войны с Иерусалимским королевством. Само королевство фактически стояло на пороге междоусобной войны. Король Ги де Лузиньян не контролировал действия своих вассалов: сеньор Рамлы Бодуэн Ибелин, не признав прав нового короля, отбыл на службу к князю Боэмунду III; сеньор Трансиордании — Рено де Шатильон не считал себя

⁸⁵⁵ Единственное подробное описание «Антиохийского» этапа тюркского вторжения 1187 г. оставляет французский хронист — Робер Оксеррский. См. Roberti Canonici. Op.cit. — P. 251.

⁸⁵⁶ Roberti Canonici. Op.cit. — P. 251.

связанным мирными договорами молодого короля Иерусалимского; граф Раймонд III Триполийский, бывший по праву брака князем Галилеи, открыто выступил против Ги де Лузиньяна и даже пропустил через свои земли войска Салах-ад-Дина. 1 мая 1187 г. войска султана, находившиеся под началом его сына Аль-Афдала, прошли по Галилее и уничтожили крупный отряд тамплиеров и госпитальеров в битве у источников Крессона (близ Назарета); при этом был убит магистр ордена Св. Иоанна — Рожер де Мулен. Последнее обстоятельство отрезвило иерусалимских франков. Король Ги и граф Раймонд III достигли примирения и при известиях о новом вторжении Салах-ад-Дина в Галилею объявили арьер-бан. Король Ги направил призыв о помощи и князю Боэмунду III Антиохийскому. Естественно, что ослабленное войнами с армянами и тюрками Антиохийское княжество не могло подать полноценной поддержки; Боэмунд III, посещавший Иерусалим в 1183 г. и 1185 г., не смог лично прибыть на помощь к королю Ги. Тем не менее, князь направил в Палестину «Раймонда, своего старшего сына, во главе 50 рыцарей»⁸⁵⁷. Во время военного совета в Иерусалиме граф Раймонд III Триполийский настоятельно советовал королю Ги де Лузиньяну и иерусалимским баронам (в т. ч. бывшему князю Антиохии — Рено де Шатильону) призвать самого князя Боэмунда III с основными силами Антиохийского княжества. Однако король Ги, следуя советам магистра ордена Храма — Жерара де Ридефора, не последовал этому призыву, покинул безопасную позицию у источников Сеффурии и выступил к берегам Галилейского моря, на помощь осажденной султаном Тивериады⁸⁵⁸.

В итоге армия Иерусалимского королевства была окружена и уничтожена Салах-ад-Дином на так называемых «Рогах Хаттина» — двух пустынных холмах, лежавших в пределах видимости от спасительных вод Галилейского моря и стен Тивериады. В числе пленных, приведенных на исходе дня к Салах-ад-Дину, был сам король Иерусалимский — Ги де Лузиньян, сеньор Трансиордании и бывший князь Антиохии — Рено де Шатильон, магистр ордена Храма — Жерар де Ридефор, коннетабль Иерусалима и старший брат короля Ги — Амори

⁸⁵⁷ L'Estoire Eracles... P. 46; Edbury P.W. The Conquest of Jerusalem and the Third Crusade. Sources in translation... c.28, P. 35.

⁸⁵⁸ L'Estoire Eracles... P. 48; Edbury P.W. The Conquest of Jerusalem and the Third Crusade. Sources in translation... c.30, P. 37.

де Лузиньян, старый маркиз Гильом V Монферратский — дед почившего мальчика-короля Бодуэна V, наследник сеньории Трансиордании и пасынок князя Рено — Онфри IV де Торон (по праву брака с Изабеллой, младшей сестрой Бодуэна IV Прокаженного, имевший права на Иерусалимский престол); несколько других знатных баронов, в числе которых были и два наиболее могущественных вассала графа Триполи — сеньор Гибелета Гуго Эмбриацо и сеньор Батруна Пливан; несколько сотен рыцарей Иерусалима, Триполи, орденов Храма и Госпиталя. Помимо этого, сарацинам досталось и Древо Истинного Креста Господня, которое франки взяли с собой на поле боя; оберегавший Древо Креста Господня латинский епископ Акры Руфин был убит.

На исходе сражения с поля боя смогли прорваться граф Жослен III Эдесский, Рено Сидонский и Балиан Ибелин. Что касается графа Раймонда III Триполийского и его крестника — Раймонда Антиохийского, то они смогли покинуть поле боя еще в начале сражения. Когда стало очевидно, что истомленная армия Иерусалимского короля неминуемо будет уничтожена, граф Раймонд, собрав небольшую горстку рыцарей, бросился в прорыв — при этом войска Салах-ад-Дина расступились, пропустив его отряд. Вполне естественно, что ни граф Триполи, ни его последователи не остались вблизи поля боя, но со всей скоростью отбыли в сторону Тира. Как повествует Продолжатель Гильома, «только десять или двенадцать рыцарей из графского отряда смогли спастись. Среди них был сам граф Триполийский, Раймонд — сын князя Антиохийского, и четыре сына дамы Тивериадской»⁸⁵⁹. Слова Продолжателя о том, что в отряде графа Триполийского было только 12 рыцарей, в том числе четыре его пасынка и крестный сын, дает основание полагать, что полусотня антиохийских рыцарей, присланная Боэмундом III, была либо перебита, либо взята в плен⁸⁶⁰.

⁸⁵⁹ L'Estoire Eracles... P. 65; Edbury P.W. The Conquest of Jerusalem and the Third Crusade. Sources in translation... с. 42, P. 47. «Четыре сына дамы Тивериадской», это дети Эшивы де Буре, княгини Галилейской, от ее первого брака с Готье де Сент-Омером. В 1174 г. их отчимом стал граф Раймонд III Триполийский. Их имена — Гуго, Гильом, Одо и Рауль.

⁸⁶⁰ Подробнее о битве при Хаттине см. Баха-ад-Дин. Указ. соч. — гл. 35, С. 108—124; Kemal ad-Din. Histoire d'Alep // ROL IV. — P. 178—182; L'Estoire Eracles... P. 65; Edbury P.W. The Conquest of Jerusalem and the Third Crusade. Sources in translation... с. 43, P. 48; Runciman S. A History of the Crusades... Vol. II, Book V, с.2, P. 455—460; Appendix II, P. 486—490; Nicolle D. Hattin 1187. Saladin's greatest victory. — Oxford, 1997.

Вечером этого же дня в палатку Салах-ад-Дина были приведены старшие из плененных франков во главе с королем Ги и князем Рено де Шатильоном. Ги была гарантирована жизнь и неприкосновенность; Рено ожидала совершенно иная участь. Бывший князь Антиохии и сеньор Трансиордании, готовый некогда унижаться перед римским василевсом, отнюдь не собирался просить пощады у султана. Издевательства и бесчестье, которым он подвергся при пленении в 1160 г., и шестнадцать лет, проведенных в темницах Алеппской цитадели, делали князя Рено бескомпромиссным, жестоким и до конца принципиальным противником сарацин. На все вопросы, предложения и упреки Салах-ад-Дина он отвечал с дерзкой непреклонностью. Баха-ад-Дин, бывший «кади аскара» при Салах-ад-Дине, пишет о том, что султан «предложил ему (т. е. Рено) принять Ислам, а когда тот отказался, извлек саблю и нанес удар, отрубив ему руку по самое плечо. Присутствовавшие при этом быстро добились пленника, и Аллах отправил его душу в ад. Тело выволокли из шатра и бросили у входа»⁸⁶¹. При этом Баха-ад-Дин указывает на то, что султан еще ранее принес клятву в том, что убьет Рено, если тот попадется ему в плен; эта клятва была вызвана разорительными рейдами сеньора Трансиордании, доставившего немалые бедствия мусульманскому населению и караванам Аравии. Согласно Продолжателю Гильома, Салах-ад-Дин спросил Рено, что бы тот сделал, если бы ему довелось взять в плен султана, на что старый князь ответил «Во имя Господа, я бы Тебя обезглавил»⁸⁶². Услышав столь дерзкий ответ, разъяренный Салах-ад-Дин немедленно пронзил Рено своим мечом, после чего мамлюки отсекли князю голову. Кемаль ад-Дин говорит о том, что Салах-ад-Дин предложил Рено принять ислам, а когда тот резко отверг подобное предложение, лично отрубил ему голову⁸⁶³.

При всей жестокости Рено, его смерть представляет собой пример отваги, непреклонной верности и даже мученичества за веру. Матфей Парижский, описывая эту расправу Салах-ад-Дина над пленниками, пишет о том, что Рено де Шатильон пошел под удар со спокойствием и улыбкой на устах. При этом Матфей несколько раз именует Рено

⁸⁶¹ Баха-ад-Дин. Указ. соч. — гл. 35, С. 123.

⁸⁶² L'Estoire Eracles... P. 65; Edbury P.W. The Conquest of Jerusalem and the Third Crusade. Sources in translation... c. 43, P. 48.

⁸⁶³ Kemal ad-Din. Histoire d'Alep // ROL IV. — P. 181.

«славным мучеником Божиим». В деяниях же Салах-ад-Дина, при всей романтизации этого образа, скорее видится лишь расправа над беззащитным, хоть и безусловно виновным в предъявленных ему обвинениях, пленным. Расправа коснулась и братьев-рыцарей и сержантов военно-монашеских орденов; плененные тамплиеры и госпитальеры были отданы султаном для казни сопровождавшим армию ревностным фанатикам-суфистам⁸⁶⁴.

Великие завоевания Салах-ад-Дина

С завершением битвы у Хаттина началось триумфальное завоевательное шествие разделенной на несколько колонн армии Салах-ад-Дина по землям Иерусалимского королевства. Первой султану, вполне естественно, сдалась Тивериада — столица княжества Галилейского, находившаяся в виду поля боя; она открыла свои ворота на следующий день после сражения — 5 июля 1187 г. Переговоры о сдаче вела лично княгиня Эшива де Буре, получившая от султана право безопасного прохода к своему супругу в Триполи. Как повествует Эрнуль, «Когда сеньора Тивериады прослышала о пленении короля и разгроме христианского войска, она решила, что и ее муж, и ее дети пропали. Она тут же направила послание к Саладину, известив его о том, что она готова сдать ему Тивериаду в обмен на безопасный проход к Триполи. Саладин с готовностью согласился и немедленно направил войска к городу, чтобы занять укрепления и препроводить сеньору и народ Тивериады в безопасную местность»⁸⁶⁵. Вскоре после Тивериады войска султана взяли Назарет и прочие галилейские поселения и замки, а также лежавший к юго-западу Наблус.

В то же самое время Салах-ад-Дин повел основные силы своей армии к побережью, надеясь, в первую очередь, отрезать франков от сообщения с морем и покорить укрепленные, но фактически лишенные защитников приморские города. Акра открыла ворота и сдалась 10 июля; за ней последовали Яффа, Кесария, Хайфа, Сидон, Гибелет (входивший в состав графства Триполи), Бейрут, Торон. Позднее,

⁸⁶⁴ Баха-ад-Дин. Указ. соч. — гл. 35, С. 122.

⁸⁶⁵ L'Estoire Eracles... P. 69; Edbury P.W. The Conquest of Jerusalem and the Third Crusade. Sources in translation... c. 44, P. 48.

объединившись с армией своего брата — Аль-Адила, султан обратился против Аскалона и Газы, которые также сдались ему после непродолжительного сопротивления. Наконец, заняв по пути Рамлу, Ибелин, Хеврон, Вифлеем и прочие укрепленные пункты на Иудейском нагорье и в южной Палестине, Салах-ад-Дин достиг наконец отрезанного от других христианских городов Иерусалима. Его армия встала у города 20 сентября. Спустя двенадцать дней осады, 2 октября 1187 г. Святой град был сдан Салах-ад-Дину возглавившим оборону Балианом Ибелином (мужем вдовствующей королевы Марии Комниной) и Патриархом Ираклием⁸⁶⁶. Первое Иерусалимское королевство прекратило свое существование; единственной его приморской твердыней, неподвластной Салах-ад-Дину, оставался Тир, чью оборону возглавил прибывший из Константинополя маркграф и «кесарь» Конрад Монферратский. Кстати говоря, дольше прочих владений иерусалимских франков продержалась как раз сеньория убитого султаном князя Рено де Шатильона; его вдова — Стефания, отказывалась сдаваться, а великие твердыни Трансиордании — Керак и Монреаль — держались вплоть до 1188 г. и 1189 г.

Переход графства Триполи к княжескому дому Антиохии

Сирийские государства крестоносцев — графство Триполи и княжество Антиохийское — ожидали не меньшие потрясения и перемены. Осенью 1187 г. умер граф Раймонд III Триполийский; арабские авторы называют, в качестве причины болезни, стремительно развивавшийся плеврит⁸⁶⁷. С его смертью пресеклась Тулузская династия, правившая графством Триполи с момента его основания. Отныне власть в графстве перешла к княжескому дому Антиохии. История перехода графства Триполи под власть Антиохийской княжеской династии де Пуатье приведена в одной из редакций старофранцузской хроники Продолжателя Гильома (рукописи Кольбер-Фонтенбло). Со-

⁸⁶⁶ История обороны и сдачи Иерусалима наилучшим образом описана двумя современниками: Баха-ад-Дином, приближенным Салах-ад-Дина, и сирийским франком Эрнулем, бывшим в юности пажом при Балиане Ибелине. См. Баха-ад-Дин. Указ. соч. — гл. 36, С. 115—116; *Chronique d'Ernoult et de Bernard le Trésorier...* с.18—19, Р. 211—232.

⁸⁶⁷ Баха-ад-Дин. Указ. соч. — гл. 35, С. 112; Abu Shama. *Op.cit.* — Р. 284.

гласно Продолжателю, когда граф Раймонд III «осознал, что поражен болезнью и не имеет наследника, способного защитить его графство, он решил доверить Триполи князю Антиохийскому, дабы тот охранял две страны как одну. Так, он призвал вестников и направил их к князю Боэмунду в Антиохию, и сказал, чтобы тот прислал к нему Раймонда, своего старшего сына, который приходился ему (графу Раймонду III. — С. Б.) крестным сыном; ибо он хотел, чтобы тот получил Триполи как дар крестнику. Когда вестники достигли Антиохии и доставили послание, князь ответил им, что не отправит Раймонда, ибо у него хватит забот, когда он станет господином Антиохии и Армении, и должен будет править этими двумя странами⁸⁶⁸; взамен он отправит им своего второго сына, Боэмунда⁸⁶⁹, который был достойным и доблестным, и способным защитить Триполи с помощью Божией и поддержкой своего брата (...). Вестники вернулись в Триполи и привезли с собой Боэмунда, младшего сына князя, и передали графу княжеский ответ. Граф, который уже чувствовал, что умирает, и видел, что уже сделать ничего невозможно, принял Боэмунда и передал ему Триполи и все графство со всеми его правами, и проследил за тем, чтобы ему были принесены оммаж и фуа (...) Так графство Триполи перешло к Боэмунду-младшему»⁸⁷⁰.

Этот предсмертный шаг графа Раймонда III привел к фактическому объединению княжества Антиохийского и графства Триполи. Вопреки твердой вере Боэмунда III в невозможность полноценного объединения княжества и графства, его младшему сыну — Боэмунду IV суждено было, на рубеже XII-XIII вв., действительно объединить Триполи и Антиохию в единое государство, вполне сопоставимое

⁸⁶⁸ Здесь Продолжатель Гильома явно допускает ошибку, т. к. Раймонд Антиохийский мог претендовать на престол Киликийской Армении лишь с 1194 г., когда взял в жены Алису, дочь Рубена III. Об этом браке будет подробно сказано ниже, см. С. 100—105. В нежелании же Боэмунда III направлять своего старшего сына — Раймонда в Триполи скорее прослеживается нежелание отпускать из Антиохии своего прямого наследника; также очевидно, что князь Боэмунд III не верил в возможность эффективного объединения двух государств — Антиохии и Триполи — под властью единого правителя и предпочитал разделить их между старшим и младшим сыновьями, Раймондом и Боэмундом IV.

⁸⁶⁹ Речь идет о Боэмунде IV (ок. 1172—1233 гг.), с 1205 г. известного как «Боэмунд IV Одноглазый».

⁸⁷⁰ L'Estoire Eracles... P. 71—72; Edbury P.W. The Conquest of Jerusalem and the Third Crusade. Sources in translation... P. 164—165.

с королевствами Иерусалима и Кипра. Между тем, в 1187 г. необходимость опеки над графством Триполи легла дополнительным бременем на князя Боэмунда III; тем более что Салах-ад-Дин отнюдь не собирался придерживаться мирных отношений ни с князем Антиохии, ни с его воцарившимся в Триполи сыном. Северо-сирийским государствам франков предстояло испытать грядущий натиск армий победоносного султана.

III. Война Салах-ад-Дина против княжества Антиохийского и графства Триполи

В мае 1188 г. войска Салах-ад-Дина вошли в пределы графства Триполийского. Формальным поводом к вторжению, по словам Баха-ад-Дина, послужило выступление войск нового графа Триполи к захваченному султаном Гибелету. Напомним, что Гибелет был сдан Салах-ад-Дину еще в 4 августа 1187 г., во время его триумфальной кампании на финикийском побережье (вскоре после взятия султаном Сидона и за несколько дней до сдачи Бейрута). Сеньор Гибелета — Гуго III де Эмбриацо, как уже было сказано выше, был взят в плен в битве при Хаттине. Согласно Лионской версии Продолжателей Гильома, султан «вывел сеньора Гибелета перед замком и велел ему сказать его людям, чтобы они добились его освобождения. Бывшие в замке, посоветовавшись, решили, что держаться они не могут. Так они сдали замок и таким образом добились свободы для своего сеньора»⁸⁷¹. Следующей же весной после потери Гибелета войско Триполийского графа, в рядах которого находился и Гуго III Эмбриацо, предприняли попытку отбить город. Неизвестно, принадлежала ли инициатива этой крайне несвоевременной ответной экспедиции франков молодому графу Боэмунду IV, его отцу — князю Боэмунду III Антиохийскому, или же триполийским баронам (в особенности утратившим свою сеньорию членам семьи Эмбриацо). Так или иначе, слышав о движении франков к Гибелету, султан немедленно выступил со своей армией на земли графства; при известии о его приближении франки спешно вер-

⁸⁷¹ История сдачи Гибелета приведена только в Лионской рукописи Продолжателя Гильома. См. Edbury P.W. The Conquest of Jerusalem and the Third Crusade. Sources in translation... P. 50.

нулись в Триполи⁸⁷². Однако повод к новой кампании, который вряд ли был нужен султану, уже был ему предоставлен. К тому же, неудачный поход к Гибелету был далеко не единственным поводом к войне; Салах-ад-Дин так или иначе собирался покорить последние оплоты христиан в Леванте и отнюдь не намерен был предлагать мира. Франки же были обречены сопротивляться до последнего, направляя на Запад постоянные призывы о помощи и оказывая посильную поддержку друг другу⁸⁷³.

Осады Крака де Шевалье и Триполи

Проследив за отступлением франков от Гибелета к Триполи, Салах-ад-Дин повел армию через Ливанский хребет, к «долине христиан» и великой твердыне госпитальеров — замку Крак де Шевалье. Армия султана провела почти два месяца под стенами Крака, однако, благодаря грозным фортификационным сооружениям и стойкой обороне госпитальеров, замок выстоял. Как повествует один из коптских авторов «Истории Александрийских Патриархов», «султан «подступил к замку Курдов (Крак де Шевалье. — С. Б.), осаждал его на протяжении двух месяцев, однако не смог покорить его»⁸⁷⁴. Осознав, что у него нет возможности взять Крак, Салах-ад-Дин увел свои войска от замка. После падения Керака (осенью 1188 г.) и Монреалья (весной 1189 г.) в Трансиордании, Крак де Шевалье остался самым восточным оплотом франков в континентальном Леванте.

Потерпев неудачу у стен Крака, Салах-ад-Дин повернул армию на запад, в приморские области, в самое сердце графства Триполитского. Земли, прилегающие к столице графства, равно как и окрестности Тартуса, Сафиты и прочих укрепленных поселений, были разорены

⁸⁷² Баха-ад-Дин. Указ. соч. — гл. 39, С. 120.

⁸⁷³ Еще осенью 1187 г. граф Триполи направил воинский контингент на десяти галерах на помощь осажденному Тиру; правда, эта помощь не смогла вовремя подойти к городу из-за шторма.

⁸⁷⁴ Khater A., Burmester O.H. E., ed. & trans. History of the patriarchs of the Egyptian Church: known as the History of the Holy Church, by Sawirus ibn al-Mukaffa', Bishop of al-Asmunin // Publications de Société Archeologie Copte. Textes et Documents XII. — Cairo, 1970. — P. 141—142.

передовыми отрядами сарацин еще до подхода армии султана⁸⁷⁵. Вскоре и основные силы, во главе с самим Салах-ад-Дином, форсировав хребет гор Нусаир, подступили к стенам Триполи. Но одновременно с вторжением Салах-ад-Дина к франкам Заморской земли наконец-то пришла долгожданная помощь: к берегам Леванта прибыл итало-нормандский флот, направленный королем Вильгельмом II Сицилийским и поставленный под начало прославленного «аммира» Маргарита Бриндизийского. Флот состоял из 60 кораблей⁸⁷⁶, на борту которых находилось до 200 рыцарей и несколько тысяч сержантов. В последний раз в историю нормандцы Южной Италии прибыли с оружием в руках к берегам Леванта, чтобы поддержать своих осевших в Сирии собратьев. Итало-нормандские рыцари и сицилийские корабли немедленно приняли участие в боях за Тир и Триполи. Как повествует на страницах своей хроники Продолжатель Гильома, «В то время как Саладин подступил, чтобы начать осаду Триполи, флот короля Вильгельма прибыл в Тир, и с ним было 200 рыцарей. Маркиз как раз готовил свои галеры к походу на помощь Триполи и приказал рыцарям короля Вильгельма идти с ним»⁸⁷⁷.

После некоторых пробных атак на стены города, Салах-ад-Дин отказался от осады (и тем более — от штурма) Триполи. Город был слишком хорошо укреплен и, теперь уже, переполнен франкскими воинами; в стенах Триполи, помимо войск юного графа Боэмунда IV Триполийского и присланных ему на помощь контингентов его отца — князя Боэмунда III Антиохийского, также находились переброшенные из Тира отряды Конрада Монферратского и, самое главное, рыцари и флот короля Вильгельма II Сицилийского. Все это принуждало Салах-ад-Дина отказаться от осады и повернуть к более легким целям. По словам Продолжателя Гильома, «Саладин увидел, что не может причинить вреда этому месту из-за великого войска, прибывшего туда, и тогда он пошел к городу, именуемому Тортосой, лежавшему на берегу моря»⁸⁷⁸.

⁸⁷⁵ Ibn al-Athir. Al-Kamil fi al-Tarikh... P. 117; Баха-ад-Дин. Указ. соч. — гл. 40, С. 122.

⁸⁷⁶ Ibn al-Athir. Al-Kamil fi al-Tarikh... P. 118.

⁸⁷⁷ L'Estoire Eracles... P. 119—120; Edbury P.W. The Conquest of Jerusalem and the Third Crusade. Sources in translation... c.75, P. 76—77.

⁸⁷⁸ L'Estoire Eracles... P. 120; Edbury P.W. The Conquest of Jerusalem and the Third Crusade. Sources in translation... c.75, P. 76—77.

Разорение Тартуса и Валинии

3 июля 1188 г. армия султана вышла к побережью у Тартуса. Баха-ад-Дин отмечает, что Салах-ад-Дин первоначально не собирался атаковать город, но «Антартус показался столь легкой добычей, что было решено атаковать его». Нижний город и малая цитадель пали после первого же решительного штурма. Дома и церкви города — в том числе почитаемый собор Пресвятой Девы Марии — были преданы безжалостному разорению. Как повествует Баха-ад-Дин, «Победители взяли в трофеи все, что находилось в городе, и людей, и добро, и покинули его, уводя за собой множество пленников и везя несметные богатства». Даже армейские слуги «побросали работу и приняли участие в собирании трофеев в городе»⁸⁷⁹. Кемаль ад-Дин оставляет аналогичное описание разорения Тартуса: «войска взяли все, что там было, и уничтожили стены города»⁸⁸⁰. Согласно «Хронографии» Бар Эбрея: «и уничтожил Салах-ад-Дин стены Антартуса, и его цитадель, и прославленную церковь Марии Богоматери, и все дома»⁸⁸¹. Тем не менее, полностью взять город не удалось, т. к. уцелевшие франки, в том числе и большая часть рыцарей-тамплиеров, а также остававшиеся на службе у ордена Храма арбалетчики, продолжали держать оборону в цитадели. По словам Баха-ад-Дина, в цитадели «оборонялись все рыцари этого города», сама же цитадель «была окружена рвом, заполненным водой, и в ней находились грозные арбалеты, поражающие людей на большом расстоянии»⁸⁸².

Согласно Продолжателю Гильома, Салах-ад-Дин, увидев, что не сможет покорить цитадель Тартуса, покинул разоренный город и повел свою армию «к другому городу, лежавшему в пяти милях оттуда, именуемому Валинией. Он покорил и опустошил его. Но оставить гарнизона там не пожелал, из-за замка, стоявшего на горе над городом (т. е. из-за оставшегося под властью госпитальеров замка Маркаб. — С. Б.)»⁸⁸³. Еще одним источником, повествующим о войне Салах-ад-Дина против княжества Антиохийского,

⁸⁷⁹ Баха-ад-Дин. Указ. соч. — гл. 40, С. 122—123.

⁸⁸⁰ Kemal ad-Din. Histoire d'Alep // ROL IV. — P. 186.

⁸⁸¹ Bar Hebraeus. Chronography... — P. 379.

⁸⁸² Баха-ад-Дин. Указ. соч. — гл. 40, С. 123.

⁸⁸³ L'Estoire Eracles... P. 121—122; Edbury P.W. The Conquest of Jerusalem and the Third Crusade. Sources in translation... c.45, P. 50.

служит послание госпитальера Эрменже (вскоре после этого ставшего магистром ордена Св. Иоанна), к эрцгерцогу Леопольду V Австрийскому. По словам Эрменже, «неописуемый Саладин полностью уничтожил град Тортосу, не взяв лишь цитадель тамплиеров, сжег град Валанию, прежде чем перейти в область Антиохийскую»⁸⁸⁴. Тем не менее, тамплиеры сохранили цитадель Тортосы, а госпитальеры — великую твердыню Маркаба, и это позволило франкам вновь утвердиться в опустошенных городах и восстановить как Валанию, так и Тартус.

Взятие Джабалы и Латакии

Практически бескровная победа ожидала Салах-ад-Дина у следующего приморского города антиохийских франков — Джабалы. По словам Баха-ад-Дина, сопровождавшего султана в этой кампании, «не успел он развернуть свое войско к бою, как город оказался его»⁸⁸⁵. Ворота преимущественно арабского города были открыты одним из мусульманских сановников князя Боэмунда III — кади Джабалы, Мансуром ибн Набилем⁸⁸⁶. Франкскому гарнизону оставалось лишь укрепиться в цитадели, которую Салах-ад-Дину все же пришлось брать штурмом. Согласно описаниям Баха-ад-Дин, в Джабале «были жители-мусульмане, с кади, который решал их споры, и ему было доверено управление городом. Этот чиновник не оказал никакого сопротивления султану, но франки удерживали замок. Султан провел одну атаку на замок, чтобы дать гарнизону повод сложить оружие, и в 19-й день того месяца (16 июля 1188 г.) замок пал»⁸⁸⁷. Арабо-мусульманское население Джабалы приветствовало султана как освободителя, что позволило Салах-ад-Дину дать своей армии кратковременный отдых.

Спустя пять дней (21 июля 1188 г.) Салах-ад-Дин продолжил движение на север и подступил к стенам величайшего портового города северной Сирии — Латакии. Город был хорошо укреплен, путь в его гавань перекрыт цепью. Опорными пунктами крепостных стен были две

⁸⁸⁴ Ansbert. *Historia de Expeditione Friderici Imperatoris* // MGH SS. Vol.5. — Berlin, 1928. — P. 4—5; Barber M., Bate K., ed. & trans. *Letters from the East...* №48, P. 86.

⁸⁸⁵ Баха-ад-Дин. Указ. соч. — гл. 41, С. 124.

⁸⁸⁶ Ibn al-Athir. *Al-Kamil fi al-Tarikh...* P. 717.

⁸⁸⁷ Баха-ад-Дин. Указ. соч. — гл. 41, С. 124.

цитадели, возвышавшиеся в северной и южной части города. Однако за мусульманской армией было решительное численное превосходство. Салах-ад-Дин немедленно бросил войска на штурм Латакии; в первый же день армия султана прорвалась за крепостные стены и приступила к разорению домов, лавок и церквей христианского города. По словам Баха-ад-Дина, «Трофеи были огромными, поскольку это был торговый город, в котором находилось много сокровищ и товаров»⁸⁸⁸. Франки и верные Боэмунду III христианские жители города должны были искать убежище в стенах двух цитаделей, однако воины Салах-ад-Дина на следующий же день пошли на приступ этих твердынь. Согласно Кемаль-ад-Дину «в субботу мусульмане бросились, чтобы атаковать две цитадели. Они подкопали стены на отрезке в шестьдесят локтей; тогда франки осознали, что их гибель неминуема и предложили сдаться»⁸⁸⁹.

Баха-ад-Дин оставляет сходное описание, но, будучи очевидцем, приводит и дополнительные детали. В частности, он упоминает о том, что даже после пробитой в стенах бреши продолжался ожесточенный бой между франками и сарацинами, и лишь на исходе дня христиане предложили сдаться. Причем посредником в переговорах между гарнизоном Латакии и султаном вновь выступил кади Джабалы — Мансур ибн Набиль. «в субботу, ранним утром, кади отправился к осажденным франкам и помог им составить условия договора. По нему им и их семьям с имуществом позволялось беспрепятственно покинуть крепость, но они должны были оставить победителям все свои запасы зерна, все средства ведения войны — оружие, лошадей, военную технику (осадные орудия, экипировку, арбалеты и т.д. — С. Б.). И при этом им было дозволено оставить себе достаточное количество животных, чтобы они могли спокойно уехать»⁸⁹⁰. Через два-три дня колонны обезоруженных франкских рыцарей, сержантов, бюргеров, латинских клириков достигли Антиохии⁸⁹¹. Так один из двух крупнейших православных горо-

⁸⁸⁸ Баха-ад-Дин. Указ. соч. — гл. 41, С. 124.

⁸⁸⁹ Kemal ad-Din. Histoire d'Alep // ROL IV. — P. 186—187.

⁸⁹⁰ Баха-ад-Дин. Указ. соч. — гл. 41, С. 125.

⁸⁹¹ Латинский епископ Латакии в последний раз упоминается в 1187 г., и неизвестно, оставался ли он в живых к лету 1188 г. и, соответственно, возглавлял ли он шествие беженцев к Антиохии. После 1188 г. иерархия латинских епископов прерывается вплоть до 1254 г., т. к. Патриарх Амори де Лимож отказался от идеи содержания титулярных епископов утраченных городов. Последний архидиакон Латакии эпохи первого франкского правления был в числе дошедших до Антиохии и, спустя восемь лет после

дов северной Сирии, за который с таким ожесточением воевали ромеи и франко-нормандцы, перешел под власть мусульман, причем его осада заняла не более трех дней. Примечательно, что ход осады мог преломиться к пользу христиан, поскольку в разгар боевых действий к гавани Латакии пристал сицилийский флот Маргарита Бриндизийского. Как повествует Ибн аль-Асир, «В то время как Салах-ад-Дин осаждал Латакию, сицилийский флот, о котором уже упоминали прежде, подошел и встал напротив городской гавани»⁸⁹². Арабский историк отмечает, что итало-нормандцы, «купаясь в ярости, желали захватить тех жителей Латакии, которые выйдут за черту города, за то, что они сдали город так быстро». Но при этом Ибн аль-Асир говорит и о том, что Маргарит лично встретился с Салах-ад-Дином и ходатайствовал о правах сдавшихся и плененных франк; султан же, откликнувшись на мольбу сицилийского аммира, даровал и плененным франкам право свободного прохода в Антиохию.

Взятие Саона, Бурзея и других замков Антиохийского княжества

Желая удержать Латакию, Салах-ад-Дин повернул к лежавшему в 25 км к востоку от города великому франкскому замку Саон. Этот замок, центр одного из знаменитых фьефов княжества Антиохийского, славился протяженностью и силой трех линий своих укреплений, в числе которых были многочисленные башни, цитадель и высеченный в скале ров. Один из сыновей Салах-ад-Дина — Аз-Захир, эмир Алеппский, снарядил для осады замка баллисты, которые вели непрекращающийся прицельный обстрел стен⁸⁹³. Когда была пробита брешь, войска мусульман ворвались во внутренний двор, где развернулась кровопролитная рукопашная схватка с франками. В итоге, уцелевшие христиане — воины, женщины, дети — должны были укрыться в цитадели и просить султана о пощаде. «Осаждающие окружили стены цитадели, и гарнизон, полагая, что им уготована

падения Латакии, был возведен в сан епископа Пафоса, в пределах Кипрского королевства. Подробнее, см. Hamilton B. The Latin Church in the Crusaders States... с.9, P. 212—213; Fedalto G. La Chiesa Latina in Oriente, Vol.2. — P. 59, 125.

⁸⁹² Ibn al-Athir. Al-Kamil fi al-Tarikh... P. 720—721.

⁸⁹³ Кстати говоря, именно Аз-Захиру и отошли покоренные антиохийские земли.

смерть, запросил пощады. Как только об этом доложили султану, он исполнил их мольбу и позволил им уйти со своими пожитками, но потребовал, чтобы за каждого мужчину был заплачен выкуп в размере десяти золотых монет, пяти золотых монет за каждую женщину и по две золотые монеты за каждого ребенка»⁸⁹⁴. Саон был окончательно сдан султану 29 июля, спустя шесть дней после капитуляции цитаделей Латакии. Получив выкуп, Салах-ад-Дин выпустил обезоруженных христиан, во главе с сеньором Саона — Матфеем, в Антиохию⁸⁹⁵. Покорив Саон, Салах-ад-Дин продолжил движение на север, завоеывая другие крепости и земли княжества Антиохийского. В числе павших под натиском султана было укрепленное поселение Балатанос, замки Бикас и Аш-Шуфр, лежавшие друг напротив друга и контролировавшие мост через Оронт и дорогу из Алеппо — к Латакии, а также замок Сармения, бывший фьефом потомственных сенешалей княжества Антиохийского. Причем каждый раз взятие очередного франкского замка выпадало на пятницу, что дало мусульманам основание считать эти победы божественным предзнаменованием. По словам Баха-ад-Дина, «Эта череда побед, одержанных по пятницам в течение нескольких недель, вещь столь необычная, что является беспрецедентной в истории»⁸⁹⁶.

Особым ожесточением отличалась осада замка Бурзей. Баха-ад-Дин описывает этот замок Бурзей как крепость «очень мощную и практически неприступную (...) ее неприступность вошла в поговорку и у франков, и в мусульманских странах. Со всех сторон ее окружали лощины, а их глубина доходила до пятисот семидесяти локтей»⁸⁹⁷. Султан лично возглавил штурм, и замок был взят с боем в течение нескольких часов. Когда мусульманские воины прорвались через стены, франки попытались предложить сдачу, но было слишком поздно; замок был взят с боем, а все его защитники и укрывшиеся в его стенах нонкомбатанты были либо перебиты, либо пленены. Стремительное взятие славившегося своей неприступностью замка Бурзей было особой гордостью Салах-ад-Дина (в особенности — после его неудач и Крака де Шевалье, цитадели Тортосы, Сафиты, Маркаба).

⁸⁹⁴ Баха-ад-Дин. Указ. соч. — гл. 41, С. 125.

⁸⁹⁵ О Матфее — последнем сеньоре Саона, см. Du Cange C. *Les Familles d'Outremer...* P. 591.

⁸⁹⁶ Баха-ад-Дин. Указ. соч. — гл. 43, С. 128.

⁸⁹⁷ Баха-ад-Дин. Указ. соч. — гл. 44, С. 130.

На осаде замка Бурзей особо останавливается коптский продолжатель «Истории Александрийских Патриархов», по словам которого, Салах-ад-Дин «подступил к замку Бурзей, и напал на него, и осадил его, и недолго оставался там, ибо Господь предначертал ему завоевание его; и покорил он замок, и принял власть над ним, и отправил послания об этом всем вади Мисра (Египта), каждое — от собственного имени». Коптский автор приводит и текст одного из этих посланий, в котором султан оповещает своих египетских подданных о том, что «с завоеванием замка Бурзей языки возрадовались и воздали благодарение Господу». Далее султан переходит к описанию замка, «который от века считался неприступным, а благоденствие его — неоспоримым», и к осаде, отмечая при этом, что ни огонь, ни пламенные призывы проповедников, ни привычные тактические приемы не смогли нанести вреда крепостным стенам. Однако «Аллах покорил его, когда мы уже отчаялись покорить его, и взяли мы замок силою меча (...) в час, последовавший за рассветом»⁸⁹⁸. Так, Бурзей был взят с боем, в день штурма, 23 августа 1188 г.

В стенах покоренного Бурзея Салах-ад-Дин смог вновь продемонстрировать не только свою верность джихаду, но и свое, в известной степени — прагматичное, великодушие; он даровал свободу сеньору замка и семнадцати членам его семьи. Причина была в том, что супруга князя Боэмунда III — Сибилла, происходила из рода сеньоров Бурзея, и отношение султана к ее пленным родственникам прямо сказалось бы на дальнейших военных и дипломатических отношениях с князем Антиохии. Ибн аль-Асир уточняет, что княгиня Сибилла была сестрой супруги сеньора Бурзея⁸⁹⁹. Согласно книге Баха-ад-Дина: «Султан сжалился над ними и, даровав им свободу, отослал их к повелителю Антиохии, который приходился им родственником. Тем самым он попытался расположить к себе этого правителя»⁹⁰⁰. Еще одна великая твердыня Антиохийского княжества — патриарший замок Кусаир, лежавший в часе пути к югу от Антиохии, остался

⁸⁹⁸ Khater A., Burmester O.H. E., ed. & trans. History of the patriarchs of the Egyptian Church... — P. 141—142. В тексте — замок именуется «Барзия».

⁸⁹⁹ Ibn al-Athir. Al-Kamil fi al-Tarikh... P. 729—730. Это дает основание полагать, что анонимный сеньор Бурзея получил свой фьеф по праву брака с сестрой княгини Сибиллы.

⁹⁰⁰ Баха-ад-Дин. Указ. соч. — гл. 44, С. 130—131. Аналогичное описание оставляет и Кемаль ад-Дин. См. Kemal ad-Din. Histoire d'Alep // ROL IV. — P. 188—189.

нетронутым армией Салах-ад-Дина; старый Патриарх Амори де Лимож успел вовремя предложить султану огромный выкуп в обмен на неприкосновенность церковной сеньории⁹⁰¹.

Кампания в горах Аманоса. Осада Антиохии

Покорив замки между Оронтом и Средиземным морем, Салах-ад-Дин повел войска дальше на север — к горам Аманоса, в обход Антиохии. В этом поступке вновь проступает стратегическая дальновидность Салах-ад-Дина; в 1187 г. он, прежде чем идти на Иерусалим, отрезал его от моря, покорив приморские города франков; спустя год Салах-ад-Дин сходным образом решил, прежде чем приступить к осаде Антиохии, вначале отрезать ее от сообщения с Киликийской Арменией. Северные земли княжества Антиохийского и замки, оберегавшие проходы Аманоса, были переданы франкскими государями ордену тамплиеров. В числе великих замков ордена на севере княжества Антиохийского наиболее значимыми были Баграс, Дарпсак и Ля Рош Гильом. Одновременно с походом Салах-ад-Дина против замков Аманоса, конные отряды, направленные султаном, разоряли земли между столицей княжества и гаванью Св. Симеона; между тем, часть армии султана приступила к блокаде Антиохии.

Первым замком, к которому Салах-ад-Дин подступил в горах Аманоса, был Дарпсак. Воины султана провели подкоп под стеной, в результате чего обрушилась одна из башен. Мусульмане бросились в брешь, но путь им преградили рыцари и сержанты ордена Храма, образовавшие живую стену и намертво стоявшие, невзирая на ошеломляющие потери. В итоге, Салах-ад-Дин велел прекратить наступление, а тамплиеры согласились на капитуляцию во избежание дальнейшего кровопролития. Им было дано право идти к князю Боэмунду III, но каждый рыцарь и сержант должен был идти пешком, без оружия, взяв с собой лишь ту одежду, которая была на нем⁹⁰². Это произошло 16 сентября. Спустя десять дней — 26 сентября 1188 г. — знамя султана было поднято над Баграсом — важнейшей крепостью, контролировавшей «Сирийские врата» (перевал Аль-Балан), основную

⁹⁰¹ Cahen C. La Syrie du Nord... P. 430.

⁹⁰² Баха-ад-Дин. Указ. соч. — гл. 45, С. 132.

дорогу из восточной Киликии — к Антиохии. Причем, если защитники Дарпсака проявили, перед сдачей, высочайшую доблесть, то их собратья-тамплиеры в Багресе попросили о сдаче после первого решительного приступа, который не увенчался ни форсированием, ни разрушением их укреплений. Тем не менее шателен Баграса направил Боэмунду III послание с просьбой о разрешении на сдачу и князь, будучи не в силах прорвать блокаду Антиохии и прийти на помощь, дал свое согласие на капитуляцию⁹⁰³. Единственной твердыней в горах Аманоса, выстоявшей под натиском Салах-ад-Дина и оставшейся в руках франков, был замок Ля Рош Гильом⁹⁰⁴.

Завершив поход вдоль хребта Аманоса и отказавшись от осады замка Ля Рош Гильом, Салах-ад-Дин, наконец, соединил все свои силы под стенами Антиохии. Однако когда Салах-ад-Дин «перешел к Антиохии, он увидел, что город хорошо защищен»⁹⁰⁵ и что осада его потребует значительных усилий и жертв. К этому времени в его войсках чувствовалось значительное утомление; аскар эмира Синджара — Имад ад-Дина открыто заявил о своей решимости вернуться в Месопотамию. В то же самое время события в Палестине и южной Сирии требовали личного присутствия Салах-ад-Дина. Все это вынуждало Салах-ад-Дина временно отступить от Антиохии и даровать князю Боэмунду III перемирие, о котором тот прямо молил султана. Как повествует присутствовавший при переговорах Баха-ад-Дин, султан, «учитывая усталость армии и трудности, которые она преодолела, а также беспокоясь по поводу повторявшихся требований Имад ад-Дина, повелителя Синджара, который упорствовал в своем желании вернуться домой, заключил мирный договор с Антиохией — не касавшийся других оккупированных франками городов — на

⁹⁰³ Lawrence A.W. The Castle of Baghras... P. 43—44.

⁹⁰⁴ Продолжатель Гильома Тирского, описывая осаду Ля Рош Гильома, приводит достаточно романтизированное сказание об оборонявшем замок рыцаре Жане (или Джоне) Гейле, уроженце Тира. Согласно хронике Продолжателя, Жан Гейл бежал к Салах-ад-Дину после того, как убил своего сеньора; при дворе султана он стал воспитателем племянника Салах-ад-Дина, которого, во время соколиной охоты близ Алеппо, выдал тамплиерам. Совершив это, выгодное христианам предательство, он и сам присоединился к ордену Храма и пребывал с братьями-рыцарями в Ля Рош Гильоме. См. L'Estoire Eracles... P. 122; Edbury P.W. The Conquest of Jerusalem and the Third Crusade. Sources in translation... c.45, P. 50—51.

⁹⁰⁵ L'Estoire Eracles... P. 121—122; Edbury P.W. The Conquest of Jerusalem and the Third Crusade. Sources in translation... c.75, P. 78.

условии, что все удерживаемые в городе пленные мусульмане будут освобождены. Этому миру суждено было продолжаться семь месяцев, а по истечении срока городу суждено было перейти в руки султана, пока к нему не подоспела помощь извне»⁹⁰⁶.

Христианские авторы практически в точности повторяют условия этого договора. Согласно хронике Бар Эбрея: «все города были наполнены арабами, и мужи антиохийские преисполнились страхом, в особенности из-за того, что дороги были перекрыты пред самым лицом их, а зерно — отобрано. Тогда князь (Бозмунд III. — С. Б.) выразил покорность Салах-ад-Дину и направил ему посольство, умоляя о мире, и тот заключил с ним перемирие сроком на восемь месяцев, после чего удалился в Алеппо»⁹⁰⁷. Будущий магистр ордена госпитальеров — Эрменже, с негодованием писал эрцгерцогу Леопольду V Австрийскому о слабости Антиохийского князя и потерях сирийских франков. По его словам, Салах-ад-Дин «покорил знаменитые города Джабалу и Латакию, а также крепости Саон, Горда, Кавеа и Рошфор, и все земли вплоть до самой Антиохии. За Антиохией (т. е. севернее Антиохи. — С. Б.) он осадил и взял Дарпсак и Гастон (Баграс). Так, все княжество, за исключением нашей твердыни — Маргата (Маркаба), либо разорено, либо потеряно; князь и народ Антиохии заключили постыдный договор с Саладином, по которому, ежели, с начала октября, помощь не будет им подана в течение ближайших семи месяцев, они сдадут Антиохию, увь, не выпуская ни единого снаряда и невзирая на то, что город был выкуплен такой кровью доблестных христиан»⁹⁰⁸.

Итоги войны для франков Антиохии и Триполи

Итоги этой кампании Салах-ад-Дина против Антиохии и Триполи были неутешительными для христиан. Княжество Антиохийское было буквально рассечено надвое; сожженная армией султана Валаня и выстоявшая твердыня госпитальеров — Маркаб прилежали к владениям графа Триполи. Далее начинались пространные территории, отвоеванные

⁹⁰⁶ Баха-ад-Дин. Указ. соч. — гл. 46, С. 133.

⁹⁰⁷ Bar Hebraeus. Chronography... — P. 380.

⁹⁰⁸ Ansbert. Historia de Expeditione Friderici Imperatoris... — P. 4—5; Barber M., Bate K., ed. & trans. Letters from the East... №48, P. 86.

Салах-ад-Дином и переданные вначале эмиру Хамы, а затем — Аз-Захиру, эмиру Алеппскому. В их число входили все замки и фьефы вдоль течения Оронта, вплоть до южных предместий Антиохии, а также великие портовые города — Латакия и Джабала. Утрата Латакии и Джабалы стали особенно тяжким ударом для княжества Антиохийского. Отныне сообщение между Антиохией и другими государствами Заморской земли было возможно только по морю. Более того, Алеппо — главный экономический конкурент Антиохии, получил доступ к некогда принадлежавшим антиохийским франкам портовым городам. Открывшемуся торговому пути между Алеппо и Латакией суждено было, во многом, стать причиной постепенного экономического угасания Антиохии. Более того, и с юга, и с севера столицу княжества окружали опорные пункты, перешедшие под власть Салах-ад-Дина. Сам город и его некогда богатые земли были совершенно истощены набегами сарацин. К октябрю 1188 г. в составе Антиохийского княжества оставалась только сама Антиохия и непосредственно прилегавшие к ней земли и монастыри, гавань Св. Симеона, замок Ля Рош Гильом в горах Аманоса, патриаршая сенъория с замком Кусаир, и отрезанные от этих территорий Валанья и Маркаб. Территориальные потери графства Триполи были не столь значительными; единственной крупной утратой стала сдача Гибелета. Однако материальный ущерб был велик; города переполнены беженцами, земли — разорены, второй по величине город графства — Тартус, удержанный благодаря стойкости защитников цитадели, лежал в руинах. И все же, невзирая даже на обязательство сдать Антиохию через семь месяцев, латинским христианам Сирии суждено было выстоять на протяжении еще одного столетия. Навстречу победоносным силам Салах-ад-Дина постепенно стекались войска принимавших крест христиан Запада; начинался Третий крестовый поход, в котором франки Антиохии и Триполи отнюдь не были безучастны.

IV. Княжество Антиохийское и Третий крестовый поход (1189—1192 гг.)

Вопреки распространенному мнению, антиохийские франки отнюдь не остались лишь пассивными наблюдателями во время Третьего крестового похода. Безусловно, основные боевые действия этого похода разворачивались в Палестине и на Кипре, однако, рассматривая историю латинских и византийских христиан северной Сирии,

нам невозможно абстрагироваться от малоизученного и, бесспорно, второстепенного «антиохийского» театра военных действий.

Братья Лузиньяны на землях Антиохии и Триполи

С завершением завоевательных кампаний Салах-ад-Дина, на землях, подвластных князю Антиохии и его сыну, произошло одно, крайне значимое для всех христиан Леванта событие — освобождение из плена Иерусалимского короля Ги де Лузиньяна. Откликнувшись на обращение королевы Сибиллы Иерусалимской, Салах-ад-Дин наконец-то даровал свободу плененному королю Ги⁹⁰⁹. Ги де Лузиньян был освобожден у стен разоренного сарацинами Тартуса. Вместе с королем были освобождены десять его ближайших соратников; старший брат короля — коннетабль Иерусалима Амори де Лузиньян; маршал Иерусалимского королевства — Готье Дурус; магистр ордена Храма — Жерар де Ридефор; старый маркиз Гильом Монферратский; еще пять рыцарей и сирийский переводчик-писарь короля. Согласно договору с Салах-ад-Дином, Ги принес клятву никогда более не носить меча и удалиться за море. Однако Ги нашел хитроумный выход из положения; он переправился на лежавший напротив Тартуса остров Арвад и попросил посланников Салах-ад-Дина засвидетельствовать, что клятва выполнена, т. к. он действительно пересек отрезок Средиземного моря⁹¹⁰. Получив отпущение и освобождение от клятв, дарованное латинским Патриархом Иерусалима — Ираклием, король Ги готов был продолжать борьбу за утраченное королевство. Здесь Ги столкнулся с достаточно жестким сопротивлением со стороны Конрада Монферратского и поддерживавших его палестинских баронов; Конрад даже запретил королю Ги и его соратникам входить в Тир — последний оставшийся в руках христиан город Иерусалимского королевства.

Однако лишенного земель иерусалимского монарха решили поддержать его северо-сирийские собратья — князь Бозмунд III

⁹⁰⁹ Официальным условием для освобождения короля Ги была сдача Аскалона. Город был сдан султану еще в августе 1187 г., однако Салах-ад-Дин не отпускал Иерусалимского короля до лета следующего года.

⁹¹⁰ L'Estoire Eracles... P. 120—121; Edbury P.W. The Conquest of Jerusalem and the Third Crusade. Sources in translation... c.75, P. 76—77.

Антиохийский и граф Боэмунд IV Триполійский. Ги и его соратникам был предоставлен достойный прием и поддержка на территории этих «северных» государств Заморской земли. В «Истории священной войны» Амбруаз приводит описание встречи короля Ги де Лузиньяна и князя Боэмунда III в Триполи: «В одно утро, под звон колокола, Ги прибыл к князю Антиохии просить его позволить ему отправиться с ним в Антиохию и оставаться там до того, как он сможет найти, созвать и собрать своих людей, и до того, как он сможет выступить, чтобы вернуть утраченное у турок. Король отправился вместе с князем в страну Антиохийскую и оставался там недолгое время. Там он щедро проливал слезы по той стране, которую он держал при своем правлении. Затем он вернулся в Триполи (...) Взяв в наем то, что было возможно, он подготовил и призвал тех людей, которых можно было собрать»⁹¹¹.

В Антиохию и Триполи стали стекаться и соратники короля Ги. Королева Сибилла и ее дочери находились в Триполи, при дворе графа Боэмунда IV (и его предшественника — Раймонда III), с момента катастрофы при Хаттине и взятия Иерусалима. Патриарх Ираклий Иерусалимский получил пристанище в Антиохии — у своего собрата, Патриарха Амори де Лиможа, сразу же после сдачи Святого града Салах-ад-Дину. На севере находился и магистр ордена Храма — Жерар де Ридефор, тем более что тамплиеры удерживали значительную часть выстоявших под натиском сарацин территорий Антиохии-Триполи, в частности — цитадель Тартуса и остров Арвад, Сафиту с ее «Белым замком» (Шастель Блан), Ля Рош Гильом в горах Аманоса. Более того, из Франции стали прибывать

⁹¹¹ Ambroise. L'Estoire de la Guerre Sainte... P. 72. Аналогичное описание см. Itinerarium Peregrinorum et Gesta Regis Ricardi... — Lib. I, c.40, P. 25—26. Жан Ришар считал это обращение Ги де Лузиньяна утверждением его королевских прерогатив над «крупными вассалами», т. е. князем Антиохии и графом Триполи. См. Ришар Ж. Латино-Иерусалимское королевство... С. 184. Вероятно, это в известной степени уместно по отношению к Триполи. Однако нет каких-либо свидетельств того, чтобы Ги утвердил свой «сюзеренитет» над Антиохией, и тем более, чтобы Боэмунд III признал бы себя вассалом короля, лишённого королевства. Согласно «Истории священной войны» Амбруаз король Ги просит у князя Боэмунда III *разрешения* отправиться с ним в Антиохию. Так что здесь, скорее, следует усмотреть «братский» призыв о помощи и действия в рамках «братства» государей Заморской земли, в котором король Иерусалимский пользовался правами старшего, а князь Антиохии — занимал второе место, не отрицая первенства Иерусалима, но и не переходя на положение одного из вассальных señores королевства.

первые крестоносцы, в частности самый старший из братьев короля Ги — Жоффруа де Лузиньян, граф де Ля Марш, которого сопровождал контингент принявших крест рыцарей, сержантов и паломников из Пуатье. Ему также не было позволено войти в Тир, и тогда Жоффруа отправился к северным государям, при дворе которых находился его младший, венценосный брат. Как повествует Продолжатель Гильома, Жоффруа де Лузиньян «немедленно покинул Тир и отправился в Триполи. Там он был встречен с великой радостью, и люди ликовали, когда получили весть о его прибытии. Когда они (французские крестоносцы графа Жоффруа. — С. Б.) смогли отдохнуть, граф Триполийский препроводил их в Антиохию. Там он нашел своего брата, который радостно встретил его»⁹¹².

В итоге, под патронажем князя Боэмунда III и его сына — графа Триполи, король Ги смог собрать достаточно внушительные силы и выступить на завоевание утраченных территорий. Согласно Продолжателю Гильома: «С прибытием Жоффруа, король, магистр тамплиеров и коннетабль Амори, брат короля, собрали рыцарей, которые избежали поражения. Их было по меньшей мере 600 человек. С ними они выступили в пределы королевства Иерусалимского»⁹¹³. Пройдя под стенами Тира, армия короля Ги де Лузиньяна продолжила путь на юг, встав лагерем у Акры и положив продолжительной осаде этого города, которому суждено было, после 1191 г., стать столицей второго Иерусалимского королевства. Следует обратить особое внимание на то, что князь Боэмунд III Антиохийский, его сын — граф Боэмунд IV и Патриарх Амори де Лимож готовы были содержать и экипировать братьев Лузиньянов и их последователей; со стороны антиохийских и триполийских франков это была крайне щедрая поддержка, особенно в период, когда Антиохия, впервые за много лет, страдала от голода и отсутствия припасов (после уничтожения запасов зерна и урожая армией Салах-ад-Дина)⁹¹⁴.

⁹¹² L'Estoire Eracles... P. 124—125; Edbury P.W. The Conquest of Jerusalem and the Third Crusade. Sources in translation... c.79, P. 80.

⁹¹³ L'Estoire Eracles... P. 125; Edbury P.W. The Conquest of Jerusalem and the Third Crusade. Sources in translation... c.79, P. 80.

⁹¹⁴ То, что в 1188—1190 гг. Антиохия испытывала острую нехватку провианта и тяжелейший голод, отмечают в своих хрониках Смбат Спарпет и Бар Эбрей. См. Bar Hebraeus. Chronography... — P. 380, 389; Bedrosian R., ed. The Armenian Chronicle of Sempad, or of the «Royal Historian»... P. 92.

Рейды князя Боэмунда III Антиохийского (1189 г.)

С выступлением армии братьев Лузиньянов на юг — к Акре князь Боэмунд III Антиохийский приступил и к собственным военным действиям против сарацин. Войска антиохийских франков, под началом Боэмунда III и его старшего сына — Раймонда, совершили ряд разорительных рейдов по восточному берегу Оронта, в районе Харима. Согласно «Хронографии» Бар Эбрея, в 1189 г. «Боэмунд, князь Антиохийский, выступил в поход и разорил земли Харима. Он дошел даже до Лашиха, убивая как арабов, так и христиан»⁹¹⁵. Этот рейд князя Боэмунда III напоминает аналогичный набег, совершенный его отчимом — князем Рено, в 1160 г.; в обоих случаях, мы видим стремление Антиохийских князей без разбора уничтожать как сарацин, так и подвластных мусульманским правителям христиан⁹¹⁶. Здесь, с одной стороны, налицо явный контраст с эпохой Первого крестового похода и попыткой франков опираться на восточно-христианское население; с другой стороны, нельзя не отметить, что, поднимая меч против христианских подданных соседствующих, враждебных правителей, князья Антиохийские следовали общепринятой тактике, распространенной во всем христианском мире (тем более что где-нибудь на Балканах, во Франции, Италии, или на Руси подобные рейды и столкновения имели место исключительно среди христиан). Так или иначе, разорение восточного берега Оронта прямо свидетельствует о возвращении боевого духа и решимости князя Боэмунда III продолжать войну с Салахад-Дином. Описание этой кампании приведено и в книге Бахаад-Дина, который сообщает о том, что в конечном итоге войска Антиохийского князя были разбиты устроившим засаду аскаром, высланным эмиром Алеппо. «В письме нам сообщили, что правитель, повелитель Антиохии, выступил со своими войсками в поход против мусульманских деревень, расположенных неподалеку от его города. Военачальники и войска, служившие аль-Малику аз-Захиру, отслеживали его передвижения и устроили несколько засад (..) они убили семьдесят пять (захватчиков) и взяли пленных.

⁹¹⁵ Bar Hebraeus. Chronography... — P. 380.

⁹¹⁶ Подробнее, см. выше: Часть III, гл. 2, С. 100—105.

Сам повелитель Антиохии укрылся в местечке под названием Шиха, откуда бежал в свой собственный город»⁹¹⁷.

Германские крестоносцы в Антиохии

Последующие два года совпали с прибытием с Запада все новых принимавших крест государей и контингентов Третьего крестового похода. Король Вильгельм II Сицилийский — первый западноевропейский монарх, отправивший свои войска и флот на помощь франкам Заморской земли — принял крест и лично собирался принять участие в борьбе с сарацинами, однако скончался за несколько недель до назначенного выступления в поход. В 1189 г. в Левант сухопутным путем — через Венгрию, Ромейскую империю и Анатолию — отправился император Священной Римской империи Фридрих I Барбаросса. Как известно, прославленный император не достиг Сирии; он утонул во время форсирования киликийской реки Салеф. Невзирая на гибель императора, его сын Фридрих Швабский вывел уцелевших после тяжелейшего перехода через Малую Азию имперских рыцарей и паломников к Антиохии.

Князь Бозмунд III и Патриарх Амори, рассчитывая на поддержку крестоносцев Священной Римской империи, оказали достойный прием герцогу Фридриху и его войскам. Однако здесь антиохийцев ждало жестокое разочарование; ожидая помощи, князь и жители Антиохии столкнулись как с наполнившей город дезорганизованной толпой германских рыцарей и пилигримов, так и с непомерными притязаниями сына Барбароссы. Герцог Фридрих потребовал, чтобы князь Бозмунд III принес ему оммаж и предоставил, для сохранения его казны, цитадель Антиохии; и то, и другое было исполнено государем обесилевшего княжества. Как повествует Баха-ад-Дин, «король германцев (герцог Фридрих Швабский. — С. Б.), вступив в Антиохию, захватил этот город, отобрав его и истинного повелителя. Сначала он начал демонстрировать свою власть, принудив повелителя исполнять его приказания; затем с помощью уловок и предательства захватил замок и разместил в нем свои сокровища»⁹¹⁸. Вероятно, что в этот

⁹¹⁷ Баха-ад-Дин. Указ. соч. — гл. 85, С. 218.

⁹¹⁸ Баха-ад-Дин. Указ. соч. — гл. 81, С. 208.

период, от разгрома германцев в равной степени страдали все жители города — и латиняне, и греки, и сирийцы, и евреи с сарацинами. К счастью, период пребывания германцев в Антиохии оказался недолгим. Спустя несколько недель после погребения плоти императора в соборе Св. Петра герцог Фридрих со своими отрядами отплыл из гавани Св. Симеона в Тир; это, вероятно, стало большим облегчением для Антиохийского князя и его подданных⁹¹⁹. Тем не менее, некоторые имперские рыцари и паломники все же остались в Антиохии; об этом свидетельствуют слова Вильбранда Ольденбургского, видевшего, четверть века спустя, надгробия германских крестоносцев в антиохийском монастыре Св. Павла⁹²⁰.

*Посольство Патриарха Амори де Лиможа и «принятие креста»
Ричардом Львиное Сердце*

Следом за германцами к побережью Леванта, уже морским путем, стали прибывать войска французских крестоносцев, на помощь которых уже в полной мере могли полагаться франки Заморской земли (сами бывшие потомками выходцев из преимущественно французских земель, и говорившие на различных старофранцузских диалектах). В 1190 г. в Тир и к лагерю у Акры прибыли контингенты графа Генриха Шампанского и Бодуэна Фордского — архиепископа Кентерберийского. Затем, в мае 1191 г. к Палестине прибыл флот короля Франции — Филиппа II Августа. Тогда же к берегам Кипра были вынесены разметанные штормом корабли короля Англии, герцога Нормандии и Аквитании, графа Анжу и Пуатье — Ричарда I Львиное Сердце. Следует отметить, что этот монарх, ставший подлинным вождем Третьего крестового похода, принял крест, откликнувшись именно на обращение Антиохийского Патриарха. Еще в октябре 1187 г., после битвы у Хаттина, Патриарх Амори де Лимож составил послание к королю Генриху II, опередив в своем призыве о помощи других франков Заморской земли. Когда на исходе 1187 г. иерусалимские франки направили архиепископа Жосия Тирского в Рим, к Папе Урбану III,

⁹¹⁹ L'Estoire de Eracles... Lib. XV, c.1, P. 139—140. О погребении Барбароссы в соборе Св. Петра, см. выше: Часть IV, гл. 1, С. 100—105.

⁹²⁰ См. выше: Часть IV, гл. 1, С. 100—105.

посольство латинского Патриарха Антиохии — возглавленное епископами Валани и Джабалы — находились уже при дворе короля Генриха II, во Франции⁹²¹. Здесь налицо мудрый прагматизм латинского Патриарха Антиохии — вместо того, чтобы обратиться к папе римскому и, в свою очередь, ожидать призыва понтифика к монархам христианского мира, Амори де Лимож напрямую обратился к одному из двух могущественнейших государей латинского Запада, уже связанного обязательствами «принятия креста». Как писал Генриху II сам Патриарх Амори, «Поскольку Ты превосходишь всех прочих королей Запада в мудрости, благоразумии и богатствах, мы всегда обращали свой взор к Тебе за помощью, и потому молим Тебя, спешно подай свою мощную помощь Святой земле. Ежели Ты промедлишь, то Гроб Господень, вместе с благородным градом Антиохией и прилегающими землями, будут навеки позорно подчинены чуждым народам»⁹²². Прибытие легатов Антиохийского Патриарха подвигло Генриха II Плантагенета к началу серьезной подготовки к крестовому походу, а старший сын короля — Ричард Львиное Сердце, граф Пуатье, тогда же принес паломнические обеты и принял крест⁹²³. Спустя три с половиной года, будучи уже королем Англии, он, наконец, привел свою армию на помощь Заморской земле.

Короли Франции и Англии и их помощь Антиохии

Прослышав о прибытии короля Ричарда, князь Боэмунд III Антиохийский, совместно со своими сыновьями и королем Ги де

⁹²¹ Епископ Валани — Антерий занимал кафедру примерно с 1163 г. вплоть до 1193 г. Имя епископа Джабалы не сохранилось в источниках. Хотя следует отметить, что этот прелат стал вторым епископом Джабалы, которому доверяли ответственные дипломатические поручения; один его предшественников, епископ Гуго Джабальский совершал путешествие как в стан к византийскому императору (в 1142 г.), так и в Рим — к Папе Иннокентию II (1144 г.).

⁹²² Rogeri de Houedene. *Chronica Magistri Rogeri de Houedene*. — London, 1869. — P. 340—342 (указанный фрагмент см. P. 341); Barber M., Bate K., ed. & trans. *Letters from the East...* №47, P. 85.

⁹²³ О том, что Ричард — граф Пуатье (и будущий король Англии) принял крест еще зимой 1187 г. (т. е. одновременно с прибытием легатов Антиохийского Патриарха), подтверждает «История священной войны» и «О паломничестве и деяниях короля Ричарда». См. Ambroise. *Op.cit.* — P. 3; *Itinerarium Peregrinorum et Gesta Regis Ricardi...* 32.

Лузиньяном отбыл на Кипр, чтобы лично приветствовать его. В последующие недели князь Антиохии и его сын — граф Триполи принимали активное участие в завоевании Кипра; они отбыли к берегам Сирии совместно с королем Ричардом лишь после того, как византийский остров был покорен крестоносцами⁹²⁴. В период военных действий в Палестине при короле Ричарде находился старший сын Бозмунда III и наследник Антиохийского престола — Раймонд, отличившийся в боях с сарацинами⁹²⁵. Сам князь Бозмунд III также лично посещал стан королей Ричарда и Филиппа II Августа, с которыми был связан родственными узами⁹²⁶. Невзирая на то, что в сложном политическом противостоянии, разделявшем участников Третьего крестового похода, князь Бозмунд III явно держал сторону королей Ричарда I Львиное Сердце и Ги де Лузиньяна, он сохранил добрые отношения и с их оппонентом — королем Франции Филиппом II Августом. Последний, перед своим отбытием из Святой земли, совершил путешествие на север — в Антиохию, став вторым и последним французским монархом, посетившим столицу христианской Сирии⁹²⁷.

Более того, король Филипп II Август предоставил князю Бозмунду III значительную часть своего войска для защиты княжества Антиохийского. Согласно «Анналам» Рожера Ховеденского, перед тем как покинуть Святую землю король Франции «дал Бозмунду, князю Антиохии, сто рыцарей и пятьсот сержантов для защиты его земли против язычников; каждому из рыцарей он дал по сорок марок серебра, в качестве жалованья, от дня Св. Михаила до Пасхи. Робер де

⁹²⁴ Подробнее, см. выше: Часть II, гл. 3, С. 100—105.

⁹²⁵ Раймонд Антиохийский был в числе первых прорвавшихся в цитадель во время взятия Дарума (Дейр аль-Балаха), укрепленного города близ Газы (22 мая 1192 г.). См. *Itinerarium Peregrinorum et Gesta Regis Ricardi...* — Lib. V, с.39, P. 355.

⁹²⁶ То, что «Бозмунд, князь Антиохии, отбыл, чтобы навестить своих кузенов — королей Франции и Англии — во время осады Акры», отмечает Продолжатель Гильома (в Лионской рукописи). См. *L'Estoire de Eracles...* — P. 207. Бозмунд III приходился родственником Ричарду I Львиное Сердце по отцовской линии, и Филиппу II Августу — по материнской. Отец Бозмунда III, князь Раймонд де Пуатье был дядей матери Ричарда — Элеоноры Аквитанской; прабабушка Бозмунда III — Констанция, была сестрой короля Людовика VI Толстого, деда Филиппа II Августа.

⁹²⁷ Посещение Филиппом II Августом гавани Св. Симеона и Антиохии относится к августу 1191 г. См. *Roger de Hoveden. Op.cit.* — Vol. II, P. 246; Cahen C. *La Syrie du Nord...* P. 432.

Куинси был назначен их предводителем»⁹²⁸. Ричард Львиное Сердце, со своей стороны, не желал отставать от своего соперника Филиппа II и подал Боэмунду III не менее щедрую помощь: «Король Англии также, в тот же день, даровал князю Антиохии пять великих кораблей, груженных лошадьми, оружием и провизией»⁹²⁹. Получив столь существенные подкрепления, Боэмунд III вновь развернул наступление, надеясь отбить у Салах-ад-Дина потерянные в 1188 г. приморские города и земли.

*Первый поход князя Боэмунда III к Латакии (1191 г.)
и мирный договор с Салах-ад-Дином в Бейруте (1192 г.)*

Еще в 1190 г. князь Боэмунд III издал хартию, фиксировавшую привилегии Генуэзской торговой республики на территории княжества; так, «генуэзцы в городах Антиохии, Латакии и Джабале» получали «права свободной торговли, а также и прочие дары, что закреплено печатью» Антиохийского князя⁹³⁰. Это предоставление прав генуэзцам в занятых мусульманами Латакии и Джабале прямо свидетельствует о решимости Боэмунда III отбить утраченные портовые города и найти для этого подходящих союзников. Получив в августе 1191 г. воинские контингенты, лошадей, доспехи и корабли от королей Франции и Англии, князь Антиохии готов был, наконец, предпринять решительное наступление против Салах-ад-Дина. Однако здесь Боэмунда III вновь ожидало сокрушительное поражение. Согласно книге Баха-ад-Дина: «правитель Антиохии совершил вторжение в земли Джабалы и Лаодикеи и (...) его войска были разгромлены, а сам он был вынужден искать спасения в своем городе, лишившись великого множества воинов и потерпев сокрушительное поражение в своем намерении»⁹³¹. Следующая попытка отбить Латакию будет предпринята антиохийскими франками лишь спустя пять лет и вновь — с печальным для христиан исходом.

⁹²⁸ Roger de Hoveden. Op.cit. — Vol. II, P. 218.

⁹²⁹ Roger de Hoveden. Op.cit. — Vol. II, P. 218.

⁹³⁰ Röhrich R., ed. Regesta Regni Hierosolymitani... №695, P. 185.

⁹³¹ Баха-ад-Дин. Указ. соч. — гл. 125, С. 307. Также, см. Cahen C. La Syrie du Nord... P. 432.

Невзирая на то, что кампании князя Боэмунда III в 1189—1191 гг. не привели к победам или перманентным завоеваниям, военная активность Антиохийского князя в годы Третьего крестового похода — в том числе рейды по восточному побережью Оронта и кратковременный захват Латакии — в известной мере изменили стратегическое положение в пользу христиан. К лету 1192 г., в особенности после тяжелых поражений, нанесенных крестоносцами в Палестине, Салах-ад-Дин явно предпочитал заключить с князем Антиохии мирный договор, дабы обезопасить северо-западные рубежи своих владений и избежать там дальнейших кровопролитных столкновений. О положении княжества Антиохийского и графства Триполи постоянно ходатайствовали вожди Третьего крестового похода, и к моменту заключения мира между крестоносцами и Салах-ад-Дином, в первых числах сентября 1192 г., султан «покаялся (соблюдать мир) с повелителем Антиохии и Триполи, оговорив, однако, что эта его клятва не будет действительной в случае, если этот правитель не принесет аналогичную клятву мусульманам»⁹³².

Этой же осенью Боэмунд III смог добиться важной дипломатической победы. 15 октября 1192 г., в сопровождении всего лишь пяти (или четырнадцати) всадников, он прибыл к султану в Бейрут. Подобная самоотверженность поразила султана и подвигла его на значительные уступки; к тому же, этот жест доброй воли со стороны антиохийских франков явно контрастировал с кампаниями последних двух лет. Здесь нельзя не обратить внимание и на выдержку князя Боэмунда III, отправившегося в стан к человеку, пятью годами ранее лично казнившему его приемного отца. История свидания и мирного договора Салах-ад-Дина и князя Боэмунда III Антиохийского в Бейруте подробно отображена в восточных исторических текстах, в частности — у Баха-ад-Дина, Бар Эбрея и Смбата Спарапета. Наиболее «легендарная» версия изложена в хронике Смбата: «Антиохия страдала от голода, ибо провизия не поступала из-за страха перед султаном. Жители города обратились к князю: «Смотри, мы умираем от голода. Что делать нам?». Князь ответил: «Подождите меня 15 дней, и я дам вам ответ». Князь, взяв с собой пятерых всадников, отправился к Салах-ад-Дину, который стоял лагерем близ Акры. Он достиг входа в его палатку и сказал привратникам: «Скажите султану, что

⁹³² Баха-ад-Дин. Указ. соч. — гл. 171, С. 390.

здесь князь Антиохийский, который желает видеть его». Как только султан прослышал об этом, он немедленно вышел к нему и ввел его за руку в свою палатку и, выказывая уважение, хотел усадить его. Князь же сказал ему: «У меня просьба к Тебе, и сяду я, лишь если Ты удовлетворишь ее». Султан ответил: «Все, что просишь, будет дано Тебе. Скажи, что требуется». Князь молвил: «Я прошу, чтобы Ты даровал мне Антиохию». Султан ответил: «Я дарую ее Тебе. И, более того, я даю Тебе трехмесячный запас провианта — для Тебя, и для Твоего города». Так Боэмунд полностью примирился с султаном и вернулся в Антиохию, и город преисполнился изобилием и едой»⁹³³. Эта история, приведенная на страницах хроники Смбата, при всей своей поэтичности, не столь далека от истины, ибо основные ее положения подтверждены как в «Хронографии» Бар Эбрея, так и в книге Баха-ад-Дина, бывшего очевидцем этой встречи.

Как повествует сиро-яковитский хронист Бар Эбрей, «Заклучив мир (с крестоносцами. — С. Б.) Салах-ад-Дин отправился в Бейрут, и Боэмунд, князь Антиохии, прибыл к нему. Салах-ад-Дин оказал ему великие почести и облачил его и четырнадцать знатных мужей, которые его сопровождали, в царские одежды. И он даровал ему половину доходов с земли Антиохийской, которую захватили арабы. И Салах-ад-Дин дивился князю, который без страха и с полной уверенностью прибыл к нему. И он щедро наградил его за это, и отпустил с миром»⁹³⁴. Если же обратиться к книге Баха-ад-Дина: «Когда султан был в Бейруте, его навестил правитель, повелитель Антиохии, прибывший приветствовать его и заручиться его благосклонностью. Он оказал ему почетный прием и гостеприимно принимал его, даровав ему земли аль-Умк — поля, ежегодно приносившие урожай стоимостью в пятнадцать тысяч золотых динаров»⁹³⁵. То есть, в то время как Смбат приводит историю о насыщении голодающей Антиохии запасами провианта, современник и очевидец переговоров — Бар Эбрей и Баха-ад-Дин приводят более реалистичную историю о возвращении франкам отторгнутых в 1188 г. плодородных территорий и доходов с этих земель, в частности — Антиохийскую равнину (Амьюк), простиравшуюся к северо-востоку от столицы княжества,

⁹³³ Bedrosian R., ed. The Armenian Chronicle of Sempad... P. 92.

⁹³⁴ Bar Hebraeus. Chronography... — P. 394.

⁹³⁵ Баха-ад-Дин. Указ. соч. — гл. 176, С. 401.

к берегам Антиохийского озера. Также под власть франков вернулась и часть земель к югу от Кусаира — в долине Рудж.

Так, благодаря своевременному вмешательству итало-нормандского флота в 1188 г., победам Третьего крестового похода в 1191—1192 гг., а также собственной решимости продолжать войну, резко сменившейся своевременным заключением мирного договора, князь Бозмунд III смог сохранить Антиохийское княжество. Однако даже с учетом удержания Антиохии и возвращения султаном Антиохийской равнины, княжество лишилось более половины своей территории. Сама Антиохия была переполнена баронами, рыцарями и клиром, лишенным своих земель и рассчитывавшим на денежные фьефы, предоставляемые князем. Утверждение своего младшего сына — Бозмунда IV — в графстве Триполи отчасти укрепило положение старого князя Антиохии, однако он по-прежнему не верил в возможность объединения княжества и графства в единое государство; к тому же, между Антиохией и другими франкскими владениями Заморской земли теперь не было безопасного сухопутного сообщения. Между тем, к северу от Антиохии все большую силу набирало другое христианское государство Леванта — Киликийская Армения, — объединенная под властью Рубенидов и входившая в зенит своей мощи и славы.

Глава V

Семьдесят лет борьбы: франки,
ромей и армяне в Сирии и Киликии
(1192—1252 гг.)

Война за антиохийское наследство
и ее последствия для христиан Леванта

I. Королевство Киликийской Армении

Расцвет государства Рубенидов

К концу XII в. Киликийская Армения представляла собой обширное и, в известной степени, разнородное феодальное государство, простиравшееся от рубежей Исаврии на западе до берегов Евфрата на востоке. Столица государства и резиденция государей Рубенидов располагалась в Сисе — к северу от Аданы. Абу-ль-Феда описывает Сис как «великий город Армении. Он стоит на высоком холме, увенчанный замком и тройными стенами. В городе расположены сады и небольшая река. До сего дня он остается столицей королевства Армении»⁹³⁶. Ибн Лаун перестроил его и сделал своей резиденцией»⁹³⁷. Вильбранд Ольденбургский, видевший Сис почти за столетие до времен Абу-ль-Феды, оставляет несколько иное описание города: «Столица королевства, с ее многочисленным и богатым населением, не об-

⁹³⁶ Абу-ль-Феда писал ок. 1321 г.

⁹³⁷ Le Strange G. Op.cit. — P. 538. Под «Ибн Лауном» имеется в виду либо король Левон I Рубенид, или же, буквально — «сын Левона», т. е. современный Абу-ль-Феде сын короля Левона II Хетумида — Хетум II.

несена крепостными стенами. Ее можно было бы считать небольшим городком, а не городом, если бы в ней не находилась кафедра армянского архиепископа. Обитающие здесь греки подчиняются своему Патриарху. На горе расположен прекрасно укрепленный замок, и с ее склона город спускается уступами»⁹³⁸.

Киликийские земли превратились в подлинный духовный и культурный центр армянского народа и Армянской Апостольской Церкви. Кафедра и резиденция католикоса Армянской Церкви по-прежнему располагалась в замке Рум Калаат (Хромкле), даре эдеских франков, лежавшем на берегу Евфрата⁹³⁹. Однако и сами киликийские земли были наполнены армянскими общинами, церквями и монастырями, объединенными в процветающие епархии. В хронике Смбата Спарапета приведен перечень киликийских архиереев Армянской Апостольской Церкви, присутствовавших на коронации и помазании Левона Рубенида в 1198 г. В их числе, помимо католикоса Григория V Апирата, были архиепископы Мамистры, Сиса, Тарса, Аназарва, Лампрона, Габана, восемь епископов, державших кафедры в меньших киликийских городах, а также армянские архиепископы Антиохии и Иерусалима⁹⁴⁰. Среди многочисленных армянских монастырей Киликии нельзя не упомянуть великий монастырь Драцарк, расположенный близ Сиса — обитель, которая славилась и как монашеский, и как интеллектуальный центр молодого армянского царства, а также как место предсмертного пострига и погребения государей династий Рубенидов и Хетумидов (а также нескольких католикосов)⁹⁴¹; благодаря своим скрипториям получили широкую известность обители Карашитав, к югу от Аданы, и монастырь Скевра, близ Лампрона; не менее значимой обителью в XIII-XIV вв. стал основанный Левоном I Великолепным монастырь Акнер близ Аданы.

⁹³⁸ Wilbrandus de Oldenborg. Op.cit. — P. 177.

⁹³⁹ Католикос Армянской Апостольской Церкви перенес свою резиденцию в Сис лишь в 1293 г., с завоеванием Рум Калаата мамлюками.

⁹⁴⁰ Bedrosian R., ed. The Armenian Chronicle of Sempad... P. 95.

⁹⁴¹ Среди погребенных в Драцарке государей были «властители гор» Торос I (1129 г.), Константин II (1130 г.), Торос II (1169 г.), принявший там постриг Рубен III (1187 г.); короли и королевы Киликийской Армении — Изабелла (1252 г.), Хетум I Великий (1270 г.), Левон II Хетумид (1289 г.), Ошин (1320 г.) и его некоронованный брат-близнец Алиах (1310 г.); ряд киликийских католикосов Армянской Апостольской Церкви, в том числе Григорий IV (1193 г.), Григорий V (1194 г.), Константин I (1267 г.).

Покровительство, оказываемое государями Киликийской Армении различным восточно-христианским обителям, хорошо известно. Причем это покровительство распространялось не только на армянские монастыри. Как сказано в Армянской версии хроники Михаила Сирийца, Левон I Великий «обогастил монастыри не только своих подданных (т. е. армян. — С. Б.), но и обители инородных христиан — сирийцев, франков, и даже греков и грузин — не поминая зла, которые те причинили ему, армянскому народу и всем православным (в данном случае — миафизитам. — С. Б.)»⁹⁴². Здесь, бесспорно, проступает не только благочестивый порыв армянских правителей, но вполне разумное стремление заручиться поддержкой и верностью всех народов, населявших Киликию и прилегающие к ней сирийские земли.

***Ромеи и франки в Киликийской Армении. Византийское
и латинское влияние на армян Киликии***

Значительную часть населения Киликии по-прежнему составляли византийские, халкидонские христиане — преимущественно грекоязычные ромеи, но также мелькиты, армяне-халкидониты и грузины. Эти киликийские «ромеи» населяли обширные кварталы богатых городов равнинной Киликии и определенные сельские регионы; им принадлежали многие крепости, деревни, монастыри, церкви. В особенности присутствие киликийских ромеев (греков) было ощутимым в Тарсе, Адане, Селевкии, Мамистре, Аназарве. Там же сохранялись действующие епархии и митрополии православного Антиохийского Патриархата⁹⁴³. Часть баронов (или ишханов) Киликийской Армении составляли представители армяно-халкидонитской и ромейской аристократии. К числу византийских, халкидонских христиан принадлежали семь из тридцати властителей, присягнувших королю Левону I Великому при его коронации, в том числе будущий сенешаль и регент Киликийского

⁹⁴² Michel le Syrien. Chronique de Michel le Grand, Patriarche des Syriens Jacobite. — Venise, 1868. — P. 359.

⁹⁴³ О православных епархиях Киликии см. выше: Часть I, гл. 2, С. 100—105; гл. 3, С. 100—105. Также см. ниже: С. 100—105.

королевства — Адам⁹⁴⁴. Территорию Киликийской Армении заселяли и приходившие из восточных регионов сирийские христиане — как мелькиты, так и сиро-яковиты. Последние сохраняли действующие епархии в Адане, Тарсе, Тель-Хамдуне.

Киликия оставалась притягательным регионом и для изрядного числа франков. Латинские пилигримы периодически проходили по киликийским землям или же преднамеренно направлялись к местным святыням, в особенности — к месту рождения св. Апостола Павла, в Тарс. Франкские рыцари и сержанты притекали на службу к армянским государям Киликии, которые предоставляли им фьефы, жалованье и государственные посты. Если, опять же, обратиться к приведенному в хронике Смбата перечню армянских князей, присягнувших королю Левону в январе 1198 г., примерно восемь принадлежат к числу франкской знати⁹⁴⁵. В XIII в. франкские вассалы короля Киликийской Армении держали такие обширные и центральные сеньории, как Адану⁹⁴⁶. На земли Киликии активно прибывали и представители итальянских торговых республик. Венецианская фактория разместилась в Мамистре; генуэзцы, пользуясь большей поддержкой киликийских монархов, основали свои фактории в Мамистре, Тарсе, Сисе⁹⁴⁷. В XIII-XIV вв. все большее значение приобретал и главный портовый город Киликии — Айяс, располагавшийся в северной части залива Александретты и привлекавший изрядное количество итальянских и франкских купцов. При Левоне I Великом в Киликии начали свое утверждение и военно-монашеские ордена; тамплиеры, госпитальеры, тевтонцы. Причем они получили не только отдельные земельные наделы, доходы и замки, но целые сеньории; к примеру, к концу 1220-х гг. госпитальеры держали Корик и Селев-

⁹⁴⁴ Подробнее об этом см. выше: Часть IV, гл. 2, С. 100—105.

⁹⁴⁵ Бодуэн — властитель Энгузуда; Жоффруа — властитель Шогахана, три Симона — властители Мазот-Хача, Амуда и Корика; Танкред — властитель Габана; Роберт — властитель Тиля; Жослен — властитель Синида; Бодуэн — властитель Андощина и Купа. Подробнее см. Bedrosian R., ed. *The Armenian Chronicle of Sempad...* P. 95. Позднее франкский сеньор был поставлен королем Киликийской Армении и в Адане.

⁹⁴⁶ В 1852 г. Виктор Ланглуа видел в армянском кафедральном соборе Аданы (соборе Пресвятой Богородицы) евангелие XIII в., написанное в 1248 г. по приказу барона Жоффруа, сеньора Аданы. См. Langlois. *Voyage en Cilicie...* — P. 352.

⁹⁴⁷ Подробнее см. работу К. Оттен в книге: Мутафян К. Последнее королевство Армении... С. 121—126.

кию Исаурийскую⁹⁴⁸. Сохранилось достаточное количество хартий армянских государей, фиксирующих привилегии госпитальеров, тамплиеров, тевтонцев, венецианцев, генуэзцев, пизанцев, каталонцев и марсельцев в пределах королевства Киликийской Армении⁹⁴⁹. Для духовного окормления франков и итальянцев Киликии еще при Рубене III (в 1178—1185 гг.) были восстановлены латинские архиепископии Тарса и Мамистры, как и прежде находившиеся в подчинении у Патриарха Антиохии⁹⁵⁰.

Соприкосновение с ромеями и франками играло важнейшую роль в политическом и культурном расцвете Киликийской Армении. Т. С.Р. Боус, в свое время, обратил особое внимание на любовь Левона и киликийских армян к роскошным одеждам, благолепию и пышным процессиям, заимствованным у франков и ромеев, противопоставив подобные устремления аскетизму и бедности армян Кавказа⁹⁵¹. Двор Левона I Великого и его преемников воспроизводил модель придворной жизни франкских государей Заморской земли. При короле были введены заимствованные у франков посты великих сановников — коннетабля, сенешаля, маршала, канцлера; крупные феодалы именовались баронами, сирами, шевалье⁹⁵²; сыновья королей и баронов Киликийской Армении проходили церемонию посвящения в рыцари⁹⁵³. При дворе государя и его баронов

⁹⁴⁸ Подробнее о военно-монашеских орденах в Киликии см. работу Дж. Райли-Смита: Riley-Smith J. The Templars and the Teutonic Knights in Cilician Armenia... P. 92—117.

⁹⁴⁹ В этом отношении бесценным является сборник хартий и комментарии к нему, подготовленный В. Ланглуа и изданный в Венеции в 1863 г. См. Langlois V., ed. Le trésor des chartes d'Arménie, ou, Cartulaire de la chancellerie royale des Roupéniens. — Venise, 1863.

⁹⁵⁰ Архиепископ Тарса — Альберт и архиепископ Мамистры — Варфоломей II выступают в качестве свидетелей на хартии князя Боэмунда III, фиксирующей переход замка Маркаб от семьи де Мазуар к ордену госпитальеров, в 1186 г. См. Röhricht R., ed. Regesta Regni Hierosolymitani... №649, P. 172; Delaville le Roulx J., ed. Cartulaire général de l'Ordre des Hospitaliers... №783. Стоит отметить, что архиепископ Тарса — Альберт (1185—1191 гг.) долгое время оставался канцлером княжества Антиохийского. О восстановлении киликийских епархий латинского Антиохийского Патриархата см. также: Hamilton B. The Latin Church in the Crusader States... c.2, P. 49.

⁹⁵¹ Boase T.S. R., ed. The Cilician Kingdom of Armenia... P. 17—18.

⁹⁵² Dédéyan G. Les listes «féodales» du pseudo-Smbat... — P. 41.

⁹⁵³ В хронике Смбата Спарапета описано торжественное посвящение в рыцари («посаждение на коня») будущего короля Левона II Хегумида в 1252 г. На это посвящение

устраивались рыцарские турниры, в которых участвовали и франки, и обученные искусству джостры армяне и ромеи. Стремление киликийских армян к рецепции и переосмыслению (в контексте национальных традиций) различных элементов латинской и византийской культуры нашло воплощение и в возведении армянского кафедрального собора Тарса.

Собор этот был освящен в честь Св. Апостола Петра и Св. Софии — Премудрости Божией. Здесь явно проступает армянское стремление воспринять византийскую традицию — освящения кафедральных соборов (Никеи, Трапезунда, Охрида, Эдессы, Киева, Новгорода) в честь Премудрости Божией и константинопольской Великой Церкви⁹⁵⁴; но одновременно налицо и желание воспринять особое почитание Св. Петра, которое киликийские армяне XII в. видели у латинян — как в Риме, так и в Антиохии. В 1198 г. именно этот собор служил местом помазания и коронации Левона I Рубенида и последующих монархов (Филиппа, Хетума I, Левона II). Вильбранд Ольденбургский так описывает увиденный им в 1211 г. собор Св. Софии и Св. Петра: «Посреди города стоит главная церковь, посвященная Св. Петру и Св. Софии; она вся покрыта мрамором и драгоценным убранством; в святилище же хранится икона Божьей Матери, которая словно бы написана ангелами. Население этой страны особо почитает этот образ»⁹⁵⁵. Примечательно, что собор Св. Софии и Св. Петра был окружен особым почитанием как армян, так и греков Тарса, приходивших туда на молитву. Чтение Евангелия и части молитв в соборе совершалось на двух языках — армянском и греческом. Причем эти сведения не могут вызывать сомнений, т. к. приведены св. Нерсесом Лампронским — армянским архиепископом Тарса, который, возможно, и ввел подобные «экуменические» порядки в своем кафедральном соборе⁹⁵⁶. Чтения Евангелия на греческом и армянском

своего сына король Хетум I пригласил князя Антиохии-Триполи Боэмунда VI Красивого с его баронами и сановниками, Жюльена — сира Сидона и Марию — графиню Яффы. Подробнее см. Bedrosian R., ed. *The Armenian Chronicle of Sempad*... P. 109.

⁹⁵⁴ Армянский кафедральный собор столицы Киликийской Армении — Сиса был также освящен в честь Св. Софии.

⁹⁵⁵ Wilbrandus de Oldenborg. *Op.cit.* — P. 176. См. также: Langlois V. *Voyage dans la Cilicie*... P. 317—318.

⁹⁵⁶ Nersès de Lampron. *Extraits* // RHC. Arm. I. — Paris, 1869. — P. 596.

во время богослужений в церквях Сиса, в свою очередь, описывает и Вильбранд Ольденбургский⁹⁵⁷.

Коронация Левона I Рубенида

На исходе XII в. держава Рубенидов была признана Апостольским престолом и Священной Римской империей как полноценное «королевство», что вновь указывает на искреннее и усердное устремление киликийских армян к общению с латинским Западом. Папа Целестин III и император Генрих VI Гогенштауфен направили своего легата Конрада Майнцского в Киликию, дабы помазать и совершить инвеституру Левона Рубенида в качестве «короля Армении», вассала Священной Римской империи. «В день Богоявления Господня (6 января 1198 г.) они помазали Левона королем армян, в послушании Римской Церкви и императору германцев»⁹⁵⁸. Впоследствии Левон с гордостью подчеркивал эту связь с латинским Западом, в особенности свой статус одного из вассальных королей Священной Римской империи; в своих посланиях он часто подписывается «Левон, милостью Римского императора, король Армении» (*Levon, per camdem et Romanae imperatoris gratiam, rex Armeniae*)⁹⁵⁹. На своих серебряных драмах он предстает облаченным на западный манер, в латинском венце, с двумя державами, одна из которых увенчана французской лилией (*fleur-de-lis*).

Помазание первого «короля Армении» было совершено в соборе Св. Софии и Св. Петра в Тарсе латинским архиепископом — легатом Папы Целестина III и представителем императора Генриха VI — Конрадом Майнцским; католикос Григорий V Апират возложил на помазанного монарха королевский венец; оммаж королю принесли ишханы или бароны Киликии, в числе которых были армяне, франки, ромеи. На коронации, помимо киликийской знати, епископата Армянской Церкви, также присутствовал сиро-яковитский Патриарх Михаил Сириец, православный митрополит Тарса («греческий Патриарх

⁹⁵⁷ Wilbrandus de Oldenburg. Op.cit. — P. 178.

⁹⁵⁸ Bedrosian R., ed. The Armenian Chronicle of Sempad... P. 95.

⁹⁵⁹ Innocentius III Pontifex Romanus. Epistolae, PL. Vol.215. — №119, c.687.

Тарса», как его именует Кирак Гандзакский)⁹⁶⁰, послы ромейского императора Алексея III Ангела, доставившие для нового монарха драгоценный венец. Присутствие латинских, армянских, византийских и сирийских иерархов на коронации призвано было явственно подчеркнуть объединение всех христиан вокруг нового монарха⁹⁶¹. Спустя тринадцать лет после коронации посетивший Киликийскую Армению Вильбранд Ольденбургский отмечал, что при королевском дворе постоянно находились, помимо армянских архиереев, представители латинского клира, а также православный Патриарх Антиохии — что вновь свидетельствует о том, что армянский монарх стремился выступать в качестве покровителя всех христиан Леванта.

II. Рождение Антиохийской коммуны

Антиохия на границах Киликийской Армении. Захват Баграса

Итак, всего за тринадцать лет (1180—1193 гг.) безвозвратно ушла в прошлое эпоха византийского господства. Антиохийское княжество, как и другие латинские государства Заморской земли, едва не были уничтожены Салах-ад-Дином и сохранены, пусть и в уменьшенном, ослабленном виде, лишь благодаря победам Третьего крестового похода. Место же Ромейской державы — как *христианского* противника, способного поглотить франкскую Антиохию — заняла Киликийская Армения. То, что взоры киликийских государей должны были обратиться к Антиохии — великому, но ослабленному христианскому центру, лежавшему на самых границах державы Рубенидов — было неминуемым. Первые решительные шаги на пути наступления к Антиохии были предприняты Леоном Рубенидом еще в 1191 г., более чем за шесть лет до его миропомазания и коронации. Первой его целью стал замок Баграс. В тот год гарнизон, оставленный Салах-ад-Дином в Багресе, покинул крепость и отступил на восток, частью разрушив доверенное ему укрепление. Согласно «Хронографии» Бар

⁹⁶⁰ Guiragos de Kantzag. Extrait de l'Histoire d'Arménie // RHC Arm. I. — Paris, 1869. — P. 423.

⁹⁶¹ Невероятные успехи Левона на пути объединения и расширения своего государства неминуемо ставили перед ним вопрос о присоединении Антиохии — великого, но крайне ослабленного города, лежавшего на самых границах Киликийской Армении.

Эбрея, когда сарацины покинули замок, «антиохийцы, прослышав об их бегстве, прибыли в Баграс и нашли в цитадели 12,000 мер зерна. Их они отвезли в Антиохию, что было для них великим подспорьем, ибо тогда город страдал от сурового голода. Спустя несколько дней прибыл Левон; он одержал верх над франками и отбил у них Баграс»⁹⁶². Так, Баграс — замок, который с момента своего возведения при Никифоре II Фоке оставался главным укрепленным форпостом на пути к Антиохии и, к тому же, контролировал перевал Аль-Балан (Сирийские врата), главную дорогу из Киликии в приморские области Сирии — перешел под власть Левона Рубенида. Это завоевание Левона обрекало его на новые столкновения с сирийскими франками. Вполне естественно, что ни князь Антиохийский, ни владевшие Баграсом до 1188 г. рыцари ордена тамплиеров не собирались мириться с потерей замка и переходом его к Левону.

Пленение князя Бозмунда III и сдача Антиохии

В 1193 г. князя Антиохии и Киликийской Армении договорились встретиться и обсудить положение спорных территорий; встреча была назначена в самом центре оспариваемых земель, у источников Баграса. Доверительной атмосфере переговоров способствовали родственные отношения, которые, невзирая на прошлые конфликты, установились между Левоном и Бозмундом III⁹⁶³. Оба князя прибыли в сопровождении семей, многочисленной свиты и ближайших соратников. Бозмунда III, помимо его супруги — Сибиллы, сопровождали коннетабль Антиохии — Рауль де Монс, маршал Варфоломей Тирель, камергер князя — Оливье, многие бароны и рыцари княжества. Согласно Лионской рукописи Продолжателя Гильома Тирского: «в Антиохии не осталось практически ни одного значимого, знатного мужа, за исключением Патриарха Амори и Раймонда — старшего сына князя»⁹⁶⁴.

⁹⁶² Bar Hebraeus. Chronography... — P. 389.

⁹⁶³ В 1188 г. Левон Рубенид взял в жены франкскую принцессу Изабеллу, племянницу супруги Бозмунда III — княгини Сибиллы. См. Bedrosian R., ed. The Armenian Chronicle of Sempad... P. 91.

⁹⁶⁴ L'Estoire de Eracles... P. 208.

Как показали последующие события, Левон оказался и хитрее, и сильнее своего старого соперника. Уговорив Боэмунда III осмотреть восстановленные укрепления Баграса, Левон неожиданно пленил как самого Антиохийского князя, так и всех сопровождавших его сановников и баронов. «Когда князь прибыл к источникам Баграса, Лев увидел, что там он не сможет совершить задуманное, поэтому пригласил Боэмунда посетить замок, осмотреть его, отдохнуть там и вкусить трапезу. Князь согласился и вошел в замок. Отобедав и отдохнув, князь отдал приказ седлать лошадей и возвращаться в Антиохию, но один из его людей сказал, что лошади конфискованы армянами. CLIII. Тогда Лев, расставивший тяжело-вооруженных воинов во всех концах замка, подошел к князю. Тот, увидев предательство Льва, обратился к нему со словами: «Что это значит, Лев? Я взят в плен?». Тот ответил «Да, ты пленен, ибо я хочу получить Антиохию, которую ты столько раз обещал передать мне. Ты получил от меня великое богатство. Я также хочу напомнить Тебе, как ты вероломно пленил моего брата — Рубена, когда пригласил его приехать в Антиохию и разделить с тобой трапезу. Ты бросил его в темницу, ты отнял все его сокровища и не отпускал его до тех пор, пока он не согласился передать Тебе все земли между рекой Джихан и рубежами Баграса. Именно по этой причине я хочу, чтобы Ты, наконец, передал мне Антиохию и те сокровища, которые ты исторгнул у моего брата. Поверь, что иначе тебе не вырваться от меня»⁹⁶⁵. (...) CLIV. Услышав эти слова, князь сказал: «Кто же сдаст Тебе Антиохию, покуда я остаюсь Твоим пленником? Отпусти меня, и я отдам Тебе город». Лев ответил: «Я не позволю Тебе уйти. Отправь своих людей, плененных вместе с Тобой, и пусть они передадут город моим посланцам. Когда это будет сделано, Ты обрешь свободу». Князь согласился, и приказал Ричарду де Л'Эрминету и маршалу Варфоломею отправиться в Антиохию и передать город под власть Льва. Лев же отправил с ними знатного мужа из Верхней Армении — Хетума Сасунского»⁹⁶⁶.

При этом сирийские хронисты — Михаил Сириец (оставивший лишь краткое упоминание о событиях 1193 г.) и Бар Эбрей (который, напротив, в подробностях не уступает Продолжателю

⁹⁶⁵ О пленении Рубена III князем Боэмундом III было сказано выше, см. С. 100—105.

⁹⁶⁶ L'Estoire Eracles. — P. 207—208.

Гильома) — отмечают, что Левон подверг плененного Боэмунда III суровым пыткам. «Армяне схватили князя и заковали его в кандалы, и набросили железные цепи на его жену и сына. И он (Левон. — С. Б.) со всей жестокостью пытал его, в отместку за то, как сам князь некогда пытал Рубена, брата Левона»⁹⁶⁷. Примечательно также, что и Продолжатель Гильома, и армянский хронист Смбат Спарапет признают факт измены жены Боэмунда III — княгини Сибиллы де Бурзей, описывая ее сговор с Левоном⁹⁶⁸. Мотивом, очевидно, было желание Сибиллы возвести своего сына — Гильома на княжеский престол Антиохии (пусть и в качестве вассала Левона), в обход законных наследников, т. е. старших сыновей Боэмунда III. Оказавшийся беззащитным пленником, Боэмунд III принужден был под пыткой согласиться на сдачу своей столицы «властителю гор», государю Киликийской Армении. Это событие стало определяющим для последующего развития отношений между латинянами, ромеями и армянами в Антиохии и северной Сирии.

⁹⁶⁷ Bar Hebraeus. Chronography... — P. 398. См. также Michel le Syrien. Op.cit. — Vol. III, Lib. XXI, c.8, P. 411.

⁹⁶⁸ По словам Продолжателя Гильома, «Ранее, когда Боэмунд, князь Антиохийский, покинул свой город и отправился на юг, чтобы повидать своих кузенов — королей Франции и Англии, осаждавших Акру, его жена — Сибилла, которая была женщиной злой, сблизилась с Львом — властителем гор и сиром Армении, и обсуждала с ним способы, благодаря которым тот мог пленить ее мужа. Она пошла на это потому, что ее супруг был беден и погряз в долгах, а также потому, что у князя была еще одна супруга, а на Сибилле он женился вопреки законам. Лев же обещал, что женится на ней, и что он будет держать ее прежнего мужа в заключении до тех пор, пока тот не согласится передать Антиохию ее сыну — Гильому, назвав его своим наследником и лишив наследства своих собственных сыновей (т. е. Раймонда и Боэмунда IV. — С. Б.)». См. L'Estoire Eracles. — P. 207.

Согласно хронике Смбата: «В 642 году армянского летоисчисления (1193 г.), князь (Боэмунд III. — С. Б.), возвратившись от Салах-ад-Дина, призвал к себе свою супругу и стал советовать с ней о возможности пленения Левона, на что княгиня ответила: «Не совершай вероломства, ибо Левон — мой зять. Он в любой момент может прийти на помощь, и Тебе не выстоять без него в Твоих войнах». Но князь не отказался от своих коварных намерений и отправил к Левону гонцов, приглашая его прибыть в Антиохию. Когда Левон прибыл в Баграс, княгиня тайно сообщила ему о злом намерении своего мужа. Тогда Левон предложил князю прибыть вместе с княгиней в Баграс, чтобы там сперва угостить их, и лишь затем, вместе, войти в Антиохию. Боэмунд III охотно откликнулся на предложение, а Левон — вышел к нему навстречу и с почестями препроводил в Баграс. Там он арестовал князя, увез его с собой в Сис и велел бросить с темницу, под надежную стражу». См. Bedrosian R. The Armenian Chronicle of Sempad... — P. 93.

Восстание в Антиохии

К Антиохии был отослан многочисленный контингент армянских войск под командованием доверенного лица Левона — князя Хетума Сасунского. Во главе отряда ехали плененные франки: маршал Антиохии Варфоломей Тирель и один из княжеских рыцарей Ричард де Л'Эрминет. Войска Левона въехали в Антиохию, заняв главные ворота города — Мостовые врата и княжеский дворец. Сам Хетум со свитой предпочел остаться за пределами городских стен, близ церкви Св. Юлиания, ожидая полного подчинения города. Однако здесь армян ждало жестокое разочарование. Бескровная и победоносная оккупация города вызвала неожиданное стихийное восстание населения Антиохии. Если верить старофранцузской хронике Продолжателя Гильома, восстание разразилось в самом дворце, когда княжеские слуги и домохозяева бросились на воинов Хетума, услышав, как один из армян непочтительно отозвался о св. Иларии, в честь которого была освящена дворцовая капелла Антиохийских князей. «После того, как рыцари вошли в город, они заняли Мостовые ворота и вошли во дворец. Когда они въехали во двор княжеского дворца, евнух — бывший одним из тех, кого Хетум направил в город, увидел часовню, которую князь Раймонд построил в честь Святого Илария из Пуатье.

Увидев часовню, евнух спросил находившихся там, что это за здание. Когда ему ответили, что эта часовня Св. Илария, он сказал: «Мы не знаем, кто такой Св. Иларий. Но мы освятим эту часовню заново и назовем ее часовней Св. Саркиса»⁹⁶⁹. Сбив на землю армянского евнуха, один из княжеских слуг воскликнул: «Сиры! Как вы можете терпеть этот позор? Как мы можем допустить, чтобы Антиохию отобрали у нашего князя и его наследников и передали ее этому презренному народу — армянам!» (...) другие княжеские слуги крикнули: «К оружию!», и весь народ, все жители города, все как один, бросились к Мостовым воротам и заняли их, пленив всех армян, которых Левон направил для взятия Антиохии»⁹⁷⁰.

Это спонтанное восстание имело принципиальное отличие от беспорядков, вспыхнувших в Антиохии в 1138 г., когда у стен города

⁹⁶⁹ L'Estoire de Eracles... — P. 208.

⁹⁷⁰ L'Estoire de Eracles... — P. 208—209.

стояла армия ромейского василевса Иоанна II. Если тогда латинское население Антиохии, бросив вызов василевсу, отчаянно громило греческие кварталы, то теперь франкские, греческие, сирийские и итальянские горожане, объединившись, встали на защиту города, выказывая перед лицом армянской экспансии то единение, которого и в помине не было даже в годы тюркских осад Антиохии (в 1119, 1149 и 1164 гг.). Фактически, восстание 1193 г. перечеркнуло все годы прошлого недоверия, столь явственно проступавшего в отношениях между латинским и восточно-христианским населением города. Продолжатель Гильома ясно говорит о том, что «весь народ, все жители города, все как один» встали на защиту Антиохии. Вряд ли старо-французский хронист имел в виду лишь франков и итальянцев, т. к. в прошлом латинские авторы открыто писали о том недоверии, которое разделяло франков и численно преобладавшее восточно-христианское население города во время предшествующих осад Антиохии. Антиохийские франки, никогда не составлявшие большинства среди городского населения, должны были встретить поддержку со стороны более многочисленных греков и сирийцев, чьи общины по-прежнему играли важнейшую роль в экономической жизни Антиохии. Среди инициировавших восстание княжеских слуг и домочадцев, вне всякого сомнения, могли быть греки и сирийцы, особенно если принять во внимание, что они могли занимать посты дуки, виконта, камергера и магистра секрета⁹⁷¹.

К вопросу об обоюдной ненависти ромеев и армян. Предшествующие столкновения между ромеями и армянами в Антиохии (978, 1076 гг.)

У антиохийских греков и мелькитов были все основания противостоять утверждению киликийских армян; антагонизм между ромеями и армянами в Малой Азии и Леванте хорошо известен. Достаточно вспомнить истории о последнем из армянских монархов Великой Армении — царе Гагике II Багратиде. Гагик II, лишенный своего царства и получивший от ромейского василевса земли в Каппадокии (фемы Харсиан и Ликанд), сохранял пламенную ненависть к ромеям;

⁹⁷¹ О роли греческих и мелькитских сановников, раисов и зажиточных горожан в Антиохии и Триполи см. выше: Часть IV, гл. 2, С. 100—105.

он, в полной мере, дал волю этим чувствам под конец своей жизни, когда, во главе своей свиты и последователей, стал совершать рейды по византийской Каппадокии. Царь позволял своим воинам совершать массовые убийства и изнасилования в ромейских селениях. Гагик II пленил и митрополита Марка Кесарийского, известного своей ненавистью и презрением к армянам; митрополит даже именовал своего пса «Армянином». Прознав об этом, Гагик II велел связать митрополита в одном мешке с собакой, так что несчастный архиерей был загрызен собственным псом. В итоге, в 1080 г. сам царь Гагик II был схвачен и вероломно убит во время переговоров с местными ромейскими архонтами, которые вывесили его тело со стен крепости Кибистра. Спустя несколько дней его сняли, передали армянам и перезахоронили в монастыре Пецу⁹⁷².

Набеги царя Гагика II были далеко не единственными актами армянской агрессии, которые запомнились бы византийским христианам Малой Азии и Леванта. Можно вспомнить о великом разграблении Кипра, учиненном князем Рено Антиохийским и его союзником — Торосом II Рубенидом. Тогда «храбрый Торос» велел отрезать носы плененному греческому духовенству в отместку за смерть своего отца и брата, которые умерли в византийском плену⁹⁷³. Младший брат Тороса II — Стефан совершал опустошительные набеги на ромейские и тюркские земли. Как повествует Смбат Спарамет, «брат Тороса, Стефан, сын Левона, движимый своей злобной природой и без всякого одобрения своего брата Тороса, восстал с отрядом воинов и стал успешно отвоевывать земли»⁹⁷⁴. В итоге он был приглашен Андроником Комниным, дукой Тарса и будущим императором, на пир, где был предательски убит. Тело Стефана, согласно хронике Михаила Сирийца, вышвырнули из городских врат⁹⁷⁵. Это вызвало новую череду военных столкновений между ромеями и армянами в Киликии.

Поистине удивительно, что сын Стефана — Левон Рубенид, невзирая на то, что его собственный отец был зверски убит ромейскими

⁹⁷² Boase T.S. R., ed. *The Cilician Kingdom of Armenia...* P. 3 (с указанием дальнейших источников).

⁹⁷³ О разорении Кипра князем Рено де Шатильоном и Торосом II Рубенидом см. выше: Часть III, гл. 3, С. 100—105.

⁹⁷⁴ Bedrosian R., ed. *The Armenian Chronicle of Sempad, or of the «Royal Historian»...* P. 79.

⁹⁷⁵ Michel le Syrien. *Op.cit.* — Vol. III, Lib. XVIII, c.8, P. 319.

воинами, в полной мере воздерживался от какой-либо агрессии против византийского (греческого и мелькитского) населения Киликии и северной Сирии. До нас не дошло ни единого упоминания о том, чтобы Левон предпринимал бы карательные набеги против ромейских поселений или православных монастырей Киликии. Напротив, автор армянской версии хроники Михаила Сирийца с удивлением отмечает редкую доброту и щедрость Левона в отношении халкидонитских (греческих, грузинских, мелькитских) монастырей и общин Киликии. Опять же, напомним, что в составе войск Левона были исключительно ромейские части, которым Левон подчас поручал важные укрепления, такие как цитадель Мамистры. Среди великих сенюров его королевства были ромейские и армяно-халкидонитские князья. Его ближайшим соратником и коннетаблем был халкидонит — Адам. В этом отношении Левон Рубенид (или, как он был известен с момента коронации — король Левон I Великий), действительно был монархом, способным объединить армян, франков и греков Киликии и северной Сирии в единое, благоденствующее государство.

Однако население Антиохии, в особенности — греческих и латинских горожан — эти качества армянского монарха мало волновали. В городе исторически противились усилению армянского влияния, в равной степени невыгодного грекам, мелькитам, сирояковитам, а теперь еще и латинскому бюргерству. Тем более, что греки и мелькиты Антиохии отлично помнили о том, как их отцы проливали кровь при предшествующих попытках утверждения армянского господства над городом. Первая попытка армянских воинов и переселенцев захватить власть в Антиохии имела место еще в 978 г., в правление Василия II Болгаробойцы. Как известно, эта попытка была, после упорных боев, подавлена магистром Убейда-аллахом, вставшим во главе ромейских войск и взявшимся за оружие греческого и сирийского населения⁹⁷⁶. Спустя почти столетие, в 1076 г. население и ромейская знать Антиохии восстала против присланного в город дуки — Васака Пахлавуни, бывшего армянином-миафизитом. Сам Васак был убит при въезде в Антиохию, а его войска — осаждены восставшим населением в цитадели. В итоге, принявший власть над городом Филарет Варажнуни (невзирая на свое халкидонское вероисповедание), инициировал массовое избиение ромейской знати и воинства Антиохии,

⁹⁷⁶ Подробнее см. Часть I, гл. 3, С. 100—105.

в отместку за убитого Васака⁹⁷⁷. Эта «армянская» бойня антиохийских ромеев вряд ли была забыта жителями города. В 1193 г. как возмущенные позорным пленением своего государя франки, так и движимые исторической ненавистью к идее армянского господства греки и сирийцы, в едином порыве обрушились на прибывшие в город войска «властителя гор».

Провозглашение Антиохийской коммуны

Изгнав отряды Хетума Сасунского, восставшие сошлись в соборе Св. Петра. «Они собрались в соборной церкви Антиохии, и Патриарх Амори возглавил их собрание. Проведя совет, они решили создать коммуну, чего еще никогда не бывало на той земле. Коммуна, основанная антиохийцами в те годы, существует и по сей день»⁹⁷⁸. Так родилась первая коммуна в истории Заморской земли. Как отмечал Каэн, Антиохийская коммуна была «старшей из трех коммун франкской Сирии, на сорок лет опередив другие муниципальные образования Заморской земли»⁹⁷⁹. В 1231 г. коммуна сформировалась в столице Иерусалимского королевства — Акре, а в 1288 г., после смерти князя Бозмунда VII, еще одна коммуна возникла в Триполи, на самом закате правления франков в континентальном Леванте.

Кстати, вероятней всего старофранцузский хронист допускает ошибку, когда говорит о том, что при провозглашении коммуны председательствовал Патриарх Амори. Следует полагать, что латинским Патриархом Антиохии, возглавившим первое собрание коммуны, был не Амори де Лимож, а его преемник — Рауль II (1193—1196 гг.). Согласно хронике Михаила Сирийца, Патриарх Амори умер как раз в 1193 г., в год провозглашения Антиохийской коммуны. Тогда же на антиохийскую кафедру Св. Петра заступил его

⁹⁷⁷ См. выше: Часть I, гл. 3, С. 100—105.

⁹⁷⁸ L'Estoire de Eracles... — Р. 209. Несколько более краткое описание пленения Бозмунда III и провозглашения Антиохийской коммуны приведено в другом варианте хроники Продолжателя Гильома — рукописи Кольбер-Фонтенбло. См. L'Estoire Eracles... Р. 213—214.

⁹⁷⁹ Cahen C. La Syrie du Nord. — с.3, Р. 584.

преемник — Патриарх Рауль II. Если же принять во внимание, что Амори умер в крайне преклонном возрасте (ему было более 80 лет), то многие исследователи (Гамильтон, Эдбурри), склонны считать, что Патриархом, председательствовавшим при провозглашении коммуны, все-таки был Рауль II, который всегда остается в тени своего великого предшественника⁹⁸⁰.

Различие интересов франкского бюргерства и нобилитета в Антиохии

Основание Антиохийской коммуны представляет собой, пожалуй, самый удивительный (причем исключительно светский) аспект соприкосновения латинских и византийских христиан на землях Леванта. Одновременно это и один из наиболее ярких примеров групповой самоидентификации исключительно по сословному признаку. Многонациональное население Антиохии неожиданно проявило готовность защищать франкское правление, с которым уже был связан устоявшийся торговый, экономический и межконфессиональный баланс, изменение которого в равной степени угрожало и антиохийским грекам, и сирийцам, и латинянам. Восстание 1193 г. было делом рук горожан, а не знати; именно горожане смогли консолидироваться и единодушно встать на защиту своего жизненного уклада, своих цехов, мастерских и виноградников, перед лицом политической, военной и экономической экспансии Киликийской Армении.

В то же самое время, представители франкского нобилитета не только не выказали подобного единодушия, но многие из них готовы были поддержать притязания Левона Рубенида. И если эти симпатии не проявились еще в полной мере в 1193 г., то им суждено было играть все большую роль в последующие годы борьбы за Антиохию. Начиная еще с 1180-х гг. и вплоть до первой четверти XIII в. многочисленные сирийские бароны и рыцари покидали двор Антиохийского князя и переходили на службу к государю Армении. Среди тех франкских баронов и рыцарей Киликии, о которых мы писали выше, многие были выходцами из пределов Антиохийского

⁹⁸⁰ Edbury P., ed. *The Conquest of Jerusalem and the Third Crusade*. — P. 130; Hamilton B. *The Latin Church in the Crusader States*. — P. 213—214.

княжества. О масштабах этого оттока антиохийских франков на службу к армянским государям свидетельствует хроники Гильома Тирского и Смбата Спарапета. Гильом Тирский пишет о том, что после окончания Антиохийской междоусобицы 1181 г. некоторые высшие сановники и рыцари, отказавшиеся принимать новую супругу своего государя — Сибиллу — отбывали в Киликию. В их числе был коннетабль Антиохии — Гвискар де Иль, камергер Боэмунда III — Бертран, рыцарь Герэн Гейнар. Все они нашли прибежище при дворе «властителя гор» Рубена III⁹⁸¹. В хронике Смбата Спарапета приведены имена антиохийских баронов и рыцарей, получивших земли в Киликии и присягнувших Левону Рубениду после смерти князя Боэмунда III. После кончины старого князя (т. е. после 1201 г.), по словам Смбата, «многие рыцари перешли на службу к королю Левону, и с ними пришли их князья; Оливье камергер, Рожер де Монс, Луард, Фома Малобрюн, Боэмунд Лаир и Гильом де Иль. С этими доблестными воинами и рассудительными князьями Левон часто выступал против врагов»⁹⁸².

Тяготение и симпатии представителей антиохийского нобилитета к сильному, признанному папой и императором монарху вполне естественны. Вассальная зависимость от армянского короля не затрагивала коренных аспектов их идентичности, т. к. они могли свободно оставаться в лоне латинской Церкви, сохранить свой язык, обычаи и культуру. В то же самое время Левон мог предоставить им богатые фьефы на землях нагорной или равнинной Киликии, дабы перешедшие к нему на службу франки действительно чувствовали себя баронами, а не связанными присягой людьми, утратившими свои земли и сидящими на скудных денежных фьефах в Антиохии. То есть в данном случае мы видим разделение среди франков Антиохии исключительно по сословному признаку. Антиохийские бароны и рыцари, дабы оставаться полноценным нобилитетом, тяготели к союзу с армянским королем; латинские бюргеры, дабы сохранить свои дома, цеха и коммерческие интересы, предпочли консолидироваться с греческими и сирийскими горожанами Антиохии, причем на основе перенятой от итальянских городов идеи коммуны.

⁹⁸¹ Guillaume de Tyr. Op.cit. — Lib. XXII, c.7, P. 1074.

⁹⁸² Bedrosian R., ed. The Armenian Chronicle of Sempad... P. 97.

**Консолидация горожан Антиохии. Антиохийская коммуна
как яркий пример коллективной самоидентификации**

Истоки этой спонтанной самоидентификации горожан Антиохии можно усмотреть в свойственной им культурной картине мира, центральным аспектом которой оставалось противостояние родного города и внешнего окружавшего пространства. На протяжении нескольких поколений антиохийские греки, сирийцы и латиняне рождались, жили и умирали в пределах великого восточного города. В этом городе располагались их мастерские и цеха, где они, как и их предки, производили ткани, стекло, кожи, ювелирные изделия, благовония, керамику и прочие столь востребованные товары. Там же находились их приходские церкви и святыни. Несмотря на разнородный состав населения, жители города вынуждены были объединяться как во время бедствий, так и во время общегородских торжеств. Во время землетрясений они собирались на площади перед кафедральным собором Св. Петра, вознося молитвы и выслушивая указания латинских духовных и светских властей. Во время засухи и в преддверии урожая жители города собирались близ греческой церкви Пресвятой Богородицы и совершали крестный ход вокруг городских садов и полей, неся пред собой чудотворную, хранимую греками и мелькитами икону Пречистой Девы. Все население обязано было встречать христианских государей, когда те совершали триумфальный въезд в город (будь эти государи франкскими князьями Антиохии, королями Иерусалимскими или василевсами Ромейской державы). Наконец, лишь за стенами города жители Антиохии могли чувствовать себя огражденными от опасности, т. к. во всем средневековом мире, и особенно — на Латинском Востоке набеги и разорения сельской местности были частым, почти регулярным явлением.

Как и для любого человека средневековья, внешний мир для антиохийца (будь он франком, сирийцем, греком или армянином) представлял собой то пространство, где покинувшему дом путнику нечего ожидать, кроме опасностей, исходивших от кочевников, разбойников, голода, нищеты и диких зверей. Конечно же, горожане знали множество вполне «благих» и даже — кровно необходимых контактов с внешним миром, лежавшим за пределами Антиохии и ее земель. С Востока в город доставлялись благовония, специи, металлы и прочее сырье,

которое, в отличие от шелка, керамики и стекла, не производилось в Антиохии и было необходимо как купцам, так ремесленникам города. При этом Антиохия служила одним из крупнейших рынков сбыта, которые знала средневековая Сирия. Следовательно, важнейшим источником достатка городских мастеров (будь они ткачами, ювелирами или стеклодувами), были приезжие (в особенности — западные, итальянские) купцы, готовые купить их товар и доставить его на далекие рынки Востока и Запада, порождая спрос на антиохийские изделия. Так, антиохийцы охотно принимали как арабских купцов, доставлявших и продававших нужное горожанам сырье и различные предметы, так и итальянских колонистов, выкупавших городские товары и вывозивших их на рынки Западной Европы. Церкви и монастыри, гостиницы и таверны, бани и бордели города также черпали заметную часть своих доходов от паломников и странников, прибывавших в Антиохию. Однако антиохийцы видели и иную сторону внешнего мира — когда у стен Антиохии лагерем становились тюркские, ромейские или армянские армии, разорявшие городские земли, сады и деревни, а также (с большей или меньшей ожесточенностью) шли на штурм самой столицы христианской Сирии⁹⁸³.

При этом жителям Антиохии не так уж важно было, кто именно разорял их хлебные поля, мельницы, фруктовые сады, оливковые рощи и виноградники; вне зависимости от того, было ли это делом рук сельджукских, ромейских и армянских воинов, это в равной степени било по достатку и дальнейшему существованию горожан. Подобные испытания, в сочетании с активной коммерческой и ремесленной деятельностью и почти вековым сосуществованием под франкским правлением, в итоге привели к консолидации и самоидентификации антиохийских франков, греков и сирийцев как *горожан*, как «коммуны» Антиохии. Консолидируясь перед лицом нового внешнего врага (Левона), горожане Антиохии исходили прежде всего из своей принадлежности к городу, его укладу, хозяйственной и коммерческой жизни; это чувство принадлежности к городу перевешивало все прочие связи и, в конечном итоге, определило исход самоидентификации жителей Антиохии.

⁹⁸³ Так было во время тюркских осад 1098, 1119, 1149 и 1164 гг., во время византийских осад 1137, 1142 и 1144 г., во время осады города Салах-ад-Дином в 1188 г., во время армянских походов 1193, 1201, 1205, 1208 и 1216 гг., и, конечно же, в период финальных, мамлюкских осад Антиохии — в 1262, 1266 и 1268 гг.

Первые деяния коммуны. Освобождение Боэмунда III. Новый договор между правителями Антиохии и Киликийской Армении

Объединившись, латинские, греческие и сирийские горожане стали играть доселе невиданную роль в жизни Антиохии и ее княжества. Первым деянием коммуны стало «вручение» власти над княжеством старшему сыну Боэмунда III — Раймонду, которого нарекли балы Антиохии. «Проведя совет, антиохийцы обратились к Раймонду — старшему сыну князя и сказали ему, что они хотят видеть его господином города, до тех пор, пока его отец не обретет свободу»⁹⁸⁴. Для того, чтобы осознать всю значимость и революционность этого события, стоит напомнить, что доселе в княжестве Антиохийском существовала строжайшая традиция наследственной власти. Князь Антиохии, в отличие от королей Франции, Кипра и Иерусалима, не нуждался в том, чтобы его кровное право на престол подтверждали бароны; тем более он не нуждался в одобрении палаты бургес. Ситуация, когда депутация франкских, греческих и сирийских горожан приходит к наследнику престола и говорит ему о том, что «они хотят (!) видеть его господином города» была бы немыслимой. Однако ни Раймонд, ни бароны не были в положении оспаривать прав восставших горожан — они могли лишь заручиться поддержкой коммуны и держать оборону Антиохии. Левон, откликнувшись на призыв Хетума Сасунского, совершил рейд по окрестностям Антиохии, но, убедившись в невозможности с боем взять город, удалился за горы Аманоса. Плененный Боэмунд III был доставлен в столицу Киликийской Армении — Сис и заточен в цитадели.

Между тем коммуна, латинский Патриарх Рауль II и принявший пост балы Антиохии — Раймонд обратились за поддержкой к другим франкским государям Леванта. Первым на помощь к своему старшему брату прибыл граф Боэмунд IV Триполийский. В начале следующего, 1194 г., братья обратились к правителю Иерусалимского королевства — Генриху Шампанскому, который лично прибыл в Антиохию со своей свитой и рыцарями. Как повествует Лионская версия хроники Продолжателя Гильома, «В год 1194 г. от Воплощения, Патриарх Амори Антиохийский и сын новья князя — Раймонд и Боэмунд, отправили прошение графу Генриху, призывая его прийти и освободить их отца из темницы Льва (...) Генрих

⁹⁸⁴ L'Estoire de Eracles... — P. 209.

прибыл в Антиохию, где был принят с великими почестями. Там он и Патриарх провели совет с сыновьями князя об освобождении их отца. После этих обсуждений граф покинул Антиохию и отправился в Армению. Лев выступил, чтобы встретить его, принял его с почестями и препроводил в град Сис»⁹⁸⁵. Вполне естественно, что «властителю гор», рассчитывавшему на интенсивные контакты с латинским Западом, крайне невыгодно было сталкиваться с объединенными силами всех франков Заморской земли. Во время переговоров с правителем Иерусалимского королевства Левон пошел на значительные уступки⁹⁸⁶.

Было достигнуто соглашение, согласно которому князь Боэмунд III получал свободу, отрекаясь от каких-либо прав на земли Киликийской Армении; Левон, в свою очередь, отказывался от прямых военных посягательств на Антиохию. Более того, новый мир между правителями Антиохии и Киликийской Армении был скреплен династическим союзом. Как сказано в хронике Смбата Спарапета: «они заключили брачный союз. Левон отдал дочь своего брата Рубена — Алису, вдову Хетума Сасунского, в жены Раймонду, старшему сыну князя (Боэмунда III Антиохийского. — С. Б.). При этом они заключили договор, согласно которому ребенок мужского пола, рожденный от этого брака, станет наследником и преемником Левона, а его отец — Раймонд станет, после смерти своего отца, господином Антиохии. Договор был скреплен как текстом, так и взаимной клятвой»⁹⁸⁷.

В том же 1194 г. граф Генрих Шампанский и освобожденный князь Боэмунд III торжественно вернулись в Антиохию. Тогда же наследник Антиохийского престола — Раймонд отбыл на север, в Сис, ко двору Левона, где сочетался браком с Алисой, овдовевшей дочерью Рубена III⁹⁸⁸. Спустя

⁹⁸⁵ L'Estoire de Eracles... — P. 210—211; Edbury P., ed. The Conquest of Jerusalem and the Third Crusade. — P. 131—132.

⁹⁸⁶ Решающую роль Генриха Шампанского в переговорах с Левоном и последующем освобождении князя Боэмунда III отмечают сирийские хронисты — Михаил Сириец и следующий его хронике Бар Эбрей. См. Michel le Syrien. Op.cit. — Vol. III, Lib. XXI, c.8, P. 411; Bar Hebraeus. Chronography... — P. 380.

⁹⁸⁷ Bedrosian R., ed. The Armenian Chronicle of Sempad... P. 93; L'Estoire de Eracles... — P. 211; Edbury P., ed. The Conquest of Jerusalem and the Third Crusade. — P. 132.

⁹⁸⁸ Первым супругом Алисы был вышеупомянутый Хетум Сасунский, стоявший во главе армянских войск при неудачной попытке занять Антиохию в 1193 г. Он погиб при загадочных обстоятельствах в том же 1193 г., своей смертью открыв Левону возможность для новых путей присоединения Антиохии, теперь уже через династический брак.

четыре года, в 1198 г., Раймонд скоропостижно скончался, оставив свою супругу Алису беременной. Уже после смерти супруга Алиса родила сына — получившего двойное имя — Раймонд (в честь своего отца и прадеда) и Рубен — в честь своего деда по материнской имени. Этому ребенку суждено было стать наследником Антиохии и Киликийской Армении; в борьбе за объединение королевства Армении и княжества Антиохийского и пройдет вся жизнь этого воина и государя. Если вновь обратиться к хронике Смбата: «Сын князя Антиохийского (Раймонд. — С. Б.) остался при дворе Левона. Прожив там несколько лет, он внезапно умер. Вскоре после этого его жена, которая была беременна, родила очень красивого мальчика, и князь Левон возрадовался, т. к. у него не было собственного сына и наследника. Левон заботился и воспитывал его, как сына, и, крестив, назвал его в честь своего брата — Рубеном»⁹⁸⁹.

Примечательно, что с возвращением князя Боэмунда III в Антиохию коммуна не только не разошлась и не уступила место двум «палатам» (Высокой палате баронов и палате бургес), напротив — на закате правления старого князя она стала играть все более заметную роль в жизни франкской Сирии.

III. Война за Антиохийское наследство.

Первая стадия (1198—1207 гг.)

Кампании франков на сиро-ливанском побережье (1197 г.). Франкское завоевание Сидона, Бейрута и Гибелета. Второй поход князя Боэмунда III к Латакии

Годы, последовавшие за освобождением князя Боэмунда III, были сопряжены с несколькими успешными военными кампаниями и укреплением положения франков Заморской земли. В 1197 г. на Восток прибыли многочисленные контингенты «германского крестового похода», во главе с канцлером Священной Римской империи (и по совместительству — папским легатом) архиепископом Конрадом Майнцским. Еще до вступления германских крестоносцев в Сирию и Палестину представитель императора Генриха VI Гогенштауфена — епископ

⁹⁸⁹ Bedrosian R., ed. The Armenian Chronicle of Sempad... P. 93.

Конрад Хильдесхаймский⁹⁹⁰ совершил в Никосии помазание и коронацию Амори де Лузиньяна — первого короля Кипра. С этого момента покоренный франками Кипр получило статус полноценного королевства, вассального Священной Римской империи⁹⁹¹.

Вскоре войска «имперского» крестового похода стали переправляться на континент, в пределы Иерусалимского королевства. Амори II де Лузиньян, получивший при поддержке германцев (и посредством брака с вдовствующей королевой Изабеллой) еще и Иерусалимский престол, обратился к завоеванию приморских сир-ливанских городов, оставшихся еще в руках мусульман. Германские крестоносцы, поддержанные войсками короля Иерусалима и Кипра, заняли брошенный и разрушенный мусульманами Сидон; вскоре, после кратковременных боев, в их руки перешел и Бейрут⁹⁹². Оба города отошли к королю Амори II, который передал их представителям знатных палестинских феодальных династий; Сидон, бывший одной из четырех великих сеньорий королевства Иерусалимского, вновь отошел к роду Гранье, вернувшись под власть своего старого господина — Рено⁹⁹³. Бейрут, спустя семь лет после своего завоевания, был передан, в качестве фьефа, Жану I Ибелину, новому коннетаблю Иерусалимского королевства, старшему сыну защитника Иерусалима Балиана

⁹⁹⁰ Его не следует путать с Конрадом Майнцским.

⁹⁹¹ Амори де Лузиньян — бывший некогда коннетаблем Иерусалима, наследовал своему младшему брату Ги — лишенному престола королю Иерусалимскому, получившему в 1192 г. от Ричарда I Львиное Сердце покоренный франками Кипр. В 1195 г. «сир Кипра» Амори направил посольство к священно-римскому императору Генриху VI Гогенштауфена, принося вассальные клятвы и прося даровать его островной сеньории статус королевства. Император Генрих VI благосклонно принял это обращение. Королевские регалии были доставлены на Кипр епископами Бриндизи и Трани. Спустя два года Амори был помазан и коронован императорским легатом — епископом Хильдесхаймским. Подробнее об обстоятельствах коронации Амори де Лузиньяна см. Edbury P.W. *The Kingdom of Cyprus and the Crusades...* P. 29—32.

⁹⁹² Подробнее о взятии франками Сидона и Бейрута см. *L'Estoire Eracles...* P. 221—226; *Chronique d'Ernoul...* P. 314—316; *Arnoldi Chronica Slavorum.* — Hannover, 1868. — Lib. V, c.27, P. 204, 208—210.

⁹⁹³ С повторным утверждением Рено, Сидон более шестидесяти лет оставался под властью рода Гранье, представители которого держали эту сеньорию с момента первого завоевания города, в 1110 г. Рено правил Сидоном и его землями вплоть до своей смерти в 1202 г., после чего сеньория перешла к его сыну — Балиану I (1202—1239 гг.) и внуку — Жюльену (1239—1260 гг.), продавшему разоренный монголами город ордену тамплиеров (в 1260 г.).

Ибелина и Марии Комниной⁹⁹⁴. Тогда же триполийские франки, опираясь на германских крестоносцев, смогли без боя занять Гибелет, восстановив великую южную сеньорию своего графства. Сеньория Гибелета вновь была передана геновскому роду Эмбриацо; новым сиром Гибелета стал Ги I Эмбриацо, сын некогда сдавшего город Гуго III⁹⁹⁵. После поражения германских крестоносцев у галилейской твердыни Торон, в ноябре 1197 г., архиепископ Конрад Майнцский отбыл на север — в киликийский Тарс, где на Богоявление 1198 г. совершил вышеупомянутое помазание и инвеституру Левона I Рубенида как «короля Армении». Так, германский крестовый поход 1197 г., невзирая на то, что он завершился бесславным поражением и бегством имперских пилигримов у Торона, имел ряд важнейших последствий для христиан Леванта. Два государства Заморской земли — Кипр и Киликийская Армения — были возведены в ранг королевств. Важнейший участок сиро-ливанского побережья — с Сидоном, Бейрутом и Гибелетом — вновь отошел к франкам. Между Иерусалимским королевством и графством Триполи было восстановлено сухопутное сообщение.

Прибытие имперских крестоносцев и удачи иерусалимских и триполийских франков подвигли князя Боэмунда III Антиохийского к новым наступательным действиям против мусульман на северном участке сирийского побережья. В том же 1197 г. он выступил в поход с целью завоевания утраченных портовых городов — Латакии и Джабалы. Прослышав о выступлении армии князя Боэмунда III, усиленной войсками его младшего сына — графа Боэмунда IV Триполийского, и контингентами военно-монашеских орденов, эмир Алеппский Аз-Захир пошел

⁹⁹⁴ Ибелины держали Бейрут вплоть до его взятия мамлюками в 1291 г. В числе Ибелинов, правивших Бейрутом, были Жан I Ибелин — «Старый сир Бейрута» (1204—1236 гг.), его сыновья — Балиан (1236—1247 гг.) и Гуго (1247—1254 гг.), затем сын Балиана — Жан II Ибелин (1254—1264 гг.), после чего сеньория Бейрута последовательно переходила к двум дочерям Жана II — Изабелле (1264—1282 гг.) и Эшиве (1282—1291 гг.).

⁹⁹⁵ Вскоре после возвращения сеньории Гибелета, граф Боэмунд IV Триполийский, вполне разумно, предпочел укрепить связи со своими знатными вассалами еще и родственными узами. Не позднее 1198 г. Боэмунд IV взял в жены сестру Ги I Эмбриацо — Плайсанс; Ги, в свою очередь, сочетался браком с сестрой графа Боэмунда IV (одной из младших дочерей князя Боэмунда III) — Алисой. См. *Chronique d'Amadi et de Strambaldi*. — Paris, 1891. — Р. 91. Этот династический брак имел важные последствия, значительно укрепив положение молодого графа Боэмунда IV. Во второй половине XIII в. последующие князья Антиохии-Триполи, напротив, тратили значительные усилия на междоусобные войны со своими полунезависимыми вассалами рода Эмбриацо.

на крайние меры. Он приказал скрыть стены и дома этих городов, уничтожить укрепления и строения гаваней и эвакуировать население как арабо-мусульманской Джабалы, так и преимущественно христианской Латакии во внутренние области своего эмирата. Так, войска Бозмунда III Антиохийского столкнулись с беззащитными, опустевшими городами, которые они не могли ни восстановить, ни удержать, тем более что на востоке к выступлению против христиан готовился аскар эмира Аз-Захира. Князю Бозмунду III ничего не оставалось делать, как покинуть захваченные города и начать переговоры о мире, который был достаточно быстро заключен. В итоге, эта кампания нанесла лишь катастрофический ущерб портовым городам Сирии, не предоставив каких-либо выгод ни занявшему Латакию и Джабалу князю Антиохии, ни вернувшему эти города эмиру Алеппскому⁹⁹⁶.

Вопрос о наследовании престола Антиохии. Раймонд-Рубен

Вскоре после кратковременного захвата и вынужденной сдачи Латакии и Джабалы князя Бозмунда III ожидало еще одно, на этот раз — политическое поражение. Под давлением папского (и императорского) легата — архиепископа Конрада Майнцского, князь Бозмунд III принес торжественную клятву в том, что Антиохийский княжеский престол наследует его внук — Раймонд-Рубен, а не один из его сыновей⁹⁹⁷. Очевидно, что архиепископ Конрад заставил кня-

⁹⁹⁶ Kemal ad-Din. Histoire d'Alep // ROL IV. — P. 213—215. О взятии Латакии и Джабалы войсками князя Бозмунда III Антиохийского достаточно ярко пишет Арнольд Любекский. При этом германский хронист-бенедиктинец предпочитает не акцентировать внимание читателя на том, что Бозмунд III занял фактически разоренные города, которые ему вскоре пришлось оставить. См. Arnoldi Chronica Slavorum. — Lib. V, c.27, P. 204. См. также Cahen C. La Syrie du Nord... P. 590—591.

⁹⁹⁷ Получив свободу в 1194 г., князь Бозмунд III Антиохийский развелся со своей третьей супругой — Сибиллой, из-за которой он некогда принял отлучение от Церкви, и которая его, в итоге, предала, вступив в сговор с Леоном. Не позднее 1195 г. старый князь вступил в свой последний, четвертый брак, женившись на Изабелле де Ферабель. Изабелла родила ему еще двух детей — сына и дочь. Так, после смерти своего первенца, к 1197 г. у Бозмунда III было четыре (или пять) сыновей: граф Бозмунд IV Триполитский (от первого брака с Оргуэлиссой д'Аренк), Бозмунд (от четвертого брака с Изабеллой), а также Гильом де Пуатье — от брака с Сибиллой (он иногда именуется в числе сыновей Изабеллы), и Мануил де Пуатье (от второго брака с Феодорой Комниной), если эта фигура не является вымыслом последующих генеалогов.

зя Антиохийского пойти на эти клятвы, исходя из интересов едва коронованного и помазанного им короля Левона. К тому же, идея перехода Антиохии под власть монарха — вассала Священной Римской империи, прямо отвечало интересам германского архиепископа и его сюзерена Генриха VI. Раймонда-Рубена, этого мальчика, которого Левон воспитывал в Сисе как сына, считали прямым ставленником и вероятным преемником «короля Армении»⁹⁹⁸.

Вполне естественно, что этот новый договор между князем Антиохии и королем Киликийской Армении, составленный папским легатом, не устроил ни второго княжеского сына — Боэмунда IV Триполитского, ни Антиохийскую коммуну. Жители Антиохии, восставшие против войск Левона в 1193 г. и сформировавшие коммуну, чтобы противостоять армянской экспансии, не желали, спустя всего пять лет, вновь подпадать под правление теперь уже короля Киликийской Армении, который выступал от имени ребенка Раймонда-Рубена. Последние военные неудачи Боэмунда III, в сочетании с его капитуляцией перед требованиями архиепископа Конрада и короля Левона, открыто продемонстрировали слабость старого князя и, очевидно, вселили в нобилитет, коммуну, клир и население Антиохии убеждение в необходимости скорой смены власти — которая не заставила себя ждать.

Первая узурпация Боэмунда IV (1198—1199 гг.)

На исходе 1198 г. граф Боэмунд IV прибыл в Антиохию и созвал коммуну. Молодой граф убедил ее членов отречься от верности князю Боэмунду III и взамен признать его, свободного от каких-либо обязательств перед королем Армении, новым князем Антиохийским. Старый князь

⁹⁹⁸ На эти клятвы Боэмунда III, принесенные перед лицом папского легата — архиепископа Конрада, прямо ссылается сам Левон I Рубенид, в своем послании к Папе Иннокентию III. См. *Innocentius III Pontifex Romanus. Epistolae* // PL. Vol.214. — Paris, 1855. — с.810—811. Левон пишет и о том, что Раймонд-Рубен был не только признан наследником Антиохии, но и крещен лично Архиепископом Майнцским. См. *Ibid.* — с.811. Арнольд Любекский лишь кратко отмечает, что благодаря имперскому канцлеру — архиепископу Конраду, прочный мир был установлен между королем Армении и князем Антиохии. «Тогда же архиепископ Майнцкий славно завершил сии деяния, установив мир между тем самым королем Армении и князем Антиохии, гармонией исправив немалые бедствия, долго беспокоившие Церковь Божию в тех краях». См. *Arnoldi Chronica Slavorum.* — P. 212. См. также: Cahen C. *La Syrie du Nord...* P. 591—592.

Бозмунд III был изгнан из города, в то время как новым государем был провозглашен его сын. Во второй раз за шесть лет своего существования коммуна смогла, в обход воли старого князя и палаты баронов, передать власть и престол в Антиохии «своему» государю. Так, первый удар в войне, которая впоследствии вошла в историю как «война за Антиохийское наследство», был нанесен Бозмундом IV и поддерживавшими его франками, греками и сирийцами коммуны Антиохии⁹⁹⁹. Стоит особо отметить, что во время этого первого захвата власти на стороне Бозмунда IV выступили все три военно-монашеских ордена — и тамплиеры (бывшие самыми ревностными противниками Левона), и госпитальеры (впоследствии ставшие на сторону короля Армении и князя Раймонда-Рубена), и рыцари недавно учрежденного Тевтонского ордена. Бозмунда IV прямо поддерживали непосредственно магистры Храма и Госпиталя — Филипп де Плессье и Жоффруа де Донжон — о чем с негодованием в своем послании к Папе Иннокентию III писал король Левон Рубенид¹⁰⁰⁰. Это прямо свидетельствует о том, что переворот был тщательно спланирован, и что граф Бозмунд IV, вероятно, заранее заручился поддержкой военно-монашеских орденов, контингенты которых сопровождали его во время морского путешествия из графства Триполи — в гавань Св. Симеона и Антиохию.

Молодой Бозмунд-узурпатор удерживал Антиохию на протяжении нескольких месяцев¹⁰⁰¹. Столкнувшись с предательством сына и новым

⁹⁹⁹ Датировку «войны за Антиохийское наследство» традиционно относят к 1201—1216 гг.; ее началом считают смерть Бозмунда III и последовавшую войну между Бозмундом IV и Левоном I Рубенидом, а исход — захватом Антиохии армией Левона и инвестицию Раймонда-Рубена в качестве князя Антиохийского. Однако, на наш взгляд, резоннее было бы считать, что война за Антиохийское наследство началась раньше и завершилась позже, а ее период охватил 1198—1219 гг. Началом переворотов и боевых действий стал захват власти Бозмундом IV зимой 1198 г.; завершением — изгнание князя Раймонда-Рубена из Антиохии и восстановление над городом власти князя Бозмунда IV в 1219 г.

¹⁰⁰⁰ Послание, датированное 1199 г., является наиболее подробным источником, повествующим о перевороте 1198—1199 гг. и начале нового этапа борьбы за Антиохию. См. Innocentius III Pontifex Romanus. Epistolae // PL. Vol.214. — с.810—812.

¹⁰⁰¹ От этого первого правления Бозмунда IV в Антиохии сохранилось несколько хартий. На всех он фигурирует как «Boemundus IV, princeps Antiochiae, comes Tripolis» или «Voemundus, princeps Antiochiae». Две хартии (датированные 15 июня и 26 августа), свидетельствуют о попытках Бозмунда IV собрать максимальные денежные средства для привлечения сторонников и воинских контингентов; в обмен на денежные ссуды он предоставляет привилегии и собственность ордену госпитальеров и Пизанской торговой республике. См. Röhrich R., ed. Regesta Regni Hierosolymitani...

восстанием коммуны, Боэмунд III обратился к своему старому сопернику — королю Левону, который с готовностью выступил против графа Триполитского. В то же самое время, магистры Храма и Госпиталя не стали с оружием в руках выступать в поддержку молодого государя Антиохии-Триполи, очевидно понадеявшись на обещания короля Армении предоставить им фьефы в Киликии, в том числе и удерживаемый Баграс. Опираясь лишь на своих триполитских вассалов и население Антиохии, Боэмунд IV не мог рассчитывать на успешное противоборство с армией короля Левона и сторонниками своего отца. Когда объединенная армия Левона и Боэмунда III достигла Антиохии, Боэмунду IV ничего не оставалось делать, как примириться с отцом, восстановить его на престоле и возвратиться в Триполи¹⁰⁰². Произошло это не позднее сентября 1201 г. Однако спустя два года, в октябре 1201 г. князь Боэмунд III умер. Когда тело старого князя упокоилось в Антиохийском Госпитале, Боэмунд IV немедленно высадился со своими войсками в гавани Св. Симеона и, при поддержке коммуны, вновь взошел на престол, став первым государем, объединившим власть над княжеством Антиохийским и графством Триполи.

Начало войны за Антиохийское наследство (1201 г.)

С объединением Антиохии и Триполи под властью князя Боэмунда IV война за Антиохийское наследство разгорелась в полной мере. Война эта может по праву считаться одним из наиболее интересных и ярких конфликтов богатого на события XIII в. Формальным ее началом послужила классическая «головоломка» феодального престолонаследия: кто имеет больше права на престол отца в случае смерти старшего сына — второй сын или сын старшего сына? В королевствах Иерусалима и Кипра этот вопрос решала бы палата баронов; для Антиохии это оказалось неприменимым. Война за Антиохийское наследство разделила противоборствующие стороны вопреки всем

№757, Р. 201—202; №758, Р. 202. Еще одна хартия касается отсрочки перехода Мараклеи — южного приморского форпоста княжества Антиохийского — к ордену госпитальеров, из-за обращения со стороны «старца горы», государя Ассасинов. См. Röhrich R., ed. *Regesta Regni Hierosolymitani*...№759, Р. 202.

¹⁰⁰² Об истории этого переворота и борьбе за Антиохию в 1198—1199 гг. также см. Cahen C. *La Syrie du Nord*... — Р. 593.

традиционным для средневекового мира связям. На стороне Раймонда-Рубена (наполовину франка, наполовину — армянина) и его покровителя короля Армении — Левона I Великого выступили армяне, франки и ромеи Киликии, большая часть антиохийского нобилитета, латинский Патриарх Петр I Ангулемский и орден госпитальеров. Боэмунда IV — чистокровного (хоть и «заморского») франка поддерживали его триполийские бароны, орден тамплиеров¹⁰⁰³, эмир Алеппо Аз-Захир и большая часть населения Антиохии (т. е. франко-итальянское бюргерство, а также греки и сирийцы, которые видели в Боэмунде IV государя, способного защитить их коммерческие интересы и жизненный уклад от армянской экспансии). Кстати говоря, орден госпитальеров первоначально также поддерживал князя Боэмунда IV, во время его первой узурпации (1198 г.); в 1201—1203 гг. иоанниты не оказывали ему открытого сопротивления. Лишь после 1204 г. госпитальеры резко переменили свое отношение к князю Антиохии-Триполи, встав на сторону короля Левона и Раймонда-Рубена¹⁰⁰⁴.

Конечно же, нельзя не задаться вопросом — зачем князю Боэмунду IV понадобилось делать ставку на союз с разноплеменной коммуной Антиохии? Ответ кроется как в усилении объединившегося в коммуну городского населения, так и в слабости антиохийского нобилитета, представители которого стремились скорее к союзу с армянским королем. Как уже было сказано, нобили Антиохии, в своей массе, жаждали перехода княжеского престола к Раймонду-Рубену и фактического слияния с процветавшим Киликийским королевством. Что мог им предложить Боэмунд IV? Он не мог дать им фьефы в графстве Триполи, поскольку там практически не было свободных земель¹⁰⁰⁵. Не мог он и увеличить их денежные фьефы в Антиохии,

¹⁰⁰³ Орден Храма не мог смириться с потерей фьефов и замков в горах Аманоса, в особенности — с потерей Баграса, удерживаемого Леоном. Это делало их непримиримыми противниками армянского короля.

¹⁰⁰⁴ На эту резкую смену позиции со стороны ордена, державшего обширные территории на землях Боэмунда IV (Крак де Шевалье, Маркаб, Валаню) и при этом непреклонно расширявшего свои владения на землях Киликийской Армении, особое внимание обращает Дж. Райли-Смит. Подробнее см. Riley-Smith J. The Knights of St. John in Jerusalem and Cyprus c.1050—1310. — London, 1967. — P. 152—160; Riley-Smith J. The Templars and the Teutonic Knights in Cilician Armenia... P. 99.

¹⁰⁰⁵ За время своего правления Боэмунд IV смог предоставить крупные фьефы на территории графства Триполи лишь двум знатым сеньорам — Раулю Тивериадскому (который, тем не менее, был изгнан за измену после 1205 г.), и своему младшему брату

поскольку в гораздо большей степени был заинтересован в поддержке городского населения и коммуны. Левон, в свою очередь, готов был предоставить им и фьефы, и титулы. Благодаря этим факторам сложилась весьма противоестественная ситуация, когда франкские нобили жаждали перехода их княжества к армянскому королю, греческие, латинские и сирийские горожане отстаивали права весьма авторитарного франкского узурпатора, а папа римский умолял мусульманского государя защитить латинского патриарха от посягательств крестоносного князя и коммуны Антиохии. Последний пример, как мы увидим, отнюдь не является оговоркой¹⁰⁰⁶.

Итак, с момента повторного восшествия Боэмунда IV на Антиохийский княжеский престол, королю Левону и его соратникам ничего не оставалось делать, кроме как повести свои войска к стенам Антиохии. Однако там он столкнулся с непреклонным сопротивлением коммуны и населения Антиохии, и ее нового князя, которого вновь поддерживали военно-монашеские ордена. Во многом именно благодаря деятельному сопротивлению коммуны, Антиохия, в конечном итоге, сохранила независимость от короля Армении. По словам самого короля Левона, главными противниками в его стремлении покорить Антиохию стали «граф Триполи, тамплиеры и антиохийская конфедерация (т. е. коммуна. — С. Б.)»¹⁰⁰⁷. Более того, князь Боэмунд IV успел своевременно обратиться за помощью к эмиру Алеппо — Аз-Захиру и к румскому султану Рукн ад-Дину Сулейману, которые охотно бросили свои силы на разорение северных и восточных рубежей Киликийской Армении. В июле 1201 г., когда конница румского султана и аскар эмира Алеппского вошли в пределы королевства, Левон вынужден был увести свои войска из-под стен Антиохии и перебросить все возможные силы на защиту собственных территорий. Когда же Левон обратился к братьям-рыцарям ордена тамплиеров с призывом выступить на защиту разоряемых тюрками христи-

и тезке — Боэмунду, который, по праву брака, стал сеньором Ботрона (Батруна). Представители младшей ветви княжеского дома Пуатье — потомки последнего сына Боэмунда III — удерживали населенную маронитами и мелькитами сеньорию Ботрона вплоть до ее завоевания мамлюками. В числе сеньоров Ботрона династии Пуатье можно, помимо Боэмунда-младшего (+1244 г.), назвать Гильома (после 1262 г.), Жана (+1277 г.) и Ростана (после 1282 г.).

¹⁰⁰⁶ См. ниже. — С. 100—105.

¹⁰⁰⁷ Innocentius III Pontifex Romanus. Epistolae // PL. Vol.215. — №119, с.688.

анских поселений севера, магистр Филипп де Плессье ответил ему о невозможности сделать этого до возвращения ордену Баграса¹⁰⁰⁸. Так или иначе, Левон смог изгнать тюркские орды из пределов своего королевства, однако вернуться к осаде Антиохии был уже не в силах. Город прочно перешел под власть князя Боэмунда IV. На протяжении всего следующего, 1202 г., король Армении не тревожил пределы княжества Антиохийского.

Осада Антиохии (1203 г.)

Военные действия возобновились осенью 1203 г. Князь Боэмунд IV находился на юге, в пределах графства Триполи. Выгадав успешный момент для нападения, король Левон I Рубенид неожиданно вывел свою армию через Сирийские врата и Баграс к Антиохии. На этот раз король Левон решил взять город не длительной осадой, но приступом. Решающий приступ начался 11 ноября, с южной части города, через врата Св. Георгия. Армия Левона смогла прорваться за городские стены, однако там она увязла в кровопролитных уличных боях, столкнувшись с рьяным сопротивлением стоявших в Антиохии тамплиеров и организованного коммунаой населения. Невзирая на отсутствие Боэмунда IV, жители, коммуна, княжеские войска и братья-рыцари и сержанты ордена тамплиеров оказали ожесточенное сопротивление королю Армении. Продвигаясь с ошеломляющими потерями вглубь городских кварталов, армянские войска, по признанию самого Левона, были полны решимости взять Антиохию «невзирая ни на пролитую кровь христиан, ни на пламя, охватившее город», однако, посреди упорных уличных боев, сам король был остановлен «страхом Божиим и чувством христианского сострадания»¹⁰⁰⁹. Тогда к королю вышли Патриарх Петр I Ангулемский и присланный в Антиохию папский легат — кардинал Петр де Сен-Мансель, которые убедили Левона прекратить наступление и начать переговоры.

¹⁰⁰⁸ Подробнее см. Innocentius III Pontifex Romanus. Epistolae // PL. Vol.214. — №43, с.1003—1006. (еще одно послание короля Левона I Рубенида к Папе Иннокентию III); Cahen C. La Syrie du Nord... P. 600—601; Riley-Smith J. The Templars and the Teutonic Knights in Cilician Armenia... P. 102.

¹⁰⁰⁹ Innocentius III Pontifex Romanus. Epistolae // PL. Vol.215. — №119, с.689.

Однако и переговоры, и сама осада были сорваны внезапной контратакой тамплиеров, вслед за которой в наступление перешла вся партия Боэмунда IV. Игнорируя призывы латинского Патриарха и папского легата, тамплиеры, «секулярные» франки, греки, сирийцы и верные князю Антиохии-Триполи войска с новой силой обрушились на армян, отстаивая свой город. Особо ощутимый удар по позициям зарвавшейся армии короля Армении смогли нанести тамплиеры. Левон сам описал свое поражение в послании к Папе Иннокентию III: «Тамплиеры показали свои зубы. Они выставили на стенах своих стражей и обратились против нашей армии, развернув Босан и выпустив множество стрел; они атаковали нас как в черте города, так и за пределами городских стен. Но что может быть страшнее для христианина, как то, что эти люди отошли от собственной веры ради интересов своего ордена?»¹⁰¹⁰. В то же самое время, члены коммуны отправили вестников к князю Боэмунду IV и, почтовым голубем, к эмиру Аз-Захиру Алеппскому, который вновь выступил к Антиохии, параллельно направив часть своей конницы к восточным рубежам Киликийской Армении. Все это вновь вынуждало Левона отступить, смирившись с очередным «антиохийским» поражением. В начале декабря 1203 г. армия короля Армении покинула окрестности Антиохии и ушла за Аманос. Параллельно с отступлением армии короля прибывший на север князь Боэмунд IV, совместно со своими антиохийскими и триполийскими рыцарями, братьями ордена тамплиеров и мусульманской конницей Аз-Захира, обрушился на юго-восточные рубежи Киликийской Армении; франкские рыцари, в том числе и братья военно-монашеского ордена, объединились с сарацинами в разорении христианских поселений близ Баграса, у перевала Аль-Балан и на смежных с ними территориях¹⁰¹¹.

Разъяренный этим совместным нападением франков и сарацин на христианские поселения, Левон стремительно вернулся к Баграсу; он намерен был покарать орден Храма и начать решительную кампанию по завоеванию последних замков Аманоса, которые оставались в руках Боэмунда IV и тамплиеров. В 1204 г. армия короля Киликийской Армении отбила у тамплиеров великие твердыни — Ля Рош Руссель и Ля Рош Гильом. Господство в горах Аманоса безраздельно

¹⁰¹⁰ Innocentius III Pontifex Romanus. Epistolae // PL. Vol.215. — №119, с.689.

¹⁰¹¹ Подробнее о кампании 1203 г., см. Cahen C. La Syrie du Nord... P. 604.

перешло к Левону¹⁰¹². Так, с осени 1203 г. и вплоть до весны 1204 г. северная Сирия стала ареной невиданных доселе междоусобиц. Сама Антиохия пострадала от кровопролитного штурма. Греческие, сирийские и армянские поселения северной Сирии были разорены либо войсками Боэмунда IV и Аз-Захира (если поселения эти входили в состав владений короля Армении), либо армией Левона I Великого (если они принадлежали князю Антиохии-Триполи). Тамплиеры лишились последних замков в Аманосе. Здесь, правда, следовало бы обратить внимание на слова из хроники Смбата Спарапета о том, что во время своих нападений на Антиохию и разорений окрестных поселений Левон «уничтожал не людей, но лишь виноградники и сады»¹⁰¹³. Принимая во внимание толерантность Левона к православному населению Киликии, подобные формы ведения войны вполне вероятны; однако также вероятно, что автор армянской хроники сознательно идеализирует действия короля. Так или иначе, результаты этих кампаний и разорений лишь усиливали ожесточение и дальнейшее противостояние между государями Антиохии и Киликийской Армении.

Междоусобная война в графстве Триполи (1204—1205 гг.). Новый поход короля Левона к Антиохии (1204 г.)

Следующий, 1204 г. — год разорения Константинополя крестоносцами — был сопряжен и с новой чередой межхристианских усобиц в Сирии. На исходе этого года князь Боэмунд IV вновь был поглощен войной, на этот раз — на юге, в пределах графства Триполи, где он столкнулся с восстанием значительной части триполийской знати. Поводом для восстания и последующей войны послужил брак Ренора II — сеньора Нефина, с наследницей сеньории Гибелькара (Аккара). Объединение двух крупных сеньорий графства Триполийского — Нефина и Аккара — требовало предварительного согласия Боэмунда IV, однако брак был заключен без его ведома. Это дало основание

¹⁰¹² Захват замков, принадлежавших ордену Храма, стал поводом для последующего отлучения короля Левона от Церкви папским легатом — кардиналом Петром Сент-Марселем. Об этом сам Левон с негодованием писал Папе Иннокентию III. См. Innocentius III Pontifex Romanus. Epistolae // PL. Vol.215. — №129, с.689—690. См. также: Riley-Smith J. The Templars and the Teutonic Knights in Cilician Armenia... P. 102—103.

¹⁰¹³ Bedrosian R., ed. The Armenian Chronicle of Sempad... P. 101.

Бозмунду IV право прямо апеллировать к законам графства; созвав Высокую палату Триполи, он объявил о непризнании брака и конфискации фьефа своего неверного вассала — Реноара¹⁰¹⁴. Вполне естественно, что Реноар, его вальвассоры и сторонники не собирались исполнять этого требования, открыто восстав против Бозмунда IV — первого «антиохийского» графа Триполи.

К Реноару II Нефинскому присоединился и Рауль Тивериадский, один из пасынков покойного графа Раймонда III Триполийского¹⁰¹⁵, пользовавшийся большой властью и авторитетом в графстве, во многом благодаря непосредственной поддержке и доверию Бозмунда IV. Стоит отметить, что граф Бозмунд IV отнюдь не обделял почестями и поддержкой пасынков своего предшественника — Раймонда III. Старший брат Рауля — Одо Тивериадский получил от Бозмунда IV пост коннетабля Триполи; однако в 1199 г. Одо порвал со своим сюзереном и отбыл в пределы Киликийской Армении, где поступил на службу к королю Левону¹⁰¹⁶. Впоследствии он стал одним из самых верных франкских соратников Левона и Раймонда-Рубена в их войнах за Антиохию. Невзирая на вступление своего младшего брата в стан противников Бозмунда IV, Рауль Тивериадский еще на протяжении нескольких лет оставался при дворе в Триполи¹⁰¹⁷. Однако в 1204 г. он, со своими рыцарями, выступил против Бозмунда IV. Благодаря Раулю Тивериадскому, ряды восставших стали пополняться за счет рыцарей и сержантов, прибывавших на север из пределов Иерусалимского королевства¹⁰¹⁸; также вероятно, что именно Рауль, через

¹⁰¹⁴ L'Estoire de Eracles... P. 314.

¹⁰¹⁵ Рауль был в числе четырех пасынков графа Раймонда, которые бежали с ним и с Раймондом Антиохийским во время битвы при Хаттине в 1187 г. Подробнее см. выше: С. 100—105.

¹⁰¹⁶ Одо Тивериадский фигурирует в качестве свидетеля на хартии графа Бозмунда IV в 1196 г. См. Röhrich R., ed. *Regesta Regni Hierosolymitani*... №731, P. 195.

¹⁰¹⁷ Здесь должно отметить, что в 1198 г. Рауль получил убежище при дворе Бозмунда IV (а также содержание и фьеф на землях графства Триполи), после того, как был изгнан из пределов королевства Иерусалимского новым государем — Амори II, который лишил его поста сенешаля и обвинил его в заговоре и покушении на свою жизнь. Подробнее см. L'Estoire de Eracles... P. 230—231. О братьях Одо и Рауле, см. также: Du Cange C. *Les Familles d'Outremer*... P. 456.

¹⁰¹⁸ Рауль Тивериадский, невзирая на свое изгнание, пользовался значительным авторитетом и сохранял тесные связи с нобилитетом Иерусалимского королевства.

своего брата — Одо поддерживал связь с Киликийской Арменией и королем Левонем. Боэмунд IV, очевидно, недооценил силы восставших; он спешно выступил к Нефину, однако во встречном сражении его войска были разбиты силами Реноара. Князю ничего не оставалось делать, как прорываться с поля боя и отступать со своими соратниками к Триполи. Эта победа окрылила восставших баронов; вскоре их армия, под началом Реноара II Нефинского и Рауля Тивериадского, подступила к стенам самого Триполи и razорила земли графского домена.

В то время как Боэмунд IV был всецело поглощен обороной Триполи, с севера пришли новые тревожные вести; король Левон перешел Аманос и осадил Антиохию. Вполне естественно, что две наступательные кампании, начатые против князя Антиохии-Триполи на исходе 1204 г., не могли быть просто совпадением. Король Армении заранее знал о готовившемся восстании триполийской знати; очевидно, что Левон и Реноар, каждый во имя собственной цели, приняли решение вести совместные боевые действия, сковав Боэмунда IV и его сторонников на два фронта. Продолжатель Гильома Тирского подчеркнуто пишет о том, что Реноар II поднял восстание против Боэмунда IV «с разрешения короля Армении»¹⁰¹⁹. Связующим звеном между киликийским монархом и триполийскими мятежниками оставались «тивериадские братья» Одо и Рауль. Антиохия вновь выстояла благодаря стойкости ее защитников — гарнизона, населения, коммуны — а также из-за своевременного прибытия аскара эмира Аз-Захира; к тому же, во время этой кампании Левон был сосредоточен преимущественно на войне с Аз-Захиром и попытках отбить у эмира Алеппского еще одну твердыню Аманоса — Дарпсак (захваченный Салах-ад-Дином у тамплиеров еще в 1188 г.).

1204—1205 гг. можно считать периодом тяжелейших испытаний для князя Боэмунда IV. Обе его столицы были осаждены, его северные и южные земли подвергались разорению. Во время одного из боев с войсками восставших, разгоревшегося у самых врат Триполи, Боэмунд IV вступил в поединок с одним из мятежных рыцарей — Бертраном. В ходе

Не стоит забывать, что до своего изгнания он был сенешалем Иерусалима; он также был младшим братом Гильома — титулярного князя Галилейского; к тому же, он был женат на одной из дочерей Рено де Гранье — сеньора Сидона. Все это позволяло ему привлекать на сторону восставших триполийских баронов достаточное количество добровольцев — рыцарей и сержантов — из пределов Иерусалимского королевства.

¹⁰¹⁹ L'Estoire de Eracles... P. 314.

этого поединка Бертран смог нанести князю удар копьем в лицо, в результате чего Боэмунд IV потерял один глаз. Княжеские рыцари доставили своего тяжелораненого сюзерена в город, где, благодаря бережному лечению лучших триполийских врачей, он смог восстановиться, хоть и безнадежно лишился глаза¹⁰²⁰. Именно после этого боя Боэмунд IV вошел в историю как «Одноглазый князь», или «князь Боэмунд IV Одноглазый». Тогда же в сражении с мятежниками погиб один из шуринов князя — Гуго Эмбриацо (младший брат Ги I Эмбриацо, сеньора Гибелета)¹⁰²¹. Казалось бы, правление князя Боэмунда IV было обречено. В стремлении сокрушить возраставшее могущество государя, объединившего под своей властью Антиохийское княжество и графство Триполи, сошлись не только мятежные триполийские феодалы, но и короли Армении и Кипра-Иерусалима. Амори II де Лузиньян хоть и не выступил открыто против Боэмунда IV, тем не менее оказывал поддержку мятежникам и пропускал на север рыцарей и сержантов, которые хотели принять участие в боях на стороне Реноара Нефинского и Рауля Тивериадского. Опять же, обратим внимание на повествование Продолжателя Гильома, который говорит о том, что Реноар II Нефинский поднял восстание «с разрешения короля Армении и с ведома короля Амори»¹⁰²².

Стремление короля Амори II поддержать войну против Боэмунда IV вполне понятно. Объединив под своей властью Антиохию и Триполи, Боэмунд IV создал подобие «четвертого королевства» в пределах Заморской земли, ни в чем не уступая королям Иерусалима, Кипра и Армении. Амори прекрасно помнил, что именно при дворе юного Боэмунда IV и его отца Боэмунда III он и его братья должны были искать убежища после своего освобождения из плена (1188—1189 гг.); и вряд ли Боэмунд IV позволил это забыть¹⁰²³. Когда Амори II, взойдя на Иерусалимский престол, потребовал, чтобы Боэмунд IV принес ему оммаж, как это делали предшествующие графы Триполи, тот согласился лишь после того, как заставил короля пойти на весьма значимые уступки. Амори II должен был предоставить

¹⁰²⁰ Напомним, что Триполи был одним из величайших медицинских центров христианского Востока, известным благодаря своей школе, где обучались сирийские врачи-христиане. Подробнее см. выше: Часть IV, гл. 2, С. 100—105.

¹⁰²¹ *L'Estoire de Eracles...* P. 314—315.

¹⁰²² *L'Estoire de Eracles...* P. 314.

¹⁰²³ Подробнее, см. выше: С. 100—105.

Бозмунду IV 4,000 безантов годового дохода с цепи в Акре (т. е. доходы со сбора пошлины за право входа в гавань), и лишь после этого получил оммаж¹⁰²⁴. Подобная независимость князя Антиохии-Триполи воскрешала в памяти эпоху первых князей Антиохийских — Бозмунда I и Танкреда — которые ни в чем не уступали (а зачастую и превосходили по своей мощи и доходам) королей Иерусалимских.

Тем не менее, последовавшие в 1205 г. события радикально изменили положение князя Бозмунда IV. В апреле 1205 г. скончался король Амори II де Лузиньян. Принявший пост бальи (регента) королевства Иерусалимского коннетабль Жан I Ибелин был склонен искать мира и взаимопонимания с Бозмундом IV; он немедленно прекратил поддержку триполийских мятежников, что нанесло существенный удар партии Реноара II и Рауля Тивериадского¹⁰²⁵. Король Левон I Рубенид не мог в этот момент перейти к дальнейшим наступательным действиям на севере, поскольку был поглощен войной с эмиром Аз-Захиром за контроль над восточными склонами Аманоса¹⁰²⁶. Все это предоставляло Бозмунду IV возможность перегруппировать силы и подготовить решительное контрнаступление против своих противников на юге. На стороне князя Бозмунда IV по-прежнему находилось достаточное число великих сановников, баронов и рыцарей Триполийского графства, в их числе младший брат и тезка князя — Бозмунд, коннетабль Триполи — Жан де Хам, сеньор Ботрона — Пливан и, самое главное — Ги I де Эмбриац, сеньор Гибелета, глава богатейшего рода графства¹⁰²⁷. Более того,

¹⁰²⁴ Хартия, фиксирующая соглашение между королем Амори II и князем Бозмундом IV о принесении последним оммажа за 4,000 безантов с цепи в Акре, приведена у Рёрихта, см. Röhrich R., ed. *Regesta Regni Hierosolymitani...* №743, P. 198; см. также Ришар Ж. *Латинско-Иерусалимское королевство...* С. 235. Однако, опять же, это был оммаж Бозмунда IV как графа Триполи, но не как князя Антиохии. Сюзеренами княжества Антиохийского считались императоры Латинской Романии, в знак преемства эпохи византийского сюзеренитета; в 1204 г. Бозмунд IV принес оммаж латинскому императору Бодуэну I Фландрскому. См. выше: Часть III, гл. 3, С. 100—105.

¹⁰²⁵ *L'Estoire de Eracles...* P. 315.

¹⁰²⁶ Подробнее об этой войне, см. Riley-Smith J. *The Templars and the Teutonic Knights in Cilician Armenia...* P. 103.

¹⁰²⁷ Как уже было сказано, Бозмунд IV был женат на сестре Ги Эмбриаца. В декабре 1204 г. они скрепили свой союз еще одним династическим браком, когда Ги Эмбриац взял в жены одну из младших сестер Бозмунда IV — Алису. В качестве свадебного дара, князь Бозмунд IV щедро наделил своего верного вассала и родственника рентами и землями близ Латакии и Саона. См. Röhrich R., ed. *Regesta Regni Hierosolymitani...* №799, P. 213.

Бозмунд IV заручился поддержкой Генуэзской торговой республики¹⁰²⁸. Подтвердив и расширив привилегии генуэзцев в Антиохии и Триполи, он получил от генуэзской фактории 300 воинов, два боевых корабля и 4,000 безантов¹⁰²⁹. Вскоре под его началом собралось многочисленное войско, включавшее верных ему триполийских рыцарей и сержантов, франкское и сирийское ополчение, генуэзские и прочие наемные контингенты.

Невзирая на тяжелейшее ранение, князь лично возглавил наступление против восставших баронов. Его армия осадила Нефин; небольшой укрепленный город, окруженный с моря и суши, был достаточно быстро принужден к сдаче. Реноар II был взят в плен, доставлен в Триполи и брошен в княжескую темницу. Вскоре после этого перед княжеской армией пал и Аккар (Гибелькар), защитники которого пошли на сдачу ради сохранения жизни плененного Реноара. Рауль Тивериадский бежал ко двору латинского императора в Константинополь. Реноар II был освобожден лишь после того, как подтвердил княжеское решение о лишении его наследственных прав на Нефин и Гибелькар. Лишенный своих владений, Реноар II был изгнан из пределов княжества Антиохии-Триполи; свои дни он закончил на Кипре¹⁰³⁰. Меж тем, замок Нефин превратился в надежный

Здесь, конечно же, вновь проступает лукавство и беспринципный расчет Бозмунда IV Одноглазого, т. к. обещанные Ги Эмбриацо земли находились под властью эмира Аз-Захира, верного союзника князя Антиохии-Триполи. Следовательно, рассчитывая на союз с Аз-Захиром (не раз спасавшим Антиохию), князь Бозмунд IV, тем не менее, не отказывался от притязаний на утраченные антиохийские земли и, при первой благоприятной возможности, намерен был их отвоевать.

¹⁰²⁸ Очевидно, что основным посредником в переговорах князя Антиохии-Триполи с Генуэзской республикой был сеньор Гибелета — Ги (ведь представители «ливанской» ветви рода Эмбриацо сами были генуэзцами). Также, возможность обращения к генуэзскому бальи в Акре и проведение переговоров в столице Иерусалимского королевства вновь свидетельствует о поддержке, которую оказывал княжеской партии регент королевства — Жан I Ибелин.

¹⁰²⁹ Хартия князя Бозмунда IV, подтверждающая и расширяющая привилегии Генуэзской республики на триполийских и антиохийских землях, датирована июлем 1205 г. См. Röhrich R., ed. *Regesta Regni Hierosolymitani...* №807, P. 215—216. Также о поддержке, оказанной генуэзцами — Бозмунду IV в войне против мятежных триполийских баронов, см. L'Estoire de Eracles... P. 315; Cahen C. *La Syrie du Nord...* P. 608.

¹⁰³⁰ Сеньоры Нефина получили недобрую славу после того, как один из них — Реноар I (отец или дядя Реноара II) совершил налет и ограбил колонны беженцев из Иерусалима, отпущенных Салах-ад-Дином. Продолжатель Гильома Тирского открыто

оплот княжеской власти на сиро-ливанском побережье. Описание этой твердыни можно найти у Бурхарда Сионского: «замок Нефин (...) почти полностью окружен морем. Он принадлежит князю Антиохии. Там двенадцать хороших башен, и само это место хорошо укреплено. Вино этого города ценится больше других вин той страны»¹⁰³¹. Став частью княжеского домена, замок Нефин оставался оплотом для государей династии де Пуатье, в особенности для последних графов Триполитских — Боэмунда VII (казнившего там мятежных вассалов в 1282 г.) и Люсии, сделавшей замок своей основной резиденцией во время борьбы за Триполи в 1288—1289 гг.¹⁰³².

Так, на рубеже 1205—1206 гг. князь Боэмунд IV Одноглазый вышел победителем из войны, которая, казалось бы, должна была раз и навсегда сокрушить его. Отныне никто из баронов графства Триполи не смел бросить ему вызов; к лету 1206 г. «Одноглазый князь» прибыл в свою северную столицу — Антиохию¹⁰³³. Победа на юге позволили Боэмунду IV сосредоточить усилия для предстоящей борьбы на севере, где снова собирался с силами король Киликийской Армении. Причем следует особо отметить, что для Левона этот же период был сопряжен с чередой неудач. Его супруга — Изабелла (племянница скандальной княгини Антиохийской — Сибиллы де Бурзей) была уличена в измене; пораженный неверностью жены, Левон позволил себе открыто поднять руку на свою королеву. Как повествует Смбат Спарпет, «Король дал волю своим чувствам; по его приказу многие родственники этой женщины были разорены. И он яростно бил эту женщину собственными руками, желая убить ее на месте»¹⁰³⁴. После этого король велел заточить свою супругу в крепости Вакха, где она

осуждает это неслыханное преступление Реноара I Нефинского и указывает на то, что это деяние привело к бедствиям для этой феодальной династии. Реноар I был поражен болезнью и ослеп; его преемник — Реноар II был изгнан из пределов графства Триполи, а его наследники — лишены права на Нефин. См. L'Estoire Eracles... P. 100—101; Edbury P.W. The Conquest of Jerusalem and the Third Crusade. Sources in translation... c.60, P. 65.

¹⁰³¹ Burchardus de Monte Sion. Op.cit. — P. 25—26.

¹⁰³² Подробнее о противостоянии Люсии де Пуатье и Триполитской коммуны в 1288—1289 гг. см. ниже; С. 100—105.

¹⁰³³ L'Estoire de Eracles... P. 315; Les gestes des Chiprois... c.63, P. 17; Cahen C. La Syrie du Nord... P. 609; Runciman S. A History of the Crusades. — Vol. III, Book II, c.2, P. 136.

¹⁰³⁴ Bedrosian R., ed. The Armenian Chronicle of Sempad... P. 99.

позднее была отравлена. Приближенные и сородичи королевы Изабеллы, находившиеся в Киликии, были частью казнены, частью брошены в заточение.

Гораздо более значимой проблемой для Левона стало резкое ухудшение его отношений с Римской Церковью. То, что король Армении захватил и удерживал замки ордена тамплиеров в Аманосе, вызвало резкое нареkanie со стороны Рима. Весной 1204 г. на восток прибыли папские легаты — кардиналы Петр де Сент-Марсель и Соффред Пизанский¹⁰³⁵. Убедившись в нежелании Левона возмещать убытки ордена тамплиеров, кардинал Петр отлучил короля от Церкви и наложил интердикт на королевство Киликийской Армении. Решение было оглашено летом 1204 г. на синоде, созванном папскими легатами в Антиохии. При этом в заседаниях синода не принимал участие ни Армянский Католикос Григорий V Апират, ни другие армянские (и номинально покорные Риму) епископы, верные Левону. Второй папский легат — Соффред протестовал против этого решения, однако главенство и инициатива оставались в руках более опытного и известного заморским франкам кардинала Петра. В январе 1205 г. Папа Иннокентий III оповестил короля Армении о том, что размеры и формы компенсации ордену тамплиеров должны будут определить латинские епископы Валансии и Гибелета, т. е. прелаты, занимавшие кафедры в пределах княжества Антиохии-Триполи, в известной степени зависимые от князя Боэмунда IV. Не видя иного выхода из сложившегося положения, Левон пошел на значительные уступки и вернул тамплиерам захваченные годом ранее замки; Ля Рош Гильом и Ля Рош Руссель и, как отмечает Райли-Смит, возможно Порт Боннель¹⁰³⁶. Так, часть проходов и склонов Аманоса вновь перешли к тамплиерам и, соответственно, к их патрону и союзнику — князю

¹⁰³⁵ Пресвитер Петр де Сент-Марсель, уже совершавший путешествие в Антиохию в 1203 г., был возвращен Иннокентием III из Константинополя, с новой миссией, направленной на разрешение конфликтов между королем Армении, князем Антиохии и орденом тамплиеров.

¹⁰³⁶ История этого конфликта изложена в переписке короля Левона с Папой Иннокентием III, см. Innocentius III Pontifex Romanus. Epistolae, PL. Vol. 215. — №119, с. 687—691. Послание Папы Иннокентия III, с поручением епископам Валансии и Гибелета определить компенсацию, которую Левон должен будет предоставить тамплиерам в дополнение к замкам Ля Рош Руссель и Ля Рош Гильом, см. Ibid. — №189, с. 504. См. также: Riley-Smith J. The Templars and the Teutonic Knights in Cilician Armenia... P. 102—103; Cahen C. La Syrie du Nord... P. 605—606.

Антиохии-Триполи. Однако Баграс по-прежнему оставался под властью короля Киликийской Армении; и эта великая твердыня все еще служила плацдармом для нападений на Антиохию, от которой Левон I совершенно не собирался отказываться.

Осада Антиохии (1207 г.)

Прошло чуть более года после окончания междоусобицы в графстве Триполи, как король Левон предпринял новую попытку взять Антиохию, причем на этот раз его наступление встретило прямую поддержку со стороны латинского Патриарха Петра I Ангулемского и части остававшегося в городе франкского нобилитета. Зимой 1207 г. армия Левона вновь скрытно сосредоточилась у Баграса, откуда, со всей возможной скоростью, перешла к стенам Антиохии. На этот раз князь Боэмунд IV находился в городе и лично руководил обороной. Не страшась присутствия князя, Патриарх Петр I Ангулемский открыл ворота города войскам короля Левона; Боэмунд IV Одноглазый и его воины должны были отступить и укрыться в цитадели. Однако, когда франко-армянская армия Левона вошла в город и рассредоточилась по городским кварталам, Боэмунд IV повел свои войска в контрнаступление из цитадели, вниз, по склонам горы Сильп — нанеся новое поражение киликийскому монарху. К началу 1208 г. армия славного короля Армении была с потерями выбита из Антиохии и принуждена покинуть ее предместья.

Отбив все атаки Левона, князь Боэмунд IV и представители коммуны пошли на беспрецедентный шаг — они обратились против обвиненного в государственной измене латинского Патриарха Петра I. Утвержденный Апостольским престолом Патриарх, глава Антиохийской Церкви, был осужден светским судом, состоявшим из самого Боэмунда IV, его баронов и франко-греко-сирийской коммуны. Патриарха заточили в антиохийской цитадели, где его методично морили голодом и, в результате, довели до самоубийства; обезумевший от жажды латинский Патриарх выпил масло из горевшей в его камере лампы. О том, что активную роль в пленении и осуждении латинского Патриарха вновь играла именно коммуна Антиохии, пишет Тирский Тамплиер, согласно которому в 1208 г. «князь Боэмунд Антиохийский, его рыцари, и коммуна» заточили Патриарха Петра I в темнице, где он и умер, так

и не увидев сострадания¹⁰³⁷. Разъяренный новым поражением, Левон I Рубенид бросил свои войска на разорение северных земель княжества Антиохийского, однако князь Боэмунд IV снова прибегнул к расчетливым дипломатическим мерам; направив посольство в Малую Азию, он привлек нового Румского султана Кей-Хосрова I к нападению на северные провинции Киликийской Армении. И вновь, как и в 1203 г., Левон должен был отказаться от дальнейшей борьбы за Антиохию ради защиты своих владений и христиан Киликии¹⁰³⁸. Эта победа Боэмунда IV Одноглазого и его союзников в очередной схватке за Антиохию привела к многолетнему затишью на границах между княжеством Антиохийским и Киликийской Арменией; активные боевые действия не возобновлялись там на протяжении более чем восьми лет.

В то же самое время, кампании 1204 и 1207 гг. со всей определенностью показали невозможность взятия Антиохии, покуда князь Боэмунд IV опирался на поддержку коммуны и населения. Именно сопротивление города и его коммуны сковывало силы Левона и позволяло Одноглазому князю стягивать и направлять силы своих антиохийских сторонников, триполийских вассалов, тамплиеров и союзных мусульманских правителей¹⁰³⁹.

IV. Антиохийская коммуна — структура, состав, преемство

Византийское влияние. Равноправное присутствие франков и ромеев в составе коммуны

Завершив краткое обозрение истоков и первой стадии «войны за Антиохийское наследство» (1193—1208 гг.), обратимся к самой Антиохийской коммуне — к составу и организации этого уникального

¹⁰³⁷ Les gestes des Chiprois. — Lib. I, P. 17.

¹⁰³⁸ Достаточно подробное описание боев за Антиохию в 1207—1208 гг. приводит Продолжатель Гильома Тирского (рукопись Кольбер-Фонтенбло). См. L'Estoire Eracles... P. 313—314. См. также: Cahen C. La Syrie du Nord... P. 613—614; Riley-Smith J. The Templars and the Teutonic Knights in Cilician Armenia... P. 103—105.

¹⁰³⁹ К тому же, нельзя не отметить, что Боэмунд IV показал себя упорным воином и крайне успешным дипломатом. Его союзы с эмиром Аз-Захиром Алеппским и с далекими румскими султанами стали важнейшим фактором в исходе его противостояния с королем Левоном в 1201—1208 гг.

«франко-греко-сирийского» муниципального образования, рожденного на стыке латинского и византийского миров. Если вопрос о том, входили ли восточные христиане в состав Антиохийской палаты бургес остается открытым, то присутствие (и при этом — преобладающее присутствие) греков и сирийских мелькитов в Антиохийской коммуне не вызывает каких-либо сомнений¹⁰⁴⁰. Будучи одним из немногих историков, занимавшихся историей Антиохийской коммуны, Клод Каэн приходит к заключению, что «коммуна изначально включала антиохийских греков» и что «греки входили в состав коммуны наравне с франками»¹⁰⁴¹. В относительно недавнем исследовании, посвященном городской жизни Антиохии начала XIII в., Н. Джамиль и Дж. Джонс сходным образом отмечают, что «коммуна состояла преимущественно из православных»¹⁰⁴².

Отсутствие притязаний Ромейской империи и угроза, созданная армянским королем, сделали возможным стремительную консолидацию латинских и византийских христиан Антиохии. Как пишет Каэн, «из послания Папы Иннокентия III составленного в 1199 г., мы знаем о том, что судьи коммуны следовали греческим (византийским. — С. Б.) обычаям и что среди них были судьи-греки»¹⁰⁴³. Папское послание, о котором говорит Каэн, было составлено в январе 1199 г. и направлено латинскому Патриарху Антиохии — Петру I Ангүлемскому. В этом послании Папа Иннокентий III обвиняет Антиохийскую коммуну в том, что она «попала и извратила права латинской Церкви, следуя обычаям и суждениям греков»¹⁰⁴⁴. Под «попращением прав» Церкви понтифик несомненно подразумевает введенное коммуной налогообложение церковных земель — законоположение, которое явно выдает влияние византийских традиций и мощное присутствие греков в коммуне. Латинский Запад не знал подобных налогов, и там церковные земли были неприкосновенными, свободными от светских поборов. В Византии и на мусульманском Востоке, напротив, церкви и монастыри регулярно вносили подати, взимаемые светской властью, если не получали освобождения

¹⁰⁴⁰ Об Антиохийской палате бургес см. выше: Часть IV, гл. 3, С. 100—105.

¹⁰⁴¹ Cahen C. *La Syrie du Nord*... P. 547, 656.

¹⁰⁴² Jamil N., Johns J. *An Original Arabic Document from Crusader Antioch (1213 AD)*... P. 166—167.

¹⁰⁴³ Cahen C. *La Syrie du Nord*... P. 656.

¹⁰⁴⁴ Innocentius III Pontifex Romanus. *Epistolae* // PL. Vol. 214. — №512, с. 474.

от налогообложения, в качестве особой милости от государей¹⁰⁴⁵. Очевидно, что эта византийская традиция была с энтузиазмом воспринята франкским и итальянским бюргерством Антиохии; латиняне охотно проводили практику сбора податей с церковной собственности, следуя примеру и действиям совместно со своими греческими и сирийскими соратниками по коммуне. В этом заложен, пожалуй, один из великих парадоксов истории крестовых походов; накануне и в период завоевания крестоносцами Византии в одном из латинских государств Заморской земли греческие сановники судьи (криты), при поддержке франкского князя и бюргерства, облагали налогами церкви и земли латинского клира. И Апостольский престол оказался не в силах защитить латинскую Церковь в северной Сирии, чьи права попирались коммуной Антиохии. Судьи коммуны заседали при Юстиниановой церкви Пресвятой Богородицы — главном храме византийских христиан Антиохии эпохи крестовых походов, что вновь указывает на преобладающее влияние «греков»¹⁰⁴⁶.

Главы коммуны

О том, кто именно считался главой Антиохийской коммуны, каковы были его титул и полномочия, известно не так уж много, и то, что мы знаем — весьма противоречиво. В 1193 г. на собрании, провозгласившем создание Антиохийской коммуны, председательствовал латинский Патриарх Антиохии Рауль II, а само собрание проходило в соборе Св. Петра¹⁰⁴⁷. В начале XIII в. князь Боэмунд IV Одноглазый даровал своему старшему сыну — Раймонду титул «балы Антиохии», что должно было упрочить его связь с великой северной столицей княжества. Можно даже предположить, что в обязанности балы — как наместника Антиохии входило и председательство на заседаниях коммуны. Однако со смертью молодого Раймонда (убитого в 1213 г.

¹⁰⁴⁵ Если, конечно же, они не получали освобождение от определенных обложений — однако это была особая милость, которую василевсы или арабские халифы даровали отдельным церквям и монастырям.

¹⁰⁴⁶ Cahen C. *La Syrie du Nord*... P. 334. Об этом мы уже упоминали выше, см. Часть IV, гл. 1, С. 100—105.

¹⁰⁴⁷ См. выше: С. 100—105.

в соборе Пресвятой Девы Марии в Тартусе ассасинами), последующие наследники Антиохийского княжеского престола уже не получали титула бальи¹⁰⁴⁸. В период трехлетнего правления князя Раймонда-Рубена (1216—1219 гг.) на некоторых антиохийских хартиях появляются имена *мэров* коммуны. При Раймонд-Рубене мэрами Антиохийской коммуны были княжеский сенешаль Ашари де Сармения и коннетабль Робер де Мансель¹⁰⁴⁹. То, что первым известным мэром коммуны стал княжеский сенешаль, а вторым — его коннетабль, дает основание предположить, что Раймонд-Рубен пытался подавить независимость коммуны, назначая мэров из своего ближайшего окружения. Боэмунд IV, который, напротив, пользовался искренней поддержкой горожан Антиохии и, очевидно, не пытался навязывать им мэров, тем более — из числа антиохийского нобилитета. По словам Каэна, «у нас нет ни одного свидетельства о том, чтобы Боэмунд IV вмешивался в назначение мэров и магистратов»¹⁰⁵⁰. Вероятно, что титул мэра существовал лишь в кратковременное правление Раймонда-Рубена, а князья Боэмунд IV, Боэмунд V и Боэмунд VI Красивый (которые, как известно, проводили основную часть своего времени в Триполи), управляли в Антиохию бальи, которым поручали как регентство над городом, так и председательство над коммуной, без поддержки которой осуществлять функции княжеского наместника было бы невозможно. Последним известны бальи Антиохии был Жан де Анжевиль, занимавший свой пост в период правления Боэмунда VI Красивого, в последние годы существования великого града на Оронте¹⁰⁵¹. На протяжении всего XIII вв. коммуна играла основополагающую роль в жизни Антиохии, в реорганизации ее церковной жизни, пребывании в городе православных патриархов, в утверждении монгольского сюзеренитета над княжеством Антиохийским.

¹⁰⁴⁸ Подробнее см. Cahen C. *La Syrie du Nord*... P. 461, 620.

¹⁰⁴⁹ «Ашари, сенешаль Антиохии и мэр коммуны» (Acharias, Antiochiaie senescalcus maies comunie), фигурирует на хартии князя Раймонда-Рубена, датированной февралем 1216 г.; Röhrich R., ed. *Regesta Regni Hierosolymitani*... — №884, P. 238. «Мансель — коннетабль и мэр Антиохии» (Mansellus constabularius et maior Antiochiaie), упоминается в хартии Раймонда-Рубена Тевтонскому ордену в марте 1219; Ibid. — №920, P. 245.

¹⁰⁵⁰ Cahen C. *La Syrie du Nord*... — P. 656.

¹⁰⁵¹ Жан де Анжевиль, бальи Антиохии (Johan d'Angeville, baillivus Antiochiaie), упоминается в хартии князя Боэмунда VI Красивого, датированной 1 мая 1262 г. См. Röhrich R., ed. *Regesta Regni Hierosolymitani*... — №1317, P. 344.

Наследники Антиохийской коммуны

Антиохийская коммуна была не только первой коммуной в Заморской земле, но и первым прецедентом объединения византийских христиан в подобие латинских муниципальных образований — коммун и братств. Рецепция разработанных на латинском Западе форм муниципальных объединений позднее приведет к формированию и других «латино-византийских» коммун и братств в Святой земле, на Кипре, в венецианских колониях Средиземноморья. В последние годы существования Иерусалимского королевства, в Акре, среди многочисленных братств существовало «братство Св. Георгия Вифлеемского» (или «братство Св. Георгия и Белиана»), объединявшее сирийских мелькитов¹⁰⁵². В городах Кипрского королевства, в особенности в Никосии и Фамагусте, греки оставались не просто на положении покоренного местного населения; греческие чиновники королевского секрета и окружения местных бальи, так же как и многочисленные греческие (и сиро-мелькитские) купцы и ремесленники, играли видную роль в жизни островного королевства Лузиньянов. Ярчайшим памятником греко-латинского соприкосновения в пределах Кипрского королевства служит православный собор Св. Георгия в Фамагусте — готический собор, воздвигнутый кипрскими ромеями и не уступающий по высоте и величию латинским соборам Св. Николая и Свв. Апостолов Петра и Павла. Рецепция готической архитектуры в этом отношении прямо отражает и рецепцию других элементов латинской городской культуры¹⁰⁵³.

В связи с преемниками Антиохийской коммуны в пределах Заморской земли нельзя не вспомнить и о восстании Св. Тита на венецианском Крите в 1363—1368 гг., направленном против метрополии, «светлейшей республики Св. Марка». Во время этого восстания критские греки и «критские» венецианцы объединились в еще одну коммуну — коммуну Крита.

¹⁰⁵² Folda J. Crusader Art in the Holy Land. From the Third Crusade to the Fall of Acre, 1187—1291... — P. 398; Ришар Ж. Латино-Иерусалимское королевство... С. 268.

¹⁰⁵³ Сходными памятниками греческого влияния на латинском (франкском и венецианском) Кипре остаются такие памятники церковного зодчества, как храм Панагии Хрисоланиотиссы (воздвигнутый Еленой Палеолог, супругой короля Жана II де Лузиньяна) и готический собор Св. Николая (позднее известный как «Бедестан», т. е. крытый турецкий рынок) в Никосии, переданный православным в эпоху венецианского правления. Подробнее, см. Boase T.S.R. Ecclesiastical Art in the Crusader States... P. 174—175.

Однако, вспоминая об этой странице в истории греко-латинского соприкосновения в восточном Средиземноморье, нельзя не указать на то, что предтечей «коммуны Крита» была коммуна Антиохии, провозглашенная почти за два века до этого в северной Сирии¹⁰⁵⁴. Так, все последующие муниципальные образования, коммуны и братства, которые объединяли латинских и византийских христиан в континентальном Леванте, на Кипре и Крите, во многом следует воспринимать именно как наследников Антиохийской коммуны.

V. Церковь «греков» и Церковь «латинян» на землях Сирии, Киликии и Кипра. Новая эпоха (1192—1291 гг.)

Падение византийского сюзеренитета, непрекращающиеся войны между государями Антиохии и Армении и, конечно же, формирование Антиохийской коммуны существенным образом повлияли на положение и дальнейшее соприкосновение Церквей «греков» и «латинян» в северной Сирии и Киликии. Многие проявления этого соприкосновения, имевшие место в княжестве Антиохии-Триполи и королевстве Армении, можно считать абсолютно уникальными и не встречающимися параллелей в истории крестовых походов. Если ранее мы подробно говорили о том, какое значение франки придавали объединению всех «кафолических» (латинских и византийских) христиан под канонической властью единого, латинского епископата, то на исходе XII в. в некоторых регионах Заморской земли стала утверждаться совершенно иная модель греко-латинских церковных взаимоотношений, которая заключалась в фактическом признании франками двух параллельных иерархий.

Православная Церковь на Кипре. Первые годы франкского правления и последующие реформы (1191—1231 гг.)

В пределах Иерусалимского королевства, как уже было сказано выше, существовала практика поставления особых восточных архиереев для окормления общин сириан (мелькитов), греков и грузин на

¹⁰⁵⁴ McKee S. The Revolt of St Tito in fourteenth-century Venetian Crete: A reassessment // *Mediterranean Historical Review*. — 1994. — Vol. 9, №2. — P. 173—204.

Святой земле; однако эти архиереи оставались на положении викариев латинского Патриарха¹⁰⁵⁵. Впервые же идея сосуществования именно параллельной, разделенной греческой и латинской церковной иерархии возникла на Кипре, в период правления первых франкских государей этого островного королевства — братьев Ги и Амори де Лузиньянов. В годы правления «короля Иерусалимского» Ги де Лузиньяна на Кипре в принципе не было организованной латинской Церкви; единственными епископами острова были византийские архиереи. Предстоятель автокефальной Кипрской Церкви — Архиепископ Софроний II оставался на кафедре до самой своей смерти (около 1192 г.); это позволяет прийти к выводу, что ни завоевавший остров король Ричард I Львиное Сердце, ни тамплиеры (во время своего кратковременного владычества) не посягали на жизнь, свободу или кафедру этого первоиерарха. После кончины Архиепископа Софрония II «сир Кипра» Ги де Лузиньян позволил своим греческим подданным избрать нового предстоятеля для Кипрской Церкви¹⁰⁵⁶; этим предстоятелем стал мелькитский епископ Лидды Исая¹⁰⁵⁷.

Преемник Ги (+1194) — его старший брат Амори де Лузиньян ввел на Кипре латинский епископат; по приказу этого государя и с дозволения Апостольского престола на острове были учреждены латинские епископские кафедры Фамагусты, Пафоса, Лимассола и главенствующая над ними архиепископия Никосии. Однако это стало именно учреждением параллельной иерархии, т. к. отныне в пределах формируемого Кипрского королевства должны были сосуществовать латинские прелаты и византийские архиереи¹⁰⁵⁸. Конечно же, учреждение латинских диоцезов сопровождалось определенным (прежде всего — экономическим, имущественным) притеснением

¹⁰⁵⁵ К числу этих архиереев принадлежали будущие православные иерусалимские Патриархи начала XII в.: митрополит Иоанн Тирский и архиепископ Савва Кесарийский. Подробнее см. выше: Часть IV, гл. 1, С. 100—105.

¹⁰⁵⁶ Подробнее о положении православной иерархии на Кипре в годы правления первых королей Лузиньянов см. Hamilton B. The Latin Church in the Crusader States... с.12, P. 313, 317—320.

¹⁰⁵⁷ Здесь было бы уместно предположить, что взойшедший на Кипрскую кафедру Архиепископ Исая был тем самым епископом Лидды, который в 1192 г. посетил, со своей паствой и клиром, лагерь крестоносцев и преподнес королю Ричарду частицу Истинного Креста. См. выше: Часть IV, гл. 1, С. 100—105.

¹⁰⁵⁸ Edbury P.W. The Kingdom of Cyprus and the Crusades. 1191—1374... с.3, P. 29.

православных епархий; от византийских церковных иерархов требовали уступки части церковных земель. Тем не менее, православная Церковь Кипра смогла сохранить полноценную иерархию и большую часть своих церквей и монастырей. В этом отношении, автокефальная Кипрская Православная Церковь существовала на тех же условиях, что и Армянская, Сиро-яковитская и Маронитская Церкви в континентальном Леванте. Вильбранд Ольденбургский, во время своего пребывания на Кипре (в 1212 г.), дивился тому, что латинская Церковь на острове находится под управлением всего лишь четырех прелатов, в то время как Церковь кипрских греков сохраняла куда более внушительную и многочисленную иерархию, насчитывавшую четырнадцать епископов (Архиепископа Новой Юстинианы и тринадцать епархиальных архиереев)¹⁰⁵⁹. Благодаря разумной толерантности первых трех королей династии Лузиньянов — Ги (1192—1194 гг.), Амори (1194—1205 гг.) и Гуго I (1205—1218 гг.) — франкский Кипр на протяжении первых тридцати лет своего существования избегал тех болезненных процессов, которыми сопровождалось утверждение латинской Церкви в Сирии, Палестине и Романии.

Несмотря на то, что эта сравнительно гармоничная модель греко-латинских церковных взаимоотношений возникла на Кипре, там она не просуществовала и трети века. При третьем короле Кипра, Генрихе I де Лузиньяне, независимое положение византийской церковной иерархии было ликвидировано папским легатом Пелагием Альбанским. В 1222 г. кардинал Пелагий, руководствуясь полномочиями, данными ему Апостольским престолом, сократил число греческих епархий Кипра с четырнадцати до четырех, подчинил византийский епископат — латинскому, а также распространил юрисдикцию латинских иерархов на все монастыри Кипра, открыв путь к их латинизации¹⁰⁶⁰. В этот период на защиту православных и греческого клира Кипра встал балы королевства — Филипп Ибелин. В 1223 г. Филипп открыто выступил против финансовых притеснений греческого клира, за которые ратовал кардинал Пелагий Альбанский и которые поддерживала вдовствующая королева Алиса, мать юного Генриха I де Лузиньяна. Причем в своей защите православных Филипп указывал не только на права греческого клира, но и на алчность местной латинской иерархии. Филиппа поддержала

¹⁰⁵⁹ Wilbrandus de Oldenburg. Op.cit. — P. 180.

¹⁰⁶⁰ Hamilton B. The Latin Church in the Crusader States... c.12, P. 317—318.

большая часть баронов Кипрского королевства; Алиса принуждена была покинуть остров и искать убежище при дворе князя Боэмунда IV в Триполи¹⁰⁶¹. Примечательно, что столь значимый конфликт между вдовствующей королевой и бальи Кипра разгорелся именно из-за вопросов прав и притеснений православного клира, на что указывает в своей монографии Дж. Хилл¹⁰⁶². Православный клир Кипра был огражден от латинских поборов вплоть до смерти Филиппа Ибелина, наступившей в 1227 г. Действия Филиппа Ибелина, предпринятые для (пусть и временной) защиты православных Кипра, представляют особой интерес, особенно в свете осмысления династических связей, установленных между Комнинами и франками Заморской земли в предшествующем столетии. Филипп и его брат Жан были сыновьями Балиана Ибелина и Марии Комниной, внучатой племянницы императора Мануила. Соответственно, он с детства был приобщен и к византийской церковной традиции, остававшейся родной для его матери¹⁰⁶³.

Так или иначе, реформы кардинала Пелагия, в итоге поддержанные королями Лузиньянами, положили началу яростным столкновениям между греческим и латинским клиром на Кипре. В 1231 г. состоялся достаточно крупномасштабный и беспрецедентный для Латинского Востока акт — казнь тринадцати греческих монахов в Кантаре. Тринадцать иноков обители Пресвятой Богородицы Кантариотиссы, вступивших в ожесточенный спор с латинскими (вероятно — доминиканскими) монахами об использовании азимов в евхаристии, были брошены в темницу и сожжены. П. Эдбурри отмечает исключительность этого события, указывая на то, что казнь монахов, инициированная местным латинским священноначалием, имела место в период разрушительной гражданской войны между имперской партией и Ибелинами, когда островное королевство пребывало в состоянии полнейшего хаоса. По его словам, «это, единственное известное преступление подобного рода, имело место в период

¹⁰⁶¹ Там она повторно вышла замуж — за Боэмунда, второго сына князя Боэмунда IV Одноглазого, будущего князя Антиохии-Триполи (Боэмунда V). Хотя и этот брак оказался недолговечным, т. к. был расторгнут по требованию Папы Гонория III из-за близкого родства Боэмунда V и Алисы.

¹⁰⁶² Hill G. A History of Cyprus. Vol. II. — Cambridge, 2010. — P. 88 (с обоснованием и указанием источников); Runciman S. A History of the Crusades. — Vol. III, Book II, c.2, P. 179—180.

¹⁰⁶³ Подробнее о браке Марии Комниной и Балиане Ибелине, см. выше: Часть III, гл. 3, С. 100—105.

гражданской войны, когда центральная власть была полностью поглощена другими делами»¹⁰⁶⁴. М. Ангольд, со своей стороны, не исключает того, что монахи могли сами навлечь на себя мученическую кончину, т. к. их открытое и непримиримое порицание латинской практики использования азимов можно было воспринимать как хулу на Тело Христово. При этом Ангольд обращает внимание и на то, что действия монахов и их казнь не получили столь уж однозначной «агиографической» оценки со стороны их архипастыря — Архиепископа Кипрского Неофита, что отражено в его переписке с Вселенским Патриархом Германом II¹⁰⁶⁵. В 1260 г., в период правления короля Кипрского Гуго II де Лузиньяна, Папа Александр IV издал «Конституцию Кипра» (*Constitutio Cypria*), подтвердив реформу Пелагия и окончательно закрепив то положение, в котором православная Кипрская Церковь пребывала вплоть до османского завоевания (1571 г.)¹⁰⁶⁶. Незвизирая на то, что крайне толерантная система сосуществования двух параллельных (латинской и византийской) иерархий достаточно быстро была вытеснена из пределов Кипрского королевства, в объединенном княжестве Антиохии-Триполи, где она была введена в 1206 г., ей суждено было просуществовать вплоть до уничтожения государств крестоносцев в континентальном Леванте.

Восстановление православного Патриархата в Антиохии. Патриарх Симеон II ибн Абу Саиб. Отлучение Боэмунда IV и франков Антиохии от общения с латинской Церковью

На пятом году своего второго правления в Антиохии и в самый разгар войны за Антиохийское наследство князь Боэмунд IV Одноглазый дозволил коммуне и населению Антиохии избрать православного Патриарха. Этот шаг князя является, пожалуй, наиболее ярким

¹⁰⁶⁴ Edbury P.W. The Kingdom of Cyprus and the Crusades. 1191—1374. — с. 4, Р. 67. Сходных позиций, указывающих на беспрецедентность подобной расправы, указывает и Б. Гамильтон. См. Hamilton B. The Latin Church in the Crusader States... с. 12, Р. 318.

¹⁰⁶⁵ Angold M. Greeks and Latins after 1204: Perspectives of Exile... Р. 73.

¹⁰⁶⁶ Хотя, конечно же, нельзя не отметить, что определенные благодеяния, такие как передача латинского собора Св. Николая в Никосии греческому клиру, пришлось на долю православных в период венецианского правления. Текст «*Constitutio Cypria*» Папы Александра IV см. Bourel de La Ronciere C., ed. Les Registres de Alexandre IV. — Paris, 1902. — № 3180, Vol. II, Р. 127.

свидетельством мощного присутствия и влияния греков и мелькитов в Антиохийской коммуне, их участия в городской жизни и войне с королем Киликийской Армении. Стремление Бозмунда IV умиротворить коммуну и население Антиохии вполне понятно. Одноглазый князь только что подавил восстание баронов в графстве Триполи; на севере же с новыми силами собирался Левон I Великий и многочисленные франкские сторонники юного Раймонда-Рубена. В то же время латинский Патриарх Антиохии Петр I Англемский был враждебно настроен к Бозмунду IV и открыто склонялся к союзу с Раймондом-Рубеном¹⁰⁶⁷. Так, спустя два года после разорения крестоносцами Константинополя один из франкских государей Заморской земли санкционировал избрание православного Патриарха в Антиохии, нанес тем самым прямой ущерб латинской иерархии.

В 1206 г. на патриарший престол Антиохии взошел местный мелькитский клирик, сириец Абу Саиб, принявший имя «Симеона II»¹⁰⁶⁸. Избрание и интронизация Патриарха Симеона II Абу Саиба является одним из важнейших событий — как для истории Антиохийской Церкви X-XIV вв., так и для греко-латинского церковного соприкосновения эпохи крестовых походов. Впервые со времен Патриарха Петра III (+1056 г.) на восточную кафедру св. Петра взошел уроженец Антиохии¹⁰⁶⁹. Со времен низложения Патриарха Агапия II, то есть на протяжении 210 лет, патриарший престол Антиохии и всего Востока не переходил к мелькиту. Впервые со времен низложения Агапия II и реформ его преемника — Иоанна III Полита (996 г.) избрание и хиротония Патриарха были совершены в самой Антиохии, а не в Константинополе. На протяжении двух веков Антиохийское патриаршество оставалось в руках «сынов великой Константинопольской Церкви»¹⁰⁷⁰.

¹⁰⁶⁷ Эти устремления Петра Англемского спустя два года привели к описанному выше противостоянию 1207—1208 гг., завершившемуся изменой, пленением и умерщвлением латинского Патриарха.

¹⁰⁶⁸ Подробнее о сирийском происхождении Симеона II Абу Саиба см. Hamilton B. The Latin Church in the Crusader States. The Secular Church. — с.12, P. 314; Charon C. (Karalevskij C). Antioche // Charon C. (Karalevskij C.), ed. Dictionnaire d'Histoire et Geographie ecclesiastiques. — Paris, 1924. — Vol. III, P. 581—703.

¹⁰⁶⁹ Хотя антиохиец Феодосий Ворадиот занимал константинопольский патриарший престол в 1179—1183 гг. Подробнее см. выше: Часть IV, гл. 1, С. 100—105.

¹⁰⁷⁰ Подробнее о переменах, постигших Антиохийский Патриархат после низложения Агапия II и восшествия на престол Иоанна III Полита, см. выше: Часть I, гл. 3, С. 100—105.

Восшествие на престол Симеона II Абу Саиба, инициированное франкским князем и коммуной, ознаменовало новый период в истории Антиохийской Церкви, возвращение Патриархата в Левант. Это был первый прецедент избрания православного Патриарха на землях, подвластных латинским государям Востока¹⁰⁷¹. Примечательно также, что это, первое в истории избрание православного Патриарха в пределах Антиохийского княжества, было совершено без какого-либо давления со стороны византийских василевсов¹⁰⁷²; оно стало возможным исключительно благодаря соглашению франкского князя и его латинских сторонников с греческим и мелькитским населением Антиохии. Рассматривая историю восшествия Симеона II на патриарший престол, неминуемо приходим к вопросу — как именно проходили его избрание, хиротония и интронизация? То, что Симеон II Абу Саиб был избран клиром и коммуной Антиохии, в достаточной мере понятно. Однако кто совершил хиротонию и интронизацию нового мелькитского Патриарха? На этот счет нет каких-либо источников и свидетельств. Естественно, его хиротонию должны были совершать по меньшей мере два архиерея. Можно предположить, что эти архиереи должны были прийти в Антиохию либо из пределов Киликийской Армении, либо (что более вероятно) из подвластных мусульманам областей Сирии. Вполне возможно, что хиротонию и интронизацию Симеона II могли совершить архиереи Дамасской митрополии, Алеппо или других великих городов Востока, сохранявших действующие мелькитские кафедры.

¹⁰⁷¹ Патриарх Иоанн V Оксит занял кафедру задолго до установления франко-нормандского правления в Сирии; он был прислан в Антиохию ок. 1089 г. В июне 1098 г. крестоносцам требовалось лишь вызволить его из заключения и восстановить на престоле св. Петра. Подробнее об Иоанне Оксите см. выше: Часть II, гл. 2, С. 100—105; Часть IV, гл. 1, С. 100—105. Патриарх Афанасий I Манасси в 1165—1166 гг. был принят князем Боэмундом III в Антиохии, однако его избрание на патриарший престол имело место за несколько лет до этого, в Константинополе (в 1157 г.). Об Афанасии I Манасси, см. Часть III, гл. 3, С. 100—105. Конечно же, здесь следует допустить определенную оговорку, т. к. первым предстоятелем поместной православной Церкви, избранным на франкских землях, стал Архиепископ Исайя Кипрский, возведенный на кафедру в 1192 г. Однако Симеон II Абу Саиб стал первым из патриархов Антиохии и Иерусалима, избранных на франкских землях. Прецедент избрания *патриарха* имел несравненно большее значение для православного мира, нежели избрание автокефального Архиепископа Кипра.

¹⁰⁷² Естественно, прежняя Ромейская держава была уже расчленена; однако избрание Симеона II проходило без какого-либо давления или вмешательства деспотов Никей, Эпира или братьев-василевсов Трапезунда.

Киликийские архиереи, даже если и не участвовали в хиротонии и интронизации Симеона II, все же признали его законным Патриархом. Признанию легитимности Симеона II, бесспорно, способствовала и латинская оккупация Константинополя, перечеркнувшая поставление титулярных Антиохийских Патриархов в столичном Одигийском монастыре¹⁰⁷³. Открытым остается вопрос и о том, где именно была совершена интронизация Патриарха Симеона II Абу Саиба — в соборе Св. Петра или в Юстиниановой церкви Пресвятой Богородицы? Однако и на этот вопрос нет четкого ответа. Патриарх Петр I Ангулемский и латинский капитул собора Св. Петра оставались в Антиохии; соответственно, можно предположить, что даже если церемония интронизации и была совершена на исторической кафедре «князя Апостолов», основным храмом православного Патриарха оставалась Юстинианова церковь Пресвятой Богородицы, в то время как латинский Патриарх удерживал собор Св. Петра. Так или иначе, утверждение Патриарха Симеона II в Антиохии предполагало перераспределение церквей, монастырей и церковных земель между двумя иерархиями. Отныне из состава латинского Патриархата выходили церкви и монастыри греков, мелькитов, грузин и армян-халкидонитов. Помимо Юстиниановой Богородичной церкви, в подчинение православному Патриарху переходила башня Св. Дометиана, монастырь Св. Параскевы и другие антиохийские церкви мелькитов (к примеру, после 1213 г. — церковь Пресвятой Богородицы Аль-Шбуба), а также великие обители северной Сирии и Черной горы, в частности — лавра Св. Симеона Дивногорца, лавра Св. Илии, сирийские монастыри халкидонских христиан Кавказа (грузин и армян-халкидонитов).

Вполне естественно, что избрание Патриарха Симеона II и перераспределение храмов, монастырей и церковных земель, проведенное при поддержке князя Бозмунда IV и Антиохийской коммуны, глубоко шокировало латинское духовенство. Патриарх Петр I

¹⁰⁷³ В различных перечнях Антиохийских Патриархов встречаются имена Патриархов Иоакима и Дорофея (или Иерофея), которые занимали патриаршую кафедру в период между смертью Феодора IV Вальсамона в Константинополе и избранием Симеона II Абу Саиба в Антиохии. Однако вопросы хронологии и достоверности этих источников создают массу проблем; фактически, у нас нет проверенных, достоверных свидетельств о претендентах на Антиохийский патриарший престол, занимавших кафедру после Вальсамона и до избрания Абу Саиба. См. Neale J.M. A History of the Holy Eastern Church. The Patriarchate of Antioch... P. 176; Порфирий (Успенский). Сирия. Список антиохийских патриархов... С. 75.

Ангулемский отлучил от Церкви как самого князя Боэмунда IV, так и членов Антиохийской коммуны, а также всех тех франков, которые имели отношение к избранию или состояли в общении с Патриархом Симеоном II. Но, как отмечал Клод Казн, эти меры не возымели действия, поскольку и князь Боэмунд IV, и его франкские бароны и соратники, и члены коммуны стали посещать богослужения и принимать таинства от Патриарха Симеона II и православного клира Антиохии¹⁰⁷⁴. Разгневанный Папа Иннокентий III писал: «До нас дошло, что, по собственному волеизъявлению, граф Триполи, совместно с нобилитетом, гражданами и частью греческого клира Антиохии, презрев страх Божий, поставил над Антиохией и всей областью греческого Патриарха. При этом греческие клирики, доселе хранившие верность нашему брату, Патриарху Антиохийскому (т. е. латинскому Патриарху Петру I Ангулемскому. — С. Б.) и получившие от него места служения и бенефиции, ныне отреклись от него, отказываются признавать наложенный на них интердикт, латинское отлучение, и продолжают совершать и принимать таинства»¹⁰⁷⁵. Вскоре князь Боэмунд IV, его бароны, коммуна и жители Антиохии удостоились уже не просто патриаршего, но папского отлучения¹⁰⁷⁶. Однако это также не повлияло на положение дел, и инициированное коммуной и Боэмундом IV разделение церковной собственности между латинской и православной иерархией оставалось в силе на протяжении всего XIII в. Об этом прямо свидетельствует послание другого римского понтифика — Папы Григория IX к «греческим, армянским и грузинским аббатам и клирикам града Антиохии и ее епархии» (от 26 июня 1238 г.), в котором тот призывает православных игуменов вернуться в подчинение к латинскому Патриарху Антиохии¹⁰⁷⁷.

Нельзя не отметить, что Боэмунд IV отнюдь не был одинок в своих устремлениях и усилиях по созданию параллельной церковной

¹⁰⁷⁴ Cahen C. La Syrie du Nord... P. 712.

¹⁰⁷⁵ Innocentius III Pontifex Romanus. Epistolae, PL. Vol. 215. — №9, с.1345. Послание понтифика обращено к латинскому Патриарху Иерусалима Альберу, папскому легату на Востоке.

¹⁰⁷⁶ Если вначале Боэмунда IV и его сторонников отлучил Антиохийский Патриарх Петр I Ангулемский, то теперь, уже по прямому повелению Папы Иннокентия III, интердикт был наложен Иерусалимским Патриархом Альбером, имевшим полномочия папского легата на Востоке.

¹⁰⁷⁷ Auvray L., ed. Les Registres de Grégoire IX. Vol. II. — №4467, с.1098.

иерархии для нужд подвластных византийских христиан. На Кипре, при королях Амори и Гуго I де Лузиньянах, сохранялась еще описанная выше система, подразумевавшая независимость Кипрской Православной Церкви от латинской иерархии. Более того, именно в период восстановления православного Патриархата в Антиохии, в 1206—1208 гг., к идее поставления обособленной иерархии для нужд византийских христиан склонялся и латинский император Романии — Генрих I Фландрский, однако его устремления были перечеркнуты действиями Папы Иннокентия III¹⁰⁷⁸.

Новый латинский Патриарх Антиохии. Отлучение Левона I. Союз князя Боэмунда IV с латинскими Патриархами Заморской земли

Спустя два года после поставления Патриарха Симеона II латинский Патриарх Петр I был пленен и заморен голодом по приказу князя и коммуны (1208 г.). На протяжении последующих двух лет (1208—1210 гг.) в Антиохии пребывал лишь один, православный Патриарх. Однако уже в 1209 г. Папа Иннокентий III избрал нового латинского Патриарха — Петра II Иврейского. Прославленный своим благочестием и аскетическими подвигами цистерцианец был возведен в сан самим понтификом; в одном из своих посланий Иннокентий III прямо пишет о том, что лично возложил паллиум на Патриарха Петра II¹⁰⁷⁹. Петр II Иврейский стал первым в числе многих латинских Патриархов Антиохии, которых избирали и возводили в сан лично римские понтифики, в Италии, и отправляли «в сущем сане» на Восток. До этого латинские Патриархи Антиохии все же избирались на Востоке франкским народом и клиром и поставлялись с одобрения (а часто — при решающем голосе) князя¹⁰⁸⁰. Помятуя о том, как завершилась

¹⁰⁷⁸ Angold M. Greeks and Latins after 1204: Perspectives of Exile // Latins and Greek in the Eastern Mediterranean after 1204. — London, 2007. — P. 67.

¹⁰⁷⁹ Innocentius III Pontifex Romanus. Epistolae, PL. Vol. 216. — №8, с.18—19.

¹⁰⁸⁰ Бернард Валенский был, до своего избрания на патриарший престол, епископом сирийской Арты (1100 г.); Рауль I Домфрон — архиепископом Мамистры (1135 г.); Амори де Лимож — деканом Антиохии (1140 г.); Рауль II — одним из клириков Антиохийской епархии (1193 г.); Петр I Ангулемский — епископом Триполи (1196 г.). О проблеме избрания и поставления латинских Патриархов Антиохии в XIII в. см. Hamilton B. The Latin Church in the Crusader States... с.9, P. 219—220. Также см. Брюн С.П. Восточный престол князя Апостолов. Почитание

судьба предшествовавшего латинского Патриарха Антиохии, Папа Иннокентий III вынужден был обратиться за поддержкой к единственному восточному государю, который мог повлиять на отлученного от Церкви князя Боэмунда IV, а именно — к «благородному султану Алеппо» (*Nobili viro soldano de Alapia*) Аз-Захиру. Рекомендуя (!) Петра Иврейского как достойнейшего и благочестивого человека, Иннокентий III просил Аз-Захира проследить за тем, чтобы новый Патриарх был защищен от каких-либо посягательств со стороны князя, который был более заинтересован в поддержке франкских, греческих и сирийских горожан Антиохии, нежели латинской церковной иерархии¹⁰⁸¹. Это обращение римского понтифика к племяннику Салах-ад-Дина, пожалуй, в наибольшей степени свидетельствует о том, насколько в войне за Антиохийское наследство все было поставлено «с ног на голову».

Избрание и путешествие в Сирию Патриарха Петра II Иврейского (в 1210 г.) совпало с новым поворотом в войне за Антиохийское наследство. Тамплиеры вновь решительно потребовали возвращения Баграса и всех своих владений в горах Аманоса, угрожая в противном случае покинуть Святую землю¹⁰⁸². Но король Левон не собирался поддаваться ни их угрозам, ни их прошениям. Посягательства Левона на права и собственность подчиненного римскому понтифику ордена прямо открывали перспективы для примирения и нового союза Боэмунда IV с Апостольским престолом; и Одноглазый князь не преминул воспользоваться этой возможностью. В 1210 г., нуждаясь как в быстрой нормализации отношений с Римской Церковью, так и в сохранении союза с Аз-Захиром, князь Боэмунд IV принял нового латинского Патриарха в Антиохии. Интронизация Петра II Иврейского была торжественно совершена в соборе Св. Апостола Петра; госпитальеры передали новому Патриарху сокровища ризницы, доверенные ордену предшествовавшем Антиохийским первосвященником¹⁰⁸³.

св. Петра в Антиохии в эпоху франкского правления (1098—1268 гг.) // Страницы. Библейско-богословский институт св. Апостола Андрея Первозванного. — 2014. — №2.

¹⁰⁸¹ Innocentius III Pontifex Romanus. Epistolae // PL. Vol.216. — №69, с.434.

¹⁰⁸² Innocentius III Pontifex Romanus. Epistolae // PL. Vol.216. — №45, с.54—56.

¹⁰⁸³ Кстати говоря, для прояснения хронологии, стоит отметить, что вышеописанное послание Иннокентия III эмиру Аз-Захиру было направлено понтификом спустя несколько месяцев после прибытия Петра II в Антиохию.

Утвердившись в Антиохии, Патриарх Петр II Иврейский обратился к королю Левону с призывом вернуть ордену Храма замок Баграс. Левон не только не последовал призыву Патриарха Петра II, но и конфисковал все владения тамплиеров на территории Киликийского королевства — замок Порт Боннель и прилегающие к нему земли в горах Аманоса. Более того, его войска вновь осадили ранее возвращенные тамплиерам замки Ля Рош Руссель и Ля Рош Гильом. Магистр ордена тамплиеров — Гильом Шартрский был ранен во время попытки прорваться к одному из осажденных замков во главе колонны подкреплений¹⁰⁸⁴. Это переполнило чашу терпения Папы Иннокентия III. Следуя прямому приказу римского понтифика, Патриархи Антиохии и Иерусалима — Петр II Иврейский и Альбер Авогадро, встав во главе всего латинского епископата Заморской земли (Сирии, Палестины, Кипра), отлучили от Церкви короля Левона¹⁰⁸⁵. Открытый конфликт короля Армении с латинской Церковью поставил Патриархов Петра II и Альбера «по одну сторону баррикад» с тамплиерами и, соответственно, с князем Антиохии-Триполи. Папа Иннокентий III призывал короля Иерусалимского — Жана де Бриенна — прийти со своими войсками на помощь тамплиерам и антиохийцам; понтифик велел Патриарху Альберу наставить в этом короля. Сам король предпочел остаться в Акре, однако 50 иерусалимских рыцарей и конных сержантов были отправлены на север; высадившись в гавани Св. Симеона, они приняли участие в походе князя Боэмунда IV и магистра Гильома Шартрского к осажденным замкам тамплиеров в Аманосе. Это был последний прецедент в истории Заморской земли, когда короли Иерусалима вмешивались в дела Антиохии и Армении, и направляли свои войска для участия во франкских рейдах в Киликии¹⁰⁸⁶. Вполне естественно, что эта перемена прямо вынуждала

¹⁰⁸⁴ Riley-Smith J. The Templars and the Teutonic Knights in Cilician Armenia... P. 106.

¹⁰⁸⁵ Innocentius III Pontifex Romanus. Epistolae // PL. Vol.216. — P. 430—431; Hamilton B. The Latin Church in the Crusader States... c.9, P. 220.

¹⁰⁸⁶ Достаточно вспомнить описанные выше дипломатические миссии и военные походы королей Иерусалимских в пределы Киликийской Армении; путешествия короля Бодуэна III в Мамистру (1158 г.) и Гуго Шампанского в Сис (1194 г.), военный поход короля Амори I и князя Боэмунда III против Млеха Рубенида в 1172 г. и отправку войск короля Фулька Анжуйского на помощь воевавшим в Киликии антиохийским франкам в 1136 г. О короле Фульке и участии его войск в кампаниях князя Раймонда против киликийских армян, см. выше: Часть II, гл. 2, С. 100—105. О киликийском походе короля Амори I и князя

Бозмунда IV пойти на новые уступки Римской Церкви и искать ее покровительства. В надежде заручиться поддержкой папства князь Бозмунд IV принял решение изгнать из Антиохии православного Патриарха Симеона II Абу Саиба. Не позднее 1210 г. — еще в преддверии объединенного похода войск князя Антиохийского, короля Иерусалимского и тамплиеров против Левона — мелькитский Патриарх покинул Антиохию. Однако изгнанный Симеон II немедленно обрел надежное убежище во владениях другого номинально «католического» монарха — короля Левона I Рубенида.

***Симеон II ибн Абу Саиб и православный Патриархат
на землях Киликийской Армении (1211—1217 гг.)***

Король Левон I оказал подобающие почести Симеону II, который был принят как полноправный Патриарх, распространявший свою архипастырскую власть на православные епархии, церкви и монастыри Киликии. Уже 6 января 1211 г. Патриарх Симеон II, во главе православного епископата, клира и «греков» Киликии, принимал участие в торжественном праздновании Богоявления в Сисе. Во время праздничной процессии Патриарх Симеон II следовал за королем Левоном I, молодым князем Раймондом-Рубеном (к этому времени ставшем королем-соправителем Армении) и магистром Тевтонского ордена — Германом фон Зальцой. По словам видевшего и участвовавшего в церемонии Вильбранда Ольденбургского, «греки и их Патриарх шествовали, приутопив множество святынь, которые несли с собой»¹⁰⁸⁷. Причем, если отталкиваться непосредственно от описаний Вильбранда, то становится очевидным, что Патриарх Симеон II и греческий клир во время торжественной процессии предшествовал армянскому архиепископу и его клиру. Более того, Левон I Рубенид решил одарить православного Патриарха и частью церквей и земель, которые ранее принадлежали латинским архиепископиям Тарса и Мамистры. В 1212 г., после смерти местного латинского архиепископа, король Левон передал Патриарху

Бозмунда III см. Часть II, гл. 3, С. 100—105. О миссии короля Бодуэна III в Мамистре и о его ходатайстве за Тороса II Рубенида, см. Часть II, гл. 2, С. 100—105. О путешествии графа Гуго Шампанского в Сис также уже было сказано, см. С. 100—105.

¹⁰⁸⁷ Wilbrandus de Oldenburg. Op.cit. — P. 178.

Симеону II значительную часть земель и храмов латинской архиепископии Тарса. Не исключено, что среди переданных храмов был и перестроенный франко-нормандцами романский кафедральный собор Тарса — собор Св. Павла¹⁰⁸⁸. Во второй раз со времени восстановления православного Патриарха в Антиохии Папе Иннокентию III приходилось тщетно взывать к верности признанных и помазанных римским духовенством государей, систематически попиравших права латинской Церкви ради ублажения византийских христиан Леванта. На этот раз, в марте 1213 г., Иннокентий III обратил гневное послание к королю Армении, обличая его за притеснение латинского клира Тарса: «я хотел бы сказать Тебе о Тарсе (...); очевидно, Ты решил поддаться нечестивому замыслу, разделив земли этой епархии и предоставив их этому вышеупомянутому патриарху. Твои воины изгнали латинский клир и на место которого посмели вторгнуться какие-то греки»¹⁰⁸⁹. Однако ни воззвания понтифика, ни наложенные отлучения не повлияли на положение Патриарха Симеона II и православного клира в Киликии.

Столь щедрое покровительство, оказываемое королем Левоном Патриарху Симеону II, в полной мере отражает значимость той роли, которую православные продолжали играть в торгово-экономической, политической и церковной жизни Киликии и северной Сирии XIII в. Они были представлены во всех сословиях королевства Армении. В ближайшем окружении Левона были христиане-халкидониты, в том числе его коннетабль — Адам, некоторые другие его бароны и многие жители его столицы. В Киликии (о чем уже было сказано в первой части книги), располагались многие действующие епархии Антиохийского Патриархата: митрополии Тарса, Селевкии Исаврийской, Аназарва, автокефальные митрополии Аданы, Помпейополя, Мопсуестии (Мамистры). Причем целый ряд свидетельств и упоминаний подтверждает то, что эти епархии оставались действующими и относительно процветающими на протяжении XII-XIII вв.¹⁰⁹⁰. Особо

¹⁰⁸⁸ Отталкиваясь от текста послания Папы Иннокентия III, Гамильтон выдвигает предположение, что Патриарх Симеон II Абу Саиб мог править делами Антиохийской Церкви «из латинского собора Тарса». См. Hamilton B. *The Latin Church and the Crusader States...* c.12, P. 315.

¹⁰⁸⁹ Innocentius III Pontifex Romanus. *Epistolae* // PL. Vol.216. — №2, c.785.

¹⁰⁹⁰ Отвоевав Киликию в 1137—1138 гг., император Иоанн II Комнин восстановил православных митрополитов в Тарсе и Мамистре, изгнав местных латинских архиепископов. См. Odon of Deuil. *Op.cit.* — P. 68. Митрополит Тарса присутствовал на

ощутимым ромейское присутствие было в городах Равнинной Киликии и непосредственно в западных, в том числе приморских землях королевства. Там же располагались многочисленные церкви и монастыри, на которые Патриарх Симеон II и архиереи Антиохийской Церкви распространяли свою архипастырскую власть. В середине XIX в. Виктор Ланглуа, во время своего знаменитого путешествия по Киликии, видел близ Селевкии руины нескольких византийских базилик¹⁰⁹¹. Также Ланглуа описал и руины расположенного в самой Селевкии греческого монастыря Пресвятой Богородицы, который вполне мог оставаться действующим вплоть до падения королевства Армении (тем более что Селевкия оставалась оплотом киликийских греков до преддверия Первой мировой войны)¹⁰⁹². Еще в начале XX в. Симон Вайль, приводя статистическое описание Селевкии, отмечал, что из 3,000 жителей этого маленького городка более половины составляют православные греки¹⁰⁹³. Примечательно, что Селевкия — с ее греческим населением и византийскими базиликами — принадлежала не просто киликийскому монарху, но в XIII в. была сеньорией ордена Св. Иоанна Иерусалимского, что делает ее еще одним важным (и, к сожалению, малоизученным) центром соприкосновения госпитальеров с православным населением Востока. Не менее значимыми центрами сосредоточения православного населения Киликии оставались

коронации Левона I Великого в 1198 г. Православные архиереи Аназарва упоминаются в XII-XIII вв., в их числе — митрополит Афанасий (1160-е гг.) и митрополит Феодорит (1260 г.). Также сохранились упоминания и о митрополитах Помпейополя (1283 г.). Подробнее см. ниже: С. 100—105.

¹⁰⁹¹ «Между заливом Селефке (Селевкии. — прим. авт.) величественные остатки зданий, относящиеся ко временам византийского правления в Киликии, располагаются между заливом Селевкии и одноименным городом. Ближе к городу можно расположены руины церквей, саркофагов с сохранными надписями, а также некоторые останки сводчатых храмов, поддержанных колоннами и практически полностью покрытых землей из-за оползней; сейчас виднеются лишь капители колонн. Церкви возведены по образцу древних базилик; найденные кубики смальты — остатки некогда украшавших их стены мозаик, свидетельствуют о роскошном убранстве этих церквей». См. Langlois V. Voyage dans la Cilicie... P. 184.

¹⁰⁹² «Фрагменты стен, а также остатки крупных зданий позволяют предположить, что на этом месте ранее располагался монастырь. Это подтверждает и название, данное жителями Селевкии этим руинам — «Мериам», т. е. «место Марии». См. Langlois V. Voyage dans la Cilicie... P. 184—185.

¹⁰⁹³ Vailhé S. Seleucia Trachea // The Catholic Encyclopedia. Vol.13. — New York, 1912.

Тарс и Адана; о греческих диаспорах этих городов мы уже неоднократно писали выше¹⁰⁹⁴. В Тарсе находились православный монастырь Св. Георгия и обитель Св. Елевферия, хранившая мироточивые мощи этого мученика и служившая местом паломничества¹⁰⁹⁵. Близ Аназарва находился еще один византийский монастырь Св. Симеона (Симанакала), известный благодаря своей библиотеке, хранившей обилие греческих книг¹⁰⁹⁶. Присутствие благоденствующей общины «греков, покорных своему Патриарху» в столице Киликийской Армении — Сисе отмечал во время своего путешествия Вильбранд Ольденбургский¹⁰⁹⁷. Благоволение православных христиан и их Патриарха было важным фактором как в сохранении межконфессионального мира в Киликии, так и в планируемой экспансии армянского короля в северную Сирию, от которой Левон не собирался отказываться.

VI. Война за Антиохийское наследство. Вторая стадия (1208—1221 гг.)

Взросление Раймонд-Рубена. Династические союзы Левона I Великого

На протяжении первых десяти лет войны в долинах северной Сирии при дворе короля Левона, вдали от разорений и походов, рос юноша, с именем которого многие армяне и франки связывали перспективы утверждения в Антиохии. Крещенный папским легатом Конрадом Майнцским и воспитанный королем Левоном, Раймонд-Рубен постепенно превращался из ребенка в сильного юношу, готового к посвящению в рыцари и участию в войне за свое наследство. Он казался не только достойным претендентом на Антиохийский княжеский престол, но и наиболее вероятным наследником королевского престола Киликийской Армении. Вне всяких сомнений, на него так взирал и сам Левон. В 1210 г. император Священной Римской империи Оттон IV, откликнувшись на посольство короля Левона I Великого, прислал королевский

¹⁰⁹⁴ См. выше: Часть I, гл. 2, С. 100—105; гл. 3, С. 100—105.

¹⁰⁹⁵ Foss C. Pilgrimage in Medieval Asia Minor // Dumbarton Oaks Papers. — 2002. — Vol.56. — P. 133, 143—144.

¹⁰⁹⁶ Weitenberg J.J.S. The Armenian Monasteries in the Black Mountain.. — P. 90.

¹⁰⁹⁷ Wilbrandus de Oldenburg. Op.cit. — P. 177.

венец для Раймонда-Рубена, который был провозглашен королем-соправителем Армении¹⁰⁹⁸. В своих хартиях Левон отмечал, что дарения и привилегии он жалует с согласия «господина Рубена, князя Антиохийского (...) моего племянника и наследника»¹⁰⁹⁹.

В последующие годы Левон предпринял дальнейшие шаги, существенно укрепившие положение его королевства. В 1214 г. он отдал свою дочь замуж за короля Иерусалимского, а свою племянницу — за Никейского василевса. Старшая дочь армянского короля — Рита вышла замуж за короля Жана I де Бриенна (апрель 1214 г.); причем брак был заключен при непосредственном посредничестве магистра ордена Св. Иоанна Герэна де Монтегю; орден предоставил королю Армении щедрую ссуду для брачных торжеств и в то же самое время получил новые земли от киликийского государя¹¹⁰⁰. В том же году племянница короля Левона — Филиппа (дочь его старшего брата Рубена III), была отдана замуж за государя Никейской империи ромеев — Феодора I Ласкариса¹¹⁰¹. Благодаря этим двум династическим бракам

¹⁰⁹⁸ Wilbrandus de Oldenborg. Op.cit. — P. 178.

¹⁰⁹⁹ Так, Раймонд-Рубен фигурирует на хрисовуле Левона I Рубенида, закреплявшем привилегии и дарение новых земель ордену госпитальеров (датирован 23 апреля 1214 г.). См. Langlois V., ed. *Le trésor des chartes d'Arménie...* №VIII, P. 122.

¹¹⁰⁰ Согласно хронике Смбата Спарапета: «Король Левон отдал свою дочь, Риту, королю Иерусалимскому, Иоанну (...) Это был муж роста гигантского, полнейшего благочестия, доблестный воин, храбрый в сражениях. Магистр Госпиталя прибыл на корабле в Антиохию, а затем в дельту Тарса; и там король и магистр утвердили условия брака. Затем они (госпитальеры) забрали помолвленную в Акру и там они заключили брак». См. Bedrosian R., ed. *The Armenian Chronicle of Sempad...* P. 102. Королевский заем и жалование земель госпитальерам закреплены двумя хартиями, которые обе были составлены и заверены 23 апреля 1214 г. См. Langlois V., ed. *Le trésor des chartes d'Arménie...* №VIII, P. 122—123; №IX, P. 124—125.

¹¹⁰¹ См. Bedrosian R., ed. *The Armenian Chronicle of Sempad...* P. 103. Брак был заключен в том же 1214 г.; в следующем, 1215 г., Филиппа родила Феодору сына и наследника — Константина Ласкариса. Тем не менее, этот многообещающий династический союз оказался кратковременным; в 1216 г. брак был расторгнут по воле василевса Феодора. Филиппа была возвращена к двору своего дяди, в Киликию. Константин — единственный оставшийся в живых сын Феодора I Ласкариса, был исключен из престолонаследия. Наиболее логичным кажется объяснение, выдвинутое в хорошо известной монографии А. Гарднер; василевс Феодор добивался руки *дочери* своего великого восточного соседа. Когда же выяснилось, что старшая дочь Левона была в том же году выдана за короля Иерусалимского, а василевсу досталась даже не дочь, а племянница киликийского монарха, брак был сочтен политически унижительным. См. Gardner, A. *The Lascarids of Nicæa. The Story of an Empire in Exile.* — London, 1912. — P. 87—88.

Левон мог быть уверен, что иерусалимские рыцари не придут на помощь Боэмунду IV (как это было в 1211 г.), а на западных границах его королевства против него не выступит василевс Никейской империи ромеев (до этого состоявший в союзе с князем Антиохии-Триполи); Феодор I Ласкарис был крайне важен и как потенциальный союзник против тюрок Румского султаната, к помощи которых так часто прибегал Боэмунд IV. К исходу 1215 г. Левон был готов возобновить борьбу за Антиохию.

Осада и взятие Антиохии (1216 г.). Восшествие Раймонд-Рубена на Антиохийский престол

В феврале 1216 г. франко-армянская армия, которую на этот раз совместно вели старый король Левон и его возмужавший наследник Раймонд-Рубен, пересекла Аманос и скрытно сосредоточилась у Баграса. В Антиохии королевское войско с нетерпением ожидала партия, состоявшая в тайных сношениях с Леоном и готовая открыто выступить за права Раймонда-Рубена. Примечательно, что во главе этой партии стоял сенешаль Антиохии — Ашари де Сармения, тайно перешедший на сторону Левона и Раймонд-Рубена¹¹⁰². Для сторонников Боэмунда IV приближение старого врага оказалось полнейшей неожиданностью; сам Одноглазый князь находился в Триполи. В ночь с 13 на 14 февраля войска короля Левона I и Раймонда-Рубена форсированным маршем прошли от Баграса к Антиохии и вошли в город с севера, через ворота Св. Апостола Павла, которые были открыты заговорщиками¹¹⁰³. Согласно армянской хронике короля Хетума II: «Левон, король Армянский, взял Антиохию ночью благодаря предательству и поставил там князем Рубена, внука своего брата»¹¹⁰⁴. Более под-

¹¹⁰² Об измене княжеского сенешаля и о том, что во главе партии заговорщиков, сдавших Антиохию, стоял Ашари де Сармения, прямо пишет Тирский Тамплиер в своих «Деяниях киприотов», см. *Les gestes des Chiprois...* с.74, Р. 19.

¹¹⁰³ Здесь можно усмотреть определенную параллель между взятием Антиохии армией Левона и Раймонд-Рубена в 1216 г., и входом в Антиохию армии короля Бодуэна II де Бурга в 1130 г.; в обоих случаях армии королей Иерусалима и Армении входили в Антиохию благодаря поддержке местных жителей, которые открывали врата близ монастыря Св. Павла.

¹¹⁰⁴ Bedrosian R., ed. *The Chronicle attributed to King Hethum II...* [1216—1217], Р. 6.

робное описание взятия Антиохии можно найти в хронике Смбата Спарапета: «В год 665 (армянского летоисчисления, т. е. в 1216 г.) 14 февраля, в день Сретения, король Левон взял Антиохию благодаря своему умению и мудрости. Ибо прежде он не мог подчинить город продолжительной войной. Но теперь, раздавая щедрые дары и обещания, он убедил некоторых знатных мужей открыть ему врата посреди ночи. Левон вошел с многочисленным войском, взял врата и все охранные башни вокруг них и расставил многих воинов посреди городских улиц, без ведома жителей города. Когда же настало утро, жители увидели, что город наполнен войсками, и были ошеломлены»¹¹⁰⁵. Верные князю Боэмунду IV гарнизонные войска заняли оборону в цитадели, где держались еще на протяжении нескольких дней. Но когда стало ясно, что ни сам князь, ни эмир Аз-Захир не смогут подать помощи, соратники Одноглазого князя сдались, получив гарантии безопасности; часть воинов вновь присягнула Раймонду-Рубену, часть получила право свободного прохода в пределы Триполийского графства¹¹⁰⁶.

Жители и коммуна Антиохии на этот раз не оказывали сопротивления армии Левона. Сказывалась усталость населения от постоянных войн, истощавших ресурсы и уносивших жизни. Вероятно, многие жители готовы уже были считать, что подчинение новому князю, королю-соправителю Армении, будет для Антиохии меньшим испытанием, нежели регулярные и кровопролитные осады города. К тому же не следует недооценивать весьма важный поворот в церковной политике враждовавших государей. Патриарх Симеон II Абу Саиб, некогда поставленный Боэмундом IV для улаживания православной части населения и коммуны Антиохии, уже более пяти лет находился в Киликии, при дворе короля Левона. Это обстоятельство предоставляло армянскому монарху важнейший козырь в отношениях с греческим и мелькитским населением Антиохии и, соответственно, с многими членами Антиохийской коммуны. Латинская же иерархия Заморской земли в большей степени тяготела к партии Левона и Раймонд-Рубена. Острый конфликт короля Левона с Римской Церковью и латинской иерархией Леванта был к этому времени, в известной степени, урегулирован. Переговоры о возвращении Баграса и фьефов

¹¹⁰⁵ Bedrosian R., ed. *The Armenian Chronicle of Sempad*... P. 102.

¹¹⁰⁶ «Те, кто укрепились в цитадели, продержались там на протяжении нескольких дней, после чего и они спустились и принесли клятвы князю Рубену». См. Bedrosian R., ed. *The Armenian Chronicle of Sempad*... P. 102.

в Аманосе тамплиерам возобновились незадолго до начала похода к Антиохии; актов агрессии против латинского клира в Киликии не было уже на протяжении нескольких лет. Более того, Левон обеспечил железную дисциплину среди своего войска и разумно воздержался от каких-либо актов агрессии против местного населения, что резко контрастировало с предшествующими осадами, в частности — с кровопролитными уличными боями в городе в 1203 г. Хроника Смбата подчеркивает, что во время захвата Антиохии в 1216 г. Левон и Раймонд-Рубен обеспечили полнейшую неприкосновенность горожан и их имущества: «никто не пострадал и ничто не было украдено»¹¹⁰⁷.

Молодой Раймонд-Рубен и король Левон вступили в Антиохию, где были триумфально встречены депутацией знати, клира и жителей города, во главе которой шел латинский Патриарх Петр II Иврейский. Король и король-соправитель Армении были торжественно препровождены в собор Св. Петра; там Патриарх Петр II и король Левон совместно совершили чин инвеституры Раймонд-Рубена, возведя его на княжеский престол Антиохии¹¹⁰⁸. Раймонд-Рубен был облачен в княжеские одеяния и помазан Патриархом Петром II. Пребывавшие в городе франкские бароны и рыцари принесли оммаж новому государю; ему же присягнули и члены коммуны. Король Левон, со своей стороны, вручил молодому князю знамя Антиохии. Инвеститура знаменем — церемония, заимствованная у Священной Римской империи (вассалами которой были и Левон, и Раймонд-Рубен) — призвана была подчеркнуть вассальную зависимость князя Антиохии от короля Армении¹¹⁰⁹. Казалось, что сюзеренитет армянских государей Рубенидов над княжеством Антиохийским был раз и навсегда утвержден.

¹¹⁰⁷ Bedrosian R., ed. *The Armenian Chronicle of Sempad...* P. 102. О взятии Антиохии также повествует и Продолжатель Гильома Тирского, см. *L'Estoire Eracles...* P. 318. Собирательное описание также приведено в монографии Каэна, см. Cahen C. *La Syrie du Nord...* P. 621.

¹¹⁰⁸ Bedrosian R., ed. *The Armenian Chronicle of Sempad...* P. 102.

¹¹⁰⁹ Описания княжеской инвеституры Раймонд-Рубена можно найти в хронике Смбата Спарапета и в послании самого короля Левона, направленного Папе Иннокентию III. В последнем содержится более подробное описание церемонии; в том числе Левон пишет и о том, что «своей собственной рукой» совершил инвеституру знаменем. См. Röhricht R., ed. *Regesta Regni Hierosolymitani...* №817, P. 218—219; Bedrosian R., ed. *The Armenian Chronicle of Sempad...* P. 102. Согласно хронике Смбата, «Патриарх и знатные люди препроводили Левона и Рубена в собор Св. Петра; там Патриарх возвел Рубена в ранг князя Антиохии».

Бозмунд IV, прослышав о новом походе короля Армении, поспешил со своим флотом на север, однако когда его корабли встали в гавани Валаннии, к нему пришли вести о том, что все уже было потеряно; простояв несколько дней в Маркабе, Одноглазый князь отдал приказ своему войску и кораблям возвращаться на юг, в остававшееся ему Триполийское графство. Соратники и союзники князя Бозмунда IV Одноглазого были либо изгнаны в графство Триполи (на которое ни Левон, ни Раймонд-Рубен не могли претендовать), либо были подкуплены мудрыми и щедрыми дарами короля Армении. Аз-Захир не стал вступаться за интересы Бозмунда IV; Левон сумел быстро завоевать расположение Алеппского эмира, безвозмездно даровав свободу множеству пленников-мусульман, томившихся в темницах Киликии и Антиохии¹¹¹⁰.

Тамплиерам, после стольких лет и стольких войн, Левон передал, наконец, Баграс и другие удерживаемые им территории в Аманосе¹¹¹¹. Латинские архиепископии Тарса и Мамистры получили полноценные компенсации ущерба, ранее нанесенного королевскими реквизициями. В то же самое время монастыри долин Антиохии и Черной горы, пострадавшие от конфискаций и поборов Бозмунда IV и членов коммуны, также получили щедрое воздаяние от армянского короля и нового князя. Это касалось как латинских, так и православных монастырей, в частности — бенедиктинского монастыря Св. Павла в Антиохии, православной Лавры¹¹¹². Эти шаги также, очевидно, следует воспринимать именно как попытки умилиستивить православное население и сплотить всех христиан северной Сирии вокруг утвердившегося на престоле Раймонд-Рубена. Сам облик нового князя Антиохии и короля-соправителя Армении внушал его подданным самые светлые надежды на будущее. Описание внешности Раймонд-Рубена приведено в хронике Смбата: «он был красивым юношей, высоким, светловолосым, причем волосы его напоминали золотую нить. Он был завидным всадником, с царственной осанкой, вызывавшим уважение, благочестивым»¹¹¹³. Казалось, что воцарение нового князя ознаменовало период благоденствия для Антиохии, ныне пребывавшей в единстве и тесном союзе с королевством Армении.

¹¹¹⁰ Cahen C. La Syrie du Nord... P. 621.

¹¹¹¹ Cahen C. La Syrie du Nord... P. 621, 628; Lawrence A.W. The Castle of Baghras... P. 46.

¹¹¹² Cahen C. La Syrie du Nord... P. 628.

¹¹¹³ Bedrosian R., ed. The Armenian Chronicle of Sempad... P. 102.

Бозмунд IV и Пятый крестовый поход (1217—1218 гг.)

На протяжении последующих двух лет Бозмунд IV не пытался вступить в дальнейшее вооруженное противостояние с Раймонд-Рубеном и королем Леоном. Казалось бы, он отказался от вооруженной борьбы за Антиохию, тем более что его вновь сковали события на юге — в Триполи и Палестине, где, наряду с королями Венгрии и Кипра, Бозмунд IV принимал участие в Пятом крестовом походе. Осенью 1217 г. в пределы Заморской земли на венецианских кораблях прибыла армия принявшего крест короля Венгрии — Андраша II. К венгерским крестоносцам примкнул и король Кипра — Гуго I де Лузиньян — со своими вассалами. Вскоре войска королей Венгрии и Кипра высадились на палестинском берегу — в Акре, где их встретил Иерусалимский король Жан де Бриенн. На соединение к армии королей Венгрии, Кипра, Иерусалима и выступил и князь Бозмунд IV Одноглазый, прибывший во главе своих триполийских рыцарей и франко-сирийской пехоты. Войска Бозмунда IV приняли участие в последовавших боевых действиях в Галилее и Ливане. Однако уже к началу 1218 г., после нескольких безуспешных нападений на мусульманские твердыни в горах Ливана и рейдов по галилейским землям (а также после продолжительного стояния на горе Фавор), боевой дух крестоносцев иссяк. Вопреки призывам Жана де Бриенна, короли Кипра и Венгрии последовали за князем Бозмундом IV и увели свои войска на стоянку в Триполи; с Одноглазым князем двух королей связывали не только политические, но и родственные узы. Андраш II приходился кузеном Бозмунду IV по материнской линии; оба были внуками княгини Констанции Антиохийской. Король Гуго I де Лузиньян, в свою очередь, отдал свою сестру — Мелисанду замуж за недавно овдовевшего князя Антиохии-Триполи.

Венчание Бозмунда IV и Мелисанды было совершено в Триполи в январе 1218 г., в присутствии королей Венгрии и Кипра. Однако в разгар свадебных торжеств молодой король Гуго I умер. Князь Бозмунд IV устроил своему шуруину пышные похороны; тело кипрского короля было погребено в Триполи, в церкви госпитальеров. Впоследствии его тело было извлечено и перевезено в Никосию, где вновь было погребено в храме Госпиталя¹¹¹⁴. Король Андраш II, в свою

¹¹¹⁴ Подробнее см. Chronique d'Amadi et de Strambaldi... P. 104.

очередь, решил прекратить «вооруженное паломничество» и вернуться на Запад. Он мирно преодолел владения Раймонд-Рубена, посетил Антиохию, прошел Киликийскую Армению (где один из его сыновей был помолвлен с дочерью и наследницей Левона I Рубенида — Изабеллой) и, заключив перемирие с румскими тюрками, вышел к пределам Латинской Романии. Переправившись через Босфор и побывав в Константинополе, он благополучно возвратился в родные земли.

Отбытие короля Андраша II и смерть короля Гуго I де Лузиньяна поставила князя Боэмунда IV в достаточно невыгодное положение; не добившись каких-либо военных успехов, он все же нарушил перемирие с мусульманами. Как только венгерские крестоносцы и кипрские рыцари отбыли в свои земли, Айюбиды атаковали Триполийское графство. Боэмунду IV пришлось оборонять свои владения и искать перемирия с сарацинами. Как писал в своем послании Папе Гонорию III Жак де Витри (занимавший в этот период епископскую кафедру в Акре), «На Праздник Богоявления король Венгрии воспользовался случаем уйти, пройдя сухопутным путем из Акры к Триполи, затем к Антиохии, к Константинополю и далее — в свою страну. Король Кипра последовал за ним, вместе с графом Триполи, который собирался жениться на королевской сестре. Однако вскоре после прибытия в Триполи король Кипра умер, и сарадины атаковали графа Триполи, заставив его заключить с ними перемирие»¹¹¹⁵. Так или иначе, к осени 1218 г. князь Боэмунд IV завершил свое участие в Пятом крестовом походе и возобновил перемирие с окрестными мусульманскими правителями (в частности — с эмиром Дамаска); это позволило ему вновь сосредоточить свое внимание на Антиохии, где правление его племянника — Раймонд-Рубена, вопреки всем ожиданиям, быстро вступало в период кризиса.

*Правление Раймонд-Рубена в Антиохии (1216—1219 гг.).
Возвращение Антиохии князю Боэмунду IV Одноглазому.
Бегство Раймонд-Рубена в Дамиетту (1219 г.)*

Невзирая на то, что он с рождения был предназначен (и, казалось бы, подготовлен) к правлению, Раймонд-Рубен оказался опрометчивым и недальновидным князем. После кратковременного периода

¹¹¹⁵ Barber M., Bate K., ed. & trans. *Letters from the East...* P. 109—110.

благоденствия горожане, нобили и церкви Антиохии ощутили бремя новой власти; в стремлении умиловить соратников и в страхе за свое положение, молодой князь облагал подданных дополнительными поборами, требовал подтверждения клятв верности. Латинская Церковь Антиохии переживала отнюдь не лучший период своего существования. Патриарх Петр II Иврейский скончался в год, последовавший за воцарением Раймонд-Рубена (1217 г.). После его смерти патриаршая кафедра вдовствовала на протяжении последующих двух лет. Раймонд-Рубен и капитул антиохийского собора Св. Петра предлагали патриарший престол папскому легату на Востоке — кардиналу Пелагию Альбанскому. Однако это желание князя и латинского клира Антиохии не получило одобрения Папы Гонория III. Можно только представить себе, что постигло бы восточно-христианские обитатели и церкви Антиохии, если бы на патриарший престол взошел кардинал Пелагий, известный своими тяжкими деяниями в отношении византийских Церквей Константинополя и Кипра. Латинский Патриархат фактически пребывал в расщепленном состоянии; южные его епархии (епископии Триполи, Тартус, Гибелет, Валанья) находились во владениях Боэмунда IV Одноглазого, и Раймонд-Рубен не допускал ни прелатов, ни клир этих епархий в свою столицу¹¹¹⁶. Греческое и сирийское население Антиохии, как уже было сказано, страдало от усиливавшихся поборов, и вряд ли новый князь принимал во внимание интересы своих восточно-христианских подданных (учитывая его идею возвести на латинский патриарший престол Пелагия). В то же самое время, Раймонд-Рубен сумел полностью испортить отношения со своим сюзереном и приемным отцом — Левом I Великим.

Очевидно, Раймонд-Рубен стал, не скрывая своих намерений, готовиться к объединению Антиохийского княжества и королевства Киликийской Армении под своей властью, считая, что как король-соправитель он имеет на это полное право. Предпринимая шаги в этом направлении, он уже не принимал во внимание самого Левона. Вполне естественно, что столь дерзкие и неосторожные действия Антиохийского князя были расценены как прямые посягательства на права, прерогативы и даже на жизнь старого короля. Если верить «Хронографии» Бар Эбрея, Раймонд-Рубен действительно предпринял

¹¹¹⁶ Подробнее см. Cahen C. *La Syrie du Nord...* P. 630; Hamilton B. *The Latin Church in the Crusader States...* c. P. 224.

попытку низложить короля Левона, который смог вовремя избежать пленения лишь благодаря вмешательству госпитальеров¹¹¹⁷. Согласно Бар Эбрею, «Этот глупец (Раймонд-Рубен. — С. Б.), взирая на свое правление, раздурлся от гордости и пожелал захватить Левона, сделавшего его королем, дабы самостоятельно править и над Киликией. Однако Братья прослышали об этом заговоре и оповестили о нем Левона, который невредимым избежал плена»¹¹¹⁸.

В итоге, против князя Раймонда-Рубена, лишившегося поддержки Левона, созрел заговор, в который были вовлечены жители, коммуна и часть нобилитета Антиохии. Во главе заговора встал один из франкских рыцарей — Гильом де Фарабель — тайно перешедший на сторону Бозмунда IV. Весной 1219 г., незадолго до смерти короля Левона I Великого, в Антиохии вспыхнуло инициированное заговорщиками массовое восстание франкского, греческого и сирийского населения, обращенное против молодого князя и его сторонников. Очевидно, Бозмунд IV знал о восстании, т. к. немедленно собрал войска и, посадив их на корабли, высадился в гавани Св. Симеона, близ Антиохии. Раймонд-Рубен должен был бесславно бежать из города, доверив оборону Антиохийской цитадели ордену госпитальеров. Цитадель продержалась еще несколько месяцев, однако в итоге была с боем взята князем Антиохии-Триполи (1220 г.). Антиохия безвозвратно перешла к Бозмунду IV. Эта финальная победа Одноглазого князя стала решающей победой в войне за Антиохийское наследство¹¹¹⁹.

В военных кампаниях 1219 г. вновь проступает коренное различие в интересах и положении северной и южной части «Заморской земли», то есть христиан Сирии и Киликии, с одной стороны, и франков

¹¹¹⁷ Кстати, со слов Бар Эбрея не совсем ясно, были ли спасшие Левона «братья» тамплиерами или госпитальерами, но рыцари ордена Св. Иоанна кажутся более подходящими на эту роль, учитывая продолжительное противостояние храмовников с армянским королем, и покровительство, оказываемое Госпиталю в Киликии.

¹¹¹⁸ Bar Hebraeus. Chronography... — Р. 430.

¹¹¹⁹ Наиболее подробное описание исхода правления Раймонд-Рубена в Антиохии приведено в хронике Продолжателя Гильома (версия Кольбер-Фонтенбло). См. L'Estoire de Eracles... Р. 318, 347. О том, что во главе восстания против Раймонд-Рубена встал Гильом де Фарабель, пишет Тирский Тамплиер, см. Les gestes des Chiprois... с.74, Р. 19—20. Также описания восстания против Раймонд-Рубена, перехода Антиохии к Бозмунду IV и обороны цитадели госпитальерами приведены в монографиях Казана и Делавилль ле Ру, см. Delaville le Roulx J. Les Hospitaliers en Terre Sainte et a Chypre (1100—1310)... Р. 148.

и латинских «вооруженных паломников», прибывавших в Палестину — с другой. В то время как усилия короля Иерусалимского и участников Пятого крестового похода были направлены на египетскую кампанию и завоевание Дамьетты, князь Боэмунд IV Одноглазый сосредоточил все свои силы на возвращении Антиохии¹¹²⁰. Очевидно, что «северное» направление, оторванное от идеи священной войны с сарацинами, привлекало куда меньшее внимание как со стороны западных хронистов, так и со стороны авторов, писавших в пределах Иерусалимского королевства. Тем не менее, именно это направление затрагивало положение обширных, заселенных христианами регионов в континентальном Леванте и Малой Азии, и потому имеет большее значение для осмысления христианского присутствия на Ближнем Востоке в XIII в., нежели отдельные военные кампании западноевропейских крестоносцев в дельте Нила.

Потеряв Антиохию, князь Раймонд-Рубен бежал на север — ко двору короля Левона. Однако старый, скованной болезнью король не намерен был прощать своего внучатого племянника и тем более — вновь проливать кровь за его интересы. По словам Бар Эбрея, «король Левон не обращал никакого внимания на его просьбы, ведь тот (Раймонд-Рубен. — С. Б.) собирался отплатить ему злом за добро»¹¹²¹. Очевидно, что умирающий король оказал Раймонд-Рубену такой прием, что тот посчитал необходимым как можно скорее покинуть пределы Киликийской Армении. Ссора с королем Левоном стала роковой ошибкой для Раймонд-Рубена; именно из-за нее он, во многом, потерял не только Антиохию, но и права на престол Армении. Незадолго до своей смерти Левон принял решение передать королевский престол не Раймонд-Рубену, но своей малолетней дочери — Изабелле (Забел),

¹¹²⁰ Это радикальное «расхождение» государей заморских франков — короля Иерусалимского и князя Антиохии-Триполи, отражено в лаконичных записях некоторых хроник XIII-XIV вв. Как сказано в хронике Хетума II: «В год 668 (1219 г.) Дамьетта была взята у неверных. Князь Боэмунд отбил Антиохию у Рубена». См. Bedrosian R., ed. *The Chronicle attributed to King Nethum II...* [1219], P. 6. Аналогичную, несколько более подробную, запись можно найти в «Деяниях киприотов». См. *Les gestes des Chiprois...* с.74, P. 19—20. Невзирая на лаконичность этих упоминаний, они дают четкое представление о разделении христиан Заморской земли; в то время как король Иерусалимский, палестинские франки и западноевропейские пилигримы были устремлены к завоеванию Египта, антиохийские и триполийские франки, сирийские греки и мелькиты, киликийские армяне были поглощены войной за Антиохию.

¹¹²¹ Bar Hebraeus. *Chronography...* — P. 432.

помолвленной с сыном короля Венгрии — Андреем (Андрашем)¹¹²². Так, Раймонд-Рубен должен был уступить свои права на престол девочке, рожденной в год его триумфального утверждения в Антиохии. Вполне естественно, что Раймонд-Рубен не собирался мириться с завещанием Левона.

Отплыв из гавани Тарса, он пересек Средиземное море и прибыл в лагерь крестоносцев Пятого похода, в египетскую Дамиетту, дабы искать поддержки у иерусалимского короля Жана де Бриенна и папского легата — Пелагия Альбанского. Согласно «Хронографии» Бар Эбрея, Раймонд-Рубен «прибыл к (...) Иоанну (Жану де Бриенну. — С. Б.), королю франков, в Дамиетте, и жил у него пока не умер король Левон»¹¹²³. Когда в Дамиетту пришли известия о смерти Левона I Великого, Раймонд-Рубен, с благословения кардинала Пелагия, заявил свои права на королевский престол Армении. Тогда же кардинал Пелагий отлучил от Церкви князя Боэмунда IV Одноглазого. Примечательно, что римский понтифик придерживался принципиально иного отношения к князю Антиохии-Триполи; в своем послании Пелагию Папа Гонорий III призывает кардинала искать компромисса с Одноглазым князем, с негодованием отмечая, что потеря Антиохии будет стоить Латинской Церкви «потери многих Дамиетт»¹¹²⁴.

***Смерть Левона I Великого. Война за престол Киликийской Армении.
Поражение и гибель Раймонд-Рубена (1220—1222 гг.)***

Получив благословение папского легата, Раймонд-Рубен стал готовиться к открытой борьбе за престол Армении. Он начал турне через Дамиетту, города Иерусалимского королевства и Кипр, собирая соратников и готовясь с оружием в руках выступить против малолетней королевы Изабеллы и ее регента — сенешаля Адама. Под знамена Раймонд-Рубена стекались рыцари и сержанты из

¹¹²² О завещании Левона и о его решении передать престол Армении своей дочери Изабелле и ее венгерскому жениху подробно сказано в хронике Смбата Спарапета. См. Bedrosian R., ed. The Armenian Chronicle of Sempad... P. 102—104.

¹¹²³ Bar Hebraeus. Chronography... — P. 432.

¹¹²⁴ Presutti P. Regesta Honorii... №3495; Hamilton B. The Latin Church in the Crusader States... P. 225.

королевств Иерусалима и Кипра, и даже из графства Триполи¹¹²⁵. Более того, на стороне Раймонд-Рубена открыто выступили госпитальеры; рыцари-иоанниты проявили готовность воевать за него как в Антиохии, так и в пределах Киликийской Армении. При возвращении Раймонд-Рубена в Киликию в 1220 г. его корабли смогли встать на якорь, а собранные им франкские войска — благополучно высадиться именно в гавани Селевкии Исаврийской — сеньории ордена госпитальеров¹¹²⁶. Селевкия и окрестные приморские земли стала центром восстания, куда стали стекаться сторонники князя Антиохийского и короля-соправителя Армении.

Невзирая на потерю Антиохии и разрыв с Леоном, Раймонд-Рубен по-прежнему пользовался значительной популярностью в пределах Киликийской Армении; за него готовы были выступить многие представители знати и населения королевства — армяне, франки, греки. Среди вставших на сторону Раймонд-Рубена были армянские князья, ромейские и франкские «бароны», многочисленное и богатое греческое население Тарса. Православные христиане Киликии, очевидно, оказывали особую поддержку Раймонд-Рубену. Хроника Смбата подчеркнуто упоминает о выступлении князей «греков» (т. е. ромеев и армян-халкидонитов) на стороне Раймонда-Рубена¹¹²⁷. Одним из последних к Раймонд-Рубену присоединился маршал королевства Киликийской Армении — Вахрам, князь Шахада и Корики. Будучи маршалом королевства и властителем крепости, ближайшей к Селевкии (месту высадки Раймонд-Рубена), он первоначально собирался воспрепятствовать продвижению Антиохийского князя по землям Киликии. Однако вскоре вместо военных столкновений последовали переговоры. Условием

¹¹²⁵ О том, что к нему примкнули рыцари из Кесарии Палестинской, пишет Продолжатель Гильома. Раймонд-Рубен также мог рассчитывать и на помощь кипрских рыцарей, в силу своих родственных связей с королевским домом Лузиньянов; Раймонд-Рубен был женат на сестре короля Гуго I Кипрского — Элоизе. Примечательно, что на сторону Раймонд-Рубена в этот период перешел и еще один из близких соратников Боэмунда IV Одноглазого — Жан, маршал Триполи. Маршал Жан сопровождал Раймонд-Рубена во время его войны за киликийский престол. См. *L'Estoire Eracles...* P. 347.

¹¹²⁶ Стоит отметить, что оборона цитадели Антиохии была доверена Раймонд-Рубеном госпитальеру Феро де Баррасу, шателену Селевкии. См. *Delaville le Roulx J. Les Hospitaliers en Terre Sainte et a Chypre (1100—1310)...* P. 148.

¹¹²⁷ *Bedrosian R., ed. The Armenian Chronicle of Sempad...* P. 102—104.

выступления Вахрама на стороне короля-соправителя стал брак с матерью Раймонд-Рубена — Алисой. Примечательно, что Раймонд-Рубену пришлось уговаривать и фактически насильно отдавать свою мать замуж за влиятельного князя и маршала, в поддержке которого он так нуждался¹¹²⁸. После венчания маршала Вахрама и Алисы сторонники Раймонд-Рубена двинулись к Тарсу. Город был взят практически без сопротивления. В скором времени туда стали стекаться сторонники князя Антиохии и короля-соправителя Армении. Утвердившись в Тарсе, Раймонд-Рубен стал готовиться к полноценному завоеванию Киликийской Армении. Здесь, вероятно, стоит вновь обратить внимание на то, что в своей войне за киликийский престол бывший князь Антиохийский опирался преимущественно на регионы, заселенные православными христианами (Тарс, Селевкию, Корик).

Так, к исходу 1220 г. против юной королевы и ее бальи выступили «князья киликийские, армяне и греки, парон Вахрам и другие, собравшиеся в Тарсе»¹¹²⁹. Вскоре в город пришло известие о том, что бальи королевы Изабеллы — сенешаль Адам — был убит; верный соратник Левона I Великого и регент королевства был зарезан в Сисе группой ассасинов. Согласно «Хронографии» Бар Эбрея, «исмаилиты набросились на сира Адама, наместника королевства армян, на узкой дороге, которая спускается к нашей (сиро-яковитской. — С. Б.) церкви Мар Бар Саумы в городе Сис; и они убили его»¹¹³⁰. Вполне возможно,

¹¹²⁸ Наиболее подробное описание бракосочетания оставляет Абу-ль-Фарадж Бар Эбрей, согласно которому, «Барон Вахрам, князь Шахада, не позволял ему (Раймонд-Рубену) пройти; более того, он отправил ему множество угроз; он уверял, что пленит и уничтожит его, если он не отдаст ему в жены свою мать. Рубен был крайне обеспокоен этим и стал уговаривать свою мать. Услышав это, она была крайне разгневана, настолько, что выкрикивала оскорбления и проклятия Вахраму. Тогда свободные мужи и жены стали убеждать ее, что ради блага сына она должна бы и в огонь войти. Поддавшись этому давлению, она согласилась, выкрикивая при этом: «Для меня это лишь принудительное прелюбодеяние, а не законный брак». И тогда Вахрам взял ее в жены, и увеличил воздаваемые ей почести, и посвятил себя служению ей и ее сыну; и он встал лагерем у города Тарса и взял его». См. Bar Hebraeus. Chronography... — P. 442—443.

¹¹²⁹ Bedrosian R., ed. The Armenian Chronicle of Sempad... P. 104.

¹¹³⁰ Bar Hebraeus. Chronography... — P. 442. В другой части «Хронографии» Бар Эбрей оставляет сходное упоминание об сенешале Адаме: «Сир Адам, бальи, властитель приморских крепостей, пользовался доходами королевской дочери и королевства на протяжении примерно двух лет, пока не был убит исмаилитами». См. Ibid. — P. 437.

ливанские убийцы-сектанты были направлены в Киликию госпитальерами¹¹³¹.

Собрав многочисленное войско, Раймонд-Рубен начал поход вглубь Киликийской Армении, в направлении королевской столицы — Сиса. Навстречу ему выдвинулась королевские воины, верные завещанию Левона; во главе войска встал новый регент — Константин Хетумид, князь Барбарона. Численное превосходство было на стороне Раймонд-Рубена; его армия неуклонно продвигалась на север, взяв Адану и готовясь столь же стремительно войти в Мамистру. Согласно хронике Смбата Спарапета: «В год 660 летоисчисления армян (1221 г.) киликийские князья, армяне и греки, парон Вахрам и другие, собравшиеся в Тарсе, более 5,000 человек, подняли восстание и выступили против бальи Армении, парона Константина. В то время бальи армян находился в Сисе с малочисленным войском. Когда весть о том, что восставшие приблизились к Мамистре, бальи армян выступил навстречу им, взяв с собой 300 воинов»¹¹³².

Сражение произошло на переправе через реку Пирам, между Аданой и Мамистрой. По словам армянского хрониста, «Увидев великое множество мятежников, он (Константин Хетумид) воодушевил и направил свое малочисленное войско. Когда они достигли переправы, на которой был лишь малый мост, они атаковали мятежников и обратили их в бегство»¹¹³³. При этом, как отмечает армянский хронист, Константин Хетумид проявил определенное милосердие к мятежным баронам и воинам; его войска «никого не убивали, но лишь отбирали коней, оружие и одежду и отпускали лишенными всего»¹¹³⁴. Разгромленная на

¹¹³¹ К этой версии, в частности, склоняется Рансимен. См. Runciman S. A History of the Crusades... Vol. III, Book II, c.3, P. 171. Убийство Адама Баграсского входит в череду кровавых расправ, совершенных ассасинами над противниками госпитальеров в первой четверти XIII в., после того, как ливанские владения исламской секты подпали под определенную зависимость от ордена Св. Иоанна. Так, в 1213 г. ассасинами был убит Раймонд — бальи Антиохии, старший сын и наследник князя Боэмунда IV Одноглазого. В том же году от руки сикария пал и латинский Патриарх Альбер Иерусалимский, вступивший в противостояние с орденом Св. Иоанна. Убийство Адама Баграсского — главного противника Раймонд-Рубена и госпитальеров в Киликии — стало последним из убийств, совершенных ассасинами ради защиты интересов ордена Св. Иоанна.

¹¹³² Bedrosian R., ed. The Armenian Chronicle of Sempad... P. 104.

¹¹³³ Bedrosian R., ed. The Armenian Chronicle of Sempad... P. 104.

¹¹³⁴ Bedrosian R., ed. The Armenian Chronicle of Sempad... P. 104.

переправах через Пирам армия Раймонд-Рубена распалась; часть его воинов была пленена, часть — обращена в бегство. Сохранившим оружие и прорвавшимся с поля боя, в том числе и самому Раймонд-Рубену, ничего не оставалось делать, как искать убежища в Тарсе; однако по пятам за ними шло войско Константина, к которому теперь стали стекаться армянские князья, ранее выжидавшие исхода противостояния между балы и мятежным королем-соправителем.

Вскоре армия Константина Хетумида осадила Тарс. Город пал благодаря предательству некоего Василия, состоявшего в сговоре с королевским балы. В ночные часы ворота Тарса были открыты Василием; армия Константина вошла в город, а его воины распространились по улицам, учиняя массовые грабежи и разорения. Раймонд-Рубен и его соратники укрепились в цитадели, но надежды продержаться уже не было; получив гарантии безопасности от Константина Хетумида, князь Антиохии сдался. Однако надежды на милость и гарантии королевского балы оказались чрезмерными; часть мятежных франков, армян и ромеев была отпущена, но многие лишились жизни в темницах Тарса. Маршал Вахрам был убит по приказу Константина Хетумида. Его супруга Алиса (мать Раймонд-Рубена) была изгнана из пределов Киликийской Армении; свои дни она закончила в Иерусалимском королевстве. Что касается самого Раймонд-Рубена, то он так и не увидел свободы; жизнь короля-соправителя Армении и князя Антиохии, за права которого на протяжении четверти века шли войны в Сирии и Киликии, пресеклась в цитадели Тарса в 1222 г.¹¹³⁵. Более

¹¹³⁵ Для описания осады и взятия Тарса, следует вновь обратиться к хронике Смбата Спарапета: «Князья Тарса вошли в город, закрыли ворота и взойшли на стены, чтобы сразиться с теми, кто их изгнал. Там был некий горожанин Васил (Василий); он был соглядатаем балы, который обещал даровать ему все, что тот захочет. Вечером он открыл ворота, и балы со своими войсками вошел в город, грабя имущество греков. Тогда князья покинули город и бежали в цитадель, которая была и красива, и неприступна укреплена. Мудрый Константин, балы армян, лишь словами убедил их сдаться без боя. Тогда же он пленил их и заключил их в темнице. Среди плененных были те, кого он освободил, и те, кто умер в заключении». См. Bedrosian R., ed. *The Armenian Chronicle of Sempad*... Р. 104. Стоит обратить внимание на то, что в хронике, приписываемой Смбату Спарапету (старшему сыну Константина Хетумида), ни слова не сказано о том, что «мудрый балы армян» извел в темнице не просто некоторых мятежных князей, но короля-соправителя Армении. В истории о киликийской междоусобице 1220—1221 гг. Раймонд-Рубен ни разу даже не упомянут по имени (повествования о нем завершаются с упоминанием о взятии Антиохии сторонниками Бозмунда IV в 1219 г.).

чем вероятно, что его смерть была инспирирована Константином Хетумидом, не желавшим оставлять в живых столь опасного противника¹¹³⁶. В высшей мере пострадало и греческое население Тарса; дома и имущество многих тарсийских ромеев были разграблены армянскими войсками Константина Хетумида, не простившего «грекам» поддержку Раймонд-Рубена.

Поражение, пленение и смерть Раймонд-Рубена окончательно свели на нет войну за Антиохийское наследство, оставив князя Боэмунда IV Одноглазого неоспоримым владыкой Антиохии. Уцелевшие сторонники Раймонд-Рубена — такие как маршал Фома Тирель и Гильом де Иль — обратились к Боэмунду IV с покаянными прошениями о возвращении на службу в Антиохию. Одноглазый князь проявил разумную гуманность в отношении приверженцев своего покойного племянника; он принял их оммаж, и они пополнили ряды его рыцарей. Вдова, мать и малолетняя дочь Раймонд-Рубена, естественно, не могли уже бросить вызова господству Боэмунда IV в Антиохии¹¹³⁷.

Ромеи, мелькиты и армяне-халкидониты в войне за Антиохийское наследство и борьбе за престол Армении (1198—1222 гг.).

Завершая это обозрение войны за Антиохийское наследство и последующей войны за престол Армении, необходимо вновь обратиться к теме участия византийских, православных христиан в этих потрясавших Левант военных, политических и церковных столкновениях. В этом отношении стоит в первую очередь

¹¹³⁶ Краткое описание этих событий можно найти в хронике короля Хетума II: «Парон Вахрам, маршал армян, и другие князья возжелали возвести на престол армянского князя Рубена. Однако Константин, балы армян, разбил их близ Сиса. Он взял в плен Рубена и других князей, и заточил их в Тарсе». См. Bedrosian R., ed. *The Chronicle attributed to King Nethum II...* [1220], P. 6. Аналогичное описание приводит в своей «Хронографии» Бар Эбрей и, более подробно, Продолжатель Гильома Тирского. См. Bar Hebraeus. *Chronography...* — P. 443; *L'Estoire Eracles...* P. 347—348.

¹¹³⁷ Казн обращает особое внимание на то, что никто уже не вступался за права дочери Раймонд-Рубена — Марии. Очевидно было, что эта девочка никогда не сможет бросить вызова Боэмунду IV (у которого было три живых сына). Так, Мария, вместе со своей матерью и бабкой, провела свою жизнь на Кипре и в пределах Иерусалимского королевства, где в итоге вышла замуж за Филиппа де Монфора и получила титулярную сеньорию Торона. См. Cahen C. *La Syrie du Nord...* P. 634.

вспомнить о судьбе православного Патриарха Антиохийского — Симеона II Абу Саиба. Избранный фактически по воле князя Боэмунда IV Одноглазого в 1206 г., этот мелькитский клирик, спустя менее чем пять лет с момента своей интронизации, был изгнан из Антиохии и с почестями принят королем Левонем I Рубенидом в пределах Киликийской Армении. Поддержка православного населения Сирии и Киликии была одним из важнейших факторов в противоборстве и политическом расчете государей Антиохии и Армении. Именно из-за покровительства, оказываемого Патриарху Симеону II Абу Саибу и его православной пастве, два покорных Римской Церкви монарха — князь Антиохии-Триполи Боэмунд IV и король Армении Левон I Великий удостоивались папского интердикта.

Не менее парадоксальным, в этом отношении, является союз этих двух государей с василевсом Никейской империи — Феодором I Ласкарисом. В 1208 г., в период своего максимального сближения с греческой партией Антиохии и православной иерархией, князь Боэмунд IV Одноглазый заключил кратковременный союз с Феодором I Ласкарисом, государем Никейской империи. Этот шаг Одноглазого князя заслуживает особого внимания, особенно в свете его оммажа латинскому императору Генриху Фландрскому, принесенного четырьмя годами ранее (в 1204 г.)¹¹³⁸. Фактически, когда Левон I Рубенид получил поддержку и корону от императора Священной Римской империи, Боэмунд IV присягнул императору Латинской Романии; спустя несколько лет, вступив в острый конфликт с латинской Церковью и прибегая к поддержке греческого и мелькитского населения Антиохии, князь Боэмунд IV возвел на престол православного Патриарха и заключил союз с никейским василевсом, злейшим противником собственного константинопольского сюзерена¹¹³⁹. Однако к 1214 г. король

¹¹³⁸ Hardwicke M.N. The Crusader States, 1192—1243 // Setton K.M., ed. A History of the Crusades. Vol. II. — University of Wisconsin, 1959. — P. 535—536; Folda J. Crusader Art in the Holy Land. From the Third Crusade to the Fall of Acre, 1187—1291... — P. 75.

¹¹³⁹ Поставление православного Патриарха, отлучение от Римской Церкви, убийство латинского Патриарха и установление союза с Феодором I Ласкарисом позволяют считать 1208 г. высшей точкой сближения князя Боэмунда IV и антиохийских франков с византийскими христианами. См. Folda J. Crusader Art in the Holy Land. From the Third Crusade to the Fall of Acre, 1187—1291... — P. 75.

Левон I Рубенид переиграл Одноглазого князя, установив не только военный, но и династический союз с никейским василевсом. Овдовевший василевс Феодор I венчался с Филиппой, племянницей короля Левона¹¹⁴⁰.

Подводя итоги участию православных христиан в войне за Антиохийское наследство и последовавшей киликийской междоусобице, нельзя не вспомнить и об Адаме Баграсском. Адам — сенешаль Армении и сир Баграса — находился, наравне со своим королем (Леоном) и юным Раймонд-Рубеном — во главе франко-армянских армий, воевавших за Антиохию¹¹⁴¹. После смерти Левона Адам оставался фактическим правителем Киликийской Армении, вплоть до своей гибели от рук ассасинов. Наконец, нельзя вновь не обратить внимания и на ту поддержку, которое ромейские князья и греки Тарса и Селевкии оказывали Раймонд-Рубену в его войне за престол Армении (при том, что во главе противоборствующей партии изначально также находился православный халкидонит — Адам). В этом отношении киликийская междоусобица 1220—1221 гг. служит еще одним свидетельством того, что бароны или князья (ишханы), принадлежавшие к халкидонской Православной Церкви, составляли значимую партию среди знати королевства Армении и чувствовали себя достаточно уверенно, чтобы пытаться открыто возводить «своих» кандидатов на престол.

Здесь вновь вступает в свои права парадоксальное разделение христиан во время войны за Антиохийское наследство и в период последующей борьбы за престол Киликийской Армении. Греки и мелькиты Антиохии ревностно поддерживали князя Бозмунда IV Одноглазого на протяжении долгих лет войны 1198—1219 гг. Греческое население Тарса и Селевкии, а также ромейские и армяно-халкидонские князья Киликии выступили за права Раймонд-Рубена в его борьбе за королевский престол Армении. В итоге, ромеи Антиохии и ромеи Тарса последовательно оказывали поддержку двум непримиримым противникам — Бозмунду IV и Раймонд-Рубену в их борьбе за власть в северной Сирии и Киликии.

¹¹⁴⁰ Об этом уже писали выше, см. С. 100—105; также см. Bedrosian R., ed. *The Armenian Chronicle of Sempad...* P. 103.

¹¹⁴¹ Об Адаме мы уже неоднократно писали выше; см. Часть IV, гл. 2, С. 100—105; также, см. данную главу, С. 100—105.

VII. Борьба за господство над Киликийской Арменией (1224—1226 гг.)

Филипп Антиохийский — король Киликийской Армении (1224—1225 гг.)

Гибель Раймонд-Рубена и восшествие на армянский престол юной дочери Левона неожиданно открыли перед Боэмундом IV доселе невиданные перспективы по восстановлению антиохийского влияния в Киликийской Армении. Расправа Константина Хетумида с Раймондом-Рубеном отнюдь не привела к объединению баронов и князей Киликии вокруг королевского бальи. Не желая дальнейшего усиления власти Константина и опасаясь грядущего тюркского вторжения, бароны Армении обратились за поддержкой к князю Боэмунду IV Одноглазому, предлагая возвести одного из его младших сыновей на престол Армении, обвенчав его с королевой Изабеллой¹¹⁴². Одноглазый князь охотно откликнулся на это предложение и лично прибыл в Киликию, сопровождая своего восемнадцатилетнего сына — Филиппа¹¹⁴³. Тот факт, что Филипп был одним из младших сыновей Антиохийского князя, служил надежной гарантией того, что Антиохия и Армения не будут объединены под властью одного государя (чего, на тот момент, в большей степени

¹¹⁴² Позиция Константина Хетумида в вопросе призвания сына Боэмунда IV Одноглазого на престол Армении вызывает противоречивые оценки. Продолжатель Гильома Тирского говорит о том, что антиохийский принц был призван Константином. См. *L'Estoire Eracles...* Р. 348. Бар Эбрей, напротив, говорит о том, что Константин был против подобного «призвания на царство», желая отдать руку Изабеллы и королевский престол одному из пяти своих сыновей, но столкнувшись с сопротивлением других князей и баронов, он принужден был затаять обиду и не препятствовать отправке посольства к князю Боэмунду IV. См. *Bar Hebraeus. Chronography...* — Р. 443; *Michel le Syrien. Chronique de Michel le Grand, Patriarche des Syriens Jacobite.* — Р. 359.

¹¹⁴³ До этого Изабелла была помолвлена с одним из сыновей венгерского короля Андраша II, который и должен был наследовать киликийский престол. Однако когда стало ясно, что никто из сыновей Андраша II не прибудет на Восток, Изабелла была помолвлена и обвенчана с Филиппом Антиохийским. Примечательно, что и в случае успешного брака Изабеллы с одним из сыновей Андраша II, престол Киликийской Армении должен был перейти к представителю Антиохийского княжеского дома, т. к. по материнской линии Андраш II и его сыновья были потомками Рено де Шатильона и Констанции Антиохийской. Подробнее см. выше: Часть III, гл. 3, С. 100—105. Так, претендентами на престол Киликийской Армении и наследство Левона I Великого были три отпрыска Антиохийского княжеского дома, три правнука княгини Констанции Антиохийской: Андраш Венгерский, Раймонд-Рубен и Филипп де Пуатье.

страшились армяне, нежели антиохийские франки)¹¹⁴⁴. Непременным условием приятия Филиппа в качестве супруга Изабеллы был его переход в лоно Армянской Апостольской Церкви. Требование это более чем объяснимо, особенно если принимать во внимание, что в призвании Филиппа участвовали не только князья, но и Киликийский католикос Константин I¹¹⁴⁵. Боэмунд IV и его сын быстро дали на это свое согласие. Как остроумно замечает Казэн, князь Боэмунд IV, восстановивший из политических соображений православный Патриархат в Антиохии, «без труда счел, что престол Киликийской Армении стоит мессы»¹¹⁴⁶. Филипп номинально прервал общение с Римом и перешел в лоно Армянской Церкви. Согласно Армянскому продолжателю хроники Михаила Сирийца, «Этот князь был провозглашен королем, с тем лишь условием, что он исповедует веру армян и останется верным законам страны»¹¹⁴⁷.

В июне 1222 г. в кафедральном соборе Сиса, в присутствии князя Боэмунда IV, армянского и латинского духовенства, баронов Киликийской Армении и княжества Антиохии-Триполи, состоялось бракосочетание Филиппа де Пуатье с юной королевой Изабеллой. Заключению брака предшествовала церемония посвящения в рыцари Филиппа, очевидно совершенная его отцом. За бракосочетанием немедленно последовал торжественный чин коронации и помазания Филиппа в качестве короля Армении. Как повествует Оливье фон Падерборн, «В месяце июне того же года отрок Филипп, сын Боэмунда, князя Антиохийского, был посвящен в рыцари в Армении; он обвенчался с дочерью Льва (...) и был торжественно коронован вместе с ней,

¹¹⁴⁴ Всего у князя Боэмунда IV Одноглазого было четыре сына и пять дочерей. Старший его сын и наследник — Раймонд, балы Антиохии — был убит ассасинами в 1213 г. Второй сын — Боэмунд V — наследовал отцу в Антиохии и Триполи. За Боэмундом V следовали два младших сына — Филипп и Генрих. Казэн полагает, что Филипп был младшим. См. Cahen C. *La Syrie du Nord*... P. 632. Однако в хронике Продолжателя Гильома Филипп назван «вторым сыном Боэмунда, князя Антиохийского». См. *L'Estoire Eracles*... P. 348. Если понимать это как то, что Филипп был вторым среди оставшихся в живых сыновей Боэмунда IV, то это указывает на его старшинство перед Генрихом.

¹¹⁴⁵ Об участии католикоса Константина I в призвании Филиппа Антиохийского подчеркнуто пишет армянский хронист Кирак Гандзакский. См. Guiragos de Kantzag. *Op.cit.* — P. 428.

¹¹⁴⁶ Cahen C. *La Syrie du Nord*... P. 632.

¹¹⁴⁷ Michel le Syrien. *Chronique de Michel le Grand, Patriarche des Syriens Jacobite.* — P. 359.

став властителем того королевства»¹¹⁴⁸. Казалось, что венчание Филиппа и Изабеллы открывает период долгожданного и благоденствующего союза между Арменией и Антиохией, что должно было укрепить положение христиан на северных рубежах «Заморской земли». Когда, в период брачных торжеств, в пределы королевства Армении вторглась конница румского султана Кайкобада I, молодой, едва посвященный в рыцари король, под непосредственным руководством своего отца, возглавил поход против сарацин. Впервые Одноглазый князь — на протяжении стольких лет бывший заклятым врагом армян — встал на защиту киликийских земель. Совместно князь Боэмунд IV и король Филипп отразили натиск тюрок, которые вынуждены были, бросая добычу, покинуть пределы королевства Армении. Если вновь обратиться к повествованию Оливье Падерборнского: «В то время, когда совершались свадебные торжества и армяне с радостью собрались на великое празднование, иконийские турки, со свойственной им дикостью, в великом множестве атаковали ту страну, истребляя всех, кого встречали на пути и забирая с собой много добычи. В то время Боэмунд, князь Антиохийский и граф Триполи, находился там. Невзирая на то, что с ним было лишь несколько латинян (ибо он не предвидел подобной беды), он все же со своим сыном королем спешно и непреклонно преследовал противника по длинным и труднопроходимым дорогам. И несмотря на то, что многие из его войска были убиты, он, будучи выносливым мужем, опытным в бою, изгнал их за пределы Армении. После этого армяне отбили один из хорошо укрепленных лагерей — Сиблию, расположенную на границах владений армян и тюрок, которую султан Икония отвоевал у них вместе с множеством других крепостей после смерти Льва»¹¹⁴⁹.

¹¹⁴⁸ Oliver of Paderborn. The Capture of Damietta // Bird J., Peters E., Powell J.M., ed. *Crusade and Christendom. Annotated Documents in Translation from Innocent III to the Fall of Acre, 1187—1291*. — Pennsylvania State University, 2013. — с.88, P. 233. О бракосочетании с Изабеллой и о провозглашении Филиппа королем Армении, см. также: L'Estoire Eracles... P. 348; Bedrosian R., ed. *The Armenian Chronicle of Sempad*... P. 105; Michel le Syrien. *Chronique de Michel le Grand, Patriarche des Syriens Jacobite*. — P. 359; Guiragos de Kantzag. *Op.cit.* — P. 428; Samuel d'Ani. *Op.cit.* — P. 460; Bedrosian R., ed. *The Chronicle attributed to King Nethum II*... [1221], P. 6; Bar Hebraeus. *Chronography*... — P. 443.

¹¹⁴⁹ Oliver of Paderborn. The Capture of Damietta. — с.88, P. 233. Армянские хронисты предпочитают игнорировать эту кампанию Боэмунда IV и его сына Филиппа, дабы не упоминать каких-либо заслуг антиохийских франков в защите королевства Киликийской Армении. Однако об этой кампании подчеркнуто пишет Оливер фон Падерборн,

Однако это триумфальное утверждение антиохийского принца в Киликии обернулось скорым провалом, который был вызван, прежде всего, опрометчивыми и необдумантыми действиями самого Филиппа. Дерзость и тщеславие этого молодого короля быстро оттолкнули от него его подданных. Совершив формальный переход в лоно Армянской Апостольской Церкви, он не принимал участия в ее таинствах и открыто выказывал пренебрежение к ее традициям¹¹⁵⁰. Он отказался отращивать бороду и высмеивал своих армянских и ромейских вассалов, сохранявших восточные манеры. Непосредственное окружение короля состояло исключительно из латинян, преимущественно — антиохийских франков, которые претендовали на высшие посты в государстве. По словам Бар Эбрея, правление короля Филиппа «было вредоносным, ибо он поставил своей целью извести всех знатных армян и назначить на их места франков. И он стал относиться к армянам с пренебрежением, и вместо того, чтобы называть их «фалхе» (т. е. воинами), он называл их «фаллахи» (т. е. крестьяне), и не позволял им есть с ним за одним столом. И они приходили к его двери до десяти раз на дню, и он лишь с трудом допускал их до своего присутствия. Так, его ненависть к армянам неуклонно возрастала»¹¹⁵¹. Согласно хронике Смбата Спарапета, «Как только Филипп стал королем, он проявил тиранию в отношении армянских князей, презирая их; он оскорблял короля Левона и, собрав его имущество, стал постепенно переправлять эти сокровища в Антиохию»¹¹⁵². Более того, Филипп позволил себе неслыханный по дерзости шаг: он отправил в Антиохию, в дар своему отцу, не просто некие сокровища, но королевские регалии Рубенидов, в том числе трон и корону покойного Левона I Великого. По словам Кирака Гандзакского, Филипп отправил своему отцу «корону Левону и королевский трон, служивший

который находился в этот период в Леванте (в составе Пятого крестового похода). Победа князя Боэмунда IV Антиохийского и короля Филиппа над иконийскими тюрками является важным элементом в повествовании Оливера, т. к. это одно из последних событий и последняя победа христиан над сарацинами в его книге «Покорение Дамiette». Большинство историков также игнорируют эту кампанию Филиппа и Боэмунда IV; исключением, естественно, является Клод Каэн, указывающий на то, что «Филипп галантно начал свое правление, отразив, под руководством своего отца, натиск сельджуков». См. Cahen C. *La Syrie du Nord*... P. 632.

¹¹⁵⁰ Vartan le Grand. *Extrait de Histoire Universelle* // RHC. Arm. I. — Paris, 1869. — P. 442.

¹¹⁵¹ Bar Hebraeus. *Chronography*... — P. 443.

¹¹⁵² Bedrosian R., ed. *The Armenian Chronicle of Sempad*... P. 105.

ему для пиршеств, а также большие суммы золота и серебра»¹¹⁵³. С этого момента, королевский трон Левона украшал княжеский дворец в Антиохии¹¹⁵⁴. Все это переполнило чашу терпения армянской знати.

Вскоре армянские князья вновь объединились вокруг Константина Хетумида, который и организовал заговор против франкского короля. «Когда они уже не могли терпеть его тиранию, они собрались у балы — барона Константина и умоляли его составить план, как бы им избежать его правления; и они глубоко раскаялись в том, что сделали его королем»¹¹⁵⁵. Константин возглавил заговор и разработал план пленения и низложения ненавистного франкского короля; среди тайных сторонников Константина были и армянские воины, состоявшие непосредственно на службе короля Филиппа. Нападение произошло летом 1225 г., во время путешествия короля Филиппа и королевы Изабеллы в Антиохию; королевская чета была атакована во время ночной стоянки в крепости Тель-Хамдун, на реке Пирам (Джихан), на ближних подступах к рубежам Антиохийского княжества. По словам Бар Эбрея, «балы, взяв с них клятвы верности, собрал разведчиков и охотников, и напал на Филиппа посреди ночи, когда он спал в своей постели, и они оттащили его от груди его королевы. Она же начала рыдать и терзать свое лицо ногтями, и она боролась, и вопила «Сир, сир!», ибо сердце ее было сильно уязвлено любовью к нему. Но князья не отвечали ей, и словно не слышали ее голоса. И они заковали его в кандалы, и вывезли его из Телль Хамдуна, где они пленили его, и доставили в Сис. И там он оставался пленником на протяжении двух лет»¹¹⁵⁶. Пленение Филиппа прошло без боя, т. к. на стороне заговорщиков выступили армянские войска, сопровождавшие короля в Антиохию. Хроника короля Хетума II, невзирая на свою лаконичность, подчеркнуто упоминает о том, что «Филипп — король армян, был взят схвачен своими собственными воинами»¹¹⁵⁷. Власть в королевстве Армении вновь перешла к балы — Константину Хетумиду.

¹¹⁵³ Guiragos de Kantzag. Op.cit. — P. 428.

¹¹⁵⁴ Об этом же пишет Вардан Великий, см. Vartan le Grand. Op.cit. — P. 442.

¹¹⁵⁵ Bar Hebraeus. Chronography... — P. 443.

¹¹⁵⁶ Bar Hebraeus. Chronography... — P. 443—444. О том, что Филипп был взят в плен на реке Джихан, во время совместного путешествия с королевой Изабеллой в Антиохию, пишет и Самуил Анийский, см. Samuel d'Ani. Op.cit. — P. 460.

¹¹⁵⁷ Bedrosian R., ed. The Chronicle attributed to King Nethum II... [1225], P. 6.

**Война князя Боэмунда IV Антиохийского против Киликийской Армении
(1225—1226 гг.). Смерть короля Филиппа**

Весть о случившемся перевороте быстро достигла Антиохии. Стоит отметить, что вначале князь Боэмунд IV нашел силы сдержать свою ярость и прибегнуть исключительно к дипломатическим мерам. Понимая, что любое неосторожное действие будет стоить жизни его сына, Антиохийский князь отправил посольство в Сис, умоляя вернуть ему Филиппа и не выдвигая иных притязаний. Как пишет Бар Эбрей, «его отец — князь, невзирая на то, что был сильным человеком, не пожелал раздражать армян, дабы они, в своем гневе, не уничтожили его сына. Он направил к ним послов и просил их освободить сына; и он не стал требовать у них возвращения королевства»¹¹⁵⁸. Параллельно Боэмунд IV обратился в Рим, призывая Папу Гогорию III оказать давление на регента и баронов Армении и благословить военно-монашеские ордена на вооруженную борьбу с Константином Хетумидом. Однако Гонорий III не проявил чуткости к просьбам князя Антиохии-Триполи и не стал благословлять войну против христианского, признанного Римом и Священной Римской империей, королевства. Более того, он воспретил военно-монашеским орденам участвовать в любой подобной кампании князя Антиохийского в Киликийской Армении¹¹⁵⁹. Не встретив поддержки римского pontифика и не получая ответа от Константина Хетумида, Боэмунд IV стал готовиться к вторжению в Киликию.

В своем стремлении покарать армян, он восстановил старый союз с Румским султанатом, направив посольство к Кайкобаду I. Согласно хронике Ибн аль-Асира, «он направил посланников к Ала ад-Дину, властителю Икония и Мелитены, и всех мусульманских земель, лежавших меж этими двумя городами, дабы заключить с ним союз и соединить силы

¹¹⁵⁸ Ваг Хебраeus. Chronography... — P. 444.

¹¹⁵⁹ Как отмечает Казэн, эти события никак не отражены в «Регистрах» Папы Гогория III и известны исключительно благодаря хронике Ибн аль-Асира. Однако у нас нет оснований не доверять подробнейшему тексту Ибн аль-Асира, который признан и Казном, и Рансименом как наиболее полное и достоверное описание войны 1225—1226 гг. См. Cahen C. La Syrie du Nord... P. 634; Runciman S. A History of the Crusades... Vol. III, Book, c., P. 173. Текст описания Ибн аль-Асира будет приведен ниже.

в походе против страны сына Левона»¹¹⁶⁰. Невзирая на отказ тамплиеров и госпитальеров от участия в кампании, Боэмунд IV собрал на северных рубежах своего княжества значительные силы: антиохийских и триполитских баронов, рыцарей, сержантов, туркополов, наемников. Он чувствовал себя достаточно уверенно, чтобы начать боевые действия и без поддержки рыцарей Храма, (госпитальеры так или иначе не выступили бы на стороне Боэмунда IV, начиная с 1219 г. находились в состоянии открытой войны с князем Антиохии). К осени 1225 г. он был готов начать войну за своего сына. К этому же времени вернулось посольство из Икония; румский султан согласился совместно напасть на королевство Армении.

Согласно «Всеобщей истории» Ибн аль-Асира, «Договор был заключен, и князь собрал свои войска, чтобы идти в Армению. Тамплиеры и госпитальеры, которые составляют два самых многочисленных войска среди франков, отказались следовать за ним, ссылаясь на то, что владыка Рима запретил эту войну. Другие же франки повиновались приказам князя, который вторгся на рубежи Армении; но страна та покрыта ущельями и высокими горами, и он не смог там свершить того, что желал»¹¹⁶¹. Очевидно, что эта кампания Боэмунда IV Одноглазого была сведена к рейдам по приграничным долинам и поселениям на восточном берегу реки Пирам. Дальнейшее продвижение войск Антиохийского князя было невозможно, покуда киликийские гарнизоны удерживали Тель-Хамдун и другие горные крепости на северных отрогах Аманоса¹¹⁶². Армия Антиохийского князя увязла в боях

¹¹⁶⁰ Ibn al-Athir. Al-Kamil fi al-Tarikh... (Vol. II), P. 168. Ибн аль-Асир ошибочно именует Константина Хетумида (или его сына — Хетума) сыном Левона I Рубенида.

¹¹⁶¹ Ibn al-Athir. Al-Kamil fi al-Tarikh... (Vol. II), P. 169.

¹¹⁶² Примечательно, что тамплиеры (очевидно — сдерживаемые папским запретом), не приняли участия в этом киликийском походе Боэмунда IV Одноглазого. Однако они пропустили армию князя Антиохии-Триполи через контролируемые ими перевалы Аманоса. Вероятно также, что основным стимулом в кампаниях рыцарей Храма против Киликийской Армении было желание вернуть фьефы в горах Аманоса; когда Баграс и прочие замки были им возвращены, тамплиеры потеряли интерес к войне в Киликии. Тем не менее, невзирая ни на возвращение им Баграса, ни на запреты Апостольского престола, они не стали бросать своего старого союзника — Боэмунда IV, беспрекословно позволяя ему воевать в Киликии, перебрасывать войска и снабжать свои силы через подконтрольные Храму горные перевалы, разделявшие Антиохию и Армению. На эту характерную политику ордена особое внимание обращает, в своем исследовании Дж. Райли-Смит. См. Riley-Smith J. The Templars and the Teutonic Knights in Cilician Armenia... P. 109.

и осадах между Пирамом и горами Аманоса. Тем не менее, вполне вероятно, что Бозмунд IV смог взять Тель-Хамдун. Об этом свидетельствует слова Бар Эбрея: «когда он уже не мог ждать, посылая одно посольство за другим, он лично прибыл в Тель-Хамдун и направил им послание, чтобы ему отдали сына»¹¹⁶³. В то же самое время султан Кайкобад атаковал киликийские земли, причем его аскар ворвался в Киликийскую Армению не с севера или запада, но с северо-востока, со стороны сирийских территорий и Мелитены. В ходе стремительной и безжалостной кампании иконийские турки отбили у армян несколько укрепленных городов и прошли с разорительным набегом вдоль богатых поселений и монастырей между Пирамом и Кидном. Следуя описаниям Ибн аль-Асира, «он вошел в ту страну в 622 г. (осенью 1225 г. — С. Б.), разоряя, сжигая, осаждая, и покорив четыре крепости. Затем, с наступлением зимы, он удалился оттуда»¹¹⁶⁴.

Когда турки, наконец, покинули пределы королевства, Константин Хетумид начал переговоры с князем Бозмундом IV, армия которого еще стояла на реке Пирам, в Тель Хамдуна. Филипп был освобожден и передан своему отцу; однако то, что первоначально можно было воспринять как миротворческий жест Константина, на самом деле оказалось проявлением невероятной, прагматичной жестокости армянского балы. Перед тем, как освободить Филиппа, несчастного короля заставили выпить чашу с медленно действующим, но смертельным ядом. Как повествует на страницах своей «Хронографии» Бар Эбрей, «Они откликнулись на его прошение и перевезли его в крепость, именуемую Амуда»¹¹⁶⁵. И они направили послание князю, призывая его прийти и забрать сына. И когда он пожелал забрать его, они сказали ему: «Хоть Ты и забираешь своего сына, но ему не суж-

¹¹⁶³ Bar Hebraeus. Chronography... — P. 444. Хотя слова сирийского мафриана можно интерпретировать по-разному. Либо, Бозмунд IV буквально «прибыл в Тель Хамдун», т. е. взял крепость и оставался там, призывая Константина Хетумиду отдать ему сына; либо он встал лагерем в местности у Тель Хамдуна. Однако, если прямо отталкиваться от текста и от дальнейших действий воюющих сторон, первый вариант кажется более точным.

¹¹⁶⁴ Ibn al-Athir. Al-Kamil fi al-Tarikh... (Vol. II), P. 169.

¹¹⁶⁵ Крепость Амуда была фьефом Тевтонского ордена, пожалованная германским братьям-рыцарям королем Леоном I Великим (ок. 1211 г.). В период войны 1225 г. тевтонцы оказывали масштабную поддержку Константину Хетумиду. Подробнее, см. Riley-Smith J. The Templars and the Teutonic Knights in Cilician Armenia... P. 113.

дено выжить», ибо они заставили его испытать чашу с ядом и он не мог прожить более десяти дней. Так и случилось. Ибо когда князь покинул эту землю, извергая проклятия и угрозы, его сын Филипп, спустя всего лишь несколько дней, умер, и никому не известно, где они похоронили его»¹¹⁶⁶. Филипп умер на руках своего отца; неясно, был ли молодой король Армении похоронен в соборе Св. Петра в Антиохии¹¹⁶⁷ или же в одном из монастырей Черной горы. Смерть короля Филиппа де Пуатье стала поворотным событием в богатой на события истории притязаний князей Антиохии на киликийские земли. Во второй и в последний раз в истории шанс на объединение княжества Антиохии и королевства Киликийской Армении был потерян, во многом — из-за опрометчивости и дерзости претендентов Антиохийского княжеского дома. Неосторожная ссора Раймонд-Рубена с королем Левонем I Великим стоила ему престолов Антиохии и Армении; неслыханная дерзость молодого короля Филиппа, в свою очередь, привела к крушению надежд на восстановление господства антиохийских франков в Киликии.

К началу 1226 г. всем было очевидно, что потерявший сына князь Антиохии должен был неминуемо вернуться и возобновить войну в Киликии. Однако Константин Хетумид предпринял надлежащие меры, дабы оградить королевство от мести Одноглазого князя. Он заключил союз с регентом Алеппского эмирата — Шихаб ад-Дином Тогрилом, правившим от имени малолетнего эмира Аль-Азиза Мухаммеда. Согласно Ибн аль-Асиру, Константин «просил его (Тогрила. — С. Б.) спасти их, и доказал ему, какую опасность будут для них представлять франки, если они захватят их страну, которая граничила с землями Алеппо»¹¹⁶⁸. В этом вновь проявляется один из парадоксальных поворотов в истории войны за Антиохийское наследство и последующих конфликтов между государями Антиохией и Арменией. Аль-Азиз был сыном и наследником эмира Аз-Захира, основного союзника Бозмунда IV Одноглазого, чья интервенция неоднократно спасала Антиохию от притязаний и военных кампаний короля Левона I Рубенида¹¹⁶⁹. Теперь же, в первые недели 1226 г., аскар Алеппско-

¹¹⁶⁶ Bar Hebraeus. Chronography... — P. 444.

¹¹⁶⁷ Если бы это было так, вероятно, Бар Эбрей обратил бы на это внимание.

¹¹⁶⁸ Ibn al-Athir. Al-Kamil fi al-Tarikh... (Vol. II), P. 170.

¹¹⁶⁹ Подробнее, см. выше: С. 100—105.

го эмира, призванный правителем Киликийской Армении, готовился выступить против Антиохии. Невзирая на слухи о готовящемся вторжении алеппских сарацин, ослепленный горечью и жадной мести Боэмунд IV вновь собрал армию и пересек горы Аманоса, разоряя киликийские земли и надеясь сломить сопротивление балы Константина. Как повествует Ибн аль-Асир, «Услышав вести об этом, князь тем не менее утвердился в своем намерении и отправился воевать с армянами; однако это его предприятие не увенчалось успехом и он должен был покинуть Армению»¹¹⁷⁰. В разгар похода княжеской армии к переправам Пирама, Алеппский аскар, во главе с атабеком Тогрилом, вошел в пределы княжества Антиохийского и осадил Баграс. Одновременно тюркская конница стала совершать набеги вдоль других крепостей и монастырей северной Сирии, и к предместьям самой Антиохии. Стало очевидно, что продолжать войну в Киликии невозможно. Отрезанный от своих владений, князь Антиохийский принужден был спешно вести свои войска на помощь к осажденной твердыне тамплиеров — Баграсу. Как сказано в хронике Смбата: «в то время султан Алеппо выступил с многочисленной конницей против Баграса, но смог взять крепость»¹¹⁷¹. Из-за своевременного прибытия франкской армии Тогрил должен был увести свой аскар на восток, покинув владения Антиохийского князя.

Союз Константина Хетумида и Тогрила не только поставил Антиохийское княжество в крайне тяжелое стратегическое положение, но и вовлек тамплиеров, державшихся «дружественного Боэмунду IV» нейтралитета, в череду конфликтов с кочевавшими вдоль Антиохийского озера тюрками и алеппскими мусульманами. Рейды тамплиеров против туркменских кочевников, начатые в следующем 1227 г., привели к ответному карательному походу атабека Тогрила, обратившегося против северных рубежей Антиохийского княжества (т. е. против подвластных ордену Храма фьефов в горах Аманоса). В тот год показательная казнь двух плененных рыцарей Храма привела к заключению перемирия, по условиям которого тамплиеры возвращали Алеппскому эмиру добычу, отбитую у мусульманских кочевников¹¹⁷². Столкновения с Алеппским эмиратом в 1226—1227 гг. показали, что

¹¹⁷⁰ Ibn al-Athir. *Al-Kamil fi al-Tarikh...* (Vol. II), P. 170.

¹¹⁷¹ Bedrosian R., ed. *The Armenian Chronicle of Sempad...* P. 106.

¹¹⁷² Ibn al-Athir. *Al-Kamil fi al-Tarikh...* (Vol. II), P. 170; Cahen C. *La Syrie du Nord...* P. 635.

надежды на продолжение войны против киликийских армян уже не было. Одноглазый князь должен был смириться с поражением, ибо вести войну на два фронта — против Армении и Алеппо он не мог.

Утверждение династии Хетумидов на престоле Киликийской Армении

С победой в войне 1225—1226 гг., королевство Киликийской Армении окончательно перешло под власть бальи — Константина Хетумида. Князь Лампрона и балья Армении действительно показал себя крайне одаренным политиком и полководцем, добившимся убедительных побед как в войне с Раймонд-Рубеном (1221—1222 гг.), так и в войне с Боэмундом IV (1225—1226 гг.). На его совести была смерть двух «франкских» королей Армении — Раймонд-Рубена и Филиппа (отравленных в 1222 г. и 1226 г. соответственно). Однако очевидно, что в глазах армян, натерпевшихся от притеснений Филиппа и рейдов его отца — Боэмунда IV, это обстоятельство лишь придавало уважение старому бальи. Тем не менее, Константину нужно было юридически закрепить свое право на власть в королевстве. Понимая, что его никогда не стать королем, он решил возвести на престол своего младшего сына — Хетума, обвенчав его с овдовевшей королевой Изабеллой и тем самым соединив свой род с королевской династией Рубенидов.

Здесь королевский балья столкнулся с достаточно деликатной проблемой; Филипп мог быть бездарным монархом, однако он, очевидно, пользовался искренней привязанностью и любовью королевы Изабеллы, которая отнюдь не намерена была заново вступать в брак, к тому же — выходить за сына Константина. По словам армянского хрониста Кирака Гандзакского, «королева не желала выходить замуж за ребенка»¹¹⁷³. Хетуму в этот период было около 12 лет, и очевидно, что в глазах скорбящей королевы этот армянский отрок не мог заменить ей горячо-любимого франкского супруга (тем более, что Хетум был сыном убийцы Филиппа). Разгневанная предложением правителя королевства, Изабелла покинула Сис и бежала в Селевкию. Как повествует Бар Эбрей, «Когда королева услышала о его (Филиппа. — С. Б.) смерти, она впала в отчаяние и покинула ту землю, и отправилась в крепость Селевкии, на берегу моря. И она получила там убежище

¹¹⁷³ Guiragos de Kantzag. Op.cit. — P. 429.

у братьев (госпитальеров. — С. Б.), властителей той крепости, и они с честью защищали ее. И ее мать также прибыла к ней с Кипра»¹¹⁷⁴.

Королева Армении и ее мать находились под защитой госпитальеров и, вполне возможно, готовились к отплытию на Кипр, когда к стенам Селевкии прибыли войска Константина Хетумида. Согласно хронике Смбата Спарапета, при известии о бегстве королевы Изабеллы из Сиса «Парон Константин собрал конницу и отправился за ней и встал лагерем напротив селевкийского монастыря госпитальеров»¹¹⁷⁵. Начались переговоры между всесильным балли Армении и рыцарями св. Иоанна. Изабелла умоляла госпитальеров даровать ей убежище, однако братья-рыцари, страшившиеся перехода Селевкии к румскому султану, готовы были «сдать крепость вместе с королевой и установить дружбу с армянами. Братья послали следующий ответ Константину: «Король Левон даровал крепость нам. Не можем же мы сказать его родной дочери 'Встань и покинь эту крепость'. Потому мы сами уйдем, а ты возьмешь и крепость, и ее». Так они захватили и Селевкию, и королеву»¹¹⁷⁶. Так была заключена одна из самых циничных сделок в истории Заморской земли; Изабелла была продана Константину Хетумиду вместе с самой сеньорией Селевкии, а госпитальеры покинули крепость, формально не

¹¹⁷⁴ Bar Hebraeus. Chronography... — P. 444. Мать Изабеллы — Сибилла, была дочерью Амори II де Лузиньяна, короля Кипра и Иерусалима. Вполне вероятно, что и Изабелле, и ее матери Сибилле юный франкский король Филипп казался вполне подходящим и привлекательным человеком; его притеснения армянской знати не могло затронуть и задеть их чувств, т. к. они исходили от человека родной им культуры. И вполне вероятно, что и молодая королева Армении, и ее мать готовы были сделать все, чтобы не возвращаться в Сис, к армянскому балли и его соратникам.

¹¹⁷⁵ Bedrosian R., ed. The Armenian Chronicle of Sempad... P. 106. Примечательно, что хроника Смбата Спарапета относит бегство королевы Изабеллы к периоду, следовавшему за заключением ее брака с Хетумом I. Вероятно, это сознательное искажение последовательности событий, приведенное автором ради того, чтобы придать большую законность браку Хетума и Изабеллы, и соответственно — укрепить права Хетумидов на королевский престол. «В те дни дьявольский гнев овладел королевой Забел, которая возжелала увидеть свою мать, пребывавшую в крепости госпитальеров — Селевкии. Она уехала, что привело к ее раздору с королем и всем народом армянским». См. Ibid... P. 106. Однако то, что брак Изабеллы с Хетумом I был заключен насильно, причем после пленения и выдачи королевы в Селевкии, подтверждают хроники Бар Эбрея и армянского автора — Кирака Гандзакского. См. Bar Hebraeus. Chronography... — P. 444; Guiragos de Kantzag. Op.cit. — P. 429. Так или иначе, даже хроника Смбата не скрывает того, что королева была возвращена в Сис вероломно и насильно.

¹¹⁷⁶ Bedrosian R., ed. The Armenian Chronicle of Sempad... P. 106.

нарушив обязательств перед несчастной королевой. Оставив гарнизон в Селевкии, Константин доставил пленницу в Сис.

14 июня 1226 г. в Тарсе, в соборе Св. Софии и Св. Петра, состоялось бракосочетание Хетума и Изабеллы и их совместная коронация (повторная для несчастной дочери Левона I Великого). Таинство и коронацию совершил Киликийский католикос Константин в присутствии сонма армянского, латинского, православного и сиро-яковитского клира. По словам Бар Эбрея, балы Константин «собрал Патриархов, и епископов, и священников; и они короновали ее, вместе с (...) Хетумом, и Хетум был провозглашен королем в первую неделю Пятидесятницы, в четырнадцатый день месяца хазиран (июнь)»¹¹⁷⁷. Другое описание коронации Хетума и Изабеллы можно найти в хронике Смбата: «Армянские князья, совместно с католикосом — владыкой Константином, собрались и возвели на престол Хетума, сына Константина, балы армян; и они дали ему в жены Забел, дочь короля Левона»¹¹⁷⁸. Брак ознаменовал окончательное слияние двух некогда враждовавших и столь различных армянских родов — Рубенидов и Хетумидов¹¹⁷⁹. Королевский престол Армении перешел к новой династии.

¹¹⁷⁷ Bar Hebraeus. *Chronography*... — P. 454.

¹¹⁷⁸ Bedrosian R., ed. *The Armenian Chronicle of Sempad*... P. 105. О втором браке и совместной коронации Изабеллы и Хетума I также см. Vartan le Grand. *Op.cit.* — P. 442—443; Guiragos de Kantzag. *Op.cit.* — P. 429; Samuel d'Ani. *Op.cit.* — P. 460.

¹¹⁷⁹ И Каэн, и следовавший ему Рансимен некогда отмечали характерную особенность взаимоотношений Хетумидов и Рубенидов. Хетумиды правили княжеством Лампрон на западе Киликии, Рубениды держали под своей властью Вакху, Аназарв и восточную часть Нагорной Киликии; Рубениды направляли все усилия к созданию независимого армянского государства, в то время как Хетумиды были рьяными сторонниками и поданными Ромейской державы. Выше мы уже приводили упоминания о столкновениях двух родов во время различных киликийских войн XII в. В частности, об участии Ошина II Хетумида, князя Лампрона, в походе против Тороса II Рубенида и битве при Мамистре (1152 г.), см. Часть III, гл. 2, С. 100—105. О первом династическом браке, соединившем два рода (браке дочери Тороса II Рубенида с Хетумом III), см. *Ibid.* О войне, которую против княжества Хетумидов вел Млех Рубенид, см. Часть III, гл. 3, С. 100—105. О войне Рубена III против Хетума III и последовавшей интервенции князя Бозмунда III Антиохийского см. Часть IV, гл. 3, С. 100—105. Однако в XIII в. положение в корне переменялось. По словам Казна, «В прошлом Хетумиды были преданы византийской политике; теперь же, с исчезновением Византии, перед лицом латинизированных Рубенидов, они, олицетворяя чистокровных армян, достигших престола на волне антифранкской реакции, тем самым замедлив процесс романизации Киликии». См. Cahen C. *La Syrie du Nord*... P. 635. Аналогичный тезис выдвигает и Рансимен, см. Runciman S. *A History of the Crusades*... Vol. III, Book, c.3, P. 171.

Константин Хетумид оставался фактическим правителем (или, после совершеннолетия Хетума I — соправителем) королевства, вплоть до своей смерти в 1263 г. В то время как его младший сын получил престол Армении, одному из его старших сыновей — Смбату был доверен пост коннетабля (спарапета) королевства. Первым шагом Константина, после заключения брака и коронации Хетума и Изабеллы, стала отправка посольств к Папе Римскому и императору Священной Римской империи. От имени нового короля и королевы, балбы выражал покорность и преданность императору Фридриху II Гогенштауфену и Папе Гонорию III. Согласно одной из версий хроники Смбата, Константин «укрепил дружеские связи с Папой Римским, императором Германии и Ала-ад-Дином (Кайкобадом), румским султаном»¹¹⁸⁰. Тем самым он стремился предать коронации своего сына ту же легитимность, которой пользовался Левон I Рубенид — монарх, признанный и увенчанный Апостольским престолом и германским «императором римлян». Что касается многострадальной королевы Изабеллы, то она, согласно «Хронографии» Бар Эбрея: «на протяжении десяти лет не позволяла королю познать ее, но впоследствии примирилась с ним и родила ему множество сыновей и дочерей»¹¹⁸¹. Действительно, в последующие годы королева постепенно смирилась со своим положением и за годы совместной жизни (1226—1252 гг.), она родила Хетуму I восьмерых детей: пятерых дочерей (Евфимию, Марию, Сибиллу, Риту, Изабеллу), и трех сыновей — Васака, Тороса и будущего короля Армении — Левона II Хетумида. Династия Хетумидов удерживала престол вплоть до 1341 г., дав Киликийской Армении девятих королей¹¹⁸².

VIII. Последствия войн между государями Антиохии и Армении

Война за Антиохийское наследство и последовавшие войны за престол Армении (1221—1222 гг., 1225—1226 гг.), завершившиеся утверждением династии Хетумидов, коренным образом повлияли на положение всех

¹¹⁸⁰ Sempad le Connetable. Chronique de Royaume de la Petite Arménie... P. 648; Cahen C. La Syrie du Nord... P. 635.

¹¹⁸¹ Bar Hebraeus. Chronography... — P. 454—455.

¹¹⁸² Лишь с убийством последнего короля этой династии — Левона IV Хетумида (в 1341 г.), престол Армении перешел к династии Лузиньянов; первый король этой династии — Константин II (Ги) де Лузиньян был призван армянскими князьями в год убийства Левона IV.

христиан Сирии и Киликии — латинян, православных, сирийских и армянских миафизитов.

Конфликты Бозмунда IV и Константина Хетумида с латинской Церковью

Военные действия князя Бозмунда IV Одноглазого в Киликии усугубили его конфликт с латинской Церковью, причем не только с иерархами Заморской земли, но и непосредственно с Римом. Узнав о продолжавшихся поборах, взимаемых Бозмундом IV с сирийских церквей и монастырей, о его преступлениях против ордена госпитальеров, а также о новых притеснениях, направленных против латинского Патриарха Антиохии, Папа Гонорий III отлучил Одноглазого князя от Церкви. Точнее, Бозмунд IV уже находился под отлучением, наложенным в 1219 г. папским легатом — кардиналом Пелагием Альбанским. Однако если ранее римский понтифик призывал своего легата пересмотреть это решение, то теперь он, со всей полнотой власти «викария Христова» подтвердил отлучение¹¹⁸³. Когда до Рима дошли вести о войне, которую Бозмунд IV начал совместно с румскими султаном против христиан Киликийской Армении, Папа Гонорий III стал открыто призывать чад Римской Церкви не оказывать ни поддержки, ни повиновения князю. О том, как папское отлучение сказалось на положении Бозмунда IV, красочно повествует Ибн аль-Асир (писавший со слов христианина, современника и очевидца этих событий): «Как только папа, повелитель франков Рима, услышал об этих событиях, он оповестил франков Сирии о том, что отлучил князя. Тамплиеры и госпитальеры, и многие другие рыцари перестали встречаться с князем и повиноваться ему. Когда же народ его царства, то есть Антиохии и Триполи, справлял церковные празднества, князь удалялся и возвращался лишь после завершения праздника»¹¹⁸⁴.

Папа Гонорий III не ограничился призывами к неповиновению; он обратился к госпитальерам, у которых были давние счеты с Антиохийским князем. Как уже было сказано, к моменту завершения

¹¹⁸³ Подробнее см. Cahen C. *La Syrie du Nord...* P. 634; Hamilton B. *The Latin Church in the Crusader States...* c.9, P. 226.

¹¹⁸⁴ Ibn al-Athir. *Al-Kamil fi al-Tarikh...* (Vol. II), P. 169.

борьбы за Антиохию Боэмунд IV находился в состоянии открытой войны с орденом Св. Иоанна (который, начиная с 1203—1204 гг., поддерживал Раймонд-Рубена в его притязаниях на княжеский престол)¹¹⁸⁵. В 1219—1220 гг. войскам Одноглазого князя пришлось осаждать, а затем штурмом брать цитадель Антиохии, удерживаемую госпитальерами от имени Раймонд-Рубена. Одержав победу в войне за Антиохийское наследство, Боэмунд IV конфисковал все имущество ордена Св. Иоанна в Антиохии и Триполи: здания Госпиталя в двух своих столицах, а также многочисленные касали, лавки, дома, ренты, принадлежавшие госпитальерам. За несколько месяцев орден лишился огромных средств, которые ему на протяжении многих лет жертвовали князья Антиохии, графы Триполи и их вассалы. В своей борьбе с госпитальерами Боэмунд IV дошел до крайних мер; на его совести были и открытые рейды по орденским землям (близ Маркаба и Крака), пленение и заточение госпитальеров, и даже показательная казнь двух рыцарей ордена Св. Иоанна, с одного из которых заживо была содрана кожа¹¹⁸⁶.

Зимой 1225 г., в разгар киликийской кампании Боэмунда IV, Гонорий III обратился к госпитальерам, призывая их выступить с оружием в руках против Одноглазого князя и его сторонников. В первом подобном послании, составленном 18 декабря 1225 г., понтифик благословляет рыцарей-иоаннитов встать на защиту Киликии и сразиться с армией Боэмунда IV. Во втором послании, которое датировано 30 января 1226 г., Папа Гонорий III призывает госпитальеров собраться с силами и атаковать саму Антиохию¹¹⁸⁷. Госпитальеры приняли участие в киликийской войне, однако разумно воздержались от идеи нападения на Антиохию, предложенной понтификом. Тем не менее, из-за своего конфликта с латинской Церковью и войны с орденом Св. Иоанна (поддержанного Римом), Боэмунд IV полностью потерял контроль над изрядной частью княжества Антиохии-Триполи. С одной стороны, он очистил Антиохию, Триполи и обширные земли своего

¹¹⁸⁵ Подробнее см. выше: Часть IV, гл. 3, С. 100—105.

¹¹⁸⁶ Cahen C. *La Syrie du Nord*... P. 633; Delaville le Roulx J. *Les Hospitaliers en Terre Sainte et a Chypre*... P. 148—149.

¹¹⁸⁷ Подробнее см. Cahen C. *La Syrie du Nord*... P. 634, со ссылкой на Presutti P. *Regesta Honorii*... №5061, 5225; Delaville le Roulx J., ed. *Cartulaire général de l'Ordre des Hospitaliers*... №1824, 1834.

домена от присутствия госпитальеров; но при этом княжеские сторонники и войска не могли уже войти на земли, удерживаемые орденом Св. Иоанна. Это прежде всего касалось прославленного замка Крак де Шевалье, контролировавшего значительную часть долины Бекаа, но также и другой великой твердыни госпитальеров — замка Маркаб, господствовавшего над маленьким приморским городком — Валанией¹¹⁸⁸. Так, Боэмунд IV потерял контроль над восточными рубежами графства Триполи (Краком де Шевалье), а также над узкой прибрежной полосой, некогда соединявшей Антиохию и Триполи. Во враждебную князю территорию превратилась и патриаршая сеньория, чей прославленный и неприступный замок Кусаир располагался меньше чем в часе пешего пути к югу от Антиохии. Боэмунд IV даже предпринял попытку осадить замок, однако патриаршая твердыня выстояла благодаря умелым действиям его шателена — Филиппа, племянника Патриарха Ренье¹¹⁸⁹. Сам Патриарх Ренье покинул пределы Заморской земли и отбыл в Италию, к папскому двору, где и закончил свои дни¹¹⁹⁰.

Невзирая на папские прещения и многочисленные преступления Одноглазого князя против латинской Церкви, его продолжали поддерживать коммуна и население Антиохии, а также орден тамплиеров, контролировавший северные рубежи княжества Антиохийского, и северную часть графства Триполи (с Тортосой и Сафитой). Война 1225—1226 г. и действия Константина Хетумида вовлекли тамплиеров и антиохийских франков в новую череду конфликтов с Алеппским эмиром и подвластными ему тюркскими племенами, кочевавшими у Антиохийского озера; это обстоятельство вынуждало тамплиеров игнорировать призывы Рима и всеми силами поддерживать их старый союз с Боэмундом IV. О поддержке, оказываемой Одноглазому князю тамплиерами, а также купцами, горожанами и коммуной

¹¹⁸⁸ Отметим, что оба замка — и Маркаб, и Крак — были окружены христианскими, мелькитскими поселениями.

¹¹⁸⁹ Presutti P. Regesta Honorii... №5560.

¹¹⁹⁰ Отталкиваясь от той скорости, с которой Папа Гонорий III оповещает о смерти Ренье (он умер 16 сентября, римский понтифик пишет об этом 25 числа того же месяца), Бернард Гамильтон убедительно доказывает, что седьмой латинский Патриарх Антиохии должен был закончить свои дни в Италии, близ Рима. См. Hamilton B. The Latin Church in the Crusader States... с.9, Р. 226. Папское послание, касающееся смерти Патриарха Ренье, см. Presutti P. Regesta Honorii... №5658.

Антиохии, свидетельствуют папские упреки и даже отлучения, щедро и тщетно издаваемые Гонорием III в последние годы его понтификата. Так, Папа Гонорий III отлучил от Церкви купцов, торговавших и державших лавки в Антиохии¹¹⁹¹. Враждебность римского понтифика в отношении Боэмунда IV проявилась и в его предложении каноникам Антиохии возвести на овдовевший патриарший престол некоего Жордана, бывшего канцлера князя Раймонд-Рубена. От этого предложения латинский клир Антиохии разумно воздержался¹¹⁹². Более того, Гонорий III до конца жизни (т. е. до 1227 г.) не признавал за Боэмундом IV титула «князя Антиохийского», упорно именуя его в своей переписке лишь «графом Триполи».

В то же самое время утверждение династии Хетумидов коренным образом отразилось на положении латинской Церкви на землях Киликийской Армении. Невзирая ни на свой союз с госпитальерами и тевтонцами, ни на ожесточенные столкновения Боэмунда IV с Римской Церковью, Константин Хетумид обратился против латинского клира Киликии. Латинские архиепископы Тарса и Мамистры были изгнаны из пределов королевства Армении вместе с капитулами их соборов и прочим клиром¹¹⁹³. Очевидно, эти действия королевского балли были продиктованы антифранкской реакцией, стремлением избавиться от любого присутствия или влияния антиохийских франков в Киликии; сказывались усталость, боль и ожесточение армянской знати и населения, утомленных франкскими притеснениями и рейдами 1222—1226 гг. На протяжении всего правления короля Хетума I и его сына — короля Левона II Хетумида (1226—1289 гг.), латинским прелатам не позволяли возвращаться в Киликию. Франки, в свою очередь, упорно сохраняли преимущество титулярных архиепископов Мамистры, пребывавших в Антиохии вплоть до мамлюкского завоевания¹¹⁹⁴. Лишь после падения

¹¹⁹¹ Казн приводит эти сведения, ссылаясь на одно из неизданных папских посланий, хранящихся в Национальной библиотеке в Париже. См. Cahen C. *La Syrie du Nord...* P. 634 (№8).

¹¹⁹² Presutti P. *Regesta Honorii...* №5659.

¹¹⁹³ Presutti P. *Regesta Honorii...* №5222, 6027; Hamilton B. *The Latin Church in the Crusader States...* c.9, P. 227; c.13, P. 340.

¹¹⁹⁴ Изгнанный в 1226 г. архиепископ Мамистры Филипп в последний раз упоминается в 1239 г. Его преемник — архиепископ Гильом занимал кафедру по крайней мере до 1259 г. Имя изгнанного Константином Хетумидом архиепископа Тарса не сохранилось в источниках, невзирая на то, что именно этому прелату был доверен пост

Антиохии, Триполи и Акры, король Хетум II возродил латинскую архиепископию Тарса для окормления франкских беженцев, наводнивших Киликию¹¹⁹⁵.

Так, в 1225—1226 гг. действия правителей Антиохии и Армении — Бозмунда IV и Константина Хетумида — привели к катастрофическому ослаблению латинского Антиохийского Патриархата. Киликийские епархии были потеряны; епархии Тортосы и Валании фактически находились во власти военно-монашеских орденов; епископская кафедра Триполи располагалась при дворе отлученного от Церкви правителя и на протяжении долгих лет находилась под интердиктом¹¹⁹⁶. Прибытие изгнанного киликийского клира и необходимость поддерживать титулярных архиепископов Тарса, Мамистры (а также Апамен)¹¹⁹⁷ легло дополнительным бременем на патриарший диоцез; при этом, патриаршая кафедра вдовствовала на протяжении четырех лет (1225—1229 гг.). Обязанности местоблюстителя патриаршего престола перешли к изгнанному и пребывавшему в Антиохии архиепископу Тарса.

Последние годы Бозмунда IV. Смерть и наследие Одноглазого князя

В вышеописанных противостояниях проходили последние годы правления князя Бозмунда IV Одноглазого. В 1228—1229 гг. князь Антиохии-Триполи был вовлечен в бурный водоворот событий, связанных с прибытием на Восток императора Священной Римской империи — Фридриха II Гогенштауфена. Бозмунд IV встретил императора Фридриха II на Кипре и даже принял участие в его

местоблюстителя патриаршего престола (в 1226—1227 гг.). Последнее упоминание о латинском архиепископе Тарса восходит к 1232 г. После этого, франки не стали сохранять линию титулярных архиепископов Тарса. Подробнее, см. Hamilton B. *The Latin Church in the Crusader States...* c. 9, P. 227.

¹¹⁹⁵ Langlois V., ed. *Les Registres de Nicholas IV...* №6401, P. 859.

¹¹⁹⁶ Хотя создается впечатление, что латинский епископ Робер Триполийский поддерживал осторожные и ровные отношения с князем Бозмундом IV; однако сама его епархия с 1212 г. практически непрерывно находилась под интердиктом, на что особое внимание обращает Делавилье ле Ру, см. Delaville le Roulx J. *Les Hospitaliers en Terre Sainte et a Chypre...* P. 149.

¹¹⁹⁷ Об архиепископии Апамен, см. выше: Часть IV, гл. 1, С. 100—105.

военной кампании против партии Ибелинов¹¹⁹⁸. Вместе с императором и армией Шестого крестового похода Боэмунд IV переправился в континентальный Левант. Когда корабли и войска крестоносцев встали лагерем в Нефине, в сердце графства Триполи, император Фридрих II обратился к Боэмунду IV с призывом принести ему оммаж и признать княжество Антиохийское и графство Триполи вассалами Священной Римской империи. Боэмунд IV, естественно, не намерен был совершать ничего подобного. Он готов был указать на то, что князь Антиохии исторически был вассалом восточного императора, правившего в Константинополе. Традиция эта была подкреплена многочисленными прецедентами; клятвами его отца и деда, приносимых ромейским василевсам, а также его собственным оммажем, принесенным латинскому императору Бодуэну I в 1204 г.¹¹⁹⁹. Однако князь быстро осознал, что апелляция к правам и юридическим прецедентам не повлияют на Фридриха II; он только что был свидетелем и участником расправы императора над Ибелинами, выдвигавшими сходные доводы относительно имперских притязаний на Кипр.

Понимая, что Фридрих II, встретив мотивированный отказ, готов будет применить силу, Одноглазый князь пошел на беспрецедентный шаг: он притворился душевнобольным. В «Деяниях киприотов» Тирский Тамплиер не без симпатии пишет о том, как ловко князь симулировал «болезнь и немоту», и отвечал бессмысленными стенаниями на все попытки к нему обратиться¹²⁰⁰. Осознав, что на данном этапе ему не добиться ни положительного, ни отрицательного ответа на свои притязания, Фридрих II отправился со своей армией на юг, желая скорее занять города Иерусалимского королевства (в том числе

¹¹⁹⁸ *Les gestes des Chiprois...* — с.130, Р. 45—46. Подробнее об участии князя Боэмунда IV Одноглазого и его войск в кампании Фридриха II на Кипре, см. выше: Часть II, гл. 3, С. 100—105.

В стремлении заручиться поддержкой и благоволением императора, князь Боэмунд IV даже одарил рыцарей Тевтонского ордена. Невзирая на то, что тевтонцы были причастны к гибели его сына — Филиппа (отравленного в их киликийской крепости — Амуде), Боэмунд IV пожаловал магистру Тевтонского ордена — Герману фон Зальцу ежегодное пожертвование, в размере 100 безантов, выделенных с княжеских рент в Акре. См. Röhrich R., ed. *Regesta Regni Hierosolymitani ...* — №989, Р. 261.

¹¹⁹⁹ Об оммаже Боэмунда IV Латинской Романии мы уже неоднократно упоминали выше, см.: Часть III, гл. 3, С. 100—105.

¹²⁰⁰ *Les gestes des Chiprois...* — с.134, Р. 48.

и сам Иерусалим). Меж тем, «пораженный болезнью» Боэмунд IV вернулся в Триполи, где сбросил маску безумия и внезапно «исцелился».

Боэмунд IV вновь прибыл на встречу с Фридрихом II (стоявшему лагерем в Акре) в апреле 1229 г.; но если вопрос об оммаже вновь был поднят, у князя хватило аргументации и мужества противостоять императору. Если Фридрих II пытался возобновить притязания уже как король Иерусалима, Боэмунд IV всегда мог доказать, что графство Триполи находилось лишь в достаточно отдаленной вассальной зависимости от Иерусалимского короля (и не являлось одной из его «великих сеньорий»)¹²⁰¹, в то время как Антиохийское княжество не было ни дальним вассалом, ни тем более — сеньорией королевства. Возможно, именно поэтому Фридрих II подчеркнуто отказался включать княжество Антиохии и графство Триполи в свой мирный договор с султаном Аль-Камилем¹²⁰². Так или иначе, игра стоила свеч, и император Фридрих II, во время своего пребывания в Леванте, так и не возобновил каких-либо притязаний на княжество Антиохийское и графство Триполи. Однако с отбытием императора Боэмунд IV был немедленно вовлечен в новую войну с ассасинами — данниками ордена госпитальеров. На исходе 1229 г. госпитальеры направили ассасинов на войну с ненавистным князем; Боэмунду IV пришлось отражать нападения ассасинов на земли Триполи и снаряжать ответные, карательные рейды в горы Нусаир.

Тем не менее, на закате своих дней Боэмунд IV смог благополучно выйти из противостояния с Римской Церковью и орденом госпитальеров, и передать своему сыну относительно мирное, огражденное государство. Смерть Гонория III и восшествие в 1227 г. на престол Св. Петра нового понтифика — Григория IX — открывало новые перспективы для диалога и нормализации отношений между Римом и Одноглазым князем. В сентябре 1229 г. Папа Григорий IX избрал и возвел в сан нового латинского Патриарха Антиохии — итальянского клирика Альбера дель Реззато. Как и Патриарх Петр II Иврейский, Альбер

¹²⁰¹ Достаточно вспомнить, с каким трудом Боэмунд IV принес оммаж Амори II де Лузиньяну; он признал вассальную зависимость графства Триполи (но не Антиохии), лишь получив от Амори II ренту в размере 4,000 безантов с «цепи» в Акре. Подробнее см. выше: Часть IV, гл. 3, С. 100—105.

¹²⁰² Именно к этой версии в свое время склонялся Рёрихт, а следуя ему — Казн, см. Röhricht R. Geschichte des Königreichs Jerusalem (1100—1291). — Innsbruck, 1898. — P. 787 (№2); Cahen C. La Syrie du Nord... P. 641.

принадлежал к числу латинских Патриархов Антиохии, которых римские понтифики избирали из числа близкого им итальянского клира и лично возводили в сан. До своего избрания на патриарший престол Альбер был нареченным епископом северо-итальянского города Брессаноне. Отправляя нового Патриарха на Восток, Папа Григорий IX предоставил ему легатские полномочия¹²⁰³.

Положение Патриарха Альбера оказалось достаточно шатким, однако нельзя не отметить, что Боэмунд IV не стал препятствовать его прибытию и интронизации в Антиохии, что можно истолковать как определенный жест доброй воли со стороны князя. Но, как уже было сказано, Боэмунд IV находился в состоянии открытой войны с госпитальерами, которые в 1229—1230 гг. натравили на его владения войска ассасинов. Следовательно, князь чувствовал себя в полном праве продолжать свою антиклерикальную политику, взимая, со своими вассалами и коммуной, налоги с церковной собственности и конфискуя церковные земли и доходы. Новые жалобы со стороны иоаннитов и Патриарха Альбера были направлены в Рим, и 5 марта 1230 г. уже Григорий IX издал буллу отлучения от Церкви князя Боэмунда IV¹²⁰⁴. Но при этом Григорий IX наделил Патриарха Жерольда Иерусалимского легатскими полномочиями, утверждая за ним право снять отлучение с князя, если тот достигнет мирного соглашения с орденом Св. Иоанна. Спустя два с половиной года Боэмунд IV неожиданно согласился вступить в переговоры и достичь соглашения с госпитальерами. Вероятно, на действиях Одноглазого князя сказывалось предчувствие скорой смерти, что, в свою очередь, повлекло желание примириться с Церковью и оградить своего сына и наследника от военной и политической борьбы с орденом госпитальеров. Переговоры проходили под общим председательством Патриарха Жерольда, при посредничестве Жана I Ибелина, сеньора Бейрута.

Договор был достигнут 26 октября 1232 г. Помимо обязательства не поднимать более оружия друг против друга стороны пришли к следующим условиям: князь Боэмунд IV обязался признавал права

¹²⁰³ Послание, в котором Папа Григорий IX оповещает об избрании Альбера дель Реззато на Антиохийский патриарший престол, датировано 26 сентября 1229 г. См. Auvray L., ed. *Les Registres de Grégoire IX...* №342—343, P. 208—209.

¹²⁰⁴ Delaville le Roulx J., ed. *Cartulaire général de l'Ordre des Hospitaliers...* №1955, 1965.

госпитальеров на Джабалу¹²⁰⁵, а также даровал им значительные ренты в Антиохии и Триполи, в качестве компенсации за конфискованное ранее имущество. Госпитальеры, в свою очередь, признали Боэмунда IV легитимным правителем Антиохии и Триполи, и отrekliсь от прав на все дарения, пожалованные им Раймонд-Рубеном. Латинская Церковь, устами Патриарха Жерольда Иерусалимского (к которому позже присоединился и Патриарх Альбер дель Реззато), также признала Боэмунда IV законным князем Антиохийским и, после стольких лет, сняла с него отлучение¹²⁰⁶. В общей сложности, Боэмунд IV оставался отлученным от Церкви на протяжении почти двадцати лет: с 1206—1213 гг., и с 1219 г. вплоть до 1232 г. В марте следующего — 1233 г. князь Боэмунд IV Одноглазый скончался в своей южной столице. Воссоединившись с Церковью, он был отпет и с почестями погребен в латинском кафедральном соборе Триполи¹²⁰⁷. Спустя несколько недель после его смерти, 10 апреля 1233 г. Папа Григорий IX подтвердил снятие отлучения и возвращение князя Антиохии-Триполи в лоно Римской Церкви¹²⁰⁸.

В лице князя Боэмунда IV Одноглазого мы, бесспорно, встречаем одного из наиболее одаренных и исторически-значимых правителей Латинского Востока. Вне всякого сомнения, этот государь мало походил на «идеального крестоносца» или на крестоносца как такового. Подавляющее большинство его военных кампаний было направлено против христиан, а не мусульман¹²⁰⁹. К тому же, на его совести было и убийство

¹²⁰⁵ Город с 1188 г. находился под властью мусульман, однако права на него яростно оспаривали тамплиеры и госпитальеры. Конфликт восходил к 1217 г., когда князь Раймонд-Рубен пожаловал права на Джабалу госпитальерам, а Боэмунд IV, прослышавший о деянии своего племянника, даровал права на город тамплиерам.

¹²⁰⁶ Delaville le Roulx J., ed. *Cartulaire général de l'Ordre des Hospitaliers...* №2000.

¹²⁰⁷ Alberic de Trois-Fontaines. *Chronica...* P. 933.

¹²⁰⁸ Auvray L., ed. *Les Registres de Grégoire IX...* №1224, P. 694—695. Очевидно, известия о смерти Боэмунда IV еще достигли Рима.

¹²⁰⁹ Среди войн, которые Одноглазый князь вел против христианских противников в Леванте, следует, прежде всего, назвать войну за Антиохийское наследство (1201—1216 г., 1219 г.), предшествовавший ей переворот в Антиохии (1198—1199 гг.), войну против восставших триполийских баронов (1204—1205 гг.), киликийский поход (1225—1226 гг.), участие в войне Фридриха II Гогенштауфена на Кипре (1228 г.), затяжную, но не угасавшую борьбу с госпитальерами (1219—1230 гг.).

К числу войн Одноглазого князя, направленных против сарацин, следует отнести кампании против Салах-ад-Дина (1188—1192 гг.), когда Боэмунд IV был еще юношей, утвержденным на Триполийском престоле и находившимся под протекцией своего

латинского Патриарха, и показательные казни госпитальеров. Тем не менее, именно благодаря его усилиям франкские владения, лежавшие к северу от Бейрута и реки Нар-аль-Кельб, были объединены в единое государство, способное выстоять перед лицом череды войн и потрясений. Безусловно, его последние годы были омрачены тяжелым поражением в Киликии (1225—1226 гг.) и продолжавшимися столкновениями с госпитальерами. Амбициозная и бескомпромиссная борьба Одноглазого князя стоила жизни двум его сыновьям — Раймонду (заколотого ассасинами в 1213 г.) и Филиппу (отравленного в 1226 г.)¹²¹⁰. Тем не менее, несмотря на провал плана по восстановлению господства антиохийских франков в Киликии, Боэмунд IV вышел победителем из всех основных противостояний своего правления. Невзирая на тяжелейшее ранение, он сокрушил восстание триполийской знати, поддержанное королями Иерусалима и Армении (1205 г.). После почти двадцати лет походов, смены союзников, осад, набегов, заговоров и интриг он одержал окончательную и неоспоримую победу в войне за Антиохийское наследство. Боэмунд IV Одноглазый показал себя и как ловкий дипломат, прагматично взиравший даже на отлучения, возложенные на него Римской Церковью. Когда это соответствовало его интересам, он устанавливал гораздо более прочные союзы с восточными христианами и сарацинами, нежели с франками и латинским духовенством. Ни один другой правитель среди заморских франков не смог заключить столь прочных союзов с мусульманскими правителями (эмиром Аз-Захиром Алеппским, румскими султанами). Он смог находчиво отклонить притязания императора Фридриха II Гогенштауфена и, путем постоянной и ловкой смены союзников, оградить свое государство от войны Ибеллинов с гибеллинами (ломбардцами), которая раздирала королевства

отца; участие в Пятом крестовом походе (1217—1218 гг.), в частности — в кампаниях в Галилее и Ливане; войны против ассасинов — в 1213 г. и в 1230 г.; кампания по защите Киликийской Армении от вторжения румского султана (1222 г.); война с Алеппским эмиратом в 1226 г., когда Боэмунд IV должен был оборонять Антиохию и Баграс. Так или иначе, все эти кампании были гораздо более краткими, и участие в них самого князя было, подчас, второстепенным.

¹²¹⁰ Старший сын и наследник Боэмунда IV — Раймонд, назначенный балью Антиохии, был в 1213 г. убит ассасинами, данниками ордена госпитальеров, с которыми Одноглазый князь уже тогда находился в состоянии жесткой вражды. Убийство было совершено во время богослужения в соборе Богоматери в Тортосе. Спустя тринадцать лет, его третий сын — Филипп, посаженный на престол Армении, пал жертвой непомерных амбиций своего отца и последовавшего жестокого отмщения армян.

Кипра и Иерусалима на протяжении пятнадцати лет (1228—1243 гг.)¹²¹¹. Его долгое и ожесточенное противостояние с орденом госпитальеров завершилось на приемлемых, даже — взаимовыгодных условиях. То же можно сказать и о конфликте с латинской иерархией и Римом; после многолетнего прагматичного посягательства на церковные права и земли он умер в лоне Церкви, удостоившись и приятия святых даров, и погребения, достойного христианского государя. Боэмунд IV вошел в историю Заморской земли не только как целеустремленный и ловкий политик, испытанный в боях военачальник и тонкий дипломат, но и как один из выдающихся юристов и знатоков права, которыми славился Латинский Восток. Его дар в области юриспруденции восхваляет другой великий юрист Заморской земли — Филипп Новарский¹²¹².

Величайшим свершением и итогом правления Боэмунда IV можно считать то, что он сумел объединить и удержать под своей властью как графство Триполи, так и Антиохийское княжество, создав тем самым подобие «четвертого королевства» в пределах Заморской земли, сопоставимого по территории, доходам и населению с королевствами Акры и Кипра¹²¹³. И в то время, как второе Иерусалимское королевство распадалось на конгломерат сеньорий, городов, замков или даже отдельных городских кварталов, подвластных различным партиям, баронам, орденам, княжество Антиохии-Триполи оставалось, в известной мере, централизованным государством. Прямые потомки Боэмунда IV по мужской линии правили не только Антиохией и Триполи; с 1268 г. к внуку Боэмунда — Гуго III де Пуатье перешел и королевский престол Кипра¹²¹⁴, который прямые отпрыски

¹²¹¹ На эту дипломатическую победу Одноглазого князя особое внимание обращает Рансимен, см. Runciman S. A History of the Crusades... Vol. III, Book, c.4, P. 206.

¹²¹² Philippe de Novare. Asses de la Haute Cour // RHC Lois. I. — Paris, 1841. — P. 570.

¹²¹³ О подлинно «королевских» амбициях и положении Боэмунда IV свидетельствует и то, что он стал единственным князем Антиохийским и единственным графом Триполи, который позволил себе издать «золотую буллу». И невзирая на то, что сохранились свидетельства лишь об одном подобном хрисовуле, и что впоследствии Боэмунд IV подкреплял подавляющее большинство своих хартий обычными, свинцовыми печатями, сам прецедент является крайне показательным. Подробнее см. Cahen C. La Syrie du Nord... P. 440.

¹²¹⁴ Отцом Гуго III был Генрих де Пуатье, младший сын Боэмунда IV Одноглазого, женившийся на Изабелле де Лузиньян, дочери кипрского короля Гуго I. После своей коронации в Никосии Гуго III принял родовое имя матери, и основанная им династия была известна как дом Лузиньян-Пуатье.

Одноглазого князя удерживали вплоть до 1489 г. Примечательно, что и королевский престол Иерусалима, в итоге, перешел к кипрской ветви потомков Боэмунда IV.

В рамках данного исследования, нельзя не отметить, что среди деяний князя Боэмунда IV Одноглазого, одним из наиболее значимых для истории христианского Востока стало возрождение православного Антиохийского Патриархата в Леванте, окончательное признание параллельной (латинской и византийской) церковной иерархии в его владениях, а также возвращение патриаршего престола Антиохии уроженцам Сирии.

Боэмунд V

Одноглазому князю наследовал его сын — Боэмунд V, ставший вторым государем, объединившим престолы княжества Антиохии и графства Триполи. Первоначально казалось, что новый государь намерен был пойти по следам своего отца, вступив в новую череду конфликтов с латинским Патриархом и орденом госпитальеров (у которых он оспаривал права на триполийскую сеньорию Мараклеи). Патриарх Альбер стал выдвигать все большие притязания на светскую власть в регионе, считая возможным карать виновных в преступлениях против клира и даже требуя, чтобы молодой князь принес ему оммаж. Боэмунд V, в свою очередь, пленил и бросил в темницу нескольких приближенных Патриарха, в том числе шателена замка Кусаир. Патриарх Альбер, по-прежнему остававшийся папским легатом, сумел, благодаря своей выдержке и разумной дипломатии, добиться относительного примирения с новым государем; он даже разрешил его спор с госпитальерами¹²¹⁵. В 1235 г. князь Боэмунд V заключил судьбоносный брак — с внучатой племянницей Папы Иннокентия III — Люсьен де Сеньи. Помолвка была устроена при непосредственном участии Папы Григория IX¹²¹⁶.

¹²¹⁵ Послания Папы Григория IX и Патриарха Альберта, связанные с этим противостоянием, см. Auvray L., ed. *Les Registres de Grégoire IX...* №4471—4473. История конфликта между Патриархом Альбером и Боэмундом V приведена в Hamilton B. *The Latin Church in the Crusader States...* c.9, P. 228.

¹²¹⁶ Первый брак Боэмунда V — с вдовствующей королевой Кипра Алисой, заключенный в 1225 г., был аннулирован через два года (в 1227 г., т. е. еще до восшествия Боэмунда V на княжеский престол), из-за близкого родства. Об аннулировании этого брака и помолвке князя Боэмунда V с Люсьен де Сеньи см. *L'Estoire Eracles...* P. 408.

Благодаря этому браку, Боэмунд V оказался в крайне близких и доверительных отношениях с папством; он даже добился у Апостольского престола особой буллы, согласно которой князя Антиохии-Триполи не мог отлучить от Церкви ни один иерарх, кроме самого Папы Римского¹²¹⁷. Тем не менее, этот брак положил начало притоку римской знати в пределы княжества Антиохии-Триполи, что впоследствии стало поводом для новых раздоров и противостояний.

Крайнее напряжение сохранялось в отношениях Антиохийского князя (и союзных ему рыцарей-тамплиеров) с государями Киликийской Армении — королем Хетумом I и его отцом Константином. На заре 1237 г. князь Боэмунд V и магистр ордена тамплиеров Арман де Перижор начали совместный поход в Киликию. Кампания была инициирована магистром Арманом, который желал покарать короля Хетума I за череду репрессий, обрушившихся на тамплиеров в Киликии. Армянский монарх, заподозрив тамплиеров в заговоре и государственной измене, конфисковал часть их владений и повесил нескольких братьев. Боэмунд V, со своей стороны, охотно присоединился к тамплиерам со своими войсками, движимый жадной кровной мести за своего младшего брата — Филиппа. Однако этот карательный поход коснулся лишь восточных рубежей Киликии; отец короля Хетума I — старый и умудренный опытом Константин Хетумид сумел вовремя завязать переговоры и достичь соглашения с магистром ордена Храма, спасая тем самым своего сына и само королевство от новой войны с тамплиерами и Антиохийским князем. Король Хетум I отказывался от враждебных действий в отношении ордена, а тамплиеры обязались покинуть Киликию. Как сказано в одной из версий хроники Продолжателя Гильома, князь Боэмунд V пришел в ярость от заключенного мира, желая в полной мере отомстить Хетумидам за убийство своего брата. Однако у нового князя Антиохии-Триполи не было ни достаточных войск, ни тем более военных и политических талантов отца; когда тамплиеры повернули свои войска и ушли обратно за Аманос, Боэмунд V принужден был также покинуть пределы королевства Армении, довольствуясь разорением лишь нескольких сельских поселений. Так завершился последний в истории поход антиохийских франков и их князя в Киликию¹²¹⁸.

¹²¹⁷ Это соглашение было достигнуто в 1244 г., уже при следующем понтифике — Иннокентии IV. См. Berger E., ed. *Registres d'Innocent IV*. Vol. I. — №418, P. 75.

¹²¹⁸ *L'Estoire Eracles...* P. 405—406; Riley-Smith J. *The Templars and the Teutonic Knights in Cilician Armenia...* P. 109.

Единственное, что мог сделать Боэмунд V — это обратиться к Папе Григорию IX с просьбой расследовать обстоятельства и законность заключения брака Хетума I и Изабеллы, что создало целый ряд проблем для правителей Армении, т. к. было весьма вероятно, что брак будет аннулирован. Но, в итоге, Апостольский престол отказался от этой затеи, несмотря на призывы Антиохийского князя¹²¹⁹.

Годом ранее князь Боэмунд V был, против воли, вовлечен в войну с Алеппским эмиратом, войска которого вторглись в пределы княжества и осадили Баграс, желая покарать тамплиеров за непрекращающиеся атаки на тюркские кочевья у Антиохийского озера. Боэмунду V пришлось лично привести армию на выручку Баграса. Прибытие княжеского войска вынудило алеппских мусульман заключить перемирие с франками, однако Боэмунд V оказался не в состоянии как-либо повлиять на тамплиеров. Прецептор ордена тамплиеров в Антиохии — Гильом Монферратский — вскоре продолжил военные действия против сарацин. Новые рейды, инициированные тамплиерами, закончились катастрофической битвой близ Дарпсака (1237 г.), в который было перебито больше сотни рыцарей, в том числе и сам Гильом. Согласно хронике Матфея Парижского, «В том сражении пало более сотни рыцарей Храма, три сотни арбалетчиков, не считая некоторых секулярных¹²²⁰, и большое число пеших воинов; у турок же убито было примерно три тысячи»¹²²¹. После этого поражения между тамплиерами и Алеппским эмиратом установилось достаточно долгий период перемирия¹²²². Киликийский поход 1237 г. и военные действия тамплиеров наглядно продемонстрировали слабость нового государя Антиохии-Триполи.

¹²¹⁹ Послание Папы Григория IX, в котором понтифик велит начать расследование обстоятельств заключения брака Хетума I и Изабеллы, см. в Auvray L., ed. *Les Registres de Grégoire IX...* №3597.

¹²²⁰ То есть рыцарей и сержантов из числа княжеских войск, не принадлежавших к ордену тамплиеров.

¹²²¹ *Matthaei Parisiensis. Op.cit.* — Vol. III, P. 404—405.

¹²²² Описания кампании и битвы у Дарпсака (1237 г.), см. Alberic de Trois-Fontaines. *Chronica...* P. 942; *Chronique d'Amadi et de Strambaldi...* P. 185. Наиболее подробное описание битвы у Дарпсака принадлежит как раз Матфею Парижскому (см. выше). Западн-ый хронист с горечью пишет о том, как Гильом Монферратский, игнорировавший предостережения и призывы воздержаться от сражения, повел своих людей на гибель, и при этом сам, вопреки уставу Храма, повернул спину к противнику и пытался про-рваться с поля боя. См. Cahen C. *La Syrie du Nord...* P. 650—651; Runciman S. *A History of the Crusades...* Vol. III, Book, c.4, P. 208.

Очевидно, что в первые годы своего правления Боэмунд V действительно пытался продолжать политику своего отца, однако у него не было ни сил, ни средств, ни характера для достижения поставленных целей¹²²³. За исключением двух неубедительных кампаний на севере (в 1236—1237 гг.) он лично не возглавил более ни одного похода¹²²⁴. Во время крестового похода короля Тибо Наваррского князь Боэмунд V не пошел дальше оказания роскошного приема знатым крестоносцам и их войскам в Триполи¹²²⁵. В период вторжения хорезмийских тюрок в пределы Иерусалимского королевства, второго падения Святого града (15 июля 1244 г.) и решающего сражения у Ля Форби (17—18 октября 1244 г.), князь Боэмунд V также предпочел остаться в Триполи, хоть и направил значительные силы на помощь палестинским франкам¹²²⁶.

¹²²³ В то время как его отец вошел в историю как «Одноглазый», а его сын — Боэмунд VI получил эпитет «Красивый», Боэмунд V не устаивается каких-либо прозвищ или эпитетов. Однако если обратиться к хронике короля Хетума II, мы встречаем эпитет, дарованный именно этому князю: «В 682 г. армянского летоисчисления (1233 г.) Боэмунд Одноглазый, князь Антиохийский умер, и ему наследовал Боэмунд Хромой». См. Bedrosian R., ed. *The Chronicle attributed to King Hethum II...* [1233], P. 6. Вполне вероятно, что этот эпитет действительно связан с недугом князя, который повлиял на его активность и форму правления.

¹²²⁴ По воцелствии на княжеский престол (в 1233 г.) Боэмунд V решил присоединиться к походу тамплиеров, госпитальеров, иерусалимских и триполийских рыцарей в долину Бекаа, к Хаме и Баарину. Поход этот прямо затрагивал восточные рубежи графства Триполи, однако и тогда князь отказался лично идти в поход. Он передал эту обязанность своему младшему брату — Генриху, предоставив ему 30 княжеских рыцарей. Подробнее о походе к Баарину, см. *L'Estoire Eracles...* P. 404.

¹²²⁵ *Continuation de Guillaume de Tyr, de 1229 a 1261, dite du Manuscrit de Rothelin...* P. 551—552; Shirley J., ed. & trans. *Crusader Syria in the Thirteenth Century. The Rothelin Continuation...* P. 55.

¹²²⁶ В битве у Ля Форби (17—18 октября 1244 г.) в составе христианской армии сражалось многочисленное войско триполийских и антиохийских франков, во главе которого находился коннетабль Триполи — Фома де Хам (занимавший свой пост со времен правления Одноглазого князя), а также двоюродные братья князя — Жан и Гильом, сыновья Боэмунда Младшего, сеньора Ботрона. И коннетабль Фома, и братья Жан и Гильом попали в плен к сарацинам; значительная часть их контингентов была, очевидно, перебита и пленена. При этом Жан де Пуатье умер в египетском плену, в то время как его брат — Гильом и коннетабль Фома смогли дожидаться выкупа и вернуться в Триполи. Фома занимал пост коннетабля вплоть до 1255 г., в то время как Гильом наследовал своему отцу, став сеньором Ботрона. Подробнее о битве при Ля Форби и участии в ней триполийских франков см. *L'Estoire Eracles...* P. 430.

Правление апатичного Боэмунда V привело к стремительному развитию различных центробежных устремлений и проблем, наметившихся еще в период войн Одноглазого князя. При этом девятнадцатилетнее правление нового государя отнюдь не может считаться «малозначимым» периодом в истории церковного (и светского) соприкосновения латинян и православных христиан в Леванте. Невзирая на сближение Боэмунда V с Римом, отношения между князем и латинским Патриархом (и клиром) Антиохии оставались достаточно напряженными, что прямо отразилось на положении латинских и, в особенности, православных церквей и монастырей на землях франкской Сирии. В этой связи необходимо вновь вернуться к рассмотрению церковной жизни на территории княжества Антиохии-Триполи в период, последовавший за утверждением династии Хетумидов в Киликии и продолжавшийся вплоть до вторжений монголов и мамлюков, сокративших латинские государства Заморской земли.

IX. Положение православного Антиохийского Патриархата на землях королевства Армении и княжества Антиохии-Триполи

Конфликты Боэмунда IV Одноглазого, Константина Хетумида и их сыновей — Боэмунда V и Хетума I — с латинской Церковью привели к весьма заметному укреплению православной иерархии в пределах княжества Антиохии-Триполи и королевства Армении. Исход киликийской войны 1225—1226 гг. привел к невиданному доселе ослаблению латинского Антиохийского Патриархата, который одновременно столкнулся с враждебными действиями как победителей (Хетумидов), так и побежденных (князя Боэмунда IV). Об этом мы уже говорили выше¹²²⁷; однако теперь следует подробно рассмотреть, как именно эти процессы сказались на положении православных общин и архиереев.

Патриаршество Симеона II ибн Абу Саиба (1217—1242 гг.). Пребывание Патриарха в Киликии, Антиохии и Никее

Изгнав латинский клир из пределов королевства Армении, Константин Хетумид сделал ставку на сближение с православными — греческим

¹²²⁷ Подробнее см. выше: С. 100—105.

и мелькитским населением, ромейской и армяно-халкидонитской знатью, Никейским василевсом и Антиохийским Патриархом. Десятилетием ранее, после взятия Антиохии армией Левона I Великого и Раймонд-Рубена (1216 г.), Патриарх Симеон II Абу Саиб принужден был признать главенство латинского Патриарха. С захватом Антиохии Левону необходимо было укрепить положение возведенного на княжеский престол Раймонд-Рубена, что можно было сделать лишь добившись признания и поддержки Римской Церкви и латинского Патриархата. Именно поэтому король Армении, ставший с 1211 г. основным защитником и покровителем мелькитского Патриарха, потребовал, чтобы Симеон II признал некую форму главенства латинского Патриарха Антиохии — Петра II Иврейского. Опять же, речь шла не об упразднении православного Патриархата, но о попытке поставить мелькитскую иерархию в определенную зависимость от латинского Патриарха Антиохии. Очевидно, подобное положение не устраивало Симеона II. Примерно год он находился в вынужденном общении с Римской Церковью, после чего предпочел оставить Антиохию, покинуть пределы королевства Армении и искать убежище в Никее, при дворе ромейского василевса Феодора I Ласкариса. Не позднее рубежа 1217—1218 гг., в сопровождении клира и нескольких архиереев, Патриарх Симеон II прибыл в Никею. Там, на синоде под председательством Вселенского Патриарха Мануила I Харитопула, Патриарх Симеон II принес покаяние в общении с «латинянами». После церемониального покаяния и исповедания он получил признание своих прав на Антиохийский престол со стороны Вселенского Патриарха и никейского василевса¹²²⁸.

С победой балы Константина, утверждением на престоле его сына Хетума I и сопутствовавшим изгнанием латинской иерархии (1226 г.) Патриарх Симеон II Абу Саиб вновь был с почестями принят при дворе короля Армении (в Сисе и Тарсе), а православная иерархия Киликии смогла существенно укрепить свои позиции. Либо сам Симеон II, либо представлявшие его архиереи и клирики Антиохийского престола присутствовали на коронации Хетума I в Тарсе. Об этом прямо свидетельствует Бар Эбрей, когда говорит о том, что Константин Хетумид, на коронации своего сына, «собрал Патриархов, и епископов,

¹²²⁸ Laurent V. Les registres des actes du Patriarcat de Constantinople... №1220; Hamilton B. The Latin Church in the Crusader States... c.12, P. 317.

и священников»¹²²⁹. Говоря о «патриархах» во множественном числе, сирийский мафриан указывает на присутствие не только армянского клира, но и иерархии других Церквей. Вряд ли Константин Хетумид позволил бы воцарению своего сына в чем-либо уступать коронации Левона I Великого, в которой участвовали и православные, и сирояковитские иерархи. К тому же, присутствие православных иерархов было необходимо, т. к. часть баронов королевства принадлежала к халкидонской Церкви.

Упразднение латинских архиепископий Тарса и Мамистры, вне всякого сомнения, сопровождалось перераспределением церковной собственности — храмов, земель, бенефиций — в пользу православных и армянских общин. В этом отношении Константин Хетумид буквально повторял действия короля Левона I Великого, передавшего земли и церкви латинской архиепископии Тарса православному клиру и Патриарху Симеону II в 1211 г.¹²³⁰. Более чем вероятно, что романская базилика Св. Павла — кафедральный собор халкидонских христиан Тарса — вновь перешла к православной митрополии. Воцарение династии Хетумидов в целом благотворно отразилось на положении северо-западных епархий Антиохийского Патриархата. Во второй половине XIII в. православные архиереи Киликийской Армении чувствовали себя настолько уверенно, что выдвигали своих претендентов на Антиохийский патриарший престол, состязаясь со ставленниками ромейских василевсов и кандидатами сиро-ливанских епархий¹²³¹.

Последующие годы своего патриаршества (завершившегося в 40-х гг. XIII в.) Симеон II провел преимущественно при императорском дворе, в Никее и Нимфее. Наряду с Вселенским Патриархом Германом II, Патриарх Симеон II абу Саиб был одним из двух старших православных архиереев, присутствовавших на соборе

¹²²⁹ Bar Hebraeus. Chronography... — P. 454.

¹²³⁰ Подробнее см. выше: С. 100—105.

¹²³¹ Митрополит Аназарва занимал первенствующее место среди антиохийских архиереев и, если верить Георгию Пахимеру, претендовал на патриарший престол в 1275 г., хотя и был обойден ставленником императора Михаила VIII Палеолога — Феодосием Виллардуэном. См. Georgius Pachymeres. Op.cit. — Lib. VI, c.5, P. 436—437. Митрополит Помпейополя Дионисий был одним из двух претендентов на Антиохийский патриарший престол (1287 г.) и был признан киликийскими епископами полноправным Патриархом Антиохии. Подробнее см. ниже: С. 100—105.

в Нимфее (1234 г.)¹²³². Целью собора было восстановление диалога и серьезное рассмотрение возможности возобновления общения с Римской Церковью. Как известно, собор завершился ожесточенной перебранкой между греческими и латинскими участниками и бегством папских представителей из пределов Никейской империи¹²³³. Спустя четыре года, если верить хронике Матфея Парижского, Патриарх Симеон II Антиохийский, заручившись поддержкой Вселенского Патриарха Германа II, позволил себе отлучить от Церкви Папу Григория IX и всех чад Римской Церкви. По словам Матфея, «В тот год архиепископ Антиохийский (с согласия Германа, архиепископа Константинопольского, защитника греков и вице-регента антипапы) (...) отлучил папу, со всей Римской Церковью и папским двором, и, торжественно проповедуя святотатство, поставил себя и свою церковь прежде Его Святейшества — Папы и Римской Церкви, признав за собой первенство древности и чести (...) ибо св. Апостол Петр вначале был епископом Антиохии»¹²³⁴. И несмотря на то, что это сказание Матфея никак не подтверждается в источниках и является явным преувеличением, оно явно свидетельствует о том, что после антиохийских событий 1216 г. и никейского покаяния 1218 г., мелькитский Патриарх был крайне далек от идеи общения с Римской Церковью и стоял во главе антилатинской партии¹²³⁵. При этом Патриарх Симеон II Абу Саиб придерживался принципиально иных позиций касательно перспектив диалога и даже восстановления евхаристического общения с Армянской Апостольской Церковью. Вполне вероятно, что он продолжал посещать епархии своего Патриархата в Киликийской Армении, хоть его постоянным местопребыванием и оставалась Никея. Антиохийский Патриарх играл центральную роль в переговорах между василевсом Иоанном III Дукой Вататем и королем Хетумом I, а также между Вселенским Патриархом Геннадием II и католиком Константином I. Причем переговоры эти, проходившие в 1239 г., касались не только союза между двумя державами, но и идеи

¹²³² Laurent V. Les registres des actes du Patriarcat de Constantinople... №1247.

¹²³³ Angold M. Greeks and Latins after 1204: Perspectives of Exile... P. 78—79.

¹²³⁴ Matthaei Parisiensis. Chronica Majora... Vol. III, P. 518—519.

¹²³⁵ Подробнее см. Hamilton B. The Latin Church in the Crusader States... c.12, P. 321; Cahen C. La Syrie du Nord... P. 680.

восстановления евхаристического общения между православными халкидонитами и армянскими миафизитами¹²³⁶.

Стоит также отметить, что после 1217 г. Симеон II либо не мог, либо не желал возвращаться в Антиохию; постоянной резиденцией Антиохийского Патриарха оставалась Никея. Именно туда ему писал митрополит Керкиры — Георгий Вардан, бывший в этот период послом Эпирского деспота в Италии (1236 г.). В своем послании, Вардан сожалеет о том, что Патриарх Симеон II не может мирно занять свою кафедру в Антиохии; это наводит на мысль о том, что мелькитский иерарх опасался возвращаться на земли, подвластные франкам¹²³⁷. Однако эти опасения были, в известной мере, преувеличенными.

Положение православных в княжестве Антиохии-Триполи. Связь Симеона II с епархиями на франкских землях. Проблема десятины

Исход войн за Антиохию и Киликию привел к новым столкновениям между светскими властителями франков и латинской церковной иерархией. Вышеописанная борьба князя Боэмунда IV с госпитальерами и латинским Антиохийским Патриархом¹²³⁸ крайне благотворно отразилась на положении православных общин в пределах княжества Антиохии-Триполи. Богатые православные монастыри северной Сирии, в особенности Лавра Св. Симеона Дивногорца, конечно же, пострадали от поборов Боэмунда IV и его сторонников, однако конфликт Одноглазого князя с Римом и латинской Церковью, бесспорно, сыграл им на руку. Благодаря этому конфликту православные церкви и монастыри Антиохийского княжества в своей массе оставались *de facto* и *de jure* независимыми от латинского Патриархата. Подобную независимость они могли сохранить только с ведома и при осознанном покровительстве светских властей — князя Боэмунда IV Одноглазого и Боэмунда V, разумно придерживавшегося церков-

¹²³⁶ Ведущую роль Антиохийского Патриарха в этих переговорах отмечает Гамильтон. См. Hamilton B. The Latin Church in the Crusader States... с.12, Р. 321. Действия Антиохийского Патриарха как посредника отражены в константинопольских «регестах», см. Laurent V. Les registres des actes du Patriarcat de Constantinople... №1278, 1282, 1290.

¹²³⁷ Angold M. Greeks and Latins after 1204: Perspectives of Exile... Р. 75.

¹²³⁸ См. выше: С. 100—105.

ной политики своего отца. В своем противостоянии с латинскими Патриархами князья Антиохии-Триполи вновь сделали ставку на тесный союз с Антиохийской коммуной. Соответственно, определенное покровительство православным церквям, с одной стороны, обеспечивало князьям поддержку влиятельных греков и сириан коммуны и, одновременно — существенно ослабляло позиции враждебной, патриаршей партии. Лишенный поддержки франкских государей, латинский епископат и клир оказались бессильными в своих притязаниях, тщетно призывая греков, мелькитов, грузин и армян-халкидонитов к «каноническому единству» и «послушанию». Как отмечает Каэн: «невзирая на усилия (Патриархов) Ренье и Альбера, греческий клир княжества оставался непокорным, вероятно, не без тайной поддержки Бозмунда V, заинтересованного в сохранении своего влияния»¹²³⁹.

На протяжении своего патриаршества, в том числе и многолетнего пребывания в Никейской империи и Киликийской Армении, Патриарх Симеон II ибн Абу Саиб поддерживал связь с православными церквями и монастырями Антиохии, Черной горы и сирийских епархий. В 1225 г. Папа Гонорий III писал к Патриарху Ренье, требуя, чтобы тот конфисковал бенефиции у всех греческих клириков, которые не принесли ему клятвы в том, что никогда не признают Патриарха Симеона II¹²⁴⁰. Это папское послание служит четким свидетельством того, что греческий и мелькитский клир Антиохии не просто отказывал в повиновении латинской иерархии, но взирал именно на Симеона II как на своего законного Патриарха. Очевидно, что у Патриарха Ренье, лишённого поддержки князя и коммуны, не было никакой возможности исполнить папское требование и добиться подчинения «греков». Спустя тринадцать лет аналогичное послание Патриарху Альберу дель Реззато направил Папа Григорий IX, призывавший латинского Патриарха и всех его епископов запретить в священнослужении всех греческих клириков, которые публично не принесли клятву верности Римской Церкви. При этом понтифик велит «грекам» немедленно прекратить обвинять латинян в ереси, что явно свидетельствует о росте антилатинских полемических

¹²³⁹ Cahen C. La Syrie du Nord... P. 680.

¹²⁴⁰ Presutti P. Regesta Honorii... №5570; Hamilton B. The Latin Church in the Crusader States... c.12, P. 319, 321.

настроений среди ромейских и мелькитских общин Леванта¹²⁴¹. В том же году понтифик направил в Сирию еще одно послание, на этот раз обращенное непосредственно к «греческим, армянским и грузинским аббатам и клирикам града Антиохии и ее епархии», с призывом вернуться к послушанию латинскому Патриарху Антиохийскому (послание датировано 26 июня 1238 г.)¹²⁴².

Сохранились и иные свидетельства того, что Патриарх Симеон II поддерживал тесные связи со своей паствой и епархиями на франкских землях. Мелькитский иеромонах Гавриил Мартиропольский, работая в скриптории монастыря Пресвятой Богородицы над гаванью Россы и составляя «Антологию к празднику Пророка Илии», пишет о том, что его рукопись была завершена в дни отца нашего Симеона, Патриарха Антиохийского» (1242 г.)¹²⁴³. Раскрывая историю и датировку фресок церкви Свв. Сергия и Вакха в Кафтуне, Н. Хелу обращает внимание на то, что вдоль карниза, огибающего неф, сохранились фрагменты арабской надписи: «[Антио]хии и всего Востока и в этот день...». По словам Хелу, «Эта фраза, часть именованния патриарха Ант[тиохии и всего Востока], позволяет сделать заключение, что речь идет о патриаршем заказе, или что фрески церкви были исполнены при некоем патриархе, историческую личность которого еще предстоит установить»¹²⁴⁴. Отталкиваясь от датировок этого фрескового ансамбля (росписи нефа — вторая четверть XIII в.; апсида — третья четверть того же столетия)¹²⁴⁵, можно с достаточной степенью уверенности утверждать, что этим Патриархом был Симеон II¹²⁴⁶. Так, фрески церкви Свв. Сергия и Вакха в Кафтуне могут служить косвенным свидетельством общения и поминовения Патриарха Симеона II Абу Саиба не только в северных, киликийских епархиях, но на всей

¹²⁴¹ Acta Honorii III (1216—1227) et Gregorii IX (1227—1241)... — №230, Р. 322; Hamilton B. The Latin Church in the Crusader States... c.12, Р. 322.

¹²⁴² Auvray L., ed. Les Registres de Grégoire IX. Vol. II. — №4467, c.1098.

¹²⁴³ Elias (Khalifeh). Orthodox Manuscripts Copied in Antioch... — Р. 4. Об этом мы уже писали выше, см. Часть IV, гл. 1, С. 100—105.

¹²⁴⁴ Хелу Н. Фрески Кафтунa (Ливан). Соединение византийской и восточной традиций... — С. 590.

¹²⁴⁵ Helou N., Immerzeel M. Kaftoun 2004... — Р. 458.

¹²⁴⁶ Хотя речь также может идти (с меньшей вероятностью) и о его преемнике — Патриархе Давиде, взошедшем на патриарший престол после 1242 г.

территории княжества Антиохии-Триполи, в том числе и в ливанских епархиях. Оставаясь в Никее, Патриарх Симеон II вполне мог управлять монастырями и церквями Антиохийского княжества через викарного архиерея, пребывавшего в одном из монастырей Амана, на стыке франкских владений и киликийской Армении. То, что монастырь Пресвятой Богородицы над гаванью Россы был известен как «Епископия», может указывать на то, что в 1230—1240-х гг. эта обитель служила резиденцией для одного из православных архиереев, направленных в северную Сирию в качестве викария Антиохийского Патриарха¹²⁴⁷.

Апостольский престол оказался бессильным как в попытке добиться покорности «греков» Антиохии, так и в стремлении ввести десятину на землях княжества Антиохийского. Решение об обязательном распространении на восточных христиан обязанности выплачивать десятину было принято на Четвертом Латеранском соборе (1215 г.). В скором времени латинский император Романии, короли Кипра и Фессалоник, герцог Афинский, князь Ахейский, венецианские бальи на островах Средиземного моря начали вводить десятину среди своих ромейских подданных. Но, как уже было сказано в одной из предшествующих глав, восточные христиане на землях Антиохии, Триполи и Иерусалима, с момента установления франкского господства, были освобождены от необходимости выплачивать десятину; и папская реформа вынуждала их коренным образом пересмотреть те общественные и экономические устои, которые они Заморской земли сохраняли со времен Первого крестового похода.

Примечательно, что в княжестве Антиохии-Триполи против введенной Папой десятины встали не только восточные христиане, но и франкские нобили и бюргеры. В то время как латинские правители Кипра и Латинской Романии вынуждали своих ромейских подданных платить десятину, франки, греки, сириане и армяне Антиохии до конца сопротивлялись этому папскому «нововведению». В то время как ромейские христиане на Кипре и в пределах Латинской Романии обязаны были платить десятину, франки и восточно-христианское население княжества Антиохии-Триполи до конца сопротивлялись этому папскому «нововведению». Папа Гонорий III попытался сосредоточить свои усилия на введении десятины в непокорном княжестве; он призвал Патриарха Ренне и латинский

¹²⁴⁷ Об этом мы уже говорили выше, см. Часть IV, гл. 1, С. 100—105.

клир Антиохии всеми силами добиваться выплаты десятины со стороны восточно-христианского населения¹²⁴⁸. Однако у латинского Патриарха, опять же, не было возможности добиться этих выплат, без поддержки князя, баронов и коммуны. Постановления Четвертого Латеранского собора и гневные воззвания Апостольского престола оказались бессильными перед вполне здоровой и прагматичной потребностью латинских и восточных христиан Сирии в мирном, экономически выгодном сосуществовании. Тогда как на Кипре латинские иерархи, при потворстве франкских государей, обременяли ромеев этой новой формой церковного налогообложения, на континенте, в княжестве Антиохии-Триполи те же франкские государи, бароны и бюргеры не только не заставляли «греков, сириан и армян» платить десятину, но даже доверяли им земли, цеха и лавки, дабы самим избежать необходимости выплачивать десятую часть своих доходов Церкви. Сохранилось послание Папы Римского Григория IX, в котором понтифик выражает негодование по поводу того, что «князь Антиохийский, и латиняне града Антиохии и ее епархии» доверяют обработку своих земель и угодий исключительно «грекам, армянам и прочим»¹²⁴⁹. Указывая на то, что с восточных христиан, по законам княжества, десятина *не* взимается, франки Антиохии значительно сокращали и собственные выплаты Церкви.

Итак, во второй четверти XIII в., православные христиане княжества Антиохии-Триполи смогли сохранить не просто фактическую, но и, подчас, юридическую независимость от латинской иерархии, поддерживая связь с православным Патриархатом, воссозданным в 1206 г. Более того, благодаря поддержке князя и коммуны, «греки, сириане и армяне» Антиохии были ограждены от попыток папства ввести десятину. Апостольскому престолу оставалось лишь с негодованием призывать «греков» к покорности и требовать от латинского Патриарха и духовенства Антиохии исполнения указанных постановлений, которые те не были в состоянии исполнить. Даже если Патриарх Альбер и предпринимал попытки утвердить свою власть, это сводилось к локальным конфликтам и конфискациям; в корне переломить положение он не мог.

¹²⁴⁸ Presutti P. Regesta Honorii... №5565; Acta Honorii III (1216—1227) et Gregorii IX (1227—1241).... — №140, P. 186.

¹²⁴⁹ Послание датировано 31 июля 1238 г. См. Auvray L., ed. Les Registres de Grégoire IX. Vol. II. — №4474, с.1102. Также см. Hamilton B. The Latin Church in the Crusader States... с. 12, P. 317.

Невозможно не напомнить и о том, что именно в этот период Антиохию посетил один из величайших иерархов Православной Церкви XIII в., а именно — св. Савва, Архиепископ Сербский. Во время своего великого паломничества по православным обителям Ближнего Востока (1234—1235 гг.), св. Савва Сербский смог встретиться и подолгу гостить как у православного Патриарха Афанасия III, пребывавшего на франкских землях, в Иерусалиме, так и у православного Папы и Патриарха Николая I в Александрии; с Симеоном II Абу Саибом, Патриархом Антиохийским, св. Савва если и встречался, то только в Никее. Возвращаясь из своего путешествия по монастырям Египта и Палестины, св. Савва остановился в Антиохии, прежде чем отправиться по морю на Балканы. Примечательно, что к этому времени св. Савве уже была передана почитаемая икона Богородицы Троеручицы, которую он вез из Палестины на Афон. Так, 1235 г. стал не только годом посещения Антиохии великим сербским святителем, но и временем краткого пребывания в городе одной из наиболее почитаемых икон Востока, связанной, по преданию, со св. Иоанном Дамаскином. Вполне возможно, что св. Савва мог выставить эту икону для почитания в одном из православных храмов Антиохии, в частности — в Юстиниановой церкви Пресвятой Богородицы. И, конечно же, св. Савва Сербский, будучи архиереем, совершал богослужение в многочисленных церквях и обителях, посещаемых им во время этого паломничества; вполне вероятно, что он мог отслужить и в Юстиниановой Богородичной церкви, и в Лавре Св. Симеона Дивногольца. Однако утверждать этого доподлинно невозможно. Из «Жития...» св. Саввы, составленного Доментианом, мы знаем лишь о том, что св. Савва посетил Антиохию и отбыл оттуда по морю на Афон¹²⁵⁰.

Патриарх Давид Антиохийский

Новая глава в отношениях между Римом и православными Леванта стала возможной со смертью Папы Григория IX и Патриарха Симеона II Антиохийского. Папа Григорий IX скончался в 1241 г. После краткосрочного понтификата Целестина IV и полутора лет вдовства

¹²⁵⁰ Оболенский Д. Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов... С. 521—523.

римской кафедры (1241—1243 гг.) на престол Св. Петра взошел Иннокентий IV — Папа, с именем которого связано наиболее деятельное устремление Римской Церкви к диалогу и достижению единства с восточно-христианским миром. В то же самое время, на смену Симеону II Абу Саибу, преставившемуся около 1242 года, пришел новый православный «Патриарх града Антиохии и всего Востока» — Давид. О личности Патриарха Давида известно не так уж и много; неизвестно, был ли он сирийским мелькитом, как его предшественник, или же он принадлежал к числу грекоязычных ромеев Антиохии, Киликии или Малой Азии. Опять же, возникает вопрос — где и как проходило избрание нового Патриарха Антиохийского? Осмелимся предположить, что избрание вряд ли могло проходить в Никее, т. к. ромейский василевс и Вселенский Патриарх добились бы поставления более лояльного кандидата. Где бы ни проходило его избрание, Давид, очевидно, был признан на всей территории своего Патриархата, земли которого были разделены между Киликийской Арменией, княжеством Антиохии-Триполи, королевством Иерусалимским, мусульманскими эмиратами¹²⁵¹.

Вскоре после своего избрания, не позднее 1245 г., Патриарх Давид перенес свою резиденцию в Антиохию¹²⁵². Возвращение Патриар-

¹²⁵¹ При переходе кафедры от Симеона II Абу Саиба к Давиду не возникло какой-либо схизмы или противостояния между двумя претендентами, избранными в разных частях Патриархата. Между тем, подобная схизма поразила Антиохийскую Православную Церковь в IX в., с параллельным избранием Патриарха Евфимия I (поддержанного митрополитом Тира, частью антиохийцев и эдесскими мелькитами) и Патриарха Николая I (поддержанного митрополией Дамаска, мелькитами Алеппо и других сирийских земель). Подробнее см. выше: Часть I, гл. 2, С. 100—105. Сходное противостояние охватило Сиро-яковитскую Церковь как раз в годы патриаршества Давида. В 1252—1261 гг. сирийские миафизиты разделились, поддерживая двух разных претендентов на патриарший престол — Мар Дионисия VII (признанного епархиями Месопотамии, Мардина и северной Сирии), и Мар Иоанна XV (признанного епархиями Антиохии, Алеппо и «ближней» Сирии). В конце XIII в. православная Антиохийская Церковь, опять же, пережила подобную схизму, связанную с параллельным избранием «сиромливанского» Патриарха Кирилла III и «киликийского» Патриарха Дионисия. Подробнее см. ниже: С. 100—105.

То, что подобной схизмы не возникло в 1245 г., заслуживает особого внимания и свидетельствует об укреплении восстановленного Бозмундом IV и его коммуной Антиохийского Патриархата в годы сорокалетнего патриаршества Симеона II Абу Саиба.

¹²⁵² О хронологии избрания Патриарха Давида и его прибытии в Антиохию см. Charon C. (Karalevskij C). Antioche... P. 618—619; Joseph (Nasrallah). Chronologie des patriarches melchites d'Antioche... P. 4.

хата в Антиохию было возможно только с согласия князя Боэмунда V, который, несомненно, предоставил это право Давиду, желая умиловить «греков и сириан» коммуны и, одновременно, ослабить позиции враждебной княжеской власти патриаршей партии (и соответственно — латинского клира)¹²⁵³. Сам латинский Патриарх Антиохии — Альбер дель Реззато — скорее всего не застал прибытия Патриарха Давида; в 1245 г. он отбыл на Запад, дабы принять участие в Первом Лионском соборе. В следующем году латинский Патриарх скончался в Италии, а его преемник (Опицо дель Фиеччи) прибыл в Сирию лишь в 1247 г. Так, на протяжении двух лет (1245—1247 г.), православный Патриарх Давид оставался единственным Патриархом, пребывавшем в Антиохии. Это был первый, со времен изгнания Иоанна V Оксита (в 1100 г.), и последний раз в истории, когда православный Патриарх находился в Антиохии, без «стеснения» и соседства со стороны латинского и сиро-яковитского Патриархов¹²⁵⁴. Однако это возвращение православного Патриарха Антиохийского и всего Востока в его кафедральный град требовало определенной открытости к диалогу и общению с латинянами; без этого никакие соглашения Давида с князем Боэмундом V были бы невозможны. В отличие от своего предшественника — Симеона II Абу Саиба, Патриарх Давид, очевидно, придерживался диаметрально противоположных позиций в отношениях с Римом. Опять же, речь шла именно о готовности нового православного Патриарха к восстановлению общения со своим римским собратом, а не о подчинении местной латинской церковной (патриаршей) власти.

Идея признания и непосредственного подчинения Апостольскому престолу обособленной «греческой» иерархии на территории Антиохийского Патриархата была, в свое время, выдвинута еще Папой Гогорием III¹²⁵⁵. К 1245 г. Патриарх Давид Антиохийский и Папа Римский

¹²⁵³ Об этом конфликте и проистекавшей из него княжеской поддержке независимого православного клира в Антиохии уже достаточно было сказано выше, см. С. 100—105.

¹²⁵⁴ Подробнее о патриаршестве Давида, его контактах с князем Боэмундом V и готовности вступить в общение с Римом, см. Cahen C. *La Syrie du Nord...* P. 684; Hamilton B. *The Latin Church in the Crusader States...* c.12, P. 322; Runciman S. *A History of the Crusades. Vol. III. — Book II*, c.4, P. 231. Рансимен даже выдвигает предположение, что к избранию Патриарха Давида могла быть причастна супруга Боэмунда V — княгиня Люсьен де Сеньи.

¹²⁵⁵ Presutti P. *Regesta Honorii...* №5567, 5570.

Иннокентий IV готовы были начать переговоры о восстановлении общения и взаимном признании, в том числе и о признании православным Патриархом верховенства «реформированного» папства. В 1246 г. Папа Иннокентий IV направил на Восток исключительное по своему содержанию и значимости послание, обращенное непосредственно к Патриарху Давиду и архиереям Антиохийской Церкви. Впервые, с момента учреждения латинских Патриархатов в Леванте, Папа Римский обратился к православному Патриарху Антиохии, именуюя его «почитаемым братом, греческим Патриархом Антиохийским» (*venerabilis frater noster Patriarchae graeco Antiocheno*) и обращая к нему «приветствие и апостольское благословение» (*salutem et apostolicam benedictionem*)¹²⁵⁶. Как известно, это было традиционное обращение понтификов к латинским патриархам Антиохии (конечно же, без приставки «греческий»)¹²⁵⁷.

Миссия Лоренцо дель Орте. Отношения папского легата с латинским Патриархом Иерусалима и православным Патриархом Антиохии. Восстановление православной архиепископии в Никосии

В своем послании к Патриарху Давиду, Папа Иннокентий IV информирует своего «брата» о том, что направляет к нему, на Восток, легата, которого он именует «ангелом мира». Этим легатом был францисканский монах — Лоренцо дель Орте. Отбывая в пределы Заморской земли в 1246 г., Лоренцо дель Орте был назначен представителем Апостольского престола в «Армении, Анатолии, Египте, Кипре, Греции», но также и папским легатом «ко всем грекам, живущим в Патриархатах Иерусалима и Антиохии» и «к яковитам, маронитам и несторианам». Папа Иннокентий IV доверил францисканскому монаху уникальную миссию: Лоренцо должен был, от имени Апостольского престола, следить за тем, «чтобы все греки тех земель, под каким бы именем они ни были известны, были защищены властью папы (...) не позволять кому-либо посягать на них, и восстанавливать

¹²⁵⁶ Berger E., ed. *Registres d'Innocent IV.* — Vol. I, №3046.

¹²⁵⁷ К примеру, Папа Иннокентий III именует Патриарха Петра II Иврейского «*venerabilem fratrem nostrum Antiochenum patriarcham*». См. *Innocentius III Pontifex Romanus. Epistolae* // PL. Vol.216. — №69, c.434.

полную справедливость в тех случаях, когда вред им был нанесен латинянами»¹²⁵⁸. В этом отношении францисканский монах действительно был «вестником мира» римского понтифика к православным Востока.

Оказавшись в Антиохии, Лоренцо дель Орте встретился с Патриархом Давидом. Легат передал Патриарху послание римского понтифика, и предложенный Иннокентием IV проект воссоединения, согласно которому все «греческие» пресвитеры никогда не приносившие обетов послушания местному латинскому клиру, могли вступить в общение и непосредственное послушание Апостольскому престолу. Это же касалось православных архиереев и их Патриарха. Иннокентий IV призывал всех готовых к воссоединению «греческих» клириков в Рим, и готов был оплатить все расходы на подобное путешествие для Патриарха Давида, архиереев его престола и их апокрисиариев¹²⁵⁹. Неизвестно, вступил ли Патриарх Давид в полноценное общение с Римом. Если бы это было так, то, возможно, в папских архивах сохранилось бы его послание или исповедание веры. Однако то, что Патриарх Давид изъявил готовность к подобному диалогу и принятию условий, выдвинутых Иннокентием IV, вряд ли можно подвергать сомнению. Об этом свидетельствует как продолжавшееся пребывание Патриарха Давида в Антиохии, так и дальнейшая деятельность Лоренцо дель Орте — его попытки объединить «греков и сириан» под властью православной иерархии, защита «греков» перед лицом латинских притеснений, усилия на пути установления непосредственного общения между Римом и восточными православными Патриархами. Эта деятельность вскоре вызвала возмущение и решительный протест со стороны латинского Патриарха Иерусалима — Робера Нантского. Патриарх Робер написал папе, протестуя против действий его легата, который предположительно призывал греков, мелькитов и грузин Иерусалимского Патриархата выйти из-под юрисдикции латинских прелатов. В августе 1247 г. понтифик отправил своему легату новое послание, в котором существенно сокращал его полномочия, указывая на то, что не давал ему права «ограничивать власть латинских Патриархов»¹²⁶⁰. Гамильтон выдвигает гипотезу, согласно кото-

¹²⁵⁸ Berger E., ed. *Registres d'Innocent IV.* — №3047.

¹²⁵⁹ Berger E., ed. *Registres d'Innocent IV.* — №4051.

¹²⁶⁰ Berger E., ed. *Registres d'Innocent IV.* — №4052.

рой конфликт с латинским Патриархом был вызван притязаниями Патриарха Давида на окормление многочисленных мелькитских общин и церковей Тирской митрополии и поддержкой этих притязаний со стороны Лоренцо дель Орте¹²⁶¹.

Одним из последних свершений Лоренцо дель Орте на Востоке стало восстановление православной церковной иерархии в пределах Кипрского королевства. Прибыв на Кипр, Лоренцо застал крайне бедственное положение православного ромейского населения, пострадавшего от череды латинских посягательств в предшествующие два десятилетия (реформы Пелагия, утверждение десятины, неумеренная жестокость латинского клира, проявившаяся в годы кипрской междоусобицы в 1229 г.). Ранее, в период реформ кардинала Пелагия Альбанского (около 1222 г.), Архиепископ Неофит II был изгнан из пределов Кипра. Он возвратился на остров спустя несколько лет при посредничестве никейского василевса Иоанна III Дуки Ватаца, однако его положение оставалось тяжелым¹²⁶². К моменту прибытия Лоренцо дель Орте Неофит II вновь находился в ссылке, вдали от Никосии и своей кафедры. Лоренцо немедленно призвал Архиепископа Неофита II и восстановил его на кафедре Никосии — как полноправного архипастыря православного населения Кипра¹²⁶³. Король Кипра Генрих I де Лузиньян и латинский Архиепископ Никосии Евсторгий должны были покориться решению легата. Лоренцо дель Орте смог восстановить положение православной иерархии на Кипре. Следующий папский легат — кардинал Одо, сопровождавший Седьмой крестовый поход (1248—1249 гг.), продолжил политику Лоренцо дель Орте; он признал восстановление православной иерархии на Кипре и оградил ромеев от посягательств со стороны местных латинских прелатов¹²⁶⁴. Папа Иннокентий IV, в свою очередь, утвердил эти ре-

¹²⁶¹ Hamilton B. The Latin Church in the Crusader States... c.12, P. 322. Так или иначе, единственным патриархом, у которого могли быть претензии к Лоренцо, был Патриарх Робер Иерусалимский, т. к. Альбер Антиохийский находился в Италии и не застал миссию францисканского легата.

¹²⁶² Подробнее см. Angold M. Greeks and Latins after 1204... P. 73—74.

¹²⁶³ Основным источником, касающимся этого «восстановления в правах» Архиепископа Неофита II Кипрского, является переписка Папы Иннокентия IV и его легата. См. Sbaraglia G.G., ed. Bullarium Franciscanum Romanorum Pontificum. Tomus I. Ab Honorio III ad Innocentium IIII. — Roma, 1756. — №420.

¹²⁶⁴ Подробнее см. Angold M. Greeks and Latins after 1204... P. 74.

шения¹²⁶⁵. Здесь, конечно же, нельзя не отметить усилия папских легатов — Лоренцо дель Орте и кардинала Одо по «деконструкции» реформ их предшественника — легата Папы Гонория III, кардинала Пелагия Альбанского.

При этом кардинал Одо добился признания православным Архиепископом Никосии и его архиереями папского верховенства и, соответственно, восстановления общения с Римом. После смерти Архиепископа Неофита II православные епископы Кипра обратились к Папе с просьбой благословить избрание нового предстоятеля для Кипрской Церкви. Соответственно, новый Архиепископ Никосии и всего Кипра — Георгий II, был избран с благословения Иннокентия IV¹²⁶⁶. Опять же, следует отметить, что это признание власти Апостольского престола ни в коей мере не было сопряжено с латинизацией богословия или богослужения православной Кипрской Церкви. Со времен миссий Лоренцо дель Орте и кардинала Одо (1247—1248 гг.), и вплоть до 1260 г. православная церковная иерархия Кипра сохраняла независимость от латинского Архиепископа Никосии и его прелатов. Лишь с момента издания Папой Александром IV «Конституции Кипра» (в 1260 г.) православные архиереи снова перешли на положение суффраганов латинских епископов Кипрского королевства¹²⁶⁷. Однако здесь нельзя не обратить внимания на историю последнего, независимого от латинской иерархии, предстоятеля Кипрской Церкви — Архиепископа Геннадия II (1251 — около 1283 гг.). Столкнувшись с изменением папской политики в отношении византийских христиан и решительно отказавшись приносить присягу латинскому архиепископу, Геннадий II предпочел отправиться не в Никею, ко двору ромейского василевса и Вселенского Патриарха (что было бы вполне традиционно), но в Рим, дабы лично отстаивать свои права перед лицом Апостольского престола¹²⁶⁸. Он искренне пытался доказать понтифику, что готов жить «в послушании Риму», но «наравне с латинянами» Кипра, а не в подчинении им. Эти действия Архие-

¹²⁶⁵ Berger E., ed. *Registres d'Innocent IV.* — №4769.

¹²⁶⁶ Подробнее см. Angold M. *Greeks and Latins after 1204...* P. 74; Hamilton B. *The Latin Church in the Crusader States...* с.12, P. 324.

¹²⁶⁷ См. выше: Часть IV, гл. 4, С. 100—105.

¹²⁶⁸ Richard J. A. *propos de la «bulla cypria» de 1260 // Byzantinische Forschungen.* — 1996. — №22. — P. 22—24, 30.

пископа Геннадия II свидетельствуют о явном успехе церковной политики Папы Иннокентия IV и его легатов, и о готовности некоторых восточных патриархов и автокефальных архиепископов установить общение с «реформированным папством», при условии признания их прав и чистоты вероучения.

Пребывание Патриарха Давида в Антиохии

Миротворческие, дипломатические усилия Папы Иннокентия IV привели к признанию его пастырской власти и восстановлению общения с двумя Архиепископами Кипрскими — Неофитом II и Геннадием II, и, вероятно, с православным Патриархом Антиохийским — Давидом. Если говорить о Патриархе Давиде, то годы его патриаршества можно считать периодом наиболее тесного сближения православной Антиохийской Церкви с Римом, со времен возвращения на кафедру и последующего изгнания Патриарха Иоанна Оксита. Невзирая на то, что не сохранилось ни одного послания или иного текста, приписываемого Давиду, о его контактах с Римской Церковью можно достаточно обоснованно судить по папским посланиям и по целому ряду других исторических свидетельств. Как справедливо указывает Гамильтон, с момента контактов Давида с Лоренцо дель Орте (1246—1247 гг.) и вплоть до конца его патриаршества не появляется ни одной латинской жалобы на наличие «греческой схизмы» в Антиохии¹²⁶⁹; со своей стороны, добавим, что к этому периоду нельзя отнести и ни одного византийского или сирийского текста с жалобой на положение православных в Антиохийском княжестве. Положение Давида и его паствы кажется тем более примечательным, если принять во внимание, что с 1247 г. он перестал быть «единственным» Патриархом в Антиохии. В 1247 г. в северную Сирию прибыл новый латинский Патриарх Антиохии — генуэзец Опиццо дель Фиечи, племянник Папы Иннокентия IV. Однако ни в одном источнике нет каких-либо упоминаний о конфликтах между двумя Патриархами, пребывавшими в Антиохии. Это имеет особое значение, принимая во внимание близость Патриарха Опиццо к Папе Иннокентию IV. Подобное «молчание» (в особенности со стороны латинян)

¹²⁶⁹ Hamilton B. The Latin Church in the Crusader States... c.12, P. 324.

и продолжавшееся благополучное пребывание православного Патриарха на франкских землях было возможным только при условии установления полноценного общения между Иннокентием IV и Давидом.

В этом отношении патриаршество Давида имеет особое значение, т. к. оно ознаменовало возвращение Антиохийских Патриархов к поиску единства и с Ветхим, и с Новым Римом. Эта тоска по утрачиваемому единству с особой пронзительностью проступает в посланиях современника «Великой схизмы 1054 г.», уроженца Антиохии — Патриарха Петра III¹²⁷⁰. Впоследствии эта же линия была продолжена плеядой других Патриархов Антиохии, искавших приемлемых условий для восстановления общения с Римом или, по крайней мере, державшихся открытого, дружественного отношения к латинским христианам и их клиру. В числе этих Патриархов Антиохийских и всего Востока — Кирилл III (1287—1308 гг.), Игнатий II (1344—1359 гг.), Игнатий III (1619—1643 гг.), Евфимий III (1634—1635 гг.), Макарий III Заим (1647—1672 гг.), Афанасий III Даббас (1686—1694 гг.). В первой половине XVIII в. эти центробежные устремления, в сочетании с продолжавшимся давлением как со стороны Рима, так и со стороны Константинополя, привели к расколу прежнего Антиохийского Патриархата на, собственно, Антиохийскую Православную Церковь и Мелькитскую греко-католическую Церковь, первым Патриархом которой стал Кирилл VI Танас¹²⁷¹.

Дружественные отношения Патриарха Давида с Папой Иннокентием IV, франкскими князьями и латинским Патриархом, открыли путь к примерно тринадцатилетнему периоду равноправного и мирного сосуществования латинской и православной иерархии в Антиохии (1247—1258 гг.). Благодаря примирительной политике Папы Иннокентия IV и Патриарха Давида православные церкви и монастыри на территории княжества Антиохии-Триполи были объединены под

¹²⁷⁰ О Патриархе Петре III, см. выше: Часть IV, гл. 1, С. 100—105.

¹²⁷¹ Патриарх Кирилл VI (Серафим) Танас был избран на патриарший престол в Дамаске 1 октября 1724 г. Поскольку Кирилл VI был кандидатом сирийского клира и пролатинской партии, Вселенский Патриарх Иеремия III не признал этих выборов и спустя всего семь дней после избрания и интронизации Кирилла VI — 8 октября 1724 г. возвел на Антиохийский патриарший престол молодого афонского монаха, киприота Сильвестра. Избрание и хиротония Сильвестра были совершены в Константинополе. Противоборство двух Патриархов привело к полноценному расколу. Меж тем, к 1744 г. Кирилл VI Танас, состоявший в общении с Римом, получил окончательное подтверждение своих патриарших прав (и палий) от Папы Бенедикта XIV.

властью православного Патриархата; на землях франкской Сирии устоялся status quo, который латинские прелаты были уже не в силах изменить. Постоянные резиденции Патриарха Давида располагались в самой Антиохии и в близлежащей Лавре Св. Симеона Дивногогорца. В Антиохии кафедра и келья православного Патриарха, вероятней всего, находились при Юстиниановой церкви Пресвятой Богородицы. Кафедральный собор Св. Петра, несомненно, удерживал капитул латинского Патриарха.

Беликий собиратель памятников истории и литературы Антиохийского Патриархата — Патриарх Макарий III Заим писал об эпохе латинского господства: «В пределах Антиохийского Патриархата, Патриарх франков восседал в одной части города (Антиохии. — С. Б.), а наш — порой в другой части города, а порой — в антиохийской обители Св. Симеона Чудотворца. Он беспрепятственно совершал свое патриаршее служение»¹²⁷². О том, что православные Патриархи Антиохии могли спокойно жить на франкских землях, «немало не беспокоимые латинами в веровом отношении», Макарий III Заим повторяет и в другом своем сочинении¹²⁷³. Преемник Макария III Заима — Патриарх Афанасий III Даббас, в своей «Истории Антиохийской Церкви», также писал об эпохе франкского господства как о времени мирного сосуществования православной и латинской церковной иерархии¹²⁷⁴. Подобное положение сохранялось как в период патриаршества Давида (1245—1258 гг.), так и в ранние годы патриаршества его предшественника — Симеона II Абу Саиба (1206—1211, 1216—1217 гг.), а в первые несколько лет патриаршества его преемника — Евфимия II (около 1258 г., 1260—1263 гг.).

Об «особом положении» православных в Антиохии середины XIII в., выгодно отличавшемся от условий в других регионах

¹²⁷² Joseph (Nasrallah). Couvents de la Syrie du Nord... — P. 141.

¹²⁷³ Подробнее, см. «Список повременных патриархов антиохийских, начиная от времени верховного апостола Петра, первого им священноначальника», скомпилированного иереем Михаилом Бреком и переведенного епископом Порфирием (Успенским). См. Порфирий (Успенский). Сирия. Список антиохийских патриархов // Восток христианский. — Киев, 1874. — С. 74.

¹²⁷⁴ Joseph (Nasrallah). Couvents de la Syrie du Nord... — P. 140—141. Во многом столь открытый и несколько идилический подход к эпохе франкского господства был сопряжен и с активным диалогом, который Патриархи Макарий III и Афанасий III вели с Римом.

франкского Леванта, косвенно свидетельствует обращение никейского василевса — Иоанна III Ватаци к Папе Иннокентию IV. Во время переговоров с римским понтификом о восстановлении единства Церквей, Иоанн III выдвинул достаточно жесткие условия, требуя «удалить латинского патриарха и латинский клир не только из Константинополя, но и из других патриархий Востока и возвратить греческий клир на его прежние места; но в Антиохии латинский патриарх мог оставаться пожизненно»¹²⁷⁵. Почему для Антиохии и ее латинского Патриарха (Опицо Фиеччи) было сделано подобное исключение, на которое, к сожалению, слишком мало обращают внимания? Не потому ли, что положение православных и их церковной иерархии было несравненно более прочным, нежели в других латинских землях, и не вызывало опасения у никейского василевса? Действительно, в Антиохийском княжестве восточные христиане не платили десятины и существовали на условиях, гораздо более свободных, нежели в Романии, на Кипре или в городах Иерусалимского королевства. Терпимость императора Иоанна III Ватаци к присутствию латинского Патриарха в Антиохии служит важным (хоть и косвенным) подтверждением того, что к этому времени ромейские, мелькитские, грузинские и армяно-халкидонитские церкви северной Сирии были уже объединены под властью православного Патриарха — Давида, признанного Римом и постоянно пребывавшего в своем «кафедральном» граде.

Конечно же, остается вопрос — даровали ли франкские князья право православным Патриархам Антиохии (Симеону II, Давиду, Евфимию) совершать интронизацию на кафедре «князя Апостолов» в соборе Св. Петра? Этим правом, несомненно, пользовались сирьяковитские Патриархи (Мар Игнатий III Давид и Мар Иоанн XV), занимавшие кафедру в интересующий нас период франкского правления (1222—1263 гг.)¹²⁷⁶. Следовательно, вполне резонно было бы предположить, что князья Антиохии позволили бы и православным Патриархам проводить церемонию интронизации в соборе Св. Петра; однако это остается лишь предположением (пусть и обоснованным), т. к. здесь мы вновь сталкиваемся с отсутствием источников.

¹²⁷⁵ Успенский Ф.И. История Византийской империи. — Том V, С. 252.

¹²⁷⁶ Weltecke D. On the Syriac Orthodox in the Principality of Antioch... P. 102—103.

Рим, восточные патриархи и латинское сопротивление унии

Если идея прямого подчинения Риму обособленных восточных Церквей (маронитов, сиро-яковитов, армян), впервые предложенная Патриархом Амори де Лиможем при его переговорах с маронитами в 1182 г.¹²⁷⁷, встретила деятельную поддержку со стороны местного латинского клира, западных богословов и миссионерских орденов, то возможность унии на аналогичных условиях с православными Патриархатами была воспринята совершенно иначе¹²⁷⁸. Неминуемым препятствием в вопросах предложенного Папой Иннокентием IV воссоединения православных христиан с Римом представляло сопротивление рядового клира и верующих как со стороны «греков», так и со стороны «латинян». Причем, когда мы говорим о сопротивлении «унии» в Леванте 40—80-х гг. XIII в., следует сразу же сказать, что наибольшую проблему здесь представляла не непреклонность неких «монахов-зилотов» (как в Константинополе XIII-XV вв.), но ожесточенное сопротивление латинской церковной иерархии Заморской земли. В то время как установление евхаристического общения и признание папского верховенства со стороны маронитов, сиро-яковитов и армян никак не затрагивало положения и власти латинской иерархии, признание обособленных православных Церквей в общении с Римом было сопряжено с «исходом» греков и сириан, их церквей, земель и монастырей из-под власти латинских епископов, архиепископов и патриархов; это была катастрофическая потеря, с которой латинские прелаты Леванта не готовы были смириться. Если в первой половине XIII в. и Апостольский престол, и франкские государи Антиохии, Триполи, Кипра взирали на православных как на христиан, требовавших особого подхода, широкой автономии и собственной иерархии, латинские епископы Заморской земли продолжали упорно выдвигать свои притязания на прямое пастырское окормление

¹²⁷⁷ Подробнее см. выше: Часть IV, гл. 1, С. 100—105.

¹²⁷⁸ Маронитская Церковь вступила в унию с Римом в конце XII в., которой остается верна и по сей день. Сиро-яковитская Церковь фактически состояла в унии с Римом в период патриаршества Мар Игнатия III и Мар Иоанна XV (1222—1263 гг.). Армянская Апостольская Церковь в пределах Киликийской Армении сталкивалась с идеей признания унии со времен правления Левона I Великого и католикосата Григория VI Аспирата (т. е. с конца XII в.).

«греков», не желая пересматривать идеи единства всех кафолических в лоне Единой Церкви, под властью одного епископа в одном городе. Латинские прелаты Кипра, Антиохии и Иерусалима не желали жертвовать своей пастырской властью — ни с еkkлесиологической, ни с экономической точки зрения — ради восстановления единства восточных христиан с Римом.

Папа Иннокентий IV готов был обращаться к православному Патриарху Давиду Антиохийскому и к Архиепископам Кипра, как к «почитаемым братьям». В то же самое время, латинские епископы Заморской земли изъявляли согласие признать за архиереями из числа «греков и сириан» лишь скромное положение собственных викариев. О готовности восточных иерархов восстановить общение с Римом, и том препятствии, которое на этом пути представляли действия латинских прелатов Заморской земли, ярче всего свидетельствуют слова германского доминиканца Бурхарда Сионского, более десяти лет пребывавшего в пределах франкского Леванта (1274—1284 гг.): «Греки превосходят всех в благочестии и очень почитают своих прелатов. Я слышал, как один из их Патриархов сказал в моем присутствии: «Я бы с готовностью жил в послушании Римской Церкви и почитал бы ее; но я поражен тем, что меня ставят после нижестоящего клира, тех же архиепископов и епископов. Некоторые из архиепископов и епископов желают заставить меня, Патриарха, целовать их ноги, и служить им, чего я не могу допустить; я готов сие совершить пред Папой, но не перед кем иным»»¹²⁷⁹. К сожалению, не совсем ясно, говорит ли Бурхард о Патриархе Григории I Иерусалимском (1273—1285 гг.) или же о Патриархе Арсении Антиохийском (1283—1286 гг.).

Нежелание латинского клира отказываться от пастырской власти над «греками» и «сирианами» нашло новое проявление в 50—60-х гг. XIII в., когда на смену Иннокентию IV (+1254 г.) пришли гораздо более сдержанные в отношении к восточно-христианскому миру понтифики. Изыскивая новые возможности окормления восточных христиан и привлечения их в лоно Римской Церкви, Апостольский престол стал назначать на епископские кафедры Антиохийского Патриархата выходцев из миссионерских орденов — доминиканцев и францисканцев. С возвращением города в состав княжества Антиохийского, в 1260 г., на Лаодикийскую кафедру восходили исключительно

¹²⁷⁹ Burchardus de Monte Sion. Op.cit. — с. Р. 89.

прелаты, принадлежавшие к доминиканскому ордену: Августин Ноттингемский, возведенный на кафедру еще до завоевания города (около 1254 г.) и, возможно, заставший его возвращение франкам, и Петр де Сен-Иларио (1265—1272 гг.), ставший последним латинским епископом Латакии эпохи франкского правления. Епископом возвращенной в состав Антиохийского княжества Джабалы стал францисканец Гильом (упоминается в 1263—1268 гг.). Его предшественником, окормлявшим латинскую купеческую общину города в период мусульманского правления, был его тезка, избранный из числа доминиканцев (занимал кафедру в 40—50-е гг. XIII в.). Латинским епископом Триполи на протяжении почти четверти века оставался Павел де Сеньи, брат жены Бозмунда V — княгини Люсьен, принадлежавший к францисканскому ордену (1261—1285 гг.). Епископом Тортосы в 1263 г. стал другой францисканец — Гильом III, бывший капелланом Папы Урбана IV¹²⁸⁰. Одним из последних латинских епископов Гибелета (Библа) был еще один монах-францисканец — Гуго (1282 г.)¹²⁸¹.

Патриарх Евфимий I Антиохийский. Изгнания и возвращения в Антиохию. Роль монголов, ромеев и грузин в восстановлении православного Патриарха

Период мирного сосуществования Патриарха «греков» и Патриарха «латинян» в Антиохии оказался недолговечным; фактически, он сошел на нет со смертью Папы Иннокентия IV (1254) и Патриарха Давида (до 1258 г.). Преемник Давида — Патриарх Евфимий I, вззошедший на патриарший престол незадолго до 1258 г., придерживался принципиально иного отношения к Римской Церкви¹²⁸². Избрание, интронизация и начало патриаршества Евфимия несомненно проходили в Антиохии. Однако вскоре он вынужден был покинуть город из-за острого конфликта с латинским Патриархом. Неизвестно, требовал ли Патриарх Опицо утверждения собственной канонической власти над православным Патриархом, или же, будучи верным последователем своего почившего дяди-понтифика, настаивал лишь на

¹²⁸⁰ Guiraud M.J. ed. Les Registres des Urbaine IV. — Vol. I, №1019.

¹²⁸¹ Подробнее см. Hamilton B. The Latin Church in the Crusader States... c.9, P. 235—236.

¹²⁸² Grumel V. La Chronologie // Traite d'études Byzantines. Vol. I. — Paris, 1958. — P. 448.

том, чтобы Патриарх Евфимий признал папское верховенство и принес клятвы верности Риму. Второе кажется более вероятным. Так или иначе, Патриарх Евфимий наотрез отказался от общения с латинским Патриархом и от принесения каких-либо клятв верности Риму. Это вызвало незамедлительную реакцию латинян. За свои действия Патриарх Евфимий удостоился «многократных отлучений» от Церкви (*multiplici excommunicationis*), наложенных латинским Патриархом Опицо¹²⁸³. После этого он был изгнан из Антиохии по приказу князя Боэмунда VI Красивого.

С утверждением монгольского сюзеренитета над королевством Киликийской Армении и княжеством Антиохии-Триполи (о котором будет сказано ниже), хан Хулагу потребовал от своего вассала — князя Боэмунда VI Красивого — вернуть православного Патриарха в Антиохию. Обычно это требование хана Хулагу связывают исключительно с дипломатическими усилиями ромеев. К этому времени Никейская империя ромеев действительно поддерживала дружественные отношения с монголами, отказавшись от планов создания военного союза против орды Хулагу-хана. Однако прочный союз империи с Ильханатом еще не был установлен. В то же самое время у хана Хулагу был деятельный вассал, которого он действительно мог поощрить, возвратив православного Патриарха в Антиохию. Этим вассалом был царь восточной Грузии — Давид VII Улу. Царь Давид VII со своей армией сопровождал хана Хулагу во время его ближневосточного похода; грузины принимали деятельное участие в осаде и разорении Багдада в 1258 г.¹²⁸⁴. Положение Патриарха Евфимия было им хорошо известно и далеко небезразлично, особенно принимая во внимание обилие грузинских монастырей на территории Антиохийского Патриархата. Не стоит забывать о том, что в указанный период грузины сохраняли особое попечение об Антиохийском престоле как о своей Материнской Церкви. Следовательно, ходатайства о восстановлении православного Патриарха в Антиохии могли поступать к Хулагу как со стороны императора Михаила VIII Палеолога, так и со стороны царя Давида VII

¹²⁸³ Слова из послания латинского архиепископа Вифлеемского Фомы Агни (1260 г.), см. Delaborde H.F. *Lettre des Chrétiens de Terre-Sainte à Charles d'Anjou*, 22 avril 1260 // *Revue L'Orient Latin*. Vol. II — Paris, 1894. — P. 213.

¹²⁸⁴ Подробнее см. ниже: Часть IV, гл. 5, С. 100—105. Знаменитый конфликт Давида VII с Хулагу, и монгольский карательный поход в восточную Грузию последовал как раз в 1260 г., однако уже после возвращения Патриарха Евфимия II в Антиохию.

Улу, однако на возможность участия грузинского монарха стоит обратить особое внимание.

Ранней весной 1260 г. Патриарх Евфимий I вернулся в свой кафедральный град. Уже 22 апреля 1260 г. папский легат на Востоке, архиепископ Вифлеема Фома Агни с негодованием писал королю Карлу I Анжуйскому о возвращении отлученного от Церкви «схизматика» в Антиохию, перечисляя это деяние в числе проявлений ига «татаров» на Востоке. По словам архиепископа Фомы, «Греческий Патриарх, схизматик, многократно отлученный латинским Патриархом Антиохии, ныне, по приказу Хулауна (Хулагу. — С. Б.), князя Тартар, вновь прибыл на эту землю и был восстановлен на кафедре; профан профанирует церковные таинства, в презрение к Апостольскому престолу, раздражая сами нервы церковной дисциплины, рассеивая и обездоливая Единую Церковь»¹²⁸⁵. Восстановление в правах Евфимия и возвращение его в Антиохию, совершенное Бозмундом VI по требованию Хулагу-хана, отнюдь не следует отождествлять с «заменой» латинского Патриарха — православным. Подобная «смена патриархов» была допущена лишь один раз — в 1165—1170 гг., когда в Антиохии, по инициативе императора Мануила I Комнина, был утвержден Патриарх Афанасий I Манасси, а латинский Патриарх Амори де Лимож принужден был покинуть город¹²⁸⁶. В отличие от этой «византийской реставрации» вековой давности, возвращение Евфимия в Антиохию в 1260 г. отнюдь не было сопряжено с изгнанием латинского Патриарха. Патриарх Опицо Фиеччи не покидал города, но оставался на кафедре, продолжая сохранять свою архипастырскую власть над латинским клиром и франками Антиохии¹²⁸⁷. Патриарх Евфимий, в свою очередь, прибыл в Антиохию, чтобы вновь открыто возглавить церкви, монастыри и общины православных на франкских землях. То есть в 1260 г., в период монгольского сюзеренитета, в Антиохии была восстановлена параллельная иерархия, с двумя обособленными Патриархами для «греков» и для «латинян», как было во времена Симеона II Абу Саиба (1206—1210, 1216—1217) и Давида (1245—1258), только на этот раз — без какого-либо признания православным Патриархом прав и главенства Рима¹²⁸⁸.

¹²⁸⁵ Delaborde H.F. Lettre des Chrétiens de Terre-Sainte à Charles d'Anjou... — P. 213.

¹²⁸⁶ Подробнее, см. выше: Часть IV, гл. 1, С. 100—105.

¹²⁸⁷ Hamilton B. The Latin Church in the Crusader States... c.12, P. 325.

¹²⁸⁸ В этом отношении утверждение Евфимия II в Антиохии в наибольшей степени напоминает первый антиохийский период патриаршества Симеона II Абу Саиба (1206—1210 гг.).

Безусловно, возвращение Патриарха Евфимия в Антиохию стало одной из основных причин для последовавшего отлучения князя Боэмунда VI Красивого от Церкви. Отлучение было наложено латинским Патриархом Иерусалима Жаком Панталеоном, который в 1261 г. возшел на римскую кафедру, приняв имя Урбана IV. Взойдя на кафедру Св. Петра, Урбан IV подтвердил свое решение об отлучении князя Антиохии-Триполи, теперь уже от лица всей полноты Римской Церкви. Однако основанием для отлучения было подчинение Антиохийского князя монголам, а также попрание прав латинской Церкви в Антиохии — то есть возвращение туда «отлученного» Патриарха Евфимия и признания за ним исключительного права на окормление всех греков, сириан, грузин и армян-халкидонитов на франкских землях. Об изгнании Патриарха Опицо не говорится ни слова. Более того, как раз в период пребывания Евфимия в Антиохии Патриарх Опицо не только оставался в северной Сирии, но и, совместно с Папой Урбаном IV, активно занимался возрождением латинских епархий в отво-
еванных городах сирийского побережья, т. е. в Латакии и Джабале¹²⁸⁹.

24 июня 1263 г. Папа Урбан IV направил послание к епископу Триполи — Павлу де Сеньи, в котором в весьма доверительных тонах описывал положение епископского племянника — князя Боэмунда VI Красивого¹²⁹⁰. Папа говорил о том, что понимает, что Боэмунд VI покорился «тартарам» и причинил беды своему народу и Святой Церкви, не имея ни сил, ни шансов оказать сопротивление. Он также отметил, что ежели князь сможет подкрепить свое раскаяние делами, то отлучение может быть снято Апостольским престолом. То, что это «раскаяние» отлученного князя подразумевало изгнание Патриарха Евфимия из Антиохии, вряд ли может вызывать сомнения¹²⁹¹. В 1263 г. Патриарх Евфимий II вновь должен был покинуть Антиохию, после чего князь Боэмунд VI Красивый был допущен к общению и таинствам Римской Церкви. Так, примерно два с половиной года, проведенные Евфимием II в столице византийской и франкской Сирии (1260—1263 гг.) стали последним в истории периодом пребывания православного Патриарха в Антиохии. Опять же, к великому сожалению

¹²⁸⁹ Hamilton B. The Latin Church in the Crusader States... с.9, P. 236.

¹²⁹⁰ Напомним, что Павел был братом Люсьен де Сеньи — супруги князя Боэмунда V Антиохийского и, соответственно, матери Боэмунда VI Красивого.

¹²⁹¹ Guiraud M.J. ed. Les Registres des Urbaine IV. — Vol. I, №292.

нию, не сохранилось ни одного упоминания о том, получил ли Патриарх Евфимий право служить в соборе Св. Петра в последние годы существования этой великой церкви.

Пребывание Патриарха Евфимия I в Константинополе и Киликийской Армении. Восстание ромейской и армяно-халкидонитской знати против короля Левона II Хетумида

Последующие годы патриаршества Евфимия I Антиохийского проходили в пределах Киликийской Армении и Ромейской империи. Весной 1265 г. Патриарх Евфимий находился в Константинополе¹²⁹² на синоде, где поддержал инициированное императором Михаилом VIII Палеологом. низложение Вселенского Патриарха Арсения Авториана¹²⁹³. В том же 1265 г. Патриарх Евфимий Антиохийский, совместно с Феодосием Виллардуэном — игуменом столичного монастыря Пантократора, возглавил императорское посольство к Хулагу-хану. Посольство сопровождало дочь императора Михаила VIII Палеолога — деспину Марию, которая была помолвлена с ханом Хулагу, но в итоге вышла замуж за его сына и преемника — Абагу-хана. На рубеже 60—70-х гг. Антиохийский Патриарх вновь находился в пределах Киликийской Армении; однако там его пребывание имело крайне печальный исход. В 1272 г. в Киликии созрел заговор против нового короля — Левона II Хетумида¹²⁹⁴. Заговор был образован теми баронами (или князьями), которые принадлежали к халкидонской Православной Церкви; во главе заговорщиков встал некий барон Вахрам.

¹²⁹² В ночь с 24 на 25 июня 1261 г. сравнительно небольшой контингент ромейских воинов и половецких наемников, направленный никейским василевсом Михаилом VIII Палеологом к стенам Константинополя и доверенный командованию кесаря Алексея Стратигопула, проник в город и, вызвав панику латинян, занял утраченную столицу империи. Латинский император Бодуэн II де Куртенэ, совместно с другими франками и венецианцами, жившими в Константинополе, бежал из города. 15 августа 1261 г. состоялся торжественный вход императора Михаила VIII Палеолога и Вселенского Патриарха Арсения Авториана в Константинополь, ознаменовавший возвращение империи ромеев в «Новый Рим». Подробнее см. Григорий Акрополит. Указ. соч. — С. 135—139.

¹²⁹³ Георгий Пахимер. Указ. соч. — Книга IV, гл. 7, С. 248—249; Georgius Pachymeres. Op.cit. — Lib. IV, P. 271.

¹²⁹⁴ Король Хетум I отрекся от престола в пользу своего сына в 1269 г.; тогда же он принял постриг и удалился в монастырь, где умер в 1270 г.

Очевидно, что армяне-халкидониты и ромеи продолжали составлять значительную и, в известной мере, опасную для правящей династии партию среди киликийской знати. Достаточно вспомнить об участии «греков» и князей-халкидонитов в войне 1221—1222 гг. на стороне Раймонд-Рубена; вряд ли об этом мог забыть Левон II, учитывая, что это восстание было направлено против его матери — Изабеллы, и сокрушено его дедом по отцовской линии — Константином, что положило начало утверждению династии Хетумидов¹²⁹⁵. Когда заговор был раскрыт, виновные ромейские бароны подняли открытое восстание и укрепились в цитадели Аназарва и в одной из близлежащих горных крепостей. Там они были осаждены армией Левона II. Вскоре восстание было жестоко подавлено, а мятежники, выданные армянским населением, казнены по приказу короля. Основным источником, повествующим об этом восстании, является «Хронография» Бар Эбрея, согласно которой: «В 1272 г. знатные греки Киликии вероломно выступили против нового короля — Левона; когда народ узрел их вероломство, они схватили барона, их главу. Прослышав об этом, его сподвижники бежали и укрылись в одной из крепостей и отправили вестников в землю Рум (т. е. к румским тюркам. — С. Б.), прося их прибыть к ним на помощь и принять власть над крепостью. Тогда король поспешил и встал лагерем у той крепости, и армяне, которые были внутри, схватили знатных греков и выдали их королю, и он уничтожил их всех. И он также уничтожил Вахрама в цитадели града Аназарва»¹²⁹⁶.

Перед тем, как силой подавить восстание, Левон II решил вначале предложить ромейским мятежникам сдаться, даровав им гарантии личной безопасности. Надеясь на мирный исход противостояния, король обратился к Антиохийскому Патриарху, поручив ему переговоры с мятежными ромейскими баронами. К сожалению, Евфимий сам тайно встал на сторону восставших, которые были верными и знатными чадами его Патриархата. Он стал уговаривать их удерживать оборону и не сдаваться королю, который неминуемо подвергнет их пыткам и казни; «... когда те мужи бежали в крепость, король направил к ним греческого Патриарха Антиохии, и поклялся, что ежели они мирно сдадутся, он их не тронет. Но Патриарх, отправившись

¹²⁹⁵ См. выше: С. 100—105.

¹²⁹⁶ Bar Hebraeus. Chronography... — P. 527—528.

к ним, сказал им, чтобы они не сходили, ибо если они сделают это, то король уничтожит их. Затем он вернулся к королю и сказал «Они не послушались меня и не спустятся»¹²⁹⁷. Как только известия о действиях Патриарха дошли до короля, Левон II немедленно бросил под стражу Евфимия, которого отныне считал изменником и своим личным врагом. Королевские воины доставили Патриарха к морскому берегу, близ порта Айас. Там его должны были посадить на корабль и выслать в Константинополь, ко двору императора Михаила VIII Палеолога. Однако сам Евфимий полагал (возможно — не без основания), что его неминуемо должны казнить; воспользовавшись небрежением или жалостью надсмотрщиков, он смог бежать от стражи и самостоятельно сесть на ромейский корабль, доставивший его в Константинополь. Свое чудесное спасение Евфимий приписывал заступничеству св. Николая Мирликийского. Как повествует современник этих событий — Григорий Пахимер, «Вот прибыл в Константинополь патриарх Антиохийский, едва избавившийся от рук царя Армянского. Последний, питая к нему ненависть, хотел отделаться от него и, имея его в своих руках, приказал отвезти туда, где он должен был непременно погибнуть. Лица, которым это дело было поручено, отвели его на окруженную морем скалу, где не встречалось ни одного жителя, и не от кого было получить утешение. Однако ж, сосланный, по представительству чудотворца Николая, как говорил он, избавился от гибели и, привезенный в город, явился к царю»¹²⁹⁸. Бар Эбрей передает сходную, но намного более реалистичную версию этой истории: «Уничтожив тех мужей, король пленил Патриарха, желая отправить его царю Константинопольскому, и дабы тот рассудил их. Король передал Патриарха воинам, которые должны были доставить его в Константинополь; они привезли его в город Айяс и поставили его шатер близ морского берега. Отправившись в город, чтобы закупить себе еды, они стали пить там вино до позднего вечера. Тогда Патриарх послал весть греческим морякам, которые жили в тех краях, и он призвал их, и плакал пред ними, и указывал им на то, что воины поместили

¹²⁹⁷ Bar Hebraeus. Chronography... — P. 528.

¹²⁹⁸ Георгий Пахимер. Указ. соч. — Книга VI, гл. 1, С. 396—397; Georgius Pachymeres. Op.cit. — Lib. VI, P. 429. Кстати, необходимо указать на определенную условность русского перевода. Применительно к государю Киликийской Армении, Пахимер использует именно слово «король» (ρῆγος), а не «царь/василевс» (βασιλεύς); последний титул византийский историк сохраняет исключительно для ромейского самодержца.

его у берегов Армянского моря не для того, чтобы доставить его в Константинополь, но чтобы уничтожить его. Сжалившись над ним, они увезли его на своем маленьком корабле и доставили его в землю Рум, к туркам»¹²⁹⁹.

История восстания ромейских и армяно-халкидонитских баронов королевства Армении (1272 г.) представляет собой уникальный и последний прецедент в истории, когда православные претендовали на господство в Киликии. Как и восстание ромеев Тарса в 1221—1222 г., восстание в Аназарве, разразившееся полвека спустя, разбилось о стремительное и жесткое сопротивление государей Хетумидов¹³⁰⁰. Патриарх Евфимий I Антиохийский оставался в Константинополе, при дворе императора Михаила VIII Палеолога, вплоть до своей кончины, наступившей около 1275 г. Конфликты этого Патриарха с Римской Церковью и королем Левонем II Хетумидом, а также его участие в таких сомнительных предприятиях, как низложение Арсения Авториана и восстание халкидонских князей Киликии, позволяют

¹²⁹⁹ Bar Hebraeus. Chronography... — P. 528.

¹³⁰⁰ Гамильтон полагает, что заговор ромейских князей был направлен не против Левона II, но против его отца — Хетума I, и относит вышеуказанные события к 1263 г., считая хронологию Бар Эбрея ошибочной. Основным его аргументом является пребывание Патриарха Евфимия II в Константинополе в 1263 г. См. Hamilton B. The Latin Church in the Crusader States... c.12, P. 324. Однако, на мой взгляд, версия Гамильтона здесь, в известной мере, ошибочна.

История восстания ромейской знати и бегства Патриарха Евфимия от короля Армении известна благодаря двум источникам — Георгию Пахимеру и Абу-ль-Фарадж Бар Эбрею. И византийский, и сирийский хронист были современниками указанных событий. К тому же, Пахимер четко относит бегство Евфимия в Константинополь ко времени патриаршества Афанасия III Александрийского и Григория I Иерусалимского. Можем ли мы не доверять двум столь надежным источникам, в особенности — Пахимеру? Вряд ли для этого есть достаточные основания. К тому же, то, что Патриарх Евфимий участвовал в низложении Патриарха Арсения и возглавил императорское посольство в Ильханат, ни в коей мере не исключает, что он мог, в указанные годы, перемещаться между Константинополем и пределами Киликийской Армении. Подобные путешествия совершал тот же Симеон II Абу Саиб в «никейский» период своего патриаршества. Ко времени же Евфимия I положение в Малой Азии было намного более спокойным, и между империей и тюрками чаще всего царило перемирие, что, безусловно, облегчало путешествия — как морским, так и сухопутным путем. Наконец, восстание ромейской и армяно-халкидонитской знати против нового, недавно утвердившегося на престоле короля — Левона II, кажется намного более вероятным, нежели попытка вышеуказанных князей восстать против старого короля Хетума I, правившего уже более сорока лет и пользовавшегося безоговорочной поддержкой монголов.

судить о Евфимии как о человеке резком, склонном к дерзким и непродуманным мероприятиям, которые ставили под удар не только его собственное положение, но и положение его паствы и Патриархата.

Парадоксы франко-византийского соприкосновения в восточном Средиземноморье. История Феодосия V Виллардуэна — Патриарха Антиохийского

Фигура преемника Евфимия на Антиохийском патриаршем престоле — Феодосия V Виллардуэна — представляет, пожалуй, наиболее яркое и парадоксальное явление в истории греко-латинского соприкосновения эпохи крестовых походов. Жизнь этого человека была неразрывно связана с Четвертым крестовым походом и с латинским завоеванием балканских городов и территорий Ромейской державы, т. е. с рождением Латинской Романии. В 1204—1205 гг., вскоре после взятия и разорения Константинополя крестоносцами, бургундские рыцари Гильом де Шамплит и Жоффруа де Виллардуэн, во главе небольшого отряда последователей, покорили византийский Пелопоннес. Там возникло «Ахейское княжество» или «Морея», одно из государств Латинской Романии. Уступив на несколько лет правление де Шамплиту, Жоффруа Виллардуэн и его потомки вскоре приняли титул «князей Ахеи», получили признание Апостольского престола и латинского императора, и вошли в число франкских феодальных государей Заморской земли. Именно к княжескому роду Виллардуэнов и принадлежал человек, который впоследствии, в монашестве, был известен как Феодосий. Ни его исконное, франкское имя, ни даже точное его положение в княжеской семье неизвестно. Однако то, что он был отпрыском династии Виллардуэнов, не вызывает сомнений. Георгий Пахимер — византийский сановник и друг Феодосия, чья «История царствования Михаила и Андроника Палеологов» является единственным источником сведений о жизни этого франкского монаха, описывает его как «человека благородного, ведущего свой род от князей Пелопоннесских»¹³⁰¹, т. е. от рода Виллардуэнов, князей Ахеи. Более того, Георгий постоянно называет Феодосия «Принкипс» (Πριγκιψ/ Πριγκιψ) т. е. эллинизированной формой слова «princeps»

¹³⁰¹ Georgius Pachymeres. Op.cit. — Lib. V, c.24, P. 402.

(князь), подчеркивая его принадлежность к князьям Ахейским. Поскольку Ромейская держава, в этот период, находилась в постоянном (военном и дипломатическом) соприкосновении с Ахейским княжеством, императору Михаилу VIII Палеологу и его сановникам было несложно установить, состоит ли находившийся при императорском дворе Феодосий в родстве с князьями Виллардуэнами, тем более что в 1259—1262 г. князь Гильом II де Виллардуэн находился в плену у ромейского василевса.

Феодосий принадлежал к тому поколению франков, которые были рождены уже на землях Латинской Романии. И, конечно же, во время своего детства и юности на Пелопоннесе он мог в полной мере ознакомиться с окружавшим его греческим миром, в том числе — с греческим, православным богослужением и богословием. Этот новый мир настолько привлекал молодого латинянина, что он решил променять принадлежность к франкскому нобилитету на жизнь православного монаха. Неизвестно, как этот его шаг был воспринят князем и нобилитетом Ахеи. Известно лишь, что примерно в 1250-х гг. Феодосий покинул княжество Ахейское и перебрался в Левант, в пределы уже знакомого нам княжества Антиохийского. Там, в горах Аманоса, на т. н. «Черной горе» и в окрестностях самой Антиохии, под властью крестоносцев, располагался исчезнувший ныне центр восточного монашества, где подвизались греки, сирийцы, армяне, грузины, латиняне. Как об этом повествует Георгий Пахимер: «Пришедши с родины еще в юношестве, он, ради подвигов добродетели и совершеннейшей жизни, заключился сперва в одном из восточных монастырей Черной горы»¹³⁰². Там Феодосий (а именно тогда он принял постриг и новое имя) подвизался в одной обители с греческим монахом Германом, впоследствии взошедшим на константинопольский патриарший престол. Он известен как «Патриарх Герман III» и кратковременно занимал патриарший престол в разгар арсенитского раскола, в 1266—1267 гг., и фигурирует в константинопольских диптихах как «Патриарх Герман III». Наряду с Феодосием Ворадиятом, Герман III является одним из двух ромейских монахов Черной горы, возведенных на Вселенский патриарший престол в эпоху крестовых походов.

В период между 1261 и 1265 гг. Феодосий покинул Черную гору и Антиохийское княжество, и перебрался ко двору императора

¹³⁰² Georgius Pachymeres — Lib. V, c.24, P. 402.

Михаила VIII Палеолога, в едва отвоєванный у крестоносцев Константинополь. Неизвестно, в силу каких именно причин (родства с Виллардуэнами, знакомства с будущим Патриархом Германом III), но Феодосий сразу же оказался на положении приближенного к императору человека. «...он пришел к василевсу, был возведен им в сан архимандрита и поставлен игуменом в монастыре Пантократора»¹³⁰³. Так Феодосий оказался настоятелем одного из крупнейших монастырей Византии, еще за несколько лет до этого бывшего дворцом последнего латинского императора — Бодуэна II де Куртенэ. Ныне эта византийская обитель известна как мечеть Зайрек. В 1265 г. архимандрит Феодосий, совместно с Патриархом Евфимием Антиохийским, сопровождал дочь Михаила VIII Палеолога — Марию в пределы Ильханата, для венчания с монгольским ханом. Подробное описание этого путешествия оставил Георгий Пахимер, по словам которого, Михаил VIII Палеолог, обручив свою дочь Марию с ильханом Хулагу, «и посредником нарек монаха и священника Принкипса. Принкипс, бывший в то время архимандритом обители Пантократора, сопровождал эту деву, встав во главе великолепного кортежа и везя с собой всевозможные сокровища. При нем находился и походный храм, сложенный из различных плотных тканей, скрепленных шнурками и увенчанных крестом, и иконы святых, украшенные золотом, и священные сосуды для Жертвы. Но между тем, посреди всех приготовлений к столь великолепному бракосочетанию, Халав (т. е. хан Хулагу. — С. Б.) скончался, прежде, чем успел прибыть к нему Принкипс. Так, дева, опоздавшая с приездом к отцу, сочеталось с его сыном — Абагою, принявшим власть отца»¹³⁰⁴. Эта «дева» — Мария, младшая и незаконнорожденная дочь Михаила VIII, впоследствии, овдовев, вернулась в Константинополь, где основала церковь Пресвятой Богородицы, ныне известную как церковь Марии Монгольской. Это единственная действующая православная церковь Константинополя, сохранившаяся со времен византийского правления. То, что именно Феодосию было доверено сопровождение дочери василевса в столь дальнее путешествие, служит еще одним свидетельством о том, что он входил в число самых близких и доверенных лиц Михаила VIII Палеолога.

¹³⁰³ Georgius Pachymeres. Op.cit. — Lib. V, c.24, P. 402.

¹³⁰⁴ Georgius Pachymeres — Op.cit. — Lib. III, c.3, P. 174.

После заключения брака Марии и ильхана Абаги Феодосий вернулся из Ильханата в Константинополь. На протяжении последующих 12 лет он подвизался в монастыре Пантократора, позднее — в Одигийском монастыре. Наконец, около 1278 г. император Михаил VIII Палеолог возвел его на Антиохийский патриарший престол. Причем важно отметить, что у собравшихся в Константинополе восточных архиереев был свой кандидат на патриаршество, избранный из числа епископов Антиохийской Церкви, а именно — Феодорит, митрополит Аназарва. Но воле василевса не смели противиться, и Патриархом Антиохии был, в прямом смысле слова, поставлен Феодосий Виллардуэн. Антиохия — тот самый город, в тени которого, на Черной горе, Феодосий подвизался и принимал монашеский постриг, вот уже более десяти лет лежала в руинах¹³⁰⁵. Город был полностью разрушен мамлюками в мае 1268 г., а его население частью перебито, частью угнано в рабство. Годы своего патриаршества Феодосий V проводил в Константинополе, в том самом Одигийском монастыре, который с конца X в. служил подворьем для Антиохийского Патриарха.

Здесь нельзя не отметить, что за 170 лет до этого, в сентябре 1108 г., при заключении т. н. Девольского мира между князем Боэмундом I Антиохийским и императором Алексеем I Комниным, нормандский государь клятвенно обещал, «что антиохийским патриархом не будет человек нашего племени, но тот, кого ваша царственность назначит из сынов великой Константинопольской церкви»¹³⁰⁶. Тогда, на заре XII в. ни князь Боэмунд I Антиохийский, ни василевс Алексей I Комнин не могли представить себе, что пройдет полтора века и «человек из франкского племени» и православный клирик, «избранный из сынов великой Константинопольской Церкви», перестанут быть взаимоисключающими понятиями и найдут свое воплощение именно в фигуре Феодосия V Виллардуэна. Будучи ставленником Михаила VIII Палеолога, Патриарх Феодосий V Виллардуэн был сторонником заключенной в 1272 г. Лионской унии. Возможно, что Феодосий, будучи франком, мог искренне жаждать воссоединения латинских и византийских христиан в лоне Единой Церкви.

¹³⁰⁵ Описание этого также можно найти в книге Пахимера. См. Georgius Pachymeres. Op.cit. — Lib. VI, c.5, P. 436—437.

¹³⁰⁶ Анна Комнина. Указ. соч. — Книга XII, гл. 12, С. 370.

С восшествием на престол императора Андроника II Палеолога — решительного противника унии началось смещение с кафедр тех архиепископов, которые были тесно связаны с Михаилом VIII и Лионской унией. Спустя четырнадцать дней после смерти императора Михаила VIII отрекся от престола Вселенский Патриарх Иоанн XI Векк, который вскоре был лишен всех степеней священства и выслан в одну из провинций Малой Азии. Опасаясь расправы со стороны заплонивших Константинополь противников унии, отрекся от престола и Антиохийский Патриарх Феодосий V Виллардуэн. По словам Пахимера, «Феодосий Принкипс, Патриарх Антиохийский (...) отрекся от патриаршего престола Антиохии и отправился в Сирию, где многие великие города — Птолемаида, Бейрут, Сидон, Тир, и все приморские земли находились под властью латинян, и города эти итальянцы защищали от натиска эфиопов»¹³⁰⁷. Произошло это около 1283—1284 гг. Нам ничего более не известно о жизни Феодосия. Следы его теряются в Леванте, в последних подвластных франкам городах Заморской земли, которые один за другим исчезали перед лицом мамлюкских завоеваний. Возможно, Феодосий умер до падения франкских государств Заморской земли, погиб при взятии очередного левантийского города или бежал и закончил свои дни на Кипре или в Киликии, куда добирались отдельные беженцы из исчезающей христианской Сирии.

В лице Феодосия Виллардуэна мы встречаем франка, для которого соприкосновение с Востоком было сопряжено с радикальной переменой идентичности и обретением совершенно иного места служения. С отъездом Феодосия в Сирию, на Черную гору, Латинская Романия лишилась рыцаря и сеньора, а восточная Церковь обрела монаха, игумена, Патриарха. В этом отношении, искренний, благочестивый аскет Феодосий, как ни странно, в гораздо большей степени подходит определению «ренегат», нежели разорявший византийские земли и командовавший итало-нормандским флотом сирийской ромей — Георгий Антиохийский (+1152 г.), бывший «эмиром эмиров» короля Рожера II и при этом — верующим православным христианином и устройтелем православной обители в Палермо. Конечно же, мы не говорим о религиозном подтексте определения «ренегат», т. к. ни Георгий, ни Феодосий никогда не отрекались от Христа. Но Феодосий отрекся от своего сословия

¹³⁰⁷ Georgius Pachymeres. Op.cit. — Vol. II, Lib. I, c.19, P. 56. Под «эфиопами» византийский историк, естественно, подразумевает не христиан Абиссинии, но египетских мамлюков.

и литургического обряда, он стал одним из немногих средневековых латинян, перешедших в лоно Православной Церкви. Более того, он в буквальном смысле слова отрекся от своего родного края и семьи. Георгию Антиохийскому никогда не приходилось воевать против родной ему Антиохии. Феодосий Виллардуэн, с другой стороны, был вернейшим соратником и другом императора Михаила VIII Палеолога — чело века, разорившего и едва не уничтожившего родину Феодосия — Ахейское княжество. К сожалению, нам ничего не известно о том, виделись ли и, если виделись, то о чем говорили игумен столичного монастыря Пантократора Феодосий и его кузен (если не родной брат) — князь Гильом II де Виллардуэн, томившийся в плену у Палеолога в 1261—1263 гг.

И здесь, конечно же, стоит обратить внимание на финал жизни Феодосия. Старших сторонников Лионской унии, в частности, константинопольского Патриарха Иоанна XI Векка и Патриарха Феодосия V Виллардуэна отнюдь не следует считать лишенными принципов церковными «политиками». Напротив, в их действиях (невзирая на качества их патрона — Михаила VIII) проступает искреннее стремление к достижению христианского единства, в особенности — перед лицом наступающего ислама. Фактически это то уникальное «греко-католическое» свидетельство, которое уже тогда было обречено на жертву, на служение и существование вопреки нападкам «зилотов» и ударам иноверцев. Феодосий не оставил такого уникального, полемического литературного наследия, как Иоанн XI Векк. Но мы знаем о том, что он предпочел не возвращаться на Пелопоннес, не стал запираяться в одной из византийских обителей на Босфоре, но отбыл обратно в пределы франкской Сирии, где когда-то принял постриг. К этому времени монастыри Черной горы были уже уничтожены мамлюками, и Феодосий, со слов Пахимера, искал убежища в левантийских городах и прибрежных землях, подвластных франкам. И это, по-своему, не менее яркое свидетельство. Вероятно, для Феодосия и не было лучшего места, где закончить свои дни, как на подвластных франкам землях Леванта, где бок о бок, порой даже в стенах единой обители, подвизались православные и латинские монахи и где, вопреки стихам Киплинга, все же «сходились» Запад и Восток¹³⁰⁸.

¹³⁰⁸ Подробнее о «сравнительных жизнеописаниях» Феодосия V Виллардуэна и Георгия Антиохийского см. Brjun S. Giorgio di Antiochia e Teodosio di Villehardouin // *La Nuova Europa*. — 2013. — №6.

Патриарх Арсений Антиохийский

Невзирая на то, что Евфимий I был последним православным Патриархом, пребывавшим в Антиохии, он был далеко не последним православным Патриархом Антиохийским, избранным и пребывавшим на землях франкского Востока. На рубеже 1283—1284 гг. на патриарший престол Антиохии был избран Арсений, православный епископ Триполи. До своего возведения на патриарший престол Арсений подвизался в Лавре Св. Симеона Дивногольца; в период разорения родной обители мамлюками он уже, вероятно, находился на землях графства Триполи, возглавив православную епархию в столице князя Боэмунда VII. По словам Георгия Пахимера, «Клир Антиохийской церкви, после отречения Принкипса, возвел на патриарший престол Арсения, подвизавшегося в монастыре Св. Симеона. Этот Арсений был человеком благочестивым и почитаемым. В Константинополе немедленно признали его избрание и во всеулышание внесли его имя в диптихи»¹³⁰⁹. О том, что Арсений, до своего избрания, был епископом Триполи, пишет Никифор Каллист Ксанофул¹³¹⁰.

Свое краткое патриаршество Арсений провел в Леванте, на землях, подвластных армянам и франкам. Однако не прошло и двух лет с момента его избрания, как Арсений был низложен по инициативе ромейского императора Андроника II Палеолога и Вселенского Патриарха Григория II Киприота, за то, что якобы вступил в евхаристическое общение с Армянской Апостольской Церковью или, по другой версии — за то, что разделял церковные доходы с армянским королем и католикосом¹³¹¹. Описание этого также можно найти у Пахимера, который, очевидно, не верил этим слухам и открыто симпатизировал Патриарху Арсению. «Вскоре стали поступать разрозненные слухи о том, что Арсений разделяет десятину и делится церковными доходами с королем Армении (Леоном II Хетумидом. — С. Б.) и его Церковью. Еще не было предпринято мер

¹³⁰⁹ Georgius Pachymeres. Op.cit. — Vol. II, c.19, P. 56.

¹³¹⁰ Nicephorus Callistus. Nicephori Callisti Ecclesiasticae Historiae // PG 146. — Paris, 1865. — Lib. XIV, c.1197—1198.

¹³¹¹ Laurent V. Les registres des actes du Patriarcat de Constantinople... №1498, 1511, 1568.

для подобающего расследования, как имя этого достойнейшего мужа было вычеркнуто из диптихов, и он вынужден был уступить патриарший престол»¹³¹².

Схизма 1287 г. Патриаршество Кирилла III и Дионисия I

Последующие события привели к расколу в лоне Антиохийской Православной Церкви. С низложением Арсения среди архиереев Антиохийского престола не было согласия касательно избрания нового Патриарха. Архиереи Киликийской Армении избрали на патриарший престол Дионисия, митрополита Помпейополя. В то же самое время, архиереи сиро-ливанского побережья и, возможно, епархий внутренней Сирии, собрались в Триполи, где возвели в патриарший сан Кирилла — митрополита Тирского, первого по чести архиерея Антиохийского престола¹³¹³. Согласно «Истории...» Пахимера: «Те, кому было поручено избрать преемника Арсению, разделились и избрали двух разных кандидатов; в Киликии избрали Дионисия, епископа Помпейополя, а в Сирии на патриарший престол был возведен Кирилл Тирский»¹³¹⁴. Интронизация Кирилла III Антиохийского была совершена 29 июня 1287 г. в православном соборе Триполи. Здесь, конечно же, нельзя не отметить, что два православных Патриарха, последовательно занимавших Антиохийский престол — Арсений и Кирилл III — были выходцами из княжества Антиохии-Триполи. Арсений до патриаршества занимал кафедру Триполи; Кирилл III совершил там свою интронизацию. Вполне естественно, что подобное событие не могло быть совершено без прямого разрешения и благоволения последнего князя Антиохии-Триполи — Боэмунда VII, который наверняка лично знал и низложенного, и вновь избранного Патриарха «греков и сириан».

Столкнувшись с расколом и притязаниями враждебного претендента на престол (Дионисия), Патриарх Кирилл III покинул

¹³¹² Georgius Pachymeres. Op.cit. — Vol. II, c.19, P. 56; Nicephorus Callistus. Op.cit. — Lib. XIV, c.1197—1198.

¹³¹³ О положении Тирского митрополита среди архиереев Антиохийской Православной Церкви см. выше: Часть I, гл. 1, С. 100—105.

¹³¹⁴ Georgius Pachymeres. Op.cit. — Vol. II, c.19, P. 56.

пределы Заморской земли и отбыл в Константинополь, в надежде заручиться поддержкой Вселенского Патриарха и ромейского императора — Михаила VIII Палеолога. Первоначально, Патриарх Антиохийский и всего Востока был с почестями принят в византийской столице, и в его распоряжение был предоставлен Одигийский монастырь — традиционное подворье «преемников св. Петра» в Новом Риме. Однако вскоре после этого против Кирилла III выступил Вселенский Патриарх Афанасий, отказавшийся включать его имя в диптихи и обвинивший Антиохийского Патриарха в ехаристическом общении с армянами. Кирилл III принужден был покинуть Константинополь; при этом, неизвестно, вернулся ли он на Восток или находился в одном из монастырей в пределах Ромейской державы. С низложением Патриарха Афанасия и заменой его Патриархом Иоанном XII положение Кирилла III переменилось. Патриарх Иоанн XII включил имя Кирилла в диптихи и стал почитать его при богослужениях в Великой Церкви. До конца своего патриаршества (около 1308 г.), Кирилл III Антиохийский находился в Константинополе, занимая Одигийский монастырь и пользуясь всеми положенными Патриарху почестями. Мамлюкские завоевания и инициированные султанами массовые истребления христиан сделали невозможным его возвращение в Сирию¹³¹⁵.

Позиция «киликийского претендента» — Дионисия I в годы патриаршества Кирилла III вызывает определенные споры. Жозеф Насралла, Б. Гамильтон и К. Паркер именуют его «антипатриархом», в то время как К.А. Панченко считает, что Дионисий I признал Кирилла III Патриархом и отказывался от дальнейших притязаний на

¹³¹⁵ Его присутствие в столице вызывало негодование вернувшегося на константинопольскую кафедру Афанасия I. Вселенский Патриарх обращался к императору Андронику II, требуя удаления восточных Патриархов — Афанасия III Александрийского и Кирилла III Антиохийского — из столицы, жалуясь на их вмешательство в церковную жизнь Нового Рима. Однако если Папа Афанасий III Синаит действительно должен был покинуть Константинополь и искать пристанища на венецианском Крите, то Патриарх Кирилл III Антиохийский смог избежать ссылки и продолжал отстаивать свои позиции в Константинополе.

Подробнее об избрании и патриаршестве Кирилла III Антиохийского см. Laurent V. *Le patriarche d'Antioche Cyrille II* (29 juin 1287—1308). — *Analecta Bollandiana*. — 1950. — Tome 68. — P. 310—317; Charon C. (*Karalevskij C.*) *Antioche...* P. 621, 629; Joseph (*Nasrallah*). *Chronologie des patriarches melchites d'Antioche...* P. 8—10; Parker K.S. *The Indigenous Christians of the Arabic Middle East in an Age of Crusaders, Mongols and Mamluks...* P. 232—234; Hamilton B. *The Latin Church in the Crusader States...* c.12, P. 328.

патриарший престол вплоть до смерти своего соперника¹³¹⁶. Так или иначе, Дионисий I оставался в пределах Киликийской Армении, пользуясь поддержкой королей династии Хетумидов. После смерти Кирилла III Вселенский Патриарх Нифон I и император Андроник II Палеолог призвали Дионисия I — как законного Патриарха Антиохийского — в Константинополь. Дионисий I охотно откликнулся на это приглашение. Перебравшись в Новый Рим, он сменил преставившегося Кирилла III и занял его резиденцию в Одигийском монастыре, где и оставался вплоть до своей кончины. Последнее упоминание о Патриархе Дионисии I относится к 1315 г.; совместно с Патриархами Константинополя, Александрии и Иерусалима (Иоанном XIII Гликисом, Григорием II и Афанасием III), Патриарх Антиохийский и всего Востока Дионисий I упоминается в колофоне одной из рукописей афонской Великой Лавры¹³¹⁷.

Х. Православные Патриархаты Востока и правление латинян: осмысление эпохи франкского господства

Итак, начнем подведение итогов церковного соприкосновения «греков» и «латинян» в Сирии и Киликии XI-XIII вв. Бесспорно, в эпоху крестовых походов латиняне успели в полной мере продемонстрировать жестокость в отношении к покоренному восточно-христианскому населению. Однако можно ли сводить историю франкского господства в Леванте исключительно к пронизанному религиозной полемикой перечню «злодеяний» латинян (подчас вырванных из исторического контекста)? И если о разорении Фессалоник (1185 г.) и Константинополя (1204 г.), казни тринадцати мучеников Кантары (1229 г.) или пытках православных монахов в Иерусалиме (1099 г.) упоминают достаточно часто, то о толерантной и размеренной политике

¹³¹⁶ Joseph (Nasrallah). *Chronologie des patriarches melchites d'Antioche...* P. 8—10; Parker K.S. *The Indigenous Christians of the Arabic Middle East in an Age of Crusaders, Mongols and Mamluks...* P. 232—234; Панченко К.А. Дионисий I // *Православная Энциклопедия*. Том 15. — М.: Церковно-научный центр «Православная Энциклопедия», 2007. — С. 308.

¹³¹⁷ Joseph (Nasrallah). *Chronologie des patriarches melchites d'Antioche...* P. 9—11; Parker K.S. *The Indigenous Christians of the Arabic Middle East in an Age of Crusaders, Mongols and Mamluks...* P. 232—234; Панченко К.А. Дионисий I... — С. 308.

латинских государей Востока вспоминают гораздо реже, невзирая на то, что именно благодаря этой политике эпоха франкского правления стала последним периодом благоденствия для целого ряда восточно-христианских поселений, общин и монастырей.

Толерантность латинских государей и иерархов Заморской земли

Стоит также отметить, что при всей «ожесточенности» франков, ни один православный патриарх Антиохии за двухвековой период латинского господства не подвергся издевательствам, пыткам или казни. Как ни парадоксально, но это тоже можно, в известном смысле, воспринимать как проявление толерантности Антиохийских князей, в особенности если вспомнить, как они относились к своим, латинским патриархам Антиохии. Патриарх Рауль I Домфрон был низложен и заточен в монастырь князем Раймондом (1140 г.), Патриарх Амори претерпел чудовищные пытки от Рено де Шатильона (1155 г.), а также выдержал полномасштабную войну с князем Боэмундом III (1181 г.); наконец, Патриарх Петр I Ангулемский был заморен голодом по приказу князя Боэмунда IV Одноглазого (1209 г.). Ни один православный патриарх не испытал ничего подобного даже в годы самого ожесточенного франко-византийского противостояния. Максимально строгим наказанием для православных первоиерархов было изгнание, что видно на примере Иоанна V Оксита (1100 г.), Симеона II Абу Саиба (1210 г.) и Евфимия II (1258, около 1263 гг.). Примером наиболее жестокого отношения франков к православному архиерею можно считать их решение вынести смертельно раненного Патриарха Афанасия I Манасси из Антиохии, не оказывая ему помощи и считая его присутствие в городе причиной божественного гнева и ниспосланного землетрясения (1170 г.).

При серьезном исследовании положения православных в пределах Иерусалимского королевства, нельзя не вспомнить о том покровительстве, которое Бодуэн I и последующие короли Иерусалима оказывали Лавре Св. Саввы Освященного и греческому клиру Храма Гроба Господня; о положении грузинских монастырей и общин на землях Палестины и их дружественных контактах с латинянами; о «вечном поминовении» королевы Мелисанды в Лавре Св. Саввы; о даровании королем Амори I Иерусалимским «Зеленой мечети»//

церкви Пресвятой Богородицы мелькитам Аскалона; о поощрении «миграции» мелькитов на земли Иерусалимского королевства из-за Иордана и из Египта. Не заслуженно забыто и крайне толерантное отношение к Православной Церкви и ее иерархии со стороны первых франкских государей Кипра — Ги де Лузиньяна, королей Аморы I и Гуго I, а также, в более поздний период, со стороны балы Кипрского королевства — Филиппа Ибелина, защищавшего ромейское население и Кипрскую Церковь перед лицом репрессивных реформ кардинала Пелагия Альбанского.

Особого внимания заслуживает и защита православного ромейского населения и Церкви со стороны второго государя Латинской Романии — императора Генриха Фландрского. В 1219 г. император Генрих открыто выступил против папского легата — кардинала Пелагия Альбанского, закрывавшего византийские церкви Константинополя и вводившего репрессии против православного клира. По словам Георгия Акрополита, Пелагий «много бед причинил жителям Константинополя. Желание его было понятно: он хотел заставить всех подчиняться власти старшего Рима. А поэтому монахи отправлялись в заточение, священники заключались в оковы, все храмы закрывались. Он предлагал одно из двух: либо признать папу первым архиереем и почитать его при богослужениях, или же смерть тому, кто не совершает это почитание. Это вызвало негодование жителей Константинополя (...) Отправившись к императору Ерису (Генриху. — С. Б.), они сказали ему: «Будучи другого происхождения и имея иного архиерея, мы подчиняемся твоей власти в том, что касается наших тел, но не в том, что касается нашей души и совести. Мы вынуждены сражаться за тебя на войне, но мы не можем совершенно отречься от своих обрядов и святынь. Итак, или освободи нас от постигших напастей, или разреши, как свободным людям, уйти к соплеменникам» (...) И тот, не желая лишаться такого количества благородных и знатных людей, против воли упомянутого легата открыл храмы, освободил священников и монахов, которые были посажены в темницы, и тем самым унял волнение, охватившее тогда Константинополь»¹³¹⁸. В итоге, кардинал Пелагий должен был покинуть Латинскую империю и перебраться на юг — в пределы королевств Кипра и Иерусалима, правители

¹³¹⁸ Георгий Акрополит. История. — СПб.: Алетейя, 2013. — С. 60.

которых оказали куда меньшее сопротивление его реформам, направленным против восточных Церквей. Также император Генрих предпринял жесткие меры по ограждению монастырей Афона от бесчинств и посягательств латинского епископа Севастии.

Латинские прелаты Заморской земли, менее склонные к покровительству или «потаканию» нуждам восточных христиан, все же предоставили истории ряд уникальных деятелей, искренне заинтересованных в наследии христианского Востока. Колоссальный опыт Патриарха Амори де Лиможа в сфере диалога с восточно-христианским миром представляет собой разительный контраст с карательными и не слишком разумными деяниями первых латинских Патриархов (Даимберта Пизанского, Бернарда Валенского). Нельзя не обратить внимания и на разительный контраст в подборе и политике папских легатов на Востоке. Вспоминая таких жестоких и бескомпромиссных гонителей, как Даимберт Пизанский или Пелагий Альбанский, нельзя не помнить об Адемаре Монтейльском, Лоренцо дель Орте, Одо де Шатонёфе. Охватившее христианский мир противостояние «греков» и «латинян» не помешало германскому доминиканцу — Бурхарду Сионскому искренне любоваться и восхвалять благочестие православных архиереев. По его словам: «В Греческой Церкви все прелаты — монахи, мужи аскетичной жизни и удивительного целомудрия»¹³¹⁹.

Попечение римских понтификов о православных Востока

Невозможно опустить и тему заступничества римских понтификов за права «схизматического» или даже «еретического» Востока. Даже в период наиболее интенсивного и жестокого противостояния латинских и византийских христиан Апостольский престол считал необходимым заступаться за наиболее почитаемые монастырские центры «греков». В 1208 г. Папа Иннокентий III отлучил от Церкви и проклял латинского епископа Севастии, обосновавшегося на Афоне в замке Франгокастро и совершавшего набеги на православные монастыри Святой горы. Латинский император Генрих I получил право взять недостойного и проклятого прелата под стражу; в итоге, мучитель афонских монахов провел

¹³¹⁹ Burchardus de Monte Sion. Op.cit... P. 89.

остаток своих дней в качестве императорского пленника¹³²⁰. Откликнувшись на обращение монастырей Святой горы, в феврале 1213 г., Папа Иннокентий III гарантировал их права, уставы и неприкосновенность¹³²¹. Кстати говоря, эта история радикально контрастирует с так часто выдвигаемым афонским сказанием о том, что лишь Иверон и Ксиропотам временно восстановили общение с Римом, а остальные монастыри якобы держались в стороне от «папистов»¹³²².

Сходное покровительство римские понтифики оказывали монастырю Св. Екатерины на Синае. Впервые это попечение Апостольского престола проявилось в начале XIII в., с венецианским завоеванием Крита, когда с утверждением там латинского архиепископа (1207—1213 гг.) обширные земельные владения Синайской обители на острове были частью конфискованы в пользу латинской Церкви, а частью — обложены десятиной. Архиепископ Симеон II Синайский обратился в Рим, с жалобой на действия венецианцев (около 1216 г.). Получив послание Симеона II, Папа Гонорий III немедленно подтвердил права Синайской обители на все ее владения в пределах королевства Иерусалимского и княжества Антиохийского, а также в приграничных мусульманских землях, на которые претендовали франки (в Дамаске, Александрии, отвоеванных сарацинами Иерусалиме и Латакии)¹³²³. Спустя семь лет, в 1223 г., римский понтифик пошел дальше, утвердив неприкосновенность владений Синайской Архиепископии в Средиземноморье и освободив их от каких-либо податей и налоговых сборов (в том числе и от

¹³²⁰ Innocentius III Pontifex Romanus. Epistolae, PL. Vol.216. — №39, с.228—229.

¹³²¹ Послание Папы Иннокентия III, обращенное к игумену Великой Лавры и игуменам прочих монастырей Святой горы, см. Innocentius III Pontifex Romanus. Epistolae, PL. Vol.216. — №168, с.956—958.

¹³²² На то, что к 1213 г. афонские монастыри признали общение с Римом и находились под покровительством кафедры Св. Петра, особое внимание обращает Д. Оболенский. См. Оболенский Д. Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов. — М.: ВРС, 2012. — гл. 4, «Сава Сербский», С. 500.

¹³²³ Röhrich R., ed. Regesta Regni Hierosolymitani... — №897, Р. 240—241. Помимо самого монастыря Св. Екатерины и церкви Пресвятой Богородицы (также располагавшейся на Синае), Синайской архиепископии принадлежала церковь Св. Архангела Михаила в Александрии, церковь и подворье Св. Моисея в Иерусалиме, церковь Св. Георгия в Дамаске, вышеупомянутый госпиталь Св. Димитрия в Латакии.

выплаты десятины в пользу латинской Церкви)¹³²⁴. Всего у Папы Гонория III насчитывается более пятнадцати посланий, затрагивающих положение и неприкосновенность Синайского монастыря и его владений в Средиземноморье.

Преемник Гонория III — Папа Григорий IX — подтвердил дарения, совершенные своим предшественником, причем в его булле приводится более подробный перечень владений Синайского монастыря, где, помимо вышеперечисленных церквей и угодий, упоминаются также метохии и наделы монастыря Св. Екатерины на венецианском Крите, на Кипре и в Латинской империи (в т. ч. и в завоеванном франками Константинополе)¹³²⁵. Ярослав Фолда обращает особое внимание на то, что буллы Пап Гонория III и Григория IX утверждали не только права Синайского архиепископа и его обители на многочисленные земельные владения, дома и церкви, но и юрисдикцию православного архиерея на латинян, пребывавших на территории его монастыря и подворий; в частности — на франкскую капеллу в монастыре Св. Екатерины на Синае, и на синайское подворье — церковь Св. Екатерины — в Акре, где, возможно, греки и сириане подвизались совместно с латинянами¹³²⁶. Внимание римских понтификов и латинян Заморской земли открыли путь к крайне продолжительному и плодотворному соприкосновению. Римские понтифики продолжали оказывать покровительство монастырю Св. Екатерины на протяжении последующих веков, поддерживая дружественные отношения с православными Архиепископами Синая, которых воспринимали как неотъемлемую часть католической Церкви. Как убедительно доказывает

¹³²⁴ Presutti P. Regesta Honorii... №4587. Гамильтон отмечает, что в последующие годы Гонорий III повторно указывает на это свое решение, требуя его исполнения. См. Hamilton B. The Latin Church in the Crusader States... с.12, P. 319—320.

¹³²⁵ В числе владений Синайской обители, Папа Григорий IX, следуя своему предшественнику — Гонорию III, называет подворье при монастыре Св. Георгия (Мангана) в Константинополе и церкви Спаса, Св. Георгия, Св. Симеона, Св. Николая и Св. Варвары — на Крите (последние две церкви — в столице острова, Кандии). Копия папской буллы Григория IX хранится в архивах монастыря Св. Екатерины на Синае; его текст был, в свое время, издан епископом Порфирием (Успенским). См. Порфирий (Успенский). Второй путешествие архимандрита Порфирия Успенского в Синайский монастырь... С. 267—269.

¹³²⁶ Folda J. Crusader Art in the Holy Land. From the Third Crusade to the Fall of Acre, 1187—1291... P. 275.

Королевский, Синайская Архиепископия находилась в общении с латинскими христианами вплоть до XVIII в.¹³²⁷

Особого внимания заслуживает и послание Папы Николая III к последнему государю Антиохии-Триполи — князю Боэмунду VII, составленное в 1279 г. Папа обличает Боэмунда VII за посягательства на церковные земли и то, что он, в надежде получить выкуп, позволял себе бросать в темницы «клир всех обрядов». Репрессии князя Боэмунда VII в первую очередь коснулись латинского клира, в том числе старого епископа Триполи — Павла де Сеньи. Однако в своем послании Папа Николай III выражает особую обеспокоенность в связи с тем, что необдуманные и жестокие действия молодого франкского князя, направленные против Церкви, могут оттолкнуть византийских христиан сиро-ливанского побережья от идеи воссоединения с Римской Церковью, которую в ту пору поддерживали сторонники Лионской унии — император Михаил VIII Палеолог, Вселенский Патриарх Иоанн X Векк и Антиохийский Патриарх Феодосий V Виллардуэн¹³²⁸. Это послание Папы Николая III, с одной стороны, свидетельствует о том внимании, которое римские понтифики уделяли бесчинствам латинских христиан на Востоке, но также подтверждает и то, что некоторые «греки» Триполи либо сохраняли полноценное общение с латинской иерархией со времен установления франкского правления (1109 г.), либо последовали за своим Патриархом — Феодосием V Виллардуэном — в лоно утвержденной в Лионе унии.

***Положение Антиохийской Церкви. «Константинопольское пленение»
и возвращение Антиохийского Патриархата в Левант***

Разумная политика и покровительство, оказанное князьями Антиохии восточно-христианскому населению, имеет первостепенное значение для истории и положения православных общин и монастырей в Сирии XI-XIII вв. Достаточно вновь вспомнить о судьбоносном решении князя Боэмунда I Антиохийского — оградить монастыри «греков, сирийцев и армян» от латинизации; об открытости князя

¹³²⁷ Korolevskii C. Le passage au rite oriental // Irenikon. — 1929. — №6. — P. 457—87; Congar Y. After Nine Hundred Years of Schism. — New York, 1959. — P. 94.

¹³²⁸ Gay J., Vitte S., ed. Les Registres de Nicholas III. — Paris, 1898. — №520.

Рожера Антиохийского к ходатайствам сирийских христиан (сирояковитскому Патриарху Афанасию, мелькитскому философу Абд аль-Масиху); о расчетливом покровительстве, которое князь Боэмунд IV Одноглазый и его сын — Боэмунд V оказывали грекам и мелькитам Антиохии.

Период франкского господства для клира и паствы православной Антиохийской Церкви представляет собой разительный контраст с эпохой второго византийского правления в Сирии (969—1084 гг.) и временем более чем двухвекового «константинопольского пленения» Антиохийского Патриархата (996—1206 гг.). Падение империи Комнинов и Ангелов (в 1204 г.) и многолетняя война между государствами Антиохии и Армении, как ни парадоксально, привели к укреплению положения ромеев, мелькитов и армян-халкидонитов в северной Сирии и Киликии и сделали возможным возвращение «православного Патриархата Антиохии и всего Востока» в Левант, а также возвращение уроженцев Ближнего Востока, в том числе и, собственно, сирийских клириков, на патриаршую кафедру. Если в XII в. лишь двое из шести православных патриархов Антиохийских были допущены на земли франкской Сирии¹³²⁹, то в XIII в. не было православно-го первосвященника Антиохии, который не получил бы возможности посетить свои епархии, лежавшие на землях княжества Антиохии-Триполи и Киликийской Армении. Симеон II Абу Саиб, Давид и Евфимий I были либо избраны в Антиохии, либо провели значительную часть своего патриаршества в Сирии и Киликии. Патриархи Феодосий V Виллардуэн и Арсений, до своего избрания на патриарший престол подвизались в православных монастырях близ Антиохии. Патриарх Арсений был избран в Киликийской Армении и, очевидно, поддерживал столь дружественные отношения с королем Леваном II, что ромейский василевс и Вселенский Патриарх сочли необходимым лишить его патриаршего престола. Преемники Патриарха Арсения — Кирилл III и Дионисий I, оспаривавшие друг у друга Антиохийский патриарший престол, также были не «константинопольскими», но восточными иерархами. Кирилл III принадлежал к числу архиереев-сириан, служивших на франкских землях; значительную часть

¹³²⁹ Речь идет о Патриархе Иоанне V Оксите, пребывавшем на кафедре во «франко-нормандской» Антиохии в 1098—1100 гг., и о Патриархе Афанасии I Манасси, допущенного в пределы Антиохийского княжества в 1165—1170 гг.

своего архиерейского служения (и в бытность митрополитом Тира, и в первый период патриаршества) он провел в городах Иерусалимского королевства и княжества Антиохии-Триполи; Дионисий I, со своей стороны, стоял во главе киликийских архиереев, ромейского и армяно-халкидонитского населения королевства Армении. В этом отношении, схизма 1287 г. является особенно ярким свидетельством «возвращения» Антиохийского Патриархата в Левант; оживленная борьба за патриарший престол шла между киликийскими и сиро-ливанскими епархиями, в то время как Константинополь оставался в стороне от данного конфликта (хотя и Кирилл III, и Дионисий I впоследствии искали признания василевса и Вселенского Патриарха). Подобное возвращение центра Антиохийской Церкви в Левант было бы невозможно, если бы на землях королевства Киликийской Армении и княжества Антиохии-Триполи не было благоприятных условий для жизни православных общин, церквей, епархий, монастырей.

***Королевство Киликийской Армении
и православный Патриархат Антиохии***

Нельзя не сказать и о значимости Антиохийской Церкви и ее паствы для Киликийской Армении XII-XIII вв., и том покровительстве, которое государи династий Рубенидов и Хетумидов оказывали халкидонским христианам на своих землях. Земли Киликийской Армении оставались важнейшим центром для Антиохийской Церкви; короли Армении и православные Патриархи Антиохийские были заинтересованы во взаимной поддержке. Это подтверждают характерные обвинения, которые периодически выдвигали против Антиохийских Патриархов их константинопольские собратья. Во второй половине XIII в. против двух патриархов Антиохии — Евфимия и Арсения — были введены обвинения в соглашении, разделе церковных доходов или даже в евхаристическом общении с армянами¹³³⁰. Действительно, близость Патриархов Антиохийских и киликийских монархов не могла не тревожить светские и церковные власти Константинополя. В то время как византийские полемисты нещадно обличали отступления, погрешности и «ересь» армян, православные Патриархи Антиохийские в XIII в., казалось бы, придерживаются

¹³³⁰ Подробнее см. выше: С. 100—105.

совершенно иного отношения к клиру и пастве Армянской Апостольской Церкви; достаточно вспомнить о торжественном участии Патриарха Симеона II и его клира в армянском праздновании Богоявления в Сисе.

Когда речь заходит о взаимоотношениях королей Армении с православными Патриархами Антиохии и их паствой, особого внимания заслуживает то, что король Левон II Хетумид, невзирая на мятеж своих вассалов-халкидонитов и измену Патриарха Евфимия I (1272 г.), тем не менее воздержался от каких-либо гонений против ромейского населения Киликии, ограничившись казнью самих мятежников и изгнанием Антиохийского первосвященника. Более того, на протяжении последующих семнадцати лет своего правления король Левон II продолжал покровительствовать Православной Церкви на своих землях; об этом прямо свидетельствует доминирующая роль киликийских архиереев в жизни Антиохийского Патриархата на исходе XIII в. В правление Левона II Хетумида и его преемников четыре киликийских архиерея последовательно претендовали на Антиохийский патриарший престол. Речь идет о Феодоре — митрополите Аназарва, обойденного Феодосием V Виллардуэном при избрании 1278 г.; о Патриархе Арсени, поддерживавшем крайне дружественные отношения с армянами (1284—1287 гг.); о митрополите Дионисии Помпейпольском, ставшем «килийским» претендентом на патриарший престол в 1287 г. и общепризнанным Патриархом Антиохийским в 1308 г. После смерти Дионисия I Антиохийский патриарший престол перешел к еще одному киликийскому архиерею — Дионисию, митрополиту Мамистры, «прославленному Дионисию», как его именует Никифор Каллист Ксанофүл¹³³¹. С кончиной Патриарха Дионисия II на Антиохийскую кафедру вззошел еще один восточный иерарх — Софроний, митрополит Тира.

Православный Патриархат Антиохии под властью ромеев, франков и армян. Некоторые дополнения к истории взаимоотношений франков с «греками и сирианами» Антиохийской Церкви

Как мы видим, с момента восстановления православного Патриархата в Антиохии (в 1206 г.), на восточную кафедру Св. Петра восходили сирийские и киликийские архиереи, избранные епископатом

¹³³¹ Nicephorus Callistus. Op.cit. — Lib. XIV, c.1197—1198.

и клиром восточных епархий¹³³². Примечательно, что столь фундаментальные истории православной Антиохийской Церкви часто остаются незамеченными; учреждение латинских Патриархатов зачастую вытесняет из восприятия тот факт, что византийское правление в Сирии было сопряжено с подчинением Антиохийского Патриархата — Константинополю, в то время как позднее франкское и армянское правление (в XIII в.) сделало возможным возвращение патриаршего престола клиру и пастве Востока, т. е. восстановление погранных прав древней кафедры Св. Петра. О том, что франкское правление было, в известной мере, благоприятным и уж точно более предпочтительным для православного населения, нежели мамлюкское господство, свидетельствует история еще одного Патриарха Антиохийского, установившего крайне тесные отношения с франками. Речь идет о Патриархе Игнатии II Антиохийском, бежавшем на земли Кипрского королевства около 1359 г. Бегству Патриарха Игнатия II, бесспорно, способствовали не только мамлюкские притеснения, но и инициированная Константинополем жесткая травля антипаламитов, поразившая в том числе и Антиохийский Патриархат. С отбытием Патриарха Игнатия II на патриаршем престоле утвердился ставленник исихастов — Пахомий II, митрополит Дамасский, в 1366 г. подвергнутый страшным мучениям со стороны мамлюков¹³³³. Что касается Патриарха Игнатия II, то он оставался на Кипре вплоть до 1364 г., пользуясь гостеприимством и покровительством королевской династии Лузиньянов и играя значимую роль в церковной жизни островного королевства. К примеру, во время своего пребывания на Кипре Патриарх Игнатий II велел изготовить крест из орехового дерева, который помазал, расписал, освятил и поместил в церкви Св. Креста Фанероменос, воздвигнутой на средства королевы Алисы Ибелин, супруги короля Гуго IV де Лузиньяна, в Никосии. Впоследствии «Крест Фанероменос» («Крест Возвещающий») считался одной из наиболее почитаемых чудотворных реликвий Кипра¹³³⁴.

¹³³² Единственным исключением, конечно же, является Феодосий V Виллардуэн, но и он, до прибытия в Константинополь, был монахом Черной горы.

¹³³³ Подробнее см. Панченко К.А. Забытая катастрофа. К реконструкции последствий Александрийского крестового похода 1365 г. на Христианском Востоке... С.

¹³³⁴ Леонтий Махера. Сказание о сладкой земле Кипр // Близнюк С.В. Короли Кипра в эпоху крестовых походов. — СПб.: Алетейя, 2015. — гл. 76—77, С. 165—166.

Очевидно, что у православного Патриарха Антиохийского устоялись самые дружественные отношения с королем Гуго IV Кипрским и его супругой — Алисой Ибелин, воздвигнувшей на собственные средства церковь Фанероменос и новую обитель для православных в столице королевства. С пребыванием Патриарха Игнатия II на Кипре также связывали чудесное избавление острова от нашествия саранчи, о чем также повествует Леонтий Махера. Согласно его «Повести о сладкой земле Кипр», Патриарх Игнатий II велел королю Гуго IV де Лузиньяну заказать иконы свв. Христофора, Тарасия и Трифона, перенести их в место, страдавшие от нашествия насекомых, и отслужить там литургию; когда это было исполнено, саранча покинула остров¹³³⁵. Так, в XIV в. было по крайней мере два значимых прецедента, когда восточные Патриархи предпочитали укрытие на франкских землях — византийскому гостеприимству. Патриарх Игнатий II Антиохийский почел большим благом остаться на Кипре и не отбывать в Одигийский монастырь Константинополя¹³³⁶. Сходным образом Александрийский Патриарх Афанасий III Синаит, удаленный из Константинополя из-за жалоб Вселенского Патриарха, провел последние годы своего патриаршества на венецианском Крите, в одном из подворий монастыря Св. Екатерины на Синае.

¹³³⁵ Леонтий Махера. Указ. соч. — гл. 40, С. 150.

¹³³⁶ Нежелание Игнатия II отбывать вполне естественно, учитывая, что из Сирии он был вытеснен партией исихастов, поддержанных Палеологами.

Глава VI

Падение франкской Сирии.

Эпоха монгольских и мамлюкских завоеваний

I. Боэмунд VI Красивый. Восшествие на престол и первые годы правления (1252—1260 гг.)

Изоляция и упадок Антиохии при князе Боэмунде V (1233—1252 гг.)

Смерть Боэмунда IV и завершение войны за Антиохийское наследство ознаменовали период упадка Антиохии и ее княжества. После смерти Одноглазого князя его преемники (Боэмунд V и Боэмунд VI Красивый) все реже посещали Антиохию, предпочитая проводить основную часть своего правления в своей южной столице — Триполи¹³³⁷. Антиохия была предоставлена коммуне, княжеским бальи и латинским Патриархам. Этот последний период истории Антиохии (1233—1268 гг.) может считаться временем *de facto* независимости созданной латинянами, греками и сирийцами коммуны, и одновременно — временем достаточно ощутимого упадка города. В 1233—1256 гг. Антиохия пребывала в состоянии изоляции; город достаточно редко посещал его государь и другие франки, т. к. сухопутная дорога в Антиохию пролегла по мусульманским землям. В то же самое время, с момента свержения и убийства короля Филиппа де Пуатье, антиохийские франки находились в крайне напряженных отношениях с правителями Киликийской Армении. Следовательно, на протяже-

¹³³⁷ Стремление чаще находится в Триполи, нежели в Антиохии, проявлял уже Одноглазый князь (1201—1233 гг.).

нии всего правления Боэмунда V и в первые годы правления его сына Антиохия не могла рассчитывать на интенсивные и дружественные контакты со своим северным христианским соседом — королевством Армении.

Существенным фактором в упадке Антиохии стала не только политическая, но и экономическая изоляция этого великого города. Как известно, ближайшим и потому — самым серьезным конкурентом Антиохии по части торговли и производства товаров был Алеппо. С завоеванием Латакии и Джабалы армией Салах-ад-Дина (в 1188 г.) алеппские товары получили доступ к лучшим портовым городам в северной Сирии, которые отныне находились в руках мусульман. Антиохия же впала в зависимость от итальянских и прочих христианских купцов, прибывавших в город по морю — через гавань Св. Симеона; торговля с купцами, прибывавшими из Киликии или Алеппо, прерывалась из-за частых войн, которые вели князья Антиохийские или тамплиеры. К тому же, и у короля Армении, и у Алеппского эмира были собственные центры производства и рынки сбыта (в распоряжении алеппских эмиров был порт Латакии, у короля Армении — порт Айас, расцвет которого приходится как раз на указанный период). Конечно же, и латинские, византийские, киликийские и арабские купцы сохраняли определенную потребность в предметах роскоши и прочих товарах, производимых в Антиохии; однако новые условия печально сказывались на экономической конкурентоспособности столицы христианской Сирии.

Боэмунд V, не обладая ни силой, ни популярностью, ни авторитетом своего отца, держался вдали от вольнолюбивого, многонационального населения Антиохии, отдав город на попечение римских родственников своей супруги — Люсьен де Сеньи. После смерти Боэмунда V и в период кратковременного регентства княгини Люсьен (1252 г.) осевшие в Сирии римские нобили довели Антиохию до плачевного состояния, на что сетовал молодой князь Боэмунд VI Красивый, по словам которого, «город Антиохия гибнет в ее руках»¹³³⁸. Примечательно, что если князь Боэмунд IV Одноглазый назначил своего старшего сына и наследника — Раймонда (убитого в 1213 г. ассасинами) балью Антиохии, то князь Боэмунд V и сам был далек от своей северной столицы, и своего наследника не допускал до подробного ознакомления с городом. По словам Жана де Жуанвиля, молодой князь Боэмунд VI, взошедший

¹³³⁸ Jean sire de Joinville. *Op.cit.* — P. 186—187; Жан де Жуанвиль. Указ. соч. — С. 124.

на престол в 1252 г., «был совершенным чужеземцем для Антиохии»¹³³⁹. В правление князя Боэмунда VI Антиохия (1252—1268 гг.) продолжала существовать на полунезависимом положении, вдали от пребывавшего в Триполи государя и других франков Заморской земли; соответственно, город не получал должной поддержки от христиан Латинского Востока, что естественно способствовало продолжавшемуся упадку. Францисканец Гильом де Рубрук, возвращаясь из своего среднеазиатского путешествия, останавливался в Антиохии (1254 г.) и отмечал, что город находится «в очень плохом состоянии»¹³⁴⁰.

Воцарение Боэмунда VI Красивого. Союз княжества Антиохии-Триполи с королевством Армении

Надежды на столь необходимые перемены в жизни франкской Сирии связывали с восшествием на престол нового князя Антиохии-Триполи — Боэмунда VI. Сам облик нового князя очаровывал современников, которые прозвали его «Красивым» (*Bohemond le Beau*). Привлекательность князя отмечали даже арабо-мусульманские авторы. Так, Аль-Йунини, лично видевший князя Антиохии в 1260 г. при взятии Баальбека, пишет о том, что «он был привлекательным, приятной внешности» человеком¹³⁴¹. Еще будучи юношей (на момент смерти отца ему было не более 15 лет), Боэмунд VI решительно восстал против опеки своей матери и весьма сомнительного правления ее родственников, разорявших княжество. В надежде сломить сопротивление княгини Люсьен и партии ее римских сторонников молодой князь прибыл в Яффу для встречи с принявшим крест королем Людовиком IX Святым. Людовик IX поддержал притязания молодого князя и лично посвятил его в рыцари, позволив даже, в знак особого покровительства и дружбы, «разбить» алый герб Антиохии и ввести туда золотую королевскую лилию Франции¹³⁴². То, что князь Боз-

¹³³⁹ Jean sire de Joinville. Op.cit. — P. 186—187; Жан де Жуанвиль. Указ. соч. — С. 124.

¹³⁴⁰ Вильгельм де Рубрук. Указ. соч. — гл. 52, С. 176.

¹³⁴¹ Al-Yunini. Dhayl mifat al-zaman. — Hyderabad, 1954—1961. — Vol. III, P. 92. Цит. по: Хилленбранд К. Указ. соч. — С. 332.

¹³⁴² Jean sire de Joinville. Histoire de Saint Louis... — P. 187; Жан де Жуанвиль. Указ. соч... — С. 124.

мунд VI Красивый был посвящен в рыцари «рукой короля Людовика», подтверждает и Продолжатель Гильома¹³⁴³.

Благодаря посредничеству короля Людовика IX, к 1254 г. был наконец заключен долгожданный и столь необходимый союз между княжеством Антиохии-Триполи и королевством Киликийской Армении. Незвизрая на кровную вражду, которая разделяла род Хетумидов и сирийскую ветвь династии Пуатье, союз был скреплен династическим браком; в 1254 г. князь Боэмунд VI Красивый взял в жены дочь короля Хетума I — Сибиллу¹³⁴⁴. Неясно, где именно было совершено бракосочетание — в соборе Св. Петра в Антиохии или же в кафедральном соборе Пресвятой Девы Марии в Триполи. Однако доподлинно известно, что сам король Хетум I в этот период находился далеко на Востоке, при дворе монгольского ильхана Хулагу. Он смог встретиться и лично узнать своего антиохийского зятя лишь в 1256 г.¹³⁴⁵. Так или иначе, создается ощущение, что у короля Хетума I установились самые тесные, доверительные и дружественные отношения с Боэмундом VI. В 1256 г. князь Боэмунд VI Антиохийский лично прибыл в Киликийскую Армению, дабы принять участие в церемонии посвящения в рыцари или «посажения на коня» Левона II Хетумида — старшего сына и наследника короля Хетума I. Как повествует Смбат Спарамет, «В тот же год король Хетум пожелал посадить своего старшего сына, Левона, на коня. Он отправился в столичный град Мамистру и отправил вестников в Антиохию, призывая своего зятя — Боэмунда, князя Антиохийского и земли Триполийской, чтобы тот прибыл к нему со своими рыцарями. Сходным образом он отправил вестником Жюльену, сирю Сидона, чтобы и он прибыл со своими рыцарями. И он послал графине Яффы, и милостиво призвал всех ее родственников прибыть к нему. Монашествующие и служители Церкви всех рангов собрались пред ним по сему радостному поводу. И они посадили Левона на коня в год 705 Армянской эры (1256 г.), в пятнадцатый день ноября, к великой радости короля — его отца, и всего их рода, и всех присутствовавших»¹³⁴⁶. В 1275 г., после смерти князя Боэмунда VI Красивого, его единственный сын и наследник — Боэмунд VII был

¹³⁴³ L'Estoire Eracles... P. 440.

¹³⁴⁴ L'Estoire Eracles... P. 442; Bedrosian R., ed. The Armenian Chronicle of Sempad... P. 108; Bedrosian R., ed. The Chronicle attributed to King Hethum II... P. 7.

¹³⁴⁵ Bedrosian R., ed. The Armenian Chronicle of Sempad... P. 108—109.

¹³⁴⁶ Bedrosian R., ed. The Armenian Chronicle of Sempad... P. 108—109.

направлен вдовствующей княгиней Сибиллой ко двору своего дяди — короля Левона II Хетумида, где и воспитывался вплоть до своего совершеннолетия. Бозмунд VII был, в свою очередь, посвящен в рыцари «рукой короля Армении, своего дяди»¹³⁴⁷. Это, опять же, свидетельствует о стремительном сближении правящих домов Антиохии и Армении, пришедшем на смену предшествовавшей кровной вражде.

Во взаимоотношениях между Бозмундом VI и Хетумом I ведущая роль и бесспорное главенство принадлежали последнему. Король Армении позволял себе прямое вмешательство не только в Антиохии, но и в Триполи. В 1258 г. князь Бозмунд VI Красивый столкнулся с восстанием своих триполийских вассалов, во главе которых встали его кузены — Бертран де Эмбриацо и Жан де Пуатье, выступившие во главе рыцарей Гибелета и Ботрона. В отличие от своего великого деда — Одноглазого князя, Бозмунд VI Красивый был разбит, ранен в бою и осажден мятежниками в своей столице, при этом оказавшись бессильным что-либо предпринять против восставших¹³⁴⁸. Тогда на помощь к князю выступил король Армении, лично прибывший в Триполи во главе флотилии и контингента из 200 воинов. Арбитраж короля Армении и сопутствующее убийство главы восстания — Бертрана Эмбриацо привели к восстановлению мира в княжестве Антиохии-Триполи. Примилив князя Бозмунда VI с его вассалами, король Хетум I возвратился в свое королевство. Согласно хронике Смбата Спарапета: «Король Хетум сел на корабль, взяв с собой 200 воинов, и отправился в Триполи, чтобы установить мир между своим зятем — князем Антиохии и графом Триполи, и его князьями, ибо меж ними установилась вражда. Король примирил их и вернулся в свою страну»¹³⁴⁹. Для Антиохии деятельная опека короля Армении оказалась, в определенном смысле, благом. Когда Бозмунд VI Красивый не успевал отреагировать на нужды города, на помощь Антиохии приходил король Хетум. Однако именно благодаря Хетуму I княжество Антиохии-Триполи было вовлечено в смертельную схватку с исламом, завершившуюся уничтожением всех христианских государств Заморской земли. Эта, решающая для истории христиан Ближнего Востока, схватка была инициирована прибытием монголов.

¹³⁴⁷ L'Estoire Eracles... P. 466—467; Les Gestes Chiprois... P. 202.

¹³⁴⁸ Об этой войне мы уже упоминали выше, см. Часть IV, гл. 2, С. 100—105.

¹³⁴⁹ Bedrosian R., ed. The Armenian Chronicle of Sempad... P. 110.

II. Монгольское завоевание Ближнего Востока.

Хан Хулагу. Поход монголов в Персию и Левант

В 1251 г. на великом курултае хан Мунке, внук Чингисхана, собрав своих братьев и родичей, разделил меж ними монгольские войска и определил им направления для дальнейших завоеваний; на покоренных землях братья-ханы и должны были основать свои улусы. Во главе монгольской орды, начавшей завоевание Персии и Ближнего Востока, встал Хулагу-хан, младший брат великого хана Мунке и хана Хубилая (ставшего императором Китая и основателем династии Юань)¹³⁵⁰. Хулагу и его братья были сыновьями христианки — кераитки Сорхактани. Любимая жена Хулагу — Докуз Хатун — также была христианкой; значительную часть его орды составляли соплеменники его матери и жены — кераиты, крещеное монгольское племя, принадлежавшее к пастве несторианской Церкви Востока. В августе 1252 г. Хулагу начал великое движение на запад; подвластные ему войска, во главе с кераитом Китбугой, вступили в Персию и начали постепенное завоевание ее городов, крепостей и прочих поселений, принадлежавших ассасинам. Основную часть войск ильхана Хулагу составляли монгольские племена (в том числе — христиане кераиты); однако под его началом находились многочисленные контингенты покоренных народов. В составе его армии были мусульмане — аскары тюркских правителей Азербайджана и Ширвана. На призыв Хулагу откликнулись и многочисленные христиане Кавказа, в частности армия восточно-грузинского царя Давида VII Улу¹³⁵¹. Войска хана сопровождали сотни китайских военных инженеров, управлявших осадными орудиями. Завоевав персидские владения ассасинов, орда Хулагу продвинулась к землям Ирака и столице исламского мира — Багдаду.

¹³⁵⁰ Хубилай начал свое завоевание южного и центрального Китая одновременно с ближневосточным походом Хулагу. Решение хана Мунке и его братьев — Хубилая и Хулагу — было подтверждено на великом курултае 1256 г. Подробнее о начале монгольского завоевания Ближнего Востока и южного Китая, см. Grousset R. *L'Empire des Steppes*. — Paris 1939. — P. 427 и далее.

¹³⁵¹ Об этом уже упоминалось выше, см. Часть IV, гл. 4, С. 100—105.

Взятие и разорение Багдада (1258 г.)

Аббасидский халиф Аль-Мустасим, чье правление было сопряжено с чередой междоусобиц и раздоров среди его подданных и приближенных, не смог ни договориться с ильханом, ни должным образом подготовиться к защите Багдада. В месяцы, предшествующие осаде, он, конечно же, смог стянуть к городу значительные силы, однако это было далеко не достаточно для отражения монгольского завоевания. В декабре 1257 г. монголы, шедшие тремя колоннами, достигли предместий Багдада. Навстречу им выдвинулась армия халифа, вставшая лагерем на переправах. После 23-дневного стояния друг напротив друга монгольская и арабо-мусульманские армии вступили в сражение¹³⁵². Первоначальная победа пришлась на долю мусульман, разгромивших передовые силы разноплеменной армии Хулагу. Однако традиционное для монголов отступление было воспринято арабами, тюрками и курдами как бегство; войска Аббасидского халифа начали преследование противника. С наступлением ночи мусульмане встали лагерем вдали от городских укреплений; от Багдада их отделяли затопленные разливом Тигра поля. Именно в этот момент конница самого ильхана Хулагу обрушилась на растерявшегося противника. Подавляющее большинство воинов халифа были перебиты на топких полях, в виду стен Багдада. Сражение пришлось на 11 января 1258 г.¹³⁵³. С истреблением армии халифа Хулагу перешел к стенам Багдада. 18 января началась осада города, сопровождавшаяся бомбардировкой крепостных стен. 10 февраля восточные стены Багдада пали, и разноплеменная армия Хулагу-хана хлынула в город. Лишь тогда последний Аббасидский халиф Аль-Мустасим сдался на милость ильхана; однако это была запоздалая капитуляция. Свита, военачальники и министры Аль-Мустасима были перебиты. Сам халиф был, казалось бы, помилован — но лишь на определенный срок.

15 февраля 1258 г. ильхан Хулагу совершил свой торжественный въезд в город. Вскоре стало ясно, что ильхан не станет сохранять

¹³⁵² Во главе мусульманского войска стояли великий эмир Аббасидского халифа — курд Бар Курар и раб халифа — Давитдар Малый.

¹³⁵³ Наиболее подробное описание сражения приводит на страницах своей «Хронографии» Бар Эбрей, см. Bar Hebraeus. Chronography... — P. 505.

жизнь своему пленнику; исторгнув все его сокровища, Хулагу велел казнить Аль-Мустасима. Согласно «Хронографии» Бар Эбрея, мусульмане в стане Хулагу пытались отвратить его от казни халифа; они уверяли его, что если хоть капля крови халифа падет на землю, наступит ужасная засуха. Хулагу нашел своеобразный выход из положения; он велел бросить Аль-Мустасима в шелковый мешок и забить его до смерти, так чтобы капли его крови действительно не оросили землю¹³⁵⁴. Слова сирийского мафриана подтверждает и арабский историк Ибн аль-Фувати, в версии которого халифа завернули не в шелковый мешок, а в грубый ковер. Как отмечает А.Г. Юрченко в своей работе «Смерть последнего халифа», подобная казнь — в ковре или мешке, без видимого пролития крови — была важнейшей церемониальной экзекуцией для монголов; именно так казнили представителей рода Чингизидов, чью кровь не должны были видеть солнце и небо¹³⁵⁵. Вместе с Аль-Мустасимом были казнены его сыновья, за исключением младшего, который отбыл вместе с монголами вглубь Азии¹³⁵⁶.

Разорение Багдада продолжалось на протяжении сорока дней. Согласно «Хронографии» Бар Эбрея, «Монголы обнажили мечи и убили всех жителей Багдада — десятки тысяч человек»¹³⁵⁷. Стоит отметить, что особую жестокость проявили войска грузинского царя Давида VII, понесшие особенно тяжкие потери при штурме и первые прорвавшиеся вглубь города. По словам сирийского хрониста, «иверийцы в особенности учинили великое избиение»¹³⁵⁸. «Город мира» был разорен дотла; великие сокровища халифа и жителей столицы исламского мира были разграблены. Как сказано в хронике Рашид ад-Дина: «все,

¹³⁵⁴ Bar Hebraeus. Chronography... — P. 505—506.

¹³⁵⁵ Юрченко А.Г. Смерть последнего халифа // Жан де Жуанвиль. Книга благочестивых речений и добрых деяний нашего святого короля Людовика.. — СПб.: Евразия, 2007. — С. 359.

¹³⁵⁶ О взятии и разорении Багдада, а также о гибели последнего халифа — Аль-Мустасима, см. хроники Рашид-ад-Дина и Абу-ль-Феды, а также работы Рансимена, Ле Стрейнджа, Венегони; Рашид ад-Дин. Указ. соч. — С. 41—49; Le Strange G. Baghdad during the Abbasid Caliphate... P. 341—345; Abu-l-Feda. Op.cit. — P. 136—137; Runciman S. A History of the Crusades... Vol. III, Book, c., P. 300—304; Venegoni L. Hulagu's Campaign in the West — (1256—1260) // Transoxiana. Journal Libre de Estudios Orientales. — Webfestschrift Marshak, 2003.

¹³⁵⁷ Bar Hebraeus. Chronography... — P. 505.

¹³⁵⁸ Bar Hebraeus. Chronography... — P. 505.

что собирали в течение шестисот лет, горами нагромодили вокруг ханской ставки. Большая часть почитаемых мест, как то: соборная мечеть халифов, гробница Мусы Джавада, «да будет над ним мир», и могильные склепы Русафы были сожжены»¹³⁵⁹. Разрушение Багдада стало одной из самых страшных катастроф в истории человечества — наряду с разорением Константинополя (1204 г.) или мамлюкскими завоеваниями христианских государств в Леванте (XIII-XIV вв.). Монголы не только уничтожили значительную часть населения, расхитили великие сокровища, уничтожили бесчисленное множество памятников и великие библиотеки; они засыпали даже ирригационные каналы вокруг города, тем самым нанеся колоссальный ущерб сельскому хозяйству и самой земле этого региона¹³⁶⁰.

Однако это чудовищное истребление фактически не коснулось христиан Аббасидской столицы. Католикос Востока — Мар Маккика II был архипастырем несторианской Церкви, к которой принадлежали жена Хулагу — Докуз Хатун, его мать — Сорхахтани, а также нойон Китбуга и значительная часть его воинов, в частности — керайты. Заручившись поддержкой супруги хана, католикос сделал все возможное для защиты всех христиан Багдада — несториан, сиро-яковитов, румов, армян. «Католикос собрал всех христиан в церкви Третьего Базара, и защищал их, дабы никто из христиан не пострадал. И богатые арабы приносили великие сокровища католикосу, надеясь, что они смогут выжить и сохранить свое имущество; но всех их убили»¹³⁶¹. К чести католикоса следует отметить, что в финальные дни осады он возглавлял посольство халифа к хану Хулагу и пытался добиться у него милости в отношении Аль-Мустасима и мусульманского населения Багдада; однако тогда он подчеркнуто не был принят ханом и принужден был вернуться в город ни с чем. Покидая Багдад, Хулагу — очевидно, движимый желанием умиловить свою супругу — Докуз Хатун, своего лучшего военачальника — Китбугу-нойона, и прочих несториан в своем стане, — передал католикосу Маккике II дворец халифа, а также предоставил средства для строительства там нового, роскошного кафедрального собора.

¹³⁵⁹ Рашид ад-Дин. Указ. соч. — С. 46.

¹³⁶⁰ Le Strange G. Baghdad during the Abbasid Caliphate... P. 341—345.

¹³⁶¹ Bar Hebraeus. Chronography... — P. 505.

Спустя несколько недель после взятия и разорения Багдада, армия Хулагу продвинулась дальше на северо-запад по течению Тигра и взяла Текрит, сокрушив его стены. Как и в Багдаде, христиане города (несториане, сиро-яковиты, армяне, ромеи), укрылись в крупнейшей церкви города — т. н. «Зеленой церкви»; однако там христиане сокрыли от монголов и изрядную долю мусульманских сокровищ. Когда вести об этом дошли до хана, Хулагу велел истребить виновных христиан города. Истребление части христиан Текрита стало грозным напоминанием о том, что на помощь и защиту монголов можно было рассчитывать только сохраняя верность ильхану¹³⁶². После этого Хулагу-хан отвел свою армию на северные стоянки, в Азербайджан. Там он простоял несколько месяцев, накапливая силы для дальнейшего продвижения на запад — в Сирию¹³⁶³. В сентябре 1259 г. орда Хулагу-хана продолжила великий ближневосточный поход, начав завоевание сирийских территорий.

Взятие Алеппо (1260 г.)

По мере продвижения хана Хулагу к берегам Евфрата на соединение с ним выступил король Хетум I, шедший во главе многочисленного войска. Согласно хронике Смбата Спарапета, Хулагу «отправил гонцов к королю Хетуму, призывая его прибыть к нему. Когда тот спешно прибыл в стан к хану со своими войсками, хан радостно принял его»¹³⁶⁴. Армянский автор Хетум Корикский говорит о том, что король Армении собрал под своими знаменами до 12,000 конных и 60,000 пеших воинов, хотя это, скорее всего, является поэтическим преувеличением¹³⁶⁵. В этот

¹³⁶² Bar Hebraeus. Chronography... — P. 506—507.

¹³⁶³ В этот период грузинские войска царя Давида VII покинули стан Хулагу, вернувшись в собственные земли. Очевидно, Давид VII ввел своего сюзерена в заблуждение насчет своих истинных намерений. Грузинские войска должны были вернуться под знамена Хулагу для участия в дальнейших кампаниях на Ближнем Востоке; однако даже в 1260 г. Давид VII не явился на призыв ильхана, за что его царство было разорено монголами (после чего восточно-грузинский монарх возобновил свои клятвы ильхану).

¹³⁶⁴ Bedrosian R., ed. The Armenian Chronicle of Sempad... P. 112.

¹³⁶⁵ Hayton. La Flor des Estoires des parties d'Orient... P. 170.

же период на соединение с ханом Хулагу прибыли покорившиеся ему румские тюрки, во главе с братьями Из-за ад-Дином и Рукн ад-Дином.

18 января 1260 г. армия ильхана Хулагу начала осаду Алеппо. Город пал спустя шесть дней, хотя цитадель продолжала держаться до 25 февраля. С проникновением в Алеппо монголов, их тюркских и армянских вассалов, в городе началось традиционное разорение и истребление жителей. Великая мечеть города (мечеть Омейядов) была сожжена. Христианские хронисты, бывшие современниками и, возможно — очевидцами взятия Алеппо, с содроганием пишут о разорении города. По словам Бар Эбрея, монголы учинили в Алеппо «такое же избиение, как в Багдаде, только страшнее»¹³⁶⁶. Автор хроники Смбата Спарапета восклицает: «никто не может описать степень разрушения», охватившее город¹³⁶⁷. Однако Хулагу проявил и неожиданное милосердие к части мусульманского населения; защищавшего город атабека Тураншаха, сдавшегося вместе со своими воинами лишь 25 февраля 1260 г., хан велел помиловать, гарантировав их безопасность на землях Ильханата. Покоренный Алеппо был отдан мусульманскому вассалу ильхана — эмиру Хомса аль-Ашрафу¹³⁶⁸. Что касается алеппских христиан, то они укрылись в городских церквях, в надежде избежать истребления; однако это удалось далеко не всем. Значительная часть христианского населения обрела убежище в православном соборе города, однако в разгар уличных боев монголы ворвались туда, перебив часть беженцев, а другую часть распределив как пленных. Лишь благодаря стараниям армянского архиерея — Торося и приказам Хулагу, христианские пленники смогли получить свободу¹³⁶⁹. Меж тем, король Армении пожинал первые плоды своего союза с монголами. За участие армянских войск в кампании 1260 г. король Хетум получил «великую часть» сокровищ из разоренного Алеппо. Сельджукские вассалы Хулагу-хана должны были, в свою очередь, передать королю Армении некоторые киликийские крепости и земли, которые ранее были отвоеваны у Хетума¹³⁷⁰.

¹³⁶⁶ Bar Hebraeus. Chronography... — P. 511.

¹³⁶⁷ Bedrosian R., ed. The Armenian Chronicle of Sempad... P. 112.

¹³⁶⁸ О милости, оказанной ильханом атабеку Тураншаху, пишет в своей «Книге двух садов» Абу-ль-Феда, см. Abu-l-Feda. Op.cit. — P. 140.

¹³⁶⁹ Bar Hebraeus. Chronography... — P. 511.

¹³⁷⁰ Hayton. La Flor des Estoires des parties d'Orient... P. 171.

Антиохия и монголы. Оммаж князя Бозмунда VI Красивого хану Хулагу

С завоеванием Алеппо и последовавшим разорением Харима, войска Хулагу вышли к рубежам княжества Антиохийского. Положение князя Бозмунда VI Красивого оказалось крайне затруднительным; фактически он находился меж двух диаметрально противоположных позиций в отношении к монголам. Его тесть Хетум I был одним из самых деятельных христианских вассалов монгольского хана, в то время как большая часть латинских христиан опасалась монголов не меньше, чем мусульман. Несмотря на продолжительные переговоры с монголами, инициированные Папой Иннокентием IV и королем Людовиком IX Святым еще в 1250-х гг., никакого союза между «степной империей» и латинским Западом достигнуто не было. Дикость монголов и учиненные им разорения вселяли страх в сердца многих латинских христиан, которые к тому же не могли смириться с необходимостью покориться язычникам, свято веровавшим в то, что Всевышний отдал им мир для завоевания. О том, как воспринималось господство монголов на латинском Западе, ярко свидетельствует хроника Матфея Парижского. Согласно латинскому хронисту, «верховный король тартаров» обратился к князю Антиохии, «требуя, чтобы тот покорился его желаниям, коих было три, в противном случае кровавый меч с мстостью обрушится на него. Первым своим приказом он повелевал ему скрыть стены всех своих городов и крепостей; вторым — чтобы он отсылал ему все доходы своего княжества, золотом и серебром; и третьим приказом, чтобы он отправил ему три тысячи девственниц»¹³⁷¹. Стоит ли указывать на то, что подобных требований к своим вассалам монгольские ханы, при всей их требовательности и жестокости, не выдвигали?

В то же самое время, христиане Востока видели в признании монгольского господства свою единственную надежду в борьбе с неуклонно наступавшими мусульманскими правителями; христиане Персии, Кавказа, Сирии, Киликии могли либо сами погибнуть под ударами монгольских мечей, либо покориться хану — который с гораздо большей охотой обращался против мусульман и оказывал открытое покровительство веровавшим во Христа. Армянский хронист и архиепископ Стефан Орбелян восхваляет ильхана Хулагу и его христианскую

¹³⁷¹ Matthaei Parisiensis. Op.cit. — Vol. V, P. 389.

жену — Докуз Хатун как «новых Константина и Елену»; согласно армянскому хронисту, именно так их приветствовали христиане Багдада¹³⁷². Как отмечает С.А. Иванов: «Эта символика, по всей видимости, понравилась хану — недаром в рукописи Vaticanus Syrus 559, написанной около 1260 г. для монастыря Мар-Матта у Мосула монахом Мубараком бар Давидом, на миниатюре с изображением Константина и Елены их августейшим лицам приданы черты сходства с Хулагу и Докуз Хатун»¹³⁷³. Сирийский хронист Бар Эбрей в сходных с архиепископом Стефаном выражениях прославляет Хулагу-хана и его христианскую супругу — Докуз Хатун. По его словам, «мудрость этого мужа (Хулагу. — С. Б.), и величие его души, и его великолепные деяния ни с чем не сравнимы». Описывая смерть Хулагу и Докуз Хатун (оба скончались в 1265 г.), сирьяковитский мафриан пишет: «верующая царица отошла в мир иной, и великая скорбь охватила христиан по всему миру, ибо угасли эти два великих светила (Хулагу и Докуз. — С. Б.), благодаря которым христианская вера восторжествовала»¹³⁷⁴.

От решения князя Боэмунда VI в вопросе взаимоотношений с монголами прямо зависела дальнейшая судьба княжества Антиохии-Триполи. Расправа монголов над Багдадом и Алеппо не оставляла сомнений в том, что сходная судьба постигнет Антиохию, в случае, если город не признает монгольского сюзеренитета. В 1260 г. в полной мере (и в последний раз) проявилась мощь и независимость Антиохийской коммуны; не желая уничтожения родного города, коммуна поставила своего князя перед необходимостью присягнуть хану. Одновременно, Боэмунд VI столкнулся с прямым давлением своего тестя — Хетума I, который настоятельно призывал его на север, дабы лично представить Хулагу. Боэмунд VI счел единственным возможным последовать примеру короля Армении и требованиям Антиохийской коммуны; ранней весной 1260 г. он прибыл на север, к Антиохии, и принес оммаж хану Хулагу. Этим шагом князь Боэмунд VI Красивый раз и навсегда связал свое государство с победами и поражениями монголов; одновременно он поставил и себя, и своих поданных как под «благочестивые» и яростные нападки латинского Запада, так и под последовавшие удары мамлюков.

¹³⁷² Stephanos Orbelian. Histoire par le Siounie. — СПб.: 1864. — Р. 235.

¹³⁷³ Иванов С.А. Византийское миссионерство. Можно ли из варвара сделать христианина? — М.: Языки славянской культуры, 2003. — Прим. №. 1024.

¹³⁷⁴ Bar Hebraeus. Chronography... — Р. 521.

Весть об утвердившемся монгольском сюзеренитете над княжеством Антиохии-Триполи быстро разлетелась по христианскому миру. О поступке государя и народа Антиохии с возмущением писал магистр ордена тамплиеров Фома Берард писал прецептору лондонского Тампля: «народ Антиохии, опасаясь, что неожиданное несчастье настигнет их (тем более что сам град Антиохию невозможно удержать из-за непригодного состояния его укреплений), по воле и власти сира Н (Бозмунда VI. — С. Б.), своего благородного князя, отправили досточтимых посланников к монголам, с различными ценными дарами. В их числе были проповедники, минориты, яковиты, греки, церковные мужи, его (т. е. княжеский. — С. Б.) бальи и коннетабль. Так, они просили, чтобы, сохранив их кровь, их государь мог позволить им владеть жалкое существование, как данникам, в подчиненном служении. Их военачальник и господин Халан (ильхан Хулагу. — С. Б.) милостиво принял их и согласился на их прошения»¹³⁷⁵. Папский легат на Востоке — архиепископ Вифлеема Фома Агни — узнав об оммаже Бозмунда VI, отлучил князя от Церкви. В своем послании латинский архиепископ Вифлеема так описывает события весны 1260 г.: «Антиохия отчаялась в победе, еще не начав войны и, вместе со всем своим княжеством, преклонилась перед волей татар. Охваченный страхом князь Антиохийский, последовал примеру жителей Антиохии и склонил к этому все земли Триполи»¹³⁷⁶. Стоит обратить особое внимание на то, что, по словам архиепископа Фомы, князь Бозмунд VI Красивый принес оммаж хану Хулагу, последовал «примеру жителей Антиохии». Эти слова прямо подтверждают вышеуказанный тезис о давлении Антиохийской коммуны на князя Бозмунда VI в вопросах признания или непризнания монгольского сюзеренитета; так, князь поддался требованиям и последовал примеру коммуны Антиохии (и, можем добавить, примеру короля Армении), после чего распространил условия договора с Хулагу на все города и сеньории своего государства (т. е. не только на земли Антиохийского княжества, но и на территории графства Триполи)¹³⁷⁷.

¹³⁷⁵ Bird J., Peters E., Powell J.M., ed. *Crusade and Christendom. Annotated Documents in Translation from Innocent III to the Fall of Acre, 1187—1291.* — P. 333—334.

¹³⁷⁶ Menkonis Chronicon // MGH SS — Vol.23. — Hannover, 1874. — с.548; Barber M., Bate K., ed. & trans. *Letters from the East...* №71, P. 155.

¹³⁷⁷ Вновь напомним, что у Антиохии и Триполи исторически были разные сюзерены. Графы Триполи признавали сюзеренитет королей Иерусалимских, в то время как князья Антиохийские либо вовсе не признавали сюзеренов, либо считали себя

Подобную последовательность событий подтверждает как послание архиепископа Фомы Агни, так и слова магистра Фомы Берарда: «Согласно народной молве, по совету короля Армении, вышеназванный князь Антиохии заключил соглашение с властителем тартаров, касающиеся Триполи и всех прочих своих владений, как ранее сделал град и страна Антиохийская»¹³⁷⁸. О том, что «монголы сделали данниками короля Армении, князя Антиохии и множество других знатных христиан», с горечью пишет Матфей Парижский¹³⁷⁹.

Решение короля Киликийской Армении и князя Антиохии-Триполи добровольно покориться монголам, и негативная реакция на это решение со стороны латинских христиан левантийских королевств Кипра и Иерусалима, вновь подчеркивают радикальное расхождение между северными и южными государствами Заморской земли. В то время как франки Акры, других «иерусалимских» городов и островного Кипрского королевства предпочитали держаться свойственного латинскому Западу настороженно-враждебного отношения к монголам, франки Антиохии-Триполи и вассальное Священной Римской империи королевство Армении полностью консолидировались с восточно-христианским населением Ближнего Востока, заключив союз с монголами даже вопреки строжайшим запретам Апостольского престола.

***Взятие Дамаска армией Китбуги-нойона, короля Хетума I
и князя Бозмунда VI Красивого. Франкское завоевание Латакии
и Джабалы (1260—1261 г.)***

С разорением Алеппо, правители Хамы и Хомса покинули свои города без боя и бежали в Египет. Хулагу воздержался от личного участия в дальнейшем походе, поручив командование Китбуге-нойону. К Китбуге присоединились как король Хетум, так и князь Бозмунд VI, впервые выступивший во главе своих вассалов на стороне хана. Продвигаясь вверх по течению Оронта, армия Китбуги, Хетума

вассалами восточного императора (будь это ромейский василевс или франкский правитель Латинской Романии). Подробнее о сюзеренах княжества Антиохийского и сирийских графств см. приложение.

¹³⁷⁸ Bird J., Peters E., Powell J.M., ed. *Crusade and Christendom...* — P. 334.

¹³⁷⁹ Matthaei Parisiensis. *Op.cit.* — Vol. V, P. 547.

и Боэмунда VI отбила у мусульман Баальбек — город, за который ранее антиохийские и триполийские франки неоднократно сражались с сарацинами. Ряд замков и укрепленных поселений в долине Орон-та был передан монголами князю Антиохии-Триполи¹³⁸⁰. О том, что хан Хулагу преподнес князю Боэмунду VI Красивому земли Антиохийского княжества, которые ранее были завоеваны сарацинами, пишет и Хетум Корикский в своем «Цветке историй стран Востока»¹³⁸¹. Вскоре объединенная армия монголов, киликийских армян и антиохийских франков достигла предместий Дамаска. Великая столица первого халифата сдалась 1 марта 1260 г. Во главе победоносного войска в Дамаск торжественно въехали три христианских полководца — Китбуга-нойон, король Армении Хетум I и князь Боэмунд VI Красивый¹³⁸². Тирский Тамплиер прямо сопоставляет это триумфальное утверждение христиан в Дамаске с эпохой правления императора Ираклия — когда ромеи отбили город у персов, но потеряли его из-за пришествия мусульман¹³⁸³.

Христиане города приветствовали победоносных государей; многие мечети города были разграблены и превращены в христианские церкви. Одна из великих мечетей Дамаска — со всеми ее сокровищами — была дарована князю Антиохийскому. Согласно Тирскому Тамплиеру, князь Боэмунд VI «очистил и окадил» молитвенное пространство, и «велел совершать франкскую мессу и звонить там в колокола»¹³⁸⁴. Выше мы уже писали об исследованиях Ярослава Фолды, посвященных темплону, заказанному князем Боэмундом VI у иконописцев Синайской обители. Как предполагает Фолда, этот иконостас мог предназначаться как раз для великой церкви князя Антиохии-Триполи, обустроенной в Дамаске, на что указывает датировка темплона (1260 г.). Расписной эпистилий этого темплона

¹³⁸⁰ Cahen C. La Syrie du Nord... P. 706.

¹³⁸¹ Hayton. La Flor des Estoires des parties d'Orient... P. 171.

¹³⁸² О личном участии князя Боэмунда VI Красивого и антиохийских франков в походе на Дамаск достаточно подробно пишет Тирский Тамплиер. См. *Les gestes Chiprois...* с.303, P. 161—162. См. также Cahen C. *La Syrie du Nord...* P. 706.

¹³⁸³ *Les gestes Chiprois...* с.303, P. 161. Об осаде и сдаче Дамаска арабам (в которой участвовал дед св. Иоанна Дамаска — Мансур ибн Серджун) было в достаточной мере сказано в первой части книги, см. Часть I, гл. 2, С. 100—105.

¹³⁸⁴ *Les gestes Chiprois...* с.303, P. 161—162.

сохранил ктиторские портреты самого Боэмунда VI, а также короля Хетума I и Китбуги-нойона, изображенных в виде волхвов, припадающих к Младенцу Христу. Со своей стороны отметим, что заказ иконостаса, который исполнил синайский мастер «венецианского круга», свидетельствует о том, что «великая мечеть Дамаска», переданная Боэмунду VI Красивому и обращенная им в христианский храм, предназначалась не только для капитула и верующих латинского обряда, но и для ромейских христиан, придерживавшихся византийской традиции. Общее использование храмового пространства общиной латинян и общиной «греков и сириан» было характерно для части церквей Латинского Востока; достаточно вспомнить ту же базилику Св. Георгия в Тивериаде¹³⁸⁵. Прославленная мечеть Омейядов, воздвигнутая на месте собора Св. Иоанна Крестителя, была обращена в христианский храм, хотя неясно, перешла ли она к несторианам-керантам, или же стала той самой церковью, которую «очистил» князь Боэмунд VI Красивый¹³⁸⁶.

Кампании князя Боэмунда VI Красивого не ограничились походами на Баальбек и Дамаск. Получив поддержку монголов, в следующем, 1261 г., Боэмунд VI обратился к завоеванию великих портовых городов Антиохийского княжества — Латакии и Джабалы, которые почти восемьдесят лет находились во власти мусульман. Невзирая на то, что военно-монашеские ордена номинально обязаны были держаться в стороне от какого-либо союза с «тартарами», контингенты тамплиеров и госпитальеров выступили под знаменами князя Антиохии-Триполи, приняв участие в завоевании Латакии и Джабалы¹³⁸⁷. При всем символизме и пафосе взятия Дамаска именно завоевание Джабалы и Латакии следует считать важнейшей стратегической победой Боэмунда VI; с разорением Алеппо и возвращением великих портовых городов северной

¹³⁸⁵ См. выше: Часть IV, гл. 1, С. 100—105.

¹³⁸⁶ О дамаском соборе Св. Иоанна Крестителя и мечети Омейядов мы уже подробно говорили выше, см. Часть I, гл. 2, С. 100—105. О том, что великая мечеть, переданная Антиохийскому князю, тождественна мечети Омейядов, можно сделать вывод со слов Тирского Тамплиера, однако это предположение подвергает серьезному сомнению Д. Сурдель, посвятившая отдельное исследование пребыванию Боэмунда VI в Дамаске. См. Sourdel D. Bohémond et les chrétiens à Damas sous l'occupation mongole // Ballard M., Kedar B.Z., Riley-Smith J., ed. *Gesta Dei per Francos*. — Aldershot, 2001.

¹³⁸⁷ Cahen C. *La Syrie du Nord*... P. 706; Burgtorf J. *The Military Orders in the Crusader Principality of Antioch*... P. 229.

Сирии у Антиохии появился шанс восстановить свою прежнюю экономическую гегемонию в регионе. Здесь нельзя не отметить, что стремительно завоеванная в 1261 г. Латакия дольше других городов Антиохийского княжества будет оставаться во власти христиан; она падет лишь в 1287 г. В этот же период франки, при помощи монголов, смогли отбить и лежавший в нескольких километрах от Латакии замок Саон. Итак, казалось, что установление монгольского сюзеренитета открывает для княжества Антиохии-Триполи эпоху благоденствия, возвращения утраченных территорий, новых завоеваний.

Битва при Айн-Джалут (1261 г.)

Черeda триумфальных завоеваний, сокрушивших Аббасидский халифат и государства Айюбидов в Сирии, была прервана известиями о смерти великого хана — Мунке¹³⁸⁸. Оставив две тьмы (20,000 воинов) в Леванте под началом Китбуги-нойона, ильхан Хулагу отбыл с большей частью своих сил вглубь Азии, на новый великий курултай. При этом Хулагу строжайше запретил своему нойону ввязываться в дальнейшее завоевания до его возвращения. Вопреки приказам Хулагу-хана, Китбуга продолжил наступление в южной Палестине, завоевав Наблус и Газу и намереваясь войти в Египет. Мамлюкскому султанату Египта был брошен серьезнейший вызов; Каиру угрожала судьба Алеппо и Багдада. Собрав все возможные силы, мамлюкский султан Кудуз, совместно со своим лучшим полководцем — Бейбарсом — повел армию через Синайский полуостров, навстречу монголам.

В этот момент на помощь мамлюкам пришла извечная проблема — разделения христиан; в то время как франки Антиохии, Триполи, Киликии бились бок о бок с монголами у Баальбека, Дамаска, Латакии, бароны Иерусалимского королевства были настроены категорически против идеи союза с «тартарами». Более того, иерусалимские бароны, совместно с тамплиерами, стали совершать рейды на подвластные монголам сирийские земли. Первым, поднявшим оружие против «тартар», стал Жюльен, сеньор Сидона, совершивший рейд против монголов

¹³⁸⁸ Мунке умер еще в августе 1259 г., однако вести о его смерти и подготовке к великому курултаю достигли Сирии лишь к весне 1260 г.

в долине Бекаа. Монгольский отряд, направленной Китбугой против франков Сидона, был разгромлен; вставший во главе отряда племянник Китбуги был убит. Это немедленно подвигло Китбугу к решительным действиям. Его тьмы вышли к Сидону и дотла разорили город. Сам Жюльен смог спастись, однако ему ничего не оставалось делать, как продать разоренный Сидон ордену тамплиеров; сам он присоединился к ордену, в лоне которого и закончил свои дни. Примечательно, что Жюльен Сидонский, как и князь Боэмунд VI Красивый, был зятем короля Хетума; только в случае с Жюльеном, король Армении оказался не в силах ни склонить своего зятя к признанию господства Хулагу-хана, ни удержать его от опрометчивых действий в отношении монголов¹³⁸⁹. За рейдом Жюльена Сидонского последовало вторжение рыцарей Иерусалимского королевства и ордена Храма в занятую монголами Галилею. Во главе войска Иерусалимского королевства стояли Жан II Ибелин, сеньор Бейрута, и Фома Берард — магистр ордена тамплиеров. К этим кампаниям против монголов присоединился и вассал князя Боэмунда VI Красивого — Жан Эмбриац, племянник сеньора Гибелета, занимавший пост маршала Иерусалимского королевства. Рейд, инициированный тамплиерами и Жаном II Ибелином, закончился катастрофическим поражением франков, разгромленных у Тивериады тюркскими вассалами монголов. При этом в плен попал и магистр Храма, и сеньор Бейрута, и маршал Иерусалима. Выкуп одного только Жана II Ибелина обошелся франкам в 20,000 безантов¹³⁹⁰. Кампании франков Акры, Сидона, Бейрута против Китбуги-нойона и его тюркских вассалов практически не оставили князю Антиохии-Триполи и королю Армении шансов примирить их с монголами и привлечь к столь необходимому

¹³⁸⁹ Передача же Сидона ордену Храма привела к новой череде конфликтов между королем Армении и тамплиерами. Согласно одной из версий хроники Продолжателя Гильома, когда Жюльен продал Сидон и Бофор — тамплиерам «это стало причиной великой ненависти между королем Армении и Храмом». См. *L'Estoire Eracles...* P. 445; Shirley J., ed. & trans. *Crusader Syria in the Thirteenth Century. The Rothelin Continuation...* c.3, P. 142.

¹³⁹⁰ Согласно хронике Продолжателя: «туркмены разбили Жана Ибелина, сеньора Бейрута, Жана Гибелетского, маршала королевства, брата Стефана де Сиссей, маршала Храма, со всеми братьями дома Акры, Шато Пелерен, Сафед и Бофора. Они пленили сеньора Бейрута и командора Храма, брата Матфея ле Саважа, Жана Гибелетского (...) Многие другие, конные и пешие воины, были убиты или захвачены в плен. Тамплиеры потеряли все свое воинское снаряжение. Сеньор Бейрута был позже выкуплен за 20,000 безантов». См. *L'Estoire Eracles...* P. 445; Shirley J., ed. & trans. *Crusader Syria in the Thirteenth Century. The Rothelin Continuation...* c.3, P. 142. См. также: *Les gestes Chiprois...* c.305, P. 163—164.

союзу. Враждебному отношению иерусалимских франков к монголам, бесспорно, способствовало давление Венецианской республики, для которой торговля с мамлюкским Египтом оставалась важнейшей статьей дохода, в то время как на монгольских землях господствовали торговые интересы извечных врагов «республики Св. Марка» — генуэзцев. Еще не оправившись от поражения в Галилее и разорения Сидона, палестинские франки получили известие о движении армии мамлюков через Синай, в Палестину.

Пред лицом решающей схватки между монголами и мамлюками бароны Иерусалимского королевства собрались на совет в Акре. Часть франков призывала открыто выступить на стороне мамлюков; но благодаря разумному вмешательству магистра Тевтонского ордена — Анно фон Зангерсхаузена — было решено ограничиться лишь дружественным мамлюкам нейтралитетом¹³⁹¹. Так или иначе, именно Иерусалимское королевство предоставило мамлюкской армии тот надежный тыл, на который, во время решающей кампании, не могли рассчитывать монголы. Франки и прочие христиане Акры исправно поставляли провиант и все необходимое в стан к мамлюкскому султану. В то же самое время Китбуга-нойон спешно двигался навстречу мамлюкам из своей ставки — Баальбека, совершая длительные переходы вдоль течения Иордана. Войско Китбуги, в составе которого находилось около 500 воинов, присланных королем Хетумом¹³⁹², уступало по численности выступившей против него армии мамлюкского султана Кудуза. При этом монголы были истомлены долгим переходом, в то время как мамлюки на протяжении трех дней стояли лагерем и пополняли свои запасы на франкских землях — близ Акры.

Противники сошлись в бою 3 сентября 1260 г., близ поселения Айн-Джалут, неподалеку от Назарета и горы Фавор. «Кудуз расставил войско в засадах, а сам, сев [на коня], встал с небольшим числом [воинов]. Китбуге с несколькими тысячами всадников, все заправские воины, случилось сойтись с ним у Айн-Джалут. Монгольское войско напало, стреляя из луков, а Кудуз уклонился и ударился в бегство. Монголы, осмелев, отправились вслед за ними и многих из мисрцев перебили. Когда они поравнялись с местом засады, мисрцы с трех сторон бросились из засады и помчались на монгольское войско. С раннего утра до полудня бились

¹³⁹¹ L'Estoire Eracles... P. 637.

¹³⁹² Bedrosian R., ed. The Armenian Chronicle of Sempad... P. 112—113.

врукопашную. Монгольскому войску сопротивляться стало неважно, и в конце концов оно обратилось в бегство. Китбуга-нойон в пылу и рвении разил налево и направо и валил [наземь] (...) Хотя воины бросили его, он старался за тысячу человек. В конце концов, лошадь его оступилась, и он попал в плен (...) Затем Китбуга, связанного по рукам, представили Кудузу»¹³⁹³. Согласно «Хронографии» Бар Эбрея, мамлюки встретились с монголами «на равнине Бейсана, у горы Фавор. Татары были разбиты, а Китбуга — убит в сражении; его сыновья были уведены в плен»¹³⁹⁴. Более подробное описание смерти Китбуги приводит Рашид-ад-Дин, по словам которого, плененный и приведенный к султану Кудузу кераит «промолвил: «Я пока существовал, был слугою государя, а не как вы, предатели и убийцы [своего] господина (...) Порешите меня как можно скорее». Кудуз приказал, чтобы ему отрубили голову. [Затем] они совершили набег по всей Сирии до берегов Евфрата, валили всех, кого находили, разграбили лагерь Китбуга, захватили в плен его жен, детей и родичей и перебили чиновников и воевод областей»¹³⁹⁵. Нельзя не обратить внимание на то, что три великие поражения христиан на Ближнем Востоке — битва на реке Ярмук (637 г.), битва на рогах Хаттина (1187 г.) и битва у Айн-Джалут (1260 г.) — все имели место примерно в одном и том же регионе, близ берегов реки Иордан и вод Галилейского моря, в местах, где некогда ступала нога Спасителя. Оставив многочисленные гарнизоны в Палестине, Трансиордании и южной Сирии, армия мамлюков возвратилась в Египет.

III. Воцарение Бейбарса и начало великих мамлюкских завоеваний

Султану Кудузу не пришлось долго наслаждаться своей великой победой. 24 октября 1260 г., охотясь в Дельте Нила, он был убит своим лучшим военачальником — Бейбарсом, который немедленно был провозглашен

¹³⁹³ Рашид ад-Дин. Указ. соч. — С. 53.

¹³⁹⁴ Bar Hebraeus. Chronography... — P. 513.

¹³⁹⁵ Рашид ад-Дин. Указ. соч. — С. 54. Подробное описание сражения приведено и в «Книге двух садов» Абу-ль-Феды, см. Abu-l-Feda. Op.cit. — P. 143—144. Старофранцузские описания битвы у Айн-Джалут и поражения Китбуги-нойона см. в хрониках Продолжателя (MS Rothelin) и Тирского Тамплиера: L'Estoire Eracles... P. 637; Les gestes Chiprois... c.305, P. 163—164.

новым султаном¹³⁹⁶. В лице Бейбарса христиане Заморской земли встретили своего самого одаренного и безжалостного врага. Все свое правление этот кыпчакский воин, бывший раб, посвятил безжалостному уничтожению христианских государств, городов и монастырей Ближнего Востока. Учиненные им разорения не смог затмить ни один фатимидский, сельджукский, айюбидский или османский правитель XI-XV вв.¹³⁹⁷

Первая мамлюкская осада Антиохии (1262 г.)

Первой же крупномасштабной кампанией султана Бейбарса стал поход на север — к Антиохии. Направленная султаном армия вышла из Египта, форсированными маршами прошла вверх по берегам Иордана и Оронта и встала лагерем у стен великого христианского города. Не прошло еще и полутора лет с момента заключения союза с монголами, как Антиохии суждено было испытать первую мощную осаду со стороны мамлюкских армий. Гавань Св. Симеона, долина Дафни и другие земли и поселения вокруг Антиохии были разорены, после чего мамлюки подступили к стенам княжеского и патриаршего града. Неизвестно, находился ли князь Боэмунд VI в Антиохии во время осады; так или иначе, либо сам князь, либо его коннетабль в Антиохии — Симон де Мансель обратились за помощью к королю Хетуму, чье прибытие и спасло город. Со слов Продолжателя Гильома и Тирского Тамплиера, создается впечатление, что Антиохия выстояла исключительно благодаря своевременному марш-броску армянских, франкских и монгольских войск короля Хетума; о князе Боэмунде VI Красивом не говорится ни слова¹³⁹⁸. Как только вести о приближении армии короля Армении и многочисленной монгольской конницы достигла стана мамлюков, они со всей возможной поспешностью сняли осаду и ушли к Хомсу.

Отгнав мамлюков, король Хетум I совершил триумфальный въезд в Антиохию, приняв почести, оказанные ему как спасителю города.

¹³⁹⁶ История убийства Кудуза и воцарения Бейбарса подробно передана в «Книге двух садов» Абу-ль-Феды, см. Abu-l-Feda. Op.cit. — P. 144—145.

¹³⁹⁷ Полное имя султана Бейбарса I — Рукн ад-Дин Бейбарс Бундуктари. В христианских текстах (старофранцузских, сирийских) он чаще фигурирует как «Бундуктар». К моменту восшествия на престол он уже был зрелым мужем; ему было более 45 лет.

¹³⁹⁸ L'Estoire de Eracles... P. 446; Les gestes des Chiprois... c.63, P. 167.

Согласно хронике Смбата: «В год 712 Армянского летоисчисления (1263 г.), король Армении Хетум отправился в Антиохию, для своего удовольствия и чтобы посмотреть сей город. Он взял с собой досточтимого учителя и архиепископа Аназарва, господина Иакова, вместе со священниками и диаконами и множеством сокровищ, золота и серебра из покоев его отца — Константина, — дабы раздать это бедным и даровать местам паломничества, в помин его души. Когда король въехал в город, жители радостно встретили его и сопровождали его, когда он шел к церкви Свв. Павла и Петра, и в прочие места паломничества (...) Он оставался в Антиохии немалое число дней, после чего вернулся в свою страну, Киликию»¹³⁹⁹. Так или иначе, кампания 1262 г. была лишь первой пробой сил мамлюков на севере; с мусульманскими войсками не было еще ни самого Бейбарса, ни его лучшего полководца и преемника — Калауна.

*Контрнаступления правителей Антиохии и Армении (1264 г.)
и ответные кампании Бейбарса в Галилее (1266 г.). Взятие Сафед и осада Акры*

На заре 1264 г. король Хетум и князь Боэмунд VI Красивый отбыли на северо-восток — в Тебриз, к берегам Тигра, где приняли участие в последнем великом курултае хана Хулагу. Туда с Кавказа прибыл и другой христианский вассал ильхана — царь Давид VII Улу. Но Хулагу не мог оказать полномасштабной поддержки своим христианским вассалам; основные его силы находились на Кавказе, где он был скован войной с принявшим ислам правителем Золотой орды — ханом Берке. Тем не менее, и король Хетум, и князь Боэмунд VI все же надеялись получить посильную поддержку от своего монгольского сюзерена, так как отныне перед двумя христианскими государями в полной мере раскрывалась перспектива затяжной и яростной войны с крепнущим мамлюкским султанатом¹⁴⁰⁰.

¹³⁹⁹ Bedrosian R., ed. The Armenian Chronicle of Sempad... P. 114. При этом автор хроники Смбата Спарапета не связывает прямо пребывание Хетума в Антиохии с первой мамлюкской осадой, однако если сопоставить армянскую хронику с современными ей старофранцузскими текстами (Продолжателем Гильома и Тирским Тамплиером), становится очевидным, что король Армении прибыл в спасенный при его участии город, дабы поклониться его святыням и отдохнуть там со своими войсками.

¹⁴⁰⁰ Vartan le Grand. Extraits de Histoire Universelle // Journal Asiatique. Tome XV. — Paris, 1860. — P. 75.

Осенью 1264 г. султан Бейбарс лично возглавил поход мамлюкских войск в северную Сирию. На этот раз целью мамлюков была не Антиохия, но юго-восточные рубежи королевства Киликийской Армении и замки на северных склонах Аманоса, в частности — крепость Сервантикар. Обогнув хребет Аманос с востока, мамлюки разбили оставленные там войска армянского короля, доверенные барону Вахраму. Прослышав о разгроме своих пограничных отрядов и осаде Сервантикара, король Хетум немедленно призвал на помощь монголов с севера и войска Антиохийского князя, прибывшие с юга. Совместными усилиями, они с боем принудили мамлюков снять осаду Сервантикара и покинуть пределы Киликийской Армении. Примечательно, что часть антиохийских войск переделась в монгольские шапки и халаты, дабы создать у мамлюков впечатление, что их с двух сторон окружают тумены хана Хулагу¹⁴⁰¹. Бои на севере в 1264 г. были прерваны из-за наступления крайне суровой (для Сирии) зимы и сильных снегопадов. В ноябре того же года князь Боэмунд VI Красивый начал собственное контрнаступление против мамлюков и их вассалов в долине Оронта. Во главе нескольких тысяч рыцарей, туркополов и сержантов (к которым присоединились многочисленные контингенты тамплиеров и госпитальеров) он выступил к Хомсу. Но его армия была разбита на переправах через Оронт; франкскому рыцарству и сирийскому ополчению не оставалось ничего, кроме как спешно отступать к Тортосе и Триполи, отражая по пути преследование мамлюкской конницы¹⁴⁰².

Одновременно с этими операциями князь Антиохии-Триполи и король Армении предприняли меры для экономической блокады мамлюкского султаната. Ма Латри, а затем и Рансимен, обратили особое внимание на то, что мамлюкский султанат Египта рассчитывал на поставки древесины из киликийских и ливанских лесов; поскольку господство над этими богатыми древесиной регионами принадлежало королю Хетуму I и Боэмунду VI Красивому, они перекрыли поставки, в надежде, что это воспрепятствует постройке кораблей,

¹⁴⁰¹ Cahen C. La Syrie du Nord... P. 712.

¹⁴⁰² Единственным источником, повествующим об этой кампании Боэмунда VI, является «История династий...» Ибн аль-Фурата. См. Ibn al-Furat. The History of the Dynasties of the Kings // Ayyubids, Mamluks and Crusaders. — Cambridge, 1971. — Vol. II, P. 83—84. См. также Folda J. Crusader Art in the Holy Land. From the Third Crusade to the Fall of Acre, 1187—1291... — P. 264.

осадных орудий, арбалетов и прочих жизненно важных предметов для государства мамлюков¹⁴⁰³. Но это не только не сломило Бейбарса, но придавало ему решимости выступить против христиан Сирии и Киликии¹⁴⁰⁴. Тем более что в феврале 1265 г. по Ближнему Востоку разнеслась весть о кончине хана Хулагу. Новым правителем созданного Хулагу великого монгольского ханства в Персии и на Ближнем Востоке — известного как «ильханат» — стал сын почившего хана Абага. Предвидя неминуемое наступление мамлюков, король Хетум отбыл в Тебриз, дабы присягнуть новому ильхану и убедить оказать помощь христианам Армении и Антиохии. Однако Абага-хан был поглощен войной с ханом Берке, тьмы которого пересекли Кавказ и вторглись в Персию. Именно в этот момент Бейбарс нанес удар по иерусалимским землям, княжеству Антиохии-Триполи и королевству Армении.

В июне 1266 г. султан Бейбарс, стянув значительные силы из Египта, Палестины и Трансиордании, обратился против Иерусалимского королевства. Иерусалимские франки дорого заплатили за поддержку мамлюков в 1260 г. Бейбарс осадил Сафед — великую твердыню тамплиеров, благодаря которой франки удерживали контроль над частью галилейских территорий. Благодаря посредничеству сержанта-сирианина — Льва, гарнизон сдался, получив гарантии неприкосновенности от султана; однако Бейбарс вскоре показал, во что он ставит клятвы, данные христианам. Как только братья-рыцари и сержанты вышли из замка, все они были немедленно пленены и обезглавлены. Единственным уцелевшим после этой резни стал сирианин Лев, обратившийся в ислам. После этой расправы Бейбарс обратился к другому оплоту франков в Галилее — замку Торон, который был взят с боем. Захватив Сафед и Торон, Бейбарс инициировал череду карательных набегов на христианские поселения и монастыри Галилеи и южной Сирии. Разоряя все на своем пути и запрещая хоронить мертвых христиан, Бейбарс дошел до стен Акры. Штурмовать саму столицу Иерусалимского королевства султан не решился; Акра была хорошо укреплена, располагала многочисленным населением

¹⁴⁰³ Согласно германскому пилигриму Людо尔夫у Сухемскому, в горах Аманоса «растут деревья, из которых производят арбалеты. Это дерево вывозят в разные дальние земли и страны». См. Ludolph von Suchem. Op.cit. — P. 135.

¹⁴⁰⁴ Подробнее, см. Mas Latrie M.L. Histoire de l'île de Chypre... P. 412; Runciman S. A History of the Crusades... Vol. III, Book III, c.4, P. 322.

и гарнизоном. К тому же в город прибыли подкрепления с Кипра, во главе с Гуго Антиохийским — будущим королем Кипра, внуком князя Бозмунда IV Одноглазого¹⁴⁰⁵.

Первое мамлюкское вторжение в Киликийскую Армению (1266 г.).

Битва при Мари. Разорение Сиса, Мамистры, Аданы и Айаса.

Вторая мамлюкская осада Антиохии

В то время как Бейбарс разорял Галилею и стоял в предместьях Акры, еще одна хорошо подготовленная мамлюкская армия, доверенная командованию Аль-Мансура Али и Калауна, выдвинулась из долины Оронта и атаковала христианские земли, лежавшие к северу от Бейрута и Библа. Первый удар пришелся по территории графства Триполи; Калаун захватил и разграбил Арку, лишив князя Бозмунда VI важнейшего оплота в сердце Ливана. После этого он повел свою армию на север — к Алеппо и горам Аманоса. Из-за отсутствия Хетума I войска христиан Киликийской Армении возглавили королевские сыновья — Левон II и Торос, а также старший брат короля, коннетабль Смбат (Смбат Спарпет). Христиане Киликийской Армении были поддержаны тамплиерами, которые держали оборону на южных склонах Аманоса и непосредственно у Баграса. Казалось бы, армия Хетумидов не оставит противнику возможности прорваться за пределы горных хребтов Аманоса. Но, вопреки ожиданиям, мамлюки пересекли Аманос не у Сирийских врат, где стояли христиане, а северо-восточнее — у Сервантикара. Армяне, ромеи и франки Киликийского королевства, совместно с тамплиерами, должны были спешно покидать занимаемые позиции и идти навстречу противнику, оказавшемуся в их глубоком тылу.

24 августа 1266 г. армии киликийских христиан и мамлюков сошлись в битве у Мари. Согласно «Хронографии» Бар Эбрея, «войска египтян ворвались в Киликию, когда король отсутствовал. Тогда коннетабль — его брат, и два королевских сына, и его князья поспешили и вышли навстречу египтянам, и встретили их близ скалы Серван (Сервантикар. — С. Б.). И армяне были разбиты, и Левон — правитель

¹⁴⁰⁵ Les gestes des Chiprois... с.347, Р. 179—180. Более краткое описание кампании Бейбарса в Галилее приведено у Продолжателя Гильома и у Абу-ль-Феды, см. L'Estoire Eracles... Р. 454—455; Abu-l-Feda. Op.cit. — Р. 151.

той области, старший из сыновей короля, был взят в плен в третий день той недели, в двадцать четвертый день месяца Ава (Августа) того года. А барон Торос, младший сын короля, был убит, а другие его князья бежали»¹⁴⁰⁶. Как сказано в армянской хронике Смбата: «Побуждаемые дьяволом, войска христиан обратились в бегство без боя. Сыновья Левона, парона армян, и его брат — Торос, отвратились от бегущих войск и вступили в сражение с неверными. Торос пал в том сражении, а Левон, парон армян, был взят в плен, вместе с Василием, прозванным Татаром, сыном спарапета армян — Смбата»¹⁴⁰⁷.

С поражением христианского войска, пленением и гибелью королевских сыновей, мамлюкская армия Калауна начала систематическое разорение городов и провинций Киликийской Армении. Калаун повел доверенную ему армию на северо-запад — к королевской столице, Сису. Как повествует Бар Эбрей, «Тогда египтяне разбрелись по всей стране Киликийской и учинили там великое разорение, убивая и увозя людей в плен. Они сожгли Сис и снесли его великую церковь — нет, более того — они снесли все церкви. Только две церкви избежали этой участи — церковь Пресвятой Богородицы и церковь Мар Бар Саумы, ибо при их строительстве не использовали дерева»¹⁴⁰⁸. Согласно хронике Смбата: «Мусульмане разграбили город, и подожгли все обитаемые земли вокруг, предав все огню. Обращенных в рабство и убитых было не сосчитать». В пещерных укрытиях, неподалеку от Сиса, мамлюки настигли несколько тысяч беженцев, которых предали мечу: «20,000 было убито только в этот день»¹⁴⁰⁹. После разграбления столицы мамлюки перешли к столь же жестокому разорению других городов восточной Киликии. Опять же, следуя словам сирийского хрониста: «они разорили Мопсуестию, и Айас, и Адану, и увели в плен бесконечное число сыновей и дочерей»¹⁴¹⁰. При этом Бар Эбрей отмечает, что «к Тарсу они не подошли. Они сожгли монастырь Паксемат, но не тронули обитель Гвихат, поскольку там находился монах, говоривший по-арабски, и он умолял их о пощаде, и они не тронули ни его, ни монастыря (...) Они оставались

¹⁴⁰⁶ Bar Hebraeus. Chronography... — P. 523—524.

¹⁴⁰⁷ Bedrosian R., ed. The Armenian Chronicle of Sempad... P. 117.

¹⁴⁰⁸ Bar Hebraeus. Chronography... — P. 524.

¹⁴⁰⁹ Bedrosian R., ed. The Armenian Chronicle of Sempad... P. 118.

¹⁴¹⁰ Bar Hebraeus. Chronography... — P. 524.

в той стране, разоряя и сжигая все на протяжении двадцати дней, после чего выступили оттуда»¹⁴¹¹. После почти месяца грабежей и массовых истреблений армия Калауна ушла через Аманос — к Антиохии¹⁴¹². Король Хетум I вернулся в разоренную страну; его сопровождало войско монголов и подвластных им румских тюрок. Однако к этому времени мамлюки были уже слишком далеко. К тому же, Хетум опасался мстить мамлюкам, покуда в их руках находился его сын и наследник — Левон II. Прибытие войска оказалось скорее бедствием для Киликии, т. к. турки стали грабить то, что еще оставалось после мамлюков¹⁴¹³.

Нанеся столь ощутимый удар по Киликийской Армении, Бейбарс вновь обратился против Антиохийского княжества, благо король Хетум I не мог вступить за своих франкских союзников (как он делал в 1262 г.), т. к. боялся за жизнь своего старшего сына. В том же 1266 г. султан направил еще одну армию к стенам Антиохии. Вероятно, эта армия состояла, по большей части, из истомленных и перегруженных добычей контингентов, ранее атаковавших Киликию. При этом армию к этому времени покинул ее победоносный полководец — Калаун. Оставшиеся во главе войска вожди не проявили должной инициативы, довольствуясь лишь разорением земель вокруг Антиохии и достаточно вялым обозначением осады. Князь Боэмунд VI, его наместники и коммуна Антиохии смогли быстро подкупить мамлюкских вождей; причем выкуп был, очевидно, столь значительным, что мамлюки отступили от стен города, бросив нонкомбатантов — обоз, слуг, раненых, отставших воинов — которые были немедленно истреблены войсками Антиохийского князя. Узнав о произошедшем, Бейбарс велел казнить полководцев, виновных в срыве осады¹⁴¹⁴.

Мамлюкские кампании 1266 г. в Киликии, северной Сирии и Галилее явственно проявили всю мощь и неистовство Бейбарса. В следующем году султан вновь атаковал земли Иерусалимского королевства

¹⁴¹¹ Bar Hebraeus. Chronography... — P. 524.

¹⁴¹² Краткие упоминания и описания вторжения мамлюков в Киликию также приведены в хрониках Тирского Тамплиера, Продолжателя Гильома и Абу-ль-Феды. См. *Les gestes des Chiprois...* с.348, P. 181; *L'Estoire Eracles...* P. 455; *Abu-l-Feda. Op.cit.* — P. 151.

¹⁴¹³ На это, в частности, указывает Бар Эбрей, см. *Bar Hebraeus. Chronography...* — P. 524.

¹⁴¹⁴ Первым историком, описавшим вторую мамлюкскую осаду Антиохии (1266 г.), стал Каэн, нашедший рукопись арабского историка Ибн Абдаррахима. См. *Caen C. La Syrie du Nord...* P. 716.

и осадил Акру; сотни христиан, оставшиеся за пределами городских стен и павшие в бою, были обезглавлены, причем головы мамлюки забрали с собой в качестве трофеев. Когда же франки Акры вступили в переговоры с султаном и просили его о перемирии, он принял их в недавно отвоеванном замке Сафед; там франкские послы и увидели тысячи голов, отрубленных во время предшествующей кампании. Вперемежку с гниющими головами сраженных в 1267 г. белели и черепы убитых годом ранее рыцарей и сержантов Тампля, защищавших Сафед и доверившихся слову Бейбарса. Предоставив Иерусалимскому королевству краткое перемирие, султан четко указал на перспективу своих взаимоотношений с христианами Заморской земли¹⁴¹⁵.

Новый поход Бейбарса (1268 г.). Взятие Яффы и замка Бофор. Первая мамлюкская осада Триполи и разорение Монт Пелерен

Ранней весной 1268 г. султан Бейбарс выступил из Египта во главе своей армии и с новой силой обрушился на франкские владения. В марте-апреле он захватил Яффу и замок Бофор. Яффа пала после 12-часового штурма. Ее сеньор — Ги Ибелин опрометчиво считал, что султан будет чтить условия договора, заключенные с его отцом — графом Жаном. Вместо этого, он стал свидетелем того, как его город в течение нескольких часов был практически полностью стерт с лица земли. Уцелевшим воинам гарнизона было позволено уйти в Акру, однако мамлюки безжалостно вырезали все христианское население города¹⁴¹⁶. Однако основной целью Бейбарса в 1268 г. было не Иерусалимское королевство, но княжество Антиохии-Триполи. 1 мая 1268 г. армия Бейбарса встала лагерем у стен Триполи. Князь Боэмунд VI Красивый удерживал оборону самого города, однако не мог и помыслить о том, чтобы сделать вылазку и дать бой мамлюкской армии, многократно превосходящей его силы. С высоты крепостных стен, князь и его воины должны были бессильно наблюдать за тем, как мамлюки систематически разоряют сады, сельские поселения, а также усеянную церквями гору Монт Пелерен,

¹⁴¹⁵ Les gestes des Chiprois... c.350, P. 182—183.

¹⁴¹⁶ Подробнее см. Les gestes des Chiprois... c.364—365, P. 190; L'Estoire Eracles... P. 456; Abu-l-Feda. Op.cit. — P. 152.

бывшую некогда цитаделью графа Раймонда Сен-Жилльского на подступах в Триполи. Согласно Аль-Айни, воины Бейбарса «порубили деревья, разорили церкви, располагавшиеся вокруг города, разорили местность и взяли пленных»¹⁴¹⁷.

Простояв там несколько дней и убедившись в слабости сирийских франков, армия Бейбарса резко снялась с лагеря и форсированными маршами двинулась на север, продвигаясь вдоль побережья.

Тамплиеры, державшие под своей властью Тортосу и Сафиту, убедили султана не трогать их фьефы и обязались, в свою очередь, не препятствовать его войску¹⁴¹⁸. Меж тем, становилось очевидным, что Бейбарс вел свою армию прямо к Антиохии.

Третья мамлюкская осада Антиохии (1268 г.).

Падение и полное уничтожение города

13 мая 1268 г. армия мамлюкского султана вышла к Антиохии. Вряд ли кто-либо, в том числе остававшийся в Триполи князь Боэмунд VI, мог ожидать подобной скорости от Бейбарса; 1—3 мая султан еще разорял Монт Пелерен, а спустя всего десять дней уже окружал Антиохию. Город оказался крайне уязвимым. Там не было ни самого князя, ни патриархов, ни достаточного количества войск, необходимого для эффективной обороны всей протяженности городских стен. Сами укрепления находились в плачевном состоянии, т. к. не перестраивались и не укреплялись со времен правления Боэмунда IV Одноглазого¹⁴¹⁹. Латинские авторы и пилигримы, посещавшие Антиохию в середине XIII в., обращали внимание на удручающее состояние ее великих стен

¹⁴¹⁷ Al-Aini. *Perles d'Histoire* // RHC Orient II. — Paris, 1887. — P. 227. Разорение окрестностей Триполи подробно описано самим Бейбарсом, в его послании, которое будет приведено ниже, С. 100—105.

¹⁴¹⁸ О том, что «франкский князь Тартуса и Сафиты» (т. е. прецептор ордена Храма, отвечавший за владения тамплиеров на севере графства Триполи) искал примирения с Бейбарсом, обещая неприкосновенность и провиант его войскам, прямо пишет Аль-Айни. См. Al-Aini. *Op.cit.* — P. 227.

¹⁴¹⁹ Последние свидетельства перестройки укреплений Антиохии относятся к раннему XIII в., то есть ко времени правления князя Боэмунда IV и войне за Антиохийское наследство. Подробнее о стенах Антиохии, см. выше: Часть III, гл. 3, С. 100—105.

и башен¹⁴²⁰. За восемь лет до падения города магистр ордена тамплиеров Фома Берард писал о том, что «град Антиохию невозможно удержать из-за непригодного состояния его укреплений»¹⁴²¹. Во время мамлюкских осад 1262 и 1266 гг. Антиохия выстояла, в первом случае, благодаря прямой военной помощи короля Хетума I и прибытию монгольских войск, а во втором — из-за нерешительности и коррумпированности мусульманских военачальников. На этот раз рассчитывать на подобные благоприятные для защитников города, факторы не приходилось.

Коннетабль Антиохии Симон де Мансель — вероятно, отталкиваясь от опыта предшествующей, провальной осады 1266 г. — решил атаковать передовые отряды мамлюков, дабы ослабить противника и отбить у него желание осаждать город. Собрав всех имеющихся всадников — рыцарей и конных сержантов — коннетабль велел совершить дерзкую вылазку, лично возглавив безудержно-храбрую атаку на авангард армии Бейбарса. Эта была последняя в истории атака антиохийского рыцарства — безудержно-храбрая, но безумная; она завершилась пленением или гибелью практически всех последователей Симона. Сам Симон де Мансель был взят в плен и приведен к султану; примечательно, что наградой за пленение за княжеского наместника и коннетабля Антиохии стало десять мерин, дарованных пленившему Симона воину¹⁴²². Под прямым давлением Бейбарса плененный коннетабль Антиохии вступил в переговоры с защитниками города, призывая их сдаться на милость султана.

Оборону города продолжали возглавлять бальи Жан де Анжевиль и архидиакон Антиохии — Варфоломей. К этому времени в городе не было ни латинского, ни православного Патриарха: Опицо дель Фиеччи уже более трех лет находился в Италии, а Евфимий I был изгнан из Антиохии и пребывал то в Константинополе, то в Киликийской Армении. Командование уцелевшими антиохийскими войсками, вероятно, принял на себя маршал — Варфоломей Тирель (т. к. никаких

¹⁴²⁰ Достаточно вспомнить слова Гильома де Рубрука, писавшего о «плачевном состоянии» укреплений Антиохии. См. Вильгельм де Рубрук. Указ. соч. — гл. 52, С. 176.

¹⁴²¹ Bird J., Peters E., Powell J.M., ed. *Crusade and Christendom. Annotated Documents in Translation from Innocent III to the Fall of Acre, 1187—1291.* — P. 333.

¹⁴²² Этот последний бой рыцарей Симона де Манселя подробно описан Аль-Айни. См. Al-Aini. *Op.cit.* — P. 228—229.

известий о его пленении вместе с коннетаблем нет). Так, во главе города оставались балли, маршал, архидиакон, коммуна; ожидая помощи от своего князя и короля Армении, они не собирались сдаваться. Переговоры с посланцами султана и Симоном де Манселем продолжались несколько дней, но вскоре стало очевидным, что они не приведут к сдаче города. Антиохийцы не верили обещаниям мамлюкского владыки. То, как Бейбарс держит слово, а также его «милость» к доверившимся и безоружным были хорошо известны как латинянам, так и восточно-христианскому населению; казнь защитников Сафеда, бойня в Яффе, истребления в христианских поселениях близ Акры и в центральной Сирии, разорение Галилеи и Киликийской Армении не оставляло жителям Антиохии оснований верить Бейбарсу.

Раздраженный ходом переговоров, султан направил свои войска на штурм города. Кровопролитные бои продолжались весь день, но защищавшие Антиохию воины и взявшиеся за оружие горожане смогли, ценой больших потерь, отбить нападение мамлюков. Сражения были прерваны еще одним днем столь же безрезультатных переговоров (17 мая). На следующий день, 18 мая 1268 г., Бейбарс обрушил мощь всей своей армии на Антиохию; параллельно с обстрелом города из осадных орудий, тысячи мамлюкских воинов, несущие сотни приставных лестниц, хлынули к стенам. Закрепившись на юго-западном участке стен, поднимавшихся к горе Сильп, мамлюки стремительно продвигались вперед, сбивая христианские отряды с бастионов и башен¹⁴²³. Создается впечатление, что защитники Антиохии, невзирая на свою стойкость, были буквально сметены многократно превосходящими силами султана. В городе началась паника; кто мог, бежал вверх по склонам горы Сильп, к цитадели. Как только войска мамлюков закрепились на стенах города, Бейбарс немедленно велел перекрыть ворота, дабы никто из жителей не смог покинуть Антиохию.

Со входом армии султана в город началось систематическое истребление населения. Бейбарс устроил в Антиохии настоящую оргию разрушения, затмившую взятие крестоносцами Иерусалима (1099) и вполне сопоставимую с монгольским разорением Багдада (1258). По словам Продолжателя Гильома, мамлюки убили «около

¹⁴²³ Примечательно, что мамлюки ворвались в Антиохию примерно с той же стороны, что и крестоносцы Боэмунда Тарентского, взявшие город за 170 лет до этого. О взятии Антиохии крестоносцами см. выше: Часть II, гл. 1, С. 100—105.

17,000 человек, если не больше. Они также пленили более 100,000 мужчин, женщин, детей и младенцев»¹⁴²⁴. Сходное описание оставляет и Тирский Тамплиер¹⁴²⁵. Согласно хронике Матфея Парижского: «В тот год султан Вавилонский разорил Армению и взял Антиохию — один из знаменитейших городов мира — у христиан, вырезав мужчин и женщин и превратив то место в пустыню»¹⁴²⁶. Нельзя не обратить внимания на то, что в то время как осада Антиохии крестоносцами стала сюжетом для целого цикла исторических и художественных произведений в латинской и старофранцузской литературе, о падении и уничтожении города западные авторы, напротив, писали крайне сдержанно, не позволяя себе вдаваться в детали и акцентировать внимание читателя на этом катастрофическом для христианского мира событии. В этом, бесспорно, сказывается определенная усталость латинских христиан от войн на Востоке, потеря надежд на восстановление креста над потерянными землями Леванта.

Восточные авторы — как мусульмане, так и христиане — напротив, оставили несравненно более детальные описания, позволяющие в полной мере осознать свершившиеся в мае 1268 г. бедствие. Согласно хронике Смбата Спарапета: «Никто не может передать количество убитых и плененных там, ни описать соковищ, взятых там и перевезенных в Египет»¹⁴²⁷. По словам Бар Эбрея, «Бундуктар, повелитель Египта, отправил армии против Антиохии Великой в Сирии, и взял ее мечом, ибо в городе не было достаточных сил для его защиты; более того, не было там и тех, кто понял бы, что следовало сдаться миром. Тогда египтяне вошли в город и перебили там всех мужчин, и уничтожили прославленные церкви, и пленили всех женщин, сыновей и дочерей, и оставили город горой руин и пустынным местом, коим он остается и поныне»¹⁴²⁸. Сын Патриарха Макария III Антиохийского — архидиакон Павел Алеппский, писавший уже в XVII в., но отталкивающийся от средневековых источников, приводит следующее описание вышеуказанных событий: «Египетский султан (...) подступил с войсками своими к Антиохии

¹⁴²⁴ L'Estoire Eracles... P. 457.

¹⁴²⁵ Les gestes des Chiprois... с.365, P. 190—191.

¹⁴²⁶ Matthew Paris's English History. — London, 1854. — Vol. III, P. 371.

¹⁴²⁷ Bedrosian R., ed. The Armenian Chronicle of Sempad... P. 119.

¹⁴²⁸ Bar Hebraeus. Chronography... — P. 526.

в первый день рамазана, а в седьмой овладел ею. Когда он подошел к сему городу, тогда и сам он, и военачальники его и войска призадумались и говорили, что город неприступен и что надобно трудиться целый год, чтобы взять его. Однако взяли его, приставив ночью лестницы к стенам, умертвили 40,000 людей, разорили все церкви и разграбили все дома, а жителей, как рабов, отвели в Египет. Бедствия от этого переворота были так велики, что христиане уже не могли содержать своего патриарха. Посему кафедра его была перенесена в Дамаск»¹⁴²⁹.

Наиболее точным, исторически значимым, подробным (и потому — страшным) источником о падении Антиохии является послание, составленное самим инициатором уничтожения города — султаном Бейбарсом и обращенное к князю Боэмунду VI Красивому: «Высокий и благородный граф, гордый лев, слава христианства, глава крестоносцев, которому теперь суждено довольствоваться простым титулом графа — да направит его Бог на верный путь, наставляя его следовать добру и вверяя ему сокровище доброго совета, вероятно уже знает о том, как двинулись мы против Триполи и как разорили сердце его государства. (...) Мы отошли, и отсрочили Твое окончательное поражение, но только на время. Твои дни сочтены. Ты видел, в каком состоянии мы оставили Твою страну; там не осталось и одной головы скота, ни одной девицы, которая не побывала бы в нашей власти, ни одной колонны, не разрушенной нашими топорами, ни одного злакового поля, которое мы бы не разорили (...)». Далее, Бейбарс переходит к самой осаде и взятию Антиохии: «... очень скоро (после поражения войск коннетабля Симона де Манселя и первых дней осады. — С. Б.) маршал впал в отчаяние¹⁴³⁰, ужас овладел монахами, от горя упал без чувств шателен и смерть обрушилась на них со всех сторон. Мы взяли город штурмом в четвертом часу в воскресенье, четвертого числа высокочтимого рамадана (18 мая 1268 г.), и поразили тех, кого Ты поставил для защиты города (...). Видел бы Ты своих рыцарей, простертых под копытами наших лошадей; Твои дома, в которые врывались мародеры и которые опустошали грабители; Твои сокровища, измеряемые двойной мерой; Твоих знатных женщин, продаваемых по четыре раза подряд и покупавшихся за один динар,

¹⁴²⁹ Порфирий (Успенский). Сирия. Список антиохийских патриархов ... С. 76.

¹⁴³⁰ Слова Бейбарса о том, что «маршал впал в отчаяние», подтверждают то, что после пленения коннетабля Симона де Манселя, во главе христианских войск Антиохии оставался маршал Варфоломей Тирель.

причем за динар, взятый из Твоей же казны! Видел бы Ты твои церкви; с них был сброшены кресты, страницы были выдраны из неверного Евангелия, разрыты были могилы патриархов. Видел бы Ты твоего врага — мусульманина, топчущего ногами священные для тебя места богослужения. Монахов, священников и диаконов убивали на алтарях. Патриархов поражали и принцев уводили в рабство. Видел бы Ты, как огонь пожирал Твои дворцы, как горели Ваши мертвецы, в предвкушении огня будущего века. Теперь уже не узнать твоих дворцов; разрушены церкви Св. Павла и Св. Петра (...). Теперь здесь не найдется никого, кто бы посмел назвать себя бунтарем, кроме реки (Оронта. — С. Б.), но и она не осмелилась бы носить это имя, изливая слезы покаяния, которые из прозрачных ныне стали кроваво-красными от крови, которую мы пролили»¹⁴³¹. Клод Каэн справедливо называет это послание «литературным памятником садизму и спеси»¹⁴³².

С пятисотметровой вершины Сильпа укрывшиеся в цитадели взирали на уничтожение родного города. Мамлюки разграбили и уничтожили княжеский дворец — с его капеллами, «Палатой мудрости» и планетарием; античные статуи; колонны, дома и лавки улицы *Cardo maximus*; дворцы знати, дома простолюдинов, лавки, мастерские, бани, городские сады; собор Св. Апостола Петра, великую Юстинианову церковь Пресвятой Богородицы, монастыри Св. Павла, Св. Георгия, Св. Арсения, Св. Дометиана, армянский монастырь Спасителя, церкви Св. Луки, Св. Варвары, Свв. Космы и Дамиана и множество других церквей со всеми их сокровищами, убранством, фресками и мозаиками, святынями, библиотеками, скрипториями. Как отмечает английский ученый XIX в. о. Джордж Уильямс: «Ни один хоть сколько бы значимый древний город не исчезал так, как исчезла Антиохия (...) Ни одного признака древнего великолепия нельзя заметить на ее нищих улицах. Даже фрагмента колонны, капители или фриза нельзя увидеть встроенным в какую-нибудь современную хижину, как в других древних городах; даже средневековый замок, венчающий гору, сохранил лишь едва

¹⁴³¹ Текст послания см. Gabrieli F. *Arab Historians of the Crusades*. — Routledge, 2010. — P. 183—187; Ibn al-Furat. *Op.cit.* — Vol. II, P. 122—125; Al-Aini. *Op.cit.* — P. 229—230; Folda J. *Crusader Art in the Holy Land. From the Third Crusade to the Fall of Acre, 1187—1291...* — P. 267. Интернет пещурц: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kreuzzug/XIII/1260—1280/Beibars/framebrief1.htm>

¹⁴³² Cahen C. *La Syrie du Nord...* P. 716.

заметные признаки постройки крестоносцев и сарацин»¹⁴³³. По словам Каэна, «последовавшие за сдачей города грабежи, убийства, разрушения и сожжение зданий не поддавались описанию. Антиохия, еще вчера бывшая многолюдным и прекрасным городом, была превращена в убогую деревню, которой остается и по сей день, и в которой путешественник обречен тщетно разыскивать следы древнего великолепия»¹⁴³⁴.

Жители Антиохии — франки и итальянцы, греки и мелькиты, сирояковиты, грузины, евреи — были истреблены или проданы в рабство. Из всего многотысячного населения спаслись немногие. Так, армянская община была, в своей массе, помилована Бейбарсом и отпущена в Киликию, поскольку султан рассчитывал (по крайней мере, на время) достичь примирения с королем Хетумом I. Как сказано в хронике Смбата Спарапета: «лишь несколько армян было убито, ибо султан отпустил пребывавших там в страну Киликийскую. Сходным образом был освобожден и спарапет Антиохии (коннетабль Симон де Мансель. — С. Б.) со своими людьми, дабы и он смог уйти в Киликию. Некоторые говорят, что это было сделано потому, что по его слову город был предан в руки султана. Лишь одному Богу известна истина в этой истории»¹⁴³⁵. Среди спасшихся был Жан де Анжевиль — балы Антиохии, сумевший бежать из горящего города, пробраться к морю и отплыть в Триполи. Коннетабль Антиохии — Симон де Мансель — со своими людьми, как уже было сказано, получил возможность уйти в Киликию. Другим освобожденным франком был архидиакон Варфоломей — последний глава латинской Церкви в Антиохии. 20 мая 1268 г. защитники цитадели и укрывшиеся там беженцы сдались на милость султана; в своей массе, их ожидала нелегкая участь пленников и рабов мамлюкских военачальников и ветеранов армии Бейбарса.

Столь же нещадное истребление постигло и земли, окружавшие Антиохию. Гавань Св. Симеона, великая Лавра на Дивной горе, церкви, монастыри и поселения между морем и Оронтом, близ Антиохии, в долине Дафни были разорены во время последних трех мамлюкских осад (1262, 1266, 1268 гг.). С падением Антиохии тамплиеры без боя сдали мамлюкскому султану свои замки и фьефы в горах Аманоса. Баграс, Ля Рош Руссель и Порт Боннель перешли к мамлюкам; взамен братья-рыцари и сержанты

¹⁴³³ Neale J.M. A History of the Holy Eastern Church. The Patriarchate of Antioch. — P. lviii-lviii

¹⁴³⁴ Cahen C. La Syrie du Nord... P. 716.

¹⁴³⁵ Bedrosian R., ed. The Armenian Chronicle of Sempad... P. 119.

ордена Храма, с теми восточными христианами, кто готов был их сопровождать, получили возможность уйти за перевалы, в пределы Киликийской Армении¹⁴³⁶. Патриарший замок Кусаир смог временно остаться в руках христиан, но лишь потому, что его шателен присягнул на верность султану и вымолил у него пощаду для замка¹⁴³⁷.

Апатия князя Боэмунда VI и смерть короля Хетума I

Боэмунд VI Красивый был сломлен вестью об уничтожении Антиохии. Согласно арабскому историку Ибн аль-Фурату, князь узнал о свершившемся из вышеупомянутого послания Бейбарса, гонцы которого первыми достигли Триполи. По словам аль-Фурата, князь Антиохийский «впал в буйную ярость, ибо ни от кого еще не слышал о судьбе города»¹⁴³⁸. Боэмунд VI Красивый — человек, посвященный в рыцари Людовиком IX Святым, полководец, отбивший у мусульман Латакию и Джабалу, единственный из государей крестоносцев, которому суждено было с триумфом въехать в Дамаск, — оказался на положении «оставленного Богом» правителя, с именем которого отныне была связана одна из величайших катастроф в истории христианского мира. После потери Антиохии князь уже не мог ничего противопоставить султану Бейбарсу. Летом 1268 г. Боэмунд VI и его двоюродный брат — Гуго III Кипрский — покорно вымолили у султана годичное перемирие¹⁴³⁹. Король Хетум I также был не в состоянии продолжать борьбу. Когда в 1268 г. из египетского плена возвратился его сын — Левон II, старый король отрекся от престола и принял постриг с именем «Макарий» в монастыре Акнер¹⁴⁴⁰.

¹⁴³⁶ Les gestes des Chiprois... с.365, P. 191.

¹⁴³⁷ Cahen C. La Syrie du Nord... P. 717.

¹⁴³⁸ Ibn al-Furat. Op.cit. — Vol. II, P. 125. См. также Folda J. Crusader Art in the Holy Land. From the Third Crusade to the Fall of Acre, 1187—1291... — P. 267.

¹⁴³⁹ Runciman S. A History of the Crusades... — Vol. III, Book, с., P. 327.

¹⁴⁴⁰ Левон II Хетумид был освобожден в обмен на знатного мамлюкского пленника — Занкора аль-Элькара, близкого друга и соратника султана Бейбарса. Занкор находился в монгольском плену и был освобожден ильханом Абагой по просьбе короля Хетума. Подробнее см. Les gestes des Chiprois... с.366, P. 191; Bedrosian R., ed. The Armenian Chronicle of Sempad... P. 119; Bedrosian R., ed. The Chronicle attributed to King Hethum II. — P. 9.

Как повествует Бар Эбрей, Бейбарс «отправил Левона, сына короля Хетума, к его отцу; он прибыл в Киликию в месяц Таммуз (июль) того же года, что было утешением его отцу и всем христианам. И король Хетум отправился, дабы принести клятвы верности Царю царей в Багдаде, и он благодарил его за возвращение своего сына, и он получил ярлык (*пукдана*), повелевающий, чтобы его сын принял власть над королевством. Сам же он удалился, чтобы жить в тишине, ибо он был уже стар и слаб»¹⁴⁴¹. В следующем, 1269 г., Левон II Хетумид отправился ко двору ильхана, где принес оммаж Абаге и получил от него подтверждение своих прав на престол. Это было крайне своевременным шагом, т. к. мамлюки отнюдь не собирались отказываться от дальнейших походов против королевства Армении; к тому же, в 1269 г. Киликия пострадала от разрушительного землетрясения, в котором погибло до 8,000 человек¹⁴⁴².

В 1271 г. принявший постриг король Хетум I скончался в монастыре Акнер. Согласно сирийской «Хронографии»: «осенью верующий король Хетум умер из-за абсцесса, поразившего его грудь»¹⁴⁴³. Тело короля Хетума было перенесено из Акнера в Сис и со всеми подобающими почестями захоронено в монастыре Драцарк¹⁴⁴⁴. Левон II Хетумид был коронован в кафедральном соборе Петра и Софии в Тарсе. Коронация нового монарха Киликийской Армении, по обычаю, состоялась в день Богоявления. «6 января Левон, сын короля Хетума, был помазан, став королем Армении, в столице — Тарсе, в соборе Св. Софии. Все христианские народы собрались там, дабы видеть это радостное событие»¹⁴⁴⁵. Как повествует Бар Эбрей, «в тот же год старшие священники и князья собрались в городе Тарсе и возложили венец на главу его сына — Левона. И они провозгласили его королем в день Праздника Богоявления»¹⁴⁴⁶.

¹⁴⁴¹ Bar Hebraeus. Chronography... — P. 526—527.

¹⁴⁴² О землетрясении подробно пишет Бар Эбрей, см. Bar Hebraeus. Chronography... P. 527.

¹⁴⁴³ Bar Hebraeus. Chronography... P. 527.

¹⁴⁴⁴ Bedrosian R., ed. The Armenian Chronicle of Sempad... P. 120.

¹⁴⁴⁵ Bedrosian R., ed. The Armenian Chronicle of Sempad... P. 120.

¹⁴⁴⁶ Bar Hebraeus. Chronography... P. 527.

Мамлюкское завоевание Сафиты, Крака де Шевалье и Аккара (1271 г.)

На заре 1271 г. Бейбарс вновь обрушился на княжество Боэмунда VI. Первый удар султан нанес по приморским владениям франков, на стыке собственно антиохийских и триполийских территорий. Причем для своего наступления Бейбарс избрал участок побережья, лежавший между двумя великими твердынями военно-монашеских орденов, то есть между Тортосой и Маркабом. Армия мамлюкского султана атаковала Сафиту — мелькитское поселение, бывшее одним из триполийских фьефов ордена тамплиеров. Великий «Белый замок» Сафиты — Шастель Бланк — выдержал первый приступ мамлюков; но, понимая, что у них нет сил держаться, тамплиеры направили вестников к магистру, прося его разрешения на сдачу. Учитывая, что магистр Храма Фома Берард находился рядом, в Тортосе, разрешение не заставило себя ждать; защитники Шастель Бланка сложили оружие, получив гарантии безопасности от султана. На этот раз Бейбарс предпочел держать свое слово: вероломная бойня, имевшая место пятью годами ранее в Сафите, не повторилась. Рыцари и сержанты ордена смогли уйти в Тортосу. Быстрая сдача Шастель Бланка сделала возможным сохранение как замка, так и самого христианского поселения, перешедшего под власть мамлюков. Спустя двадцать лет Сафита перешла на положение мелкой провинциальной крепости, до которой мамлюкским завоевателям уже не было особого дела. Это позволило Сафите избежать исламизации и остаться мелькитским анклавом¹⁴⁴⁷.

Следующей целью султана стала Мараклея — неприступная приморская твердыня, лежавшая меж Валанией и Тортосой. Однако осада окруженного с трех сторон морем замка оказалась не по силам мамлюкской армии. Франки и сириане Мараклеи сохраняли морское сообщение с другими христианскими городами сиро-ливанского побережья; у султана же не было под рукой боевых кораблей, чтобы остановить господствовавших на море христиан. Лобовые атаки на сухопутный участок стен стоили лишь напрасно пролитой крови¹⁴⁴⁸.

¹⁴⁴⁷ Al-Aini. Op.cit. — P. 238.

¹⁴⁴⁸ Мараклея была хорошо укреплена; в 1260 г. ее предшествующий сеньор — Мейлор II де Равандель — воздвиг дополнительную башню, перекрывшую мамлюкам доступ к ручью на перешейке, который отделял замок от основного участка суши. См. Grousset R. Histoire des croisades et du royaume franc de Jerusalem... Vol. III. — P. 651.

Раздраженный неудачей, Бейбарс велел снять осаду. Примечательно, что именно сеньор Мараклеи — Варфоломей, едва отбив натиск мамлюков, возглавил посольство сирийских франков к ильхану Абаге, прося монголов прийти на помощь княжеству Антиохии-Триполи. Узнав об этом посольстве, султан Бейбарс вступил в переговоры с ассасинами, призывая их, ради дружбы и союза с мамлюкским султаном, убить Варфоломея (что, однако, так и не было исполнено)¹⁴⁴⁹.

После неудачи у стен Мараклеи султан отвел свою армию с побережья и атаковал франкские замки меж хребтами Ливана и Анти-Ливана. 3 марта мамлюкское войско достигло стен Крака де Шевалье — великого замка госпитальеров, у стен которого терпели поражения не знавшие преград мусульманские полководцы. В 1163 г. у Крака потерпел одно из редких и унижительных поражений великий Нур-ад-Дин; взятие Крака оказалось не под силу Салах-ад-Дину, чья армия в кратчайшие сроки захватывала другие христианские замки, считавшиеся неприступными. Тем не менее, Бейбарс был твердо намерен покорить великий ливанский замок. Его инженеры установили требуше, которые, совместно с сотнями лучников и арбалетчиков, начали обстрел Крака. Осада была приостановлена из-за продолжительных дождей, шедших более недели. За это время госпитальеры делали все возможное, чтобы подготовить замок к предстоящему натиску. 15 марта султан бросил свою армию на штурм замка; в тот же день мусульмане заняли внешние укрепления Крака. Госпитальеры укрылись во втором круге укреплений, продолжая держать оборону и отбивая все последующие приступы мамлюков еще на протяжении двух недель. Однако 27 марта, когда силы христиан были на исходе, воины Бейбарса прорвались за второй уровень стен. После кровопролитных боев во внутреннем дворе уцелевшие братья-рыцари сержанты, во главе с шателеном, укрылись в южной башне. Там они держались еще на протяжении десяти дней. Возможно, госпитальеры Крака еще надеялись, что князь Бозмунд VI Красивый и магистр ордена Св. Иоанна — Гуго де Ревель придут к ним на помощь со своими войсками. Однако вскоре в замок было доставлено послание; магистр Госпиталя Св. Иоанна позволял братьям своего ордена сдать

¹⁴⁴⁹ История Варфоломея — сеньора Мараклеи, его посольства к монголам и попыткам Бейбарса организовать его убийство ассасинами — впервые была сведена воедино Рерихтом. См. Röhrich R. *Études sur les derniers temps du royaume de Jérusalem*. — P. 403.

замок и с миром уйти. Как впоследствии выяснилось, письмо оказалось подложным; оно было составлено одним из писцов Бейбарса. Так или иначе, султан вновь, как и у стен Сафиты, проявил неожиданное милосердие; довольствуясь хитроумным подлогом и сдачей великого замка, он не стал уничтожать или калечить уцелевших воинов христианского гарнизона. Напротив, он предоставил им право уйти. 8 апреля 1271 г. защитники Крака де Шевалье покинули стены замка и, под конвоем мамлюкских всадников, были препровождены до предместий Триполи¹⁴⁵⁰.

За взятием Крака де Шевалье последовала осада Аккара — последнего укрепленного форпоста сирийских франков в сердце Ливана. Армия султана окружила город 29 апреля 1271 г. На протяжении нескольких дней осадные орудия мамлюков вели непрерывающийся обстрел стен и башен Аккара. Княжеские рыцари и сержанты, а также христианские беженцы, державшие оборону в Аккаре, не успевали исправлять поврежденные участки крепостных стен. В итоге, часть стен обрушилась и укрепившиеся в цитадели франки и сирiane попросили у султана аман. 11 мая город сдался на милость султана. Аккар разделил печальную судьбу Яффы; за исключением капитулировавших княжеских рыцарей и воинов гарнизона (которым было позволено уйти в Триполи), все прочие жители города и укрывшиеся там беженцы — марониты и мелькиты — были перебиты или обращены в рабство. С завоеванием Крака и Аккара мамлюкский султан лишил франков последних замков, позволявших им контролировать долину Бекаа и срединные ливанские земли; отныне во власти князя Бозмунда VI и его вассалов оставалась лишь узкая полоса побережья и некоторые приморские долины¹⁴⁵¹.

¹⁴⁵⁰ Об осаде и падении Крака де Шевалье подробнее всего пишет Аль-Айни, см. Al-Aini. Op.cit. — P. 238—239. Также см. Les gestes des Chiprois. — с.376, P. 199; L'Estoire Eracles... P. 460.

¹⁴⁵¹ Осада Аккара подробнее всего описана египетским историком Аль-Макризи. Именно он пишет о решающей роли мамлюкских осадных орудий (требуше) и о том, что княжеский гарнизон, капитулировав, получил право свободного прохода в Триполи. См. Al-Maqrizi. Histoire des sultans mamlouks, de l'Égypte, écrite en arabe. — Paris, 1845. — Vol. I, pars II, P. 85. Об осаде и взятии Аккара также см.: Röhricht R. Études sur les derniers temps du royaume de Jérusalem... — P. 399. Старофранцузские хронисты Заморской земли оставляют лишь краткие упоминания о том, что султан Бундуктар (Бейбарс) «взял Крак у Госпиталья и Аккар, принадлежавший князю» Антиохии-Триполи. См. Les gestes des Chiprois. — с.376, P. 199; L'Estoire Eracles... P. 460.

Вторая мамлюкская осада Триполи.

Прибытие Девятого крестового похода и спасение города (1271 г.)

Одновременно с завоеванием замков на северных и восточных рубежах княжества Антиохии-Триполи султан Бейбарс осадил и южную столицу Боэмунда VI. С падением и уничтожением Антиохии князь Боэмунд VI Красивый готов был на любые уступки, лишь бы сохранить Триполи. Он упорно удерживал оборону столицы, но не смел препятствовать завоеванию Сафиты, Крака, Аккара, или даже разорению поселений, садов и монастырей своего домена. Издеваясь над несчастным князем, бывшим некогда «надеждой» сирийских франков, султан Бейбарс направил ему очередное оскорбительное послание: «Наши желтые знамена отразили ваши алые знамена, а крик «Аллах акбар» заменил собой звон колоколов. (...) Скажи своим стенам и церквям, что скоро наши осадные орудия расправятся с ними, а своим рыцарям передай, что в скором времени наши мечи будут приглашены в их дома, ибо жителей Аккара оказалось недостаточно, чтобы утолить их жажду крови. Держи наготове свои корабли, чтобы бежать, ибо мы уже держим кандалы, предназначенные для тебя (...) Посмотрим тогда, чего стоит твой союз с Абагой»¹⁴⁵². Однако вскоре Бейбарс должен был снять осаду Триполи из-за новых тревожных вестей, достигших его лагеря. 9 мая 1271 г. в Акре высадились рыцари и пилигримы Девятого крестового похода, во главе которых в Заморскую землю прибыл Эдвард Длинноногий — сын и наследник короля Генриха III Английского. Не зная еще сил нового противника, султан Бейбарс увел свою армию подальше от побережья — в Дамаск, куда стягивал новые силы для продолжения борьбы.

Меж тем, на соединение с Эдвардом выступили князь Боэмунд VI Красивый и король Гуго III де Лузиньян, поспешившие в Акру во главе своих вассалов. Совместно с кипрскими и сирийскими франками крестоносцы Девятого похода совершили несколько рейдов по южной Палестине и Галилее. Эдвард пытался также заключить союз с ильханом Абагой; монголы вновь вступили в Сирию и заняли Алеппо.

¹⁴⁵² Röhrich R. Études sur les derniers temps du royaume de Jérusalem. — P. 399. Выдержки из послания также приведены у Груссе, см. Grousset R. Histoire des croisades et du royaume franc de Jerusalem... Vol. III. — P. 650.

Тем не менее, ильхан Абага не мог полноценно поддержать поход своих нойонов; когда султан Бейбарс выступил на север, чтобы встретить монголов, их тьмы покинули Алеппо и ушли к берегам Евфрата¹⁴⁵³. Было очевидно, что ни монголы, ни франки Заморской земли не смогут продолжать полномасштабной войны с мамлюками, тем более — выступить против них единым фронтом. И король Гуго III, и князь Боэмунд VI жаждали лишь перемирия на приемлемых условиях с всесильным Бейбарсом. 22 мая 1272 г. договор о перемирии был заключен. Султан гарантировал уцелевшим землям королевства Иерусалимского неприкосновенность, обязуясь не атаковать их на протяжении 10 лет и 10 месяцев. При всех разочарованиях, крестовый поход Эдварда Длинного спас государство Боэмунда VI, т. к. удержал Бейбарса от дальнейших нападений на триполийские земли; султан так никогда и не смог возобновить осаду Триполи, хотя предместья столицы сирийских франков — укрепления и разоренные церкви Монт Пелерен — окончательно перешли под власть мамлюков. Заключая перемирие с королем Гуго III и Эдвардом, султан подтвердил и договор, заключенный с князем Боэмундом VI в 1271 г. Тем не менее, Бейбарс лишний раз показал свою мстительность и жестокость; подписав договор с франками, он все же попытался уничтожить Эдварда Длинного. 16 июня 1272 г. на Эдварда было совершено покушение; английский принц был тяжело ранен мусульманским фанатиком, которого, тем не менее, лично смог заколоть. Оправившись от ран, Эдвард покинул пределы Заморской земли¹⁴⁵⁴.

*Смерть князя Боэмунда VI Красивого. Осада Латакии и сдача Кусаира
(1275 г.)*

1275 г. привнес новые, тяжелые удары, пришедшиеся на долю княжества Антиохии-Триполи и королевства Киликийской Армении. В марте 1275 г. умер князь Боэмунд VI Красивый; государь, с именем которого сирийские франки связывали восстановление мощи и славы

¹⁴⁵³ О монгольском походе на Алеппо и контрнаступлении мамлюков в 1271—1272 гг., см. Abu-l-Feda. Op.cit. — P. 154.

¹⁴⁵⁴ Les gestes des Chiprois. — с.376—382, P. 199—201; L'Estoire Eracles... P. 461—462; Runciman S. A History of the Crusades... P. 335—338.

своих земель, под руководством которого они входили в Баальбек, Латакию, Джабалу, Дамаск, умер сломленным человеком, уповавшим лишь на перемирия с мамлюкским султаном и со страхом державшимся за оставшиеся в его власти приморские города и крепости. Подобных поражений и потерь не терпел ни один из франкских государей Антиохии или Триполи. Антиохия была не просто потеряна, но уничтожена, как и весь княжеский домен на севере, с его монастырями и гаванью Св. Симеона. На момент смерти Боэмунду VI Красивому еще не исполнилось и сорока лет¹⁴⁵⁵. Тело князя было с почестями погребено в соборе Пресвятой Богородицы в Триполи.

В княжестве Антиохии-Триполи начался период междоусобицы; единственному сыну почившего князя — Боэмунду VII — было не более 14—15 лет и, естественно, он не мог еще править. Опеку над наследником престола и регентство над княжеством Антиохии-Триполи предложил взять на себя двоюродный брат почившего князя Боэмунда VI Красивого — король Гуго III де Лузиньян. Однако предложение короля Кипра и Иерусалима было жестко отвергнуто вдовой Боэмунда VI — княгиней Сибиллой и баронами Антиохии-Триполи. Княгиня Сибилла направила несовершеннолетнего сына в Киликию, ко двору своего брата — короля Левона II. На протяжении последующих двух лет король Армении следил за воспитанием Боэмунда VII и лично посвятил его в рыцари. В то же самое время власть в княжестве перешла к вдовствующей княгине Сибилле и ее балы — епископу Тортосы Варфоломею. До восшествия на кафедру Тортосы, Варфоломей был архидиаконом Антиохии; в мае 1268 г. он чудом пережил мамлюкскую осаду и уничтожение города. Регентство княгини Сибиллы и епископа Варфоломея продолжалось два года, вплоть до возвращения в Триполи достигшего совершеннолетия князя Боэмунда VII в 1277 г.¹⁴⁵⁶

¹⁴⁵⁵ Согласно Продолжателю Гильома Тирского, князь Боэмунд VI Красивый умер 11 мая 1275 г.; см. *L'Estoire Eracles...* Р. 466. Если отталкиваться от времени его восшествия на престол и посвящения в рыцари (1252 г.), и упоминаний о том, что ему еще год оставался до совершеннолетия, то получается, что правление Боэмунда VI начал в 15 лет, а родился, соответственно, в 1237 г. На момент смерти ему было примерно 38 лет. О несовершеннолетии Боэмунда VI в 1252 г. говорит, среди нескольких авторов, Жан де Жуанвиль; см. выше — С. 100—105.

¹⁴⁵⁶ О борьбе за регентство в Триполи и об отправке Боэмунда VII в Киликийскую Армению см. *L'Estoire Eracles...* Р. 466; *Les gestes Chiprois...* с.385, Р. 202.

Вести о смерти Боэмунда VI Красивого быстро дошли до мамлюкского султана. Узнав о кончине князя, Бейбарс велел мамлюкским войскам, стоявшим в Хомсе, немедленно выступить и осадить Латакию. Параллельно он направил послание к юному Боэмунду VII, призывая его без боя сдать мамлюкам великий портовый город северной Сирии. Жители Латакии обратились за поддержкой к королю Гуго III Кипрскому, который немедленно направил войска на помощь городу и направил посольство к султану, прося его отказаться от осады. При посредничестве короля Кипра и Иерусалима, Латакия была спасена. Бейбарс велел своим войскам отступить от города и подтвердил, что Латакия включена в число владений князей Антиохии-Триполи, на которые распространяется перемирие; в обмен франки Латакии обязались выплачивать султану 20,000 динаров ежегодно, а также отпускать по 20 мусульманских пленников. Мирный договор между мамлюкским султаном и княжеством Антиохии-Триполи был заключен в июле 1275 г.¹⁴⁵⁷

Во время кампании 1275 г. султан Бейбарс отбил у франков последнюю значимую твердыню в окрестностях Антиохии — великий патриарший замок Кусаир. Когда в мае 1268 г. Бейбарс уничтожил Антиохию, франкский шателен Кусаира — Гильом отрекся от верности латинскому Патриарху и фактически признал себя данником одного из наместников султана — эмира Чокр-Баки, правившего Саоном и окрестными сирийскими землями. Доходы от Кусаира и его сеньории Гильом разделял с мусульманским эмиром. Однако в том же году Гильом овдовел и, пораженный горем, принял монашеский постриг. Кусаир был доверен отцу Гильома — Бастарду, который удерживал его на протяжении последующих нескольких лет. Бастард оказался человеком недалеким и склонным к рискованным авантюрам; он испортил отношения с эмиром Чокр-Бакой, а франки Кусаира оказали поддержку монголам во время их рейда в Сирию в 1271 г. Все это не могло не пробудить у мамлюков желания отбить Кусаир у франков. В 1275 г., пытаясь возобновить перемирие и довершившись гарантиям Чокр-Баки, Бастард отправился в Дамаск — к Бейбарсу, который велел бросить его в городскую темницу. Тогда же сын Бастарда — монах Гильом был пленен мамлюками и обвинен в продаже вина войскам

¹⁴⁵⁷ Ibn al-Furat. Op.cit. — Vol. II, P. 163—165; Maqrizi. Op.cit. — Vol. I, P. 125. Также см. Runciman S. A History of the Crusades... Vol. III, Book, c., P. 344.

султана; вскоре оба — и Гильом, и Бастард — оказались пленниками в цитадели Дамаска, где и закончили свои дни. Меж тем, Бейбарс направил свои войска к Кусаиру и быстро добился сдачи замка, предоставив гарнизону и жителям возможность уйти в Триполи, Латакию или Киликию¹⁴⁵⁸. Как повествует Макризиде, «23-го числа месяца Джумады султан взял Кусаир — главный замок округа Антиохийского, отпустив жителей во все стороны, куда те хотели уйти»¹⁴⁵⁹.

Второе мамлюкское вторжение в Киликию (1275 г.)

Весной все того же 1275 г. султан Бейбарс снарядил еще один поход своих армий против Киликийской Армении. Официальным поводом для войны послужил захват королем Левоном II группы египетских мусульман, совершавших паломничество к гробнице халифа Аль-Мамуна в Тарсе. Направленная султаном мамлюкская армия без труда пересекла горы Аманоса и прорвалась во внутренние области королевства Армении. В последние дни Великого поста и Пасхи мамлюки разграбили портовый город Айас, продвинулись на север — где захватили и дотла разорили Мамистру, после чего прошли по землям Равнинной Киликии на запад, учинив сходные бесчинства в Тарсе и Корики. Разорив прибрежные и равнинные земли, мамлюки обратились на север — к столице королевства, городу Сис. Население города частью бежало в горы, частью — укрылось в неприступной цитадели. Опустевший город был сожжен мамлюками. Вторжение 1275 г. было сопряжено с масштабным разорением киликийских и северо-сирийских монастырей. Многочисленные и богатые обители армян, сиро-яковитов и православных (халкидонитов) были разграблены, их иноки — перебиты. По словам Бар Эбрея, мамлюками «двадцать пять монахов было убито в монастыре Паксемат, вместе с Рабба Соломоном, славным старцем, синкеллом почившего Патриарха Мар Игнатия. Они сожгли сей монастырь, так же как и монастырь Гви-хат, а также все монастыри армян и греков, и малый монастырь

¹⁴⁵⁸ История последних франкских властителей Кусаира — Гильом и Бастарда — подробнее всего изложена у Каэна, который отталкивается в своей реконструкции от ряда мамлюкских источников XIII-XIV вв. См. Cahen C. *La Syrie du Nord*... P. 717.

¹⁴⁵⁹ Maqrizi. *Op.cit.* — Vol. I, P. 127.

нашего Патриарха, расположенный на окраине Сиса»¹⁴⁶⁰. Согласно «Хронографии» сиро-яковитского мафриана: «число убитых достигало 60,000; количество женщин и детей, уведённых в плен, не поддаётся подсчётам»¹⁴⁶¹. Когда мамлюки покинули разорённую Киликию, туда немедленно вторглись тюркские кочевники, видевшие в опустевших землях легкую добычу. Однако к этому времени король Левон II смог собрать армию, спуститься с гор и пресечь повторное разграбление своего государства; тюрки были частью перебиты, частью взяты в плен и обращены в рабство. По словам Бар Эбрея, король Левон II «перебил их всех, обратил в рабство их семьи и разграбил все их имущество»¹⁴⁶².

*Поход туркмен и мамлюков на Киликию. Битва у Мараша (1276 г.).
Последующие кампании Бейбарса на севере (1277 г.)*

В следующем, 1276 г., тюркские племена, получив поддержку Бейбарса и дополнительный контингент из 1,000 отборных мамлюкских всадников, собрались для нового набега на Киликию. Однако на этот раз вторжение было остановлено армией, направленной королем Армении и доверенной командованию дяди Левона II — коннетабля Смбата. Армии противников встретились в битве у Мараша, в которой, невзирая на тяжелые потери и гибель прославленного Смбата Спарапета, христиане одержали победу. Тюрки не смогли прорваться на земли королевства Армении и вынуждены были уйти на восток¹⁴⁶³.

В 1277 г. султан Бейбарс нанес еще один удар по своим врагам на севере; посланная им мамлюкская армия атаковала стоявших на стыке сирийских и анатолийских земель, подвластных монголам. Одновременно Бейбарс заключил союз с регентом Румского султаната — Сулейманом, правившим от имени малолетнего султана

¹⁴⁶⁰ Bar Hebraeus. Chronography... P. 531—532. Подробнейшим источником по этой войне является именно «Хронография» Бар Эбрея. Тирский Тамплиер ошибочно относит мамлюкское вторжение в Киликию к 1276 г.: Les gestes des Chiprois. — с.386, P. 202.

¹⁴⁶¹ Bar Hebraeus. Chronography... P. 532.

¹⁴⁶² Подробнейшим источником по этой войне является «Хронография» Бар Эбрея, см. Bar Hebraeus. Chronography... P. 531—532.

¹⁴⁶³ Bar Hebraeus. Chronography... P. 533.

Кей-Хосрова III. Так, против монголов и их союзников выступили как мамлюки, так и значительная часть анатолийских тюрок¹⁴⁶⁴. Войска, оставленные ильханом Абагой на Анатолийском плато, оказались совершенно неготовыми к сражению на два фронта; невзирая на предупреждения, они беспечно стояли лагерем у Эльбистана, предаваясь обильным возлияниям. Стойкость в бою с мамлюками проявили лишь грузинские войска, направленные в Анатолию вассалом ильхана — царем Димитрием II. Согласно «Хронографии» Бар Эбрея, в рядах монголов сражалось «три тысячи ивиров. Из-за храброго сопротивления, которое они оказывали, 2,000 из них было убито; они перебили многих египтян, и тысяча ивиров смогла уйти с поля боя»¹⁴⁶⁵. Вести о поражении при Эльбистане быстро дошли до ильхана Абаги, который лично повел свои тумены в Анатолию. Узнав о приближении ильхана, Бейбарс предпочел увести свою армию на юг — в Сирию, не рискуя прямой конфронтации. Что касается правителя Румского султаната — Сулеймана, то он был сварен заживо по приказу Абаги; султан Кей-Хосров III и его новое окружение не смели более бросить вызов монголам и принесли клятвы верности ильхану¹⁴⁶⁶.

1 июля 1277 г. до христиан и монголов дошла радостная весть — их великий противник, султан Бейбарс умер. Из всех исламских государей, боровшихся с присутствием крестоносцев на Востоке, Бейбарс бесспорно может считаться и самым одаренным, и самым удачливым, и самым жестоким. Ему суждено было войти в историю и как великому строителю, и полководцу, но одновременно — как человеку, который уничтожил Антиохию, Яффу и многочисленные христианские поселения северо-западной Сирии, испепелил окрестности Акры и Триполи, отбил у франков Сафед, Монфор, Крак де Шевалье, Сафиту, Кусаир, стер с лица земли или дотла разграбил ряд великих христианских церквей и монастырей. Тело султана было погребено в роскошном мавзолее в Каире. Мусульмане Сирии, Палестины и Египта оплакивали своего великого правителя, в то время как монголы и христиане готовились с новой силой вступить в борьбу за утраченные сирийские земли.

¹⁴⁶⁴ Abu-l-Feda. Op.cit. — P. 155; Maqrizi. Op.cit. — Vol. I, P. 144.

¹⁴⁶⁵ Bar Hebraeus. Chronography... P. 537.

¹⁴⁶⁶ Abu-l-Feda. Op.cit. — P. 155; Maqrizi. Op.cit. — Vol. I, P. 144—145.

*Поход хана Мунке, короля Левона II Хетумида и царя
Димитрия II в Сирию. Первая битва у Хомса (1280—1281 гг.)*

В 1281 г. ильхан Абага вновь направил монгольские тумены в Сирию, бросив прямой вызов новому мамлюкскому султану — Калавуну. Совместно с монгольскими войсками, которые возглавил брат ильхана — Мунке Тимур — на сирийские земли вступили и тысячи грузинских воинов, во главе со своим царем — Димитрием II¹⁴⁶⁷. У гор Аманоса к ним присоединилась армия короля Левона II Хетумида. 29 октября 1281 г. монголо-христианские войска сошлись в сражении с мамлюкской армией султана Калавуна. Битва произошла к югу от Хомса. Правый фланг армии Мунке, — который составляли западно-монгольские племена ойратов и христианские войска царя Димитрия II и короля Левона II, — сломил мамлюков, обратив их в бегство. Однако во время рассредоточенного преследования, левый фланг монгольского войска попал в засаду к арабам-таглибитам, пришедшим на помощь мамлюкской армии. Совместно с таглибитами на монголов обрушился и реорганизовавший свои войска Калавун. Монгольские всадники были рассеяны; сам Мунке был ранен и бежал с поля боя. В то же самое время, правый фланг, в составе которого находился король Левон II Хетумид со своей армией, а также контингент из 5,000 грузинских воинов, продолжал преследовать мамлюков «до врат Эмеса, учиняя великое избиение, покуда до них не дошла весть о бегстве их соратников; тогда и они, со всей поспешностью, должны были отступить»¹⁴⁶⁸. Войска Димитрия II и Левона II смогли отступить, сохранив порядок и боевой строй, в то время как монголы бежали в полнейшем рассеянии. Так или иначе, исход второй битвы у Хомса положил конец очередному монгольскому (или «монголо-христианскому») вторжению в Сирию¹⁴⁶⁹.

¹⁴⁶⁷ Димитрий II — номинальный «царь грузин и абхазов» (1270—1289 гг.), фактически управлявший лишь восточно-грузинским царством, был сыном упоминавшегося выше царя Давида VII. На протяжении многих лет он был верным вассалом монгольского ильхана, участвуя в его кампаниях на Кавказе, в Персии и на Ближнем Востоке. В марте 1289 г., будучи обвиненным в измене, он прибыл в ставку к ильхану Аргуну, по приказу которого был обезглавлен. Тело его было с почестями перенесено обратно в Грузию и захоронено в соборе Светицховели, в Мцхете.

¹⁴⁶⁸ Bar Hebraeus. Chronography... P. 545—546.

¹⁴⁶⁹ Abu-l-Feda. Op.cit. — P. 158—160; Maqrizi. Op.cit. — Vol. II, P. 35—37.

***Вторжение курдов и туркмен в Киликийскую Армению.
Битва у Тель Хамдуна (1282 г.)***

Ответный удар мусульман не заставил себя долго ждать. В 1282 г. туркменские племена, совместно с курдами, вновь вторглись в Киликийскую Армению и разграбили Айас. Тем не менее, король Левон II смог своевременно предпринять надлежащие меры; жители Айаса были вовремя переведены в новый замок, построенный на морском побережье. Когда кочевники подходили к Тель Хамдуну, перегруженные добычей, они были настигнуты христианскими войсками. «Когда они уходили, армяне закрыли пред ними врата своих укреплений, и уничтожили всех острием меча; они забрали их оружие и содрали кожу с их голов. И они нагроутили множество выючных животных доспехами, копьями, мечами, скальпами с волосами, и отправили все это Царю царей (т. е. Абаге-хану. — С. Б.)»¹⁴⁷⁰.

Смена правителей в Ильханате (1282—1284 гг.)

В том же 1282 г. скончался ильхан Абага, а его преемник — Текудер — обратился в ислам и установил тесные и дружественные связи с мамлюками. Христиане Киликии, на определенное время, полностью лишились поддержки монголов. Примечательно, что первоначально ильхан Текудер был христианином; он был крещен в несторианской Церкви Востока, получив при таинстве имя «Николай». Однако впоследствии он перешел в ислам, чем поставил под угрозу положение христиан в своих владениях; многие нойоны были принуждены новым правителем перейти в ислам и новая вера получила бесспорное первенство на землях ильханата. Тем не менее, его правление оказалось кратковременным. В 1284 г. он был разбит и казнен ханом Аргуном, захватившим престол ильханата. Новый ильхан принадлежал к числу буддистов; он в равной мере покровительствовал и своим единоверцам, и шаманистам, и христианам, придерживаясь курса своих предшественников — Хулагу-хана и Абаги. При поддержке Аргуна христиане вновь могли

¹⁴⁷⁰ Bar Hebraeus. Chronography... P. 547.

рассчитывать на поддержку монголов в борьбе за утраченные сирийские земли¹⁴⁷¹.

Мамлюкское завоевание Валинии и Маркаба (1285 г.)

Треволнения в Ильханате предоставили возможность новому мамлюкскому султану — Калауну — обратиться к завоеванию уцелевших франкских территорий. Первый мощный удар армии султана пришелся по землям княжества Антиохийского. 17 апреля 1285 г. Калаун лично возглавил поход к великому замку госпитальеров — Маркабу. Осада продолжалась больше месяца. 23 мая, из-за мамлюкского подкопа, обрушилась одна из великих башен замка — «Башня надежды». С обрушением башни госпитальеры Маркаба обратились к султану с предложением капитуляции. Калаун, невзирая на то, что именно он в свое время был руководителем опустошения городов и монастырей Киликии, показал большее благородство, нежели его предшественник Бейбарс. Госпитальеры Маркаба, доверившиеся слову Калауна, были с миром пропущены на франкские земли. 25 рыцарей ордена Св. Иоанна получили право выехать из замка, сохранив коней и оружие; прочие воины, сержанты и туркополы смогли уйти пешими и без оружия. Они благополучно достигли Тартуса, где были приняты тамплиерами, после чего переправились в Триполи. С завоеванием Маркаба в руки мамлюкского султана перешла и лежавшая у моря Валиния¹⁴⁷².

Мамлюкское завоевание Латакии (1287 г.)

Взяв Валинию и Маркаб, султан Калаун ждал на протяжении почти двух лет, прежде чем судьба предоставила ему удобный повод для завоевания последних территорий бывшего княжества Антиохийского. 22 марта 1287 г. северная Сирия вновь пострадала от мощного землетрясения;

¹⁴⁷¹ О смене правителей в Ильханате (в 1282—1284 гг.) подробнее других средневековых историков пишет Абу-ль-Феда. См. Abu-l-Feda. Op.cit. — P. 160—161.

¹⁴⁷² Les gestes de Chiprois... P. 217; Abu-l-Feda. Op.cit. — P. 161. Также достаточно подробная реконструкция обороны Маркаба приведена у Рансимена, см. Runciman S. A History of the Crusades... Vol. III, P. 395.

значительная часть городских укреплений Латакии обрушились. Как только вести об этом дошли до султана Калавуна, он немедленно велел своему эмиру — Турунтаю атаковать город. Когда мамлюки прорвались за внешние стены города, христиане укрылись в приморской цитадели. 30 апреля франкский гарнизон капитулировал, получив возможность беспрепятственно уйти к своему государю, в Триполи. Как сказано в хронике армянского короля Хетума II: «В год 736 Армянской эры (1287 г.) Аль-Альфи, султан Египта, отвоевал Латакию у ее князя»¹⁴⁷³. Князь Боэмунд VII Антиохийский был разъярен вероломным нападением мамлюков. Султан Калаун, со своей стороны, указал на то, что на город, который был частью княжества Антиохийского, не распространяются условия перемирия, заключенного с Боэмундом VII исключительно как с графом Триполи. Это было явным и неприкрытым искажением фактов. По договору, заключенному с Бейбарсом после осады 1275 г., Латакия была включена в число франкских владений, неприкосновенность которых была признана мамлюкским султаном¹⁴⁷⁴. Тем не менее, Калаун выступал с позиции силы, и у Боэмунда VII не было возможности продолжать борьбу¹⁴⁷⁵. Вместе с Латакией под ударами мамлюков пал и Саон¹⁴⁷⁶. Так, к осени 1287 г. мусульмане захватили последние замки и города княжества Антиохийского.

IV. Падение последних оплотов христианского господства в Сирии (1287—1293).

Смерть Боэмунда VII — последнего князя Антиохии-Триполи (1287 г.)

В октябре 1287 г. умер князь Боэмунд VII¹⁴⁷⁷. Большую часть своего правления он должен был посвятить кровопролитной междоусобной войне с родом Эмбриацо и тамплиерами. Противостояние между различными фракциями в Триполи началось еще в период регентства княгини Сибиллы и епископа Варфоломея. На стороне княгини Сибиллы и ее

¹⁴⁷³ Bedrosian R., ed. The Chronicle attributed to King Hethum II. — P. 10.

¹⁴⁷⁴ См. выше: С. 100—105.

¹⁴⁷⁵ Наиболее подробное описание осады и взятия Латакии, см. Abu-l-Feda. Op.cit. — P. 162; см. также Folda J. Crusader Art 1187—1291... — P. 383.

¹⁴⁷⁶ Les gestes Chiprois... c.303, P. 161—162.

¹⁴⁷⁷ Молодой князь умер 19 или 28 октября 1287 г. См. Chronique d'Amadi... P. 217—218.

бальи — епископа Варфоломея Тортосского — выступили представители местного (антиохийского и триполийского) нобилитета, а также король и франки Армении; мишенью и, соответственно, противниками этой княжеской (или «армянской») партии оказались римские нобили, утвердившиеся в Триполи в правление князя Боэмунда V Хромого, благодаря влиянию его второй супруги — Люсьен де Сеньи. Во главе римской партии оставался брат вдовствующей княгини Люсьен — Павел де Сени, бывший епископом Триполи. Также на стороне «партии римлян» выступили сеньоры Гибелета — представители богатого и могущественного рода Эмбриацо, а также орден тамплиеров. С возвращением князя Боэмунда VII в Триполи в 1277 г. противостояние переросло в полномасштабную гражданскую войну.

Поводом для войны послужил брак одного из членов рода Эмбриацо. В 1277 г. Ги II Эмбриацо выкрал из Триполи наследницу рода Алеман, которую выдал замуж за своего брата — Жана. Естественно, брак этот был заключен вопреки строжайшему запрету князя Боэмунда VII; к тому же, наследница известного триполийского рода была помолвлена с племянником епископа Варфоломея Тортосского. Так, этим браком род Эмбриацо бросил вызов как самому князю, так и главе «княжеской//сиро-армянской» партии — епископу Варфоломею¹⁴⁷⁸. В то же самое время, противостояние князя с «римской партией» и ее главой — епископом Павлом Триполийским — также дошло до предела. Князь Боэмунд VII, невзирая на то, что приходился внучатым племянником Павлу, обрушился на епископа, конфисковав часть его имущества, бросив в темницу часть его приближенных и слуг и, в итоге, разграбив епископский дворец. Епископ Павел, опасаясь за свою жизнь, должен был искать убежища в триполийском Тампле; будучи собратом ордена Храма, он рассчитывал на покровительство тамплиеров и, в итоге, призвал на помощь самого магистра — Гильома де Боже. Вскоре тамплиеры, во главе с магистром, открыто выступили на стороне триполийского епископа; к союзу, направленному против князя Антиохии-Триполи, быстро присоединился и Ги II Эмбриацо со своими братьями, вальвассорами и сторонниками. Он также обратился за помощью к магистру Храма и был принят в орден тамплиеров на правах «собрата» (*confrater*). Гильом де Боже обещал оказать Ги II «помощь, на

¹⁴⁷⁸ Напомним, что официальным поводом для войны другого князя Антиохии-Триполи — Боэмунда IV — с мятежными триполийскими баронами стал незаконный брак Реноара II Нефинского, заключенный без разрешения его сюзерена. Подробнее см. выше: Часть III, гл. 4, С. 100—105.

которую только способен»¹⁴⁷⁹. Одновременно епископ Павел отлучил князя Боэмунда VII от Церкви и наложил интердикт на Триполи.

Однако князь Боэмунд VII показал себя достойным, во всех смыслах — полноправным преемником своего великого прадеда — Одноглазого князя; невзирая на свою молодость, новый князь не намерен был терпеть подобные вызовы своей власти или допускать в Триполи подобие той анархии, которая царила в Акре (где различные фракции, фактории, братства и военно-монашеские ордена никоим образом не считались с королевской властью). Столкнувшись с открытыми угрозами братьев-рыцарей Храма, укрывавших епископа Павла и поддерживавших род Эмбриацо, Боэмунд VII пошел на неожиданный и дерзкий шаг, а именно — он сжег триполийский Тампль, пленив часть братьев-рыцарей, сержантов и «собратьев» ордена. Епископ Павел сумел вовремя покинуть осажденный Тампль и бежать из Триполи. Город остался под интердиктом, но Боэмунд VII отказался признавать наложенное Павлом отлучение¹⁴⁸⁰. Примечательно, что не только латинские, но и ряд греческих церквей города поддержал позицию изгнанного прелата, соблюдая условия наложенного интердикта, отказавшись звонить в колокола, совершать богослужения и требы. Это, в свою очередь, дало Боэмунду VII повод наложить руки на имущество, сокровища и служителей этих церквей¹⁴⁸¹. Согласно Продолжателю Гильома Тирского, «разразилась великая война между князем и Храмом, принесящая великое зло (...) многие пострадали или же были убиты»¹⁴⁸².

Разорение триполийского Тампля немедленно вызвало ответную карательную кампанию тамплиеров; магистр Гильом де Боже лично выступил против князя Антиохии-Триполи, стянув многочисленные контингенты тамплиеров из Акры, Сидона, Тортосы. Кампанию поддержал

¹⁴⁷⁹ Les gestes Chiprois... с.391, Р. 204. Кстати, нельзя не отметить, что у Тирского Тамплиера Ги II фигурирует не как «Эмбриацо», но как «Ги II д'Ибелин». Будучи Эмбриацо по отцу, и Ибелином по матери, Ги II предпочел использовать герб и родовое имя, унаследованное по материнской линии.

¹⁴⁸⁰ Сожжение Тампля и репрессии, инициированные князем Боэмундом VII против братьев и «собратьев» (confrater) ордена Храма, в том числе и против епископа Павла Триполийского, подробно описаны Продолжателем Гильома. См. L'Estoire Eracles... Р. 481.

¹⁴⁸¹ Выше мы уже приводили послание Папы Николая III, обращенное к Боэмунду VII, в котором римский понтифик призывает князя отказаться от череды репрессий, направленных в том числе против «греческого» духовенства Триполи. Подробнее, см. выше: Часть III, гл. 2, С. 100—105.

¹⁴⁸² L'Estoire Eracles... Р. 469.

и Ги II Эмбриацо: шедшие с юга тамплиеры соединились с его войсками в Гибелете. Вскоре войска тамплиеров и мятежных триполийских баронов, под общим начальством Гильома де Боже и Ги II Эмбриацо, сожгли Ботрон и осадили княжеский замок — Нефин; однако осада последнего завершилась провалом и пленением нескольких рыцаре-тамплиеров. Сняв осаду, магистр ордена Храма увел свои войска в пределы Иерусалимского королевства. Прослышав об отступлении тамплиеров, Боэмунд VII созвал собственные войска и во главе примерно 200 рыцарей, конных сержантов и туркополов выступил к Гибелету. Навстречу князю выдвинулся Ги II Эмбриацо, на стороне которого, помимо его собственных рыцарей и сержантов, был и доверенный ему контингент из 30 рыцарей ордена Храма. По обе стороны находились и некоторые рыцари Иерусалимского королевства¹⁴⁸³. Противники встретились в открытом сражении близ Ботрона. Силы сторон были примерно равны, но в ходе крайне кровопролитного сражения, стоившего жизни многим франкским рыцарям, княжеские войска были разбиты. Победа пришлась на долю более опытного и испытанного в боях Ги II де Эмбриацо¹⁴⁸⁴. Согласно мамлюкскому историку Аль-Йунини, Ги II был «одним из самых уважаемых рыцарей в Триполи» и «одним из самых знаменитых рыцарей среди франков, которые любили его за мужество и щедрость»¹⁴⁸⁵. Потерпев поражение от рук Ги II, молодой князь должен был спешно отступать в Триполи¹⁴⁸⁶. Первая стадия войны завершилась поражением Боэмунда VII и княжеской партии.

¹⁴⁸³ Так, на стороне князя Боэмунда VII сражался его двоюродный брат — Балиан де Гранье, сын упоминавшегося выше сеньора Сидона — Жюльена де Гранье, лишенный своего наследства из-за отцовского дара тамплиерам. Ги II Эмбриацо, в свою очередь, пользовался поддержкой Жана де Монфора — сеньора Тира, который лично не участвовал в сражении, но оказывал помощь своему союзнику.

¹⁴⁸⁴ Подробные описания кампании 1277 г., в том числе и битвы у Ботрона, приведены Тирским Тамплиером. См. *Les gestes Chiprois...* с.392—393, Р. 204—206.

¹⁴⁸⁵ Al-Yunini. *Op.cit.* — Vol. III, Р. 93. Цит. по: Хилленбранд К. Указ. соч. — С. 332. Стоит отметить, что Хилленбранд, следуя Аль-Йунини, допускает ошибку, именую данного сеньора Гибелета «Гуго II». Но Гуго II Эмбриацо умер в 1184 г., меж тем как сеньором Гибелета, которого видел и описал Аль-Йунини, и смерть которого, согласно мамлюкскому историку, наступила в 1281 г. (на самом деле — в январе 1282 г.), был Ги II, праправнук Гуго II.

¹⁴⁸⁶ Второй раз в истории Эмбриацо наносили поражение своим сюзеренам — князьям Антиохии-Триполи. Впервые, в 1258 г. князь Боэмунд VI Красивый — отец Боэмунда VII — был разбит восставшими баронами у стен Триполи; тогда во главе восставших встал Бертран де Эмбриацо. Подробнее см. *Les gestes Chiprois...* 291—294, Р. 157—159. Также см. выше: Часть III, гл. 3, С. 100—105.

В 1279 г. магистр Храма и сеньор Гибелета предприняли попытку захватить Триполи, осадив княжескую столицу с суши и моря. Флотилия тамплиеров, шедшая под началом магистра, атаковала Нефин, после чего вплотную подошла к столице. В то же самое время Ги II Эмбриацо возглавил сухопутные войска, шедшие к княжескому городу; он вновь нанес поражение князю Боэмунду VII в открытом сражении близ стен Триполи. Однако вскоре осада сорвалась из-за шторма, разметавшего галеры тамплиеров. Лишившись поддержки тамплиеров, Ги II должен был увести свои войска в Гибелет. Тогда же Боэмунд VII, отнюдь не сломленный поражениями в битвах у Ботрона и Триполи, нанес новый удар по своим противникам; собрав флотилию из 12 галер и посадив на них своих рыцарей, сержантов и туркополов, князь совершил рейд к принадлежавшему тамплиерам Сидону. Прорвавшись в гавань, княжеские войска разорили нижний город, после чего благополучно вернулись в Триполи. Так, к исходу 1279 г. между противниками устоялось шаткое перемирие, обусловленное определенным равновесием в расстановке сил; соглашение о прекращении боевых действий было достигнуто при посредничестве магистра ордена Св. Иоанн — Николая Лорнье¹⁴⁸⁷. Князь Боэмунд VII удерживал Триполи, Нефин, Мараклею; также он, очевидно, вновь занял и укрепил разоренный ранее Ботрон. На севере под властью князя еще оставалась Латакия и Саон. Ги II Эмбриацо, в свою очередь, держал под своей властью сеньорию Гибелета и весь юг графства Триполи (в том числе и сухопутную дорогу к северным сеньориям Иерусалимского королевства), а тамплиеры контролировали Тортосу. В период этого перемирия тамплиерам была предоставлена возможность восстановить разоренный триполийский Тампль.

Перемирие продлилось чуть более трех лет. В первые дни 1282 г. военные действия возобновились, на этот раз по инициативе рода Эмбриацо. Собрав своих вальвассоров, рыцарей и сержантов и заручившись поддержкой генуэзцев, Ги II Эмбриацо, совместно со своими братьями — Жаном и Бодуэном — предпринял новую попытку захватить Триполи. Посадив свои войска на галеры, Ги II тайно прибыл к триполийской гавани; тамплиеры пропустили мятежных баронов и часть их войск в город, и те смогли укрепиться в Тампле. Однако Ги II допустил фатальный

¹⁴⁸⁷ О кампании 1279 г., осаде Триполи и разорении Сидона войсками князя Боэмунда VII, см. *Les gestes Chiprois...* с.391, Р. 204. Подчас эти события датируют 1278 г., но учитывая, что современником и основным первоисточником в изучении этой войны является Тирский Тамплиер, мы отталкиваемся от его датировки — 1279 г.

просчет: довольствуясь лишь предварительным соглашением с орденом Храма, он не позаботился о координации действий. К моменту прибытия Ги II в Триполи не было ни магистра, ни даже прецептора; без их присутствия и разрешения, братья-рыцари отказались что-либо предпринимать, дабы не пасть новой жертвой князя.

Когда стало ясно, что тамплиеры не окажут помощи, в стане Эмбриацо началась паника. Ги II и его братья спешно покинули Тампль и попросили убежища у госпитальеров; те предоставили им возможность укрыться в триполийском госпитале Св. Иоанна. К этому времени, в предрассветные часы, весть о прибытии мятежных баронов уже разнеслась по городу; князь Боэмунд VII спешно поднимал свои войска и организовывал оборону столицы; перекрыв все городские ворота и гавань, его войска стягивались к Тамплю и Госпиталю. Командор госпитальеров в Триполи немедленно вступил в переговоры с князем; понимая, что у него нет иного выхода, он выдал Боэмунду VII братьев Эмбриацо и их сторонников, заручившись клятвенным обещанием князя сохранить им жизнь. Так, братья Эмбриацо оказались на положении княжеских пленников. Узнав о произошедшем, генуэзцы немедленно отказались от участия в военных действиях; их корабли ушли на юг, бросив Эмбриацо на произвол судьбы. Тамплиеры так и не пришли на помощь к сеньору Гибелета, а большая часть его рыцарей и сержантов была перебита или пленена княжескими войсками.

Расправа князя Боэмунда VII с главами восстания не заставила себя долго ждать. Гарантии безопасности и клятвы, данные тамплиерам, были мгновенно забыты. Братьев Эмбриацо — Ги II, Жана и Бодуэна, а также их двоюродного брата Гильома перевезли в княжеский замок Нефин; будучи обвиненными в измене, они были зарыты по горло в песок и брошены умирать от голода¹⁴⁸⁸. Узнав о пленении и казни братьев, на помощь Гибелету — оставленному без своего сеньора и рыцарей — спешно выступил Жан де Монфор, сеньор Тира. Но князь Боэмунд VII опередил своего противника; когда Жан де Монфор, во главе рыцарей Тира и Торона, подошел к стенам Гибелета, город уже был захвачен княжескими войсками; ему ничего не оставалось делать, как уйти обратно в пределы Иерусалимского

¹⁴⁸⁸ О казни братьев Эмбриацо в 1282 г. мы уже писали в одной из предшествующих глав, см. выше: Часть III, гл. 3, С. 100—105.

королевства¹⁴⁸⁹. Так, война с тамплиерами и родом Эмбриацо закончилась убедительной победой Боэмунда VII; молодой, решительный и жестокий князь, бесспорно, оставался самым сильным и полномочным из франкских государей и сеньоров Сирии, Палестины и Кипра; на закате франкского присутствия в континентальном Леванте, пожалуй, лишь Боэмунду VII удавалось успешно противостоять раздробленности и анархии, царившей в городах Заморской земли. На протяжении всех последующих лет своего правления Боэмунд VII оставался непререкаемым правителем в своем княжестве, власти которого не смели бросить вызов ни тамплиеры, ни генуэзцы. Однако междоусобная война 1277—1282 гг. истощила силы княжества Антиохии-Триполи; вполне естественно, что у Боэмунда VII не было возможности противостоять завоеваниям Калавуна и должным образом защитить Латакию (1287 г.). В октябре 1287 г., незадолго после падения Латакии, Боэмунд VII скоротечным образом скончался, возможно — от тифа или лихорадки. Последнему князю Антиохии-Триполи было всего 26 лет. При этом он так и не оставил наследника¹⁴⁹⁰.

*Кризис наследования в Триполи. Провозглашение Триполийской коммуны
(1287—1289)*

Поскольку княжеский род пресекся по прямой мужской линии, наследницей Триполийского престола оказалась сестра Боэмунда VII — Люсия¹⁴⁹¹. Ранее она была выдана замуж за Наржо де Туси, адмирала короля Карла I Анжуйского; к моменту смерти брата, Люсия на протяжении уже нескольких лет пребывала со своим супругом в Неаполе. Не зная четко, заявит ли она свои права на престол, бароны Антиохии-Триполи собрались на заседание Высокой палаты и обратились к княгине Сибилле, вдове Боэмунда VI Красивого, матери Боэмунда VII и Люсии — с просьбой принять

¹⁴⁸⁹ Об авантюрной попытке захватить Триполи, казни братьев Эмбриацо и противостоянии Боэмунда VII с Жаном де Монфором, опять же, достаточно подробно пишет Тирский Тамплиер. См. *Les gestes Chiprois...* с.409—412, Р. 210—212.

¹⁴⁹⁰ Князь Боэмунд VII умер 19 или 28 октября 1287 г. Его брак с Маргаритой де Бриенн, заключенный в 1278 г., так и остался бездетным. См. *Chronique d'Amadi...* Р. 217; *Les gestes Chiprois...* с.464, Р. 231.

¹⁴⁹¹ Другая сестра князя Боэмунда VII — Мария, ранее выданная замуж за сеньора Фив — Николая II де Сент-Омера, скончалась в 1280 г.

власть над княжеством. Сибилла ответила согласием, но потребовала, чтобы ее балы и соправителем вновь стал епископ Варфоломей Тортосский. Этот прелат, будучи приближенным Сибиллы и покойного Боэмунда VII, был ненавистен триполийской знати (хотя сам принадлежал к антиохийскому роду Мансель). Епископ Варфоломей, бок о бок с почившим князем, методично уничтожал знатную оппозицию княжескому дому. Именно он стоял за изгнанием и истреблением римской знати в Триполи; он же играл активную роль в пленении и казни мятежных сиров Эмбриацо в Нефине. Поддерживать подобные формы правления и обращения со знатными баронами Антиохии-Триполи более не могли.

В итоге, на заре 1288 г. против княжеского дома поднялось восстание; бароны Высокой палаты, совместно с купцами и ремесленниками Палаты бургес, объявили о свержении княжеской династии и о провозглашении Триполийской коммуны¹⁴⁹². Княгиня Сибилла должна была покинуть Триполи; совместно со своими соратниками и слугами она отбыла на север, в Киликию, ко двору своего брата — короля Левона II Хетумида, где и закончила свои дни¹⁴⁹³. Меж тем, власть в Триполи перешла к коммуне, объединившей знать и бюргерство великого города, и созданной под «небесным патронажем» Божией Матери. Как сообщает Тирский Тамплиер, коммуна была основана «в честь Блаженной Девы Марии, Матери Божией»¹⁴⁹⁴. Опасаясь дальнейшего давления со стороны королей Армении и Кипра, союзных свергнутой династии, главы Триполийской коммуны обратились за помощью к Генуэзской торговой республике. Генуя быстро откликнулась на обращение коммуны; к Триполи была направлена флотилия из пяти галер под началом Бенедетто Заккарии.

Вскоре пришло известие о прибытии к берегам Леванта законной наследницы престола — Люсии де Пуатье. Корабль, на борту которого находилась Люсия, пристал в гавани Акры. Там Люсия смогла

¹⁴⁹² Хроника Амади сообщает лишь о том, что после смерти князя Боэмунда VII знать и горожане Триполи восстали против княжеского дома, создав коммуну. Тирский Тамплиер, в свою очередь, оставляет более подробное описание этих событий, в частности — о желании Высокой палаты Триполи передать власть «княгине, матери князя» (т. е. Сибилле), о конфликте из-за фигуры Варфоломея Тортосского и о последующем восстании против княжеской династии Пуатье. См. *Chronique d'Amadi...* P. 218; *Les gestes Chiprois...* c.466—467, P. 231.

¹⁴⁹³ Она скончалась в пределах Киликийской Армении ок. 1290 г.

¹⁴⁹⁴ *Les gestes Chiprois...* c.466—467, P. 231.

встретиться с главами трех военно-монашеских орденов, которые обещали ей свою поддержку в борьбе за престол. В сопровождении достаточно многочисленного контингента госпитальеров Люсия вступила на триполийские земли и заняла княжеский замок Нефин. Получив доступ в город, Люсия обратилась к Высокой палате и коммуне с призывом признать ее права — как княгини Антиохийской и графини Триполийской. Люсию сопровождали и открыто поддерживали магистр ордена тамплиеров — Гильом де Боже, магистр ордена госпитальеров — Жан де Вилье, и магистр тевтонцев — Бурхард фон Шванден. Вместе с ними в Триполи прибыл и венецианский балы Акры. Республика Св. Марка была, вполне естественно, обеспокоена непомерным усилением своих вековых противников — генуэзцев — в Триполи. Прибытие в город флотилии Бенедетто Заккарии грозило превратить Триполи в сателлита Генуэзской торговой республики¹⁴⁹⁵. Невзирая на давление военно-монашеских орденов и венецианцев, коммуна ответила жестким отказом, открыто зачитав Люсии перечень «злодеяний» ее отца и брата в отношении рыцарства и бюргерства Триполи. В разгар переговоров в виду триполийской гавани появились, наконец, корабли генуэзской флотилии. Это немедленно склонило чашу весов в пользу коммуны; Люсия, совместно с ее сторонниками, тремя магистрами и венецианским балы почли за лучшее спешно покинуть Триполи и отплыть в Акру. Меж тем, корабли и воины Бенедетто Заккарии были с почестями приняты в городе¹⁴⁹⁶.

¹⁴⁹⁵ Крайне примечательной кажется позиция военно-монашеских орденов, т. к. и тамплиеры, и госпитальеры могли припомнить княжеской династии Пуатье не только долговременные и тесные союзы, но продолжительные периоды войн и кровавых столкновений с братьями-рыцарями Храма и Госпиталья. Князь Боэмунд IV Одноглазый был, пожалуй, самым грозным христианским противником госпитальеров на Востоке; его правнук — Боэмунд VII вел столь же ожесточенную войну с тамплиерами. Тем не менее, к 1288 г. эти конфликты остались в прошлом, и военно-монашеские ордена Храма и Госпиталья оказали единодушную поддержку Люсии де Пуатье в его борьбе за престол. То, что за нее лично выступил магистр ордена Храма — Гильом де Боже — заслуживает особого внимания, т. к. именно он, в 1277—1278 гг., воевал с братом Люсии — Боэмундом VII. Поддержка трех магистров была, во-многом, продиктована желанием военно-монашеских орденов противостоять превращению Триполи в генуэзскую колонию или переходу города под власть новой династии (в данном случае — к представителям рода Эмбриацо).

¹⁴⁹⁶ Подробное описание путешествия Люсии и трех магистров в Триполи, хода переговоров и прибытия Бенедетто Заккарии приводит Тирский Тамплиер, см. *Les gestes Chiprois...* с.468, Р. 232—233.

Казалось, что Триполи для династии де Пуатье был надежно потерян. Во главе Триполийский коммуны встал Варфоломей Эмбриацо — кровный враг княжеского дома Антиохии-Триполи. Варфоломей принадлежал к младшей ветви рода Эмбриацо. Его отец — Бертран Эмбриацо — возглавлял восстание триполийской знати против князя Боэмунда VI в 1258 г.; его голову убийцы-сириане впоследствии преподнесли в качестве дара князю Боэмунду VI Красивому. Родной брат Варфоломея — Гильом, совместно с их кузенами — Ги II, сеньором Гибелета, Жаном и Бодуэном, был в числе казненных Боэмундом VII в Нефине. Казалось, что благодаря Варфоломею, род Эмбриацо возьмет наконец реванш над своими кровными противниками — князьями династии Пуатье. Пользуясь поддержкой нобилитета и горожан, Варфоломей удерживал власть над Триполи и его коммуной. Будучи заинтересованным в поддержке Бенедетто Заккарии, Варфоломей убедил коммуну согласиться на передачу генуэзской фактории новых улиц и дополнительной недвижимости в Триполи. Также генуэзцы получили право на то, чтобы их фактория находилась под управлением особого подесты, подчиненного исключительно республике и не подвластного местным франкским властям в Триполи. Укрепляя свое положение в Триполи, Варфоломей восстановил власть над родовой сеньорией Эмбриацо — Гибелетом; верные коммуне войска без труда заняли город. Невзирая на запретную степень родства, Варфоломей выдал свою дочь Агнессу замуж за Петра Эмбриацо, сына убитого Ги II, утвердив его права над Гибелетом¹⁴⁹⁷.

В своем стремлении к власти, Варфоломей пошел слишком далеко; он вступил в переговоры с султаном Калауном, испрашивая его поддержки в борьбе за триполийский престол. Об этих переговорах вскоре стало известно знати и бюргерству Триполи¹⁴⁹⁸. В итоге, нобилитет и коммуна — опасаясь утверждения Варфоломея на престоле — направили посольство к Люсии, предлагая ей возобновить переговоры о ее признании. Люсия быстро откликнулась на это предложение;

¹⁴⁹⁷ Брак Петра Эмбриацо и Агнессы был признан Папой Николаем IV, несмотря на запрещенную степень родства супругов и невзирая даже на то, что он был заключен без предварительного разрешения Апостольского престола. См. Röhrich R., ed. *Regesta Regni Hierosolymitani. Additamentum*. (1904) ... — №1437, P. 99.

¹⁴⁹⁸ О Варфоломее и его переговорах с Калауном повествует мамлюкский историк Абуль-Махазин. См. Grousset R. *Histoire des croisades et du royaume franc de Jerusalem*. — Vol. III., P. 726.

но прежде чем вступать в переговоры с триполийским рыцарством и коммуной, она заключила соглашение с Бенедетто Заккарией. Глава генуэзской флотилии находился в то время в Айасе, где король Левон II Хетумид закреплял новые привилегии республиканской фактории; получив обращение Люсии, Заккария спешно завершил дела на севере и отправился на переговоры с титулярной княгиней. Их встреча, переговоры и подписание договора проходили в Тире¹⁴⁹⁹. Люсия согласилась признать как права Триполийской коммуны, так и новые привилегии генуэзцев, что обеспечило ей практически повсеместную поддержку. Осенью 1288 г. Люсия де Пуатье была с почестями принята в Триполи; ей присягнули бароны и члены коммуны, а ее инвеститура была совершена в кафедральном соборе Пресвятой Девы Марии¹⁵⁰⁰.

Восшествие на престол Люсии де Пуатье в корне переменяло положение на левантийском побережье; ее утверждение закрепляло союз между триполийскими франками, королевством Армении и генуэзцами — чьи корабли господствовали теперь от Айаса до Триполи. Более того, все вышеупомянутые партии состояли в союзе с монгольским Ильханатом. Подобный поворот событий создавал явную угрозу как мамлюкскому султанату Египта, так и коммерческим интересам Венецианской торговой республики. Султан Калаун неминуемо должен был начать войну против Триполи; важно отметить лишь то, что одними из первых султана к этому призвали некие латинские христиане — противники Люсии и генуэзцев. Доподлинно неизвестно, кто же первый обратился к султану Калауну — Варфоломей Эмбриацо или же венецианцы. Тирский Тамплиер говорит лишь о том, что два человека прибыли к султану из франкских владений и предупредили его о той угрозе, которую утвердившиеся в Триполи генуэзцы создают для Александрии — главного порта мамлюкского султаната¹⁵⁰¹.

¹⁴⁹⁹ Ришар считал, что Бенедетто Заккария сам инициировал переговоры с Люсией, т. к. был информирован о ее призвании коммуной. Рансимен, напротив, считает, что переговоры начала сама Люсия, т. к. она надеялась заручиться поддержкой Заккарии и генуэзцев, разумно перехватывая тем самым инициативу у Варфоломея Эмбриацо и коммуны. См. Richard J. Les Comtes de Tripoli et leurs vassaux sous la dynastie antiochénienne // *Crusade and Settlement*. — Cardiff, 1985. — P. 220; Runciman S. *A History of the Crusades...* Vol. III, Book, c., P. 405.

¹⁵⁰⁰ *Les gestes Chiprois...* c.472, P. 233—234.

¹⁵⁰¹ *Les gestes Chiprois...* c.473, P. 234.

Осада и падение Триполи (1289 г.). Уничтожение города мамлюками

В феврале 1289 г. султан Калаун вывел свою армию из Египта. Расположившись на некоторое время в Дамаске, он проследовал дальше, на север, в долину Бекаа. Христиане Заморской земли не знали точно, против кого намерен обратиться султан; нанесет ли он удар по Киликийской Армении, монголам, к Триполи, или же к Акре или одному из других городов Иерусалимского королевства? Вскоре в Триполи прибыл магистр ордена тамплиеров — Гильом де Боже, который, через своих агентов, был проинформирован о планах султана. Магистр Храма известил Люсию де Пуатье и коммуну о том, что Калаун жаждет завоевания Триполи и намерен в ближайшее время осадить город¹⁵⁰². Первоначально к словам магистра отнеслись с недоверием; споры и распри, взаимные обвинения, советы и переговоры не утихали, покуда гонцы и беженцы с близлежащих земель не сообщили о приближении мамлюкской армии к стенам города¹⁵⁰³. Лишь тогда Люсия де Пуатье обратилась к магистрам военно-монашеских орденов и королю Кипра и Иерусалима — Генриху II, умоляя их о помощи. С появлением мамлюкских всадников у стен Триполи и на Монт Пелерен, распри в городе немедленно прекратились; триполийские и антиохийские рыцари, латинские и сирийские бюргеры «коммуны Блаженной Марии», клир, братии военно-монашеских орденов, генуэзские моряки и торговцы единодушно готовились встать на защиту города. На помощь к осажденному Триполи стали стекаться подкрепления со всех концов Заморской земли. Одним из первых прибыл младший брат короля Генриха II — Амори де Лузиньян, которого сопровождали рыцари и сержанты королевств Кипра и Иерусалима. Благодаря стараниям Гильома де Боже, тамплиеры оказали полномасштабную поддержку гибнущей столице сирийских франков. Помимо рыцарей и сержантов ордена Храма, находившихся под началом прецептора Триполи, в город были стянуты дополнительные

¹⁵⁰² Гильом де Боже знал о планах султана благодаря предательству одного из мамлюкских эмиров — Аль-Факхири, бывшего тайным агентом и информатором тамплиеров. См. *Les gestes Chiprois...* с.474, Р. 234—235.

¹⁵⁰³ Согласно Абу-ль-Феде, участвовавшему в походе на Триполи, султан Калаун перевел свою армию из Египта в Сирию в феврале 1289 г., а в марте уже приступил к осаде самого города. См. *Abu-l-Feda. Op.cit.* — Р. 161.

силы тамплиеров из Сидона, Тартуса, Акры; их возглавил маршал ордена — Жоффруа де Вендак. Дополнительные подкрепления получили и триполійское командорство госпитальеров. Отряды и корабли генуэзцев по-прежнему возглавлял Бенедетто Заккария. Венецианцы также прислали в город две галеры, невзирая на вероятное участие этой республики в призвании Калауна. Наконец, из Акры прибыл созданный еще королем Людовиком IX Святым французский контингент, во главе с его командиром, сенешалем Иерусалимского королевства Жаном де Гральи¹⁵⁰⁴. В отличие от Антиохии, завоеванной всего за пять дней, Триполи, накануне своего уничтожения, оказывал длительное и яростное сопротивление мусульманам.

Осада Триполи началась в середине марта 1289 г., когда, дождавшись окончания весенних ливневых дождей, султан Калаун повел, наконец, основные силы своей армии к стенам города. Подробное описание осады и взятия Триполи оставил ее очевидец — Абу аль-Феда. Согласно его описаниям, Калаун, увидев неприступность городских укреплений, «велел расставить напротив города множество катапульти»¹⁵⁰⁵. Во французском переводе Абу аль-Феды осадные орудия султана Калауна названы «катапультами», однако Тирский Тамплиер пишет о том, что у мамлюков были не катапульти, а более мощные и дальнобойные требуше¹⁵⁰⁶. День и ночь девятнадцать египетских требуше вели обстрел городских стен. Тем не менее, защищавшие город франки, итальянцы и сириане стойко держались, отбивая каждый приступ и удерживая разрушающиеся стены. Неизвестно, рассчитывал ли Калаун на быструю победу, но инициированная им осада растянулась без малого на три месяца и стоила жизни слишком многим его воинам. Согласно Бар Эбрею, мамлюкские армии «встали лагерем у Триполи, города на берегу Великого моря, и упорно вели войну против города сего. Пребывавшие в городе направили призыв о помощи к своим сородичам — франкам, находившимся на острове Кипр, и немногочисленные войска были им отправлены на кораблях, по морю. С их прибытием жители стали

¹⁵⁰⁴ Перечень наиболее знатных участников обороны Триполи и контингентов, прибывших на защиту города, приводит Тирский Тамплиер. См. *Les gestes Chiprois...* с. 474, Р. 234—235.

¹⁵⁰⁵ Abu'l Feda. *Op.cit.* — Р. 162.

¹⁵⁰⁶ *Les gestes des Chiprois.* — с. 476, Р. 236.

сильны, и они стояли на стенах, и вели войну с великой доблестью на протяжении почти трех месяцев»¹⁵⁰⁷. В генуэзском кодексе XIV в. сохранилась миниатюра, отображающая последние дни обороны Триполи¹⁵⁰⁸. Генуэзский мастер изобразил город, окруженный с суши всадниками и осадными орудиями сарацин. Гавань Триполи переполнена христианскими кораблями. Посреди города, в окружении рыцарей, восседает его последняя государыня — Люсия и последний латинский епископ Триполи — Бернард Монтмажур.

Два основных удара мамлюкских армий были направлены против Башни Епископа и против Башни Госпиталя. 25—26 апреля, под ударами требуше и таранов, обе башни и соединявший их участок стен обрушились. Оценив степень поврежденности укреплений и узнав, через своих лазутчиков, о бегстве венецианцев и генуэзцев, Калаун велел наконец своей армии броситься на решающий штурм. Он начался утром 27 апреля 1289 г.¹⁵⁰⁹. Превосходя по численности защитников, мамлюки начали приступ на всем протяжении сухопутных стен; тысячи мусульманских воинов хлынули через поврежденные участки стен в город. Среди христиан Триполи началась паника; часть защитников сумела прорваться к гавани и бежать по морю. По словам Бар Эбрея, «когда осаждавшие их одолели, и пробили стены осадными орудиями, и христиане увидели, что они одолены, многие из них бросились на корабли и отплыли на Кипр»¹⁵¹⁰. Большая же часть воинов и населения обречена была до последнего биться на улицах города, умирая или смиряясь с участью истерзанных рабов. Как писал очевидец и участник осады — Абу-ль-Феда, «Жители города бежали к боковой гавани, и лишь малая часть из них смогла пробиться к кораблям и уйти»¹⁵¹¹. В числе спасшихся и ушедших на Кипр были практически все руководители обороны: Амори де Лузиньян, маршал ордена Храма, глава триполийского командорства госпитальеров, сенешаль Иерусалима — Жан де Гральи, епископ Бернард

¹⁵⁰⁷ Bar Hebraeus. Chronography... P. 567.

¹⁵⁰⁸ MS Additamentum, №27695 в собрании Британской библиотеки.

¹⁵⁰⁹ Согласно Абу-ль-Феде, Калаун «начал вести осаду со всей яростью, и вскоре войска пошли на штурм. Это произошло во вторник, четвертого числа второго раби (27 апреля)». См. Abu'l Feda. Op.cit. — P. 162.

¹⁵¹⁰ Bar Hebraeus. Chronography... P. 567.

¹⁵¹¹ Abu'l Feda. Op.cit. — P. 162.

Монтмажур и последняя княгиня Антиохии-Триполи. Потеряв свой родной город и свое государство, Люсия де Пуатье сумела благополучно вернуться к своему супругу — в Неаполь. Сын Люсии и Наржо де Туси — Филипп носил титул князя Антиохии и графа Триполи. Однако этот последний отпрыск Антиохийской династии де Пуатье умер бездетным около 1300 г., и титулы государей Антиохии и Триполи вскоре перешли к членам Кипрского королевского дома¹⁵¹².

В то время как корабли, перегруженные франкскими и сирийскими беженцами, устремлялись к берегам Кипра, Триполи переживал агонию последних дней и часов своего существования. Автор хроники Ланеркоста, писавший со слов последнего латинского епископа Библа (Гибелета), оставил красочные сказания о подвигах и мученичестве защитников Триполи: так, он пишет об английском монахе, который, взяв большой процессионный крест, безоружным вышел к бреши, пробитой в стенах, увлекая за собой защитников города и призывая их отдать жизни, но не бежать. Сам монах был растерзан мамлюками. По словам английского хрониста, «Многие верные, вдохновленные его примером и предпочитая умереть храбро, а не трусливо, добровольно выступили против врага и, посвящая судьбу свою Господу, были либо убиты, либо пленены, став жертвами Христа ради»¹⁵¹³. Другая история касается разорения латинского женского монастыря в Триполи (возможно, монастыря Св. Марии Магдалины), одна из инокинь которого — Лючетта, была взята в плен мамлюкским военачальником, которого она пыталась обратить в христианство и который, осознав, что не получит добровольно ее тела, зверски убил ее. На протяжении нескольких часов латиняне, греки и сириане Триполи продолжали оказывать отчаянное, последнее сопротивление ворвавшимся в город мамлюкам; эти последние уличные бои стоили жизни слишком многим горожанам и воинам султана. Ни о какой «мирной» сдаче одной из крепостей или одного из кварталов города не могло уже быть речи. Прецептор тамплиеров в Триполи — Петр де Монкада — пал совместно с многими братьями-рыцарями и сержантами Храма, прикрывая отступление к кораблям. Примечательно, что в числе павших был и мэр «коммуны Блаженной Марии» Варфоломей Эмбриацо, некогда обращавшийся за поддержкой к султану.

¹⁵¹² Du Cange C. Op.cit. — P. 209.

¹⁵¹³ The Chronicle of Lanercost. — Glasgow, 1913. — P. 61—64.

Пораженный потерями в собственном стане и упорством триполийских христиан, Калаун велел уничтожить город и его жителей. В этом отношении он оказался достойным преемником Бейбарса: Триполи постигла та же волна массовых убийств и тотального разорения, которым 22 годами ранее подверглась Антиохия. Как лаконично писал Абу-ль-Феда: «Большая часть мужчин города была убита; женщины и дети были отведены в рабство. Мусульманам досталась огромная добыча. Когда мусульмане убили жителей и ограбили город, султан отдал приказ сравнять его с землей»¹⁵¹⁴. Согласно другому современнику данных событий — Бар Эбрею: «Арабы набросились на оставшихся в городе; они обнажили мечи и, перемешавшись с жителями, либо убивали, либо сами были убиты. И из-за гибели множества арабов в городе, арабы распалились великой яростью, и полностью уничтожили несчастный город, не оставив там ни одной башни и ни одной церкви, которая не была бы превращена в руины. И они взяли там не поддающуюся подсчетам добычу, и бесчисленное множество сыновей и дочерей, которые были уведены в плен, и они убили огромное количество священников, диаконов, монахов и монахинь. И они оставили город, превратив его в наполненную воем глушь, и ушли оттуда. Эти события имели место в полнолуние месяца нисана (апреля) года 1600 по летоисчислению греков (1289 г.)»¹⁵¹⁵. Часть христианских беженцев укрылась на острове Св. Фомы, лежавшем на выходе из триполийской гавани. По словам очевидца Абу-ль-Феды, «Близ города находилась церковь Св. Фомы, которую от основного города отделяет гавань. После взятия Триполи великое множество франков, как мужчин, так и женщин, бежали и укрылись в этой церкви. Мусульмане, сев на коней, бросились в море и достигли этого острова, захватив всех, кто искал там убежища; их сокровища стали добычей победителей. После разорения города я посетил этого остров, и увидел, что он покрыт разлагавшимися трупами, и что там невозможно находиться из-за зловония»¹⁵¹⁶.

Многочисленные церкви и монастыри Триполи были полностью уничтожены. Бесследно исчез женский монастырь Св. Марии Магдалины; принадлежавшая госпитальерам церковь Св. Иоанна Крестителя; церковь тамплиеров (в которой был похоронен прославленный трубадур

¹⁵¹⁴ Abu'l Feda. Op.cit. — P. 162.

¹⁵¹⁵ Bar Hebraeus. Chronography... P. 567—568.

¹⁵¹⁶ Abu'l Feda. Op.cit. — P. 162.

Жоффруа Рюдель); соборная церковь Нотр-Дам де Туре (Пресвятой Марии Башенной) на Монт Пелерен, разоренная еще в 1267—1271 гг. и, после мамлюкского завоевания, полностью перестроенная и превращенная в мечеть Аттар; многочисленные греческие и мелькитские церкви, в том числе православный собор Триполи, в котором за два года до мамлюкского разорения избрали нового Патриарха Антиохийского и всего Востока — Кирилла III. Латинский кафедральный собор Пресвятой Девы Марии — бывшая соборная мечеть Джамии Умари — был разграблен, однако его опустошенные, обобранные стены еще долго возвышались посреди руин, в виду нового города. Некоторое время ее продолжали использовать как мечеть немногочисленные жители нового города, возведенного по приказу султана Калауна¹⁵¹⁷. В своей «Поэме о падении Триполи» сир-яковитский епископ Никосии Гавриил бар Килай (XVI в.) с горечью сопоставляет дошедшие до него описания роскошного убранства этого собора, с его нынешним состоянием: «ныне он уничтожен, опустошен, необитаем; Бог даровал то, что осталось, гнездовьям птиц и сов»¹⁵¹⁸. Находившиеся в соборе гробницы графов Триполийских и четырех князей Антиохийских (Бозмунда IV Одноглазого, Бозмунда V, Бозмунда VI Красивого и Бозмунда VII), были разорены и осквернены. Аль-Йунини пишет о том, что видел, как кости князя Бозмунда VI Красивого (которого мамлюкский историк лично встречал 29 годами ранее, при франко-монгольском завоевании Баальбека), были разбросаны по улицам города¹⁵¹⁹. По приказу султана Калауна, даже стены и дома Триполи были срыты. Примерно в пяти милях от разоренного Триполи, ближе к отрогам Ливанских гор, был поставлен новый город¹⁵²⁰. То, что оставалось от фундаментов древнего, великого Триполи, ныне скрыто под окраинами нового города, в частности — районом Аль-Мина. Т. С.Р. Боус в свое время обратил внимание на одинокий образ Агнца Божия — с розетками, раковинами и надписью «Sanctus Iacobus» — некогда украшавшего одну из церквей Триполи и послужившего строительным материалом для возведенного мамлуками хаммама Из-за ад-Дина¹⁵²¹.

¹⁵¹⁷ Le Strange G. Op.cit. — P. 350—351.

¹⁵¹⁸ Gabriel Bar Kalâi. Op.cit. — P. 466.

¹⁵¹⁹ Al-Yunini. Op.cit. — Vol. III, P. 92. Цит. по: Хилленбранд К. Указ. соч. — С. 332.

¹⁵²⁰ Le Strange G. Op.cit. — P. 350—351.

¹⁵²¹ Boase T.S.R. Ecclesiastical Art in the Crusader States in Palestine and Syria... — P. 108.

**Падение Акры и последних франкских городов на сиро-ливанском побережье
(1291 г.)**

С уничтожением Триполи становилось очевидным, что христианские города на сиро-ливанском побережье доживают свои последние дни. Княжество Антиохии-Триполи более не существовало. В последних числах апреля 1289 г. Ботрон и Нефин без боя достались армии Калауна; находившиеся там франки и некоторые сириане бежали на Кипр или в уцелевшие города Иерусалимского королевства. Крайне примечательной оказалась судьба Гибелета. Его сеньор — Петр Эмбриацо принес оммаж султану Калауну и добился права сохранить под своей властью древний финикийский город при условии выплаты значительной дани мамлюкам и при клятвенном заверении — не вступать в общение с другими франками Заморской земли¹⁵²². В то же самое время тамплиеры продолжали удерживать лежавшую на севере Тортосу — последний город княжества Антиохии-Триполи, сохранявший еще свободу от мамлюкского султана и его вассалов. Одновременно франки сохраняли еще и некоторые приморские города Иерусалимского королевства — Бейрут, Сидон, Тир, Акру, Хайфу — а также окружавшие их земли и такие твердыни, как Шато Пелерен. Однако в 1291 г. сын и преемник Калауна — султан Халил Аль-Ашраф — инициировал свой великий поход против франков Заморской земли. Эта кампания и положила конец христианскому господству в городах Леванта. История осады и падения Акры хорошо известна и вряд ли нуждается в детальном описании. Последняя столица Иерусалимского королевства пала после полуторамесячной осады — 18 мая 1291 г. Жители были частью перебиты, частью обращены в рабство. Многие защитники — франки и восточные христиане — успели бежать на Кипр¹⁵²³.

Известия о падении Акры и бойне, учиненной в городе, лишило уцелевших христиан какой-либо воли к сопротивлению. Тысячи франков и сирийских христиан устремлялись на своих кораблях на Кипр,

¹⁵²² Mas Latrie M.L. Histoire de l'île de Chypre... P. 484.

¹⁵²³ Для более подробного описания падения Акры и второго Иерусалимского королевства, отсылаем читателя к вышеприведенным работам Ришара, Рансимена, Груссе, Николла.

покидая родные города — либо после первых столкновений с мамлюками, либо же совсем без боя. На финальной стадии осады Акры — 19 мая 1291 г. — султан Калаун направил часть своей армии к Тиру. За год до указанных событий Тир перешел под власть Амори де Лузиньяна — младшего брата короля Кипра и Иерусалима. Однако в момент осады самого Амори не было в городе, т. к. он в эти самые дни, совместно с братом, защищал Акру. Тир был оставлен без должного гарнизона, а египетские орудия начали методичный обстрел его укреплений. Когда к гавани Тира подошли корабли с беженцами из Акры, они уже не могли проникнуть в окруженный город. Не видя иного выхода из сложившегося положения, франки сдали Тир без боя, не продержавшись и трех дней. Балби Амори де Лузиньяна в Тире — Адам де Кафран, совместно с франкскими рыцарями и знатными латинскими и сирийскими «бюргерами» покинул город и отплыл на Кипр. Остальных горожан ожидало пленение и рабство. 22 мая 1291 г. Тир окончательно перешел к мамлюкам¹⁵²⁴. Согласно лаконичной записи Абу-ль-Феды: «град Тир был полностью оставлен его жителями; он был занят по приказу султана»¹⁵²⁵.

В отличие от Тира, Сидон оказал мамлюкам упорное сопротивление. Державшие город тамплиеры избрали там нового магистра — Тибо Годэна — и спешно организовывали оборону. Узнав об укреплении Сидона, куда была доставлена казна ордена Храма, султан Калаун снарядил многочисленное войско для взятия города. Армия была доверена командованию эмира Шуджая. Осада началась в первых числах июля. Братьям-рыцарям и сержантам Храма, совместно с избранными латинскими и сирийскими горожанами, ничего не оставалось делать, кроме как укрыться в приморском замке. К этому времени магистр Тибо Годэн покинул осажденный город и отплыл на Кипр. Не получая ни известий, ни подкреплений от магистра, защитники и беженцы, укрывшиеся в цитадели, погрузились на корабли и ушли на север — к Тартусу. Сидон окончательно пал 14 июля 1291 г. Его укрепления были срыты, приморский замок — уничтожен. Тем не менее, в городе сохранилось несколько домов и церквей, оставленных в руках местных христиан¹⁵²⁶. Спустя две недели пала Хайфа (30 июля); на следующий же день другой мамлюкский контингент вошел в сданный без боя Бейрут (31 июля). 3 августа

¹⁵²⁴ Les gestes des Chiprois. — с.504, Р. 254.

¹⁵²⁵ Abu'l Feda. Op.cit. — Р. 162.

¹⁵²⁶ Les gestes des Chiprois. — с.509—511, Р. 256—257.

1291 г. тамплиеры покинули Тартус; на их галерах город покидали латинские и восточно-христианские беженцы. В их числе был и последний латинский епископ города — знаменитый Варфоломей Тортосский, бывший некогда бальи Триполи и последним архидиаконом Антиохии. То, что Тортоса была сдана без боя, позволило спасти кафедральный собор города от уничтожения; великая богородичная церковь была сохранена мамлюками и обращена в мечеть. Примечательно, что тамплиеры не стали далеко отходить от Тортосы; они укрепились на острое Руад — в двух милях от тортосской гавани. Арабский географ Аль-Идриси описывал Руад (или Арвад) как остров, «лежащий в море, близ Антартуса. На острове сем стоит великолепная церковь, прекрасно и крепко построена; она очень высока и неприступна; ее врата выкованы из железа. Поэтому она сама подобна крепости»¹⁵²⁷. На протяжении последующих двенадцати лет — вплоть до начала 1303 г. — братья-рыцари ордена Храма оставались на Руаде, получая подкрепления с франкского Кипра и удерживая остров-крепость в виду берегов потерянной Сирии. Между тем, к середине августа 1291 г. сдалась последняя великая твердыня франков в континентальном Леванте — принадлежавший ордену Храма приморский город Атлит, с его великим замком — Шато Пелерен. Как лаконично записал в своей хронике король Армении Хетум II: «В 740 г. Армянской эры (1291 г.) султан Египта — Ашраф отвоевал Акру у христиан, и христиане сдали без боя Тир, Сидон, Бейрут, и Тартус, и Шато Пелерен. И в тот год подошло к концу правление христиан в Сахиле»¹⁵²⁸.

В покоренных городах Леванта мамлюки учиняли привычные разорения; франкские замки и дома частью сносились, частью — приспособлялись под нужды мамлюкских гарнизонов. Великие церкви франков, греков и сирийцев исчезали, превращаясь в строительный материал для мечетей, медресе, хаммамов и домов. В Тире, по приказу Аль-Ашрафа, мамлюки до оснований уничтожили великий кафедральный собор Пресвятой Девы Марии — место коронации и помазания последних королей Иерусалимских, впервые освященный еще при императоре Константине I Великопостольном. В Бейруте мамлюки уничтожили старые городские церкви, а также срыли дворец Ибелинов — архитектурный шедевр раннего XIII в., над созданием которого трудились греческие, латинские, сирийские и арабские мастера. Последним городом

¹⁵²⁷ Le Strange G. Palestine under the Moslems... P. 399.

¹⁵²⁸ Bedrosian R., ed. The Chronicle attributed to King Hethum II. — P. 11.

сиро-ливанского побережья, остававшимся еще под властью христиан, был Гибелет (Библ). Им продолжал править Петр Эмбриацо, довольствовавшийся положением данника и вассала мамлюкских султанов. Однако его «вассальное» правление лишь отсрочило разорение Гибелета. Около 1300 г. Петр должен был сдать город и бежать на Кипр. Очевидно, это было вызвано тем, что христиане Гибелета (Библа) были уличены или заподозрены мамлюками в тайных сношениях с франками островного королевства¹⁵²⁹. С бегством Петра Эмбриацо, мамлюки вошли в город, учинив там привычное поругание христианских святынь. Кафедральный собор Св. Иоанна был разграблен и превращен в конюшню. Латинский епископ Гибелета — францисканец Гуго успел заблаговременно покинуть город; он закончил свои дни в Англии, при дворе короля Эдварда I Длинного. Автор хроники Ланеркоста, лично встречавший епископа Гуго в Англии, писал, что «его епископская кафедра и его город были уничтожены в том разорении»¹⁵³⁰.

Мамлюкское завоевание последних владений короля Армении в северной Сирии (1292—1293 гг.)

В 1293 г. мамлюкские армии вновь выступили на север, дабы уничтожить последние христианские владения в Сирии. Северо-сирийские земли — с Кайсуном и Рум Калаатом — находились еще во власти киликийских армян. Кайсун был занят благодаря союзу короля Хетума I с монголами; Рум Калаат, со времен существования графства Эдесского, принадлежал католикусу Армянской Апостольской Церкви¹⁵³¹. «И вновь бесчисленные полчища фараона собрались, и выступили, и встали лагерем пред Калаат Румайтой, что на реке Евфрат. И они взяли эту крепость, осаждая ее двадцать дней; и они убивали, и оскверняли, и грабили, и увели в плен сыновей и дочерей без всякого числа»¹⁵³².

¹⁵²⁹ О договоре Петра Эмбриацо с мамлюками см. Al-Maqrizi. Histoire des sultans mamlouks... Vol. II, P. 103—104. О пребывании Петра на Кипре см. Rey E.G. Les Seigneurs de Giblest... P. 407.

¹⁵³⁰ The Chronicle of Lanercost. — P. 64.

¹⁵³¹ О передаче укрепленного города Рум Калаат (Хромкла) католикусу Григорию эдесскими франками см. выше: Часть III, гл. 2, С. 100—105; Часть IV, гл. 1, С. 100—105.

¹⁵³² Bar Hebraeus. Chronography... P. 580.

Католикос Стефан IV был взят в плен и доставлен на юг — в Палестину, где и умер, так и не увидев свободы. О смерти католикоса до нас дошли противоречивые сведения. Очевидно, что он скончался в мамлюкском плену, но неясно — была ли его смерть насильственной, был ли он в заточении, или же оставался на положении почетного пленника на Святой земле. Как пишет Бар Эбрей, мамлюки «взяли армянского Католикоса и всех монахов, которые были с ним, и перевезли его с почестями в Иерусалим в субботу, двадцать восьмого дня месяца Хазиран (июнь) того года; там он пребывает и поныне. Другие же говорят о том, что его там больше нет, и что его распяли, и бросили в оковы тех, кто его сопровождал, и силой доставили их в Египет. В данный момент исход его истории неясен. Сомнению не подлежит лишь то, что он закончил свои дни, страдая в Дамаске. И армяне считают, что это достоверно, ибо они уже избрали подходящего мужа и нарекли его католикосом (...), и поставили ему кафедру в Сисе Киликийском»¹⁵³³. Действительно, в 1293 г. на соборе епископата Армянской Апостольской Церкви в Сисе, в присутствии короля Хетума II, был избран новый Католикос — Григорий VII. С этого момента кафедра Католикоса находилась в столице королевства Киликийской Армении — Сисе. Кафедра киликийского Католикоса Армянской Апостольской Церкви оставалась в Сисе вплоть до Великого Геноцида (1915—1921 гг.), когда Католикос Сахаг II должен был бежать в Ливан¹⁵³⁴. После кампаний 1292 г. границы власть христианских государей Киликийской Армении не распространялась за горы Аманоса; сирийские земли всецело перешли под власть мусульман.

V. Массовые истребления христиан и уничтожение христианского наследия на Ближнем Востоке

Кампании трех мамлюкских султанов — Бейбарса, Калауна и Аль-Ашрафа — коренным образом отразились на культурном ландшафте Леванта, радикально изменив соотношение мусульманского и христианского присутствия в данном регионе. Великие христианские города Ближнего Востока претерпели чудовищное разорение;

¹⁵³³ Bar Hebraeus. Chronography... P. 580.

¹⁵³⁴ С 1930 г. кафедра и резиденция Католикоса Великого Дома Киликии располагается в небольшом ливанском городе Анталиас.

их церкви и монастыри, дворцы, мастерские, скриптории и библиотеки, сады, городские стены были стерты с лица земли. Антиохия и Триполи были полностью уничтожены; окружавшие их монастыри и христианские поселения бесследно исчезли, так и не оправившись после мамлюкских опустошений. Другие города сиро-ливанского побережья, такие как Латакия, Сидон, Тир, Бейрут, Библ (Гибелет), подверглись безжалостным разорениям. Население Яффы было полностью перебито или же распродано в рабство. Киликийские города — Тарс, Адана, Мамистра, Сис, Айас — лишились значительной части своих сокровищ, памятников и населения во время мамлюкских вторжений 1266 и 1275 гг.

*Гонения мамлюкских султанов против православного населения Леванта.
Кара, Александрия, Иерусалим, Черная гора*

Зачастую в кампаниях мамлюкских султанов прослеживалось подчеркнутое стремление к искоренению христианского присутствия на Ближнем Востоке. Кампании Бейбарса в Галилее сопровождалась безжалостным разорением христианских поселений и церквей. Совершая свое победоносное шествие от галилейского замка Сафед — к Акре, султан велел своим войнам истреблять всех христиан на своем пути, о чем свидетельствуют старофранцузские хроники¹⁵³⁵. Эта череда мамлюкских гонений касалась не только латинян; она непосредственным образом была направлена против и против православного населения Леванта.

В 1266 г., получив донос от одного мусульманина, султан Бейбарс лично возглавил карательный набег на заселенную мелькитами Кару — небольшой город, располагавшийся на мусульманских землях, между Дамаском и Хомсом (Эмесой). Кара была процветающим, преимущественно христианским городом, на окраине которого возвышался почитаемый православный монастырь Св. Иакова Рассеченного. В первой половине XIII в. кафоликон монастыря Св. Иакова в Каре был расписан приглашенными иконописцами, прибывшими из графства Триполи. Когда армия султана подошла к Каре, Бейбарс лично повел атаку мамлюкской конницы на безоружный город

¹⁵³⁵ Les gestes des Chiprois. — с.347, Р. 181.

и монастырь, убивая всех на своем пути. Братия монастыря была поголовно уничтожена, а ее святыни и имущество разграблено воинами султана. Фресковая роспись монастыря, частично сохранившаяся до наших дней, сохраняет яркие примеры как издевательства, так и своеобразного благочестия мамлюков; воины Бейбарса скололи лики свв. воинов-мучеников — Феодора Стратилата и Сергия, но при этом пощадили лики Богоматери, Христа и Иоанна Крестителя, почитаемых в исламе. Не только все монахи, но и все мужчины Кары были вырезаны. Женщины и дети были проданы в рабство. По особому приказу султана все дети христиан Кары были уведены в Египет, где были насильно обращены в ислам; они должны были пополнить ряды мамлюкских воинов султана¹⁵³⁶. Невзирая на то, что мамлюкские правители поощряли переселение тюркских племен на земли Кары, город в XIV в. вновь превратился в христианское поселение, т. к. мелькиты из других регионов Сирии упорно переселялись к опустошенным домам и святыням своих собратьев. Обитель Св. Иакова Рассеченного была возрождена — уже как женский монастырь, который ныне находится в составе Мелькитской греко-католической Церкви.

Духовный наставник султана Бейбарса — шейх Хадир аль-Михрани прославился не меньшими злодеяниями в отношении зимми (христиан и иудеев). Особую жестокость суфийский шейх проявлял к православным. Около 1268 г. он, с дозволения Бейбарса, возглавил набег мамлюков на грузинский монастырь Св. Креста в Иерусалиме. Хадир аль-Михрани лично обезглавил игумена монастыря, а его воины перебили монахов и послушников. Обитель была дочиста разграблена и превращена шейхом Хадиром в медресе для суфийского братства¹⁵³⁷. В 1271 г., опять же, при поддержке султана Бейбарса, шейх Хадир со своими последователями обрушился на православный кафедральный собор и монастырь Св. Марка в Александрии (монастырь Асфаль аль-Ард). Великая православная обитель — некогда сохранявшая часть мощей св. Апостола и Евангелиста Марка и одну из предполагаемых глав св. Иоанна Предтечи — была опустошена и обращена в медресе, которую шейх

¹⁵³⁶ Abu'l Feda. Op.cit. — P. 151.

¹⁵³⁷ Подробнее, см. Pahlitzch J. Mediators Between East and West: Christians under mamluk Rule // Mamluk studies review. — 2005. — Vol.9 (2). — P. 32—33; Parker K.S. The Indigenous Christians of the Arabic Middle East... P. 130.

Хадир назвал в свою честь — «медресе аль-Хадра»¹⁵³⁸. Справедливости ради, следует отметить, что Хадир аль-Михрани был, в итоге, брошен в темницу самим Бейбарсом, ибо бесчинства этого шейха вызвали уже открытый протест со стороны военачальников султана, в частности — его лучшего полководца Калауна.

Когда речь заходит о разорениях христианских поселений в Леванте второй половины XIII в., крайне показательным является различие политики мамлюкских султанов относительно южных (палестинских) и северных (сирийских, киликийских) территорий. На юге мамлюки предпочитали уничтожать замки крестоносцев, но при этом позволяли своим восточно-христианским подданным или же прибывающим на их земли иноземцам (венецианцам, грузинам) восстанавливать некоторые церкви и монастыри¹⁵³⁹. Меж тем, на севере — в сирийских, ливанских и киликийских землях — мамлюки, напротив, сохраняли и переоборудовали замки и, в то же самое время, яростно уничтожали монастыри и церкви христиан, «очищая» эти регионы от их присутствия. После мамлюкских походов 1262, 1266, 1268 и 1275 гг. большинство монастырей северной Сирии и восточной Киликии пребывали в опустошенном состоянии; их церкви, ризницы, библиотеки, скриптории были разграблены, иноки и послушники — перебиты или уведены в рабство. С особым ожесточением уничтожали обитатели латинян, румов и армян. Об этом ясно свидетельствует Бар Эбрей, когда пишет о том, что во время нападения 1275 г., мамлюки уничтожили все монастыри греков и армян на своем пути¹⁵⁴⁰. Жозеф Насралла обращает внимание на колофон арабской литургической рукописи, которую составил «Иосиф, сын Стефана, сына Мины, монах горы Антиохийской, пленник, пребывающий в граде Каире, в феврале 6780 г.» (т. е. 1292 г.). Как отмечает Насралла, «этот монах был одним из уцелевших после истреблений 1268 г. или 1275 г., отведенным в рабство в Египет»¹⁵⁴¹. Монаху

¹⁵³⁸ Parker K.S. *The Indigenous Christians of the Arabic Middle East...* P. 130.

¹⁵³⁹ Так, к началу XIV в. грузинами был восстановлен монастырь Св. Креста, а венецианцы смогли занять и обустроить разоренный православный собор Св. Марка (Асфаль аль-Ард).

¹⁵⁴⁰ Bar Hebraeus. *Chronography...* P. 532. Цитата из «Хронографии» приведена выше, см. С. 100—105.

¹⁵⁴¹ Joseph (Nasrallah). *Couvents de la Syrie du Nord portant le nom de Siméon...* P. 148. Этот монах также известен по арабской рукописи комментариев к Евангелию от Иоанна (Vat. Arab 41), о которой мы уже писали выше: Часть IV, гл. 1, С. 100—105.

Иосифу явно повезло, т. к. он находился на положении ученого писца при мусульманском господине, позволявшим ему продолжать работать над собственными рукописями и текстами. Так или иначе, этот одинокий монах стал одним из последних живых свидетелей величия Лавры Св. Симеона Дивногольца. В последующие века, в разоренную Лавру на Дивной горе поднимались лишь отдельные паломники, путешествовавшие по дороге, соединявшей Сирию и Малую Азию. В их числе в 1656 г. был и Патриарх Макарий III Заим со своим сыном — архидиаконом Павлом Алеппским. Последний описал богослужение в опустевшем монастыре¹⁵⁴².

Плач Георгия Пахимера о падении государств Заморской земли

Падение франкских в Сирии и Палестине всколыхнуло не только латинский Запад, но весь христианский мир, вызвав глубочайшую скорбь среди христиан Леванта, Киликии, Кавказа, Византии. В пределах Ромейской державы один из придворных василевса — Георгий Пахимер, человек, у которого, казалось бы, не было причин оплакивать потери крестоносцев, оставил на страницах своей «Истории...» преисполненный горечи плач об уничтоженных мамлюками христианских городах Заморской земли. «Тогда как итальянцы занимали поморье всей Сирии, владели Финикиею, господствовали над самою Антиохией и настойчиво состязались за места Палестины, славившиеся святостью по той весьма справедливой причине, что там жил, страдал и устроил наше спасение Спаситель, — эфиопяне, надеясь на составившиеся из скифов войска, выходили из своих мест, и всю землю, по пословице, делали мидийскою добычею до тех пор, пока мало-помалу (ибо итальянцы не вступали с ними в мирные условия, так как они были и назывались врагами честного креста), не стали нападать даже на самые большие города и не сравнивали их с землею. В таких развалинах лежит и теперь славная Антиохия, в таком же состоянии — Апамея; разрушены Тир и Бейрут; то же испытал и Сидон; а с другой стороны стонет Лаодикея; Триполи же и Птолемаида, великие города итальянцев, считаются как бы несуществующими; да уничтожен и прекрасный Дамаск, некогда

¹⁵⁴² Павел Алеппский. Путешествие Антиохийского Патриарха Макария... Книга I, гл. 1, С. 14—15.

бывший пограничным городам Римской империи к востоку; и решительно ничто не осталось целым, кроме тех мест, которые платят дань армянам. А многочисленное население всех этих городов рассеяно по всей земле, исключая павших или на войне, или в мученических пытках за несогласие отречься от веры»¹⁵⁴³. Так, уничтожение государств и городов Заморской земли было еще при жизни современников признано одним из величайших бедствий, постигших христианский мир.

К вопросу о позднейшей полемике и конфессиональном восприятии истории: сопоставление византийских и антиохийских текстов с описаниями греческих историков османского и позднейшего периодов.
«История Антиохийских Патриархов» Констанция I Синаита

В последующие века, в период османского владычества, межконфессиональная греко-латинская полемика и римский прозелитизм среди православных в известной мере поспособствовал зарождению представления об эпохе франкского владычества в Леванте исключительно как о времени «латинских гонений» на христиан Востока. Все настойчивее озвучивался тезис о предпочтительности для православных более мусульманского (в частности — османского) правления над латинским. Еще более парадоксальными и деструктивными, с точки зрения восприятия истории, кажутся попытки проецировать подобные представления и на эпоху мамлюкского правления, противопоставляя ей период господства латинян-крестоносцев. В этом отношении нельзя не обратить внимание на радикальное различие в толковании эпохи мамлюкских завоеваний со стороны константинопольских и, собственно, антиохийских церковных историков османского периода. В частности, нельзя не обратить внимание на «Историю...» Вселенского Патриарха Констанция I Синаита, составленную во второй четверти XIX в. По словам Патриарха Констанция, «мамлюки показали себя намного более терпимыми, нежели латиняне; они позволили православным христианам избрать Патриарха»¹⁵⁴⁴. При этом Констанций либо не понимает, либо нарочито не придает значения тому, что и предшественники Евфимия I (Симеон II и Давид), и преемники (Арсений, Кирилл III,

¹⁵⁴³ Georgius Pachymeres. Op.cit. — Vol. III, P. 179—180.

¹⁵⁴⁴ Neale J.M. A History of the Holy Eastern Church. The Patriarchate of Antioch... P. 177.

Дионисий I) были избраны и пребывали либо на франкских, либо на армянских землях, но отнюдь не на территориях, подвластных «терпимым» мамлюкам.

Размышляя о различном толковании истории и о сознательном ее искажении, достаточно сопоставить «Историю....» Патриарха Констанция с текстами антиохийских авторов, собирателей сирийских христианских рукописей и памятников литературы — Макария III Заима, Павла Алеппского, Афанасия III Даббаса, или же с сокрушенным плачем о падении Латинского Востока в книге византийского автора — Георгия Пахимера. Подобное сопоставление в полной мере позволяет понять, что «антиохийская» или «византийская» перспектива восприятия эпохи франкского и мамлюкского владычества радикально отличалась от поздней «греческой» точки зрения на данный исторический период в истории христианского Востока. Очевидно, что слишком многие «православные» историки, подобные Патриарху Констанцию I, предпочитали, в своих рассуждениях о превосходстве исламского правления над латинским, начисто игнорировать осквернения, опустошения и убийства, совершенные Бейбарсом, Калауном, Аль-Ашрафом, Шуджаем, Хадиром аль-Михрани и прочими деятелями мамлюкского султаната. Важнейшим отражением перемен, сопряженных с изгнанием франков и установлением мамлюкского правления, несомненно, можно считать резкий спад в христианском зодчестве, литургическом искусстве, литературе на Ближнем Востоке в XIV-XVI вв.

VI. Киликия и Кипр — пристанища сирийских христиан.

Последние походы христиан Киликии и Кипра в Сирию

С падением последних франкских оплотов в Сирии и Палестине, тысячи беженцев — как латинян, так и восточных христиан — устремлялись в пределы уцелевших христианских государств Леванта, королевств Кипра и Армении.

Франки и ромеи в Киликийской Армении

Огражденная с юго-востока горами Аманоса, Киликийская Армения принимала беженцев — франков, греков, сириан — еще со времен

первых кампаний султана Бейбарса. Напомним, что именно в пределы державы Хетумидов ушли те немногие жители Антиохии, которые были отпущены Бейбарсом (1268 г.); в их числе был и коннетабль Антиохии — Симон де Мансель, с частью своих рыцарей. В пределах Киликийской Армении закончил свои дни латинский епископ Варфоломей Тортосский (в прошлом — архидиакон Антиохии и балы Триполи). При дворе королей династии Хетумидов оставались многочисленные представители франкского или смешанного франко-армянского нобилитета, державшие фьефы на землях равнинной и нагорной Киликии; к последним принадлежала последняя королевская династия Армении — младшая ветвь рода де Лузиньян, сменившая на престоле Хетумидов в 1342 г.¹⁵⁴⁵. В городах Киликии — Айасе, Мамистре, Тарсе — оставались не только франкские общины, но и фактории итальянских торговых республик. На землях королевства Армении сохранялись и последняя действующая епархия латинского Антиохийского Патриархата — архиепископия Тарса, восстановленная королем Хетумом II в 1292 г. для окормления латинских христиан его государства.

Невзирая на скудость источников, можно предположить, что киликийские земли в XIII-XIV вв. сохраняли ощутимое присутствие православных, численность которых поддерживалась за счет покидавших подвластную сельджукам Анатолию и бежавших из разоряемой мамлюками Сирии. Помимо франкских и франко-армянских нобилей, в числе вассалов королей Армении оставались представители армяно-халкидонитской и ромейской знати. В Тарсе, Адане, Мамистре, Анazarве сохранялись действующие епархии, церкви и монастыри православных, ромейских христиан. Стоит обратить внимание на то, что в первой половине XIV в., как минимум два православных Патриарха Антиохийских избирались в Киликии и лишь затем получали признание ромейского василевса и своих константинопольских собратьев¹⁵⁴⁶.

¹⁵⁴⁵ В 1342 г., после смерти короля Левона IV, бароны королевства Армении возвели на престол Ги де Лузиньяна — сына Амори де Лузиньяна (последнего сеньора Тира, балы Кипра) и Изабеллы, дочери короля Левона II Хетумида. При восшествии на престол он принял имя «Константина III». Совместно со своими братьями — Гуго, Генрихом, Жаном и Бозмундом — он перебрался в Киликию, где и держал фьефы, войдя в число баронов королевства Армении.

¹⁵⁴⁶ Речь идет о Патриархах Дионисии I и Дионисии II. Первый был избран киликийскими иерархами в 1287 г., в правление короля Левона II Хетумида; до своего избрания он был митрополитом Помпейополя. Второй Дионисий был избран во второй

Это, бесспорно, подчеркивает значимость православного Антиохийского Патриархата для королей Армении и роль православных Киликии для Антиохийской Церкви. Относительное благоденствие латинян и ромеев в Киликии было навсегда прервано с падением королевства Армении, окончательно завоеванного мамлюками к 1393 г.

Миграция сирийских франков и ромеев на Кипр. Титулярные государи Антиохии, Триполи, Галилеи и Эдессы в пределах Кипрского королевства

Последнем центром господства крестоносцев оставался Кипр. Короли династии Лузиньянов держали под своей властью остров вплоть до 1489 г., после чего он перешел к венецианцам¹⁵⁴⁷. В конце XIII в. островное королевство превратилось в главное пристанище для христиан, бежавших из континентального Леванта: именно туда устремились переполненные беженцами корабли, покидавшие Триполи, Акру, Тир, Сидон, Тартус. Стоит особо отметить, что этими беженцами были не только латиняне, но и сирийские христиане — мелькиты, марониты, сиро-яковиты. Важнейшим показателем восточно-христианского отношения к мамлюкскому правлению можно считать именно это бегство тысяч «сириан» на занятый франками Кипр. Так, на рубеже XIII-XIV вв. в Фамагусте арабоязычные мелькиты («сириане») едва ли не превышали по численности местных, грекоязычных кипрских ромеев. Как показали в своих исследованиях Эдбурри и Ришар, «сириане» Фамагусты играли важнейшую роль в экономической жизни Кипрского королевства; многие из них были видными торговцами и ростовщиками, ремесленниками, сановниками¹⁵⁴⁸. В XIV в. под защиту кипрских франков бежал и Патриарх Антиохийский и всего Востока — Игнатий II, о котором мы уже писали выше¹⁵⁴⁹.

четверти XIV в., в правление короля Ошина или Левона IV; до восшествия на престол он был митрополитом Мамистры. Подробнее см. выше: Часть III, гл. 3, С. 100—105.

¹⁵⁴⁷ Хотя, конечно же, к северу от Кипра располагались и другие островные форпосты латинян в восточном Средиземноморье, в частности — завоеванный госпитальерами в 1309 г. Родос, принадлежавший венецианцам Крит, Ионические острова.

¹⁵⁴⁸ Richard J. Le peuplement latin et syrien en Chypre au XIIIe siècle // BF. — Hakkert, 1979. — P. 157—173; Edbury P.W. The Kingdom of Cyprus... P. 102.

¹⁵⁴⁹ См. выше: Часть III, гл. 4, С. 100—105.

Еще в XVI в., уже в период венецианского владычества, на Кипре можно было еще встретить общины сирийских христиан (мелькитов, маронитов, сиро-яковитов), сохранявших память о великом исходе своих предков с континента. К числу последних принадлежал и Гавриил бар Килай — сиро-яковитский епископ Никосии, создавший на основе не дошедших до нас (но доступных ему и его современникам) источников и воспоминаний «Плач о падении Триполи», последний из известных текстов, составленных в жанре «ламентации» по франкским городам Заморской земли.

На протяжении веков на Кипре продолжали жить и потомки тех франков, которые бежали из Сирии и Палестины в XIII в. Младшие отпрыски и наследники Кипрского королевского дома получали титулы правителей давно исчезнувших государств сирийских франков. В XIV в. наследник королевского престола Кипра (и титулярного престола Иерусалима) традиционно носил титул графа Триполийского¹⁵⁵⁰. Его резиденция, близ Нового замка, именовалась домом графа Триполи¹⁵⁵¹. Титул «князя Антиохийского» чаще всего получал второй сын Кипрского короля, или столь же значимая фигура, не имевшая права на королевский престол. Среди кипрских «князей Антиохии» особую известность приобрел Жан I де Лузиньян, младший брат короля Петра I Кипрского. Князь Жан I Антиохийский принимал участие в Александрийском крестовом походе (1347 г.), кампаниях своего брата у берегов Сирии и Малой Азии; он также получил недобрую славу и как один из участников вероломного убийства короля Петра I¹⁵⁵². Титул князя Антиохийского носил также сын и наследник короля Януса де Лузиньяна — Жан II де Лузиньян, будущий король Кипра¹⁵⁵³. Также кипрские монархи жаловали своим сородичам и титул «князя Галилейского», сохраняя память о богатой сеньории, некогда основанной Танкредом и итало-нормандскими крестоносцами на родине

¹⁵⁵⁰ Графом Триполи был, до своего восшествия на престол, прославленный король Петр I де Лузиньян, а также его сын и наследник — Петр II.

¹⁵⁵¹ Леонтий Махера. Указ. соч. — гл. 87—89, С. 169.

¹⁵⁵² Его сын — Жак де Лузиньян, впоследствии получил титул графа Триполи от короля Петра II.

¹⁵⁵³ Последним кипрским титулярным князем Антиохии был супруг королевы Шарлотты де Лузиньян, регент Кипра, португальский инфант Жан (Хуан) де Коимбра, отравленный в 1457 г.

Спасителя. Кратковременной была и попытка возродить титулярную линию графов Эдессы; в 1365 г. король Петр I де Лузиньян пожаловал этот титул своему вассалу и соратнику — Жану де Морфу¹⁵⁵⁴.

В пределах Кипрского королевства на протяжении долгого времени сохранялись и латинские церковные братства и капитулы, связанные с уничтоженными святынями и церквями Антиохийского Патриархата. Так, уцелевшие «бенедиктинцы антиохийского монастыря Св. Павла», обители, уничтоженной Бейбарсом в 1268 г., получили пристанище на Кипре; возрожденной братии был передан великий православный монастырь Ставровуни. В столице королевства — Никосии — служили монахини «Богоматери Тортосской». Сохранилось достаточное количество свидетельств о пребывании выходцев из Антиохии и Триполи, а также их дальних потомков в пределах островного Кипрского королевства. В Лимассольском замке, среди многочисленных надгробий и могильных плит, можно увидеть величественное надгробие «Адама Антиохийского — маршала Кипра»¹⁵⁵⁵.

Новый поход монгольских, киликийских и грузинских войск в Сирию.

Третья битва у Хомса (1299 г.)

В XIII-XIV вв. христиане Киликии и Кипра совершили несколько попыток отбить у мамлюков по крайней мере часть утраченных сирийских территорий. Именно этим, во многом, объясняется устремление мамлюкских султанов к уничтожению христианского населения и святынь в северо-западной Сирии и их одновременное желание сохранить там, для собственных оборонительных нужд, замки и прочие крепостные сооружения франков.

Первый подобный удар был нанесен в 1299 г., когда монголы и их христианские союзники начали новый поход в Сирию. Правителем Ильханата — Газан (невзирая на то, что был христианином, перешедшим, при восшествии на престол, в ислам) оставался покровителем христиан и буддистов, и ревностным противником мамлюков. Собрав

¹⁵⁵⁴ Edbury P.W. The Kingdom of Cyprus... P. 102.

¹⁵⁵⁵ Хотя стоит отметить, что Адам, как и его сын — Жан Антиохийский, наследовавший пост маршала Кипра около 1247 г., принадлежали к числу антиохийских франков, которые перебирались на Кипр еще до мамлюкских завоеваний.

под своими знаменами более 60,000 монгольских, тюркских и персидских воинов, ильхан Газан возобновил борьбу за земли Сирии и Палестины. На соединение с ильханом, откликнувшись на его призыв, выступили грузинские войска, а также король Киликийской Армении — Хетум II. С прибытием государей Грузии и Киликийской Армении, численность монголо-христианского войска достигла 100,000 человек.

Войдя в сирийские пределы, армия ильхана Газана и короля Хетума II заняла Алеппо, прошла мимо руин Антиохии и начала продвижение на юг, вдоль по течению Оронта. Узнав о новом ближневосточном походе монголов, султан Аль-Насир, младший сын Калауна, собрал все возможные силы и выступил на север. Армия мамлюков уступала по численности войскам монголов, христианам Киликии и Кавказа. Как и во время похода 1281 г., противники встретились в долине Оронта, неподалеку от Хомса. На рассвете 22 декабря 1299 г. армии сошлись в сражении, известном как третья битва у Хомса или битва в Вади аль-Хазандар. В отличие от событий семнадцатилетней давности, третья битва у Хомса обернулась решающей победой монголов и христиан. Армия мамлюкского султана была разгромлена. Отступавшие через ливанские долины мамлюки потеряли множество воинов убитыми и ранеными из-за постоянных нападений христиан-маронитов, не простивших египетским воинам-рабам учиненных ранее истреблений и разорений. В то же самое время монголы и их христианские союзники продвигались по следам отступавших мамлюков, которых преследовали вплоть до Газы. В январе 1300 г. армия ильхана Газана заняла Дамаск.

Тем не менее, не только дальнейшее продвижение, но даже удержание покоренных территорий оказалось не под силу монголам. Ильхан Газан рассчитывал на помощь и поддержку христиан, но эти надежды не оправдались. Монгольские тумены требовали возвращения на север — в персидские земли; их кони были частью перебиты, частью переутомлены во время похода. Спустя месяц после взятия Дамаска, ильхан Газан начал переброску основной части своих войск на север. Небольшие монгольские гарнизоны, оставленные в Дамаске и других городах Сирии, не смогли отразить последовавший натиск мамлюков¹⁵⁵⁶.

¹⁵⁵⁶ Описание похода ильхана Газана достаточно ясно изложено во франкских хрониках, см. *Les gestes des Chiprois*... P. 296—302; *Chronique d'Amadi*... P. 234—235.

Франкские походы в пределы бывшего графства Триполи (1300—1301 гг.)

В то время как монголы уже покидали завоеванные территории, франки, во главе с кипрским королем Генрихом II де Лузиньяном, смогли, наконец, возобновить борьбу за утраченные сиро-ливанские земли. Но это были запоздалые меры, проводимые слишком малыми силами. Ранней весной, по приказу короля Генриха II, к побережью Сирии направились четыре корабля, на борту которых находилась всего одна сотня воинов (40 конных и 60 пеших). Это был лишь авангард армии короля. Франкский отряд высадился у Ботрона и занял город. Также им предписывалось завоевание старого замка Нефин, некогда служившего опорой для князей Антиохии-Триполи. Однако, следуя дурному совету сирийских христиан, войска совершили дерзкую попытку завоевать Монт Пелерен; там большая часть посланных королем Генрихом II рыцарей и сержантов была перебита мамлюками. Немногие прорвавшиеся с поля боя бежали в Ботрон, где, сев на корабли, переправились обратно на Кипр¹⁵⁵⁷. Невзирая на это поражение, король Генрих II направил к побережью Сирии еще одну флотилию, под началом Ги Ибелина — графа Яффы, и маршала Кипра — Жана Антиохийского. Совместно с генуэзцами, они заняли Гибелет (Библ), однако подоспевшие мамлюкские войска быстро вынудили их покинуть город и выйти в море¹⁵⁵⁸.

Третий сирийский поход кипрских франков лично возглавил брат короля Генриха II — Амори де Лузиньян. На этот раз поход был начат большими силами и должен был проходить совместно с планировавшимся монгольским вторжением в Сирию. Согласно тексту «Деяний киприотов»: «В конце года (1300 г. — С. Б.) на Кипр пришли вести от Газана, царя Тартаров, который сообщал, что прибудет во время зимы, и что он желает, чтобы франки соединились с ним в Армении»¹⁵⁵⁹. В ноябре 1300 г. Амори собрал многочисленное войско — рыцарей, сержантов, наемников, а также контингенты тамплиеров

¹⁵⁵⁷ Chronique d'Amadi... P. 235—236.

¹⁵⁵⁸ Les gestes des Chiprois... с. 622, P. 305—306.

¹⁵⁵⁹ Les gestes des Chiprois... P. 306. «Амори де Лузиньян, коннетабль королевства Иерусалимского, прибыл в ноябре (...) и привел с собой 300 рыцарей и столько же, если не больше, тамплиеров и госпитальеров».

и госпитальеров. Всего под его знаменами находилось более 600 рыцарей и конных сержантов. Прибыв, во главе флота, к сирийскому побережью, Амори де Лузиньян занял Тартус. Там он ждал прибытия монгольских войск, которые обещали войти в Сирию; однако ожидание оказалось тщетным. Монгольская конница так и не появилась, в то время как мамлюки стянули многотысячное войско к Тартусу. Под ударами мамлюков, Амори увел свои войска из Тартуса, укрепив гарнизон тамплиеров на Руаде¹⁵⁶⁰.

Последние походы монголов и киликийских монархов в Сирию. Битва у Мардж ас-Суффара (1302—1303 гг.)

В феврале 1302 г., уже после отбытия франков, монголы действительно вновь вошли в Сирию. На этот раз их возглавлял не ильхан, а его доверенный военачальник — Кутлушах. В этом походе к ним вновь присоединился король Армении — Хетум II, а также франкский контингент, во главе с графом Ги Ибелином и Жаном Эмбриако. «В феврале великий аммир тартаров, имя которого Котлессер (Кутлушах), прибыл в Антиохию с 60,000 всадников и потребовал, чтобы к нему присоединился король Армении, который прибыл с Ги Ибелином, графом Яффы, и Жаном, сиром Гибелета»¹⁵⁶¹. Тем не менее, этот поход, опять же, не привел к перманентным завоеваниям. Совместно с войсками короля Киликийской Армении и отрядом сирийских франков, Кутлушах «разорил все земли от Алеппо до Ля Камеллы, а затем вернулся в свою страну, не совершив ничего больше»¹⁵⁶². Разграбив мусульманские земли вплоть до стен Хомса, монголы повернули на север и ушли за Евфрат. Спустя два года, монгольские тьмы под началом Кутлушаха, совместно с войсками короля Хетума II, вновь вошли в Сирию, но потерпели сокрушительное поражение близ Дамаска, в битве у Мардж аль-Саффара (20—22 апреля 1303 г.). Эта мамлюкская победа фактически

¹⁵⁶⁰ Chronique d'Amadi... P. 237—238; Les gestes des Chiprois... P. 296—302; Hayton. La Flor des Estoires... P. 198—199; О последних походах франков в Сирию, см. также: Edbury P.W. The Kingdom of Cyprus and the Crusades... P. 104—105.

¹⁵⁶¹ Les gestes des Chiprois... P. 305—306.

¹⁵⁶² Les gestes des Chiprois... P. 305—306.

положила конец вторжениям монгольских ильханов и вассальных им королей Киликийской Армении на земли Сирии и Палестины. Правда, ильхану Газану суждено было совершить еще один, последний поход на сиро-палестинские земли в 1308 г.; однако и тогда его тумыны, дойдя до стен Иерусалима, должны были повернуть и уйти на север, не удержав завоеванных территорий и оставив Святую землю в руках мамлюкских султанов.

Петр I де Лузиньян и последний поход кипрских франков к берегам Сирии

В то же самое время в XIV в. франки Заморской земли еще не отказались полностью от рейдов и попыток завоевания сиро-ливанского побережья. Последние военные кампании, направленные на захват или разорение портовых городов Леванта были инициированы великим королем Кипра — Петром I де Лузиньяном. В ноябре 1366 г. флотилия из пятнадцати кораблей, направленная королем Петром, отбила у мамлюков Триполи. Франки смогли занять как руины старого города, так и новый город, основанный Калавуном. Быть может и была надежда, что кипрские франки смогут удержать Триполи так же, как они на протяжении многих лет удерживали Смирну. Сам король Петр I, до своего восшествия на престол, носил титул графа Триполи. Тем не менее, у кипрских франков не было достаточных сил для удержания города; они должны были уйти, довольствуясь лишь разграблением нового мамлюкского города и старых руин.

Осенью 1367 г. кипрский флот, под командованием самого короля Петра I де Лузиньяна, в последний раз обратился к берегам Сирии; франки вновь вошли в Триполи. 28 сентября 1367 г. король Кипра и Иерусалима, бывший граф Триполийский — Петр I де Лузиньян — совершил свой триумфальный вход в Триполи. Едва восстановившийся город был повторно разграблен. Вскоре армия Кипрского короля должна была спешно, с большими потерями, покинуть город. Увлеченные грабежом христианские воины оказались легкой добычей для контратаковавших мамлюков. По словам кипрского ромея — Леонтия Махеры, «король быстро покинул Триполи из-за недисциплинированности его людей»¹⁵⁶³.

¹⁵⁶³ Леонтий Махера. Указ. соч. — С. 219—220.

Тем не менее, Петр I смог благополучно вывести свои войска и корабли в море, и восстановить дисциплину, воодушевив людей для продолжения похода. Под началом короля франки смогли также кратковременно занять Тартусе и Валанию. В Тартусе мамлюкский гарнизон, увидев многочисленность королевской армии и флота, бежал в горы, сдав город без боя. В прославленном кафедральном соборе Пресвятой Богородицы (Нотр-Дам де Антартус) воины короля Петра обнаружили склад пакли, смолы и корабельных принадлежностей. Город был полностью разграблен; найденные там запасы — частью вывезены, частью сожжены. Занятая франками Валания была, по приказу короля Петра, полностью предана огню. Далее флот короля Кипра и Иерусалима достиг Латакии. Как сказано в «Завоевании Александрии» прославленного Гильома де Машо, «три славных города разорил доблестный король: Тортосу, Валанию и Латакию»¹⁵⁶⁴. Согласно Леонтию Махере, последовавшая попытка занять Латакию не увенчалась успехом из-за шторма, и король Петр I повел свои корабли дальше на север — к берегам Киликии, где им был разграблен Айас (уже на протяжении многих лет принадлежавший мамлюкам)¹⁵⁶⁵. Со смертью великого воина-короля, павшего от рук заговорщиков, франки Заморской земли уже не смогли возобновить борьбу за господство на сиро-ливанском побережье.

Стоит особо отметить, что все боевые действия кипрских франков в Леванте XIV в. велись в пределах старых границ княжества Антиохии-Триполи — у Ботрона, Нефина, Гибелета (Библа), на Монт Пелерен, в Тартусе, Валании и Латакии. Очевидно, они были рассчитаны на поддержку местного христианского населения — мелькитов и маронитов сиро-ливанского побережья. Однако ни кипрским франкам, ни достаточно пассивному восточно-христианскому населению не под силу было бороться с мощью мамлюкского султаната. Так, с рубежа XIII-XIV вв. христианским поселениям Сирии, Палестины, а позднее и Киликии оставалось лишь существовать на положении уязвимых анклавов, век от века терявших численность, благоденствие, святыни и памятники под непрекращающимся давлением ислама.

¹⁵⁶⁴ Guillaume de Machaut. The Capture of Alexandria. — Aldershot, 2001. — P. 151.

¹⁵⁶⁵ Леонтий Махера. Указ. соч. — С. 220.

Последние следы греко-латинского соприкосновения эпохи крестовых походов. Замки и церкви франков, перешедшие к православным в период мамлюкского и османского господства

История соприкосновения латинских и византийских христиан в пределах франкской Сирии имеет и еще одну примечательную страницу: с уничтожением государств Заморской земли, ряд церквей, монастырей и замков, некогда возведенных франками в Леванте, был передан (с дозволения мамлюкских или османских правителей) местным православным общинам. Иерусалимский Храм Гроба Господня — при всех пожарах, перестройках и поновлениях — остается романским собором; его колонны, своды, арки, капители выдают руку франкских зодчих, возводивших эту великую церковь в первой половине XII в. То же можно сказать и о церкви Успения Богоматери в долине Иосафата. В Библе (Гибелете) возведенный франками собор Св. Иоанна Крестителя был превращен мамлюками в конюшни. Однако в период османского правления, в середине XVIII в., эмир Юсуф Шихаб передал собор маронитам, стараниями которых старая запущенная конюшня вновь стала христианским храмом. Еще один храм, возведенный при франках, отошел к православному Антиохийскому Патриархату, став церковью Пресвятой Богородицы Избавительницы. В Сафите, близ Тартуса, мамлюки оставили в неприкосновенности «Белый замок» тамплиеров — Шастель Бланк. В последующие века местное мелькитское население получило право обустроить там церковь. В старой капелле тамплиеров, расположенной на первом уровне донжона, был поставлен новый престол и возведен небольшой иконостас; капелла была переосвящена, став православным храмом Св. Архангела Михаила. Эта церковь остается действующим храмом православного Антиохийского Патриархата и поныне¹⁵⁶⁶.

Наиболее яркой и исторически значимой оказалась судьба Баламандского монастыря в Ливане. Возведенный цистерцианцами монастырь Богоматери «на Прекрасной горе» (Бельмонт) смог чудом сохраниться в период мамлюкских завоеваний, во многом — в силу своего труднодоступного местоположения, на высокой приморской горе, к югу от Триполи. Мамлюки разорили обитель, однако пощадили ее постройки, оставив

¹⁵⁶⁶ Betts R.B. The Southern Portals of Byzantium... — P. 82—83.

в неприкосновенности даже ее колокольню (что делает ее единственной из уцелевших франкских колоколен на сиро-ливанском побережье)¹⁵⁶⁷.

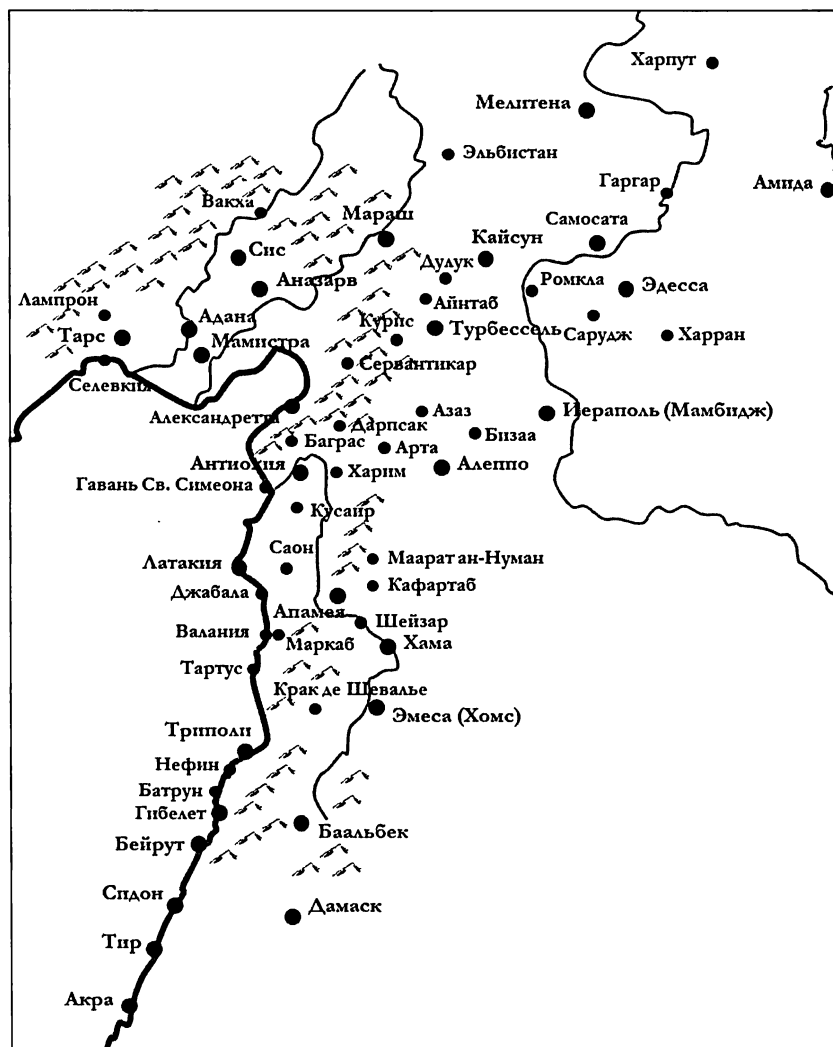
На заре XVII в., точнее — в 1604 г., обитель Бельмонт была занята православными монахами. Обитель была возрождена стараниями митрополита Триполи — Иоакима. Капитулярная зала была превращена в православный храм, освященный в честь Св. Георгия; эта зала цистерцианского капитула и по сей день является кафоликоном Баламандского монастыря. В 1832 г. в Баламанде была основана духовная семинария, правда закрытая спустя всего семь лет по приказу османских властей. Тем не менее, семинария была возрождена на исходе XIX в. (в 1899 г.), стараниями Патриарха Мелетия II Думани. Во второй половине XX в., стараниями Патриарха Феодосия VI и Митрополита Антония Башира — главы Антиохийской Архиепархии Северной Америки — в Баламандском монастыре был создан Богословский институт Св. Иоанна Дамаскина. Его ректором, на протяжении многих лет, был будущий Патриарх Антиохийский — Игнатий IV Хазим. Баламандский университет на сегодняшний день является единственным христианским университетом на Ближнем Востоке. Так, возведенный триполийскими франками Баламандский монастырь остается важнейшим центром православного Антиохийского Патриархата, местом избрания многих Патриархов Антиохии и всего Востока, проведения соборов, синодов, конференций, площадкой для богословского диалога между католиками и православными. В судьбе этой обители по-своему отразилось то лучшее, что связывало франков и ромеев, латинян и православных в пределах Заморской земли — с ее культурой, наследием, и сложным, многогранным диалогом двух ветвей христианского мира.

История этих церквей — Храма Гроба Господня, церкви Богоматери Избавительницы в Библе, церкви Архангела Михаила в Сафите, Баламандского монастыря — является уникальным свидетельством того, как, невзирая ни на варварские разрушения, ни на массовые уничтожения людей, учиненные в XIII или в XXI в., христиане сохраняют свое присутствие на сирийской земле, возвращаясь и восстанавливая то, что невозможно до конца разрушить. Мощь мамлюкского султаната иссякла; жизнь гонителей неизменно подходит к концу; меж тем, Ближний Восток был, есть и всегда будет оставаться колыбелью христианского мира.

¹⁵⁶⁷ Boase T.S.R. Ecclesiastical Art in the Crusader States in Palestine and Syria... — P. 111.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Карта Сирии и Киликии

Перечень правителей и церковных иерархов XI-XIII вв.

ПРАВИТЕЛИ И ЦЕРКОВНЫЕ ИЕРАРХИ (X-XIV вв.)

ПАПЫ РИМСКИЕ

Сильвестр II — (999—1003)	Виктор III — (1086—1087)
Иоанн XVII — (1003)	Урбан II — (1088—1099)
Иоанн XVIII — (1004—1009)	Пасхалий II — (1099—1118)
Сергий IV — (1009—1012)	Геласий II — (1118—1119)
Бенедикт VIII — (1012—1024)	Калликст II — (1119—1124)
Иоанн XIX — (1024—1032)	Гонорий II — (1124—1130)
Бенедикт IX — (1032—1044)	Иннокентий II — (1130—1143)
Сильвестр III — (1045)	Целестин II — (1143—1144)
Бенедикт IX (второй понтификат) — (1045)	Луций II — (1144—1145)
Григорий VI — (1045—1046)	Евгений III — (1145—1153)
Климент II — (1046—1047)	Анастасий IV — (1153—1154)
Бенедикт IX (третий понтификат) — (1047—1048)	Адриан IV — (1154—1159)
Дамасий II — (1048)	Александр III — (1159—1181)
Лев IX — (1049—1054)	Луций III — (1181—1185)
Виктор II — (1055—1057)	Урбан III — (1185—1187)
Стефан IX — (1057—1058)	Григорий VIII — (1187)
Николай II — (1059—1061)	Климент III — (1187—1191)
Александр II — (1062—1073)	Целестин III — (1191—1198)
Григорий VII Гильдебранд — (1073—1085)	Иннокентий III — (1198—1216)
	Гонорий III — (1216—1227)
	Григорий IX — (1227—1241)
	Целестин IV — (1241)

Иннокентий IV — (1243—1254)

Александр IV — (1254—1261)

Урбан IV — (1261—1264)

Климент V — (1265—1268)

Григорий X — (1271—1276)

Иннокентий V — (1276)

Адриан V — (1276)

Иоанн XXI — (1276—1277)

Николай III — (1277—1280)

Мартин IV — (1281—1285)

Гонорий IV — (1285—1287)

Николай IV — (1288—1292)

Целестин V — (1294)

Бонифаций VIII — (1294—1303)

ВСЕЛЕНСКИЕ ПАТРИАРХИ

Полиевкт — (956—970)

Василий I — (970—974)

Антоний III Студит — (974—980)

Николай II Хрисоверг — (984—996)

Сисиний II — (996—998)

Сергий II — (999—1019)

Евстафий I — (1019—1025)

Алексий I Студит — (1025—1043)

Михаил I Керуларий —
(1043—1058)

Константин III Лихуд —
(1059—1063)

Иоанн VIII Ксифилин —
(1064—1075)

Косма I — (1075—1081)

Евстафий II Гариды — (1081—1084)

Николай III Грамматик —
(1084—1111)

Иоанн IX Агапит — (1111—1134)

Лев — (1134—1143)

Михаил II — (1143—1146)

Косма II Атик — (1146—1147)

Николай IV Музалон — (1147—1151)

Феодот I — (1151—1153)

Неофит I — (1153)

Константин IV — (1154—1156)

Лука Хрисоверг — (1156—1169)

Михаил III Анхиальский —
(1170—1177)

Харитон — (1177—1178)

Феодосий I Ворадий — (1178—1183)

Василий II Каматир — (1183—1186)

Никита II Мунтан — (1186—1189)

Леонтий — (1189—1190)

Досифей — (1190—1191)

Георгий II Ксифилин — (1191—1198)

Иоанн X Каматир — (1198—1206)

Михаил IV — (1207—1213)

Феодор II — (1213—1215)

Максим II — (1215)

Мануил I Харитопул — (1215—1222)

Герман II — (1222—1240)

Мефодий II — (1240)

Мануил II — (1244—1255)	Григорий II Киприот — (1283—1289)
Арсений Авториан (первое патриаршество) — (1255—1259)	Афанасий I (первое патриаршество) — (1289—1293)
Никифор II — (1260—1261)	Иоанн XII — (1294—1303)
Арсений Авториан (первое патриаршество) — (1261—1267)	Афанасий I (второе патриаршество) — (1303—1309)
Герман III — (1267)	Нифон I — (1310—1314)
Иосиф I Геласиот — (1267—1275)	Иоанн XIII Гликос — (1315—1320)
Иоанн XI Векк — (1275—1282)	

ПРАВОСЛАВНЫЕ ПАТРИАРХИ АНТИОХИИ И ВСЕГО ВОСТОКА (VII-XIV вв.)

Анастасий II — (599—609)	Феодор I — (ок. 751—773)
Григорий II — (меж. 609—639)	Феодорит — (ок. 777—794)
Анастасий III — (меж. 609—639)	Иов — (813—844)
<i>Арабские завоевания. Первый период избрания и постоянного пребывания Антиохийских патриархов в Константинополе.</i>	<i>Схизма 847 г. в Антиохийском Патриархате</i>
Македоний I — (ок. 640—649)	Евстафий I — (ок. 847—861)
Георгий I — (ок. 649—655)	Николай I — (847—869)
Макарий I — (ок. 655—681)	<i>Со смертью Евстафия (ок. 861—868 гг.), Патриарх Николай I повсеместно признан законным Патриархом. Завершение схизмы 847 г.</i>
Феофан — (ок. 681)	Стефан IV — (870)
Фома — (ок. 685)	Феодосий I — (870—890)
Севастьян — (меж. 685—695)	Евстафий II — (ок. 890—892)
Георгий II — (ок. 695—702)	Симеон I ибн Зарнак — (892—904)
Александр II — (ок. 702)	Илия I — (905—934)
<i>Возрождение православного Патриархата в Антиохии.</i>	Феодосий II — (ок. 936—942)
Стефан III — (742—744)	Макарий — (ок. 942—943)
Феофилакт бар Канбара — (744—750)	Феохарист — (943—948)
	Агапий I — (953—960)

Христофор — (960—967)

Начало второго византийского правления в Антиохии, северной Сирии и Киликии.

Феодор II — (970—976)

Агапий II — (978—996)

Период «константинопольского пленения» Антиохийской Церкви (996—1204 гг.). С низложением Патриарха Агапия II, Антиохийскими Патриархами становятся только клирики Великой Церкви Константинополя, избранные ромейскими василевсами и возведенные в сан Вселенскими Патриархами.

Иоанн III Полит — (996—1021)

Николай II Студит — (1025—1030)

Илия II — (1031—1032)

Феодор III Ласкарис — (1034—1042)

Василий II — (ок. 1043—1052)

Петр III — (1052—1056)

Иоанн IV (Дионисий) —
(1056—1057)

Феодосий III Хрисоверг —
(1057—1059)

Эмилиан — (ок. 1060—1074)

Никифор Мавр — (ок. 1079—1080)

Завершение второго византийского правления в Сирии. Сельджукское завоевание Антиохии, за которым следует установление франкского господства в Сирии и создание Антиохийского княжества.

Иоанн V Оксит — (1091—1100)

Изгнание Патриарха Иоанна V Оксита и создание латинского Патриархата Антиохии. Второй период избрания и постоянного пребывания Антиохийских патриархов в Константинополе.

Иоанн VI — (ок. 1106—1134)

Лука — (ок. 1137—1156)

Сотерих Пантегин — (1156 — нареченный Патриарх, не был рукоположен).

Афанасий I Манасси — (1157—1170)

Кирилл II — (ок. 1173—1179)

Феодор IV Вальсамон — (ок. 1189—1195)

Иоаким (?) — (меж. 1195—1204)

Дорофей (Иерофей) — (меж. 1195—1204)

Возрождение православного Патриархата в Антиохии. Возвращение Антиохийского Патриархата в Левант.

Симеон II ибн Абу Шаиб —
(1206—1242)

Давид — (ок. 1245—1258)

Евфимий I — (ок. 1258—1275)

Феодосий V Виллардуэн —
(1275—1283)

Арсений — (1283—1286)

Схизма 1287 г. Избрание Патриарха Кирилла III в Триполи и Патриарха Дионисия I в Киликии.

Кирилл III — (1287—1308)

Дионисий I — (1287/1309—1316)

Кирилл IV — (меж. 1316—1344)	<i>Перевод кафедры Патриарха Антиохийского в Дамаск.</i>
Дионисий II — (меж. 1316—1344; занимал кафедру после смерти Кирилла IV)	Игнатий II — (1344—1359/1362)
Софроний — (меж. 1316—1344; занимал кафедру после смерти Дионисия II).	Пахомий I — (1359—1368/1375—1377/1378—1386)

СИРО-ЯКОВИТСКИЕ ПАТРИАРХИ АНТИОХИИ (XI-XIII вв.)

Афанасий IV — (986—1002)	Иоанн X — (1129—1137)
Иоанн VII бар Абдун — (1004—1033)	Афанасий VII — (1138—1166)
Дионисий IV — (1034—1044)	Михаил I Великий (Михаил Сириец) — (1166—1199)
Иоанн VIII — (1049—1057)	Афанасий VIII — (1199—1207)
Афанасий V — (1058—1063)	Иоанн XI Йешу — (1208—1220)
Иоанн IX бар Шушан — (1063—1073)	Игнатий III Давид — (1222—1252)
Василий II — (1074—1075)	<i>Схизма 1252 г.</i>
Иоанн Абдун — (1075—1077)	Дионисий VII — (1252—1261)
Дионисий V — (1077—1078)	Иоанн XII бар Мадани — (1252—1263)
Иванис III — (1080—1082)	Игнатий IV Йешу — (1264—1282)
Дионисий VI — (1088—1090)	Филоксен I Немруд — (1283—1292)
Афанасий VI бар Хаморо — (1090—1129)	Михаил II — (1292—1312)

ЛАТИНСКИЕ ПАТРИАРХИ АНТИОХИИ

Бернард Валенский — (1100—1135)	Петр II Иврейский — (1209—1217)
Рауль I Домфрон — (1135—1140/1149)	Ренье — (1219—1225)
Амори де Лимож — (1140—1193)	Альбер дель Реззато — (1227—1246)
Рауль II — (1193—1196)	Опиццо дель Фиеччи —
Петр I Ангюлемский — (1196—1208)	(1247—1292)

ПРАВОСЛАВНЫЕ ПАТРИАРХИ ИЕРУСАЛИМА (X-XIII вв.)

Илия III — (878—907)	<i>православных Иерусалимских патриархов в Константинополе.</i>
Сергий II — (908—911)	
Леонтий I — (912—929)	Иоанн VIII — (ок. 1106—1117)
Афанасий I — (929—937)	Савва — (ок. 1117—1122)
Христодул I — (937—950)	Николай — (ок. 1122—1156)
Агафон — (950—964)	Иоанн IX — (ок. 1157)
Иоанн VII — (964—966)	Никифор II — (ок. 1166—1171)
Христодул II — (966—969)	Леонтий II — (ок. 1174—1185)
Фома II — (969—977)	Досифей I — (ок. 1187—1189)
Иосиф — (980—983)	<i>Возвращение православного Иерусалимского Патриархата на Святую землю.</i>
Орест — (984—1005)	
Феофил I — (1012—1020)	Марк III Катафлор — (ок. 1189—1195)
Никифор I — (меж. 1020—1081)	Евфимий II Синаит — (ок. 1195—1222)
Иоанникий — (меж. 1020—1081)	Афанасий II — (ок. 1235)
Софроний II — (меж. 1020—1081)	Софроний III — (меж. 1235—1273)
Евфимий I — (ок. 1081—1085)	Григорий I — (ок. 1273—1298)
Симеон II — (ок. 1085—1099/1106)	Фаддей — (ок. 1298—1313)
<i>Утверждение латинского Иерусалимского Патриархата в Палестине. Период избрания и постоянного пребывания</i>	

ЛАТИНСКИЕ ПАТРИАРХИ ИЕРУСАЛИМА

Даимберт Пизанский — (1099—1101)	Гильом I — (1130—1145)
Эремар де Шоке — (1102—1108)	Фульхерий — (1145—1157)
Гибелин Арльский — (1108—1112)	Амори I де Несле — (1157—1180)
Арнульф де Шоке — (1099/1112—1118)	Иракий — (1180—1191)
Жармон де Пикиньи — (1118—1128)	Амори II Монах — (1197—1202)
Стефан Шартрский — (1128—1130)	Соффред — (1203)
	Альбер Авогадро — (125—1214)

Рауль де Меренкур — (1215—1224)	Гильом II — (1262—1270)
Жерольд Лозаннский — (1225—1239)	Фома Агни — (1272—1277)
Робер Нантский — (1240—1254)	Илия де Перижор — (1279—1287)
Жак Панталеон — (1255—1261)	Николай де Анапе — (1288—1291)

КАТОЛИКОСЫ АРМЯНСКОЙ АПОСТОЛЬСКОЙ ЦЕРКВИ

Хачик II — (1058—1065)	Григорий V — (1193—1194)
Григорий II Мартирофил — (1065—1105)	Григорий VI Апират — (1194—1203)
Василий I (Парсер) — (1105—1113)	Иоанн VI — (1203—1221)
Григорий III Пахлавун — (1113—1166)	Константин I — (1221—1267)
Нерсес IV Шнорали — (1166—1173)	Иаков I — (1267—1286)
Григорий IV — (1173—1193)	Константин II — (1286—1288)
	Стефан IV — (1288—1293)
	Григорий VII — (1293—1307)

ПРАВОСЛАВНЫЕ ПАТРИАРХИ И ПАПЫ АЛЕКСАНДРИИ (X–XIII вв.)

Христодул (Абд аль-Масих) — (907—932)	Иоанн VIII Кодонат — (1062—1100)
Евтихий II (Саид ибн Батрик) — (933—940)	Савва (Савва ибн Лаит) — (1100—1122)
Софроний II — (ок. 940—941)	Феодосий II — (1122—1137)
Исаак — (941—954)	Кирилл II — (меж. 1137—1165)
Иов — (ок. 954—960)	Евлогий II — (меж. 1137—1165)
Илия I — (964—972)	Софроний III — (ок. 1166)
Илия II — (972—1000)	Илия III — (ок. 1171—1175)
Арсений I — (1000—1010)	Елевферий — (ок. 1175—1180)
Феофил II — (ок. 1010—1020)	Марк III — (ок. 1180—1209)
Георгий II — (ок. 1021—1052)	Николай I — (1210—1243)
Леонтий — (1052—1059)	Григорий II — (1243—1263)
Александр II — (1059—1062)	Николай II — (1263—1276)
	Афанасий III Синаит — (1276—1308)

ПРАВОСЛАВНЫЕ АРХИЕПИСКОПЫ КИПРА

Василий II — (рубеж XI-XII вв.)	Исайя — (ок. 1200—1220)
Николай Музалон — (1107—1110)	Неофит II — (ок. 1220—1251)
Иоанн II Критский — (1151—1174)	Георгий II — (1251—1254)
Варнава II — (1175—1191)	Геннадий II — (1254—1283)
Софроний II — (ок. 1191—1200)	

ПРАВОСЛАВНЫЕ АРХИЕПИСКОПЫ СИНАЯ

Соломон IV — (ок. 982—1009)	Антоний II — (кон. XII в.)
Соломон V — (ок. 1009)	Авраамий — (до 1203 г.)
Иов II — (ок. 1033)	Симеон IV — (1203—1217)
Иоанн XIII — (ок. 1069)	Евфимий — (ок. 1217—1223)
Иоанн XIV — (1081—1091)	Макарий VI — (ок. 1224)
Макарий V — (ок. 1100)	Герман III — (ок. 1228)
Захария II — (ок. 1103—1114)	Феодосий I — (ок. 1239)
Георгий IV — (1130—1149)	Макарий VII — (ок. 1248)
Гавриил — (1146/1149—1160)	Симеон IV (?) — (ок. 1258)
Иоанн XV — (1164)	Иоанн XVI — (ок. 1263—1281)
Петр III — (ок. 1166—1176)	Арсений II — (ок. 1285—1292)
Иосиф — (ок. 1176)	Гавриил IV — (ок. 1296)
Герман II — (ок. 1177)	Иоанн XVII — (1298—1299)
Мануил — (1183)	Симеон V — (ок. 1306)
Иоаким I — (кон. XII в.)	

РОМЕЙСКИЕ ИМПЕРАТОРЫ (XI-XIII вв.)

Роман II — (959—963)	Василий II Болгаробойца — (976—1025)
Никифор II Фока — (963—969)	Константин VIII — (1025—1028)
Иоанн I Цимисхий — (969—976)	

Зоя Порфирородная — (1028—1041/1042—1050)	Мануил I Комнин — (1143—1180)
Роман III Аргир — (1028—1034)	Алексей II Комнин — (1180—1183)
Михаил IV Пафлагон — (1034—1041)	Андроник I Комнин — (1183—1185)
Михаил V Калафат — (1041—1042)	Исаак II Ангел — (1185—1195)
Зоя и Феодора — (1042)	Алексей III Ангел — (1195—1203)
Константин IX Мономах (1042—1055)	Исаак II и Алексей IV Ангелы — (1203—1204)
Феодора — (1055—1056)	Алексей V Мурзуфл — (1204)
Михаил VI Стратиготик — (1056—1057)	Феодор I Ласкарис / Никейская империя — (1205—1222)
Исаак I Комнин — (1057—1060)	Иоанн III Дука Ватат / Никейская империя — (1222—1254)
Константин X Дука — (1060—1067)	Феодор II Ласкарис / Никейская империя — (1254—1258)
Роман IV Диоген — (1068—1071)	Иоанн IV Ласкарис и Михаил VIII Палеолог / Никейская империя — (1258—1261)
Михаил VII Дука — (1067—1078)	Михаил VIII Палеолог — (1261—1282)
Никифор III Вотаниат — (1078—1081)	Андроник II Палеолог — (1282—1328)
Алексей I Комнин — (1081—1118)	
Иоанн II Комнин — (1118—1143)	

КНЯЗЬЯ АНТИОХИИ

Бозмунд I — (1098—1100/1103—1104/1111)	Бозмунд III Заика — (1163—1193/1194—1198/1199—1201)
Танкред — (1101—1103/1104—1112)	Бозмунд IV Одноглазый — (1198—1199/1201—1216/1219—1233)
Рожер — (1112—1119)	Раймонд Рубен — (1216—1219)
Бозмунд II — (1126—1130)	Бозмунд V Хромой — (1233—1252)
Раймонд де Пуатье — (1136—1149)	Бозмунд VI Красивый — (1252—1275)
Рено де Шатильон — (1153—1160)	Бозмунд VII (титულлярно) — (1275—1287)
Констанция — (1130—1136/1149—1153/1160—1163)	

Регенты и наместники-балы Антиохии

Граф Бодуэн II де Бург / Патриарх Бернард Валенский — (1100—1101)	Король Бодуэн III / Патри- арх Амори де Лимож — (1149—1153/1160—1162)
Король Бодуэн II де Бург — (1119—1126)	Король Амори I / Патриарх Амори де Лимож — (1164)
Княгиня Алиса Антиохийская — (1130/1131—1134)	Раймонд II Антиохийский — (1193—1194)
Король Бодуэн II де Бург / граф Жослен I Эдесский — (1130—1131)	Раймонд III Антиохийский — (1213)
Король Фульк Анжуйский / Рено I де Мазуар — (1134—1135)	Люсьен де Сеньи / Римские ба- льи — (1252)
	Жан де Анжевиль — (1262—1268)

Сюзерены княжества Антиохийского

Ромейская империя — Алексей I Комнин — (1108)	Латинская Романия — Бодуэн I Фландрский — (1204—1205)
Ромейская империя — Иоанн II Комнин — (1137—1138)	Киликийская Армения — Левон I Великий — (1216—1219)
Ромейская империя — Мануил I Комнин — (1145/1158—1180)	Ильханат — Хулагу-хан — (1261—1268)

Титулярные князья Антиохии в пределах Кипрского королевства

Жан I де Лузиньян (второй сын короля Гуго IV Кипрского) — (1364—1375)	Жан III де Коимбра (балы Ки- пра) — (1456—1457)
Жан II де Лузиньян (старший сын и наследник короля Януса Кипр- ского) — (ок. 1432)	

ГРАФЫ ЭДЕССЫ

Бодуэн I — (1098—1100)	Жослен I де Куртенэ — (1118—1131)
	Жослен II де Куртенэ — (1131—1150)
Бодуэн II де Бург — (1100—1104/1108—1118)	Жослен III де Куртенэ (титularyно) — (1150—1201)

Регенты графства Эдесского

Танкред / Ричард Салернский — (1104)	Жоффруа Монах — (1122)
Танкред — (1105—1108)	Беатриса — (1150)

Сюзерены графства ЭдесскогоИерусалимское королевство — Бодуэн I — (1100—1104/1108—1118)

Антиохийское княжество — Тан- кред — (1104—1108)	Антиохийское княжество — Рай- монд де Пуатье — (1138—1144)
Иерусалимское королевство — Бо- дуэн II де Бург — (1118—1131)	Ромейская империя / Иеруса- лимское королевство — Мануил I
Ромейская империя — Иоанн II Комнин — (1137—1138/1142—1143)	Комнин/Бодуэн III — (1150).

ГРАФЫ ТРИПОЛИ

Тулузская династия

Раймонд Сен-Жилльский — (1102—1104)	Понс — (1112—1137)
	Раймонд II — (1137—1152)
Гильом-Жордан — (1104—1109)	Раймонд III —
Бертран Тулузский — (1108—1112)	(1152—1164/1171—1187)

*Династия Пуатье. Объединение графства Триполи
и княжества Антиохийского.*

Боэмунд IV Одноглазый — (1187—1233)	Боэмунд VI Красивый — (1252—1275)
Боэмунд V Хромой — (1233—1252)	Боэмунд VII — (1275—1287) Люсия де Пуатье — (1288—1289)

Регенты (балы) графства Триполи

Бодуэн III Иерусалимский — (1152—1160)	Княгиня Сибилла/ Варфоломей Тортосский — (1275—1277)
Амори I Иерусалимский — (1164—1171)	Варфоломей Эмбриацо/Бенедетто Заккария — (1287—1288)
Люсьен де Сеньи — (1252)	

Сюзерены графства Триполи

Ромейская империя — Алексей I Комнин — (1102—1113)	Иерусалимское королевство — Бодуэн III — (1143—1162)
Антиохийское княжество — Танкред — (1108—1109)	Иерусалимское королевство — Амори I — (1162—1176)
Иерусалимское королевство — Бодуэн I — (1109—1118)	Иерусалимское королевство — Бодуэн IV Прокаженный — (1176—1183)
Иерусалимское королевство — Бодуэн II де Бург — (1118—1131)	Иерусалимское королевство — Ги де Лузиньян — (1187/1189—1190)
Иерусалимское королевство — Фульк Анжуйский — (1134—1143)	Иерусалимское королев-
Ромейская империя — Иоанн II Комнин — (1138)	ство — Амори II де Лузиньян — (1198—1204)

ГРУЗИНСКИЕ ЦАРИ (XI-XIII вв.)

Монархи объединенного Грузинского царства

Баграт III — (1008—1014)	Давид V — (1154—1155)
Георгий I — (1014—1027)	Георгий III —
Баграт IV — (1027—1072)	(1156—1184)
Георгий II — (1072—1089)	Тамара — (1184—1213)
Давид IV Строитель — (1089—1125)	Георгий IV Лаша —
Димитрий I —	(1213—1223)
(1125—1154/1155—1156)	Русудан — (1223—1245)

Монархи Восточной Грузии

Давид VII Улу — (1247—1270)	Вахтанг II — (1289—1293)
Димитрий II — (1270—1289)	Давид VIII — (1293—1311)

ПРАВИТЕЛИ АРМЯНСКИХ КНЯЖЕСТВ СИРИИ XI-XII вв.

Мараш	Евфратес (Кайсун)
Филарет Варажнуни — (1075—1087)	Гох Васил — (до 1097—1112)
Сыновья Варажнуни —	Тга Васил — (1112—1118)
(1087—1098)	
Татул — (1100—1104)	Мелитена
	Торос — (ок. 1077—1094)
Гаргар	Гавриил — (ок. 1094—1101)
Константин — (до 1097—1117)	
Михаил — (до 1138)	Эдесса
Василий — (ок. 1145—1150)	Парсам — (1086)
	Торос — (1094—1098)

АРМЯНСКИЕ КНЯЗЬЯ ЛАМПРОНА

Хетум I — (до 1071)	Хетум II — (ок. 1111—1143)
Ошин I — (ок. 1071—1111)	Ошин II — (ок. 1143—1170)

Хетум III — (ок. 1170—1218)

Константин — (1218—1250)

«ВЛАСТИТЕЛИ ГОР» — ПРАВИТЕЛИ ГОСУДАРСТВА РУБЕНИДОВ

Рубен I — (1080—1095)

Рубен II — (1169—1170)

Константин I — (1095—1103)

Млех — (1170—1175)

Торос I — (1103—1129)

Рубен III — (1175—1187)

Левон I — (1129—1137)

Левон II (Левон I Великий) —

Торос II — (1144—1169)

(1187—1198)

КОРОЛИ АРМЕНИИ

Монархи династий Рубенидов и Пуатье

Левон I Великий — (1198—1219)

Изабелла — (1219—1256)

Раймонд-Рубен (король-соправитель) — (1213—1222)

Филипп Антиохийский — (1222—1224)

Монархи династии Хетумидов

Хетум I — (1226—1270)

Константин I — (1298—1299)

Левон II — (1270—1289)

Хетум II (третье правление) —

Хетум II (первое правление) — (1289—1293)

(1299—1307)

Торос III — (1293—1294)

Левон III (король соправитель) — (1301—1307)

Хетум II (второе правление) — (1294—1297)

Ошин — (1307—1320)

Смбат — (1297—1299)

Левон IV — (1320—1341)

Династия Лузиньян

Константин II — (1342—1344)

Константин IV — (1362—1373)

Константин III — (1344—1362)

Левон V — (1374—1375/1396)

Регенты и баглы Киликийской Армении

Фома Антиохийский —
(1169—1170)

Константин Хетумид —

Адам Баграсский — (1219—1221)

(1221—1222/1224—1226)

Ошин Корикский — (1320—1329)

Сюзерены государства Рубенидов и королевства Армении

Ромейская империя — Алексей I
Комнин — (1108)

Антиохийское княжество — Боз-
мунд III — (1180—1185)

Антиохийское княжество — Тан-
кред — (1108—1112)

Священная Римская империя —
Оттон IV — (1197—1215)

Антиохийское княжество — Ро-
жер — (1112—1119)

Ильханат — Хулагу — (1256—1265)

Антиохийское княжество — Рай-
монд де Пуатье — (1136—1137)

Ильханат — Абага — (1265—1282)

Ильханат — Текудер — (1282—1284)

Ромейская империя — Мануил I
Комнин — (1158—1180)

Ильханат — Аргун — (1284—1291)

Ильханат — Газан — (1295—1304)

КОРОЛИ ИЕРУСАЛИМА

Готфрид Бульонский /некорону-
ванный правитель/ — (1099—1100)

Ги де Лузиньян и Сибилла —
(1186—1187/1189—1190)

Бодуэн I — (1100—1118)

Изабелла — (1192—1205)

Бодуэн II де Бург —
(1118—1123/1126—1131)

Конрад Монферратский /некоро-
нованный правитель / — (1192)

Мелисанда — (1131—1153)

Гуго Шампанский / некоронован-
ный правитель / — (1192—1197)

Фульк Анжуйский — (1131—1143)

Бодуэн III — (1143/1153—1162)

Амори II де Лузиньян —
(1197—1205)

Амори I — (1162—1176)

Бодуэн IV Прокаженный —
(1176—1185)

Мария Монферратская —
(1205—1212)

Бодуэн V — (1185—1186)

Жан I де Бриеннь — (1210—1225)

Фридрих II Гогенштауфен —
(1225—1228)

Конрад II (титularyно) —
(1228—1254)

Конрад III (титularyно) —
(1254—1268)

Гуго III Кипрский — (1268—1284)

Карл I Анжуйский (титularyно) —
(1277—1285)

Жан I Кипрский — (1284—1285)

Генрих II Кипрский — (1285—1291)

КОРОЛИ КИПРА

Династия Лузиньян

Ги де Лузиньян / некоронованный Гуго I — (1205—1218)

правитель / — (1192—1195) Генрих I — (1218—1253)

Амори I — (1195—1205) Гуго II — (1253—1267)

Династия Лузиньян-Пуатье

Гуго III — (1267—1284)

Жан I — (1284—1285)

Генрих II — (1285—1306/1310—1324)

Гуго IV — (1324—1359)

Петр I — (1359—1369)

Петр II — (1369—1382)

Жак — (1382—1398)

Янус — (1398—1432)

Жан II — (1432—1458)

ИМПЕРАТОРЫ ЛАТИНСКОЙ РОМАНИИ

Бодуэн I Фландрский —
(1204—1205)

Генрих Фландрский — (1206—1216)

Петр II де Куртенэ — (1216—1217)

Иоланта де Куртенэ — (1217—1219)

Робер де Куртенэ — (1219—1228)

Жан де Бриеннь — (1228—1237)

Бодуэн II де Куртенэ — (1228—1261)

СВЯЩЕННО-РИМСКИЕ ИМПЕРАТОРЫ

Фридрих I Барбаросса —
(1152/1155—1190)

Генрих VI — (1190/1191—1197)

Оттон IV — (1198/1209—1215)

Фридрих II Гогенштауфен —
(1212/1220—1250)

КОРОЛИ ФРАНЦИИ

Филипп I — (1059—1108)	Людовик VIII Лев — (1223—1226)
Людовик VI Толстый — (1108—1137)	Людовик IX Святой — (1226—1270)
Людовик VII Молодой — (1137—1180)	Филипп III Храбрый — (1270—1285)
Филипп II Август — (1180—1223)	Филипп IV Красивый — (1285—1314)

КОРОЛИ АНГЛИИ

Генрих I — (1100—1035)	Иоанн Безземельный — (1199—1216)
Стефан — (1135—1154)	Генрих III — (1216—1272)
Матильда — (1141)	Эдвард I Длинноногий — (1272—1307)
Генрих II Плантагенет — (1154—1189)	Ричард I Львиное Сердце — (1189—1199)

НОРМАНДСКИЕ ПРАВИТЕЛИ ЮЖНОЙ ИТАЛИИ

Графство/герцогство Апулии и Калабрии

Вильгельм I де Отвилль (Железная Рука) — (1042—1046)	<i>Герцогство переходит к старшим сыновьям королей Сицилии в качестве апанажа.</i>
Дрого — (1046—1051)	
Онфри — (1051—1057)	Рожер III — (1134—1148)
Робер Гвискар — (1057—1085)	Вильгельм III — (1148—1154)
Рожер I Борса — (1085—1111)	Рожер IV — (1154—1161)
Вильгельм II — (1111—1127)	Бозмунд — (1181)
Рожер II Сицилийский — (1127—1134)	Рожер V — (1189—1193)

Княжество Бари/Таранто

Бозмунд I — (1087—1111)

Танкред — (1132—1138)

Бозмунд II — (1111—1128/1130)

Вильгельм I — (1138—1144)

Рожер II Сицилийский —
(1128—1132)

Симон — (1144—1157)

*Княжество переходит к сыновьям
короля Сицилийского в качестве
апанаж.*

Вильгельм II — (1157—1166)

*После 1166 г. княжество переходит
в состав домена короля Сицилии.*

Графство Сицилийское

Рожер I де Отвилль —
(1071—1101)

Рожер II — (1105—1130)

Симон — (1101—1105)

*В 1130 г. преобразовано в королевство
Сицилийское.*

Королевство Сицилийское

Рожер II — (1130—1154)

Танкред — (1189—1194)

Вильгельм I — (1154—1166)

Вильгельм III — (1194)

Вильгельм II Добрый —
(1166—1189)

Констанция —
(1194—1198)

РОМЕЙСКИЕ НАМЕСТНИКИ И САНОВНИКИ

Дуки и катепаны Антиохии

Михаил Вурца — (969—976)

Дамиан Далассин — (996—998)

Кулиб — (976)

Никифор Уран — (998—1010)

Убейд-аллах — (977—978)

Михаил Китонит — (ок. 1011)

Лев Мелиссин — (ок. 985)

Феофилакт Далассин — (ок. 1022)

Варда Фока — (986—987)

Константин Далассин — (ок.
1022—1025)

Лев Фока — (987—989)

Михаил Вурца (повторно) — (990—
996)

Константин Вурца — (ок.
1025—1026)

Михаил Спондилий — (1026—1029)	Адриан — (ок. 1059)
Константин Карантен — (1029—1030)	Никифорица — (ок. 1063)
Никита Мисфей — (1030—1032)	Пехт — (ок. 1063)
Никита Пафлагон — (ок. 1034)	Никифорица (повторно) — (ок. 1067)
Константин Пафлагон — (ок. 1034)	Никифор Вотаниат — (1067—1068)
Константин Евнух — (1034—1037)	Петр Либбелисий — (1068)
Лев — (ок. 1037—1043)	Пехт (повторно) — (1069)
Стефан — (ок. 1043)	Хачатур — (1069—1072)
Роман Склир — (ок. 1054)	Иосиф Тарханиот — (1072—1074)
Катакалон Кекавмен — (ок. 1055—1056)	Исаак Комнин — (1074—1078)
Михаил Уран — (1056—1058)	Васак Пахлавуни — (1078)
	Филарет Варажнуни — (1078—1084)

Наместники и дуки Эдессы

Георгий Маниак — (1032)	Василий Алусиан — (1068—1070)
Лев Лепендрин — (1032—1036)	Павел — (1071)
Апокап — (1037—1038)	Лев Даватанос — (1072—1077)
Варазваче Торник — (1038)	Василий Апокап — (1077—1083)
Аарон — (1057—1058)	Смбат Вхкаци — (1083)
Иоанн Дукица — (1059)	Филарет Варажнуни — (1083—1086)
Даватанос — (1062)	Аноним. паракимомен — (1086)
Апокап — (1065)	Парсам — (1086)
Пигонит — (1066—1067)	Торос — (1094—1098)
Никифор Вотаниат — (1067—1068)	

Наместники и дуки Тарса (XII в.)

Фома — (ок. 1150—1151)	Константин Коломан — (1163—1164)
Андроник Комнин — (1152)	
Андроник Эфорбен — (1158—1163)	Алексей Аксук — (1165)

Андроник Комнин (повторно) — (1165—1166)	Исаак Комнин — (1174—1176)
Константин Коломан (повторно) — (1166—1173)	Боэмунд III Антиохийский — (ок. 1177—1183)

Дуки Кипра (XII в.)

Евмафий Филокал — (ок. 1093—1100/1102—1109/1100—1112)	Иоанн Дука Комнин — (1155—1176)
Константин Эфорбен Катакалон — (ок. 1100—1102)	Исаак Комнин «император Кипра» — (1184—1191)

Великие коннетабли (коноставлы) империи (XIII-XV вв.)

Михаил Палеолог — (1253—1259)	Михаил Торник Комнин Асень
Михаил Кантакузин — (ок. 1264)	Палеолог — (нач. XIV в.)
Андроник Тарханиот — (1267—1272)	Иоанн Синаден — (нач. XIV в.)
Михаил Кавваларий — (ок. 1272—1277)	Алексей Кавасила — (ок. 1339)
Ликарио — (ок. 1277)	Михаил Мономах — (ок. 1343)
Михаил Глабас Дука Тарханиот — (ок. 1297)	Исарис — (ок. 1376)
	Леонардо II Токко — (1415—1419)

ФЕОДАЛЫ И САНОВНИКИ ЗАМОРСКОЙ ЗЕМЛИ

Князья Галилеи

Танкред — (1099—1101/1109—1112)	Гильом I де Буре — (1120—1141)
Гуго де Сент-Омер — (1101—1106)	Элинард де Буре — (1142—1148)
Жервэ де Базош — (1106—1108)	Гильом II де Буре — (1148—1158)
Жослен де Куртенэ — (1112—1119)	Эшива де Буре — (1158—1187)

Готье де Сент-Омер — (1159—1171)
Раймонд III Триполитский —
(1174—1187)

*После завоеваний Салах-ад-Дина
(1187), за княжеским домом остаётся
лишь титул, ренты и небольшая
часть прежних земель.*

Гуго II де Сент-Омер — (1187—1204)
Рауль Тивериадский — (1204—1219)
Гильом — (меж. 1219—1240)
Фульк — (меж. 1219—1240)
Одо де Монбельяр — (1240—1247)

Князья Тарса

Бернард Чужак /сеньор или шате-
лен Тарса и Лонгиниады —
(1102)

Ги де Шеврёль
/князь Тарса и Мамистры —
(ок. 1111—1114)

Сесилия де Бург /сеньора Тарса —
(1126)

Бозмунд III Антиохийский /
Получил Тарс в качестве дара или
пронии от ромейского василев-
са — (1177—1183)

Графы Мараша

Жослен I де Куртенэ /сеньор Ма-
раша — (1104)

Ричард Салернский /сеньор Мара-
ша — (ок. 1111—1114)

Жоффруа Монах /сеньор Мара-
ша — (ок. 1115—1124)

Бодуэн I /граф Мараша, Кайсуна
и Рабана — (ок. 1136—1146)

Рено /граф Мараша, Кайсуна и Ра-
бана — (1146—1149)

Бодуэн II /титularный сенъор
Мараша — (ок. 1163)

Сеньоры Турбесселя

Бодуэн Булоньский — (1098)

Никуз — (1098—1100)

Жослен I де Куртенэ —
(1101—1104/1107—1113)

После 1113 г. сеньория Турбессе-
ля входит в состав домена графа
Эдессы.

Сеньоры Латакии и Джабалы

Мартин — (ок. 1110—1111)

Алиса Антиохийская —
(1130—1150)

Констанция Антиохийская —
(1163).

Боэмунд III Антиохийский — (после 1163). Фигурирует как «князь Антиохии и Латакии» в одной из своих хартий 1163 г. Со смертью его матери — Констанции — сеньория Латакия и Джабалы входит в состав княжеского домена.

Сеньоры Валаньи и Маркаба

Рено I де Мазуар — (ок. 1109—1140)

Рено II де Мазуар — (ок. 1140—1186)

Бернард де Мазуар — (1186)

После 1186 г. сеньория Валаньи и Маркаба переходит к ордену госпитальеров.

Сеньоры Ботрона

Раймонд — (сер. XII в.)

Гильом — (до 1179 г.)

Пливан — (ок. 1181—1227)

Боэмунд Антиохийский —
(1227—1244)

Гильом Антиохийский — (1244-ок. 1258)

Жан Антиохийский — (ок. 1258—1277)

Ростан — (ок. 1277—1282)

Сеньоры Гибелета

Гильом I — (1109—1127)

Гуго I — (ок. 1127—1135)

Гильом II — (1135—1157)

Гуго II — (1157—1184)

Гуго III — (1184—1187)

Ги I — (1197—1241)

Генрих I — (1241—1271)

Ги II — (1271—1282)

Боэмунд VII Антиохийский (1282—1287). Сеньория временно входит в состав княжеского домена.

Петр Эмбриацо — (1288-ок. 1300)

Сеньоры Бейрута

Фульк де Гине — (1110—1125)	Короли Иерусалима —
Готье I де Бризебарр — (1125—1138)	(1167—1187/1197—1204)
Ги I де Бризебарр — (1138—1140)	Жан I Ибелин — (1204—1236)
Готье II де Бризебарр — (1140—1156)	Балиан Ибелин — (1236—1247)
Ги II де Бризебарр — (1156—1157)	Гуго Ибелин — (1247—1254)
Готье III де Бризебарр —	Жан II Ибелин — (1254—1264)
(1157—1166)	Изабелла Ибелин — (1264—1282)
Андроник Комнин — (1166—1167)	Эшива Ибелин — (1282—1291)

Сеньоры Сидона

Евстафий I Гранье — (1110—1123)	Балиан I Гранье — (1202—1239)
Жерар Гранье — (1123—1171)	Жюльен Гранье — (1239—1260)
Рено Гранье —	После монгольского разорения
(1171—1187/1197—1202)	1260 г. Сидон был продан ордену
	тамплиеров.

Сеньоры Тира

Филипп де Монфор — (1247—1270)
Жан де Монфор — (1270—1283)
Онфри де Монфор — (1283—1284)
Маргарита де Лузиньян —
(1284—1286)
Амори де Лузиньян — (1286—1291)

БИБЛИОГРАФИЯ

Нарративные источники

Анна Комнина. Алексиада. — М.: Наука, 1965.

Баха ад-Дин. Саладин. Победитель крестоносцев. — СПб.: ДИЛЯ, 2009.

Бенешевич В.И. Тактикон Никона Черногорца. — Петроград, 1917.

Булус ар-Рахиб. Богословские и философские трактаты // Арабы-христиане в истории и литературе Ближнего Востока. — М.: ПСТГУ, 2013.

Вардан Великий. Всеобщая история Вардана Великого. — М.: 1861.

Вильгельм де Рубрук. Путешествие в восточные страны. — СПб.: изд. А.С. Суворина, 1911.

Георгий Акрополит. История. — СПб.: Алетейя, 2013. Гибб Г. Дамасские хроники крестоносцев. — М.: Центрполиграф, 2009.

Георгий Пахимер. История о Михаиле и Андронике Палеологах // Византийские историки, переведенные с греческого при Санкт Петербургской Духовной Академии. — СПб.: Типография Департамента уделов, 1862.

Гүсейнов Р. Из «Хроники» Михаила Сирийца // Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. — М.: Наука, 1975. №19.

Даниил, игумен. Хождение в Святую землю игумена Даниила // Лихачев Д.С. Библиотека литературы Древней Руси. Том 4. — М.: Наука, 1997.

Жан де Жуанвиль. Книга благочестивых речений и добрых деяний нашего святого короля Людовика.. — СПб.: Евразия, 2007.

Жизнеописания трубадуров. Жан де Нострадам. Жизнеописания древних и наиславнейших провансальских пиитов, во времена графов Прованских процветших. — М.: Наука, 1993.

Жоффруа де Виллардуэн, Робер де Клари. Завоевание Константинополя. — М.: Наука, 1993.

Ибн Джубайр. Путешествие. — М.: Наука, 1984.

Ибрагим ибн Юханна. Житие Антиохийского Патриарха Христофора // Арабы-христиане в истории и литературе Ближнего Востока. — М.: ПСТГУ, 2013.

Иоанн Киннам. Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов. // Византийские историки, переведенные с греческого при С.-Петербургской духовной академии. — СПб.: 1859.

Лев Диякон. История. — М.: Наука, 1988.

Леонтий Махера. Сказание о сладкой земле Кипр // Близнюк С.В. Короли Кипра в эпоху крестовых походов. — СПб.: Алетейя, 2015.

Медников Н.А. Палестина от завоевания ее арабами до крестовых походов по арабским источникам // Православный палестинский сборник. Том 17. Выпуск 2. — СПб.: 1897.

Михаил Пселл. Хронография. — М.: Наука, 1978.

Никита Хониат. История со времени царствования Иоанна Комнина. — Рязань: Александрия, 2003.

Никифор Вриенний. Исторические записки. — Рязань: Александрия, 2006.

Никифор Фока. Стратегика. — М.: Алетейя, 2005.

Павел Алеппский. Путешествие Антиохийского Патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном, архидиакonom Павлом Алеппским. — М.: О-во сохранения лит. наследия, 2005.

Помяловский И.С. Житие иже во святых отца нашего Феодора архиепископа Едесского. — СПб.: 1892.

Прокопий Кесарийский. Война с готами. Война с вандалами. Тайная история. — СПб: Алетейя, 1998.

Прокопий Кесарийский. Война с готами. О Постройках. — М.: Арктос, 1996.

Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. — М.: Наука, 1993.

Розен В.Р. Император Василий Болгаробойца: Извлечение из летописи Яхьи Антиохийского. — СПб.: 1883.

Сократ Схоластик. Церковная история. — М.: РОССПЭН, 1996.

Усама Ибн Мункыз. Книга назидания. — М: изд. Восточной литературы, 1958.

Феофан Исповедник. Летопись византийца Феофана. — М.: Университетская типография М. Каткова, 1884.

Abu'l Feda. Des Annales D'Abou 'l-Feda // RHC Orient. I. — Paris, 1872.

Abu Salih. The Churches and Monasteries of Egypt attributed to Abu Salih the Armenian. — Oxford, 1895.

Abu Shama. Le Livre des Deux Jardins // RHC Orient. IV. — Paris, 1898.

Aerts W.J. Nikon of the Black Mountain. Logos 31 (Translation) // East and West in the Medieval Eastern Mediterranean. Antioch from the Byzantine Reconquest until the End of the Crusader Principality. — Leuven, 2006.

Aḥmad ibn Yaḥyá al-Balādhurī. The Origins of the Islamic State. — New York, 1916.

Al-Aini. Perles d'Histoire // RHC Orient II. — Paris, 1887.

Alberic de Trois-Fontaines. Chronica Albrici Monachi Trium Fontium // MGH SS — Vol.23. — Hannover, 1874.

Alberti Aquensis. Historia Ierosolimitana. History of the Journey to Jerusalem. — Oxford, 2007.

Al-Biruni. The Chronology of Ancient Nations // ed. & trans. C.E. Sachau. — London, 1879.

Allison R. Typikon of Nikon of the Black Mountain for the Monastery and Hospice of the Mother of God tou Roidiou // Byzantine Monastic Foundation Documents. — Dumbarton Oaks, 2000.

Al-Maqrizi. Histoire des sultans mamlouks, de l'Égypte, écrite en arabe. — Paris, 1845.

Al-Yunini. Dhayl mifat al-zaman. — Hyderabad, 1954—1961.

Amari M. Biblioteca arabo-sicula. — Palermo, 1881.

Ambroise. L'Estoire de la Guerre Sainte. — Paris, 1897.

Annales Venetici breves // Testi storici veneziani (XI-XIII secolo), Medioevo Europeo Vol.1 — Padova 1999.

Anonymi Auctoris Chronicon ad Annum Christi 1234 pertinens, Historia Ecclesiastica // CSCO, Scriptores Syri. — Paris 1926.

Anonimi Barensis Chronicon // RIS V. — Milan, 1724.

Anonymi Gesta Francorum et aliorum Hierosolymitanorum. — Heidelberg, 1890.

Ansbert. Historia de Expeditione Friderici Imperatoris // MGH SS. Vol.5. — Berlin, 1928.

Arnoldi Chronica Slavorum. — Hannover, 1868.

Asbridge T., Edgington S., ed. & trans. Walter the Chancellor's *The Antiochene Wars*. A Translation and Commentary. — Aldershot, 1999.

Atiya A.S., 'Abd al-Masih Y., Burmester O.H. E., ed. & trans. History of the patriarchs of the Egyptian Church: known as the History of the Holy Church, by Sawirus ibn al-Mukaffa', Bishop of al-Asmunin. — Cairo, 1959.

Baldrici, episcopi Dolensis. Historia Jerosolimitana // RHC Occ. IV. — Paris, 1879.

Bachrach B.S., Bachrach D.S., ed. & trans. *The Gesta Tancredi of Ralph of Caen. A History of the Normans on the First Crusade.* — Aldershot, 2010.

Bar Hebraeus. *Chronica Ecclesiastica.* — Paris-Louvain, 1872—1877.

Bar Hebraeus. *Chronography* // ed. & trans. E.A. Wallis Budge. — London, 1932.

Bartolfus de Nangeio. *Gesta Francorum Iherusalem expugnatium* // RHC Occ. III. — Paris, 1866.

Basil le Docteur. *Oraison funèbre de Beaudoin, comte de Marasch et de Kéçoun* // RHC Arm. I. — Paris, 1869.

Bedrosian R., ed. *The Armenian Chronicle of Sempad, or of the 'Royal Historian'.* — New Jersey, 2005.

Bedrosian R., ed. *The Chronicle attributed to King Hethum II.* — New Jersey, 2005.

Bird J., Peters E., Powell J.M., ed. *Crusade and Christendom. Annotated Documents in Translation from Innocent III to the Fall of Acre, 1187—1291.* — Pennsylvania State University, 2013.

Buffat L., ed. *Lettre de Paul, évêque de Saida, moine d'Antioche, a un musulman de ses amis demeurant a Saida* // *Revue l'Orient chrétien*, Tome 7. — Paris, 1903.

Burchardus de Monte Sion. *Descriptio Terrae Sanctae* // *Peregrinatores Medii Aevi Quatuor.* — Leipzig, 1864.

Cafari de Caschifelone. *Annali Genovesi di Caffaro e de'suoi continuatori.* — Genova, 1890.

Continuation de Guillaume de Tyr, de 1229 a 1261, dite du Manuscrit de Rothelin // RHC Occ. II. — Paris, 1859.

Cosmas Hierosolymitanus // PG Vol.98. — Paris, 1865.

The Chronicle of Lanercost. — Glasgow, 1913.

Chronique d'Amadi et de Strambaldi. — Paris, 1891.

Chronique d'Ernoult et de Bernard le Trésorier. — Paris, 1871.

Eadmerus. *Historia novorum in Anglia.* — London, 1884.

Edbury P.W. *The Conquest of Jerusalem and the Third Crusade. Sources in translation.* — Ashgate, 2007.

Eustathios of Thessalonice. *The Capture of Thessaloniki* // *Australian Association of Byzantine Studies.* — Canberra, 1988.

Eutychius Patriarcha Alexandrinus. *Annales* // PG Vol.111. — Paris, 1873.

Evagrius Scholasticus. *The Ecclesiastical History of Evagrius.* — London, 1846.

Fadel M., ed. Answering those, who altered the Religion of Jesus Christ. — Al-Mansura, 2009.

Fulcheri Carnotensis. Historia Hierosolymitana. — Heidelberg, 1913.

Gabriel Bar Kalâi. Poème sur la chute de Tripoli // Archives de L'Orient Latin. Tome II. — Paris, 1884.

Gabrieli F. Arab Historians of the Crusades. — Routledge, 2010.

Galterii Cancellarii. Bella Antiochena // RHC Occ. V. — Paris, 1895.

Gaufredo Malaterra. De Rebus Gestis Rogerii Calabriae et Siciliae Comitis et Roberti Guiscardi Ducis fratris eius // Rerum Italicarum Scriptores V. — Bologna, 1927.

Gautier de Coincy. Les Miracles de Nostre Dame. — Geneva, 1970.

Georgii Cedreni. Compendum Historiarum // PG Vol.122. — Paris, 1889.

Georgius Pachymeres. De Michaelae et Andronico Paleologis. — Bonn, 1835.

Gesta Regis Henrici Secundi et Regis Ricardi I. — London, 1867.

Gesta Triumphaila Pisanorum in Captione Jerusalem // RHC Occ. V. — Paris, 1895.

Grégoire le Prêtre. Chronique de Grégoire le Prêtre // RHC Arm. I. — Paris, 1869.

Greven J. Die Exempla aus den Sermones feriales et communes des Jakob von Vitry. — Heidelberg, 1914.

Griveau R., ed. & trans. Les fêtes des Melchites par Al-Birouni // Patrologia Orientalis X. — Paris, 1915.

Guiberti Abbatis. Gesta Dei per Francos // RHC Occ. IV. — Paris, 1879.

Guillaume de Machaut. The Capture of Alexandria. — Aldershot, 2001.

Guillaume de Tyr. Historia rerum in partibus transmarinis gestarum // RHC Occ. I. — Paris, 1844.

Guillermus Apuliensis. Gesta Roberti Wiscardi // MGSS, IX. — Tübingen, 1899.

Guiragos de Kantzag. Extrait de l'Histoire d'Arménie // RHC Arm. I. — Paris, 1869.

Hacken C.E. ten. The description of Antioch in Abu al-Makarim's History of the Churches and Monasteries of Egypt and some neighbouring countries // East and West in the Medieval Eastern Mediterranean. Antioch from the Byzantine Reconquest until the End of the Crusader Principality. — Leuven, 2006.

Hayton. La Flor des Estoires des parties d'Orient // RHC Arm. II. — Paris, 1906.

Historia belli sacri (Tudebodus imitatus et continuatus) // RHC Occ. III. — Paris, 1866.

Hugo Eterianus. De haeresibus Graecorum in Latinos devolvunt, sive quod Spiritus Sanctus ex utroque Patre et Filio procedit // PL. Vol.202. — Paris, 1855.

Ibn al-Athir. Al-Kamil fi al-Tarikh // RHC Orient. I. — Paris, 1872.

Ibn al-Athir. Histoire des Atabecs de Mosul // RHC Orient. II. — Paris, 1876.

Ibn al-Furat. The History of the Dynasties of the Kings // Ayyubids, Mamluks and Crusaders. — Cambridge, 1971.

Ioannis Antiochenus. De monasteriis laicis non tradensis // PG. Vol.132. — Paris, 1864.

Ioannis Malalae. Chronographia. — Bonnae, 1831.

Ioannes Phocas. Compendiaria descriptio castrorum et urbium ab urbe Antiochia usque Hierosolymam // RHC Grec. I. — Paris, 1875.

Itinerarium Peregrinorum et Gesta Regis Ricardi. — London, 1864.

Jacques de Vitry. Iacobi de Vitriaco libri duo, quorum prior Orientalis sive Hierosolymitanae, alter Occidentalis Historiae nomine inscribuntur. — Douai, 1597.

Jean sire de Joinville. Histoire de Saint Louis. — Paris, 1868.

Ioannes Damascenus // PG Vol.94—95. — Paris, 1864.

Ioannis Abbatis Fiscamnensis. Epistola Joannis I Abbatis Fiscamnensis ad S. Leonem IX // PL. Vol.143. — Paris, 1882.

Karlin-Hayter P., Miller T. Fragula: Testaments of Gregory for the Monastery of St. Philip of Fragula in Sicily // Byzantine Monastic Foundation Documents. — Dumbarton Oaks, 2000.

Kemal ad-Din. Bughyat al-talab fi Tarikh Halab // RHC Orient. III. — Paris, 1884.

Kemal ad-Din. Histoire d'Alep // ROL III-IV. — Paris, 1895.

Khater A., Burmester O.H. E., ed. & trans. History of the patriarchs of the Egyptian Church: known as the History of the Holy Church, by Sawirus ibn al-Mukaffa', Bishop of al-Asmunin // Publications de Société Archéologie Copte. Textes et Documents XII. — Cairo, 1970.

La Chanson d'Antioche // ed. & trans. par Marquesse de Sainte-Aulaire. — Paris, 1862.

Leib B., ed. Deux inédits byzantins sur les azymes au début du xii siècle // Orientalia Christiana, Vol.9. — Roma, 1924.

Les gestes des Chiprois. — Geneva, 1887.

L'Estoire de Eracles Empereur et la conqueste de la terre d'Outremer // RHC Occ. II. — Paris, 1859.

Le Strange G. Palestine under the Moslems. A Description of Syria and the Holy Land from AD 650 to 1500. — London, 1890.

Liutprandi Cremonensis Episcopi. Relatio de Legatione Constantinopolitana // PL 120. — Paris, 1881.

Ludolph von Suchem. Description of the Holy Land and of the Way Thither // PPTS. — London, 1895.

Matthaei Parisiensis. Chronica Majora. — London, 1872—1880.

Mathieu D'Edesse. Chronique de Mathieu D'Edesse (962—1136) avec la Continuation de Grégoire le Prêtre. — Paris, 1858.

Maqrizi. Book of Proceedings to Knowledge of the History of Kings // Arab Historians of the Crusades. — London, 1969.

Menkonis Chronicon // MGH SS — Vol.23. — Hannover, 1874.

Michael Psellus. Oratoria minora. — Leipzig, 1985.

Michaelis Attalioe. Historia // CSHB. — Bonn, 1853.

Michel le Syrien. Chronique de Michel le Grand, Patriarche des Syriens Jacobite. — Venise, 1868.

Michel le Syrien. Chronique de Michel le Syrien. Patriarche Jacobite D'Antioche. Vol. III. — Paris, 1905.

Nersès de Lampron. Extraits // RHC. Arm. I. — Paris, 1869.

Nersès Shnorhali. Élégie sur la prise d'Édesse par les Musulmans // RHC. Arm. I. — Paris, 1869.

Nicephorus Callistus. Nicephori Callisti Ecclesiasticae Historiae // PG 146. — Paris, 1865.

Odono of Deuil. De Profectione Ludovici VII in Orientem. — New York, 1948.
Ottver. Descriptio Terre sancte // Die Schriften des Kölner domscholasters, späteren bischofs von Paderborn und kardinal-bischofs. — Tübingen, 1894.

Orderic Vitalis. The Ecclesiastical History of England and Normandy. — London, 1854.

Ottonem Frisingensem episcopum. Chronicon // MGH SSRG. — Hanover, 1867.

Petri Tudebodi. Historia de Hierosolymitano itinere // RHC Occ. III. — Paris, 1866.

Portillo R.D. The Arabic Life of St. John of Damascus // Parole de l'Orient: revue semestrielle des études syriaques et arabes chrétiennes recherches orientales: revue d'études et de recherches sur les églises de langue syriaque. — 1996. -Vol.21.

Radulfo Cadomensis. Gesta Tancredi in expeditione Hierosolymitana // RHC Occ. III. — Paris, 1866.

Raimundi Aguilers. Historia Francorum qui ceperunt Iherusalem // RHC Occ. III. — Paris, 1866.

Roberti Canonici. Chronicon // MGH SS 26. — Hanover, 1872.

Roberti Monachi. Historia Iherosolimitana // RHC Occ. III. — Paris, 1866.

Roger de Hoveden. The Annals of Roger de Hoveden. — London, 1853.

Rogeri de Houedene. Chronica Magistri Rogeri de Houedene. — London, 1869.

Romualdo Guarna. Cronica di Romualdo II Arcivesco Salernitano // Cronisti e Scrittori Sincroni della Dominazione Normanna nel Regno di Puglia e Sicilia. — Napoli, 1845.

Samuel d'Ani. Extrait de la Chronographie de Samuel Ani // RHC Arm. I. — Paris, 1869.

Sauvaget J. Les Perles choisies d'Ibn ach-Chihna. Matériaux pour service à l'histoire de la ville d'Alep. — Beyrouth, 1933.

Sawirus ibn al-Muqaffa. History of the Patriarchs of the Coptic Church of Alexandria // Patrologia Orientalis Vol. I. — Paris, 1904.

Sempad le Connetable. Chronique de Royaume de la Petite Arménie // RHC Arm. I. — Paris, 1869.

Shirley J., ed. & trans. Crusader Syria in the Thirteenth Century. The *Rothelin* Continuation of the *History* of William of Tyre with part of the *Eracles* or *Acre* text. — Aldershot, 1999.

Stephanos Orbelian. Histoire par le Siounie. — СПб.: 1864.

Stewart A., ed. & trans. Description of the Holy Land by John of Würzburg. // Palestine Pilgrim Texts Society. — London, 1890.

Stewart A., ed. & trans. Theodorich's description of the Holy Places, circa 1172 A. D. // Palestine Pilgrim Texts Society. Vol.5. — London, 1891.

Stewart A., ed. & trans. The Pilgrimage of John Phocas. // Palestine Pilgrim Texts Society. — London, 1889.

Suggerius Abbas. Vita Ludovici Regis // PL. Vol.186. — Paris, 1854.

Theodorus Abucara, Carum Episcopus // PG Vol.97. — Paris, 1865.

Thietmar. Magister Thietmari Peregrinatio. — Hamburg, 1857.

Tritton A.S., Gibb. H. The First and Second Crusades from an Anonymous Syriac Chronicle // Journal of the Royal Asiatic Society. — Cambridge, 1933.

Vahram D'Edesse. La chronique rimée des rois de la Petite Arménie // RHC Arm. I. — Paris, 1869.

Vasiliev A., ed. & trans. Histoire universelle, écrite par Agapius (Mahboub) de Menbidj // PO Vol.5, 7, 8. — Paris, 1910—1912.

Vasiliev A. et Kratchkowsky I., éd. Yahya Ibn Sa'id d'Antioche, Continuation de Sa'id Ibn Bitriq // Patrologia Orientalis, Vol.18. — Paris, 1924.

Wiberto archidiacono Tullensis. Leonis IX vita ab ipsius in ecclesia Tullensi archidiacono Wiberto conscripta // Pontificum Romanorum — Vitae. Vol. I. (ed. J.M. Watternich). — Leipzig, 1862.

Wilbrandus de Oldenborg. Peregrinatio // Peregrinatores Medii Aevi Quatuor. — Leipzig, 1864.

Vartan le Grand. Extraits de Histoire Universelle // Journal Asiatique. Tome XV. — Paris, 1860.

Vartan le Grand. Extrait de Histoire Universelle // RHC. Arm. I. — Paris, 1869.

Zayat H. Vie du patriarche melkite d'Antioche Christophore (+967) par le protospathaire Ibrahim b. Yuhanna, Document inedit du Xe siecle // Proche-Orient Chrétien. — 1952.

Источники права

Галстян А. «Антиохийские ассизы» по переводу Смбата Спарапета, армянского историка XIII в. // Православный палестинский сборник. — 1960. — №68.

Philippe de Novare. Asses de la Haute Cour // RHC Lois. I. — Paris, 1841. Sempad, le connetable. Assises D'Antioche. — Venise, 1876.

Theodore Balsamon. Canones Synodi in Trullo // PG. Vol.137. — Paris, 1865.

Документальные источники

Дмитриевский А.А. Древнейшие Описание рукописей и книг, поступивших в Церковно-Археологический музей при Киевской Духовной Академии из греческой нежинской Михаило-Архангельский церкви. — Киев, 1885.

Документы II Ватиканского Собора. — М: Паолине, 1998.

Aimerici, patriarchae Antiochae. Epistolae ad Ludovicum // RHGF 16. — Paris, 1878.

Acta Honorii III (1216—1227) et Gregorii IX (1227—1241) // CICO. Vol. III. — Vatican, 1950.

Amalrici, Regis Hierosolymitani. Epistolae ad Ludovicum // RHGF 16. — Paris, 1878.

Ansbert. Historia de Expeditione Friderici Imperatoris // MGH SS. Vol. 5. — Berlin, 1928.

Anselli Cantoris Sancti Sepulcri. Epistola ad Ecclesiam Parisiensis // PL 162.

Auvray L., ed. Les Registres de Grégoire IX. — Paris, 1896.

Barber M., Bate K., ed. & trans. Letters from the East. Crusaders, Pilgrims and Settlers in the 12th-13th Centuries. — Ashgate, 2010.

Berger E., ed. Registres d'Innocent IV. Vol. I-IV. — Paris, 1884—1921.

Bertranni de Blancafort, magistrae militiae Templi. Epistolae ad Ludovicum // RHGF 16. — Paris, 1878.

Bourassé J.-J., ed. Cartulâire de Cormery. — Tours, 1861.

Bourel de La Ronciere C., ed. Les Registres de Alexandre IV. — Paris, 1902.

Bresc-Bautier G., ed. La Cartulaire de chapitre du Saint-Sepulchre de Jerusalem. — Paris, 1984.

Bruel A., ed. Recueil des Chartes de l'Abbaye de Cluny. Tome IV. — Paris, 1888.

Carli M.T., ed. Carte dell'Archivio Capitolare di Pisa. Vol. III. — Pisa, 1977.

Caspar E. Das Register Gregors VII // MGH. — Berlin, 1923.

Codice diplomatico Barese, edito a cura della commissione provinciale di archeologia e storia patria. Vol. I-XXI. — Bari, 1897—1976.

Cusa S., ed. I Diplomi greci ed arabi di Sicilia. — Palermo, 1882.

Delaborde H.F., ed. Chartes du Terre Sainte provenant l'abbaye de N.-D. de Josaphat. — Paris, 1880.

Delaville le Roulx J., ed. Cartulaire général de l'Ordre des Hospitaliers de Saint Jean de Jérusalem (1100 — 1311). — Paris, 1894.

Delaville Le Roulx J. Les sceaux des archives de l'Ordre de Saint-Jean de Jérusalem à Malte. — Paris, 1887.

De Roziere E., ed. Cartulaire de l'Eglise du Saint-Sepulchre de Jerusalem, Collection des documents inédits sur l'histoire de France. — Paris, 1849.

Gay J., Vitte S., ed. Les Registres de Nicholas III. — Paris, 1898.

Gaufredi Fulcherii, procuratoris militiae Templi. Ad Ludovicum // RHGF 16. — Paris, 1878.

Gelzer H. Ungedruckte und wenig bekannte Bistümerverzeichnisse der orientalischen Kirche I // Byzantinische Zeitschrift. — 1892. — Vol. №1.

Grumel, V. Les registes des actes du patriarcat de Constantinople. Les actes des patriarches II. Les registes de 715 à 1043. — Paris, 1936.

Grumel V. Les registes des actes du Patriarcat de Constantinople. Les actes des patriarches III. Les registes de 1043 à 1206. — Paris, 1947.

Guiraud M.J. ed. Les Registres des Urbaine IV. — Paris, 1901.

Hagenmeyer H., ed. Die Kreuzzugsbriefe aus den Jahren 1088—1100. — Innsbruck, 1901.

Hiestand R., ed. Papsturkunden für kirchen im Heiligen Lande. — Göttingen, 1985.

Huygens R.B. C., ed. Serta Medievalia Textus varii seaculorum x-xiii in unum collecti // Corpus Christianorum. Continuatio Mediaevalis, №171. — Turnhout.

Innocentius III Pontifex Romanus. Epistolae // PL. Vol.214—216. — Paris, 1855.

Kohler C., ed. Chartes de l'Abbaye de Notre-Dame de la Vallée de Josaphat en Terre-Sainte (1108—1291) // ROL VII. — Paris, 1899.

Langlois V., ed. Les Registres de Nicholas IV. — Paris, 1891.

Langlois V., ed. Le trésor des chartes d'Arménie, ou, Cartulaire de la chancellerie royale des Roupéniens. — Venise, 1863.

Laurent V. Les registes des actes du Patriarcat de Constantinople. Les actes des patriarches III. Les registes de 1208 à 1309. — Paris, 1947.

Lignages de Outremer // RHC Lois II. — Paris, 1843.

Lignages d'Outremer. Le Vaticanus Latinus 7806 // Biblioteca Vaticana.

Lignages d'Outremer. Marciana Ms Francese 20 // Biblioteca Nazionale Marciana, Venezia.

Lowenfeld S., ed. Epistolae Pontificum Romanorum Ineditae. — Leipzig, 1885.

Ménager L.R. ed. Recueil des actes des Ducs Normands d'Italie 1046—1127. Tome I. — Bigiemme, 1980.

Müller J., ed. Documenti sulle relazioni delle citta toscane coll'Oriente e coi Turchi fino all'anno 1531. — Florence, 1879.

Muratori L., ed. Antiquitates Italicae. Vol. II. — Milan, 1739.

Munitiz J.A., Chrysostomides J., ed. The Letter of the Three Patriarchs to Emperor Theophilus and Related Texts. — Camberley, 1997.

Nilus Doxapatrius. Nili Doxopatrii notitis patriarchatum // Parthey G. Hieroclis Synecdemus et Notitiae Graecae Episcopatum. — Berlin, 1866.

Paoli S., ed. Codice diplomatico del sacro militare ordine gerosolimitano, oggi di Malta. — Lucca, 1733.

Petit M.E. Chartes de l'abbaye cistercienne de Saint-Serge de Giblest en Syrie // Mémoires de la Société Nationale des Antiquaires de France. V, Vol.8 — Paris, 1887.

Petrus III Patriarcha Antiochenus. Epistolae // PG. Vol.120. — Paris, 1864.

Potthast A. Regesta Pontificum Romanorum inde ab anno 1198 ad annum 1304. — Berlin, 1874.

Presutti P. Regesta Honorii papae III. — Roma, 1888—1895.

Puncuh D., ed. Liber Privilegiorum ecclesiae ianuensis. — Genova, 1962.

Röhricht R., ed. Regesta Regni Hierosolymitani. — Innsbruck, 1893.

Röhricht R., ed. Regesta Regni Hierosolymitani. Additamentum. — Innsbruck, 1904.

Sbaraglia G.G., ed. Bullarium Franciscanum Romanorum Pontificum. Tomus I. Ab Honorio III ad Innocentium IIII. — Roma, 1756.

Theodore Balsamon. Responsa as Interrogationes Marci // PG. Vol.138. — Paris, 1865.

Vailhe S. La «Notitia episcopatum» d'Antioche du Patriarche Anastase // Echos d'Orient, Vol. X. — Paris, 1907.

Will C., ed. Acta et scripta quae de controversiis ecclesiae Graecae et Latinae saeculo undecimo composita extant. — Leipzig, 1861.

Литература

Арутюнова-Фиданян В.А. Армяно-византийская контактная зона (X-XI вв.). — Ереван: Айастан, 1980.

Арутюнова-Фиданян В.А. Армяне-халкидониты на восточных границах Византийской империи (XI в.). — М.: Наука, 1994.

Арутюнова-Фиданян В.А. Византийские правители Эдессы в XI в. // Византийский временник. — 1973. — №35.

Арутюнова-Фиданян В.А. Les Armeniens Chalcedoniens en tant que phenomene culturel de l'Orient chretien // Atti del quinto Simposio Internazionale di Arte Armena. — Venezia, 1992.

Базили К.М. Сирия и Палестина под турецким правительством — М.: Мосты Культуры, 2007.

Безобразов П.В. Боэмунд Тарентский // Журнал Министерства народного просвещения. — 1883. — №226.

Безобразов П. Материалы для истории Византийской империи // Журнал Министерства народного просвещения. — 1887. — №254.

Беляев Л.А., Грацианский М.В. Апамяя // Православная Энциклопедия. Том 3. — М.: Церковно-научный центр «Православная Энциклопедия», 2001.

Бикерман Э. Государство Селевкидов. — М.: Наука, 1985.

Близнюк С.В. Короли Кипра в эпоху крестовых походов. — СПб.: Алетейя, 2015.

Брюн С.П. Византийские иконы на монетах нормандского правителя сирийской Антиохии. Опыт рецепции византийской иконографии на заре крестовых походов // Церковь и время. — 2013. — №3 (64).

Брюн С.П. Власть и общественное положение франкской женщины на Латинском Востоке // Диалог со временем. — 2013. — №43.

Брюн С.П. Восточный престол князя Апостолов. Почитание св. Петра в Антиохии в эпоху франкского правления (1098—1268 гг.) // Страницы. Библийско-богословский институт св. Апостола Андрея Первозванного. — 2014. — №2.

Брюн С.П. Забытая трагедия Принцессы Грезы // Театр. Живопись. Кино. Музыка. Альманах. — 2012. — №4.

Брюн С.П. Потомки Ярослава — государи крестоносцев // Родина. — 2012. — №12.

Брюн С.П. (Brjun S.). Giorgio di Antiochia e Teodosio di Villehardouin // La Nuova Europa. — 2013. — №6.

Васильев А.А. Житие иже во святых отца нашего Феодора, архиепископа Едесского (рец.) // Журнал Министерства народного просвещения. — 1893. — Том 286.

Виймар П. Крестовые походы. Миф и реальность Священной войны. — СПб.: Евразия, 2006.

Герд Л.А. Армяне и грузины в антиохийских монастырях XI в. (по «Тактикону» Никона Черногорца) // Русь и южные славяне. Сборник статей к 100-летию со дня рождения В.А. Мошина. — СПб.: 1998.

Герд Л.А. «Тактикон» Никона Черногорца как источник по истории харистикариата в Византии // Византийский временник. — 1994. — №55.

Грацианский М.В., Казарян А.Ю. Аназарв // Православная Энциклопедия. Том 2. — М.: Церковно-научный центр «Православная Энциклопедия», 2001.

Григорович-Барский В.И. Странствования по Святым местам Востока. — М.: ИИПК «ИХТИОС», 2005.

Давыденков О., прот. Булус ар-Рахиб и его творения // Арабы-христиане в истории и литературе Ближнего Востока. — М.: ПСТГУ, 2013.

Демурже А. Рыцари Христа. — СПб.: Евразия, 2008.

Дворкин А.Л. Очерки по истории Вселенской Православной Церкви. — Нижний Новгород: изд. Братства Св. Александра Невского, 2005.

Жузе П.К. Епархии Антиохийской церкви. Исторический этюд // СИППО. — 1911. — Том 22 (№4).

Заборов М.А. Крестоносцы на Востоке. — М.: Наука, 1980.

Иванов С.А. Византийское миссионерство. Можно ли из варвара сделать христианина?. — М.: Языки славянской культуры, 2003.

Иванов С.А. В поисках Константинополя. — изд. Вокруг Света: М., 2011.

Каждан А.П. Армяне в составе господствующего класса Византийской империи в XI-XII вв. — Ереван, 1975.

Левек П. Эллинистический мир. — М.: Наука, 1989.

Лидов А.М. Искусство армян-халкедонитов // Историко-филологический журнал. — 1990. — №1.

Лидов А.М. L'art des Armeniens Chalcedoniens // Atti del Quinto Simposio Internazionale di Arte Armena. — Venezia 1992.

Лучицкая С.И. Образ другого. Мусульмане в хрониках крестовых походов. — СПб.: Алетейя, 2001.

Марр Н.Я. Аркау́н, монгольское название христиан в связи с вопросом об армянах-халкидонитах // Византийский временник. — М.: 1906. — №13.

Мейендорф И. Единство империи и разделение христиан. — М.: изд. ПСТГУ, 2012.

Микаелян Г.Г. История Киликийского армянского государства. — Ереван, 1952.

Моисеева С.А. «Житие Антиохийского Патриарха Христофора» как памятник арабо-мелькитской агиографии X-XI вв. // Арабы-христиане в истории и литературе Ближнего Востока. — М.: ПСТГУ, 2013.

Мутафян К. Последнее королевство Армении. — М.: Mediacraft, 2009.

Норвич Дж. Расцвет и закат Сицилийского королевства. — М.: Центрполиграф, 2005.

Оболенский Д. Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов. — М.: ВРС, 2012.

Панченко К.А. Бостра // Православная Энциклопедия. Том 6. — М.: Церковно-научный центр «Православная Энциклопедия», 2003.

Панченко К.А. Забытая катастрофа. К реконструкции последствий Александрийского крестового похода 1365 г. на Христианском Востоке

// Арабы-христиане в истории и литературе Ближнего Востока. — М.: ПСТГУ, 2013.

Панченко К.А. Митрополиты и епархии православной Антиохийской Церкви в описании Патриарха Макария III аз-За'има (1665 г.) // Вестник церковной истории. — 2012. — №1—2 (25/26).

Пападакис А. Христианский Восток и возвышение папства. — М.: изд. ПСТГУ, 2010.

Попова О.С. Пути византийского искусства. — М.: Гамма-пресс, 2013.

Порфирий (Успенский). Второй путешествие архимандрита Порфирия Успенского в Синайский монастырь в 1859 году. — СПб.: Типография Морского Кадетского Корпуса, 1856.

Порфирий (Успенский). Сирия. Список антиохийских патриархов // Восток христианский. — Киев, 1874.

Порфирий (Успенский). Сказание о православной Амидийской митрополитии в Месопотамии // Духовная беседа. — 1863. — Том 19, №37.

Рансимен С. Восточная схизма. Византийская теократия. — М.: Восточная литература РАН, 1998.

Ришар Ж. Латино-Иерусалимское королевство. — СПб.: Евразия, 2002.

Росси К. Сокровища монастыря Св. Екатерины на Синае. — М.: Магма, 2007.

Саминский А.Л. Образ и смысл // Образ Византии. Сборник статей в честь О.С. Поповой. — М.: Северный Паломник, 2008.

Соколов И.И. Избрание архиереев в Византии IX-XV вв. (Историко-правовой очерк). Избрание патриархов Александрийской церкви в XVIII и XIX столетиях. — СПб: «Издательство Олега Абышко», 2004.

Степаненко В.П. Византия и гибель графства Эдесского (1150 г.) // Византийский временник. — 1989. — Том 50.

Степаненко В.П. Государство Филарета Варажнуни // Античная древность и средние века. — Свердловск: 1975. — №. 12.

Степаненко В.П. Из истории международных отношений на Ближнем Востоке XII в. Княжество Васи́ла Го́ха и Византия // Античная древность и средние века. — Свердловск, 1980. — №17.

Степаненко В.П. Ишханы Эдессы и внешнеполитическая ориентация города в 70-х годах XI — начале XII в. // Византийский временник. — 1984. — Том 45.

Степаненко В.П. Мараш и графство Эдесское в Девольском договоре 1108 г. // Византийский временник. — 1987. — Том 48.

Степаненко В.П. Равнинная Киликия во взаимоотношениях Антиохийского княжества и княжества Рубенидов в 10—40-х годах XII в. // Византийский временник. — 1989. — Том 49.

Степаненко В.П. Совет двенадцати ишханов и Бодуэн Фландрский. К сущности переворота в Эдессе (март 1098 г.) // Античная древность и средние века. — Свердловск: 1985.

Степаненко В.П. Цицилия «Дама Тарса и сестра короля». Равнинная Киликия в составе Антиохийского княжества 1108—1137 гг. // Византийский временник. — 1991. — Том 51.

Степаненко В.П., Шандровская В.С. Татул и Пакурианы // Античная древность и средние века. — Екатеринбург, 2005. — №36.

Сукиасян А.Г. История Киликийского государства и права. — Ереван: Митк, 1969.

Тафт Р.Ф. Византийский церковный обряд. — СПб.: Алетей, 2005.

Успенский Ф.И. История Византийской империи. Т. 3—5. — М.: Астрель, 2002.

Успенский Ф.И. Очерки по истории византийской образованности. История крестовых походов. — М.: Мысль, 2001.

Флори Ж. Бозмунд Антиохийский. Рыцарь удачи. — СПб., М.: Евразия, 2013.

Фильштинский И.М. Халифат под властью династии Омейядов. — М.: Соверо-принт, 2005.

Харитонович Д.Э. История крестовых походов. Краткий курс. — М.: Аванта, 2010.

Хелдон Д. Византийские войны. — М.: Вече, 2007.

Хелу Н. Сербо-византийская школа живописи в Ливане в XII—XIII вв. // Ниш и Византија XII. — Ниш, 2014.

Хелу Н. Фрески Кафтуна (Ливан). Соединение византийской и восточной традиций // Образ Византии. Сборник статей в честь О.С. Поповой. — М.: Северный Паломник, 2008.

Хилленбранд К. Крестовые походы. Взгляд с Востока: мусульманская перспектива. — СПб.: ДИЛЯ, 2008.

Шандровская В.С. Эрмитажная печать Кириака Мархапсаба // Античная древность и средние века. — 2006. — №37.

Юрченко А.Г. Смерть последнего халифа // Жан де Жуанвиль. Книга благочестивых речений и добрых деяний нашего святого короля Людовика.. — СПб.: Евразия, 2007.

Aerts W.J. Nikon of the Black Mountain, Witness to the First Crusade? // East and West in the Medieval Eastern Mediterranean. Antioch from the Byzantine Reconquest until the End of the Crusader Principality. — Leuven, 2006.

Afinogenov D. (Афиногенов Д.). The new edition of the «The Letter of the Three Patriarchs»: problems and achievements // Συμμεικτα. — 2003—2004. — №16.

Alisan L. Sissuan ou l'Arméno-Cilicie. Description géographique et historique avec carte et illustrations. — Venice, 1899.

Amoroux-Mourad M. Le comté d'Edesse: 1098—1150. — Paris, 1988.

Angold M. Greeks and Latins after 1204: Perspectives of Exile // Latins and Greek in the Eastern Mediterranean after 1204. — London, 2007.

Asbridge T. The Creation of the Principality of Antioch. 1098—1130. — Woodbridge, 2000.

Bacci M. A Sacred Space for a Holy Icon: The Shrine of Our Lady of Saydnaya // Иеротопия. Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси. Сборник под редакцией А.М. Лидова. М., «Прогресс-традиция», 2006.

Baraz D. The incarnated icon of Saidnaya goes West. A re-examination of the motif in the light of new manuscript evidence // Le Muséon. — 1995. — №108.

Beech G.T. A Norman-Italian Adventurer in the East: Richard of Salerno 1097—1112 // Anglo-Norman Studies. — 1993. — №15.

Berchem M., Bell G., Strzykowski J. Amida: matériaux pour l'épigraphie et l'histoire Musulmanes du Diyar-Bekr. — Heidelberg, 1910.

Betts R.B. The Southern Portals of Byzantium. — London, 2009.

Boase T.S. R., ed. The Cilician Kingdom of Armenia. — Edinburgh, 1978.

Boase T.S.R. Ecclesiastical Art in the Crusader States in Palestine and Syria // Setton K.. M. ed. A History of the Crusades. Vol. IV. — University of Wisconsin, 1977.

Boas A.J. Jerusalem in the time of the Crusades: Society, Landscape and Art in the Holy City under Frankish rule. — New York, 2001.

Bordonove G. Les croisades et le Royaume de Jérusalem. — Paris, 1992.

Bouché-Leclercq A. Histoire des Séleucides (323—64 avant J.-C.). — Paris 1913.

Bouchier E.S. A Short History of Antioch, 300 B. C. — A. D. 1268. — London, 1921.

Brand C.M. Byzantium Confronts the West. 1180—1204. — Harvard, 1968.

Brock S. Syriac Manuscripts Copied on the Black Mountain, near Antioch // *Lingua Restituta Orientalis*. — Wiesbaden, 1990.

Brosse C.-L. Les peintures de la grotte de Marina près de Tripoli // *Syria*. — 1926. — №7.

Brosset M.-F. Histoire de la Géorgie depuis l'Antiquité jusqu'au XIXe siècle. — St. Petersburg, 1849.

Brown R.A. The Normans. — Woodbridge, 1995.

Buchet L., Sodini J.-P., Pieri D., etc. Massacre dans le monastère de Qalat'at Sem'an, Syrie // *Vers une anthropologie des catastrophes. Actes des 9e Journées Anthropologiques de Valbonne*. — Valbonne, 2007.

Burgdorf J. The Military Orders in the Crusader Principality of Antioch // *East and West in the Medieval Eastern Mediterranean. Antioch from the Byzantine Reconquest until the End of the Crusader Principality*. — Leuven, 2006.

Butcher K. Roman Syria and the Near East. — Los-Angeles, 2003.

Cahen C. Indigènes et croisés. Quelques mots à propos d'un médecin d'Amaury et de Saladin // *Syria*. — 1934. — №15.

Cahen C. La Syrie du Nord à l'époque des Croisades et la principauté franque d'Antioche. — Paris, 1940.

Cahen C. Le commerce d'Amalfi dans le Proche-Orient musulman avant et après la Croisade // *Comptes-rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*, Vol. 121. — 1977. — № 2.

Cahen C. Un document concernant les Melkites et les Latins d'Antioche au temps des Croisades // *Revue des études byzantines*. — 1971. — №29.

Candea V. Une oeuvre d'art melkite: l'icône de Saint-Elia de Homs // *Syria*. — 1972. — №49.

Chalandon F. Les Comnènes; Etudes sur l'Empire byzantin aux XIe et XIIe siècles. Vol. I. Essai sur le règne d'Alexis 1er Comnène (1081—1118). — Paris, 1900.

Chalandon F. Les Comnènes; Etudes sur l'Empire byzantin aux XIe et XIIe siècles. Vol. II. Jean II Comnène, 1118—1143, et Manuel I Comnène, (1143—1180). — Paris, 1912.

Charon C. (Karalevskij C). Antioche // Charon c. Karalevskij C., ed. *Dictionnaire d'Histoire et Géographie ecclésiastiques*. — Paris, 1924.

Charon C. (Korolevskii C.). Histoire des patriarchats melkites (Alexandrie, Antioche, Jérusalem); depuis le schisme monophysite du sixième siècle jusqu'à nos jours. Vol. II. — Rome, 1910.

Charon C. (Korolevskii C.). Histoire des patriarchats melkites (Alexandrie, Antioche, Jérusalem); depuis le schisme monophysite du sixième siècle jusqu'à nos jours. Vol. III. — Rome, 1911.

Charon C. (Korolevskii C.). Le passage au rite oriental // Irenikon. — 1929. — №6.

Charon C. (Korolevskii C.). Le rite byzantin dans les patriarchats melkites, Alexandrie — Antioche — Jérusalem // Χρυσοστομικά. — Roma, 1907.

Cheyne J.-C. Le contrôle de la Syrie du Nord à la fin de la seconde occupation byzantine (seconde moitié du XI siècle) // Bisanzio e le periferie dell'impero. — Acireale, 2012.

Cheyne J.-C. The Duchy of Antioch after the Byzantine reconquest // East and West in the Medieval Eastern Mediterranean. Antioch from the Byzantine Reconquest until the End of the Crusader Principality. — Leuven, 2006.

Cheyne J.-C. Les effectifs de l'armée byzantine aux Xe-XIIe siècles // Cahiers de civilisation médiévale, 38. — №152. — 1995.

Cheyne J.-C. Pouvoir et contestations à Byzance (963—1210). — Paris, 1996.

Cheyne J.-C. Le sceau de Thierry de Barneville, duc d'Antioche // Revue numismatique, 6e série — 1984. — Tome 26.

Cheyne J.-C. Sceaux byzantins des Musées d'Antioche et de Tarse // Travaux et Mémoires. — 1994. — №12.

Cheyne J.-C. Sceaux de plomb du musée d'Hatay (Antioche) // Revue des études byzantines. — 1994. — Tome 54.

Cheyne J.-C. Sceaux de la collection Khoury // Revue numismatique, 6. — 2003. — Tome 159.

Cheyne J.-C. Le schisme de 1054: un non-événement? // Faire l'événement au Moyen Âge. — Aix-en-Provence, 2007.

Cheyne J.-C. Thathoul, archonte des archontes // Revue des études byzantines. — 1990. — Tome 48.

Cheyne J.-C., Morrisson C., Seibt W. Sceaux byzantins de la collection Henri Seyrig. — Paris, 1991.

Ciggaar K.N. The Adaptation of Oriental Life by Rulers in and around Antioch. Examples and Exempla // East and West in the Medieval Eastern

Mediterranean. Antioch from the Byzantine Reconquest until the End of the Crusader Principality. — Leuven, 2006.

Ciggaar K.N. An Egyptian doctor at the Comnenian court // *Nea Rhome*. — 2005.

Ciggaar K. Visitors from North-Western Europe to Byzantium. Vernacular Sources: Problems and Perspectives // *Byzantines and Crusaders in Non-Greek Sources*. 1025—1204. — Oxford, 2007.

Ciggaar K., van Aalst V., ed. East and West in the Medieval Eastern Mediterranean II. Antioch from the Byzantine Reconquest until the End of the Crusader Principality. — Leuven, 2013.

Ciggaar K., Metcalf D.M., ed. East and West in the Medieval Eastern Mediterranean. Antioch from the Byzantine Reconquest until the End of the Crusader Principality. — Leuven, 2006.

Cioffari G. La Traslazione di S. Nicola. Nelle fonti Latine dell'XI secolo E nelle fonti Russe // *Материалы с международной научной конференции «Святитель Николай в византийской, славянской и русской литературе и иконографии»*. — М.: 2013.

Cioffari G.S. Nicola nella critica storica. — Bari, 1987;

Cortese D., Calderini S. Women and the Fatimids in the World of Islam. — Edinburgh, 2006.

Coquin R.-G., Martin M. Dayr Asfal al-Ard // *Coptic Encyclopedia*. Vol. III. — Macmillan, 1991.

Codoñer J.S. Melkites and Icon Worship during the Iconoclastic Period // *Dumbarton Oaks Papers*. — 2013. — №67.

Conder C.R. The Latin Kingdom of Jerusalem. 1099—1291 AD. — London, 1897

Congar Y. After Nine Hundred Years of Schism. — New York, 1959.

Dagron G. Minorites ethniques et religieuses dans l'Orient byzantin a la fin du Xe et au XIe siecle: l'immigration syrienne // *Travaux et Memoires*. — 1976. — №6.

Dauvillier J. Byzantins d'Asie Centrale et d'Extrême-Orient au moyen âge // *Revue des études byzantines*. — 1953. — Tome 11.

De Bataillon C. Bulles de l'Orient latin. // *Syria*. Tome 27. — 1950. — №3—4.

Dédéyan G. L'immigration arménienne en Cappadoce au XIe siècle // *Byzantion*. — 1975 — Tome 45.

Dédéyan G. Les listes «féodales» du pseudo-Smbat // *Cahiers de civilisation médiévale*. — 1989. — Vol.32 (№125).

Dédéyan G. Les princes arméniens de l'Euphratèse et de l'Empire byzantin (fin XIe — milieu XIIe siècles) // L'Arménie et Byzance. Histoire et culture. — Paris, 1996.

Delaville le Roulx J. Les Hospitaliers en Terre Sainte et a Chypre (1100—1310). — Paris, 1904.

Dentzer J.-M., Blanc P.-M., Mukdad R., Mukdad A. Nouvelles recherches franco-syriennes dans le quartier est de Bosra Ash-sham // Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. — 1993. — Vol.137 (№1).

De Salies A. Histoire de Foulques-Nerra, Comte d'Anjou. — Paris, 1874.

Deschamps P. Château de Servantikar en Cilicie // Syria. Tome 18 (4). — 1937.

Di Bennardo A. Pietre orientate: la luce nelle chiese di Siria e Sicilia (V-XII secolo). — Roma, 2005.

Djobadze W. Archeological investigations in the region West of Antioch-on-the-Orontes. — Stuttgart, 1986.

Djobadze W. Georgians in Antioch on-the-Orontes and the monastery of St. Barlaam // Die Christianisierung des Kaukasus. The christianization of Caucasus (Armenia, Georgia, Albania) — Wien, 2002.

Djobadze W. Materials for the study of Georgian monasteries in the Western environs of Antioch on the Orontes // Corpus scriptorum Christianorum Orientalium. — 1976. — №327.

Djobadze W. Medieval Inscriptions in the Vicinity of Antioch on-the-Orontes // Oriens christianus. — 1965. — №49.

Downey G. A History of Antioch in Syria from Seleucus to the Arab Conquest. — Princeton, 1961.

Drapeyron L. L'empereur Héraclius et l'empire byzantin au VIIe siècle. — Paris, 1869.

Du Cange C. Les Familles d'Outremer. — Paris, 1869.

Ecochard M. Note sur un édifice chrétien d'Alep // Syria. 1950. — Tome 27 (3—4). — P. 270—283.

Edbury P.W. The Kingdom of Cyprus and the Crusades. 1191—1374. — Cambridge, 1994.

Edbury P.W., Rowe J.G. William of Tyre. Historian of the Latin East. — Cambridge, 2008.

Edgington S.B. Antioch: Medieval City of Culture // East and West in the Medieval Eastern Mediterranean. Antioch from the Byzantine Reconquest until the End of the Crusader Principality. — Leuven, 2006.

- Eger A. Mapping Medieval Antioch // *Dumbarton Oaks Papers*. — 2013. — №67.
- Elias (Khalifeh). Orthodox Manuscripts Copied in Antioch // *Antioch*. — 2013.
- Elias (Khalifeh). A Project on the Antiochian Chalcedonian Orthodox Manuscripts: Syriac, Arabic, CPA and Greek // *Parole de l'Orient: revue semestrielle des études syriaques et arabes chrétiennes recherches orientales: revue d'études et de recherches sur les églises de langue syriaque*. — 2006. — Vol.31.
- Ellenblum R. Frankish rural settlement in the Latin Kingdom of Jerusalem. — Cambridge, 1998.
- Engel M. Recherches sur la Numismatique et la Sigillographie des Normands de Sicile et D'Italie. — Paris, 1882.
- Epstein S.A. Genoa and the Genoese (958—1528). — University of North Carolina, 1996.
- Failler A. Le patriarche d'Antioche Athanase I Manassès (1157—1170) // *Revue des études byzantines*. — 1993. — Tome 51.
- Farioli Campanati R. Bosra chiesa dei SS. Sergio, Baccho e Leonzio: i nuovi ritrovamenti // *La Syrie de Byzance à l'Islam VIIe-VIIIe siècles*. — Damas, 1992.
- Fedalto G. Hierarchia Ecclesiastica Orientalis. Series Episcoporum Ecclesiarum Christianarum Orientalium. — Padova 1991.
- Fedalto G. La Chiesa Latina in Oriente, Vol.1—3. — Verona, 1973—1976.
- Folda J. Art in the Latin East.1098—1291 // *The Oxford Illustrated History of the Crusades*. — Oxford, 2007.
- Folda J. Crusader Art. The Art of the Crusaders in the Holy Land, 1099—1291. — Aldershot, 2008.
- Folda J. Crusader Art in the Holy Land. From the Third Crusade to the Fall of Acre, 1187—1291. — Cambridge, 2005.
- Force (Marquis de la), Les conseillers latine d'Alexis Comnène // *Byzantion*. — 1936. — Vol.11.
- Foss C. A Syrian Coinage of Mu'awiya? // *Revue numismatique*. — 2002. — Vol.6 (№158).
- Foss C. Pilgrimage in Medieval Asia Minor // *Dumbarton Oaks Papers*. — 2002. — Vol.56.
- Franklin C.V. Theodore of Tarsus and the Passio S. Anastasii // *Archbishop Theodore. Commemorative Studies on His Life and Influence*. — Cambridge, 1995.

Galadza D. Sources for the Study of Liturgy in Post-Byzantine Jerusalem (638—1187 CE) // *Dumbarton Oaks Papers*. — 2013. — №67.

Galadza D. Worship in the Holy City in Captivity. The Liturgical Byzantinization of the Orthodox Patriarchate of Jerusalem After the Arab Conquest (8th-13th c.). — Rome, 2013.

Gardner, A. The Lascarids of Nicæa. The Story of an Empire in Exile. — London, 1912.

Gautier P. Diatribes de Jean l'Oxite contre Alexis Ier Comnène // *Revue des études byzantines*. — 1970. — №28.

Gautier P. Jean V l'Oxite, patriarche d'Antioche. Notice biographique // *Revue des études byzantines*. — 1964. — №22.

Gautier P. Réquisitoire du patriarche Jean d'Antioche contre le charisticariat // *Revue des études byzantines*. — 1975. — №33.

Gindler P. Graf Balduin I, von Edessa. — Halle, 1901.

Grabar A. Le témoignage d'un hymne syriaque sur l'architecture de la cathédrale d'Édesse au VIe siècle et sur la symbolique de l'édifice chrétien // *Cahiers archéologiques*. — 1947. — №2.

Gravett C., Nicolle D. The Normans. — Oxford, 2006.

Grdzeldidze T. Georgia, Patriarchal Orthodox Church of // McGuckin J.A., ed. *The Encyclopedia of Eastern Orthodox Christianity*. — Chichester, 2011. — P. 272—273.

Grierson P., Travaini L. *Medieval European Coinage*. Vol.14. South Italy, Sicily, Sardinia. — Cambridge, 1998.

Grousset R. *Histoire des croisades et du royaume franc de Jerusalem*. Vol. I-III. — Paris, 2006.

Grousset R. *L'Empire des Steppes*. — Paris 1939.

Grumel V. *La Chronologie // Traite d'études Byzantines*. Vol. I. — Paris, 1958.

Grumel V. Jérusalem entre Rome et Byzance. Une lettre inconnue du patriarche de Constantinople Nicolas III à son collègue de Jérusalem (vers 1089) // *Échos d'Orient*, Tome 38. — 1939. — №193—194.

Grumel V. Nikon de la Montagne Noire et Jean IV (V) l'Oxite: remarques chronologiques // *Revue des études byzantines*. — 1963. — №21.

Grumel V. Notes pour l'«Oriens Christianus» // *Échos d'Orient*, Tome 37. — 1934. — №173.

Grumel V. Les patriarches grecs d'Antioche du nom de Jean (XIe et XIIe siècles) // *Échos d'Orient*, Tome 36. — 1933. — №171.

Guidetti M. The Byzantine Heritage in Dar al-Islam: Churches and Mosques in al-Ruha between the sixth and the twelfth century // Muqarnas. — 2009. — №26.

Hamilton B. Aimery of Limoges, Latin Patriarch of Antioch (c.1142-c.1196), and the Unity of the Churches // East and West in the Crusades States. Context -Contacts — Confrontations. Vol. II. — Leuven, 1999.

Hamilton B. Aimery of Limoges, Patriarch of Antioch: ecumenist, scholar and patron of hermits // Elder E.R., ed. The Joy of Learning and the Love of God. Essays in Honor of Jean Leclercq. — Kalamazoo, 1995.

Hamilton B. The Armenian Church and the Papacy // The Eastern Churches Review. — 1978. — №10.

Hamilton B. The Elephant of Christ: Reynald of Châtillon // Studies in Church History. — 1978. — №15.

Hamilton B. The Growth of the Latin Church at Antioch // East and West in the Medieval Eastern Mediterranean. Antioch from the Byzantine Reconquest until the End of the Crusader Principality. — Leuven, 2006.

Hamilton B. The Latin Church in the Crusader States. The Secular Church. — London, 1980.

Hamilton B. The Leper King and his Heirs: King Baldwin IV and the Crusader Kingdom of Jerusalem. — Cambridge, 2000.

Hamilton B. Three Patriarchs at Antioch, 1165—1170 // Ballard M., Kedar B.Z., Riley-Smith J., ed. Gesta Dei per Francos. — Aldershot, 2001.

Hammond C.E., ed. Liturgies Eastern and Western. — Oxford, 1896.

Hanawalt E. Norman Views on Eastern Christendom: From the First Crusade to the Principality of Antioch // The Meeting of Two Worlds: Cultural Exchange between East and West during the Period of the Crusades. — Kalamazoo, 1986.

Hancock L. Saladin and the Kingdom of Jerusalem: the Muslims recapture the Holy Land in AD 1187. — New York, 2004.

Hardwicke M.N. The Crusader States, 1192—1243 // Setton K.M., ed. A History of the Crusades. Vol. II. — University of Wisconsin, 1959.

Harris J. Byzantium and the Crusades. — London, 2003.

Harvey W. Structural Survey of the Church of the Nativity in Bethlehem. — London, 1935.

Hawting G.R. The First Dynasty of Islam. The Umayyad Caliphate AD 661—760. — London, 2000.

Hein E., Jakovljevic A., Kleidt B. Cyprus. Byzantine Churches and Monasteries. Mosaics and Frescoes. — Ratingen, 1998.

Helou N. L'église de Saint Saba à Eddé Batroun // Parole de l'Orient. — 2003. — №28.

Helou N. L'icône bilatérale de Kaftoun au Liban: une oeuvre d'art syro-byzantin à l'époque des Croisés // Chronos. Revue d'histoire de l'Université de Balamand. — 2003. — №7.

Helou N., Immerzeel M. Kaftoun 2004. The Wall Paintings // Polish Archaeology in the Mediterranean. — 2004. — 16. — P. 453—458.

Hester D.P. Monasticism and Spirituality of the Italo-Greeks. — Thessalonica, 1991.

Hiestand R. Un centre intellectuel en Syrie du Nord? Notes sur la personnalité d'Aimery d'Antioche, Albert de Tarse, et Rorgo Frotellus // Moyen Âge. — 1994. — Vol.5, №8.

Hill G. A History of Cyprus. Vol. I-IV. — Cambridge, 2010.

Hill J.H., Hill L.L. Raymond IV, count of Toulouse. — New York, 1962.

Hillenbrand C. Some reflections on the imprisonment of Reynald of Châtillon // Texts, Documents and Artefacts: Islamic Studies in Honour of D.S. Richards. — Leiden, 2003.

Holtzmann W. Die Unionsverhandlungen zwischen Kaiser Alexios I und Papst Urban II im Jahre 1089 // Byzantinische Zeitschrift, vol.28. — Berlin, 1928.

Honigsmann E. Studien zur Notitia Antiochena // Byzantinische Zeitschrift. — 1925. — №25.

Hoyland R.G. Seeing Islam as the others saw it. A Survey and Evaluation of Christian, Jewish and Zoroastrian Writings on Early Islam. — Princeton, 1997.

Hunt L.-A. A woman's prayer to St. Sergios in Latin Syria: interpreting a thirteenth-century icon at Mount Sinai // Byzantine and Modern Greek Studies. — 1991. — Vol.15.

Ignatius Aphraim I (Barsoum). The scattered pearls: a history of Syriac literature and sciences. — Piscataway, 2003.

Immerzeel M. Divine Cavalry: Mounted Saints in Middle Eastern Christian Art // East and West in the Crusader States. Context, Contacts, Confrontations. Vol. III. — Leuven, 2003.

Jacquart D., Micheau F. La médecine arabe et l'Occident médiéval. — Paris 1996.

Jamil N., Johns J. An Original Arabic Document from Crusader Antioch (1213 AD) // Texts, Documents and Artefacts: Islamic Studies in Honour of D.S. Richards. — Leiden, 2003.

Jenkins R.J.H. Cyprus between Byzantium and Islam, A. D. 688—965 // Mylonas G.E., Studies Presented to David Moore Robinson. — St. Louis, 1952.

John (Yazigi). Introduction to the Liturgical Families and Rites. — St. John of Damascus Institute of Theology, Balamand, 2003.

Joseph (Nasrallah). A propos des trouvailles épigraphiques à Saint-Siméon-l'Alépin // Syria. — 1971. — Tome 48 (1—2).

Joseph (Nasrallah). Chronologie des patriarches melchites d'Antioche, de 1250 à 1500 // Proche-Orient Chrétien. — 1967.

Joseph (Nasrallah). Le couvent de Saint-Siméon l'Alépin // Parole de l'Orient. — 1970. — Vol. I, №2.

Joseph (Nasrallah). Couvents de la Syrie du Nord portant le nom de Siméon // Syria. — 1972. — Tome 49 (1—2).

Joseph (Nasrallah). Deux auteurs melchites inconnus du Xe siècle // Oriens Christianus. — 1979. — Vol.63.

Joseph (Nasrallah). L'Eglise Melchite en Iraq, en Perse et dans l'Asie Centrale. — Paris, 1976.

Joseph (Nasrallah). Histoire du mouvement littéraire dans l'église melchite du Ve au XXe siècle. Vol.3, Tome 1 (969—1250). — Leuven, 1983.

Joseph (Nasrallah). La liturgie des Patriarcats melchites de 969 à 1300 // Oriens Christianus. — 1987. — №71.

Joseph (Nasrallah). Saint Jean de Damas: son époque, sa vie, son œuvre. — Paris, 1950.

Joseph (Nasrallah). Syriens et Suriens // Orientalia Christiana Analecta. — 1974. — №197.

Joseph (Nasrallah). Un auteur antiochien du XIe siècle: Nicon de la Montagne Noire (vers 1025 — début du XIIe siècle) // Proche-Orient Chrétien. — 1969. — №19.

Joseph (Tawil). The Patriarchate of Antioch throughout History: An Introduction. — Sophia Press, 2001.

Jotischky A. Ethnographic Attitudes in the Crusader States: the Franks and the Indigenous Orthodox People // East and West in the Crusader States. Context, Contacts, Confrontations. Vol. III. — Leuven, 2003.

Jotischky A. The Frankish encounter with the Greek Orthodox in the Crusader States. The case of Gerard of Nazareth and Mary Magdalene // M. Gervers & J.M. Powel, ed. Tolerance and Intolerance. Social conflict in the age of the Crusades. — Syracuse, 2001.

Jotischky A. Franks and Natives in the Crusader States: the State of the Question // Paper given at Third Symposium of The Norman Edge: Identity and State Formation on the Frontiers of Europe, 2009.

Jotischky A. Manuel Comnenus and the Reunion of the Churches: The Evidence of the Conciliar Mosaics in the Church of the Nativity in Bethlehem // *Levant*. — 1994. — №24.

Jotischky A. The Perfection of Solitude. Hermits and Monks in the Crusader States. — Pennsylvania State University, 1995.

Kaegi W.E. Byzantium and the Early Islamic Conquests. — Cambridge, 1995.

Kaegi W.E. Heraclius. Emperor of Byzantium. — Cambridge, 2003.

Kaegi W.E. Reflections on the Withdrawal of Byzantine Armies from Syria. // *La Syrie de Byzance à l'Islam VIIe-VIIIe siècles*. — Damas, 1992.

Kazhdan A. Konostaulos // *Oxford Dictionary of Byzantium*. — Oxford, 1991.

Kazhdan A., ed. *The Oxford Dictionary of Byzantium*. — Oxford, 1991.

Kedar B.Z. Convergences of Oriental Orthodox Christian, Muslim and Frankish Worshipers: The Case of Saidnaya // *De Sion exhibit lex et verbum domini de Hierusalem: Essays on Medieval Law, Liturgy and Literature in Honour of Amnon Linder*. — Brepols, 2001.

Kedar B.Z. Gerard of Nazareth, a neglected twelfth-century writer in the Latin East; a contribution to the intellectual and monastic history of the crusader states // *Dumbarton Oaks Papers*. — 1983. — №37.

Kennedy H. The Melkite Church from the Islamic Conquest to the Crusades: Continuity and Adaptation in Byzantine Legacy // *The 17th International Byzantine Congress*. — New York, 1986.

Kennedy H. The Prophet and the Age of the Caliphates. — London, 2004.

Khoury P. Paul d'Antioche, évêque melkite de Sidon, XII s. — Beyrouth, 1964.

Kitzinger E. Observations on the Samson Floor at Mopsuestia // *Dumbarton Oaks Papers*. — 1973. — №27.

Kugler B. Boemund und Tancred, Fürsten von Antiochien. — Tübingen, 1862.

Kyrris C.P. The Nature of the Arab-Byzantine Relations in Cyprus // *Graeco-arabica*. — 1984. — №3.

Lapidge M. Archbishop Theodore: Commemorative Studies on His Life and Influence. — Cambridge, 1995.

Langlois V. Voyage dans la Cilicie et les Montagnes du Taurus. — Paris, 1862.

Lassus J. Les Portiques d'Antioche // Antioch on-the-Orontes, V. — Princeton, 1972.

Laurent J. Armeniens de Cilicie: Aspietes, Oschin, Ursinus // Mélanges offerts à Gustav Schlumberger, I. — Paris, 1924.

Laurent J. Byzance et Antioche sous le Curopalate Philarete // Revue des études arméniennes. — 1929. — Vol.9.

Laurent J. Des Grecs aux Croisés: Etude sur l'histoire d'Edesse entre 1071 et 1098 // Byzantion. — 1924. — Tome I.

Laurent V. Le Corpus des sceaux de l'empire byzantin Tome V (vol.1). L'église. — Paris 1963.

Laurent V. Le Corpus des sceaux de l'empire byzantin Tome V (vol.2). L'église. — Paris 1965.

Laurent V. Le Corpus des sceaux de l'empire byzantin. L'église: Supplément. — Paris, 1972.

Laurent V. La chronologie des gouverneurs d'Antioche sous la seconde domination byzantine // Mélanges de l'Université Saint Joseph. — 1962. — N°38(10).

Laurent V. La Notitia d'Antioche. Origine et tradition // Revue des études byzantines. — 1947. — N°5.

Laurent V. Le patriarche d'Antioche Cyrille II (29 juin 1287—1308). — Analecta Bollandiana. — 1950. — Tome 68.

Lawrence A.W. The Castle of Baghras // The Cilician Kingdom of Armenia. — Edinburgh, 1978.

Lawrence T.E. Crusader Castles. — Oxford, 1988.

Lammens H. Etudes sur le siècle des Omayyades. — Beyrouth, 1930.

Leemming K. The Adoption of Arabic as a Liturgical Language by the Palestinian Melkites // ARAM Periodical. — 2003. — N°15.

Le Quien M. Oriens Christianus in Quatuor Patriarchatus Digestus. Tomus I-II. — Paris, 1740.

Le Strange G. Baghdad during the Abbasid Caliphate from contemporary Arabic and Persian Sources. — Oxford, 1900.

Leroy J. Découvertes de peintures chrétiennes en Syrie // Annales archéologiques arabes syriennes. — 1975. — Vol.25 (N°1—2). — P. 95—113.

Lewis A.S. Catalogue of the Syriac MSS. in the Convent of S. Catharine on Mount Sinai. — Cambridge, 2012.

Lilie R.-J. Byzantium and the Crusader States 1096—1204. — Oxford, 1993.

MacEvitt C. The Crusades and the Christian World of the East. Rough Tolerance. — Philadelphia, 2008.

Magdalino P. The Empire of Manuel I Komnenos. 1143—1180. — Cambridge, 1993.

Mahoney L. France and the Holy Land. — Hopkins University Press, 2004.

Marshall C. Warfare in the Latin East., 1192—1291. — Cambridge, 1996.

Mas Latrie M.L. Histoire de l'île de Chypre sous le règne des princes de la maison de Lusignan. — Paris, 1885.

Mayer H.E. Jérusalem et Antioche au temps de Baudouin II // Comptes-rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. — 1980. — Vol.124 (N°4).

McGeer E., Nesbitt J., Oikonomides N. Catalogue of Byzantine seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art 5: The East (cont.), Constantinople and Environs, Unknown Locations, Addenda, Uncertain Readings. — Washington D.C., 2005.

McKee S. The Revolt of St Tito in fourteenth century Venetian Crete: A reassessment // Mediterranean Historical Review. — 1994. — Vol.9, N°2. — P. 173—204.

Mécérian J. Les inscriptions du Mont Admirable // Mélanges de l'Université Saint Joseph. Tome 38. — Imprimerie catholique, 1962.

Mécérian J. Monastère de Saint-Siméon-Stylite-le-Jeune, exposé des fouilles // Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. — 1948. — Vol.92 (N°3).

Mesqui J. Bourzey, une forteresse anonyme de l'Oronte, dans Faucherre // La fortification au temps des Croisades. Actes du colloque international de Parhenay. — Rennes, 2004.

Metcalf D. Coinage of the Crusades and the Latin East in the Ashmolean Museum, Oxford. — Oxford, 1995.

Metcalf D. Islamic, Byzantine, and Latin influences in the Iconography of Crusader Coins and Seals. // East and West in the Crusades States. Context -Contacts — Confrontations. Vol. II. — Leuven, 1999.

Meyer G. L'apport des voyageurs occidentaux (1268—1918) au Lexicon Topographicum Antiochenum // Les sources de l'histoire du paysage urbain d'Antioche sur l'Oronte. — Paris, 2010.

Miller W. Latins in the Levant. — New York, 1908.

Monod B. Essai sur les rapports de Pascal II avec Philippe I (1099—1108). — Paris, 1907.

Moosa M. Crusades: Conflict Between Christendom and Islam. — Piscataway, 2008.

Moosa M. History of Saint James Liturgy // Anaphora: The Divine Liturgy of Saint James the First Bishop of Jerusalem According to the Rite of the Syrian Orthodox Church of Antioch. — New Jersey, 1967.

Moosa M. The Maronites in History. — Piscataway, 2005.

Moosa M. Origins of Middle Eastern Christian Minorities // Bibliophilos. — 1982. — Vol. I (№2).

Mouawad R.J. Les fresques médiévales de Mar Saba, à Eddé, restaurées par des spécialistes russes // L'Orient le Jour. — 2013. — November 28.

Mouawad R. Les Mystérieux Monastères de Kaftun au Liban à l'Époque Médiévale (XIIe-XIIIe siècles): Maronite et/puis Melkite? // Tempora. — 2001. — №12—13.

Mouriki D. Thirteenth-century Icon-painting in Cyprus. — Athens, 1986.

Murray A.V. How Norman was the Principality of Antioch? Prolegomena to a Study of the Origins of the Nobility of a Crusader State // Family Trees and the Roots of Politics: The Prosopography of Britain and France from the Tenth to the Twelfth Century. — Woodbridge, 1997.

Neale J.M. A History of the Holy Eastern Church. The Patriarchate of Alexandria. — Oxford, 1848.

Neale J.M. A History of the Holy Eastern Church. The Patriarchate of Antioch. — Oxford, 1873.

Nicolle D. Crusader Castles in Cyprus, Greece and the Aegean. 1191—1571. — Cambridge, 2007.

Nicolle D. Crusader Castles in the Holy Land. — Oxford, 2008.

Nicolle D. Hattin 1187. Saladin's greatest victory. — Oxford, 1997.

Nicolle D. The Knights of Jerusalem. The Crusading Order of Hospitallers 1100—1565. — Oxford, 2008.

Nicolle D. Yarmuk 636 AD. The Muslim Conquest of Syria. — Oxford, 1994.

Nicholson R.L. Tancred: a study of his career and work in their relation to the First Crusade. — Chicago, 1940.

Oldenbourg Z. Les Croisades. — Paris, 2009.

On the Russian Conquests in Asia // The United Service Journal and Naval and Military Magazine. — London, 1830.

Pahlitzch J. Georgians and Greeks in Jerusalem (1099—1310) // East and West in the Crusader States III. — Leuven, 2003.

Pahlitzch J. Graeci und Suriani in Palaestina der Kreuzfahrerzeit. — Berlin, 2001.

Pahlitzch J. Mediators Between East and West: Christians under mamluk Rule // Mamluk studies review. — 2005. — Vol.9 (2).

Palmer A., Rodley L., Trone R.H. The inauguration anthem of Hagia Sophia in Edessa // Byzantine and Modern Greek Studies. — 1988.

Papadakis A. Autocephalous // Oxford Dictionary of Byzantium. — Oxford, 1991.

Parker K.S. The Indigenous Christians of the Arabic Middle East in an Age of Crusaders, Mongols and Mamluks (1244—1366). — Royal Holloway College, University of London, 2012.

Parry K. Byzantine-Rite Christians (Melkites) in Central Asia in Late Antiquity and the Middle Ages // Thinking Diversely: Hellenism and the Challenge of Globalisation. E, Kefallinos E., ed. — Sydney, 2012. — P. 91—108.

Patrich J. A Sabas, Leader of Palestinian Monasticism. A Comparative Study in Eastern Monasticism, Fourth to Seventh Centuries. — Dumbarton Oaks, 1995.

Peeters P. L'église géorgienne du Clibanion au Mont Admirable // Analecta Bollandiana. — 1928. — №46.

Peeters P. La passion de S. Pierre de Capitolias (+13 janvier 715) // Analecta Bollandiana. — 1939. — №57.

Piccirillo M. Les églises paléochrétiennes d'Umm er-Rasas (Jordanie): cinq campagnes de fouilles // Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. — 1991. — Tome 135 (№2).

Pillet M. Notre-Dame de Tortose // Syria. — 1929. — №10.

Pollard N. Soldiers, Cities, and Civilians in Roman Syria. — University of Michigan, 2003.

Poncelet A. Boemond et s. Leonard // Analecta Bollandiana. — 1912. — №31.

Pringle D. Architecture of the Latin East // J. Riley-Smith, ed. The Oxford Illustrated History of the Crusades. — Oxford, 2007.

Pringle D. The Crusader Cathedral at Tyre // Levant. — 2001. — №33.

Rey E.G. Les Colonies franques de Syrie aux XIIe et XIIIe siècles. — Paris, 1883.

Rey E.G. Étude sur les monuments de l'architecture militaire des croisés en Syrie et dans l'île de Chypre. — Paris, 1871.

Rey E.G. Recherches géographiques et historiques sur la domination des Latins en Orient: accompagnées de textes inédits ou peu connus du XIIe au XIVe siècle. — Paris, 1877.

Rey E.G. Résumé chronologique de l'histoire des princes d'Antioche // ROL IV. — Paris, 1896.

Rey E.G. Les Seigneurs de Giblet // ROL III. — Paris, 1895.

Rey E.G. Sommaire du supplément aux familles d'Outre-Mer. — Chartres, 1881.

Rheinheimer M. Tankred und das Siegel Boemunds. Zum historischen Hintergrund der antiochenischen Folles. // Revue Suisse de Numismatique. — 1991. — Vol.70.

Richard J. Aux origines d'un grand lignage. Des Paladii à Renaud de Châtillon // Recueil de melanges offerts à l'occasion de son 65e anniversaire a Karl Fedinand Werner. — Paris, 1989.

Richard J. Le comté de Tripoli sous la dynastie toulousaine (1102—1187). — Paris, 1945.

Richard J. Les Comtes de Tripoli et leurs vassaux sous la dynastie antiochenienne // Crusade and Settlement. — Cardiff, 1985.

Richard J. The Crusades.1071—1291. — Cambridge, 1999.

Richard J. The Eastern Churches // The New Cambridge Medieval History IV. c.1024-c.1198. Part I. — Cambridge, 2004.

Richard J. Note sur l'archidiocèse d'Apamée et les conquêtes de Raymond de Saint-Gilles en Syrie du Nord // Syria. Tome 25. — 1946. — №1.

Richard J. Le peuplement latin et syrien en Chypre au XIIIe siècle // BF. — Hakkert, 1979.

Richard J. The Political and Ecclesiastical Organization of the Crusader States // Setton K.M., ed. A History of the Crusades. Vol. V. — University of Wisconsin, 1990.

Richard J. A propos de la «bullā cypria» de 1260 // Byzantinische Forschungen. — 1996. — №22.

Richard J. Les turcoples au service des royaumes de Jérusalem et de Chypre: musulmans convertis ou chrétiens orientaux? // Croisades et Etats latins d'Orient Points de vue et Documents. — Aldershot, 1992.

Riley-Smith J. The Feudal Nobility in the Kingdom of Jerusalem.1174—1277. — London, 1973.

Riley-Smith J. The Knights of St. John in Jerusalem and Cyprus c.1050—1310. — London, 1967.

Riley-Smith J., ed. The Oxford Illustrated History of the Crusades. — Oxford, 2007.

Riley-Smith J. Pilgrims and Crusaders in Western Latin Sources // Byzantines and Crusaders in Non-Greek Sources. 1025—1204. — Oxford, 2007.

Riley-Smith J. The Templars and the Teutonic Knights in Cilician Armenia // The Cilician Kingdom of Armenia. — Edinburgh, 1978.

Röhrich R. Études sur les derniers temps du royaume de Jérusalem // Archives de L'Orient Latin. Tome II. — Paris, 1884.

Röhrich R. Geschichte des Königreichs Jerusalem (1100—1291). — Innsbruck, 1898.

Rowe J.G. The Papacy and the Ecclesiastical Province of Tyre // Bulletin of the John Rylands Library. — 1960—1961. — №43.

Rowe G. Paschal II, Bohemund of Antioch and the Byzantine Empire // Bulletin of John Rylands Library. — 1966. — №49.

Runciman S. A History of the Crusades. Vol. I-III. — Cambridge, 1951—1954.

Runciman S. The Byzantine «Protectorate» in the Holy Land // Byzantion. — 1948. — Vol.18. — P. 207—215.

Rüdt-Collenberg W.H. L'empereur Isaac de Chypre et sa fille (1155—1207) // Byzantion. — 1968. — №38.

Rüdt-Collenberg W.H. The Rupenides, Hethumides and Lusignans: the structure of the Armeno-Cilician dynasties. — Paris, 1963.

Sahas D.J. John of Damascus on Islam. The «Heresy of the Ishmaelites». — Brill, 1972.

Salibi K.M. The Maronite Church in the Middle Ages and its union with Rome // Oriens Christianus. — 1958. — №42.

Saminsky A. Assimilation and creation of Greek Art in Antioch-on-the-Orontes in Syria during the second period of Byzantine domination (969—1084) // East and West in the Medieval Eastern Mediterranean. Antioch from the Byzantine Reconquest until the end of the Crusader Principality. Vol. II. — Leuven, 2013.

Saminsky A. Georgian and Greek Illuminated Manuscripts from Antioch // East and West in the Medieval Eastern Mediterranean. Antioch from the Byzantine Reconquest until the End of the Crusader Principality. Vol. I. — Leuven, 2006.

Savvides A.G.K. Byzantino-Normannica: The Norman Capture of Italy (to A. D. 1081) and the First Two Norman Invasions in Byzantium (A. D. 1081—1085 to 1107—1108). — Leuven, 2007.

Schacht J., Meyerhof M. The medico-philosophical controversy between Ibn Butlan of Baghdad and Ibn Ridwan of Cairo: a contribution to the history of Greek learning among the Arabs. — Cairo 1937.

Schlumberger G. Byzance et croisades // Pages médiévales. — Paris, 1927.

Schlumberger G. Un empereur byzantin au dixième siècle, Nicéphore Phocas. — Paris, 1890.

Schlumberger G. Numismatique de L'Orient Latin. — Paris, 1878.

Schlumberger G. Récits de Byzance et des croisades. — Paris, 1917.

Schlumberger G. Renaud de Châtillon — Prince D'Antioche, Seigneur de la Terre D'Outre-Jourdain. — Paris, 1898.

Schlumberger G. Sceaux et bulles de L'Orient Latin au Moyen Age. — Paris, 1879.

Schlumberger G. Sigillographie de l'empire byzantin. — Paris, 1884.

Schwennicke, D. Europäische Stammtafeln: Stammtafeln zur Geschichte der Europäischen Staaten. — Frankfurt am Main, 1998.

Segal J.B. Edessa: The Blessed City. — Piscataway, 2005.

Sellers R.V. Two Ancient Christologies. A study in the Christological thought of the schools of Alexandria and Antioch in the early history of Christian doctrine. — London, 1954.

Setton K.M., ed. A History of the Crusades. Vol. I-V. — University of Wisconsin, 1955—1990.

Ševčenko N.P. Keramion // Oxford Dictionary of Byzantium. — Oxford, 1993.

Shepard J. When Greek meets Greek: Alexius Comnenus and Bohemund in 1097—1098 // Byzantine and Modern Greek Studies. — 1988. — №12.

Shultz W., ed. The Church of the Nativity at Bethlehem. — London, 1910.

Sims-Williams, N. A Greek-Sogdian Bilingual from Bulayiq // La Persia e Bisanzio. Atti dei Convegni Lincei (201). — Rome, 2004.

Sims-Williams N. Sogdian and Turkish Christians in the Turfan and Tun-Huang Manuscripts // Cadonna. A., ed. Turfan and Tun-Huang: The Texts. Encounters of Civilizations on the Silk Route, Orientalia Venetiana IV. Firenze, 1992.

Slim S., ed. Monasteries of Antiochian Orthodox Patriarchate. — University of Balamand Publications, 2007.

Smail R.C. Crusading warfare, 1097—1193. — Cambridge, 1995.

Sourdel D. Bohémond et les chrétiens à Damas sous l'occupation mongole // Ballard M., Kedar B.Z., Riley-Smith J., ed. *Gesta Dei per Francos*. — Aldershot, 2001.

Stone M.E., Kedar B.Z. A Notice about Patriarch Aimery of Antioch in an Armenian Colophon // *Apocrypha, Pseudepigrapha and Armenian Studies: Collected Papers*. Vol. II. — Leuven, 2006.

Sturdza M.D. *Dictionnaire Historique et Généalogique des Grandes Familles de Grèce, d'Albanie et de Constantinople*. — Paris, 1999.

Sundermann, W. Byzanz und Bulayïq // Vavroušek, P., ed. *Iranian and Indo-European Studies: Memorial Volume of Otakar Klíma*. — Praha, 1994.

Taft R.F. *The Liturgy of the Hours in East and West. The Origins of the Divine Office and its Meaning for Today*. — Collegeville, 1986.

Tarchnišvili M. *Die Entstehung und Entwicklung der kirchlichen Autokephalie Georgiens* // *Le Muséon*. — 1960. — №73.

Ter Haar R.B., Atto N., Van Ginkel J.J., Immerzeel M., Snelders B. *The Formation of a Communal Identity among West Syrian Christians: Results and Conclusions of the Leiden Project // Religious Origins of Nations?*. — Leiden, 2010.

Thierry M. *Répertoire des monastères arméniens* // *Corpus Christianorum*. -Turnhout, 1993.

Thomas D., Roggema B., ed. *Christian-Muslim Relations. A Bibliographical History*. Vol. I. — Leiden-Boston, 2009.

Todt K.-P. Antioch and Edessa in the so-called Treaty of Deabolis (September 1108) // *ARAM*. — 1999—2000. — №11—12.

Todt K.-P. Antioch in the Middle Byzantine Period (969—1084). The reconstruction of the city as an administrative, military, economic and ecclesiastical center // *Topoi*. — 2004. — Supplement 5.

Todt K.-P. *Griechisch-Orthodoxe (Melkitische) Christen im Zentralen und Südlichen Syrien* // *Le Muséon*. — 2006. — №119.

Todt, K.-P. Notitia und Diözesen des griechisch-orthodoxen Patriarchates von Antiocheia im 10. und 11. Jh. // *Orthodoxes Forum* 9. — 1995.

Todt K.-P. *Region und griechisch-orthodoxes Patriarchat von Antiocheia in mittelbyzantinischer Zeit und im Zeitalter der Kreuzzüge (969—1204)*. — Wiesbaden, 1998.

Tonghini C. Shayzar I. *Fortification of the Citadel*. — Boston, 2012.

Toumanoff C. *Manuel de Généalogie et de Chronologie pour l'histoire de la Caucasic chrétienne (Arménie, Géorgie, Albanie)*. — Rome, 1976.

Treadgold W. Byzantium and Its Army (284—1081). — Stanford, 1995.

Troupeau G. La littérature arabe chrétienne du Xe au XIIe siècle // Cahiers de civilisation médiévale. — 1971. — Tome 14 (N°53).

Vailhé S. Erzerum (Theodosiopolis) // The Catholic Encyclopedia. Vol.5. — New York, 1909.

Vailhé S. Seleucia Trachea // The Catholic Encyclopedia. Vol.13. — New York, 1912.

Vailhé S. Sergiopolis // The Catholic Encyclopedia. Vol.13. — New York, 1912

Venegoni L. Hulagu's Campaign in the West — (1256—1260) // Transoxiana. Journal Libre de Estudios Orientales. — Webfestschrift Marshak, 2003.

Vincent H., Abel F.-M. Bethléem. Le Sanctuaire de la Nativité. — Paris, 1914.

Vorderstrasse T. Archaeology of the Antiochene Region in the Crusader Period // East and West in the Medieval Eastern Mediterranean. Antioch from the Byzantine Reconquest until the End of the Crusader Principality. — Leuven, 2006.

Walbiner C.-M. Preserving the Past and Enlightening the Present. Macarius B. Al-Za'im and Medieval Melkite Literature // Parole de l'Orient: revue semestrielle des études syriaques et arabes chrétiennes recherches orientales: revue d'études et de recherches sur les églises de langue syriaque. — 2009. — Vol.34.

Walker P.E. The 'Crusade' of John I Tzimisce in the Light of New Arabic Evidence // Byzantion. — 1977. — Vol.47.

Walter C. Origins of the Cult of Saint George // Revue des études byzantines. — 1995. — N° 53.

Wassiliou A.-K. Neue Metropolen und Bischofssiegel aus Kleinasien und der östlichen Ägäis // Studies in Byzantine Sigillography. — 2003. — N°8.

Weitenberg J.J.S. The Armenian Monasteries in the Black Mountain // East and West in the Medieval Eastern Mediterranean. Antioch from the Byzantine Reconquest until the End of the Crusader Principality. Vol I. — Leuven, 2006.

Weitzmann K. Studies in the Arts of Sinai. Essays. — Princeton, 1982.

Weltecke D. On the Syriac Orthodox in the Principality of Antioch during the Crusader Period // East and West in the Medieval Eastern Mediterranean. Antioch from the Byzantine Reconquest until the End of the Crusader Principality. Vol. I. — Leuven, 2006.

Weyl-Carr A.M. The Mural Paintings of Abu Ghosh and the Patronage of Manuel Comnenus in the Holy Land // Folda J., ed. Crusader Art in the Twelfth Century. — Jerusalem, 1982.

Willis R. The Architectural History of the Holy Sepulchre at Jerusalem. — London, 1849.

Yarnley C.J. Philaretos: Armenian Bandit or Byzantine General // Revue des etudes armeniennes. — 1972. — Vol.9.

Yewdale R.B. Bohemond I, Prince of Antioch. — Princeton, 1917.

Youssef Y.N. Melkites in Egypt According to Abu al-Makarim (XII Century) // Parole de l'Orient: revue semestrielle des études syriaques et arabes chrétiennes recherches orientales: revue d'études et de recherches sur les églises de langue syriaque. — 2009. — Vol.34.

Zacos G. Byzantine Lead Seals II // compiled and edited by J.W. Nesbitt. — Bern, 1984.

Zayadine F., ed. Jerash Archaeological Project.1981—1983. — Amman, 1986.

Zayadine F. The Karak District in the Madaba Map // The Madaba Map Centenary 1897—1997. — Jerusalem 1999.

Содержание

Глава I. Единство и разделение католических христиан востока.

<i>Церковь франкской Сирии</i>	4
I. Великая схизма и восточные Патриархаты	4
Проблемы восприятия «великой схизмы 1054 г.»	
Рим, Константинополь, восточные Патриархаты	4
Рим и Иерусалим	6
Рим и Александрия	8
Рим и Антиохия	9
II. Церковное общение «греков» и «латинян»	
в годы Первого крестового похода	14
Патриарх Симеон II Иерусалимский	14
Патриарх Иоанн V Оксит	16
Смерть Адемара Монтейльского	
и последующее отчуждение франков и ромеев	18
III. Латинский Патриархат Антиохии	19
Хиротония первых латинских прелатов для Антиохийской Церкви	
(1098—1099 гг.). Учреждение латинских епархий в Альбаре,	
Тарсе, Мамистре, Эдессе, Арте	19
Схизма 1100 г. Изгнание Патриарха Иоанна V Оксита и поставление	
первого латинского Патриарха — Бернарда Валенского — на	
кафедру Антиохии	21
Латинский Патриархат Антиохии. Епархии,	
организация, идея преемства	27
IV. Католические христиане и «еретики» Востока.	
Сравнительное отношение франков к халкидонским,	
католическим христианам Леванта и «еретическим»	
Церквям миафизитов и монофелитов	31
Предстоятели Армянской Апостольской и Сиро-яковитской Церквей	
на франкских землях	32
Епископат армян и сиро-яковитов на землях франкской Сирии	34
Сиро-яковитские и армянские церкви Эдессы, Иерусалима, Антиохии ...	35

«Чада единого Христа и единой Церкви...». Мотивы латинской нетерпимости к параллельной иерархии православных	39
V. Кафедральные соборы, церкви и монастыри латинского Патриархата Антиохии	41
Антиохия. Собор Св. Апостола Петра	41
Антиохия. Монастырь Св. Апостола Павла	55
Антиохия. Монастырь Св. Георгия и женские обители Антиохии.....	61
Церкви Антиохии, перешедшие к латинянам	62
Палестинские капитулы, монашеские ордена и итальянские фактории в Антиохии и других городах франкской Сирии.....	63
Перестройка старых византийских церквей в романские и раннеготические соборы.....	71
Тарс. Собор Св. Апостола Павла	71
Тартус. Собор Пресвятой Девы Марии (Нотр-Дам де Антартус).....	72
Триполи. Собор Пресвятой Девы Марии де Туре	75
Гибелет. Собор Св. Иоанна Крестителя и монастырь Свв. Сергия и Вакха .	76
Тир. Собор Пресвятой Девы Марии.....	76
Эдесса. Собор Св. Иоанна Крестителя и другие латинские церкви	79
Обращение мечетей: Иерусалим, Альбара	80
Триполи. Кафедральный собор Пресвятой Девы Марии (Джами Умари) ...	80
Строительство новых церквей в Антиохии.....	81
VI. Латинские иерархи и восточная Церковь.....	82
Толерантность франкских государей	84
Освобождение восточных христиан от выплаты десятины.....	87
Латинские пастыри «греков и сириан»	88
Жерар Назаретский — епископ Латакии	89
Амори де Лимож — Патриарх Антиохии.....	91
 Глава II. Православные Сирии, Киликии и Святой земли в эпоху франкского правления.....	 97
I. В лоне Единой Церкви. Прецеденты единения и общего служения «греков» и «латинян» франков в пределах Заморской земли.....	97
«Единство франков и сириан». Малоизученные прецеденты консолидации франков и мелькитов в Сирии. Восприятие мусульман	97
Ранние прецеденты сослужения	101

Алтари «греков» и «сириан» в кафедральных соборах латинских Патриархатов	102
II. Церкви и монастыри «греков» в городах Латинского Востока.....	105
Антиохия. Юстинианова церковь Пресвятой Богородицы.....	105
Антиохия. Монастырь Св. Арсения	109
Антиохия. Башня Св. Дометиана и церковь Св. Параскевы.....	110
Передача церквей мелькитам. Богородичные церкви Антиохии и Аскалона.....	111
Латакия. Православные церкви. Госпиталь Св. Димитрия и подворья Синайской обители. Монастырь Дейр ар-Фарус.....	113
Эдесса. Базилика Св. Софии и другие мелькитские церкви	114
Церкви «греков и сириан» в Триполи и других городах сиропалинского побережья	115
III. Православные обители Антиохии и Иерусалима под властью франкских государей Заморской земли.....	117
Православные монастыри Палестины.....	117
Черная гора — исчезнувший центр восточного монашества.....	120
Лавра Св. Симеона на Дивной горе	122
Дивная гора. Монастыри Св. Иоанна и Пресвятой Богородицы Джараджима. Монастырь Св. Варлаама на горе Кассий.....	131
Монастыри над гаванью Россы. Лавра Св. Илии Пророка и обитель Пресвятой Богородицы	132
Монастырь Св. Григория Богослова в Бетиасе и монастырь Животворящего Древа на Черной горе.....	134
Монастыри долины Дафни: обители Пресвятой Богородицы Дафнуна, Св. Георгия.....	135
IV. Грузинские монахи и паломники в пределах Заморской земли.....	136
Грузины в Иерусалиме	137
Грузинские монастыри Антиохийского Патриархата. Кастанский монастырь, обители Цхарота и Твали, монастырь Пресвятой Богородицы Калипос на Дивной горе, обители Св. Романа и Древа Креста	138
Связи Грузии и франкской Сирии.....	140
Присутствие армян-халкидонитов в Сирии и Киликии эпохи крестовых походов. Монастырь Пресвятой Богородицы Гранатового Плода	142
V. Православные обители графства Триполи.....	143
Монастыри горы Хаматура	143

Монастыри на сиро-ливанском побережье. Обители Св. Иакова Рассеченного и Св. Иоанна Предтечи	144
Монастыри Аль-Куры. Богородичные обители Бкефтина и Кафтуна	145
Монастырь Св. Георгия аль-Хумайра	148
VI. Паломничества франков к православным монастырям на землях сарацин	150
Монастырь Св. Екатерины на Синае	150
Сайданая	152
VII. Православные иерархи на землях франкской Сирии	154
Мелькитские иерархи Иерусалимского королевства. Митрополиты Иоанн Тирский и Савва Кесарийский	155
Мелетий — архиепископ Газы и Элевтерополя	157
Епископы-сириане в «антиохийских» епархиях Иерусалимского королевства	158
Викарии для «греков и сириан» на территории латинского Антиохийского Патриархата	158
VIII. Просвещение и богословие	160
Скриптории и библиотеки православных монастырей Антиохийского княжества	161
Павел Антиохийский (Булус ар-Рахиб)	163
Православные Патриархи Антиохии и Константинополя из числа монахов Черной горы	166
IX. Храмовое зодчество и живопись православного Востока в эпоху франкского правления	168
Фресковая живопись	168
Работы сирийских художников для франков Заморской земли. Капеллы Крака и Маркаба, дворец Ибелинов в Бейруте, росписи Кадмейского замка в Фивах	171
Иконопись	173
Книжная миниатюра	175
Храмовое строительство	176
X. Богослужение	178
Константинополь и православные Церкви Востока. Патриарх Феодор IV Вальсамон как инициатор радикальной византинизации богослужения восточных Патриархатов	178
Сохранение литургии Св. Иакова и Антиохийского обряда в лоне Православной Церкви на Латинском Востоке	183

XI. Значимость франкского правления для православных Леванта. Последствия мусульманских завоеваний (XII в.)	184
Роль франков в сохранении православных церквей и монастырей в Сирии	184
Мелькиты и франки после падения Иерусалима (1187 г.): «сириане» и крестоносцы в Палестине; латинские христиане и православные Патриархи Александрии	187

Глава III. Франкская Сирия — земля на стыке латинского запада и византийского востока. Секулярный аспект культурного соприкосновения франков и ромеев	191
--	------------

I. Византийская архитектура на землях франкской Сирии	191
Антиохия — общее описание	191
Антиохия. Крепостные стены и цитадель	194
Антиохия. Княжеский дворец	198
Антиохия. Центральная улица-колоннада (Cardo maximus)	199
Антиохия. Античные статуи	200
Антиохия. Бани	201
Латакия	202
Эдесса	203
Византийские крепости — центры франкских сеньорий. Турбессель, Равандель, Харим, Бурзей, Саон, Баграс	204
Византийская архитектура в графстве Триполи	206
II. Milites et nobiles	207
Доступ ромеев в ряды воинов и нобилитета франкской Сирии	207
Недоверие франков к «грекам» и «сирианам». Оборона Антиохии в 1119 г. и 1164 г.	210
Туркополы и сержанты из числа «сириан»	211
Православные христиане среди нобилитета Заморской земли. Армяно-халкидонитская и ромейская знать в Сирии и Киликии XI-XIII вв.	214
Франкская конница под знаменами ромейских василевсов. Влияние франков на воинские традиции Византии	218
III. «Греки и сириане» в социальной и экономической жизни франкской Сирии	221
Антиохия	221
Триполи	224

Философы и ученые из числа сирийских христиан	228
Сирийские врачи-христиане	230
IV. Влияние Византии на государственное устройство княжества Антиохийского и сирийских графств	233
Дуки, виконты и криты	234
Секрет и его магистр	236
Византийские чиновники франкской Сирии	236
Георгий Антиохийский	237
Чиновники княжеского секрета	238
Дуки из числа «греков и сириан»	239
Камергеры и виконты Антиохии	240
Раисы	241
Восточные христиане в Антиохийской палате бургес	242
V. Влияние Византии на образ и форму правления государей франкской Сирии	244
Вопрос о титулах	244
Образ мирской власти. Нумизматика и сфрагистика франков Антиохии и Эдессы	246
Инвеститура, регалии и облачения Антиохийского князя	256
Соприкосновение латинян с «греками, сирианами и сарацинами»: костюм и быт Латинского Востока	263
Манера правления и права князя Антиохии — как отражение византийских и восточных традиций	268
Глава IV. Десятилетие бедствий. Христиане заморской земли после падения византийской гегемонии в Леванте (1182—1192 гг.)	273
I. Положение христиан Сирии и Киликии: от смерти Мануила до завоеваний Салах-ад-Дина (1180—1187 гг.)	273
Последствия смерти императора Мануила. Падение императорского господства в Киликии и на Кипре (1182—1183 гг.)	273
Война Бозмунда III и Рубена III за Киликийскую равнину (1185 г.)	275
Вторжение туркменских племен в Сирию и Киликию (1187 г.)	279
II. Падение первого Иерусалимского королевства (1187 г.)	280
Битва у Хаттина (1187 г.). Казнь Рено де Шатильона	280
Великие завоевания Салах-ад-Дина	284
Переход графства Триполи к княжескому дому Антиохии	285

III. Война Салах-ад-Дина против княжества Антиохийского и графства Триполи.....	287
Осады Крака де Шевалье и Триполи.....	288
Разорение Тартуса и Валани 290	
Взятие Джабалы и Латакии 291	
Взятие Саона, Бурзея и других замков Антиохийского княжества..... 293	
Кампания в горах Аманоса. Осада Антиохии..... 296	
Итоги войны для франков Антиохии и Триполи 298	
IV. Княжество Антиохийское и Третий крестовый поход (1189—1192 гг.).....	299
Братья Лузиньяны на землях Антиохии и Триполи 300	
Рейды князя Боэмунда III Антиохийского (1189 г.)..... 303	
Германские крестоносцы в Антиохии 304	
Посольство Патриарха Амори де Лиможа и «принятие креста» Ричардом Львиное Сердце..... 305	
Короли Франции и Англии и их помощь Антиохии..... 306	
Первый поход князя Боэмунда III к Латакии (1191 г.) и мирный договор с Салах-ад-Дином в Бейруте (1192 г.)..... 308	
 Глава V. Семьдесят лет борьбы: франки, ромеи и армяне в Сирии и Киликии (1192—1252 гг.) Война за антиохийское наследство и ее последствия для христиан Леванта.....	 312
I. Королевство Киликийской Армении.....	312
Расцвет государства Рубенидов..... 312	
Ромеи и франки в Киликийской Армении. Византийское и латинское влияние на армян Киликии 314	
Коронация Левона I Рубенида..... 318	
II. Рождение Антиохийской коммуны 319	
Антиохия на границах Киликийской Армении. Захват Баграса 319	
Пленение князя Боэмунда III и сдача Антиохии..... 320	
Восстание в Антиохии 323	
К вопросу об обоюдной ненависти ромеев и армян. Предшествующие столкновения между ромеями и армянами в Антиохии (978, 1076 гг.)..... 324	
Провозглашение Антиохийской коммуны 327	
Различие интересов франкского бюргерства и нобилитета в Антиохии . 328	

Консолидация горожан Антиохии. Антиохийская коммуна как яркий пример коллективной самоидентификации	330
Первые деяния коммуны. Освобождение Боэмунда III. Новый договор между правителями Антиохии и Киликийской Армении	332
III. Война за Антиохийское наследство. Первая стадия (1198—1207 гг.).....	334
Кампании франков на сиро-ливанском побережье (1197 г.). Франкское завоевание Сидона, Бейрута и Гибелета. Второй поход князя Боэмунда III к Латакии	334
Вопрос о наследовании престола Антиохии. Раймонд-Рубен	337
Первая узурпация Боэмунда IV (1198—1199 гг.).....	338
Начало войны за Антиохийское наследство (1201 г.)	340
Осада Антиохии (1203 г.).....	343
Междоусобная война в графстве Триполи (1204—1205 гг.). Новый поход короля Левона к Антиохии (1204 г.)	345
Осада Антиохии (1207 г.)	353
IV. Антиохийская коммуна — структура, состав, преемство	354
Византийское влияние. Равноправное присутствие франков и ромеев в составе коммуны	354
Главы коммуны	356
Наследники Антиохийской коммуны.....	358
V. Церковь «греков» и Церковь «латинян» на землях Сирии, Киликии и Кипра. Новая эпоха (1192—1291 гг.).....	359
Православная Церковь на Кипре. Первые годы франкского правления и последующие реформы (1191—1231 гг.).....	359
Восстановление православного Патриархата в Антиохии. Патриарх Симеон II ибн Абу Саиб. Отлучение Боэмунда IV и франков Антиохии от общения с латинской Церковью	363
Новый латинский Патриарх Антиохии. Отлучение Левона I. Союз князя Боэмунда IV с латинскими Патриархами Заморской земли.....	368
Симеон II ибн Абу Саиб и православный Патриархат на землях Киликийской Армении (1211—1217 гг.).....	371
VI. Война за Антиохийское наследство. Вторая стадия (1208—1221 гг.).....	374
Взросление Раймонд-Рубена. Династические союзы Левона I Великого ..	374
Осада и взятие Антиохии (1216 г.). Восшествие Раймонд-Рубена на Антиохийский престол.....	376
Боэмунд IV и Пятый крестовый поход (1217—1218 гг.).....	380

Правление Раймонд-Рубена в Антиохии (1216—1219 гг.).	
Возвращение Антиохии князю Боэмунду IV Одноглазому.	
Бегство Раймонд-Рубена в Дамиетту (1219 г.).....	381
Смерть Левона I Великого. Война за престол Киликийской Армении.	
Поражение и гибель Раймонд-Рубена (1220—1222 гг.).....	385
Ромеи, мелькиты и армяне-халкидониты в войне за Антиохийское наследство и борьбе за престол Армении (1198—1222 гг.).	390
VII. Борьба за господство над Киликийской Арменией	
(1224—1226 гг.).....	393
Филипп Антиохийский — король Киликийской Армении (1224—1225 гг.).....	393
Война князя Боэмунда IV Антиохийского против Киликийской Армении (1225—1226 гг.). Смерть короля Филиппа.....	398
Утверждение династии Хетумидов на престоле Киликийской Армении	403
VIII. Последствия войн между государями Антиохии и Арменией. .	406
Конфликты Боэмунда IV и Константина Хетумида с латинской Церковью	407
Последние годы Боэмунда IV. Смерть и наследие Одноглазого князя.....	411
Боэмунд V	418
IX. Положение православного Антиохийского Патриархата на землях королевства Армении и княжества Антиохии-Триполи.....	422
Патриаршество Симеона II ибн Абу Саиба (1217—1242 гг.).	
Пребывание Патриарха в Киликии, Антиохии и Никее.....	422
Положение православных в княжестве Антиохии-Триполи. Связь Симеона II с епархиями на франкских землях. Проблема десятины.....	426
Патриарх Давид Антиохийский	431
Миссия Лоренцо дель Орте. Отношения папского легата с латинским Патриархом Иерусалима и православным Патриархом Антиохии. Восстановление православной архиепископии в Никосии...	434
Пребывание Патриарха Давида в Антиохии	438
Рим, восточные патриархи и латинское сопротивление унии.....	442
Патриарх Евфимий I Антиохийский. Изгнания и возвращения в Антиохию. Роль монголов, ромеев и грузин в восстановлении православного Патриарха	444
Пребывание Патриарха Евфимия I в Константинополе и Киликийской Армении. Восстание ромейской и армяно-халкидонитской знати против короля Левона II Хетумида	448

Парадоксы франко-византийского соприкосновения в восточном Средиземноморье. История Феодосия V Виллардуэна — Патриарха Антиохийского	452
Патриарх Арсений Антиохийский.....	458
Схизма 1287 г. Патриаршество Кирилла III и Дионисия I.....	459
Х. Православные Патриархаты Востока и правление латинян: осмысление эпохи франкского господства.....	461
Толерантность латинских государей и иерархов Заморской земли	462
Попечение римских понтификов о православных Востока	464
Положение Антиохийской Церкви. «Константинопольское пленение» и возвращение Антиохийского Патриархата в Левант	467
Королевство Киликийской Армении и православный Патриархат Антиохии.....	469
Православный Патриархат Антиохии под властью ромеев, франков и армян. Некоторые дополнения к истории взаимоотношений франков с «греками и сирианами» Антиохийской Церкви	470
Глава VI. Падение франкской Сирии. Эпоха монгольских и мамлюкских завоеваний	473
I. Боэмунд VI Красивый. Восшествие на престол и первые годы правления (1252—1260 гг.).....	473
Изоляция и упадок Антиохии при князе Боэмунде V (1233—1252 гг.).....	473
Воцарение Боэмунда VI Красивого. Союз княжества Антиохии-Триполи с королевством Армении.....	475
II. Монгольское завоевание Ближнего Востока.....	478
Хан Хулагу. Поход монголов в Персию и Левант	478
Взятие и разорение Багдада (1258 г.)	479
Взятие Алеппо (1260 г.).....	482
Антиохия и монголы. Оммаж князя Боэмунда VI Красивого хану Хулагу	484
Взятие Дамаска армией Китбуги-нойона, короля Хетума I и князя Боэмунда VI Красивого. Франкское завоевание Латакии и Джабалы (1260—1261 г.).....	487
Битва при Айн-Джалут (1261 г.).....	490
III. Воцарение Бейбарса и начало великих мамлюкских завоеваний.....	493
Первая мамлюкская осада Антиохии (1262 г.).....	494

Контрнаступления правителей Антиохии и Армении (1264 г.) и ответные кампании Бейбарса в Галилее (1266 г.). Взятие Сафед и осада Акры	495
Первое мамлюкское вторжение в Киликийскую Армению (1266 г.). Битва при Мари. Разорение Сиса, Мамистры, Аданы и Айаса. Вторая мамлюкская осада Антиохии	498
Новый поход Бейбарса (1268 г.). Взятие Яффы и замка Бофор. Первая мамлюкская осада Триполи и разорение Монт Пелерен	501
Третья мамлюкская осада Антиохии (1268 г.). Падение и полное уничтожение города	502
Апатия князя Боэмунда VI и смерть короля Хетума I	509
Мамлюкское завоевание Сафиты, Крака де Шевалье и Аккара (1271 г.)	511
Вторая мамлюкская осада Триполи. Прибытие Девятого крестового похода и спасение города (1271 г.)	514
Смерть князя Боэмунда VI Красивого. Осада Латакии и сдача Кусаира (1275 г.)	515
Второе мамлюкское вторжение в Киликию (1275 г.)	518
Поход туркмен и мамлюков на Киликию. Битва у Мараша (1276 г.). Последующие кампании Бейбарса на севере (1277 г.)	519
Поход хана Мунке, короля Левона II Хетумида и царя Димитрия II в Сирию. Первая битва у Хомса (1280—1281 гг.)	521
Вторжение курдов и туркмен в Киликийскую Армению. Битва у Тель Хамдуна (1282 г.)	522
Смена правителей в Ильханате (1282—1284 гг.)	522
Мамлюкское завоевание Валансии и Маркаба (1285 г.)	523
Мамлюкское завоевание Латакии (1287 г.)	523
IV. Падение последних оплотов христианского господства в Сирии (1287—1293)	524
Смерть Боэмунда VII — последнего князя Антиохии-Триполи (1287 г.) ..	524
Кризис наследования в Триполи. Провозглашение Триполийской коммуны (1287—1289)	530
Осада и падение Триполи (1289 г.). Уничтожение города мамлюками	535
Падение Акры и последних франкских городов на сиро-ливанском побережье (1291 г.)	541
Мамлюкское завоевание последних владений короля Армении в северной Сирии (1292—1293 гг.)	544
V. Массовые истребления христиан и уничтожение христианского наследия на Ближнем Востоке	545

Гонения мамлюкских султанов против православного населения Леванта. Кара, Александрия, Иерусалим, Черная гора.....	546
Плач Георгия Пахимера о падении государств Заморской земли	549
К вопросу о позднейшей полемике и конфессиональном восприятии истории: сопоставление византийских и антиохийских текстов с описаниями греческих историков османского и позднейшего периодов. «История Антиохийских Патриархов» Констанция I Синаита	550
VI. Киликия и Кипр — пристанища сирийских христиан.	
Последние походы христиан Киликии и Кипра в Сирию.....	551
Франки и ромеи в Киликийской Армении	551
Миграция сирийских франков и ромеев на Кипр. Титулярные государи Антиохии, Триполи, Галилеи и Эдессы в пределах Кипрского королевства	553
Новый поход монгольских, киликийских и грузинских войск в Сирию. Третья битва у Хомса (1299 г.)	555
Франкские походы в пределы бывшего графства Триполи (1300—1301 гг.).	557
Последние походы монголов и киликийских монархов в Сирию. Битва у Мардж ас-Суффара (1302—1303 гг.).....	558
Петр I де Лузиньян и последний поход кипрских франков к берегам Сирии	559
Последние следы греко-латинского соприкосновения эпохи крестовых походов. Замки и церкви франков, перешедшие к православным в период мамлюкского и османского господства	561
Приложения.....	563
Карта Сирии и Киликии.....	564
Перечень правителей и церковных иерархов XI-XIII вв.	565
Библиография.....	588

С.П. Брюн

Ромеи и франки в Антиохии, Сирии и Киликии XI—XIII вв.

ТОМ II. Соприкосновение латинян
и христиан-ромеев в Сирии и Киликии XII-XIII вв.
Церковь, история, секулярная культура

Сдано в набор 02.10.2015.
Гарнитура «Greta Text Pro».
Формат 60х84/16. Бумага офсетная.
Тираж 100 экземпляров. Заказ 237.

Отпечатано в ООО «ИПЦ „Маска“»
Москва, Малая Юшуньская, 1, корпус 1.
Тел. 8 495 510-32-98
www.maska.su, info@maska.su

Монография посвящена Сирии и Киликии эпохи крестовых походов (XI-XIII вв.) — как уникальному и малоизученному центру соприкосновения латинского Запада и византийского Востока. Впервые предпринята попытка объединить, в рамках единого исследования, историю церковных, военных, дипломатических, экономических и культурных контактов латинян и православных христиан (ромеев, мелькитов, грузин, армян-халкидонитов), связанных с Антиохией, Эдессой, киликийскими и северо-сирийскими государствами «Заморской земли» (княжеством Антиохийским, графством Эдесским, графством Триполи, королевством Киликийской Армении). Данная книга представляет собой достаточно разностороннее исследование, включающее подробную историю ромейских и франко-нормандских военных кампаний в Сирии и Киликии, описания городов, церквей и монастырей Леванта, обзор и анализ различных форм соприкосновения латинских и византийских христиан в сфере церковной, политической и культурной жизни средневековой Сирии и восточного Средиземноморья. Автор опирается на широкий круг источников — от средневековых хроник, посланий и хартий, до многочисленных монографий и публикаций западных и отечественных исследователей XIX-XXI вв.

Книга предназначена для широкого круга читателей, интересующихся историей Византии, Латинского Востока, крестовых походов, межхристианских отношений, церковной историей.